3 1761 08106703 5

РУССКОЕ

ОБОЗРѢНІЕ

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКІЙ и НАУЧНЫЙ

ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ТРЕТІЙ.

ТОМЪ ТРЕТІЙ.

AP
50
R46
v.3
June

1892.

B118411

ІЮНЬ.

LIBRARY
DEC 10 1973
UNIVERSITY OF TORONTO

Москва.
Университетская типографія, Страстной бульваръ.

Стр.

I. ВЪ ТУРКМЕНІИ. (Путевые очерки.) Гл. VIII—X. **Е. Л. Маркова.** *(Окончаніе.)* 453

II. НОВАЯ САНДРИЛЬОНА. Романъ. (Изъ современныхъ французскихъ нравовъ.) Гл. XXI—XXIV. **Гр. Е. А. Саліаса.** 508

III. ГРАФЪ МИХАИЛЪ НИКОЛАЕВИЧЪ МУРАВЬЕВЪ (ВИЛЕНСКІЙ) въ главнѣйшія эпохи дѣятельности, государственной и общественной. По новѣйшимъ библіографическимъ даннымъ. **Князя Н. К. Имеритинскаго**... 530

IV. НЕЗАБВЕННОЕ. Стихотвореніе. **Виктора Мюра**..... 571

V. ГОЛОДЪ У ЖИВОТНЫХЪ И ЕГО ВЛІЯНІЕ НА ПРОГРЕССЪ И РЕГРЕССЪ ИХЪ РАЗВИТІЯ. **Н. Ю. Зографа.** 572

VI. СТАРЫЕ СЧЕТЫ. Повѣсть. Часть вторая. Гл. IX—XII. **Н. Д. Ахшарумова.** 594

VII. НАШИ ИЛЛЮСТРАТОРЫ. *(Продолженіе.)* Гл. VIII—XI. **С. Васильева** 622

VIII. СЕЛЬСКО - ХОЗЯЙСТВЕННЫЕ ВОПРОСЫ. Гл. IX. **С. А. Ермолова** 642

IX. ЧЕРНИЛЬНОЕ ПЯТНО. Соч. **Рене Базена.** (Переводъ съ французскаго.) 677

X. ЗАРАЗНЫЯ БОЛѢЗНИ ВЪ МОСКВѢ. Гл. III. *(Окончаніе.)* **А. Г. Петровскаго**..... 748

XI. РОЗА ЦЕТИНЬИ. Романъ **Е. Вальдъ-Зедвица.** (Переводъ съ нѣмецкаго.) Гл. VII—VIII..... 761

XII. МУЗЫКАЛЬНОЕ ОБОЗРѢНІЕ. **Н. Д. Кашкина**..... 784

XIII. СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ. Свиданіе Государя Императора съ Императоромъ Германскимъ и поѣздка Великаго Князя Константина Константиновича въ Нанси. — Князь Бисмаркъ и графъ Каприви.—Появленіе холеры въ предѣлахъ Россіи..... 789

XIV. ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ. **Л. Н. Воронова** 794

XV. КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ:

1) *Журналы Комитета Министровъ.* Т. I. и II. Спб. 1891. *(Окончаніе.)* **П. В. Безобразова**..... 826

2) I. *Сочиненія М. В. Ломоносова,* съ объяснительными примѣчаніями академика М. И. Сухомлинова. Изданіе Императорской Академіи Наукъ. Томъ первый. Съ портретомъ. С.-Петербургъ, 1891 (XVIII+320+503). II. Гоѳолія (Athalie), трагедія Ж. Расина, въ 5 дѣйствіяхъ, въ стихахъ (1691). Переводъ съ французскаго, размѣромъ подлинника, Льва Поливанова. Москва, 1892 (CLXI+XI+88). **С. Васильева** 843

3) Маршалъ Макдональдъ и его „Воспоминанія". *Souvenirs du Maréchal Macdonald, duc d. Tarente.* Paris. 1892. **Д Гессе.** 863

4) Alexander Michie. *Missionaries in China.* London. 1891. **Кн. Э. Э. Ухтомскаго**..... 877

5) I. Раскопки Шлимана. *Въ Троѣ, Тиринѳѣ, Микенѣ, Орхоменосѣ, Итакѣ подъ освѣщеніемъ современной науки* составлено Dr. Карломъ Шухгардъ. Съ двумя портретами Шлимана съ супругой. 7 картъ и планы и 321 снимокъ. 2-е улучш. и дополнен. изд. б. 8°.4—05 стр. Лейпцигъ, Ф. А. Брокгаузъ, 1891., II. Восточная литература и наука языковѣдѣнія. 1) *Bibliotheca Sanscrita or Catalogue of New and Second-Hand Books on Sanscrit Literature* 8° *64* стр. London, Kegan Paul, Trench, Trubner & C°. Limitet 57 and 59 Ludgate Hill, London, E. C. 2) *Oriendal Catalogue № II of New and Second-Hand Books on Sale at Kegan Paul, Trench, Trubner & C°,* Limitet, London, Paternorin Honse, Charinz Closs Bond. W. C. 8° 36 стр. **Dr. Германа Бруннгофера**..... 879

ВЪ ТУРКМЕНІИ.

(ПУТЕВЫЕ ОЧЕРКИ)

(Окончаніе.)

VIII.

На развалинахъ древняго Меру.

Развалины Стараго Мерва начинаютъ уже давно охватывать насъ и справа, и слѣва, и спереди своими неисчислимыми каменными полчищами. Тутъ храмы, замки, башни, стѣны, дома, ворота... Не городъ, а цѣлая страна городовъ, сокрушенныхъ во прахъ... Казалось, мы въѣзжали все глубже и глубже въ полукругъ, занимавшій горизонтъ, а теперь уже конца края не видимъ этимъ развалинамъ: онѣ охватили насъ, какъ воды моря, сзади и со всѣхъ сторонъ...

Государево имѣніе „Байрамъ-Али“ занимаетъ одинъ изъ уголковъ этого колоссальнаго поля смерти. Отъ станціи желѣзной дороги оно въ нѣсколькихъ шагахъ. Цѣлый хорошенькій городокъ бѣлокаменныхъ построекъ сверкаетъ весельемъ молодости и новизны среди весенней зелени, на фонѣ голубаго неба. Зданія все обширныя, капитальныя, слегка въ мѣстномъ персидскомъ стилѣ, съ господствующимъ надо всѣмъ серединнымъ фронтономъ, съ тѣнистыми галлереями, арками, плоскими крышами, обнесенными красивою рѣшеткой. Вездѣ молодыя древесныя насажденія

на огромныхъ пространствахъ, сады, виноградники, аллеи, плантаціи, журчащія канавы.

Позавтракавъ и напившись чаю, мы отправились познакомиться съ управляющимъ имѣніемъ полковникомъ К—скимъ, живущимъ въ одномъ изъ этихъ прекрасныхъ, окруженныхъ зеленью, домовъ. Полковника, однако, не захватили дома,—онъ объѣзжалъ верхомъ свою экономію, и насъ направили пока въ другой хорошенькій домъ, къ его помощнику, капитану З—ша. Тутъ все военные чины и во всемъ военная дисциплина, единственно пригодная пока въ этомъ воинственномъ краѣ.

Мы познакомились по превосходнымъ фотографическимъ картинамъ капитана съ подробностями работъ на Султанъ-Бендской плотинѣ и получили отъ него обѣщаніе устроить намъ поѣздку въ самыя интересныя мѣста развалинъ Стараго Мерва. Что касается до пресловутой плотины инженера Козелъ-Поклевскаго, уже замѣненнаго теперь другимъ техникомъ, то она оказалась, во-первыхъ, верстъ за шестьдесятъ отъ имѣнія, а, во-вторыхъ, въ ней нечего было теперь смотрѣть, потому что вода Мургаба вымыла непрактично устроенные, хотя и дорого стоившіе, водосливы плотины и ушла вмѣстѣ съ ними въ старое русло рѣки; новыхъ же работъ на ней еще не производилось.

Говорятъ, г. Козелъ-Поклевскій впалъ въ крупную ошибку, сдѣлавъ свои предположительные разсчеты на возможность обводненія громаднаго пространства въ нѣсколько сотъ тысячъ десятинъ не по наблюденіямъ надъ дѣйствительнымъ количествомъ воды въ Мургабѣ, а по тому только остроумному соображенію, что Старый Мервъ, развалины котораго занимаютъ нѣсколько десятковъ квадратныхъ верстъ, долженъ былъ имѣть нѣкогда населеніе въ нѣсколько сотъ тысячъ душъ, которое все питалось тогда пересохшими теперь арыками Мургаба.

Мѣстные жители, особенно Персы, удивительно искусны въ дѣлахъ орошенія и запрудъ. Съ ними въ этомъ отношеніи не можетъ сравниться ни одинъ нашъ ученый инженеръ. Ихъ знанія или, вѣрнѣе, чутье, какъ обращаться съ водой,—наслѣдіе тысячелѣтій, еще отъ временъ какихъ-нибудь Бактрійцевъ. Здѣсь, въ Азіи, необходимо было прислушаться къ ихъ вѣскому голосу и руководиться ихъ многовѣковымъ опытомъ, прежде чѣмъ рисковать примѣнять теоретическія положенія науки къ мало изслѣдованнымъ условіямъ мѣстности и климата. Вѣдь тѣ же самые Персы или Туркмены строили старую плотину Бенди-Султанъ,

которая спокойно просуществовала многіе вѣка и была разрушена не стихіями, а руками бухарскаго эмира Маасума, всего только въ 1784 году, въ наказаніе за несносные набѣги кочевниковъ.

Капитанъ З—ша любезно проводилъ насъ къ г. Ч—ву, завѣдующему садоводственною частью Государева имѣнія. Ч—въ оказался добродушнѣйшимъ хохломъ и притомъ коллегой моимъ по Харьковскому университету, хотя и много позднѣе меня; онъ въ одно и то же время юристъ Харьковскаго университета и магистръ ботаники Новороссійскаго университета.

Вмѣстѣ съ нимъ и молодою женой его мы добросовѣстно выходили интересныя плантаціи молодыхъ деревьевъ, разводимыхъ имъ здѣсь, можно сказать, въ колоссальныхъ размѣрахъ. Тутъ, кажется, соединились всѣ благопріятныя условія для успѣха дѣла: чудодѣйственная сила зелени и солнца, искусство и настойчивость человѣка,—и широкія денежныя средства. Уже цѣлыхъ пятьдесятъ десятинъ готовыхъ древесныхъ питомниковъ доставляютъ молодые саженцы въ разные углы Туркменіи и Туркестана, а теперь ихъ доводятъ до ста десятинъ. Нельзя представить себѣ, гдѣ могутъ найти сбытъ въ этихъ полудикихъ странахъ такія массы молодыхъ деревьевъ. Положимъ, въ Туркменіи все по военному, и съ жителями не очень церемонятся. Прикажетъ генералъ-губернаторъ сажать вездѣ въ аулахъ, по дорогамъ, по арыкамъ бѣлую акацію или айлантъ, или какое-нибудь другое невиданное кочевниками дерево, ну и сажаютъ всѣ безъ разсужденій, покупая деревца въ питомникѣ сколько какому аулу приказано. Аксакалы знаютъ, что̀ имъ будетъ, если не будетъ исполненъ во всей строгости приказъ грознаго командира края. Знаютъ это еще лучше начальники уѣздовъ. Улицы и площади городовъ засаживаются точно также обязательно и точно также безъ дальнихъ разговоровъ. Кромѣ того, много молодыхъ деревьевъ требуется въ разныя области Туркестанскаго края.

Такимъ способомъ уже раскуплено изъ питомниковъ Байрамъ-Али до 770.000 деревьевъ. Нельзя не признать великой заслуги этихъ благодѣтельныхъ насадителей дерева въ пустыняхъ Туркменіи, въ царствѣ зноя, песковъ и засухи. Если гдѣ можетъ быть и должна быть оправдана строгость власти, то именно здѣсь. Сами Туркмены благословляютъ и всегда будутъ благословлять

властительную руку, которая, хотя и помимо воли ихъ, дастъ прохладу ихъ жилищамъ, отраду ихъ глазу, а вмѣстѣ съ тѣмъ вкусный плодъ и даровой строительный матеріалъ.

Мнѣ разсказывали въ Асхабадѣ, что за девять мѣсяцевъ управленія генерала Куропаткина онъ насадилъ въ области 80.000 деревьевъ.

Громадные питомники Байрамъ-Али содержатся превосходно; вездѣ все вскопано и полито, вездѣ тщательно раздѣленныя узенькія грядочки и отрадно журчащая вода арыковъ, доходящая, можно сказать, до каждаго корешка. Персики, три года назадъ посѣянные, уже смотрятъ большими деревьями и покрыты плодами; трехлѣтняя виноградная лоза гнется отъ гроздей; еще только апрѣль, а уже абрикосы почти спѣлые. Подборъ растеній въ этихъ образцовыхъ плантаціяхъ самый интересный. Тутъ вы найдете не только миндаль, грецкій орѣхъ, разныя породы ясени и акацій, но и деревья многихъ рѣдкихъ породъ изъ Китая, Индіи, Мексики. Мандарины и евкалиптусъ тутъ растутъ рядомъ съ нашими обыкновенными лѣсными породами. А между тѣмъ морозы тутъ бываютъ довольно жестокіе; въ нынѣшнюю зиму доходило до 25°, и множество южныхъ растеній погибло. Отъ того-то, вѣроятно, у мѣстныхъ жителей, несмотря на жаркій климатъ и тучную почву, такъ мало разводится всякихъ растеній. Въ этомъ отношеніи широкое и разнообразное садоводство Байрамъ-Али является въ высшей степени поучительнымъ опытомъ и ободряющимъ примѣромъ для Туркменъ.

При садовыхъ заведеніяхъ Байрамъ-Али находится и хорошо устроенная метеорологическая станція, постоянно слѣдящая за климатическими явленіями этой новой для насъ мѣстности. Сады и плантаціи Байрамъ-Али, конечно, всѣ орошаются водой арыковъ, для подъема которой устроены вблизи экономіи огромныя черпальныя колеса съ ковшами. Безъ искусственнаго орошенія здѣшняя почва—безплодный кусокъ камня. А въ этихъ странахъ вода значитъ все: плодородіе, доходъ, богатство.

Впрочемъ, пока Байрамъ-Али еще весь въ будущемъ, а затрачиваемыя на него крупныя средства кладутся пока какъ фундаментъ для предполагаемыхъ доходовъ грядущихъ лѣтъ. Настроено много и красиво, служащихъ уже собралось достаточно много, и они, кажется, не могутъ жаловаться на свое положеніе, но настоящаго хозяйства еще не заведено. Скотъ и лошади держатся только для потребностей служащихъ и рабочихъ, посѣвы

тоже производятся только на удовлетвореніе собственныхъ нуждъ экономіи. Насколько оправдаются всѣ эти затраты и хлопоты—увидятъ тѣ, кто этого дождется.

Мы отправились на объѣздъ развалинъ со своимъ мервскимъ извощикомъ въ томъ же фаэтонѣ, въ которомъ пріѣхали. Насъ провожалъ въ качествѣ хозяина этой исторической пустыни любезный капитанъ З—ша. Полковникъ К—скій прислалъ намъ, кромѣ того, ловкаго джигита, отлично знающаго здѣсь всякій камешекъ, и гостепріимное приглашеніе отобѣдать въ его семьѣ по возвращеніи изъ поѣздки.

Развалины Стараго Мерва, или Куня-Мерва, какъ называютъ его Текинцы, — это цѣлая страна. Намъ говорили, что онѣ тянутся въ одну сторону на 32 версты, въ другую на 28, а нѣкоторые увѣряютъ, что онѣ занимаютъ пространство во 100 квадратныхъ верстъ. Я готовъ вѣрить и тому, и другому, потому что сколько часовъ ни ѣдешь по нимъ, все никакъ не выѣдешь, и все видишь ихъ на необозримое пространство направо и налѣво, впереди и сзади себя. Даже на другой день, когда мы покидали Байрамъ-Али уже въ вагонѣ желѣзной дороги и неслись, такъ-сказать, на крыльяхъ пара, а не трусили лошадиною рысцой,—и то эти безчисленныя обрушившіяся башни, стѣны, дома, провожали насъ очень долго по сторонамъ дороги.

Развалины Стараго Мерва тянутся однако не сплошь, а гнѣздами. Это цѣлый лабиринтъ разрушенныхъ крѣпостей, замковъ, городковъ, между которыми нерѣдко ѣдешь изрядно-большими пустырями, не сохранившими на себѣ никакихъ слѣдовъ человѣческаго жилья.

Огромная крѣпость, носящая названіе Байрамъ-Али-Ханъ-Кала и давшая имя пріютившемуся около имѣнію Государя, находится очень близко отъ него и отъ станціи желѣзной дороги. Высокія слегка зубчатыя стѣны его, со множествомъ четырехъугольныхъ и круглыхъ башень, охватывающія огромное пространство, хорошо уцѣлѣли почти на всемъ протяженіи. Онѣ глинобитныя, какъ и всѣ почти здѣшнія укрѣпленія. Видъ этой крѣпости очень оригиналенъ и живописенъ. Ея стѣны и башни спалзываютъ и поднимаются по всѣмъ изгибамъ холмистой нескомъ занесенной мѣстности, представляя собою при каждомъ поворотѣ самые романтическіе пейзажи.

Ворота, входъ — это главное средоточіе и главная красота среднеазіятскаго зодчества, которое вѣрнѣе всего назвать персидскимъ. Персія среди разныхъ Туркменій и Бухарій всегда была своего рода изящною и цивилизованною Италіей среди грубыхъ европейскихъ государствъ прежнихъ вѣковъ. Ея искусство, ея языкъ, ея поэзія и нравы всегда служили сосѣднимъ съ нею магометанскимъ ханствамъ Средней Азіи недосягаемыми образцами для подражанія.

А персидскій стиль храма, дворца,—это входной фронтонъ колоссальной величины, подавляющій и заслоняющій собою все зданіе, вѣрнѣе, воплощающій его въ себѣ. Вся изысканная роскошь, вся замысловатая фантазія чувственнаго и изнѣженнаго персидскаго Востока, во многомъ уже не похожаго на суровую и упорную страстность Востока арабскаго, сосредоточивается въ сверкающихъ яркими красками и затѣйливыми узорами украшеніяхъ этихъ гигантскихъ фронтоновъ. Поэтому и ворота городовъ персидскаго стиля всегда бываютъ особенно грандіозны и красивы.

Въѣздныя ворота въ Байрамъ-Али-Ханъ-Калѣ помѣщаются въ толщѣ цѣлаго укрѣпленнаго замка съ бойницами и башнями, сохранившагося довольно хорошо, и такого живописнаго, что было невозможно проѣхать мимо не набросавъ его въ свой путевой альбомъ.

Все пространство, охваченное стѣнами, покрыто развалинами домовъ и башень; онѣ торчатъ среди собственныхъ обломковъ, наваленныхъ вездѣ сплошными курганами, будто скелеты, поднявшіеся изъ своихъ могилъ.

Дворецъ Байрамъ-Али сохранился лучше всѣхъ остальныхъ построекъ крѣпости. Онъ глубоко ушелъ въ землю, потому что развалины и его самого, и окрестныхъ строеній, въ перемежку съ песками пустыни, наросли кругомъ него мощными слоями толщиной въ нѣсколько саженъ.

Не знаю, точно ли это дворецъ, какъ величаютъ его туземцы; своею архитектурой онъ скорѣе напоминаетъ мечеть: такой же, какъ на мечетяхъ, круглый куполъ изъ изящныхъ маленькихъ кирпичиковъ, такая же осмигольная серединная башня подъ этимъ пологимъ куполомъ, съ островерхими амбразурами оконъ, съ примыкающими къ ней спереди и сзади огромными входными арками двухъ фронтоновъ...

Мы спустились въ темную внутренность этого дворца-храма, словно въ подземную пещеру, по осыпямъ завалившихъ его

обломковъ. Тамъ то же впечатлѣніе мечети: центральная зала съ высокимъ круглымъ сводомъ и отъ нея въ стороны комнатки, ниши, проходы, подъ маленькими круглыми сводиками. Чуть замѣтные обрывки голубыхъ изразцовъ, каменныхъ узорчатыхъ арабесковъ когда-то сплошь украшавшихъ эти покои,—еще торчатъ кое-гдѣ на стѣнахъ и сводахъ...

Имя Байрамъ-Али-Хана еще очень живо среди Туркменъ. Это былъ храбрецъ, смѣло и удачно отбивавшійся отъ бухарскихъ полчищъ въ своей глиняной крѣпости. Съ 700 отборныхъ воиновъ онъ долго выдерживалъ бой противъ побѣдоноснаго Бухарскаго эмира Шахъ-Мурада. Бухарцы напали разъ на Мервъ въ отсутствіе Байрамъ-Али. Въ Мервѣ оставались однѣ жены и дочери, всѣ мужчины ушли въ походъ съ храбрымъ ханомъ. Тогда удалыя Туркменки сами сѣли на коней, взяли въ руки оружіе и бросились на Бухарцевъ. Узбеки, воображая, что это вернулся и ударилъ на нихъ Байрамъ-Али, разбѣжались въ паническомъ страхѣ.

Старинная кирпичная кладка видна не въ одномъ дворцѣ и не въ однихъ воротахъ и замкахъ Байрамъ-Али. Большинство его простыхъ домовъ, лежащихъ въ развалинахъ, очевидно были сначала тоже кирпичными и потомъ были разрушены и надстроены сверху глиной или сырцовымъ кирпичомъ. Оттого-то такъ часто видишь нижніе ярусы изъ кирпича, а верхніе глинобитные, какъ всѣ обычныя небогатыя постройки Туркменъ, Персіянъ и Бухарцевъ...

При самомъ бѣгломъ обзорѣ этого разрушеннаго города, безо всякихъ историческихъ справокъ, уже сразу видишь, что здѣсь одна какая-то цивилизація наслѣдовала другой, и притомъ наслѣдница гораздо болѣе невѣжественная и скудная, чѣмъ ея предшественница. Мнѣ невольно вспомнилось, глядя на эти двусоставныя постройки, остроумное изреченіе современниковъ императора Павла по поводу надстройки имъ кирпичомъ начатаго Екатериной 2-ю мраморнаго основанія Исаакіевскаго собора:

„Вотъ памятникъ, двумъ царствіямъ приличный:
Низъ мраморный, а верхъ кирпичный...“

Выѣзжаешь изъ крѣпости Байрамъ-Али другими воротами характернаго персидскаго стиля, между двухъ коническихъ башень, еще болѣе изящными и живописными, чѣмъ въѣздныя ворота.

Сложены эти ворота удивительно искусно и красиво изъ превосходно выжженныхъ тонкихъ кирпичиковъ, будто узоръ, сплетеный изъ какой-нибудь каменной тесьмы. Голубыя фаянсовыя кафли, когда-то облицовывавшія ихъ, теперь уцѣлѣли только кое-гдѣ, въ видѣ грустнаго воспоминанія о прежнемъ величіи.

Изъ лощины, гдѣ прячутся выѣздныя ворота, вы попадаете въ неохватный мертвый городъ. Развалины домовъ, караванъ-сараевъ, базаровъ, бань, отдѣльныхъ укрѣпленныхъ замковъ—тѣсными дружинами толпятся на вашемъ пути и уходятъ вдаль со всѣхъ сторонъ, куда только хватаетъ глазъ. Бугры песку, нанесенные на кучи развалинъ, обратили эту безмолвную, какъ гробъ, равнину въ настоящій лабиринтъ громадныхъ могильныхъ насыпей.

Ни кустика, ни деревца среди этихъ глиняныхъ и каменныхъ скелетовъ, среди этой пустыни мертвецовъ... Ни звѣря, ни птицы, ни человѣка. Зачѣмъ и кто пойдетъ сюда?

Странные высокіе конусы въ видѣ индійскихъ пагодъ, издали словно расчерченные циркулемъ частыми круговыми линіями, оказываются вблизи искусно сложенными изъ глины и камня ступенчатыми шалашами громадной величины, хранившими нѣкогда въ своихъ прохладныхъ утробахъ самое дорогое и рѣдкое на югѣ лакомство—ледъ. Капитанъ З—ша съ нашимъ Американцемъ доставили себѣ головокружительное удовольствіе взобраться по ступенчатымъ стѣнкамъ одного изъ этихъ своеобразныхъ ледниковъ на самую вершину его.

За развалинами домовъ, этимъ, такъ-сказать, историческимъ кладбищемъ, потянулось на далекое пространство настоящее старинное кладбище: могилки, красиво выложенныя кирпичиками, простые глиняные холмики, каменныя гробницы, часовни съ характерными мусульманскими купольчиками, безъ счету и мѣры насыпаны, наставлены вездѣ. Центръ и слава этого древняго кладбища — „гробница двухъ братьевъ“. Два брата эти были первые сокрушители языческаго еще Мерва, первые распространители въ немъ ислама въ дни первыхъ арабскихъ халифовъ-завоевателей, а по бухарскимъ источникамъ, даже сподвижники самого пророка.

„Гробница двухъ братьевъ“—это двѣ мечети типическаго персидскаго стиля: два громадные каменные фронтона, каждый между двойными столбами, стоятъ рядомъ, спаянные между собою маленькою каменною аркой. Глубокія ниши, вырѣзанныя остро-

верхою аркой, характерною для арабскаго и персидскаго Востока, занимаютъ почти все пространство этихъ фронтоновъ. На боковыхъ ихъ столбахъ въ прежнее время несомнѣнно возвышались стройныя иглы минаретовъ, давно, повидимому, разрушенныя. Это отняло, конечно, много стиля и красоты отъ знаменитой гробницы, но и въ теперешнемъ своемъ видѣ она все-таки поражаетъ путника своимъ роскошнымъ величіемъ среди безбрежныхъ полей, обломковъ и мусора.

Внутренность нишъ остается еще сплошь выложенною сверкающими голубыми и синими изразцами съ обычными хитросплетенными узорами восточной фантазіи. Колонки минаретовъ и наружныя стѣны мечети тоже были нѣкогда одѣты въ эту пеструю и яркую фаянсовую одежду, но уже большею частью оголились теперь.

Самые гробы двухъ братьевъ стоятъ въ маленькихъ часовенькахъ предъ этими великолѣпными голубыми фронтонами. Онѣ изъ сѣраго мрамора и покрыты восточными надписями. Но меня увѣряли, что профессоръ Жуковскій, сдѣлавшій недавно археологическую экскурсію въ Старый Мервъ, прочтя эти надписи, убѣдился, что онѣ не имѣютъ никакого отношенія къ Байрамъ-Али, и что, безъ сомнѣнія, они были привезены впослѣдствіи изъ какого-нибудь завоеваннаго города въ замѣну давно разрушенныхъ гробовъ основателей мервскаго ислама. Профессоръ Жуковскій, какъ разсказывали намъ, пробовалъ дѣлать раскопки въ Старомъ Мервѣ; но средства его были такъ незначительны, а матеріалъ ему представлявшійся такъ громаденъ, что почтенный изслѣдователь не могъ добиться ничего существеннаго.

Обѣ мечети-фронтоны пошатнулись уже въ разныя стороны, правая слегка направо, лѣвая—гораздо замѣтнѣе налѣво; у лѣвой даже боковыя колонны надломились посрединѣ. Ихъ, кажется, сдерживаетъ пока каменная спайка. При первомъ хорошемъ землетрясеніи, я увѣренъ, „два брата“ окончательно разсорятся другъ съ другомъ и лягутъ костьми туда же, куда легли въ теченіе вѣковъ всѣ ихъ здѣшніе былые братья; историческая мервская святыня перестанетъ услаждать своими чудными узорами изумленный взоръ путешественника, и неохватная Божья нива мертваго города не представитъ ему тогда ничего кромѣ песчаныхъ бугровъ да каменныхъ обломковъ...

За Байрамъ-Али нужно ѣхать въ другую часть Стараго Мерва—Искандеръ-Калà. Джигитъ увѣрялъ насъ, что Байрамъ-Али—

персидскій городъ, Искандеръ-Калà—туркменскій городъ. Это очень можетъ быть, и джигиту-Текинцу этого нельзя не знать. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что на мѣстѣ древняго Мерва возникали послѣдовательно многіе города, и что владычество Иранцевъ и Туранцевъ, цивилизованныхъ Персовъ и дикихъ степныхъ кочевниковъ, чередовалось здѣсь много разъ въ теченіе тысячелѣтій. Байрамъ-Али-Ханъ-Калà со своими мечетями, дворцами, воротами, прекрасно сохранившимися стѣнами и башнями, носитъ на себѣ несомнѣнные признаки неособенно давняго персидскаго пребыванія здѣсь. Съ другой стороны, Искандеръ-Калà тоже пахнетъ неподдѣльною туркменщиной. Стѣны его почти совершенно разрушены, такъ что видны большею частью только одни громадные валы, внутри стѣнъ—тоже хоть шаромъ покати: груды обломковъ, курганы мусора, битый кирпичъ и черепица, обильно усыпающія песчаную почву, яма на ямѣ на каждомъ шагу; сейчасъ видно, что тутъ немало копались, отыскивали старинные клады, и разрушали все, что̀ было можно разрушить. Для туркменскихъ становищъ, для войлочныхъ кибитокъ какихъ-нибудь Сарыковъ или Текинцевъ—эта безотрадная равнина смерти такъ же привычна, такъ же удобна, какъ и всякая другая безплодная песчаная пустыня. Они забирались со своими шатрами и стадами въ глиняныя стѣны этой огромной калы, чтобы безопасно отсиживаться отъ наступающихъ враговъ, не помышляя нисколько, какой священный историческій прахъ попираютъ они своими босыми ногами.

Но имя „Искандеръ-Калы“, къ счастью, сохранило далекому потомству память о древнемъ основателѣ этого города, великомъ завоевателѣ Востока—Искандерѣ.

Александръ Македонскій, впрочемъ, далеко не былъ первымъ основателемъ древняго Мерва. Начало его теряется, можно сказать, еще въ доисторическихъ потемкахъ. Бухарцы и Персіяне не даромъ считаютъ Мервъ самымъ старымъ городомъ всего міра.

Онъ упоминается еще въ Зендавестѣ, гдѣ Ормуздъ, богъ свѣта, ставитъ себѣ въ особую заслугу построеніе этого древняго города, говоря про него: „Я, Ормуздъ, создалъ Муру“.

Мервъ, Меру, Муру или Мауръ, какъ называютъ его въ Средней Азіи, считался „третьимъ мѣстомъ благодати въ царствѣ Ормузда“, по преданіямъ Зендавесты. И до сихъ поръ восточные книжники называютъ его по старой памяти „Шахиджеганъ“, то-есть „царь всего міра“.

Александръ Македонскій былъ въ Меру, столицѣ Маргіаны или Маргиніи, когда шелъ въ Бактрію, Согдіану и Индію. Воюя за Оксусомъ съ Согдами, онъ переправился обратно черезъ Оксусъ (то-есть Аму-Дарью) и „прибылъ къ городу Маргиніи", разсказываетъ Курцій. Тамъ онъ „выбралъ мѣсто для построенія шести городовъ вокругъ него, а именно, двухъ съ юга и четырехъ съ востока, которые были не въ дальнемъ между собою разстояніи, дабы по близости способнѣе было получить взаимную помощь. Всѣ оные города построены на высокихъ холмахъ и были тогда какъ узда побѣжденныхъ народовъ".

Страбонъ считалъ такихъ городовъ, построенныхъ Александромъ, не шесть, а восемь, а Юстинъ даже двадцать.

Эти разсказы древнихъ, быть-можетъ, объясняютъ и громадный обхватъ, который занятъ развалинами Стараго Мерва, и то, что развалины эти встрѣчаются не сплошь, а отдѣльными гнѣздами. Города древнихъ историковъ, разумѣется, были небольшія укрѣпленія въ смыслѣ древнерусскихъ городковъ, кремлей и острожковъ, то-есть огороженныя стѣной мѣста. Такими фортами Александръ очевидно опоясалъ громадный и многолюдный древній городъ, чтобы держать его въ повиновеніи съ помощью сравнительно небольшихъ силъ.

Теперешній Искандеръ-Калà, безъ сомнѣнія, и заключаетъ въ своихъ предѣлахъ развалины главнѣйшихъ изъ этихъ фортовъ или зáмковъ.

Многое заставляетъ думать, что города, которые въ такомъ множествѣ и съ такою быстротой Македонскій завоеватель строилъ среди безлюдныхъ степей пустыни силами своихъ солдатъ или окрестныхъ жителей, безъ предварительной заготовки строительныхъ матеріаловъ, не собирая ни откуда необходимыхъ мастеровъ, всѣ эти громко звучащія въ исторіи новорожденныя „Александріи" его были не что иное, какъ тѣ же глиняныя калы теперешнихъ Туркменъ и Бухарцевъ, вполнѣ достаточныя для сопротивленія первобытнымъ орудіямъ тогдашнихъ азіятскихъ народцевъ.

Квинтъ Курцій разсказываетъ, напримѣръ, что „Александръ, возвращаясь къ Дону (то-есть рѣкѣ Сыръ-Дарьѣ) и *сколько мѣстъ подъ станъ занято было, повелѣлъ обнести стѣною.* Городская стѣна вокругъ была 60 стадій. И сей *городъ приказалъ звать Александріею.* Означенное дѣло происходило съ такою поспѣшностію, что въ *17 дней отъ заложенія стѣнъ и домы достроены*

были. Воины другъ передъ другомъ рвались, чтобъ свой урокъ, который каждому данъ былъ, отдѣлать и показать прежде".

На безлюдныхъ глинистыхъ равнинахъ Сыръ-Дарьи, гдѣ не было вблизи ни лѣсовъ, ни камней, среди воинственныхъ кочевниковъ, набѣгавшихъ со всѣхъ сторонъ на войско Александра, разумѣется, въ такое короткое время и на такомъ огромномъ пространствѣ можно было возвести только глиняныя стѣны вокругъ глиняныхъ мазанокъ и только на такую простую, нетребующую искусства, работу было возможно раздавать уроки всѣмъ воинамъ подъ рядъ. Самая цѣль временнаго обезпеченія военнаго стана указываетъ на то, что Александру даже не представлялось особенной нужды заботиться о прочности построекъ.

Оттого-то и могло случаться, что нѣкоторыя военныя колоніи, или, вѣрнѣе, укрѣпленные лагери его, какъ, напримѣръ, Никея и Букефалосъ, построенные на рѣкѣ Гидаспѣ, *размыло дождями* пока онъ ходилъ въ глубь Индіи, такъ что на возвратномъ пути онъ долженъ былъ отстраивать ихъ вновь.

Если это такъ, то дѣлается понятно, почему всѣ эти многочисленныя Александріи почти не оставили по себѣ никакихъ слѣдовъ въ археологическихъ памятникахъ Азіи, почему, между прочимъ, и теперь предъ нашими глазами, въ стѣнахъ Искандеръ-Калà, не видно ничего кромѣ грудъ мусора и песку, въ то время какъ развалины какого-нибудь Персеполиса до сихъ поръ высятся въ самомъ грандіозномъ видѣ.

Но если мало осталось здѣсь камней временъ Македонскаго завоевателя, то имя его и его колоссальный образъ всецѣло еще живетъ въ легендахъ народовъ Центральной Азіи. Древніе наслѣдственные владѣтели маленькихъ ханствъ, лежащихъ по бассейну Аму-Дарьи, разъединяющихъ Афганистанъ и Индію отъ Бухары, всѣ эти владѣльцы Бадахмана, Вахана, Дарваза, Шагнана, Читрала и многихъ мѣстностей у границъ Кашмира, искренно убѣждены въ своемъ происхожденіи отъ великаго царя Искандера, и всѣ сосѣди ихъ также искренно вѣрятъ въ это. Знаменитый царственный историкъ Туркестана султанъ Баберъ и Абулъ-Фазиль, біографъ Акбара, оба говорятъ о македонскомъ происхожденіи этихъ мелкихъ династій и упоминаютъ *страну Кафферовъ* къ сѣверу отъ Пешавера, какъ мѣстопребываніе потомковъ Македонцевъ.

Таджики—коренные жители Бухары и Самарканда, жившіе

здѣсь много ранѣе Турокъ и, вѣроятно, потомки древнихъ Согдовъ и Бактрійцевъ,—считаютъ Искандера пророкомъ Божіимъ.

Туземцы Мерва твердо вѣруютъ, что нѣкогда великій ихъ Старый Мервъ былъ построенъ Искандеромъ и былъ при немъ столицей всей Азіи. Даже существуетъ темное преданіе среди Туркменъ, какъ увѣряетъ Бернсъ, что они сами произошли отъ воиновъ Александра, поселенныхъ въ степяхъ.

Мервъ, или Александрія Маргійская, дѣйствительно одно время былъ столицей большаго царства и славился во всей Азіи богатствомъ и торговлей своими, роскошью своихъ дворцовъ и мечетей и своимъ многолюдствомъ.

Арабскіе халифы династіи Омайядовъ, Іезидъ и Валидъ, въ концѣ VII вѣка мечомъ и копьемъ внесли магометанство въ пустыни древней Бактріи и Маргіаны, на берега Джейгуна (Аму-Дарьи), занятые тогда народами персидскаго корня, можетъ-быть, потомками Согдовъ, Бактровъ, Парѳянъ. Но уже въ концѣ IX вѣка, когда распался Багдадскій халифатъ, воинственное турецкое племя Саманидовъ надвинулось съ сѣвера изъ-за рѣки Сейгуна (Сыръ-Дарьи), овладѣло всею страной За-Джейгунскою, Бухарою и Самаркандомъ, пронеслось черезъ пески Туркменіи и захватило Хоросанъ—древнюю Персію. Съ той поры утвердилось за Среднею Азіей названіе Туркестана,—страны Турокъ,—и о власти арабской уже не было помину.

На низовьяхъ Джейгуна основалось тогда, между прочимъ, очень сильное турецкое владѣніе, далеко славившееся своимъ могуществомъ, Ховарезмъ, нынѣшняя Хива. Султаны Ховарезма покорили себѣ всѣ окрестные народы, и въ теченіе XII столѣтія царствовали въ Туркестанѣ, Хоросанѣ и восточной Персіи. Войска у нихъ считалось до 400.000. Ихъ-то столицей и была древняя Меру, наполненная несмѣтными награбленными и наторгованными богатствами и ставшая однимъ изъ прославленныхъ религіозныхъ центровъ ислама.

„Правовѣрные, собирайтесь радостно совершать ваши утреннія молитвы въ Нишапуръ, полуденныя въ Мервъ, вечернія въ Гератъ, а въ Багдадъ приходите молиться въ часъ полуночи!“ призывала поклонниковъ Магомета популярная религіозная поэма Персовъ.

Эта цвѣтущая столица Ховарезма погибла въ общемъ потопѣ монгольской расы, которая въ два пріема, сначала въ XIII, потомъ въ XV столѣтіи хлынула изъ своихъ невѣдомыхъ сѣверныхъ пустынь слѣдомъ за Турками.

Полчища Чингиса разбили наголову послѣднихъ султановъ Ховарезма—Магомеда и Джелаледина, и захватили ихъ земли, а черезъ 250 лѣтъ Тимуръ,—страшный „желѣзный хромецъ“,—въ концѣ разорилъ страны Турокъ. Сотни тысячъ людей были истреблены, сотни городовъ разрушены до основанія.

Одинъ Тулуй, сынъ Чингиса, овладѣвъ Мервомъ, истребилъ въ немъ, какъ увѣряютъ персидскіе лѣтописцы, 700.000 жителей.

Съ тѣхъ поръ желтый косоглазый кочевникъ,—истый сынъ Турана,—воцарился на долгіе вѣка въ цвѣтущихъ оазисахъ Маргіаны, Согдіаны и Бактріи, разбивъ свои войлочныя кибитки на мѣстѣ разрушенныхъ храмовъ и дворцовъ.

„Ты былъ свидѣтелемъ величія Альпъ-Арслана, возвысившагося до облаковъ; иди въ Мервь и созерцай его погребеннымъ во прахѣ!“ гласитъ эпитафія на гробницѣ Альпъ-Арслана, одного изъ Ховарезмскихъ царей Мерва.

Старый Мервь нѣкогда могущественныхъ Ховарезмскихъ владыкъ оставилъ однако по себѣ достойный его памятникъ,—мечеть султана Санджара.

Она и стоитъ, какъ подобаетъ надгробному памятнику, одна посреди громаднаго пепелища, унылымъ сторожемъ этой необхватной исторической могилы.

Это единственное зданіе Искандеръ-Калà, не обратившееся еще окончательно въ груду мусора. Величественная мечеть сохранила еще общія черты своей изящной архитектуры.

Это громадный круглый храмъ, увѣнчанный пологимъ куполомъ, такимъ же каменнымъ, какъ и самыя стѣны. Круглая серединная башня храма стоитъ на высокомъ четырехъугольномъ основаніи и окружена тамъ на верху сквозною каменною галлереей такою же четырехъугольною. Четыре грандіозные минарета возвышались прежде на каждомъ углу этой галлереи; теперь отъ нихъ уцѣлѣли только основанія, но и по нимъ можно судить объ изяществѣ и оригинальномъ вкусѣ разрушеннаго зданія. Голубые, синіе и зеленые изразцы самыхъ разнообразныхъ узоровъ еще мѣстами украшаютъ остатки минаретовъ и окна галлереи. Зданіе сложено изъ прекрасно выженнаго кирпича, тонкаго, плотнаго, удивительно аккуратнаго. Это своего рода шедѣвръ кирпичной кладки. Стѣны кажутся мелко и тщательно разчерченными какимъ-нибудь искуснымъ геометромъ. Особенно красива эта мастерская кладка въ арочкахъ оконъ, въ концентрическихъ слояхъ круглаго свода, гдѣ она образуетъ настоящіе узоры.

Внутри стѣнъ кирпичи значительно грубѣе и массивнѣе; маленькіе изящные кирпичики употреблены только на наружную облицовку. Куполъ точно также облицованъ безчисленными рядами этихъ кирпичиковъ; облицовка его уцѣлѣла только въ нижнемъ его поясѣ; верхъ же купола оголился и выглядываетъ теперь посрединѣ, какъ бухарская тюбетейка изъ обвязанной кругомъ нея чалмы. Отъ этого онъ кажется болѣе плоскимъ и придавленнымъ, чѣмъ онъ былъ въ дѣйствительности.

Внутри храмъ поражаетъ своею художественною простотой и величіемъ. Громадный куполъ съ круглымъ отверстіемъ въ серединѣ держится безо всякихъ подпорокъ надъ широкою площадью храма. Единственною скрѣпой ему служатъ его же собственныя ребра, пересѣкающіяся острыми дугами и представляющія собою только выпуклый узоръ на его внутреннихъ спускахъ. И куполъ, и стѣны внутри были прежде сплошь покрыты голубыми и синими изразцами, испещренными арабесками, какъ этого требуетъ персидскій архитектурный стиль. Но изразцы эти уцѣлѣли только мѣстами. Хищническія руки уже давно таскаютъ изъ знаменитой мечети древности, какъ изъ неистощимаго клада, всякіе строительные матеріалы.

Въ послѣднее время мечеть жестоко пострадала отъ невѣжественной алчности Армянъ, — подрядчиковъ нашей желѣзной дороги. Вмѣсто того, чтобы возить Богъ знаетъ изъ какой дали и за какую цѣну нынѣшній плохой кирпичъ, они сообразили, что для нихъ будетъ гораздо выгоднѣе воспользоваться даровымъ наслѣдствомъ султана Санджара и немилосердно стали разорять эту историческую древность. Они-то уничтожили послѣдній уцѣлѣвшій минаретъ, обваливъ для этого поддерживающій его уголъ храма. Русское начальство, провѣдавъ о такомъ армянскомъ вандализмѣ, стало уже ставить потомъ караулы къ знаменитой мечети, которую даже варвары Туркмены щадили, какъ былую религіозную святыню свою.

Я измѣрилъ шагами внутреннюю площадь храма. Каждая сторона его имѣетъ 42 аршина, а толщина массивныхъ нижнихъ стѣнъ цѣлыхъ семь аршинъ! Высота храма, судя на глазъ, не менѣе аршинъ 70 или 80.

Въ серединѣ храма до сихъ поръ стоитъ его главная реликвія— гробница султана Санджара, построившаго въ XII столѣтіи эту великолѣпную мечеть.

Конечно, это не подлинная гробница; вопервыхъ, она не могла

бы удѣлѣть до нашихъ дней послѣ страшныхъ погромовъ, которые такъ часто испытывалъ Мервь; а вовторыхъ, достаточно разсмотрѣть ее поближе, чтобъ убѣдиться въ ея несомнѣнномъ туркменскомъ происхожденіи: она сложена, вмѣсто всякихъ мраморовъ, изъ кирпича - сырца неуклюжимъ четырехъугольнымъ ящикомъ, на подобіе обычныхъ гробницъ здѣшнихъ кочевниковъ, и осѣняетъ ее обычная туркменская палка съ кускомъ тряпки, которую неизмѣнно видишь на могилѣ каждаго шейха.

Но тѣмъ не менѣе Туркмены почитаютъ этотъ гробъ стараго султана и заѣзжаютъ помолиться надъ нимъ.

Историческій храмъ уже довольно глубоко ушелъ теперь въ почву, потому что почва наросла кругомъ него цѣлыми курганами его же собственныхъ развалинъ. Оба входа въ него живописно чернѣютъ внизу, въ провалѣ каменныхъ осыпей...

Печальное чувство охватило мою душу, когда, удалившись на сосѣдній холмъ, я въ молчаніи смотрѣлъ на этого одинокаго свидѣтеля многовѣковой исторіи, заброшеннаго въ мертвой пустынѣ среди песковъ и развалинъ. Издали онъ уже не казался красивымъ, а темнѣлъ какимъ-то изуродованнымъ глинянымъ колоссомъ, подобно всѣмъ глинянымъ могиламъ и глинянымъ постройкамъ этого унылаго глинянаго края... Ни птица, ни звѣрь, ни зеленый кустикъ не оживляли безпріютной сплошной могилы, которую караулитъ этотъ полуразвалившійся каменный сторожъ, и только большія желтовато-сѣрыя черепахи, словно тоже слѣпленныя изъ глины и въ глинѣ зарожденныя, уныло и медленно, будто сами не зная зачѣмъ, перепалзывали съ одного глинистаго бугра на другой...

Джигитъ-Текинецъ, провожавшій насъ, тоже удалился въ сторону, за песчаный курганъ, и мнѣ было видно издали, какъ онъ, обратясь лицомъ къ Меккѣ, обливалъ изъ ладоней пескомъ свою голову, руки и грудь... Насталъ часъ вечерняго намаза, и мусульманину непзбѣжно нужно исполнить завѣтъ религіи, гдѣ бы ни захватилъ его этотъ священный часъ. Когда нѣтъ воды для омовенія, Коранъ разрѣшаетъ ему замѣнять воду пескомъ...

Меня тронула и пристыдила эта крѣпость своей вѣрѣ варвара-кочевника; а еще Туркмены считаются плохими мусульманами, почти не строятъ мечетей и имѣютъ очень мало муллъ; утреннія и вечернія молитвы, да священный намазъ—вотъ единственные обряды, которыхъ они искренно держатся. Но обряды эти, хотя и вошли въ религію Магомета, въ сущности гораздо

древнѣе ея и, можно сказать, лежатъ въ основѣ всѣхъ первобытныхъ религій Востока. Магометъ только заимствовалъ ихъ, какъ и многое другое, что̀ глубоко вкоренилось въ нравы азіятскихъ народовъ, и безъ чего исламъ потерялъ бы для Азіятца всякую привлекательность.

За Искандеръ-Кала̀ мы проѣхали еще третьимъ городомъ, расположеннымъ вправо отъ него и тоже составляющимъ часть необозримыхъ развалинъ Стараго Мерва.

У туземцевъ онъ называется характернымъ именемъ *Гяуръ-Кала̀*, „крѣпость невѣрныхъ“, стало-быть христіанъ.

Я не углублялся въ археологію Стараго Мерва и не знаю, существуютъ ли сколько-нибудь правдоподобныя предположенія ученыхъ о томъ, что̀ именно было на мѣстѣ теперешнихъ развалинъ Гяуръ-Кала̀.

Профессоръ Жуковскій здѣсь именно производилъ свои раскопки и остался, какъ я уже говорилъ, очень недоволенъ ихъ результатомъ. Но я не могъ не остановиться на одной догадкѣ, которая невольно напрашивается на умъ, когда слышишь въ устахъ магометанина знаменательное названіе „крѣпость Гяуровъ“, „крѣпость христіанъ“. Извѣстно, что въ первые вѣка христіанства оно проникло въ самыя недоступныя глубины Центральной Азіи, и даже далѣе, въ Индію.

Въ Бухарѣ, въ Самаркандѣ, въ Ферганѣ — вездѣ возникли многолюдныя христіанскія общины, строились церкви, управляли епископы. Особенно была распространена въ этихъ мѣстахъ ересь Несторія, которую преслѣдовали въ областяхъ, находившихся въ зависимости отъ греческихъ императоровъ, и послѣдователи которой естественно старались удаляться въ мѣстности, гдѣ они могли свободно исповѣдывать свое вѣроученіе.

Читая путешествіе Плано Карпини въ 1246 году въ глубину Монголіи, къ Великому Гогъ-хану (хану-Гаюку), поражаешься изумленіемъ, какое множество христіанъ находилось въ полчищахъ первыхъ наслѣдниковъ Чингиса и какое уваженіе оказывали ихъ вѣрѣ эти кровожадные вожди кочевыхъ ордъ. Это впрочемъ дѣлается понятнымъ, когда вспомнишь, что одна изъ женъ Чингиса и мать его были христіанки.

„Въ Батыевомъ войскѣ считается 600.000 человѣкъ, пишетъ, между прочимъ, Плано Карпини въ своей извѣстной *Libellus*

historicus, а именно, 160.000 Татаръ и 450.000 христіанъ и другихъ, то-есть невѣрныхъ." Плано Карпини даже упоминаетъ въ числѣ земель, покоренныхъ Чингисомъ, земли какихъ-то „Гуировъ" (terra Huirorum), очень напоминающихъ слегка искаженное имя „Гяуровъ"; „они были христіане несторіанскаго толка, и Монголы, побѣдивъ ихъ, приняли ихъ грамоту, ибо до того не имѣли никакого письма; теперь же эту грамоту называютъ Монгольскою", прибавляетъ къ своему извѣстію Плано Карпини.

Въ Мервѣ въ Средніе Вѣка тоже былъ центръ мѣстной христіанской церкви и имѣлъ свое пребываніе ея архіепископъ, которому были подчинены шесть епископовъ.

Очень можетъ быть, что „Гяуръ-Кала" есть не что иное, какъ развалины той части нѣкогда громаднаго города, гдѣ жили отдѣльно отъ магометанъ и язычниковъ тогдашніе мервскіе христіане со своими епископами и священниками. Основательныя раскопки этой мѣстности были бы поэтому особенно интересны для Европейцевъ.

Вечеръ приближался, и было необходимо покинуть, наконецъ, громадное историческое кладбище, среди безмолвныхъ могилъ котораго можно бродить цѣлыя недѣли, наталкиваясь каждый день на что нибудь новое. Заходящее солнце ярко освѣтило своими боковыми похолодѣвшими лучами безмолвную пустыню, и въ этой послѣдней вспышкѣ дня какою-то странною жизнію засверкали вдругъ вездѣ кругомъ насъ вдали и вблизи, будто смѣясь надъ нашими безсильными потугами проникнуть мыслью въ туманы далекаго прошлаго,—всѣ эти притаившіеся другъ за другомъ могильные курганы и всѣ торчащіе надъ ними каменные скелеты старыхъ мечетей, дворцовъ и башенъ...

Вездѣ, куда бы ни ѣхали мы по этому полю развалинъ, мы на каждомъ шагу видѣли кругомъ себя пересѣкающуюся сѣть глубокихъ пересохшихъ арыковъ. Нужно было много воды, чтобы напоить населеніе этого колоссальнаго города, считавшееся нѣкогда многими сотнями тысячъ. Старый Мервъ поился прежде большимъ древнимъ каналомъ Султанъ-Ябомъ, который теперь сухъ, какъ юдоль плачевная. Можно даже думать, что самая рѣка Мургабъ названа была такъ потому, что она была питательнымъ водянымъ каналомъ великаго Меру или Муру, „Муръ-ябъ".

Бухарскій эмиръ *Маасумъ* въ прахъ разорилъ въ 1784 году разбойничье гнѣздо Мерва, засѣвшее на перепутьи караванныхъ дорогъ, всѣ его укрѣпленія, дома, мечети. Онъ хотѣлъ, чтобы самая память о Мервѣ исчезла съ лица земли. 40.000 Мервцевъ онъ переселилъ къ себѣ въ Бухару, остальныхъ выгналъ въ Персію, уничтожилъ всѣ каналы и даже древнюю плотину Бенди-Султана, направлявшую черезъ Султанъ-Ябъ въ Старый Мервъ воды Мургаба. Съ тѣхъ поръ Куня-Мервъ обратился въ груды развалинъ, и только одни ссыльные Бухарцы присылались сюда нѣкоторое время на житье, какъ на каторжныя работы.

Туркменское племя Сарыковъ заняло послѣ этого Мервскій оазисъ и держалось въ немъ до 1861 года, когда Теке въ свою очередь вытѣснили ихъ южнѣе, къ Пенде, въ бывшую страну Салоровъ, этого благороднѣйшаго изъ туркменскихъ племенъ, считающаго себя родоначальниками стамбульскихъ Османлисовъ, и стали хозяевами оазиса.

Вечеръ мы провели у любезныхъ хозяевъ Байрамъ-Али въ ихъ комфортабельномъ помѣщеніи, въ обычной обстановкѣ цивилизованныхъ людей, такъ мало гармонировавшей съ впечатлѣніями той дикой пустыни, которая еще всецѣло наполняла насъ... Полковникъ К—ій—одинъ изъ болгарскихъ героевъ, раненый въ битвѣ, служилъ на Кавказѣ и въ Ташкентѣ и вообще хорошо знакомъ съ нашими азіятскими окраинами. Ни онъ, ни его молодая жена не тяготятся своею далекою пустыней, мужъ поглощенный новымъ и интереснымъ дѣломъ, а жена занятая воспитаніемъ дѣтей и музыкой. Мы довольно долго бесѣдовали сначала за сытнымъ обѣдомъ, потомъ кейфуя за чаемъ, со своими бывалыми и интереснымъ хозяевами и о болгарскихъ политическихъ дѣятеляхъ, которыхъ они всѣхъ близко знали, и о разныхъ туземныхъ ужасахъ, которыми обыкновенно бываютъ такъ напуганы путешественники, обо всѣхъ этихъ пендинскихъ язвахъ, рештахъ, сартовскихъ прыщахъ, скорпіонахъ, фалангахъ... Довольно поздно пришлось возвратиться домой и готовиться къ раннему отъѣзду съ утреннимъ поѣздомъ желѣзной дороги.

IX.

Пески Кара-Кумъ.

Черная желѣзная стоножка опять поползла по своей черной желѣзной тропкѣ, чуть пробитой въ желтыхъ пескахъ, сгибаясь на поворотахъ своими желѣзными суставами, гремя своими желѣзными лапами, потрясая воздухъ безлюдной пустыни своимъ желѣзнымъ воплемъ и извергая изъ себя черные клубы своего нечистаго дыханія.

Пустыня сторожитъ человѣка у самыхъ палатъ и садовъ Байрамъ-Али. Шагнулъ одинъ шагъ изъ этого оазиса воды, зелени, жизни,—и уже въ объятіяхъ ея. Она здѣсь царитъ, — и никто больше. Ничтожныя жилки воды бороздятъ только крошечный уголъ ея и къ нимъ сбилось все крошечное человѣческое населеніе, всѣ его аулы и городки. Но она осадила ихъ, она охватила ихъ со всѣхъ сторонъ своими несмѣтными силами, своимъ безбрежнымъ просторомъ, какъ море охватываетъ одинокую скалу острова.

Пустыня живетъ своею свободною могучею жизнью и не хочетъ знать никакой другой жизни рядомъ съ собою. Этотъ дикій звѣрь еще не укрощенъ никакими оковами и при первомъ взрывѣ гнѣва истребляетъ все, что̀ неосторожно приближается къ нему, что̀ наивно довѣряетъ его кажущемуся сонному покою...

Освѣщенные яркимъ солнцемъ обломки стѣнъ и башенъ Стараго Мерва, будто до̀бѣла обглоданные костяки, торчащіе изъ могильныхъ кургановъ, долго еще провожаютъ насъ издали. Они словно нарочно здѣсь на рубежѣ пустыни, чтобы наглядно подтверждать человѣку, какъ безнадежна его борьба со стихіей смерти...

Могильные холмы погребеннаго здѣсь великаго города древности незамѣтно переходятъ въ другіе могильные холмы,—холмы песковъ,—подъ которыми погребена всякая жизнь...

Курганы эти, сначала нѣсколько глинистые, съ каждымъ шагомъ дальше, въ глубь пустыни, дѣлаются все песчанѣе, и

наконецъ превращаются въ необозримыя полчища наваленныхъ другъ на друга холмовъ сыпучаго песку. Это такъ-называемые „барханы", или „банры". Нѣсколько станцій желѣзной дороги тянутся этими сплошными песками, которые въ самомъ узкомъ мѣстѣ своемъ имѣютъ не меньше 200 верстъ.

Впрочемъ, эти песчаныя могилы имѣютъ свою оригинальную могильную растительность, по крайней мѣрѣ, на краю пустыни.

Всевыносливые корни саксаула умудряются докопаться до необходимой имъ влаги, даже и въ горахъ сухаго песка.

Это настоящее верблюдъ-дерево: какъ верблюдъ—неприхотливое и терпѣливое, способное подолгу переносить голодъ и жажду; какъ верблюдъ—уродливое и какъ верблюдъ—крѣпкое.

Низкіе корявые кусты этого удивительнаго обитателя песковъ такъ капризно изломаны и изверчены въ каждомъ своемъ сукѣ, что дерево кажется издали не живымъ, а выгнутымъ изъ желѣзныхъ прутьевъ. Оно и видомъ какое-то желѣзное, сѣростальнаго цвѣта, да и твердо какъ желѣзо, до того, что топоръ не беретъ его. Сучковъ и вѣтвей въ немъ видимо-невидимо, словно огромная растрепанная метла торчитъ изъ песковъ. А корней и того больше.

Саксаулъ разрастается роскошнѣе въ темномъ нутрѣ утробы земной, чѣмъ на изсушающихъ лучахъ южнаго солнца. Когда песокъ обдуетъ около корня, съ изумленіемъ видишь какой густой букетъ толстыхъ канатовъ вгрызается, топырясь во всѣ стороны, въ рыхлыя нѣдра песчаныхъ кучучуровъ. Этими-то многочисленными, глубоко развѣтвляющимися присосками своими саксаулъ пьетъ соки жизни изъ безплодной и жесткой груди своей мачихи—почвы. Зелень этого дерева песковъ вполнѣ подходитъ къ безжизненному тону всей пустыни: на перевитомъ въ жгутъ сѣромъ стволѣ, покрытомъ шишковатыми наплывами, будто верблюжьи колѣнки мозолями, тускло мерцаетъ какая-то сѣрозеленая, сухая и блѣдная листва, скорѣе похожая на мягкую хвою можжевельника. Иные кусты даже въ весеннемъ цвѣту жалкая насмѣшка надъ цвѣтами и надъ весной! Эти мелкіе блѣдножелтые цвѣтки такъ же тусклы и худосочны, какъ и сама зелень саксаула.

Омертвѣвшіе сѣрые прутья прошлаго года, не успѣвшіе опасть за короткую зиму, густо перепутанными вѣниками наполняютъ собою чащу кустовъ и придаютъ имъ еще болѣе мертвенный видъ. Саксаулъ, даже и сухой, рубить очень трудно: онъ крѣпокъ,

какъ кость; но за то онъ и хрупокъ, какъ кость. Оттого его не рубятъ, а ломаютъ, или съ корнемъ выдергиваютъ изъ рыхлой почвы.

Одинъ изъ нашихъ старыхъ путешественниковъ, Кайдаловъ, хорошо познакомившійся со свойствами саксаула во время долгихъ странствованій по киргизскимъ степямъ, въ своей „Караванъ-запискѣ 1824—25 года“ въ такихъ характерныхъ выраженіяхъ описываетъ это своеобразное дерево:

„Крѣпость его удивительна; въ немъ заключается твердость необычайная; никакой топоръ не можетъ устоять противъ него. И какъ срубить его, кромѣ молодаго, почти невозможно, то и употребляется другое средство: стоитъ только сильнѣе ударить ногой подъ корень, и самое большое дерево свалится, но не сломится, а расколется. Оно такъ тяжело, какъ камень, а горитъ какъ масло. Запахомъ очень пріятно, но плода никакого не приноситъ. Вѣтви его очень тонки, мягки и съ удобностью употребляются въ пищу для скота. Особенно верблюды очень ихъ любятъ. Наконецъ, листъ на саксаулѣ толстый, продолговатый, желтоватый, который, какъ на соснѣ, бываетъ и зимой, и лѣтомъ все одинаковъ.“

Саксаулъ можно назвать „камень-дерево“; онъ не только крѣпокъ, какъ камень, но и безвредно, какъ камень, переноситъ по нѣскольку мѣсяцевъ сряду шестидесятиградусное пекло подъ вѣчно безоблачнымъ небомъ, какъ камень, можетъ жить среди полнаго отсутствія жизни. Трудно постигнуть, гдѣ почерпаетъ онъ эту свою невѣроятную силу выносливости. Хотя онъ глядитъ по наружности деревомъ смерти своего рода, но въ сущности это дерево величайшей жизненности. Не будь его, этого единственнаго кормильца и единственнаго украшенія мертвой пустыни, — пропали бы здѣсь и люди, и звѣри. Имъ кормится, имъ грѣется, подъ тѣнью его находитъ пріютъ все кочующее въ этомъ морѣ песковъ:—Туркменъ такъ же какъ и его верблюдъ, такъ же какъ джейранъ и дикій оселъ.

Вонъ посмотрите.—на кучугурахъ густо заросшихъ саксауломъ вилнѣется между кустами и рѣденькая уже пожелтѣвшая травка и какое-то блѣдное подобіе цвѣтовъ.

Конечно, теперь только половина апрѣля, и дождливые зимніе мѣсяцы успѣли пропитать сыростью даже всегда сухіе песчаные холмы, образовать на нихъ легкую корочку, въ которой могло угнѣздиться занесенное вѣтромъ сѣмячко. Конечно, въ

первыхъ числахъ мая тутъ уже не останется самаго легкаго слѣда этой мимолетной зелени. Но все-таки зелень эта могла пробиться наружу только подъ тѣнью саксаула, только въ слоѣ песка, удобреннаго его листьями и сучьями. Оттого-то тамъ гдѣ саксаулъ, то и дѣло видишь въ курганахъ черныя дыры звѣриныхъ норокъ; тушканчики, зайцы, джейраны и ослы держатся въ саксаульникахъ до наступленія палящихъ жаровъ лѣта.

Вонъ и рабочіе желѣзной дороги Армяне и Персы, разстеливъ халаты сверхъ кустовъ саксаула, прикурнули подъ ними отъ жара на сухомъ песку и спятъ сномъ праведныхъ, какъ въ раскинутомъ шатрѣ, отдыхая отъ утомительной работы. Тутъ же неподалеку курится потухающій костеръ изъ сухихъ сучьевъ того же саксаула, на которомъ они только-что варили себѣ кашицу. Саксаулъ, какъ видите, служитъ тутъ всѣмъ и всякую службу!

Да если хорошенько всмотрѣться, онъ держитъ въ своихъ рукахъ и самую эту грозную пустыню. Онъ смиряетъ и сковываетъ ея буйные пески, которые ежечасно готовы были бы двинуть свои истребительныя тучи на погибель всякой жизни, всякихъ усилій человѣка. Связываетъ и сковываетъ во всей буквальности. Когда безконечная лента желѣзной дорога вдвигается глубоко въ разрѣзы огромныхъ песчаныхъ холмовъ, взгляните вверхъ на эти разрѣзы: отовсюду выпираютъ и лѣзутъ изъ нихъ длинныя лохматыя лапы, словно лапы гигантской фаланги,—обитательницы этихъ песковъ; отовсюду тянутся и вцѣпляются въ землю натянутые, какъ корабельные канаты, темно-сѣрые корни саксаула. Только ими связываются сколько-нибудь, только ими сколько-нибудь прикрѣпляются къ родимой почвѣ эти исполинскія зыбучія волны песчанаго океана...

Послѣ проведенія черезъ пески Закаспійской желѣзной дороги Русское правительство строжайше запретило Туркменамъ истреблять саксаулъ въ мѣстностяхъ, прилегающихъ къ полотну дороги. Кого поймаютъ на порубкѣ, отбираютъ и арбу, и осла, и топоръ. Лучшаго огражденія какъ эти природные зеленые щиты, разставленные на всевозможныхъ разстояніяхъ кругомъ рельсоваго пути, разумѣется, придумать невозможно.

На станціи съ нами встрѣтился воинскій поѣздъ, направлявшійся изъ Самарканда въ Узунъ-Ада. Штукъ двадцать товарныхъ вагоновъ были биткомъ набиты солдатами разныхъ туркестан-

скихъ баталіоновъ, отчисленныхъ въ запасъ послѣ шестилѣтней армейской службы. Всѣ солдатики оказались изъ Пермской губерніи, такъ какъ ихъ нарочно сортировали по мѣстностямъ для удобства отправки. Я съ теплымъ родственнымъ чувствомъ потолкался между ними, заговаривая то съ однимъ, то съ другимъ. Среди песковъ азіятской пустыни, среди дикихъ туркменскихъ физіономій — эти подлинные русскіе люди казались мнѣ такими близкими братьями. Не шумливое веселье, а спокойное и глубокое счастіе свѣтилось въ глазахъ каждаго изъ нихъ, проникало все его существо. Я самъ чувствовалъ себя счастливымъ, глядя на эти простыя души, переполненныя младенчески радостнымъ сознаніемъ своей свободы, своего возвращенія въ далекое родное пепелище.

— Домой ѣдете? Довольны небось? спросилъ я одного бѣлобрысаго солдата съ покорно-кроткимъ выраженіемъ лица.

— Какже не довольны!... словоохотливо отвѣтилъ онъ, весь вдругъ осклабясь какою-то дѣтски счастливою улыбкой, отъ которой у него, казалось, засверкали и глаза, и бѣлые зубы, и все его безхитростное конопатое лицо.

— Женатый небось? Жинка ждетъ? продолжалъ я.

На бѣлобрысой физіономіи ротъ осклабился до самыхъ ушей.

— А какже-жъ! Законъ приняла, должна мужа ждать... Всего и пожилъ съ нею полтора года... только-что мальчёнка къ Покрову родила, а на Варвару меня въ полкъ угнали... сіяя и вмѣстѣ смущаясь отвѣтилъ солдатикъ.

Я подошелъ къ другой группѣ. Тамъ плечистый и рослый молодецъ не въ форменной бѣлой, а уже въ вольной кумачевой рубахѣ, расшитой желтымъ по красному, какою-нибудь мимолетною зазнобушкой, — ловко и увѣренно увязывалъ какой-то тючекъ, нажимая на него колѣномъ и перекидываясь въ то же время словами съ окружавшими его товарищами.

— И вы, ребята, тоже въ Пермскую? спросилъ я.

— Всѣ въ Пермскую, ваше благородіе... отвѣтилъ за толпу бойкій молодецъ.—Мы всѣ изъ-за Камня... Одного выводка... Такъ всѣ однимъ роемъ на свою сторону и потянемъ...

— Соскучились здѣсь небось, среди Азіятовъ?

— Какъ не соскучить, ваше благородіе! Добро бы своя россейская страна, а то дичь, мухамеды... Сами изволите видѣть: скверность одна! Церкви Божьей нигдѣ не увидишь... Не дождемся, когда на Русь выберемся!.. радостно вздохнувъ, заявилъ солдатъ.

— Теперь нисколько! теперь, братъ, чугунка,—не на своихъ толкачахъ песокъ мѣсить!.. Живымъ духомъ доставитъ!.. ухмыльнувшись довольною и самоувѣренною улыбкой, успокоилъ его одинъ изъ товарищей...

— По морю жь опять теперь проходы скрозь проходятъ, по Волгѣ-рѣкѣ проходы, по Камѣ-рѣкѣ—проходы... Теперь, братъ, порядки заведены не по старому!..

Мы успѣли побродить и по барханамъ, окружающимъ станцію, стало-быть, много или мало, а все-таки собственными ногами попирали великую пустыню.

Барханы кажутся зыбучими только издали. Когда же взбираешься на нихъ, то нога такого ничтожнаго насѣкомаго, какъ человѣкъ, даже едва оставляетъ слѣдъ въ этомъ плотно слегшемся и чрезвычайно мелкомъ пескѣ сѣробураго цвѣта. Только тяжелые толкачи нагруженныхъ верблюдовъ сколько-нибудь погружаются въ этотъ упругій песокъ. Но, конечно, это не мѣшаетъ вѣтрамъ пустыни поднимать когда имъ вздумается цѣлыя летучія облака изъ этихъ, повидимому, неподвижныхъ холмовъ!

Въ пескѣ бархановъ мы находили оригинальныя окаменѣлости самаго разнообразнаго вида: какія-то кристаллизованныя сверкающія звѣзды изъ темной массы, напоминающей сѣрный колчеданъ, какія-то спекшіяся фигуры и причудливые сростки, въ видѣ полипняковъ... Но еще чаще, чѣмъ эти загадочные палеонтологическіе обитатели песковъ, попадались намъ среди нихъ и понапрасну пугали насъ пресловутыя фаланги. Они быстро какъ на ходуляхъ перебѣгали черезъ песокъ на своихъ высоко-приподнятыхъ лапкахъ и не только не имѣли злостнаго намѣренія напасть на насъ, а еще сами удирали отъ насъ во всѣ лопатки. Впрочемъ, мѣстные жители увѣряютъ, что если замахнешься на фалангу палкой, то она прыгаетъ прямо на человѣка, и притомъ очень высоко. Этотъ длинный и крупный паукъ, съ тонко-перехваченнымъ, чуть не на двое порваннымъ тѣльцомъ, считается здѣсь опаснѣе даже скорпіона. У фаланги четыре кривые зуба, по два въ каждой челюсти, и она наноситъ ими четыре ранки, которыя болятъ очень долго. Скорпіонъ же кусаетъ не зубами, а вонзаетъ острое жальце своего вѣчно загнутаго вверхъ хвостика. Онъ жалитъ даже противъ воли,

автоматически; разъ онъ упалъ на васъ, жало его само собою вонзается въ тѣло. Если онъ ужалитъ въ палецъ, то распухнетъ вся рука до самаго плеча, но дня черезъ два обыкновенно проходятъ и боль, и опухоль.

Саксаулъ тянется сколько-нибудь сплошными кустами только до станціи Курбанъ-Кала. Дальше его уже почти невидно. Только изрѣдка торчатъ, затерянные въ пустынѣ, одинокіе кустики. Но это уже не тѣ сильные многовѣтвистые кусты, что̀ съ такою своеобразною живописностью провожали насъ до сихъ поръ на макушкахъ своихъ песчаныхъ холмовъ. Теперь это какія-то чахлыя деревца, въ нитку вытянутыя, аршина въ три высоты, съ мягкими плакучими вѣтвями, напоминающими затощавшую березку дальняго сѣвера, только еще блѣдиѣе, еще худосочнѣе. Издали они кажутся какими-то сквозными привидѣніями, такъ что солнечная тѣнь отъ нихъ на пескѣ кажется болѣе густою, чѣмъ они сами.

Съ Учь-Аджи начинаются голые пески. Они разрастаются все безотраднѣе къ станціи „Пески“ и особенно къ „Каракулъ-Кую“ и „Барханамъ“. Самыя названія станцій уже даютъ предчувствовать что-то зловѣщее. Ужасъ охватываетъ душу, когда окидываешь смущеннымъ взоромъ это безбрежное песчаное море, залитое ослѣпительнымъ сверканіемъ солнца...

Песчаные барханы безчисленными стадами горбатыхъ чудовищъ облегли жалкую муравьиную тропку нашей дороги, подымаясь далеко выше вагоновъ, и загораживаютъ отъ насъ все кругомъ. Они сѣрожелтые, какъ всѣ грозные хищники пустыни, какъ шкура тигра и льва, среди нихъ живущихъ въ нихъ зарождающихся. Степные вѣтры взбороздили поверхность бархановъ частою рябью, какъ морщинами живой кожи, и сдѣлали ее еще больше похожею на полосатую шкуру тигра.—этого звѣря пустыни, воплотившаго въ себѣ всю ея яростную стремительность, всѣ ея безпощадные инстинкты истребленія... Жутко ѣхать многіе часы черезъ это царство смерти! Горы, пирамиды, валы и гребни, глубокія котловины, узкія вьющіяся тѣснины—провожаютъ съ обѣихъ сторонъ безостановочно несущійся поѣздъ. Кажется, будто ѣдешь сквозь застывшее въ девятомъ валѣ безбрежное море, взбаламученное какимъ-нибудь тропическимъ ураганомъ, и еще все покрытое зыбью...

Чуть примѣтныя черныя линіи рельсовъ, отовсюду задвинутыя песками, представляются моему воображенію миѳологическою нитью Аріадны, которая одна помогаетъ намъ выбраться на свѣтъ Божій изъ этого безконечнаго лабиринта песчаныхъ волнъ...

Изумительно, какъ до сихъ поръ эти движущіяся громады, со всѣхъ сторонъ напирающія на едва расчищенную полосочку желѣзной дороги, не засыпали ее безслѣдно; казалось бы, для этого было достаточно одного мощнаго вздоха пустыни.

Французы, замыслившіе соединить свои алжирскія владѣнія со своею колоніей въ Сенегамбіи и перерѣзать для этого рельсовымъ путемъ великія пустыни Сахары, пріѣзжали, говорятъ, въ нашъ Закаспійскій край познакомиться съ тѣми хитроумными изобрѣтеніями, которыми генералъ Анненковъ обезпечилъ свою желѣзную дорогу отъ постояннаго заноса песковъ...

Они съ изумленіемъ увидѣли то, что̀ мы теперь видимъ, и убѣдились, не вѣря своимъ глазамъ, въ томъ, въ чемъ и мы въ эту минуту убѣждаемся,—что никакихъ защитъ отъ песковъ на Закаспійской желѣзной дорогѣ генерала Анненкова нѣтъ и не было и что со всѣмъ тѣмъ дорогу эту пески все-таки не заносятъ, а она себѣ по добру по здорову катаетъ ежедневно свои поѣзды отъ Каспія къ Самарканду и отъ Самарканда къ Каспію.

Единственное приспособленіе къ защитѣ отъ песковъ, которое я здѣсь замѣтилъ,—это вѣтки саксаула, положенныя рядами, метелкой наружу, по краямъ желѣзнодорожной насыпи въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ полотно сколько-нибудь приподнято надъ почвой. Но такихъ насыпей тутъ мало, а дорога большею частью врѣзается въ песчаные холмы и идетъ между ними въ глубокомъ руслѣ; тутъ ужь никакія вѣтки саксаула помочь не въ силахъ. Въ иныхъ же мѣстахъ рельсы лежатъ прямо на гладкой песчаной равнинѣ, такъ что нѣтъ возможности различить полотно дороги отъ окружающей почвы...

Защищаетъ путь отъ песчаныхъ заносовъ Николай Угодникъ и простая метелка. Солдатики-сторожа, солдатики-рабочіе сметаютъ себѣ потихоньку съ желѣзныхъ рельсовъ все что̀ наметаютъ на нихъ вѣтры пустыни, да и дѣло съ концомъ. Въ придорожныхъ караулкахъ тѣхъ станцій, которыя идутъ песками, для этого держится усиленный составъ рабочихъ. Кромѣ того, рабочіе берутся и въ самые поѣзда. Какъ только окажется, что путь гдѣ-нибудь занесенъ, походная команда сейчасъ же

вылѣзаетъ со своими метлами и въ нѣсколько минутъ расчищаетъ рельсы. Впрочемъ, далеко не всякій вѣтеръ порождаетъ заносы пути. Если вѣтеръ дуетъ вдоль пути, сзади или навстрѣчу поѣзду, то песокъ свободно проносится по скользкимъ рельсамъ и не задерживается на нихъ. Только пески, которые гонятся боковымъ вѣтромъ поперекъ рельсовъ, останавливаются ими и заметаютъ путь.

Песчаный океанъ перерѣзается однако не одною этою желѣзною нитью Аріадны: не одна только „Шайтанъ-арба“ („чортова повозка“), — какъ называютъ Туркмены локомотивъ,—путешествуетъ по этимъ сыпучимъ волнамъ.

Верблюдъ,—ветхозавѣтный „корабль пустыни“, который уже былъ старою старинной во дни первыхъ событій Библейской исторіи, при Авраамѣ и Іаковѣ,—еще продолжаетъ мѣрить своими неспѣшными и неутомимыми шагами безбрежныя песчаныя равнины, перенося на своемъ выносливомъ горбу, съ терпѣніемъ вѣрнаго раба, товары Хорасанцевъ, Афганцевъ и Индусовъ къ берегамъ древняго Оксуса, на базары Чарджуя и Карки, Бухары и Самарканда...

Великая пустыня песковъ, эта Сахара Средней Азіи, раздѣляющая Персію, Хорасанъ и Афганистанъ отъ бассейна Аму-Дарьи, отъ ханствъ Хивинскаго и Бухарскаго, обыкновенно величается туземцами Кара-Кумъ, „черные пески“; кочевники Средней Азіи вообще придаютъ это популярное у нихъ имя самымъ опаснымъ и безпріютнымъ песчанымъ равнинамъ своимъ, въ Киргизіи, Бухарѣ, Монголіи, точно такъ же какъ въ Туркменіи. Оттого вы встрѣтите на картахъ Средней Азіи далеко не одинъ „Кара-Кумъ“.

Но туркменскіе „Кара-Кумъ“—это пески изъ песковъ, пустыня изъ пустынь. Они тянутся отъ береговъ Каспійскаго моря, гдѣ въ 400, гдѣ въ 300 и 200 верстъ ширины до мелкихъ ханствъ, такъ-называемаго Афганскаго Туркестана, охватывающихъ верхнее теченіе Аму-Дарьи и его притоковъ, тамъ гдѣ стоятъ большіе торговые центры Азіятской пустыни Андхой, Маймене, Балхъ, Кундузъ и пр.

Тропы, пробитыя тысячелѣтіями, незамѣтныя какъ муравейные слѣдки на вспаханномъ полѣ, тянутся черезъ взбаламученные вѣтромъ пески Кара-Кума изъ Мерва, Герата, Мешеда, Маймене, на многія сотни верстъ, незабываемыя туземцами изъ поколѣнія въ поколѣніе; знаніе этихъ неуловимыхъ и запутанныхъ путей—есть великій талантъ и великая добродѣтель среди людей

пустыни. Караванъ-башп—вожакъ карамановъ—пользуется въ глазахъ кочевниковъ особеннымъ уваженіемъ и авторитетомъ; это своего рода мирный сардарь,—опытный вождь аламановъ. Караванъ-баши почти всегда богатый человѣкъ, потому что путеводительскій опытъ свой онъ почерпнулъ въ частыхъ и удачныхъ торговыхъ походахъ черезъ пустыни, имѣетъ много своихъ и наемныхъ верблюдовъ, и обыкновенно бываетъ больше другихъ участниковъ каравана заинтересованъ въ его благополучномъ и скоромъ прибытіи къ мѣсту назначенія.

Мы не разъ переѣзжали поперекъ большіе караванные пути пустыни и ѣхали подолгу рядомъ съ ними. Для неопытнаго глаза пути тамъ нѣтъ ровно никакого. Тотъ же глубокій сыпучій песокъ, какъ и вездѣ кругомъ; только частые слѣды верблюжьихъ ногъ, заплывающіе пескомъ сейчасъ же по проходѣ, и едва поэтому замѣтные даже въ тихую погоду, обозначаютъ какую-то смутную полосу, вьющуюся по холмамъ и ныряющую въ лощины. Точь-въ-точь невѣрные, сейчасъ же застилаемые слѣдки на нашихъ снѣжныхъ равнинахъ во время поземки. При малѣйшемъ вѣтрѣ слѣды эти замѣтаются дочиста.

Вотъ мы теперь ѣдемъ знойнымъ и совершенно тихимъ днемъ, а между тѣмъ всѣ гребни и макушки песчаныхъ барханов потихоньку курятся себѣ легкими дымками отъ какого-то незримаго дыханія необъятной равнины и потихоньку, но основательно заглаживаютъ все, что только могутъ сгладить.

Но тонкій глазъ караваннаго вожаки не нуждается въ этихъ грубыхъ признакахъ пути. Онъ скорѣе чуетъ, чѣмъ видитъ его. Ему достаточно изрѣдка только ухватить мимолетнымъ взглядомъ какую-нибудь высунувшуюся наружу бѣлую кость дохлой лошади или верблюда, какое-нибудь темноватое пятно среди дѣвственной желтизны песковъ, чтобы понять общее направленіе дороги. Караванъ-баши двигается со своимъ караваномъ черезъ пустыню какъ перелетная птица черезъ моря и степи, намѣчая себѣ только самыя крупныя, на большихъ разстояніяхъ разбросанныя примѣты пути, какое-нибудь соленое озерцо, какую-нибудь развалину древняго кудука, и какъ птица инстинктомъ направляется на нихъ.

Конечно, и верблюды играютъ тутъ немалую роль. Какъ наша умная крестьянская лошадь въ самую безнадежную снѣжную куру можетъ чутьемъ вывести къ жилью сбившійся съ дороги обозъ, такъ и верблюдъ, вѣковѣчный обитатель пустыни, привыкъ

чуять издалека сладостный для него запахъ воды, и самъ собою потянетъ къ колодцамъ, естественнымъ и единственнымъ станціямъ пустыни.

Всѣ многочисленные караванные пути, перерѣзывающіе въ различныхъ направленіяхъ пески великой Среднеазіятской пустыни, опредѣляются въ своемъ направленіи колодцами. На однихъ путяхъ они чаще, на другихъ рѣже, на однихъ обильнѣе, на другихъ скуднѣе, на однихъ соленѣе, на другихъ слаще; но все-таки каждый караванный путь есть не что иное, какъ рядъ колодцевъ ближе или дальше отодвинутыхъ другъ отъ друга и идущихъ послѣдовательною чредой черезъ всю пустыню отъ одного торговаго пункта до другаго.

На нѣкоторыхъ, конечно, самыхъ удобныхъ караванныхъ путяхъ колодцы встрѣчаются такъ часто и слѣдуютъ другъ за другомъ по такой ясно опредѣленной линіи, что невольно приходитъ въ голову, ужь не занесенное ли это русло какой-нибудь старой рѣки?

По крайней мѣрѣ я лично сильно подозрѣваю, что такъ-называемый „Іолъ-кую", этотъ самый короткій и очень старый караванный путь изъ Мерва къ Аму-Дарьѣ, по направленію къ Самарканду на Бурдалыкъ и Каршн, идущій нѣкоторое время почти по самой линіи нашей желѣзной дороги, а потомъ уклоняющійся отъ нея подъ легкимъ угломъ вправо, — есть не что иное какъ нижнее теченіе рѣки Мургаба, когда-нибудь доходившей до Аму-Дарьи и въ нее впадавшей, но въ теченіе вѣковъ заваленной песками, и теперь теряющейся въ пустынѣ безчисленнымъ множествомъ обезсиленныхъ мелководныхъ рукавовъ, болотъ и озерокъ.

Иначе трудно объяснить себѣ такое множество близкихъ другъ къ другу колодцевъ, направляющихся по прямой линіи отъ Мерва къ Аму-Дарьѣ и на картѣ производящихъ впечатлѣніе какого-то сплошнаго теченія.

Очень можетъ быть, что и другія подобныя же караванныя дороги, расходящіяся изъ Мерва какъ пальцы руки отъ ладони, напримѣръ Учь-Хаджи и Рафатакъ, направляющіяся прямо къ Чарджую, — тоже старинные рукава Мургаба. Вѣдь нужно же, въ самомъ дѣлѣ, думать, что и Мургабъ, и другіе притоки Аму-Дарьи, когда-нибудь да впадали же въ нее. А вѣдь теперь не только нашъ Мургабъ и Теджень, но и рѣка Балхъ, и рѣка Хулумъ въ Афганскомъ Туркестанѣ, текущія еще выше Мургаба

и менѣе подверженныя дѣйствію песковъ, тоже не достигаютъ волнъ Аму-Дарьи, а теряются за нѣсколько десятковъ верстъ отъ ея берега.

Конечно, преждевременному истощенію ихъ способствуютъ безчисленные арыки, которые на всемъ пути этихъ рѣкъ разбираютъ ихъ воду, но вѣдь и съ Мургабомъ та же исторія съ незапамятныхъ временъ!

Длинная цѣпь нагруженныхъ верблюдовъ, будто живая иллюстрація моихъ мыслей, стала медленно вылѣзать изъ закрытой барханами лощины на гребень песчаной гряды...

Старикъ-Текинецъ, кофейнаго цвѣта, въ бѣлой лохматой бородѣ и бѣлой лохматой шапкѣ, низко свѣсивъ съ крошечнаго ослика сухіе костяки своихъ босыхъ ногъ того же кофейнаго цвѣта, съ суровымъ безучастіемъ ѣдетъ впереди, не оглядываясь на ненавистную ему „шайтанъ арбу".

Въ рукахъ у него длинный шестъ, — знакъ его власти надо всѣмъ этимъ верблюжьимъ отрядомъ, — а къ сѣдлу его прикрѣпленъ конецъ шерстяной веревки, за которую привязанъ передній верблюдъ. Второй привязанъ къ первому, третій ко второму, и такъ дальше до послѣдняго верблюда, словно всѣ они нанизаны на одну бичеву, какъ связка бубликовъ.

Мирною неспѣшною походкой, выкованною тысячелѣтіями, взбираются на холмы гуськомъ другъ за другомъ, терпѣливо покачивая свою тяжелую ношу, эти прирожденные вьюки-звѣри, вырѣжутся на минутку своими уродливыми силуэтами на знойномъ фонѣ неба и исчезаютъ одинъ за другимъ въ глубокой впадинѣ, куда спускается караванная тропа, словно пустыня вдругъ разомъ проглатываетъ ихъ. Вонъ они еще разъ показались вдали на макушкѣ высокаго бархана, поднимаясь на него тою же медленною чредой, и еще разъ словно провалились въ незримую для насъ пропасть, и опять вынырнули, и опять погрузились куда-то, слѣдуя капризнымъ поворотамъ тропы, извивавшейся между этимъ необозримымъ архипелагомъ песчаныхъ холмовъ, нырявшей въ его котловинахъ и ущельяхъ, карабкавшейся на песчаные гребни, похожіе другъ на друга какъ двѣ волны, гдѣ ни одинъ кустъ, ни одинъ камешекъ на пространствѣ сотенъ верстъ не помогалъ замѣтить направленія и поворотовъ пути.

Верблюдъ, сѣробурый, какъ эти барханы, кажется, рожденъ

изъ песковъ и для песковъ. Мнѣ дѣлалось просто жутко слѣдить глазами за все болѣе и болѣе удалявшеюся отъ насъ кучкой верблюдовъ, которая казалась мнѣ издали жалкою одинокою комашкой, безнадежно затерянною среди неоглядныхъ волнъ моря...

Какъ найдутъ они среди нихъ свой путь, какъ выберутся они изъ этого безысходнаго лабиринта?

А между тѣмъ Азіяты до того привыкли къ своимъ старымъ караваннымъ дорогамъ и къ своей четырехногой живой повозкѣ, что до сихъ поръ гораздо охотнѣе и чаще возятъ товары изъ Россіи давно наѣзжаннымъ путемъ черезъ Оренбургскія степи на верблюдахъ, чѣмъ въ вагонахъ Закаспійской желѣзной дороги. Знающіе туземцы увѣряли меня, будто кружный путь изъ Москвы на Тифлисъ и Узунъ-Ада со всякаго рода перегрузками обходится для товара много дороже, чѣмъ прямой путь въ Ташкентъ и Самаркандъ на Оренбургъ.

За станціей „Барханами“ я съ удивленіемъ увидалъ вправо отъ дороги и недалеко отъ нея развалины каменной башни и примыкавшаго къ ней блокгауза.

— Чего вы дивитесь? въ пескахъ много такихъ развалинъ! остановилъ мои порывы одинъ изъ сидѣвшихъ въ вагонѣ мѣстныхъ жителей.—Вотъ проѣдемъ нѣсколько верстъ, такъ тамъ недалеко,—жалко намъ не будетъ видно съ дороги, — цѣлая куча построекъ въ одномъ мѣстѣ сбита; кругомъ пески голые... И понять даже нельзя, зачѣмъ строены. Городъ что-ли былъ старинный, кто его знаетъ?..

— А вы какже видѣли ихъ? полюбопытствовалъ я.

— Да во время работъ, когда желѣзную дорогу строили. Я тутъ на станціи подрядился кой-какой имѣлъ. Такъ въ свободное время забавлялись, ѣздили въ эти самые пески, за джейранами охотились, ну и видали много этихъ самыхъ развалинъ...

— А Текинцы? они ужь навѣрное знаютъ, что̀ это были за постройки?

— Ничего они не знаютъ. Говорятъ, караванъ-сараи были старинные... кудуки... то-есть, колодцы ихніе большіе... да такъ врутъ наобумъ... Почемъ имъ знать!.. А видно, что старина. Кирпичъ такой, что въ Асхабадѣ теперь не сдѣлаютъ... аккуратный

изъ себя, легкій, звонокъ, какъ серебро... Вотъ и въ Мервскомъ округѣ то же. Старый Мервъ видали? Такъ вѣдь тамъ помимо Стараго Мерва по всему Мургабу развалины старинныя. Мнѣ случалось къ Сарыкамъ ѣздить. Тамъ скрозь вездѣ башни, такія же вотъ какъ тутъ видите, города цѣлые въ развалинахъ... Древность, одно слово!

Въ сущности и удивляться нельзя, что въ пустынѣ этой столько развалинъ.

Вѣдь мы теперь въ самомъ сердцѣ древней Бактріи, классической страны песковъ и верблюдовъ. Не даромъ и зоологи называютъ двугорбаго верблюда Бактрійскимъ верблюдомъ.

Повидимому, Бактрія временъ Александра Македонскаго заключала въ себѣ теперешнія мѣстности Афганскаго Туркестана, по лѣвому берегу Аму-Дарьи, то-есть Кундузъ, Хулумъ, Балхъ, Андхуй, Маймене, и вмѣстѣ съ тѣмъ прилегающія къ нимъ песчаныя пустыни восточной Туркменіи, черезъ которыя мы теперь ѣдемъ. Развалины древняго города Бактры, разрушеннаго Чингисъ-Ханомъ, до сихъ поръ показываютъ около Балха, раскинутыя на 30 верстъ въ окружности, оттого Балхъ пользуется глубочайшимъ уваженіемъ Азіятцевъ; они считаютъ его однимъ изъ первыхъ человѣческихъ поселеній на землѣ и „матерью городовъ Востока“. По ихъ убѣжденію, возрожденіе древняго Балха будетъ означать приближеніе конца свѣта. Балхомъ онъ сталъ называться уже въ Средніе Вѣка. Прежде его знали подъ именемъ Бактръ. А Бактры были богатѣйшимъ торговымъ городомъ Азіи и центромъ караванныхъ дорогъ. Въ Бактрахъ было мѣстопребываніе Зердушты или Зороастра, основателя древней религіи Персовъ. Поэтому въ теченіе многихъ вѣковъ Бактры оставались главнымъ гнѣздомъ маговъ, послѣдователей его.

Теперь этотъ городъ, подобно Вавилону, Ниневіи, Бальбеку, служитъ, по выраженію Бёрнса, непстощимымъ рудникомъ кирпичей.

Но воспоминаніе о городѣ Бактрахъ и о странѣ Бактріанѣ сохранилось въ преданіяхъ народа. До сихъ поръ, какъ увѣряетъ Бёрнсъ, вся мѣстность между Балхомъ и Кабуломъ носитъ у туземцевъ названіе „Бахтаръ-Земинъ“ (страна Бахтаръ).

Александръ Македонскій проникъ въ Бактрію уже изъ-за Паропамиза (или Кавказа, какъ называли его тогда). До Бактріи

онъ нигдѣ не встрѣчалъ песковъ и пустыни, а двигался болѣе или менѣе населенными мѣстностями.

„Бактріанская земля многоразличное имѣетъ свойство, пишетъ псторикъ Александра Квинтъ Курцій. Индѣ растетъ довольно лѣса и изрядно винограда родится; тучная земля многими источниками напояется; на умѣренной хлѣбъ сѣется, а прочія мѣста скоту на пажити оставляются. *Большая же часть оной страны песчаная и безплодная и ради чрезмѣрной суши ни люди тамъ не живутъ, ни плоды не родятся; а когда вѣтры возстаютъ отъ Понтійскаго моря, тогда весь песокъ на степяхъ безъ остатка въ бугры сметается, который кажется великими холмами, и тогда всѣ знаки проложенныхъ дорогъ погибаютъ.* И того ради путешествующіе тѣми мѣстами, какъ плавующіе по морю, въ ночное время примѣчаютъ звѣзды, и по ихъ теченію управляютъ путь свой, и ночная темнота почти яснѣе дневнаго свѣта.

„Но гдѣ способнѣйшія мѣста, тамъ живетъ множество народа и лошадей довольно родится. Самыя Бактры, столичный городъ той страны, стоитъ подъ горой Паропамизомъ; подлѣ города течетъ Бактръ-рѣка, по которой и городъ и народъ называется.“

Читая это обстоятельное и ясное описаніе древняго псторика, можно его во всей буквальности примѣнить къ теперешнему состоянію песчаной туркменской пустыни и прилегающихъ къ ней плодородныхъ странъ по теченію рѣкъ, подобныхъ оазисамъ Мерва, Маймене, Балха и пр. За 22 вѣка до насъ, оказывается, здѣсь было еще большее многолюдство и еще большее плодородіе чѣмъ теперь; такъ же воспитывались славныя степныя лошади, такъ же вино добывалось изъ винограда. Но и Кара-Кумы, и барханы ихъ за то были тѣ же, тѣ же и караванные пути, и путевыя невзгоды. Видно, Азія не ушла ни на шагъ впередъ со времени Дарія Персидскаго.

Интересно описаніе похода Александра къ Оксусу (Аму-Дарьѣ), черезъ тѣ самыя раскаленныя песчаныя пустыни, которыя теперь безотрадно стелются кругомъ насъ, обжигая, кажется, самый воздухъ, и которыя тогда назывались Бактрійскими и Согдіанскими степями.

Александръ, оставивъ въ Бактрахъ обозъ, „самъ съ легкимъ войскомъ вступилъ въ Согдіанскія степи, продолжая путь нощнымъ временемъ“.

„Черезъ 400 стадій ни капли воды не найдено. Пески отъ

лѣтняго солнечнаго жара разгораются, *которые по распаленіи все какъ огонь разжигаютъ.*“

„Уста и внутренность совсѣмъ запекаются. Итакъ сперва духъ, а послѣ и тѣла ослабѣвали.“

Тутъ-то именно и случился тотъ эффектный эпизодъ, о которомъ историки и моралисты трубятъ юношеству который уже вѣкъ.

Въ самый разгаръ жара и усталости Александрова войска „изъ посылаемыхъ напередъ для занятія подъ станъ мѣста двое попались навстрѣчу, которые несли въ мѣхахъ воду для дѣтей своихъ, въ полкахъ находившихся“.

„И какъ они съ царемъ встрѣтились, то одинъ изъ нихъ, развязавъ мѣхъ, налилъ сосудъ воды и поднесъ Александру, который, принявъ воду, спросилъ: кому они несутъ? И увѣдавъ, что дѣтямъ, отдалъ имъ обратно, ни мало не пригушавъ, съ такимъ отвѣтомъ: „„мнѣ и одному пить, и такой малой мѣры на всѣхъ „раздѣлить—нельзя! Поспѣшайте, и дѣтей своихъ, для которыхъ „несете, напойте!““ Достигнувъ Оксуса, множество воиновъ Александра умирало тутъ же на берегу, опившись воды.

Оригинальна была переправа Македонянъ черезъ быстрины Аму-Дарьи.

„Судовъ не имѣлось, и моста черезъ рѣку сдѣлать было не изъ чего, потому что *около рѣки голыя степи, и лѣса никакого не находится.*“

Александръ приказалъ набить соломой кожаные мѣшки и лежа на нихъ воины переправлялись черезъ широкій Оксусъ. На шестой день все войско было уже на правомъ берегу Аму-Дарьи, въ Согдіанѣ, то-есть теперешней Бухарѣ.

Всѣ эти событія, отодвинутыя отъ насъ на разстояніе чуть не $2^1/_2$ тысячелѣтій, такъ еще нахнутъ теперешними дѣлами, теперешними условіями мѣстности, теперешними туземными обычаями, что, кажется, будто разсказъ идетъ не о походѣ Македонянъ на Согдовъ въ IV вѣкѣ до Рождества Христова, а о какомъ-нибудь недавнемъ Хивинскомъ или Ахалъ-Текинскомъ походѣ нашихъ геройскихъ русскихъ солдатъ.

Монгольскіе кочевники, сроднившіеся со степью, можно сказать, степью порожденные,—стѣснялись ею гораздо меньше, чѣмъ какіе-нибудь Македоняне. Когда великіе вожди завоеватели, подобные Чингису и Тимуру, объединили въ одно громадное царство всѣхъ кочевниковъ Азіи и почуяли свою грозную силу, то

они не могли, конечно, терпѣть, чтобы вольные пески пустыни одни не подчинялись ихъ всемогущей волѣ. Они строили среди этихъ песковъ колоссальные кудуки и робаты,—хранилища водъ,—проводили эти воды искусно устроенными водопроводами иногда за нѣсколько дней пути съ какой-нибудь горы или озера, воздвигали среди пустыни обширные караванъ-сараи для путниковъ и товаровъ ихъ, башни и замки для защиты, гробницы надъ могилами благочестивыхъ мужей, погибавшихъ въ степи.

Развалины этихъ-то грандіозныхъ сооруженій былыхъ деспотовъ встрѣчаются до сихъ поръ среди безграничнаго простора сыпучихъ песковъ, возбуждая недоумѣніе и удивленіе современнаго путешественника.

По преданіямъ Кашгарскихъ Сартовъ, какъ разсказываетъ въ своей книгѣ англійскій путешественникъ Робертъ Шоу, Чингисъ-Ханъ устроилъ водоемы на каждой стоянкѣ въ пустынѣ. Вода на всѣ его полчища заранѣе привозилась на верблюдахъ и вливалась въ водоемы. Въ шатрѣ его, увѣряетъ преданіе, помѣщалось 10.000 человѣкъ, а ханъ угощалъ своихъ гостей чаемъ въ чашкахъ изъ драгоцѣнныхъ камней.

Испанецъ Рюи-Гонзалецъ де Клавихо, отправленный въ 1403 году отъ Кастильскаго короля Генриха III посломъ къ Тамерлану и оставившій намъ любопытный разсказъ объ этомъ путешествіи, ѣхалъ въ Самаркандъ черезъ Трапезундъ и Ерзиганъ, стало-быть, не могъ миновать песчанаго моря Каракумовъ. Просвѣщенный гражданинъ тогдашняго цивилизованнаго европейскаго государства былъ пораженъ стройнымъ и строгимъ порядкомъ, съ какимъ монгольскій кочевникъ устроилъ почтовыя сообщенія въ своемъ необъятномъ пустынномъ царствѣ.

Черезъ каждый день пути содержались станціи на 100 и на 200 лошадей; въ степяхъ были выстроены огромные постоялые дворы, и окрестные жители обязаны были снабжать эти помѣщенія всѣми необходимыми жизненными припасами; гдѣ не было воды, всюду были проведены водопроводы. На дорогахъ поставлены были столбы для обозначенія разстоянія...

„Кто самъ не видѣлъ, тотъ не повѣритъ, какъ ѣздитъ этотъ проклятый народъ!“ въ наивномъ изумленіи заключаетъ Донъ-Клавихо.

Особенное уваженіе оказывалось царскимъ посланцамъ. Пословъ должны были угощать вездѣ; даже въ полѣ имъ разстилались ковры въ тѣни дерева, подавался кумысъ, хлѣбъ, рисъ

и баранина. Если жители города или села не угощали добровольно, то воины, провожавшіе пословъ, накидывали поясъ на шею первому попавшемуся прохожему и, сидя сами на лошадяхъ, тащили его за собою и били палками и ногайками, пока онъ не указывалъ имъ дома старшины.

„Люди, которые видѣли ихъ на дорогѣ и узнавали, что это царскіе слуги... принимались бѣжать точно будто дьяволъ гнался за ними“, повѣствуетъ простодушный Испанецъ. „А тѣ, которые были въ своихъ палаткахъ и продавали товары, запирали ихъ и тоже пускались бѣжать и прятались у себя въ домахъ; а проходя говорили другъ другу: Ельчи! то-есть посланники! такъ какъ уже всѣ знали, что съ посланниками приходили черные дни.“

Старшинъ тоже били дубинами и все, что̀ нужно, требовали даромъ.

„Если кто ѣдетъ по дорогѣ верхомъ, разсказываетъ далѣе Клавихо, будь онъ князь или кто-либо другой... и попадется ему такой человѣкъ, который ѣдетъ къ царю, и прикажетъ встать и отдать ему лошадь, потому что онъ ѣдетъ къ царю, или пошлетъ его съ какимъ-нибудь порученіемъ, онъ долженъ сейчасъ же исполнить и *не смѣетъ отказаться, потому что за это заплатитъ головой: такова воля царя.*“

По истинѣ Тамерлановская воля и Тамерлановская дисциплина! Но она тѣмъ не менѣе достигала своей цѣли, и пустыни Азіи дѣлались черезъ это доступными даже въ тѣ давніе темные вѣка.

X.

Переправа черезъ Аму-Дарью.

Теперь пустыня, можно сказать, перестала существовать. Желѣзная дорога убила ее. Нигдѣ какъ среди этого моря песковъ, въ которомъ погребено столько человѣческихъ жизней, въ которомъ люди въ теченіе цѣлыхъ тысячелѣтій терпѣли столько мучительныхъ трудовъ, лишеній, страданій, опасностей,—нигдѣ такъ наглядно не убѣждаешься въ неоцѣнимомъ значеніи парового пути. Эти, съ виду простыя, двѣ желѣзныя нити, что̀ чуть чернѣютъ среди песчанаго потопа, въ сущности связали истинно-желѣзными скрѣпами далекіе другъ отъ друга и всегда

разобщенные человѣческіе міры. Съ одной стороны онѣ желѣзными оковами легли на всѣ враждующія разрушительныя силы, разообщавшія Европу отъ Средней Азіи, опоясавъ собою, какъ разсыпанное колесо шиной, почти всѣ племена Туркменъ, отъ Іомудовъ у Каспійскаго моря и Гокдановъ за Атрекомъ, до Текинцевъ-Ахала и Мерва, до Кара-Туркменовъ Кара-Кума и Эрзари Аму-Дарьинскихъ береговъ.

Съ другой стороны, по этимъ гладкимъ рельсамъ съ неудержимою быстротой покатились и ворвались въ сердце Азіи не только товары Европы, но и европейскіе обычаи, европейскіе взгляды, европейскія знанія.

Я никогда не былъ сторонникомъ завоеваній и присоединеній къ Россіи азіятскихъ странъ. Не разъ выступалъ я въ печати со словомъ осужденія этой политики, съ точки зрѣнія собственно русскихъ интересовъ. Но если уже намъ суждено исторіей нести тяжелый крестъ цивилизованія полудикихъ азіятскихъ племенъ, если въ судьбахъ нашего народа предначертано ему водворять своимъ пòтомъ и кровью миръ и порядокъ въ странахъ вѣчнаго волненія и насилій, то нужно признать, что величайшею изъ нашихъ побѣдъ надъ разбойничьею Азіей, величайшимъ завоеваніемъ нашимъ въ странахъ далекаго Турана,—была эта желѣзная цѣпь въ полторы тысячи верстъ, которою мы привязали Азію къ Европѣ. Поразительное впечатлѣніе произвела постройка желѣзной дороги на туземцевъ Средней Азіи.

Можно сказать, только съ этой минуты покоренные нами народы Азіи поняли, что все для нихъ кончено, что старое никогда уже не вернется, что на шею ихъ надѣтъ желѣзный ошейникъ, котораго они не въ силахъ будутъ снять ни при какихъ условіяхъ. Эта исполинская работа, возбуждавшая при началѣ своемъ искреннія насмѣшки туземцевъ, твердо вѣрившихъ въ ея невозможность и предсказывавшихъ ея плачевный конецъ, потрясла этихъ дѣтей природы изумленіемъ и ужасомъ.

Что̀ послѣ этого оставалось невозможнымъ для Русскаго?

Народъ, который на своемъ огненномъ шайтанѣ переносится, какъ на крыльяхъ птицы, черезъ необозримую вѣковѣчную пустыню, черезъ непроходимые безводные пески, не нуждаясь ни въ колодцахъ Аллаха, ни въ молитвахъ дервишей,—чего не побѣдитъ онъ и передъ чѣмъ остановится?

Постройка Закаспійской желѣзной дороги была такимъ наглядным подвигомъ русской силы, безстрашія, мудрости, предъ

которымъ поблѣднѣла въ воображеніи восточнаго человѣка слава всякихъ Тамерлановъ и Искандеровъ.

Она вмѣстѣ съ тѣмъ открыла туземцамъ новые широкіе способы къ промысламъ всякаго рода, къ мирной выгодной наживѣ, показала имъ самымъ осязательнымъ и убѣдительнымъ для нихъ образомъ все преимущество твердаго государственнаго порядка и цивилизованныхъ учрежденій надъ невѣжественнымъ и необезпеченнымъ бытомъ ихъ прошлаго. Пока не было желѣзной дороги, Россія была не въ силахъ внести въ прочно установившуюся жизнь старыхъ азіятскихъ ханствъ существенно-новыхъ промышленныхъ началъ. Только рельсовый путь могъ дать громадный толчокъ среднеазіятской торговлѣ и зародить въ промышленныхъ центрахъ Азіи крупныя фабричныя и заводскія предпріятія, развивающіяся теперь не по днямъ, а по часамъ.

Нужно сказать великое спасибо талантливымъ и настойчивымъ людямъ, самоотверженными трудами которыхъ проложена была черезъ недоступныя пустыни эта живительная артерія, принесшая въ нее цивилизованную жизнь Европы.

Великое спасибо и за родную Россію, которая высоко стала въ глазахъ народовъ, просвѣщенныхъ и непросвѣщенныхъ, совершивъ такъ просто и скоро такой подвигъ Геркулеса, и за все человѣчество, которое въ этой дорогѣ получило незамѣнимое орудіе для своихъ просвѣтительныхъ и миротворныхъ задачъ въ одномъ изъ коренныхъ очаговъ дикости тьмы...

Противъ генерала Анненкова, энергическаго строителя Закаспійской желѣзной дороги, раздавались и продолжаютъ раздаваться много осуждающихъ и обвиняющихъ его голосовъ. Мы, русскіе люди, вѣдь особенно падки и особенно умѣлы на осужденіе самихъ себя. Я не имѣю ни возможности, ни желанія защищать строителя Закаспійской дороги. Я не знаю, совершены ли имъ какія техническія ошибки при этой постройкѣ, удовлетворительно ли представлены имъ отчеты по ней. Но я знаю одно, что генералъ Анненковъ совершилъ великое историческое дѣло, сработалъ работу изумительную по своей колоссальности. Я знаю, что каждая страна дорожитъ, какъ своею народною славой—именами людей, отмѣтившихъ себя въ исторіи благодѣтельнымъ для народа подвигомъ.

Постройка Закаспійской желѣзной дороги—несомнѣнный подвигъ. Поэтому я думаю, что несправедливо примѣнять обычный мелочной масштабъ канцелярій и бухгалтерій къ подобнаго рода

крупнымъ историческимъ дѣламъ. Постройка Закаспійской желѣзной дороги происходила при условіяхъ такихъ исключительныхъ, такихъ невообразимо тяжелыхъ, среди такихъ опасностей и неожиданностей, что ее невозможно учитывать по шаблонной мѣркѣ какого-нибудь шоссе между Калугой и Москвой. Никакая смѣта, никакія справочныя данныя не въ состояніи были предвидѣть и оцѣнить того, что могло случиться въ дѣйствительности при работахъ среди безводныхъ и безлюдныхъ пустынь, на тысячи верстъ удаленныхъ отъ торговыхъ и промышленныхъ центровъ, при полномъ отсутствіи кругомъ гражданскаго порядка и безопасности, можно сказать, въ вѣчной осадѣ едва покоренныхъ степныхъ разбойниковъ...

Проѣзжая по Закаспійской дорогѣ, я только чувствовалъ одно ея большое неудобство, совсѣмъ независимое отъ ея строителей. Мнѣ постоянно казалось, что отъ самаго Каспія я ѣду по какой-то безконечной узкой плотинѣ, ничѣмъ не обезпеченной, ни справа, ни слѣва. Направо, какъ говорится, сейчасъ же подъ локтемъ, провожаетъ васъ чуть не до самаго Мерва персидская граница, налѣво—песчаная пустыня, доступная только кочевымъ разбойникамъ. Отъ Мерва эта пустыня уже съ обѣихъ сторонъ, и узкая рельсовая лента буквально, какъ плотина, охвачена кругомъ моремъ песковъ.

Когда подумаешь, какъ далеко отсюда очагъ русской военной силы и русскаго промышленнаго богатства, когда вспомнишь, что пути сюда изъ Москвы и Нижняго пересѣкаются и горами Кавказа, и волнами Каспія, что нѣтъ сюда сплошнаго пути даже изъ нашей Кавказской окраины, то дѣлается какъ-то жутко за этотъ смѣлый починокъ русской гражданственности, такъ далеко ворвавшейся въ чуждыя ей стихіи. Невольно приходитъ въ голову, что въ случаѣ серьезнаго пожара, который можетъ не нынче-завтра охватить воспріимчивые народы Центральной Азіи, сообщеніе Россіи со своими далекими и разъединенными военными колоніями Мерва, Асхабада, Чарджуя, по этому узенькому беззащитному мостику въ полторы тысячи верстъ, врядъ ли будетъ возможно.

Невольно приходитъ въ голову и то, что наше наступленіе на Туркестанъ, на Индію, на Персію рельсовыми путями было бы

гораздо удобнѣе и прочнѣе по тѣмъ старинным историческимъ слѣдамъ, по которымъ въ теченіе вѣковъ русская народность привыкла напирать на Азію. Продолженіе Оренбургской желѣзной дороги на Ташкентъ, безъ того неизбѣжное въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ, было бы, мнѣ кажется, самымъ естественнымъ выходомъ русскихъ силъ въ степи и оазисы Турана. Дорога эта была бы обезпечена съ сѣверо-востока ближайшимъ сосѣдствомъ русской Сибири и новыхъ областей степнаго генералъ-губернаторства, Тургайской, Акмолинской, Семирѣченской и прочихъ, уже въ сильной степени обрусѣвшихъ и съ каждымъ днемъ привлекающихъ къ себѣ все больше и больше русскаго элемента. Кромѣ того, дорога эта служила бы непосредственнымъ продолженіемъ торговыхъ и военныхъ путей изъ самыхъ русскихъ угловъ Россіи и изъ политическаго и экономическаго центра—Москвы. Эта дорога опиралась бы на широкій и крѣпкій базисъ и была бы во всѣхъ обстоятельствахъ и во всякое время *своею дорогой*. Дальнѣйшая дорога изъ Ташкента и Кокана въ Самаркандъ уже теперь на очереди. Дорога изъ Самарканда въ Мервъ существуетъ и дѣйствуетъ. Всѣ эти дороги, выходя изъ Ташкента, какъ своего базиса, являлись бы передовымъ полкомъ русской силы среди азіятскихъ народностей, не оторваннымъ отъ главной рати ея, а тѣсно съ нею связаннымъ и надежно подпертымъ ею съ тыла.

Можно сказать, что по такой сплошной *Московско-Мервской* дорогѣ сама Москва ударяла бы прямо въ сердце Азіи, напирала бы всею присущею ею мощью на враждебныя намъ азіятскія государства и народности.

Торговое чутье восточнаго человѣка поняло это преимущество сплошной связи азіятскаго центра съ центромъ Россіи, и, несмотря на всю выгодность желѣзнодорожныхъ путей, жители Средней Азіи и Закаспійскаго края продолжаютъ привозить къ себѣ московскіе и нижегородскіе товары и отвозить въ Россію свой хлопокъ и шелкъ гужомъ на верблюдахъ черезъ Оренбургскія степи съ большею охотой, чѣмъ черезъ Закаспійскую желѣзную дорогу и каспійскіе пароходы Меркурія.

Намъ кажется, что Закаспійская желѣзная дорога, задуманная и осуществленная единственно въ цѣляхъ завоеванія туркменскихъ оазисовъ и нравственнаго вліянія на Персію, осталась отчасти при этихъ своихъ спеціальныхъ задачахъ и даже съ даль-

нѣйшимъ протяженіемъ своимъ къ Самарканду не могла достигнуть того военно-политическаго и торговаго значенія, которое несомнѣнно имѣла бы за собою Оренбургско-Мервская линія.

Съ дѣтскою радостью увидѣли мы наконецъ зеленую долину древняго Оксуса и ощутили освѣжающее вѣяніе его далекихъ еще волнъ. Какъ матросы Колумба, потерявшіе надежду когда-нибудь выбраться изъ синей глади океана, — мы готовы были крикнуть въ восторгѣ „земля, земля!“ Однообразныя пучины песчанаго океана оставались за нами, и вокругъ насъ начинали стелиться плодоносныя поля и тѣнистые сады Туркменъ Эрзари, заселившихъ оба побережья Аму-Дарьи на границѣ Бухарскаго ханства съ пустыней. Туркмены Эрзари больше другихъ подпали вліянію осѣдлаго населенія Бухары и разбойничаютъ меньше другихъ, во всякомъ случаѣ гораздо меньше Мервцевъ, этихъ недавнихъ разбойниковъ изъ разбойниковъ.

Въ садахъ и аулахъ своихъ Эрзари, какъ и всѣ Туркмены, живутъ только весной и лѣтомъ; на зиму они уходятъ въ пески, гдѣ разбиваютъ свои кочевья по близости какихъ-нибудь колодцевъ въ защищенныхъ отъ вѣтра котловинахъ. Зима здѣсь малоснѣжна, почти безснѣжна. Близъ горъ и рѣкъ, на глинистыхъ вязкихъ почвахъ, жить въ кибиткѣ зимой въ сезоны дождей слишкомъ сыро и грязно, а на пескѣ сухо, чисто и здорово. Кромѣ того, на горахъ снѣгъ слишкомъ глубоко заваливаетъ подножный кормъ для скота. Верблюдъ, овца, быкъ,—не въ силахъ бываютъ докопаться копытомъ до прошлогодней травы, какъ это они легко дѣлаютъ въ открытыхъ песчаныхъ равнинахъ, или совсѣмъ голыхъ, или чуть прикрытыхъ снѣжкомъ, хотя трава на нихъ, конечно, скуднѣе и тоще, чѣмъ въ плодородныхъ оазисахъ у горъ. Да въ пескахъ къ тому же значительно теплѣе, чѣмъ на берегу рѣки или у горъ, потому что пески хорошо нагрѣваются даже и зимнимъ солнцемъ. Лошадь свою Туркменъ никогда не выпускаетъ на пастбище. Онъ воспитываетъ ее заботливо, какъ Англичанинъ своихъ расовыхъ коней, увязываетъ ее всякими одѣялами и кормитъ посѣвнымъ сѣномъ-юрунджой, которое одно онъ только и сберегаетъ ради ея на зиму. Вообще меня поразило сходство туркменскаго воспитанія лошади съ извѣстными пріемами въ этомъ дѣлѣ Англичанъ. Какъ Англича-

нинъ, Туркменъ прежде всего заставляетъ выпотѣть своего коня, и еще жеребенкомъ задаетъ ему страшныя гонки.

Пока лошадь пьетъ жадно послѣ такихъ гонокъ, Туркменъ считаетъ, что она еще жирна, что ее нужно гонять больше. Кормъ ей дается тоже съ большимъ выборомъ, сухой и въ очень умѣренныхъ количествахъ. За то и результаты этого спартанскаго воспитанія, этого превращенія лошади въ сухаго поджараго бѣгуна, не вѣдающаго усталн,—по истинѣ изумительны! Хорошая туркменская лошадь можетъ дѣлать по 600 англійскихъ миль, то-есть по 1.000 верстъ, въ семь и даже шесть дней; на перегонкахъ своихъ Туркмены сплошь да рядомъ скачутъ безъ остановки 20—25 миль, то-есть 30 и 40 верстъ, и только такіе неутомимые сильные скакуны получаютъ награду и славу и цѣнятся какъ сокровище Туркменами. Хорошаго коня Туркменъ не продастъ ни за какія деньги, и это вполнѣ понятно, потому что вся жизнь и богатство Туркмена—въ его конѣ; налетѣть нежданнымъ вихремъ на какой-нибудь бухарскій или персидскій кишлакъ и умчать въ пески награбленную добычу, такъ чтобы никакая погоня не могла настигнуть его, — вотъ недавніе еще идеалы Туркмена и его единственный хозяйственный промыселъ. Понятно, что вся участь его зависѣла отъ быстроты и силы коня; понятно, что онъ и ухаживалъ за нимъ, какъ за любимымъ ребенкомъ.

Недавно еще путешественники могли слышать отъ Туркменъ такую наивную оцѣнку своихъ лошадей: „вотъ эту лошадь я купилъ за трехъ Персіянъ и одного мальчика, а эту за двухъ дѣвушекъ“.

Такая живая монета, можно сказать, на дняхъ еще была среди туркменскихъ разбойниковъ гораздо больше въ ходу, чѣмъ всякія тенги и тиллы.

Меня озадачилъ общій обычай Туркменъ кастрировать своихъ прекрасныхъ коней, что̀ такъ мало вязалось въ моихъ представленіяхъ объ азіятскихъ наѣздникахъ. Но и эта жестокая операція—тоже дѣлается ради легкости и быстроты бѣга, стало-быть, ради наживы и спасенія своей шкуры.

Плодородная береговая низина, заселенная племенемъ Эрзари, тянется на нѣсколько верстъ поперекъ. Поля ихъ обработаны необыкновенно тщательно; нѣкоторыя отлично укатаны; всякое

поле обнесено глинянымъ заборчикомъ и обсажено шелковичными деревьями; вездѣ глубокіе арыки, тоже среди аллей деревьевъ; всходы пшеницы, джугары, люцерны (юрунджи) превосходные. Чистая Бельгія или Саксонія, а ужь никакъ не Туркменія! За то пашутъ на быкахъ обычными первобытными деревянными плугами, которые видишь здѣсь по всему Востоку и которыми, безъ сомнѣнія, еще Церера пахала Грецію. Аулы Эрзари—это ряды укрѣпленій своего рода. Четырехугольныя пирамиды изъ битой глины съ плоскимъ верхомъ, съ одною маленькою дверочкой и однимъ еще меньшимъ окошечкомъ—вотъ обычные дома туркменской деревни. Болѣе богатые обнесены высокими стѣнами съ круглыми зубцами, съ конусообразными столбами вмѣсто башень, искусно сложенными изъ глины. Кладка стѣнъ идетъ тонкими слоями, которымъ даютъ постепенно высыхать и осѣсть, что̀ придаетъ стѣнамъ красивый рубчатый узоръ.

Поѣздъ нашъ столкнулъ съ полотна въ воду глубокаго арыка зазѣвшагося юнаго ослика и торжественно въѣхалъ въ городокъ Чарджуй.

Собственно бухарскій городъ Чарджуй направо отъ дороги, верстахъ въ трехъ отъ нея. Отсюда хорошо видны намъ глиняныя стѣны и глиняныя башни Чарджуйской крѣпости,—этой пограничной твердыни Бухарскаго ханства, достаточно грозной для какихъ-нибудь Туркменъ или Афганцевъ. Чарджуйскій бекъ—одинъ изъ родственниковъ эмира, владѣтельная особа своего рода, а Чарджуй—одинъ изъ самыхъ значительныхъ по богатству и торговлѣ городовъ Бухары.

Русскій Чарджуй тоже на Бухарской землѣ, и мы, такъ-сказать, только гости здѣсь. Эмиръ не мѣшаетъ Русскимъ строиться здѣсь и торговать, и держать свои войска, которыя прежде всего охраняютъ на русскій счетъ безопасность его собственныхъ владѣній. Войска здѣсь порядочно: туркестанскій баталіонъ тысячнаго состава, артиллерійская батарея, взводъ казаковъ. Вмѣстѣ съ торгующимъ людомъ и служащими на желѣзной дорогѣ въ русскомъ Чарджуѣ наберется теперь тысячи три Русскаго народа, и съ каждымъ днемъ онъ прибываетъ, потому что выгодное торговое положеніе Чарджуя на переправѣ черезъ Аму-Дарью и на перепутьи желѣзныхъ дорогъ привлекаетъ къ нему предпріимчивыхъ людей. Нѣтъ сомнѣнія, что въ скоромъ будущемъ русскій Чарджуй тоже разрастется въ большой городъ, наполнится фабриками и складами товаровъ. Для торговли съ Афга-

нистаномъ и Персіей онъ по своему положенію много удобнѣе Бухары и Самарканда. Хлопкоочистительные, а тѣмъ болѣе бумагопрядильные заводы нигдѣ не были бы такъ у мѣста, какъ въ Чарджуѣ.

Русскій городокъ глядитъ оживленно и весело. Очень порядочная православная церковь, хорошенькіе домики въ зеленыхъ садахъ, вездѣ цвѣтущія бѣлыя акаціи, магазины, движеніе. Кирпичные заводы со своими гигантскими горнами окружаютъ городъ, какъ рядъ неприступныхъ фортовъ. Одно число этихъ заводовъ уже краснорѣчиво говоритъ о быстромъ ростѣ этого на дняхъ только возникшаго поселка, потребляющаго теперь такую массу строительныхъ матеріаловъ.

Въ Чарджуѣ есть еще особый родъ жителей—Уральцы. Они разселились по берегамъ Аму-Дарьи, на земляхъ Туркменъ и Сартовъ, платя имъ арендную плату и усердно занимаясь рыболовствомъ, котораго не знаютъ хорошо ни Сарты, ни Туркмены. Аму-Дарья кишитъ рыбой и высылаетъ во множествѣ въ Россію икру, осетровъ, стерлядей и всякую вообще красную рыбу. Фунтъ только-что вылитой икры на чарджуйскомъ базарѣ стóитъ отъ 80 коп. до 1 рубля и 1 руб. 20 коп. Уральцы обыкновенно дожидаются пассажировъ съ коробками свѣжей икры и на перебой снабжаютъ ихъ ими. Эти Уральцы—ссыльные своего рода. Они не захотѣли подчиниться новому войсковому уставу и были разосланы во всѣ углы Туркестана, на Аральское море, на Сыръ-Дарью, на Аму-Дарью. Вездѣ они принялись за свое любимое привычное ремесло, и скоро овладѣли мѣстнымъ рыболовствомъ, въ которомъ не можетъ быть имъ соперника.

Въ прохладной столовой вокзала насъ накормили до сладости свѣжею аму-дарьинскою севрюгой и, что̀ главнѣе всего, напоили отличнымъ русскимъ квасомъ, которому нѣтъ цѣны въ этомъ туркменскомъ пеклѣ, а тамъ опять пришлось лѣзть въ пыльные и душные ящики вагоновъ—переѣзжать Аму-Дарью. Любители природы обыкновенно пересаживаются для этой переправы въ особый вагонъ-клѣтку впереди поѣзда, и уже оттуда безо всякихъ препятствій любуются широкими перспективами исторической рѣки и знаменитымъ желѣзно-дорожнымъ мостомъ.

Безконечный рядъ столбовъ, переплетенныхъ другъ съ другомъ въ гигантскую плетенницу, и безконечная тесьма покры-

вающихъ ихъ досокъ, цѣлая деревянная дорога въ три версты длины, -- прямо, какъ стрѣла, вонзается поперекъ теченія въ широкую скатерть водъ и уходитъ изъ вашихъ глазъ, словно тонетъ гдѣ-то тамъ въ туманахъ дали. Кажется, и поѣздъ нашъ ѣдетъ по ней какъ жертва въ пасть чудовища прямо въ эту охватившую насъ кругомъ пучину. Дѣлается немножко жутко на душѣ, когда колоссальная желѣзная стопожка поѣзда тяжко влѣзаетъ на зыбкіе устои моста и медленно переползаетъ на ту сторону, чуть-чуть пошатываясь вмѣстѣ съ мостомъ и поскрипывая во всѣхъ своихъ суставахъ, словно охая отъ страха...

Древній Оксусъ широкъ, какъ море. Бурая стремнина его, вся въ курчавыхъ завиткахъ отъ невидимыхъ глазу водоворотовъ, безшумно льется внизъ сплошною многоверстною скатертью: песчаныя мели, словно лысины черепа, желтѣютъ тамъ и сямъ сквозь тонкій слой бѣгущихъ водъ. Аму-Дарья очень своенравна. Одинъ годъ русло ея подъ самымъ Чарджуемъ, въ другой годъ уходитъ за двѣ версты отъ него. Теперь вода ушла къ тому берегу, и вблизи Чарджуя остались только ея затоны, покрытые частыми мелями, перерѣзанные рукавами. Главное русло Оксуса особенно быстро и особенно мутно. Желѣзнодорожный поѣздъ перебирался черезъ него еще тише, чѣмъ черезъ прибрежные разливы, а деревянный мостъ вздрагивалъ и скрипѣлъ еще сильнѣе... Ему очевидно достается не мало отъ этихъ стремнинъ варварской рѣки, катящихъ въ своихъ глинистыхъ волнахъ дубы и камни изъ далекихъ горныхъ дебрей.

Недаромъ уже сносило одинъ разъ этотъ мостъ разливами рѣки. Туркмены и Бухарцы пророчили намъ позорную неудачу, когда генералъ Анненковъ задумалъ строить деревянный мостъ черезъ ихъ непобѣдимый Джейгунъ.

Если самъ мудрый Тимуръ-Ленгъ, побѣждавшій все и всѣхъ и смѣло перекидывавшій каменные своды черезъ волны многихъ рѣкъ, не посмѣлъ возложить оковъ на великую рѣку, то какъ же могутъ устоять противъ нея жалкія бревнушки невѣрныхъ москововъ?

Туземцы, собравшіеся толпами по обоимъ берегамъ рѣки, глазамъ своимъ не вѣрили, когда желѣзнодорожный поѣздъ, расцвѣченный флагами, съ торжественною музыкой, при громѣ пушекъ и барабановъ, переѣхалъ вдругъ по этимъ деревяннымъ дощечкамъ черезъ пучины бурнаго Джейгуна, раздѣлявшаго ихъ такъ долго на два разобщенные міра.

До постройки желѣзнодорожнаго моста переправа черезъ Аму-Дарью была не безопасна и не легка. Если уже не прибѣгали къ способу Александра Македонскаго и не переплывали великой рѣки лежа на бурдюкахъ, то все-таки нужно было нанимать большія барки и тащить ихъ лошадьми, чтобы стремнина рѣки не унесла судно вмѣстѣ съ людьми и товарами внизъ по теченію. Англичанинъ Бёрнсъ, проѣхавшій въ Бухару изъ Индіи въ началѣ тридцатыхъ годовъ нашего столѣтія, переправился такимъ именно образомъ. Къ каждому концу судна привязали по парѣ и по двѣ пары лошадей, взнуздали ихъ возжами, какъ будто онѣ были запряжены въ колесницу, и Туркменъ-погонщикъ, стоя въ суднѣ, правилъ ими и погонялъ ихъ, чтобъ онѣ поскорѣе плыли къ тому мѣсту, гдѣ было удобно высадиться.

Что̀ должна была стоить такая переправа для цѣлыхъ стадъ овецъ, для табуновъ лошадей, для нагруженныхъ товарами верблюдовъ,—можно себѣ легко представить: я не говорю уже объ остановкахъ и потерѣ времени.

Въ „Караванъ-Запискахъ“ Кайдалова, ѣздившаго въ 1824—25 годахъ по порученію нашего правительства въ Туркестанъ, приведенъ одинъ такой примѣръ. За перевозку черезъ Сыръ-Дарью на другой берегъ караванъ Кайдалова долженъ былъ заплатить Киргизамъ-лодочникамъ, владѣльцамъ огромныхъ каюковъ, сдѣланныхъ изъ тутоваго дерева, *больше двухъ тысячъ рублей*, да Киргизы, сопровождавшіе караванъ, отдали, кромѣ того, за свой скотъ тѣмъ же счастливымъ Харонамъ *четыреста барановъ*.

Древній Оксусъ не только широкъ, но и протянулся въ длину отъ горизонта до горизонта. Его изгибы и плесы, освѣщенные вечерѣющимъ солнцемъ, синѣютъ и сверкаютъ куда только достигаетъ глазъ. Вездѣ песчаныя лысины, острова, плавни, вездѣ курчавая зелень ауловъ, провожающихъ сплошною лентой, хотя и въ нѣкоторомъ почтительномъ разстояніи, его берега. Чѣмъ-то заманчиво таинственнымъ, словно распахнутыя ворота въ невѣдомое царство свѣта и нѣги, смотритъ эта залитая оранжевыми огнями даль, въ ослѣпительномъ блескѣ которой исчезаетъ на предѣлахъ горизонта послѣднее видное намъ колѣно рѣки. Въ пустынномъ величіи несетъ эта рѣка массы своихъ водъ изъ далекихъ ледниковъ Болоръ-Тага и Гинду-Куша въ

соленую чашу Арала. Кочевникъ словно не смѣетъ довѣрить себя ея суровымъ стремнинамъ, и рѣдко-рѣдко прорѣжетъ гдѣ-нибудь широкій просторъ ея разлива одинокое, робко пробирающееся судно. Только около новорожденнаго гнѣзда русской силы, на пристань Чарджуя,— нѣсколько драгъ терпѣливо расчищаютъ своими крошечными ковшиками постоянно заносимое русло, да дымится пониже желѣзнодорожнаго моста совсѣмъ не подходящій къ этимъ азіятскимъ пейзажамъ русскій военный пароходъ. Онъ держитъ рейсы внизъ по рѣкѣ между Чарджуемъ и Петро-Александровскомъ, а другой такой же пароходъ ходитъ между Чарджуемъ и Каркы, вверхъ по рѣкѣ.

Рейсы эти изъ учтивости называются срочными; но когда мы съ женой освѣдомились подробнѣе объ этихъ срокахъ, собираясь проѣхаться ненадолго въ Хиву, то собесѣдникъ нашъ, мѣстный житель и мѣстный инженеръ,—громко расхохотался.

— Какъ? Вы въ самомъ дѣлѣ думаете, что здѣсь у насъ можетъ существовать правильное пароходство какъ на Волгѣ или на Черномъ Морѣ? изумлялся онъ.—Въ четвергъ, дескать, въ 8 часовъ утра приходитъ, въ 9½ отходитъ... Какъ бы не такъ!.. Тутъ, батюшка, у насъ рѣка всему голова... Она надъ нами умничаетъ, а не мы надъ нею. Выпадутъ большіе дожди въ горахъ, не будетъ знойныхъ дней, ну и прибавится водицы, пароходы и пролѣзутъ себѣ какъ-нибудь... А постоитъ недѣльку-другую сушь да жара, нанесетъ съ пустыни песковъ вѣтеръ горячій,—вотъ вамъ и мели на каждомъ шагу. Не столько впередъ ѣдетъ пароходъ, сколько съ мелей стаскивается, да глубину щупаетъ. Вѣдь тутъ мели не постоянныя, а переносныя: сегодня здѣсь, а завтра тамъ, и фарватеръ такой же, вчера хорошо проѣхалъ, а сегодня прямо носомъ въ песокъ врѣзался; разыскивай его какъ знаешь! Никакія карты и лоціи не помогутъ. Вотъ теперь апрѣль, весна кажется, а воды немного. Видите какіе черепа изъ-подъ воды свѣтятся! Какъ тутъ пароходу не наткнуться, а ужь особенно ночью. Черезъ мѣсяцъ совсѣмъ другое дѣло: вода сильно пожприбудетъ, тогда и плавать будетъ отлично.

— Черезъ мѣсяцъ, я думаю, еще меньше воды будетъ: развалъ лѣта, зной! замѣтилъ я.

— Ну да, это по вашему, по-россійскому, а у насъ тутъ свои законы. У насъ разливъ водъ не весной, а въ серединѣ лѣта бываетъ. Когда пожаритъ солнце хорошенько снѣга вѣчные, да ледники на большихъ горахъ, тогда и подаетъ намъ оттуда

водицы... Тогда и начинается у насъ настоящее судоходство. А все-таки и тогда скоро въ Хиву не съѣздите. Внизъ-то, положимъ, живымъ духомъ донесетъ, дня въ три, а оттуда, въ гору, страсть какъ тяжело! Поглядите-ка какой столбъ воды сверху претъ, навстрѣчу ему двигаться не шутка? Какъ ни вертите, а туда и сюда недѣльки три пройдетъ, да, пожалуй, еще съ хвостикомъ. Знаете, я на каюкѣ ѣздилъ съ Туркменами, такъ, право, пріятнѣе. По крайней мѣрѣ дешево, да и нравы туземные отлично узнаешь. А на пароходѣ ничуть не выйдетъ скорѣе, если всѣ мели своими боками пересчитывать. Потомъ вы должны положить еще на самую Хиву нѣсколько дней. Вѣдь водой идутъ только до Петро-Александровска, до крѣпости нашей русской. Ее нарочно на берегу поставили, чтобы въ родѣ караульнаго надъ Хивой наблюдала; чуть тамъ что,—тутъ у насъ и готовы гостинцы! А до Хивы отъ Петро-Александровска еще верстъ съ 60 будетъ. Арбу нужно нанимать, или верблюда, лошадь... Туда, да назадъ, да Хиву осмотрѣть, вотъ и сочтите!...

— А въ Хивѣ-то самой много интереснаго?

— Ей Богу ровно ничего! Не вѣрьте вы, пожалуста, никакимъ туристамъ. Все врутъ! Ну аулъ огромный, и ничего больше; совсѣмъ на городъ даже не похожъ. Мазанки глиняныя, да базары. Есть, положимъ, мечети двѣ порядочныя, ну, дворецъ тамъ ханскій, урда по-ихнему, да все это во сто разъ лучше и интереснѣе въ Бухарѣ увидите и въ Самаркандѣ... И базары, и все... А халатники все тѣ же, и товары тѣ же, и жизнь все та же... Ужь на что хорошіе Бухарцы, а и тѣ считаютъ Хивинцевъ варварами своего рода. Увѣряютъ, что они и обрядовъ своихъ мусульманскихъ не знаютъ и не учатся ничему... А по моему они все-таки лучше этихъ ханжей Бухарцевъ, грубѣе, правда, но за то искреннѣе, честнѣе, гостепріимнѣе. Бухарецъ прелукавая бестія!

Вверхъ по рѣкѣ тоже поднимался въ это время пароходъ, только-что, повидимому, отчалившій отъ берега. Онъ шелъ въ Каркы съ грузомъ для его гарнизона.

Каркы—послѣдній городъ и послѣднее укрѣпленіе Бухары на границѣ съ Афганистаномъ. Тамъ постоянно стоитъ нашъ военный отрядъ, хотя земля и Бухарская. Пароходъ ползъ въ гору

медленно, какъ каракатица, то и дѣло виляя вправо и влѣво, и поминутно останавливался въ раздумьи, словно слѣпой, ощупывающій палкой свою дорогу. Сейчасъ видно, что не скоро добраться ему до далекаго пограничнаго городка. Недавно поѣхалъ было на немъ, какъ мнѣ разсказывали, одинъ изъ военныхъ начальниковъ, которому необходимо было побывать въ Каркахъ. Онъ такъ измучился этимъ рачьимъ шествіемъ на парахъ, что не выдержалъ и съ половины пути высадился на берегъ; оттуда уже онъ добрался кое-какъ до Карки песками, то на перемѣнныхъ лошадяхъ, то на верблюдахъ. И все-таки пріѣхалъ значительно раньше, чѣмъ привалилъ злополучный пароходъ.

Можетъ-быть, все это и имѣетъ свои законныя оправданія, но, признаюсь, меня возмутило такое слабосиліе наше передъ самыми обыкновенными явленіями природы. Не берусь судить, чѣмъ и какъ слѣдовало бы поправить дѣло, нужно ли бы было завести здѣсь какіе-нибудь особенные плоскодонные пароходы или оградить чѣмъ-нибудь фарватеръ рѣки отъ наносовъ, но твердо знаю одно, что заберись сюда завтра Англичане, Французы или Нѣмцы,—у нихъ съ того же дня исправно стали бы ходить здѣсь многочисленные пароходы, возились бы товары, разъѣзжала бы всякая публика, туземная и наѣзжая, выстроились бы по берегамъ пристани, гостиницы, фабрики, и посѣщеніе туристомъ какой-нибудь Хивы сдѣлалось бы самымъ не долгимъ и простымъ дѣломъ. Вѣдь уже ходятъ серьезные слухи, что Англичане заводятъ пароходство на той же самой Аму-Дарьѣ въ мелкихъ ханствахъ, подвластныхъ Афганистану, слѣдовательно въ тѣхъ ея верхнихъ частяхъ, которыя гораздо менѣе удобны для плаванія, гораздо богаче камнями, гораздо бѣднѣе водой, чѣмъ находящееся въ нашей зависимости нижнее теченіе Оксуса; вѣдь, наконецъ, рядомъ же съ нами, въ Персіи, за которою мы ухаживали столько вѣковъ, тѣ же Англичане сумѣли открыть на дняхъ выгодное пароходство по рѣкѣ Керуну, считавшейся до сихъ поръ недоступною для судовъ черезъ свои пороги?

Аму-Дарья впадаетъ теперь въ Аральское море, но еще въ XIII столѣтіи она вливалась прямо въ Каспійское. Есть, правда, люди, которые это оспариваютъ и которые доказываютъ даже невозможность теченія Аму-Дарьи въ Каспійское море. По

измѣренію ихъ уровень такъ-называемаго стараго русла Аму-Дарьи во многихъ мѣстахъ оказывается выше уровня теперешняго нижняго теченія ея, стало-быть, Аму-Дарья должна была течь на гору, а не подъ гору. Но скептицизмъ этотъ совершенно праздный. Берега Каспійскаго моря повышаются и понижаются чуть не на глазахъ людей; осязательное доказательство этому я только-что видѣлъ въ затопленномъ моремъ караванъ-сараѣ Бакинской гавани.

Туркменскій берегъ тоже могъ подняться въ теченіе вѣковъ, и кто знаетъ, не было ли именно это поднятіе одною изъ главныхъ причинъ того, что древній Оксусъ не могъ уже болѣе катить своихъ волнъ до Каспія, и Хивинскіе ханы должны были отвести его русло въ ближайшее къ нему Аральское море, куда, безъ сомнѣнія, всегда впадалъ одинъ или нѣсколько рукавовъ Оксуса. Во всякомъ случаѣ отводъ Аму-Дарьи въ Аральское море не только есть историческое событіе, подтверждаемое туземными лѣтописями и преданіями всѣхъ народовъ, имѣвшихъ какое-нибудь дѣло съ народами Оксуса, но еще и неоспоримый фактъ современной географіи. Старое русло Аму-Дарьи также извѣстно всякому Туркмену, Хивинцу и Киргизу азіятскихъ степей, какъ и сама живая рѣка Аму-Дарья. Русло это тянется на цѣлыхъ 600 верстъ отъ низовій Аму-Дарьи, у Айбугирскаго залива Аральскаго моря до самаго Балаханскаго залива Каспійскаго моря, составляющаго болѣе глубокій заворотъ Красноводской бухты. Русло это вполнѣ носитъ форму рѣчнаго ложа, съ обычными обрывистыми берегами и изгибами, и по всему протяженію своему еще сохранило, въ видѣ отдѣльно разбросанныхъ мочежинъ, колодцевъ, озерковъ,— слѣды своихъ былыхъ водъ.

До сихъ поръ по старой памяти многіе аулы Туркменъ зимой и лѣтомъ кочуютъ вдоль опустѣвшихъ береговъ бывшей рѣки, пользуясь кое-гдѣ уцѣлѣвшею водой.

Старое ложе Оксуса служитъ вмѣстѣ съ тѣмъ самою надежною дорогой изъ Хивы къ Каспію, и, по разсказамъ туземцевъ, на ней можно имѣть прѣсную воду на разстояніи каждаго перехода. Въ лѣтнее же половодье или когда Аму-Дарья случайно прорываетъ плотины Куня-Ургенча, старое русло Оксуса опять обращается въ бурную рѣку и несетъ свои волны на пространствѣ цѣлыхъ 150 верстъ до озера Сары-Камыша, изъ бассейна котораго онѣ уже не въ силахъ двинуться дальше.

Еще при Петрѣ Великомъ посолъ его князь Бековичъ-Черкасскій въ теченіе нѣсколькихъ дней ѣхалъ изъ Хивы къ Красноводскому заливу старымъ русломъ Аму-Дарьи, видѣлъ собственными глазами земляной валъ въ пять верстъ длины, которымъ Хивинцы обратили въ Аральское море воды Оксуса, а по обоимъ берегамъ стараго русла встрѣчалъ развалины прежнихъ жилищъ и слѣды проведенныхъ къ нимъ каналовъ. Плотины, задерживающія воды Аму-Дарьи, и до сихъ поръ могутъ быть видимы путешественниками около хивинскаго города Куня-Ургенча.

При Петрѣ Первомъ вообще не сомнѣвались въ томъ, что Аму-Дарья дѣйствительно впадала прежде въ Каспійское море, такъ что великій царь, давая порученіе Бековичу основать первое русское укрѣпленіе на восточномъ берегу Каспійскаго моря, самымъ опредѣленнымъ образомъ приказывалъ построить эту крѣпость *„надъ гаваномъ, гдѣ было устье Аму-Дарьи рѣки“*.

Въ то время даже объясняли себѣ очень просто злохитрый поступокъ Хивинцевъ, вернувшихъ теченіе Аму-Дарьи отъ Каспія въ Аралъ. Въ Аму-Дарьѣ (какъ и въ Сыръ-Дарьѣ) почему-то предполагался золотой песокъ, и Хивинцамъ, конечно, не желательно было, чтобы сокровище ихъ уносилось рѣкой въ чужія страны. Петръ посылалъ разыскивать золотые пески на Сыръ-Дарью, но въ Аму-Дарьѣ онъ, повидимому, оцѣнилъ сокровище другаго рода, не пески, а воды ея. Онъ понялъ, что Аму-Дарья—самая естественная и единственно удобная дорога къ богатствамъ Индіи, и потому, какъ я говорилъ уже раньше, его соблазнилъ смѣлый планъ—опять вернуть устье Оксуса въ Красноводскій заливъ.

Что поворотъ этотъ задумывался Петромъ ни для чего другаго, какъ ради торговли съ Индіей, въ этомъ несомнѣнно убѣждаютъ подлинныя выраженія собственноручной его инструкціи Бековичу, о которой я уже говорилъ выше. Подъ видомъ „купчины“, который бы „изъѣхалъ“ Аму-Дарью до самыхъ предѣловъ Индіи, и оттуда бы отправился въ эту страну, Петръ назначилъ „изъ морскихъ офицеровъ поручика Кожина“, которому поручилъ: „развѣдать въ Индіи о пряныхъ зельяхъ и другихъ товарахъ и какъ для сего дѣла, *такъ и для отпуска товаровъ*, приказалъ придать ему, Кожину, двухъ часовыхъ добрыхъ людей *изъ купцовъ*, и чтобъ они были не стары“.

Но въ то время, какъ Русскіе еще гораздо ранѣе Петра

хорошо знали и объ Аральскомъ морѣ, и о Сыръ-Дарьѣ, и объ Аму-Дарьѣ, которыя имъ приходилось видѣть собственными глазами, въ то время, какъ въ *Книгѣ Большаго Чертежа* можно было найти самыя точныя указанія о теченіи этихъ рѣкъ,—ученые Европейцы, не допускавшіе мысли, чтобъ у русскихъ варваровъ можно было получить вѣрныя научныя свѣдѣнія о сосѣднихъ съ ними странахъ, продолжали наивно пребывать въ нелѣпыхъ географическихъ представленіяхъ о Центральной Азіи, заимствованныхъ еще изъ Страбона и Арріана, и очень мало исправленныхъ довольно смутными разсказами средневѣковыхъ путешественниковъ, въ родѣ Марко Поло и Плано Карпини.

Презабавно разсматривать карту Центральной Азіи, приложенную къ извѣстной книгѣ Де-Брунна *(Voyage de Corneille le Brun par la Moscovie en Perse etc 3 volumes*, Amsterdam, 1718 года). Де-Брунъ пріѣхалъ въ Россію въ 1701 году черезъ Архангельскъ, еще до построенія Петербурга, и отправился въ Персію Волгой и Каспійскимъ моремъ. На его картѣ Азіи Туркестанъ, можно сказать, совсѣмъ пропущенъ. Его Irken (Яркендъ) находится чуть не на берегу Каспійскаго моря, Кабулъ стоитъ почти у истоковъ Енисея, Аму-Дарья течетъ прямо въ Каспій, никакого Аральскаго моря въ поминѣ нѣтъ!

Можно ли послѣ этого удивляться, что Аральскаго моря не зналъ ни одинъ изъ географовъ классическаго міра, ни Страбонъ, ни Птоломей, и что всѣ древніе писатели считали Яксартъ, то-есть Сыръ-Дарью, и Оксусъ, то-есть Аму-Дарью впадающими въ Гиркапское (то-есть Каспійское) море. Относительно Аму-Дарьи они были, вѣроятно, правы, но впаденіе Сыръ-Дарьи въ Каспій доказать нѣтъ никакой возможности, развѣ только предположить, что въ древности Каспій и Аралъ составляли одно озеро, и что раздѣляющая ихъ теперь песчаная возвышенность Усть-Урта поднялась уже впослѣдствіи, стало-быть, на памяти людей, для чего опять нѣтъ ни малѣйшаго вѣроятія.

Какъ бы то ни было, но мы съ женой искренно пожалѣли, что не могли отправиться изъ Чарджуя внизъ по историческому Оксусу посѣтить пресловутую Хиву — древній Ховарезмъ, удержавшій теперь въ своемъ владѣніи только одно низовье Оксуса, раздѣленное на множество рукавовъ еще верстъ за триста до впаденія въ Аральское море. Въ сущности вовсе нѣтъ никакой

Аму-Дарьи, впадающей въ Аральское море, потому что каждый рукавъ есть большая рѣка, имѣющая свое самостоятельное названіе. Въ числѣ ихъ есть и Янги-Су, и Улькунъ-Дарья, и Куванъ-Джарма, и Талдыкъ, и много другихъ именъ, но Аму-Дарьи никакой нѣтъ.

Хива лежитъ, впрочемъ, ни на самой Аму-Дарьѣ, ни на ея рукавахъ, а верстъ шестьдесятъ къ югу отъ рѣки, среди сѣти безчисленныхъ арыковъ, на рубежѣ пустыни, какъ и подобаетъ ханству кочевниковъ и степныхъ грабителей.

Теперь это уже безсильное гнѣздо присмирѣвшихъ разбойниковъ; а было время, когда Ховарезмъ игралъ великую роль въ судьбахъ Центральной Азіи.

Еще при походахъ Александра Македонскаго упоминяется Аріаномъ и Квинтомъ Курціемъ имя Ховарезма; между прочимъ, „Хоразмскій владѣлецъ Фратафернъ, котораго земли смежны съ Массагетами и Дагами“.

Съ XI вѣка по р. Хр. Ховарезмъ властвуетъ почти надо всѣми странами Турана и Ирана. Алла-Эдинъ, султанъ Ховарезма, овладѣлъ китайскимъ Туркестаномъ, Самаркандомъ, Бухарой, Балхомъ, Хорасаномъ, Мазандераномъ, и готовъ былъ покорить самый халифатъ Багдадскій, еслибъ этого священнаго главу правовѣрныхъ не спасли глубокіе горные снѣга и вольнолюбивые Курды. Надменный своими побѣдами, Алла-Эдинъ провозгласилъ себя „тѣнью Бога на землѣ“, а мать свою „обладательницей міра“. Но Чингисъ, великій разрушитель восточныхъ царствъ, сокрушилъ и побѣдоносныхъ султановъ Ховарезма.

Цивилизація Европы вторглась теперь вмѣстѣ съ русскою силой въ старое царство азіятскаго рабства, деспотизма и невѣжества; рѣка Даріевъ Персидскихъ, Бактріанъ и Согдовъ—перепоясана желѣзнодорожнымъ мостомъ и носитъ пароходы на своихъ пустынныхъ волнахъ.

Но, несмотря на эти рельсы и трубы, здѣсь еще вездѣ кругомъ всемощно царитъ старая дичь, старая азіятчина. Словно въ насмѣшку надъ нашими усиліями, вонъ попрежнему рядомъ съ пароходомъ идетъ первобытная переправа съ бухарской стороны на туркменскую цѣлыхъ верблюжьихъ каравановъ, цѣлыхъ обозовъ арбъ, въ большихъ туземныхъ каюкахъ...

Ветхозавѣтные корабли пустыни продолжаютъ еще перевозить товары на своихъ горбахъ, какъ во дни Моисея, а эти чалмы, эти мантіи, эти лица—все это живьемъ выхвачено со страницъ Библіи... Цивилизація Европы пробирается здѣсь еще чуть замѣтною струйкой, какъ та узенькая черная ленточка рельсовъ, что̀ прорѣзаетъ собою сплошные пески туркменской пустыни...

Безконечный мостъ наконецъ кончился. Вмѣсто водной глади кругомъ стелятся плавни и заросли бухарскаго берега Аму-Дарьи... Вотъ и Фарабъ, первая станція праваго берега. Переѣздъ моста равняется цѣлому перегону, и поѣздъ отдыхаетъ послѣ него, какъ послѣ далекаго пути. Теперь конецъ Туркменіи, конецъ пустынямъ, Оксусъ легъ между нами и ими, теперь мы уже въ Трансоксанѣ, въ странѣ древнихъ Согдовъ, въ славномъ царствѣ Тамерлана... Теперь ждетъ насъ впереди священная для правовѣрныхъ Бухара,—„Бухара-эль-Шерифъ“...

Е. Марковъ.

НОВАЯ САНДРИЛЬОНА.[1]

Романъ.

(Изъ современныхъ французскихъ нравовъ.)

XXI.

Въ первые три дня своего пребыванія въ за́мкѣ Эльза вполнѣ оправдала носимое ею прозвище. Она вела себя, какъ дикій звѣрокъ, и именно какъ газель, то-есть звѣрокъ чуткій, пугливый, робко озирающійся огненными глазами вокругъ себя и съ граціозною быстротой въ мигъ уносящійся отъ всякой опасности, иногда лишь кажущейся...

Впрочемъ, Эльза-Газель стала настоящею дикою газелью среди обитателей за́мка почти поневолѣ и въ силу обстоятельствъ. Съ вечера перваго же дня она почуяла около себя трехъ враговъ, одинаково опасныхъ, хотя каждый дѣйствовалъ на свой ладъ.

Художникъ по два раза въ день призывалъ ее къ себѣ и лѣпилъ съ нея изваяніе въ натуральную величину... Голова и лицо уже начинали поражать сходствомъ...

Но у этой кирпичевой куклы изъ глины, которая такъ удивительно на нее похожа, былъ однако обнаженный станъ, голыя руки и ноги... Эльза только изрѣдка, совѣстливо или обиженно, тайкомъ и искоса, взглядывала на работу художника... и тревожилась, стыдилась, оскорблялась и недоумѣвала... Дѣвочкѣ чудилось, что художникъ поступаетъ не честно по отношенію къ ней. Вѣдь

[1] См. № 4 *Русскаго Обозрѣнія*.

было же условлено между артистомъ съ графиней и ея матерью, что г. Монклеръ будетъ лѣпить изъ глины только ея голову. Впрочемъ, онъ это и дѣлаетъ! Онъ всякій разъ занятъ одною отдѣлкой лица... А туловище онъ на второй день сдѣлалъ безъ нея. „самъ“, то-есть выдумалъ, сочинилъ...

„Да... Самъ... Самъ! повторяла Эльза про себя. Это все не съ меня... У нея только лицо мое?“

А между тѣмъ, отъ этого соображенія ей было не легче. Дѣвочкѣ все казалось въ будущемъ нѣчто, чѣмъ ей грозятъ. Ей, какъ чуткой газели, слышалась или чуялась опасность еще покуда укрытая утесами и ущельями, но уже приближающаяся къ ней... Надо быть наготовѣ...

Монклеръ былъ добродушно ласковъ съ Эльзой, старался какъ бы понравиться ей и сдѣлаться ея хорошимъ пріятелемъ, онъ постоянно угощалъ ее сластями, за которыми посылалъ въ Теріэль, шутилъ съ ней и изыскивалъ все на свѣтѣ, чтобы смѣшить ее... Въ его обращеніи не было и тѣни ухаживанія. Онъ добивался простаго дружескаго расположенія дѣвочки, добивался стать съ ней en camarade.

Но именно въ этомъ стараніи неумѣломъ или неискусно скрытомъ и чудилась Эльзѣ опасность. Въ этомъ всячески навязывающемся другѣ она предвидѣла врага. У него очевидно было что-то на умѣ и что-то для нея—враждебное.

Второй человѣкъ, на котораго косилась Эльза, былъ самъ графъ. Старикъ, лишь изрѣдка встрѣчая ее въ зáмкѣ и раза два встрѣтивъ въ паркѣ вмѣстѣ съ субреткой, любезно заговаривалъ съ нею, говорилъ по нѣскольку словъ и удалялся... Въ пустыхъ незначащихъ словахъ не было ничего особеннаго. Но взглядъ стараго графа, его глаза, окруженные морщинками, смущали дѣвочку. Она сама себѣ не вѣрила и спрашивала себя не грезится ли ей то, что она видитъ въ глазахъ этого старика. Неужели и графъ Отвиль, знатный и богатый человѣкъ, важный землевладѣлецъ и депутатъ ихъ департамента... можетъ походить на людей въ родѣ...

„Ну хоть въ родѣ урода и нахала Филиппа!“ невольно сравнивала Эльза.

И дѣйствительно, дѣвочкѣ казалось, что во взглядахъ украдкой бросаемыхъ на нее важнымъ владѣльцемъ зáмка и депутатомъ было что-то такое же отвратительное, что поражало ее въ рабочемъ съ мельницы.

Однако Эльза, размышляя о графѣ Отвилѣ, постоянно увѣряла себя, что она ошибается, и что старикъ неумышленно „противно смотритъ“. Тѣмъ не менѣе, раза два, завидя стараго графа въ паркѣ и будучи одна, Эльза искусно избѣжала встрѣчи и разговора съ нимъ.

Относительно третьяго человѣка, считаемаго дѣвочкой врагомъ, не могло быть ни сомнѣній, ни недоразумѣнія. Виконтъ Камиллъ не стѣснялся и велъ себя по отношенію къ Эльзѣ прямо и открыто дерзкимъ образомъ...

„Этотъ уже совсѣмъ Филиппъ“, говорила себѣ дѣвочка, для которой рабочій съ мельницы сталъ вдругъ въ замкѣ какимъ-то мѣриломъ.

Разница между графомъ и Виконтомъ была та, что старикъ смотрѣлъ лисой, а молодой человѣкъ волкомъ. Первый будто стѣснялся постороннихъ и свидѣтелей, второй дѣйствовалъ, говорилъ и глядѣлъ, не стѣсняясь никѣмъ и ничѣмъ.

Виконтъ на второй же день сказалъ Эльзѣ при графинѣ:

— Mademoiselle Gazelle, я собираюсь отъ тоски начать за вами ухаживать. Можно?

— Зачѣмъ? просто отозвалась Эльза прямо и твердо глядя ему въ лицо и выдерживая его насмѣшливо загрывающій взглядъ.

— Зачѣмъ? Pour Vous séduire.

Эльза хотѣла отвѣчать рѣзко, что это будетъ очень мудрено, но графиня отвѣтила за нее.

— Peine perdue!

Гувернантка мальчугановъ миссъ Кетъ почему-то тотчасъ возненавидѣла Эльзу, злобно взирала на нее и дѣвочка избѣгала ее, а равно и ея неблаговоспитанныхъ питомцевъ.

За то у нея оказался неожиданно новый и настоящій пріятель въ лицѣ стараго привратника, человѣка съ нѣсколько оригинальнымъ прошлымъ.

Господинъ Изидоръ Мартенъ былъ уже болѣе десяти лѣтъ консьержемъ въ замкѣ Отвиль и не даромъ пользовался большою извѣстностью въ околоткѣ. Старикъ уже шестидесяти пяти лѣтъ, но бодрый, живой, умный, страстно любилъ чтеніе, былъ яростный политиканъ, подписчикъ на *Petit Journal* и на *Gazette de France*. Первый журналъ онъ получалъ со дня его основанія, то-есть лѣтъ съ тридцать, а второй, давно отпраздновавшій столѣтіе существованія, онъ сталъ получать съ тѣхъ поръ, что явился въ Отвиль.

Господинъ Изидòръ, на видъ личность болѣе или менѣе заурядная, былъ человѣкомъ съ одною характерною особенностью, которую самъ въ себѣ не подозрѣвалъ или объяснялъ не вѣрно. Еще будучи молодымъ двадцатипятилѣтнимъ человѣкомъ, онъ, оглянувшись сознательно вокругъ себя въ мірѣ Божіемъ, тотчасъ почувствовалъ въ себѣ потребность жить не такъ, какъ хочется, а какъ подсказываетъ самообожаніе. Жить не для себя, а для другихъ. И этимъ, такъ или иначе, если не стать выше толпы, то всегда, всячески, старательно отличать себя отъ нея чѣмъ бы то ни было.

И съ этихъ двадцати пяти—тридцати лѣтъ г. Изидòръ какъ бы надѣлъ на себя костюмъ, избранный изъ многихъ другихъ, избранный очень умно, догадливо и лукаво. И онъ остался въ немъ до старости.

Прежде всего г. Мартенъ, будучи главнымъ завѣдующимъ большаго ресторана въ Парижѣ съ обычнымъ званіемъ Gérant, сталъ приглядываться къ элегантной и веселой толпѣ молодыхъ прожигателей жизни, которые посѣщали этотъ Café-Royal, гдѣ онъ наблюдалъ за гарсонами, за столовымъ бѣльемъ, за буфетомъ и за кухней.

Это было во дни славы и могущества Второй Имперіи. Звѣзда Наполеона III была на зенитѣ. И въ тѣ самые дни, когда представители многихъ древнѣйшихъ французскихъ фамилій становились бонапартистами, господинъ Изидòръ, не принадлежавшій по своему происхожденію или по своимъ политическимъ убѣжденіямъ ни къ какой партіи, такъ какъ таковыхъ убѣжденій у него и быть не могло, вдругъ объявился отчаяннымъ, яростнѣйшимъ легитимистомъ.

Въ его маленькой горницѣ появились тѣ самые портреты короля и королевы—мучениковъ, которые висятъ и теперь.

Г. Мартенъ сообразилъ, что быть легитимистомъ—костюмъ несравненно красивѣйшій для человѣка, вышедшаго изъ крестьянъ. Еслибъ онъ былъ на службѣ или мечталъ сдѣлаться членомъ какого-либо бюро, какой-либо администраціи, то, конечно, было бы выгоднѣе сдѣлаться бонапартистомъ, но существуя на свѣтѣ въ качествѣ „Gérant“ въ ресторанѣ и мечтая открыть свой собственный трактиръ, Изидòръ не нуждался въ благорасположеніи правительства.

Въ этомъ стремленіи своемъ отличиться отъ толпы онъ однако едва не пострадалъ серьезно.

Во дни покушенія на жизнь императора Итальянца Орсини съ компаніей, Изидòръ, будучи въ густой толпѣ народа, осаждавшей зданіе Оперы, близъ которой случилось покушеніе, велъ себя такъ мятежно, что былъ арестованъ. Онъ прямо заявлялъ въ толпѣ, что было бы очень хорошо еслибы Badingue, кличка Наполеона, былъ убитъ и на его мѣсто вся Франція призвала бы Генриха V. Разумѣется, страннаго легитимиста, завѣдующаго ресторанòмъ, продержали подъ арестомъ не долго, приняли за придурковатаго выскочку и, пригрозивъ ему, выпустили вновь на свободу.

Но явившійся вновь къ исправленію должности Изидòръ сразу увидѣлъ, что онъ сдѣлался въ Café-Royal нѣкотораго рода знаменитостью. И съ этого дня онъ началъ уже на пропалую рисоваться своими якобы политическими убѣжденіями. Прежде всего онъ завелъ визитныя карточки, на которыхъ значилось Isidore Martin, légitimiste, а внизу стояло мелкими буквами, какъ бы обозначая его званіе: „Plus royaliste que le roi.“

Если недавно имя завѣдующаго ресторанòмъ, попавъ въ газеты вслѣдствіе ареста, обѣжало весь Парижъ, то теперь нѣсколько сотенъ карточекъ этого забавника-фрондёра распространилось по всему Парижу.

Разумѣется, всѣ хохотали надъ карточкой, но шли въ кафе-ресторанъ, чтобы посмотрѣть на завѣдующаго имъ. Успѣхъ былъ колоссальный. Такой, какой только можетъ быть въ новомъ Вавилонѣ. Разумѣется—успѣхъ порцій бифштекса, омлетки и чашекъ кофе.

И въ эти дни г. Изидòръ разсчитался со своимъ патрономъ, а затѣмъ открылъ свой собственный ресторанъ около площади Бастиліи, но съ загадочнымъ наименованіемъ.

Г. Мартенъ, подавъ прошеніе на открытіе ресторана, заранѣе приготовилъ вывѣску огромныхъ размѣровъ съ яркозолотыми буквами и радостно принялся ее вѣшать. Буквы гласили: „Café-réstaurant à Henry Çinq“.

Разумѣется, полиція тотчасъ стащила вывѣску, уничтожила ее, а г. Мартену объяснили въ префектурѣ, что его имя уже хорошо извѣстно агентамъ тайной полиціи, почему рекомендуется ему вести себя болѣе или менѣе смирно.

Но Мартенъ не унялся и добился того, что ему позволили нацѣпить вывѣску: „Café-réstaurant aux Cinq Henry“. Разумѣется, весь случай и эта выходка тоже прошумѣли, а праздная парiж-

ская толпа повалила въ ресторанъ „Пяти Генриховъ“, болтая и гудя о томъ, что вывѣска мистификація, а ресторанъ названъ въ честь послѣдняго Бурбона, претендента на престолъ Франціи.

Ставъ болѣе свободенъ въ качествѣ хозяина, Изидóръ началъ много читать, еще болѣе заниматься политикой и трактовать со своими пріятелями и знакомыми о шансахъ спасенія Франціи подъ державой Генриха V. Прежде всего яростный приверженецъ графа Шамборскаго занялся спеціальнымъ чтеніемъ, чтобъ узнать кто-такіе были предки этого Генриха V и какимъ образомъ Бурбоны потеряли престолъ, а главное узнать и уразумѣть, что̀ собственно за событіе la grande Révolution, которое всѣмъ его знакомымъ аристократамъ еще легитимистамъ представлялось въ видѣ явленія міру и насажденія Антихриста.

Однимъ словомъ, Изидóръ занялся чтеніемъ исторіи.

Сильнѣйшая тоска часто одолѣвала его, но онъ нашелъ отъ нея лѣкарство, или стимулъ къ продолженію чтенія. Все, что̀ онъ прочитывалъ днемъ, онъ разсказывалъ вечеромъ. И это доставляло ему наслажденіе. Иногда онъ зазывалъ знакомыхъ пріятелей и даже незнакомыхъ людей въ свой ресторанъ, угощалъ ихъ и заставлялъ выслушивать цѣлыя рѣчи, цѣлыя тирады изъ исторіи Франціи. Частенько говорили ему друзья угнетаемые имъ:

— Mais oui, oui! Connu! Connu!

Но г. Изидóръ все-таки продолжалъ подробно разсказывать, какъ былъ убитъ Генрихъ III, или какъ мальчишески былъ влюбленъ Генрихъ IV въ Габріэль Д'Эстрэ и т. д. Слушатели, ради вкуснаго дароваго обѣда или ужина, выслушивали, а патронъ ресторана „Пяти Генриховъ“ былъ счастливъ безконечно.

Впрочемъ, черезъ годъ или два Изидóръ, начитавшійся всякихъ мемуаровъ, въ томъ числѣ вызубрившій хронику de l'Oeil de Boeuf или „Круглаго окна“, разумѣется могъ разсказать уже дѣйствительно интересныя для своихъ слушателей интимныя подробности нравовъ при дворахъ Людовиковъ XIV и XV.

Однако, дѣла патрона-политикана шли конечно плохо и вдругъ пошли еще хуже. Наконецъ, однажды, въ тѣ же самые дни, когда Изидóръ, просвѣтившись, уже мечталъ самъ начать писать свои мемуары, онъ прогорѣлъ и очутился на улицѣ, не имѣя даже возможности продать инвентарь и движимое имущество своего ресторана, такъ какъ все было въ плачевномъ состояніи. Тогда одинъ изъ его пріятелей предложилъ ему скромное мѣсто завѣдующаго „порядкомъ“ въ банкирской конторѣ. Увы! Знаменитый

легитимистъ долженъ былъ смотрѣть за чистотой помѣщенія, состоять не по счетной, а по пыльной или сорной части.

Конечно, прославившійся фрондёръ временъ Наполеона, извѣстный во всемъ Парижѣ своими визитными карточками, не могъ долго примириться со своею судьбой и утѣшиться. И много мѣстъ, по крайней мѣрѣ, семь или восемь перемѣнилъ неугомонный лицедѣй-легитимистъ и наконецъ по рекомендаціи попалъ въ консьержи зáмка Отвилей, гдѣ уже утомленный своею „политическою карьерой“ пересталъ мечтать о славѣ.

Мѣсто было покойное, Отвили обращались съ нимъ ласково и, главное, крайне вѣжливо, а въ околоткѣ и въ Теріэлѣ monsieur Isidore сталъ сразу своего рода знаменитостью. Про него говорили, что онъ все знаетъ, про него разсказывали, изумляясь, что онъ и химикъ, и астрономъ, и философъ.

Наконецъ Генриха V уже не было на свѣтѣ, а легитимистамъ пришлось сдѣлаться орлеанистами или Blancs d'Espagne или ренегатами. Кругомъ Изидóра все увеличивался лагерь республиканцевъ. Сначала стали появляться изо всѣхъ щелей гамбеттисты, а затѣмъ зародились и вдругъ пошли расти, какъ жабы—буланжисты.

Графъ Отвиль—сынъ извѣстнаго роялиста—былъ однако еще недавно усернымъ бонапартистомъ, а теперь вдругъ сдѣлался искреннимъ республиканцемъ и тотчасъ попалъ въ палату депутатовъ.

За все это время всяческихъ превращеній въ странѣ, Изидóръ остался себѣ вѣренъ и именовалъ себя званіемъ собственнаго изобрѣтенія Légitimiste quand même.

А про орлеановъ продолжалъ выражаться:

— Les descendants du traitre!

Одно время старика смущало, чтобы республиканецъ Отвиль не выкинулъ его вонъ изъ его домика консьержа и чтобъ опять не пострадать за свои политическія убѣжденія. Однако, вскорѣ лукавый старикъ замѣтилъ, что республиканцу графу Отвилю очень нравится имѣть привратникомъ въ зáмкѣ отчаяннаго монархиста „qui a fait ses preuves“ и который оказался вдобавокъ хитроумнѣе господъ les blancs d'Espagne, изобрѣтя званіе „Légitimiste quand même“.

Въ дѣйствительности старинные дворяне, давно ставшіе политическими ренегатами, забавлялись своимъ слугой; какъ бы въ оправданіе себя самихъ Отвили подшучивали надъ его любовью

къ чтенію, его водевильнымъ политиканствомъ, надъ событіями его прошлой жизни, арестомъ, ресторанomъ „Пять Генриховъ“ и даже надъ его портретомъ Людовика и Маріи-Антуанеты. И привратникъ зáмка служилъ тоже темой забавнаго разговора съ гостями изъ Парижа.

Впрочемъ, безукоризненная чистоплотная и чопорная фигурка маленькаго старика съ театрально важными жестами, но вмѣстѣ съ тѣмъ съ сугубопочтительною манерой разговаривать съ господами—нравились всѣмъ, и Отвилямъ, и ихъ гостямъ.

Конечно, новой обитательницѣ зáмка, дѣвочкѣ изъ домика желѣзнодорожнаго сторожа, этотъ добрый, вѣжливый и чистенькій старичокъ понравился сразу. Эльза нашла въ этомъ человѣкѣ то, что̀ инстинктивно любила—искренность и прямоту. Изо всѣхъ обитателей зáмка онъ показался дѣвочкѣ самымъ честнымъ. Кромѣ того, онъ всегда радостно встрѣчалъ дѣвочку, и она съ удовольствіемъ заходила въ его маленькій безукоризненно чистенькій домикъ.

Изидóръ, давно не ораторствовавшій, такъ какъ за послѣднее время хворалъ и не отлучался къ знакомымъ въ Теріэль, былъ радёхонекъ, что могъ залучить дѣвочку въ качествѣ слушательницы и ученицы. Онъ повѣствовалъ безъ конца и съ наслажденіемъ слушалъ самого себя. Но, кромѣ того, на этотъ разъ онъ понималъ, что видитъ предъ собой очень умную и любознательную дѣвочку, которая трепетно слушаетъ его, разинув ротъ, не проронивъ ни слова или жадно разспрашиваетъ съ воодушевленіемъ вникая во все, о чемъ бы рѣчь ни шла.

Не прошло трехъ дней, какъ Эльза уже любила старика, а одинокій monsieur Isidore сталъ серьезно и искренно относиться къ этой умной „petite gazelle qui veut tout savoir“.

XXII.

На четвертый день пребыванія Эльзы въ зáмкѣ случились двѣ вещи довольно простыя и заурядныя, но имѣвшія, какъ оказалось впослѣдствіи, огромное значеніе въ жизни дѣвочки... Она мало обратила вниманія на эти два пустые случая, но потомъ однажды она вспомнила, что они были въ одинъ и тотъ же день. И часто долго вспоминала она о нихъ. Они имѣли огромное значеніе въ ея жизни.

Эльза, отбывъ свое скучное и утомительное занятіе—сидѣть не шевелясь предъ артистомъ, весело отправилась къ новому другу въ его домикъ. Изидо́ръ на этотъ разъ оказался хворающимъ, не въ духѣ и не сталъ ораторствовать о короляхъ Франціи...

Когда Эльза, не желая стѣснять старика, собралась уходить, старикъ обратился къ ней съ просьбой. Такъ какъ графъ позволялъ привратнику брать для чтенія книги изъ библіотеки за́мка, то Изидо́ръ попросилъ Эльзу принести ему слѣдующій пятый томъ путешествія вокругъ свѣта Дюмонъ-Дюрвиля. Онъ объяснилъ дѣвочкѣ, гдѣ библіотека, въ которую дверь изъ корридора надо войти и въ какомъ шкафу найти книгу. Эльза охотно согласилась и пустилась бѣгомъ услужить доброму старику.

Теперь только въ первый разъ замѣтила дѣвочка, что въ корридорѣ были въ рядъ три большія и одинакія двери изъ дуба съ красивою отдѣлкой и одна дверь попроще и поменьше... Изидо́ръ объяснилъ ей, что въ библіотеку ведетъ вторая дверь отъ столовой. „Но считать ли маленькую дверь?“ думала Эльза и стояла въ нерѣшительности.

Затѣмъ она сообразила, что если и ошибется, то бѣды большой нѣтъ. Эльза смѣло отворила первую большую дверь послѣ маленькой и, глянувъ въ комнату, увидѣла два большіе шкафа, картины и высокія кресла, обитыя красною кожей. Не успѣла дѣвочка осмотрѣться съ порога на затѣйливую обстановку комнаты, какъ изъ угла раздался громкій голосъ, отъ котораго она невольно вздрогнула и оторопѣла.

— Ба! Дорогая гостья. Soyez la bienvenue, mademoiselle Carado!.

И навстрѣчу къ Эльзѣ двинулся самъ графъ Отвиль, вставшій съ кресла съ книгой въ рукахъ.

— Pardon! воскликнула Эльза.

Въ одинъ мигъ, перепугавшись страшно, сама не зная чему, дѣвочка рѣзко захлопнула дверь и собралась бѣжать прямо къ себѣ, отложивъ порученіе старика до другаго раза.

Но дверь тотчасъ же снова отворилась, и графъ вышелъ въ корридоръ. Эльза окаменѣла на мѣстѣ, какъ виноватая.

— Нѣтъ! Нѣтъ. Коль скоро вы ко мнѣ попали волей судьбы, то пожалуйте, настойчиво любезно заговорилъ онъ. Я покажу вамъ много интересныхъ вещей... Мы поболтаемъ. Мнѣ нечего дѣлать и я скучаю до смерти.

Эльза стояла въ нерѣшительности.

— Извините, я ошиблась! Я не знала какую отворяла дверь... Я думала что...

— Знаю, знаю! Такова судьба... Пожалуйте!

И графъ уже собирался взять Эльзу за талію, чтобы заставить войти. Дѣвочка поневолѣ, хотя сильно смущаясь, снова переступила порогъ.

— Садитесь! весело воскликнулъ графъ.—Прежде всего не смотрите на меня, какъ на депутата и пожилаго человѣка. Traitez moi un camarade! Несмотря на мои года, я такой же весельчакъ, что любой двадцатилѣтній. И вдобавокъ я обожаю хорошенькихъ женщинъ.

Усадивъ Эльзу на огромное кресло, въ которое бы могли помѣститься три такія дѣвочки, какъ она, графъ сѣлъ противъ нея и сталъ ее разспрашивать. Начались все тѣ же вѣчные вопросы о томъ, кто она, чѣмъ занята, что̀ дѣлаетъ, гдѣ ея отецъ и мать, кто они такіе. И разспросы привели все къ тому же жгучему вопросу о происхожденіи.

По счастію графъ не сталъ настаивать подробно о томъ, что̀ Эльзу наиболѣе всегда раздражало, и тотчасъ спросилъ, бывала ли она когда въ Парижѣ.

— Никогда! отозвалась дѣвочка.

Графъ ахнулъ и началъ разсказывать: что̀ такое Парижъ, какъ тамъ весело, и затѣмъ перевелъ рѣчь на то, что Эльзѣ надо бы такъ устроиться, чтобы жить въ Парижѣ. Такая хорошенькая дѣвочка въ правѣ не только не озабочиваться заставами на желѣзной дорогѣ, но вообще не имѣть никакой работы, а жить въ довольствѣ, спокойно и весело. И вдругъ наклонясь старикъ взялъ Эльзу за руку:

— Вы слушайте, ma jolie enfant, внимательно, что̀ я вамъ скажу, вымолвилъ онъ.

И его старое сладко-лукавое лицо показалось вдругъ Эльзѣ настолько отвратительнымъ, что уродъ Филиппъ представился ей теперь около графа очень недурнымъ малымъ.

Эльза высвободила свою руку. Графъ снова потянулся за ней... И сдвинувшись съ кресла онъ еще ближе наклонился къ дѣвочкѣ, ухмыляясь ей въ лицо. Эльза быстро поднялась.

— Позвольте мнѣ уйти? выговорила она.

— Voyons! Voyons! вымолвилъ графъ нѣжно и укоризненно.— Ne faites pas l'enfant. Вы уже взрослая и умная дѣвушка.

Скажите одно слово... И у васъ будетъ все, деньги, счастье, наряды...

И вмѣстѣ съ тѣмъ, поднявшись тоже, графъ обошелъ ее и сталъ между нею и дверями. Это его нежданное объясненіе и это движеніе подѣйствовали на Эльзу, взбѣсили ее и сразу измѣнили выраженіе лица ея.

Разнородныя чувства быстро и легко отражались и смѣнялись на лицѣ пылкой креолки и моментально вполнѣ преображали красивыя черты, иногда дѣлали его восторженно оживленнымъ, иногда граціозно-угрюмымъ, иногда же искажали его совершенно. Лицо темнѣло, дурнѣло, а широко раскрытые глаза искрились пыломъ и гнѣвомъ...

И теперь съ графомъ случилось то же, что̀ бывало и съ другими. Онъ отступилъ на шагъ отъ озлобившагося молоденькаго существа и, изумляясь, присматривался.

— Comment? Un ange comme vous, заговорилъ онъ,—можетъ имѣть вдругъ такое выраженіе лица! Вы были ангеломъ тому назадъ мгновеніе, и вдругъ...

— Нѣтъ, я далеко не ангелъ, monsieur le comte? холодно отвѣтила Эльза.—И если желаете, спросите, чѣмъ считаетъ меня Баптистъ, котораго вы знаете.

— Знаю, знаю! Я его очень люблю—прекрасный малый. Un excellant garçon.

— Удивляюсь! Первый разъ слышу, чтобъ о немъ такъ отзывались. C'est un miserable!

— Ба! удивился графъ и вдругъ прибавилъ:—Ахъ да, понимаю. Вы его ненавидите за что-нибудь... Понимаю! Ну, чѣмъ же онъ васъ считаетъ?

— Une vieille sorcière en nourrice.

Графъ расхохотался сиплымъ, старческимъ смѣхомъ и вымолвилъ на-распѣвъ точно такъ же, какъ и его сынъ:

— Charmant! Cha-ar-mant!

Въ эту минуту дверь растворилась. На порогѣ появилась графиня и стала, иронически оглядывая и мужа, и Эльзу.

— Признаюсь, я этого не ожидала! вымолвила она.—И меня интересуетъ крайне, какъ это произошло? Vous êtes impayable, mon cher ami! обратилась она къ мужу.—А въ данномъ случаѣ скажу impayable et impitoyable. Вы скоро будете ухаживать за новорожденными дѣвочками. Я сейчасъ слышала слово en nourrice. Да, грудным̀ младенцамъ прекраснаго пола и тѣмъ нѣтъ пощады.

Графъ слегка насупился, но продолжая улыбаться гримасой, обратился къ Эльзѣ:

— Скажите правду, mademoiselle Elza, оправдайте меня отъ обвиненія, отъ клеветы. Скажите, какъ попали вы сюда.

Эльза, смущаясь снова, объяснила графинѣ свою ошибку.

— Ну, слава Богу! отвѣтила графиня.—А я ужь думала, что вы, обернулась она къ мужу,—que vous faites des progrès! Пойдемте со мной, дитя мое! Но помните... послушайтесь моего совѣта... Покуда будете въ замкѣ, старайтесь не переступать порога этой горницы! показала графиня на дверь.

— Vous êtes ridicule, chère ami! отозвался графъ, выпрямляясь и мѣряя жену съ головы до пятъ комически-надменнымъ взглядомъ.

Но графиня уже обхватила Эльзу рукой, пропустила впередъ себя въ дверь и вышла за ней. Затѣмъ она позвала свою субретку и показала ей Эльзу.

— Je viens de faire un sauvetage... Пожалуста не забудьте, Жюли, что я вамъ сказала! Отнеситесь къ этому серьезнѣе! Уже начало есть, стало-быть, я была права.

— Какъ? изумленно отозвалась горничная.

— Да. Я, разумѣется, была права. Такъ пожалуста не забудьте!

— Будьте спокойны, графиня! Если такъ, то я дѣйствительно буду внимательнѣе. Я думала, что это все ваше напрасное опасеніе. Да, впрочемъ, la personne en question совсѣмъ не то, что мы думаемъ. Хотя я мало знаю ее, но уже замѣтила. Она умѣетъ царапаться и кусаться.

— Да, кажется! отозвалась графиня, улыбаясь.

— А вѣдь иные маленькіе звѣрки, графиня, продолжала Жюли,—опаснѣе своими когтями большихъ звѣрей!

— Да, но все-таки наблюдайте!

Жюли позвала за собой дѣвочку и вмѣстѣ съ нею прошла въ горницу ей отведенную, маленькую, но свѣтлую, обращенную на солнечную сторону. Изъ оконъ видно было часть того же цвѣтника и часть того же ландшафта, которымъ любовалась Эльза въ первый день прибытія съ балкона Монклера.

— Сидите, ma chère enfant, больше въ вашей резиденціи! Дѣлайте, что хотите. Гулять въ саду и въ паркѣ вы будете со мной или съ г. Изидоромъ. Если скучно сидѣть сложа руки, я вамъ дамъ работу, шить что-нибудь.

— Мнѣ не изъ-чего шить, замѣтила Эльза.

— Я вамъ дамъ какую-нибудь матерію. Ну, хотите, сядьте за блузу для вашего братишки!

По оживившемуся внезапно лицу дѣвочки Жюли увидѣла, что предложеніе ея привело Эльзу въ восторгъ.

— Вотъ! Отлично! Я вамъ принесу прелестную синюю матерію, на видъ совершенный шелкъ. Она англійская и ей износу нѣтъ. Мы нарѣжемъ съ вами блузъ на ростъ вашего мальчугана, и вы будете сидѣть и работать.

— Но вѣдь это чужое?

— Ахъ, полноте! Это стóитъ два франка метръ. И что же для графини, если вы истратите хотя бы двадцать метровъ. Она будетъ очень рада!

Эльза невольно потянулась поблагодарить Жюли, и субретка тотчасъ же расцѣловалась съ ней и прибавила:

— Вы уже успѣли faire la conquête de tout le monde въ замкѣ, а понемногу и я присоединюсь къ числу очарованныхъ. Vous êtes une charmante enfant! Главное, что мнѣ въ васъ нравится—это, что вы умѣете огрызаться. Вѣдь я слышала, какихъ молодыхъ людей вы любите... Забыли? Ну, что вы сказали виконту еще при знакомствѣ.

— Графиня не разсердилась на это? спросила Эльза тревожно.

— Что вы! Напротивъ... Она тогда при мнѣ, идя завтракать, сказала г. Камиллу:—ну, вотъ дождался, наконецъ, того, что les petites villageoises тебѣ читаютъ мораль!

Въ эту минуту на дворѣ замка раздался стукъ копытъ и колесъ. Жюли выскочила въ свою комнату поглядѣть въ окно. Эльза послѣдовала за ней.

— Le voilà! Вотъ онъ! Глядите! Это вамъ любопытно!

Эльза высунулась и увидѣла, какъ изъ экипажа вышелъ господинъ средняго роста и поднялся на крыльцо.

— Видѣли? спросила Жюли.

— Видѣла. Что же?

— Ну, это онъ и есть!

— Кто?

— Русскій.

— Русскій?! воскликнула Эльза!—Да вѣдь это онъ! Онъ! Тотъ самый, котораго я... Но Эльза запнулась. Это былъ тотъ самый человѣкъ, котораго она видѣла у заставы и котораго кучеръ назвалъ Полякомъ.

Горничная поняла по-своему восклицаніе дѣвочки и объяснила ей:

— Разумѣется, дитя мое! Вѣдь я шутила. Онъ такой же человѣкъ, какъ и всѣ другіе, живущіе на свѣтѣ. Даже прибавлю вамъ, очень милый и очень добрый. Вотъ онъ ужь, конечно, никогда себѣ не позволитъ съ вами того, что позволяетъ и графъ, и г. Камиллъ, и хотя бы даже г. Монклеръ. Если судить по-этому, то Русскіе менѣе дерзки съ женщинами... Впрочемъ, это очень иногда обидная вещь! вдругъ разсмѣялась Жюли.

— Я васъ не понимаю. Какъ можетъ быть обидна вѣжливость?

— Не вѣжливость, а скромность! отозвалась Жюли.—Certaine modestie frise la bêtise.

XXIII.

И въ этотъ же день въ вечеру Эльза поступила странно и непонятно для самой себя. Она сама себѣ изумлялась и стыдилась.

Завидя „Русскаго“ въ паркѣ одного, она, ни слова не сказавъ Жюли, тоже пошла прогуляться и одна... Въ первый разъ съ тѣхъ поръ, что горничная предупредила ее не дѣлать этого.

Прежде чѣмъ выдти въ паркъ, Эльза посмотрѣлась въ зеркало. Наканунѣ она надѣла новое хорошенькое платье, сшитое ей по приказанію графини. И теперь внѣшность дѣвочки была совершенно иная. Ее узнать было нельзя. Она сама это видѣла и чувствовала. Она казалась и красивѣе, и старше...

„Узнаетъ ли онъ меня?“ думалось Эльзѣ.

И чрезъ минутъ десять она была уже на той же дорожкѣ, гдѣ шелъ „Русскій“...

Но онъ прошелъ мимо нея, опустивъ голову и даже не видалъ и не замѣтилъ, что кого-то встрѣтилъ.

Эльза проводила его глазами, сѣла на траву и задумалась.

— Онъ несчастный! проговорила она вслухъ и съ чувствомъ.— У него есть горе!

И долго продумала дѣвочка объ этомъ Русскомъ, вспоминая его задумчивость тогда у заставы ночью и его теперешнее лицо еще болѣе угрюмое. Дѣвочкѣ стало жаль этого человѣка, ей незнакомаго, а уже будто давно знакомаго.

Вернувшись въ домъ, она разумѣется тотчасъ узнала отъ Жюли, что Русскаго зовутъ Георгій Ата́линъ, причемъ горничная произнесла на свой ладъ, какъ и всѣ въ за̀мкѣ.

— Monsieur Georges D'Atalin.

Однако это мало удовлетворило дѣвочку, и на утро, когда Эльза завтракала вмѣстѣ съ Жюли и выслушивала, какъ горничная, критикуя, по косточкамъ перебирала своихъ господъ, она рѣшилась спросить то, что̀ уже почти сутки занимало ее.

— Что̀ такое—этотъ господинъ иностранецъ? не смѣло спросила она.

— Le Russe? Онъ ничего особеннаго! отозвалась Жюли.— Вотъ видите ли... Это человѣкъ любопытный только въ одномъ отношеніи... Какъ бы вамъ это объяснить?

Жюли запнулась, а Эльза подумала:

„Вѣроятно и его начнетъ горничная рѣзать на кусочки своимъ острымъ языкомъ!“

Но къ ея удивленію Жюли, подумавъ мгновеніе, заговорила:

— Это хорошій человѣкъ и жалкій человѣкъ. Вы не смотрите на то, что онъ принадлежитъ къ варварской націи. Вѣдь всѣ Русскіе sont des cosaques! Я не могу вамъ объяснить, что̀ это значитъ, но это значитъ народъ полудикій. Онъ однако должно-быть совсѣмъ не похожъ на своихъ соотечественниковъ.

И Жюли разсказала дѣвочкѣ все, что̀ слыхала отъ своей госпожи и все, что̀ слышала въ за̀мкѣ по поводу Русскаго. Эльза узнала, что Аталинъ не только давно знакомъ съ семействомъ Отвилей, но даже имъ не чужой, такъ какъ кузенъ графини женатъ на родственницѣ Аталина.

Передавъ разныя подробности, которыя были нисколько не любопытны, Жюли объяснила, что Русскій вѣчно скучаетъ, вѣчно угрюмъ, постоянно путешествуетъ и какъ бы мѣста себѣ не можетъ найти на свѣтѣ. Всюду его тянетъ и вездѣ ему скучно.

— Однако, прибавила Жюли,—онъ чрезвычайно вѣжливъ со всѣми, въ особенности съ нами—съ прислугой. Гораздо вѣжливѣе Французовъ. Онъ очень добръ. Бывая у насъ въ гостяхъ зимой въ Парижѣ и здѣсь лѣтомъ иногда по цѣлому мѣсяцу, онъ всегда всѣхъ насъ обдариваетъ. Я вамъ покажу какъ-нибудь брошку, которую купила на его деньги. Его очень жаль. C'est bien dommage, что онъ хочетъ застрѣлиться.

— Что̀?! вскрикнула Эльза, почти подпрыгнувъ на мѣстѣ.

— Да, мнѣ это графиня не разъ говорила.

— Да какъ же это можетъ быть? оторопѣла Эльза.

— Очень просто. Онъ хочетъ себя убить.

— Почему?

— Отъ тоски. Это у нихъ націи такая болѣзнь... Они ходятъ, ходятъ, скучаютъ, скучаютъ, а потомъ и застрѣливаются. Это называется—спливъ.

Жюли смутно помнила, что она вретъ, и что такая болѣзнь существуетъ, кажется, не у Русскихъ, а у какого-то другаго народа, но подумала, что это обстоятельство совершенно безразлично для дѣвочки.

Эльза при этомъ извѣстіи настолько смутилась, даже испугалась, что глубоко задумалась, уже не слыхала ничего остальнаго, что̀ болтала горничная. Ей стало невыразимо жалко этого незнакомаго человѣка, къ которому она уже относилась такъ, какъ еще никогда ни къ кому... Это былъ почти единственный человѣкъ, который сразу, вслѣдствіе неизвѣстныхъ причинъ, сталъ ей почему-то милъ. И вдругъ, какъ нарочно, именно у этого человѣка такая болѣзнь, отъ которой всякій болѣющій кончаетъ самоубійствомъ.

— Что̀ вы вдругъ приnечалились? Вы, кажется, даже меня не слушаете? Что̀ съ вами? удивилась Жюли.

Эльза пришла въ себя, застыдилась и вымолвила:

— Ничего.

— Какъ ничего? У васъ и лицо стало другое. Нездоровится вамъ?

— Охъ, нѣтъ, ничего... Это такъ.

— Ну, однако, пора. двѣнадцать часовъ. Господа сейчасъ кончатъ завтракъ и г. де-Монклеръ будетъ васъ ждать. Кстати сказать, вы знаете, вчера въ вечеру я забралась къ нему въ мастерскую, поднимала съ головы статуи мокрую тряпку и ахнула... Вѣдь вы положительно живая! И въ особенности, я думаю, потому что и глина коричневая, да и вы, моя милая, не можете сказать, чтобы были, какъ всѣ мы, бѣлы лицомъ. Отъ этого сходство еще сильнѣе. Поразительно!

— Отчего онъ мнѣ не хочетъ дать близко поглядѣть? спросила Эльза.—Какъ кончитъ, такъ гонитъ вонъ. И вся эта кукла всегда въ тряпкѣ, кромѣ головы и плечъ.

— Ужь, право, не знаю! Боится, можетъ-быть, чтобы не сглазили. Отъ вашего mauvais oeil.

Эльза вышла отъ Жюли и направилась черезъ весь домъ въ

комнату, служившую скульптору мастерской, но едва сдѣлала она нѣсколько шаговъ, какъ одинъ изъ лакеевъ зáмка остановилъ ее. Онъ объявилъ, что служащій на станціи въ багажномъ отдѣленіи—Фредерикъ привезъ ящикъ въ зáмокъ и хочетъ съ ней повидаться по дѣлу.

— Гдѣ же онъ?! почти воскликнула Эльза и оживилась.

— За воротами или у г. Изидóра.

Эльза быстро сбѣжала по парадной лѣстницѣ, пробѣжала дворъ, какъ любила и умѣла бѣгать—настоящею газелью, и увидѣла за сквозными воротами станціонную телѣжку и лошадь, а около нея своего друга Фредерика. Въ одну секунду она была уже за воротами, и они поздоровались.

— Я за вами, mamzelle Elzire, сказалъ Фредерикъ, всегда называя дѣвочку ея полнымъ именемъ. Когда я ѣхалъ мимо вашихъ заставъ, г. Бантистъ сказалъ мнѣ, чтобъ я васъ привезъ. У васъ какая-то пріѣзжая дама и желаетъ васъ видѣть.

— Какая дама? изумилась Эльза.

— Право не знаю. И онъ не сказалъ. Сказалъ только, что г-жа Карадоль требуетъ, чтобы вы сейчасъ же пріѣхали со мной, такъ какъ дама эта вскорѣ уѣзжаетъ, а ей нужно васъ видѣть.

— Ничего не понимаю! изумилась Эльза.—Какая же дама можетъ быть въ гостяхъ у насъ?

— Я предполагаю, mamzelle Elzire, что это та же дама, которая пріѣхала на этихъ дняхъ. Ее даже г. Бретейль свезъ въ мѣстечко. Ея имя Rose Dupré.

— Роза Дюпрэ... Я о такой никогда не слыхала! изумилась Эльза. Обождите меня...

И тотчасъ, точно также бѣгомъ пустилась она къ Жюли и стала просить ее доложить графинѣ. Пришлось дожидаться довольно долго. Наконецъ горничная вернулась обратно и объявила ей, что она можетъ ѣхать, но съ тѣмъ условіемъ, чтобы возвратиться къ вечеру или на другой день рано утромъ.

— Г. де-Монклеръ въ ярости! сообщила она смѣясь.—Рветъ и мечетъ. Говоритъ, что если этакъ работать съ перерывами, то лучше все бросить. Онъ ни за что не хотѣлъ согласиться, но графиня его уговорила. Такъ пожалуста пріѣзжайте сегодня вечеромъ или завтра утромъ. А если вы завтра не будете, то за вами пошлютъ лошадей.

Эльза была совершенно счастлива, что можетъ побывать снова дома; кромѣ того, она была заинтересована г-жей Дюпрэ, которая

у нихъ гостить и, наконецъ, она была особенно рада, что можетъ проѣхаться съ Фредерикомъ, къ которому у нея было что-то и уже давно на сердцѣ. Она надѣла свое собственное голубое платье, считая новое платье чужимъ, и выскочила изъ зáмка. Чрезъ нѣсколько минутъ она уже катила въ телѣжкѣ рядомъ съ Фредерикомъ.

— Какъ я рада, что вырвалась отсюда! воскликнула Эльза, оглядываясь на зáмокъ.

— А что? Развѣ нехорошо вамъ тутъ?

— Нѣтъ. Ни хорошо, ни дурно... Не знаю. Но хотѣлось бы мнѣ отсюда вырваться совсѣмъ. Они всѣ какіе-то странные, кромѣ Русскаго.

— А, Русскій! Знаю! Онъ очень милъ, вѣжливъ и очень смѣшно говоритъ по-французски. Такъ же, какъ и я! улыбнулся Фредерикъ.

— Да, это правда, правда! разсмѣялась Эльза.—Я и забыла! Я все думала, что̀ общаго между вами и имъ, и вотъ именно вы оба говорите съ какою-то особенною манерой.

XXIV.

Всю дорогу Эльза и Фредерикъ болтали неумолкая о разныхъ пустякахъ, но всякій посторонній замѣтилъ бы, что между ними положительно что-то есть. Это не простые знакомые. Дѣйствительно, прямодушный и честный, но крайне ограниченный молодой малый, почти не сознавая, былъ влюбленъ въ Эльзу.

Въ качествѣ Альзасца, которому не давалась французская рѣчь, Фредерикъ подвергался часто шуткамъ и только изрѣдка кто-либо заступался за него, говоря, что только въ прежнія времена можно было шутить надъ Альзасцами. Потѣшаться же теперь положительно не слѣдуетъ изъ чувства патріотизма.

Вслѣдствіе скромности, отчасти вслѣдствіе усерднѣйшаго исполненія своихъ обязанностей, Фредерикъ былъ вѣчно занятъ, а въ свободные часы избѣгалъ всякихъ обществъ. Только изрѣдка его тянуло къ заставамъ около моста, чтобы взглянуть и поболтать немножко съ дѣвочкой, которая стала для него чѣмъ-то особенно дорогимъ. Разумѣется, Альзасецъ и не догадывался, что это чувство не простая симпатія, а начинающееся чувство любви.

Эльза, со своей стороны, начала съ того, что полюбила Фредерика за его ласки Этьену, за то, что онъ дѣлалъ ему змѣи, устраивалъ телѣжки, а однажды подарилъ цѣлый поѣздъ съ паровозомъ, состроеннымъ имъ самимъ. Затѣмъ Эльза стала относиться къ Альзасцу еще теплѣе, именно по той причинѣ, что всѣ остальные и въ особенности Баптистъ считали долгомъ трунить надъ нимъ и въ глаза и заглазно. Фредерикъ показался дѣвочкѣ въ загонѣ у всѣхъ, а этого было достаточно, чтобы полюбить его и горячо за него заступаться.

Понемногу незамѣтно отношенія дѣвочки къ якобы унижаемому и преслѣдуемому всѣми Альзасцу стали особеннымъ чувствомъ, которое Эльза называла une grande amitié, но ошибалась. Наименованіе слѣдовало дать другое.

Вдобавокъ во Фредерикѣ было нѣчто, что особенно было по сердцу дѣвочкѣ. Онъ былъ чрезвычайно дуренъ. Необъяснимая и загадочная психическая черта ея характера была въ томъ, что ей были милы старики и старухи и чѣмъ дряхлѣе, тѣмъ больше. А затѣмъ ей нравились мужчины и женщины, отличающіеся дурнотой.

Бѣлокурый Альзасецъ съ рыжеватымъ оттѣнкомъ волосъ, съ лицомъ, покрытымъ веснушками, съ маленькими глазами, толстымъ носомъ, небольшаго роста, коренастый и крайне неуклюжій въ движеніяхъ не могъ бы, конечно, понравиться никому. Но въ маленькихъ глазахъ Фредерика была такая доброта и такая скромность, въ губахъ, то-есть въ улыбкѣ, было нѣчто такое располагающее къ себѣ, что всѣ умные и порядочные люди въ Теріэлѣ заявляли желаніе, чтобы всѣ молодые люди были похожи характеромъ на Альзасца.

Однажды одно выраженіе уважаемаго всѣми человѣка не мало подѣйствовало на Эльзу. Бывшій пріятель ея отца Бретейль сказалъ:

— Во всемъ околоткѣ нѣтъ у насъ другаго Фредерика! Это такой малый, какихъ немного на свѣтѣ. Я бы желалъ, чтобъ у меня былъ такой сынъ. Вотъ что!

Фредерикъ и Эльза видѣлись часто, такъ какъ Альзасецъ всегда возилъ разныя посылки въ замокъ и проѣзжалъ черезъ заставы. Когда онъ бывалъ свободенъ и багажное отдѣленіе запиралось, онъ тотчасъ же являлся повидать якобы Этьена и что-нибудь устроить ему: поправить змѣй или просто погулять съ нимъ по полю.

Но, разумѣется, Фредерикъ почти наивно или совѣстясь самого себя, выбиралъ тѣ часы, когда онъ зналъ навѣрное, что Эльза дома. Дѣвочка не отходила ни на шагъ отъ Альзасца и брата и вмѣстѣ съ ними, когда было возможно, отправлялась гулять.

Первый понявшій какого рода отношенія возникаютъ между посыльнымъ багажнаго отдѣленія и дѣвочкой былъ, конечно, проницательный, въ особенности въ извѣстныхъ вещахъ, Баптистъ. Раза два или три презрительно усмѣхаясь бросилъ онъ имъ слова:

— Nos amoureux!

Выраженіе это каждый разъ громомъ раздавалось надъ головами скромнаго Альзасца и чистой помыслами дѣвочки. Но слова эти однако возымѣли особое дѣйствіе: и Фредерикъ и Эльза стали какъ будто сами подумывать о томъ, ужь не правъ ли Баптистъ.

Теперь, конечно, они были почти счастливы, что ѣдутъ вмѣстѣ. Но разстояніе было не велико. Вдали уже виднѣлись: желѣзнодорожный мостъ, крыша домика у заставъ, далѣе, среди равнины, мѣстечко Теріэль, а ближе: поле, платформа и станція.

Фредерикъ уже жалѣлъ, что такъ быстро прошло время и вмѣстѣ съ тѣмъ, будто въ борьбѣ съ самимъ собою, все больше погонялъ лошадь и ѣхалъ такъ быстро, какъ никогда не ѣзжалъ одинъ.

— Вы спѣшите? выговорила вдругъ Эльза.—Васъ ждутъ на станціи?

— Нѣтъ, я свободенъ. Мнѣ только въ два часа надо быть...

— Зачѣмъ же вы такъ гоните лошадь? Ступайте шагомъ.

— Я думалъ, вамъ надо скорѣй... какъ-то смутился Фредерикъ, но сразу остановилъ лошадь и пустилъ ее шагомъ.

И лицо его вдругъ сильно прояснилось. Онъ улыбался и такими добрыми глазами посмотрѣлъ на дѣвочку, что она тоже оживилась сильнѣе.

— Ну, вотъ и отлично! Проѣдемъ шагомъ и поболтаемъ подольше! выговорила она.

„Nos amoureux!“ вдругъ пришло ей на умъ. На мгновеніе она какъ будто насупилась, но потомъ снова оправилась.

— Скажите мнѣ, началъ Фредерикъ,—всѣ эти господа, старый и молодой графы, этотъ длинноволосый господинъ съ бородой, артистъ, и хотя бы этотъ Русскій—какъ они къ вамъ относятся?

— Графъ и виконтъ Отвили мнѣ противны, отвѣтила Эльза просто,—и молодой еще противнѣе, чѣмъ старый. На стараго я стараюсь не смотрѣть, у него скверное лицо, скверные глаза... Наконецъ и я встрѣтила такого старика, который мнѣ противенъ! Молодой постоянно надо мной подсмѣивается. Г. Монклеръ очень рѣзкій и грубоватый человѣкъ, но хорошій. А Русскій очень милый. Знаете ли, какая жалость... что онъ сдѣлать собирается... Это ужасно!

— Что же такое?

— Я просто вспомнить не могу...

Эльза хотѣла было уже разсказать подробно то, что слышала отъ Жюли, но смутилась вопросомъ имѣетъ ли она право это разсказывать и вспыхнула.

— Что же? повторилъ Фредерикъ и, видя краску на ея лицѣ, смутился тоже и сразу сталъ угрюмъ.

Альзасецъ даже и не подозрѣвалъ, что въ немъ заговорила ревность. Когда же Эльза упорно отказалась разсказать то, что хотѣла, Фредерикъ насупился окончательно и вдругъ выговорилъ:

— Il vous fait la cour!

И при этомъ молодой малый отчаянно хлеснулъ лошадь бичемъ и двинулся крупною рысью.

— Quel bête de mot! отозвалась Эльза.—Простите, ужасно глупое выраженіе!.. Да развѣ это можетъ быть? Со мной этого никогда не бывало! Есть люди, которые мнѣ надоѣдаютъ любезностями, есть, которые грубо обращаются со мной, но ухаживать—за мной никогда никто не ухаживалъ. Я не знаю, что это такое...

— Почему же вы начали говорить, покраснѣли и замолчали?

— Такъ... Когда-нибудь я можетъ-быть разскажу вамъ. Я не знаю имѣю ли я право говорить...

— Ахъ... Это тайна...

— Да... Можетъ-быть и нѣтъ... Я не знаю.

— Ну а я вамъ говорю: il vous fait la cour! отчаянно отозвался Фредерикъ и съ остервенѣніемъ захлопалъ бичемъ. Лицо его стало такимъ, какого Эльза никогда не видала у него: сосредоточенно-мрачнымъ, не злымъ, а грустно-задумчивымъ.

Она замолчала какъ виноватая.

Телѣжка быстро долетѣла до заставъ. Этьенъ, завидѣвшій подъѣзжающихъ, уже успѣлъ растворить ихъ. Эльза забыла все пропшедшее, выскочила на шоссе и, бросившись къ брату, стала обнимать и цѣловать его.

Альзасецъ, обыкновенно при встрѣчахъ съ Этьеномъ тоже цѣловавшій его и задерживавшійся для разспросовъ, теперь только крикнулъ:

— Bonjour, Etienne!

И прибавивъ, трогая фуражку:—„до свиданія!“ онъ, сильно ударивъ лошадь, перелетѣлъ черезъ полотно дороги и умчался.

— Что̀ съ нимъ? спросилъ озадаченный Этьенъ.—Сердитъ онъ...

— Не знаю... Такъ... Скажи, какая дама у насъ?

Этьенъ сразу насупился.

— Не могу сказать... Мать не велѣла. Иди. Сейчасъ увидишь сама.

— Да ты скажи кто такая? Г-жа Дюпрэ?

— Что̀?! изумился Этьенъ.

— Г-жа Роза Дюпрэ.

— Что̀ ты? Tu perds la boule! Какая Роза Дюпрэ?

— Такъ скажи кто же это?

— Не могу... Онѣ взяли съ меня слово не говорить. Да иди, увидишь!

— Но зачѣмъ она пріѣхала?

— Diable! Ты мнѣ надоѣла! Иди! нетерпѣливо вымолвилъ мальчикъ.

Когда они вошли въ домикъ, Анна встрѣтила ихъ, и Эльза сразу замѣтила, что мать будто отчасти чѣмъ-то озабочена. Вмѣстѣ съ тѣмъ Эльза съ удивленіемъ остановилась на порогѣ, увидя, что кровать Этьена и матрацъ съ бѣльемъ съ ея кроватп были въ первой горницѣ. Она догадалась, что ихъ комната на вышкѣ была очищена для пріѣзжей.

— Что̀ это за дама? воскликнула она.

— А вотъ увидишь! улыбнулась Анна какъ-то загадочно, но не весело...

(Продолженіе слѣдуетъ.)

Гр. Салiасъ.

ГРАФЪ МИХАИЛЪ НИКОЛАЕВИЧЪ МУРАВЬЕВЪ (ВИЛЕНСКІЙ)

въ главнѣйшія эпохи дѣятельности, государственной и общественной.

По новѣйшимъ библіографическимъ даннымъ.

Графъ М. Н. Муравьевъ скончался въ ночь на 29 августа 1866 года, въ своемъ имѣніи Сырцѣ, Лужскаго уѣзда. Часъ его кончины остался неизвѣстенъ: старикъ камердинеръ слышалъ всю ночь, почти до разсвѣта, кашель своего барина, а утромъ не могъ его добудиться: графъ Муравьевъ заснулъ вѣчнымъ сномъ! Переходъ отъ бытія къ смерти совершился безъ борьбы и страданій, тогда какъ вся жизнь его была борьбой. Правда, уже въ дѣтствѣ онъ былъ отлично подготовленъ къ труду своими родителями. Отецъ его, Николай Николаевичъ Муравьевъ, тоже замѣчательный русскій человѣкъ, съ многосторонними знаніями, извѣстный основатель Училища Колонновожатыхъ и лучшій педагогъ своего времени,—самъ лично слѣдилъ, насколько могъ, за умственнымъ развитіемъ и научнымъ образованіемъ своихъ пяти сыновей,[1] въ томъ числѣ и третьяго—Михаила Николаевича, родившагося 1 октября 1796 года. О здоровьѣ же дѣтей, ихъ нрав-

[1] Александръ Николаевичъ—декабристъ, впослѣдствіи нижегородскій губернаторъ; Николай Николаевичъ (Карсскій); Михаилъ Николаевичъ (Виленскій); Андрей Николаевичъ, извѣстный писатель, и Сергѣй Николаевичъ.

ственности и домашнемъ воспитаніи, до самой смерти своей, заботилась мать, Александра Михайловна, рожденная Мордвинова. Графъ Михаилъ Николаевичъ часто говаривалъ: „если мы вышли порядочными людьми, а не сорванцами, то всѣмъ этимъ обязаны единственно покойной матушкѣ; отецъ не могъ съ нами много заниматься.“

Въ самой ранней молодости Михаилъ Муравьевъ обнаружилъ блестящія способности къ изученію точныхъ наукъ. Будучи четырнадцати-лѣтнимъ студентомъ, онъ основываетъ въ 1810 году, своимъ починомъ, Московское Общество Математиковъ, имѣвшее цѣлью распространеніе въ Россіи математическихъ знаній, посредствомъ изданія лучшихъ современныхъ сочиненій. Тотъ же студентъ Муравьевъ пишетъ уставъ Общества и, не говоря о горячемъ сочувствіи и одобреніи отца, добивается содѣйствія тогдашняго попечителя Московскаго Университета, Павла Ивановича Голенищева-Кутузова и министра просвѣщенія графа Разумовскаго. Высочайшее утвержденіе устава Императоромъ Александромъ I состоялось 7 апрѣля 1811 г. Николай Николаевичъ Муравьевъ (отецъ) избранъ въ президенты Общества, а вице-президентомъ или директоромъ—основатель Общества и составитель устава, студентъ Михаилъ Николаевичъ Муравьевъ, имѣвшій отъ роду въ апрѣлѣ 1811 *года четырнадцать лѣтъ и шесть мѣсяцевъ!* Такое блестящее начало карьеры указывало, повидимому, на будущность знаменитаго ученаго, но судьба молодаго Муравьева неожиданно перебросила его совсѣмъ въ другую сторону. Приближеніе Отечественной Войны прекратило мирныя занятія Общества Математиковъ.

Въ декабрѣ 1811 М. Н. Муравьевъ поступаетъ на службу Колонновожатымъ, а 27 января 1812 года блестящимъ образомъ выдерживаетъ въ Петербургѣ экзаменъ и получаетъ первый офицерскій чинъ прапорщика свиты Его Величества по квартирмейстерской части. Въ памятный день Бородина, находясь на батареѣ Раевскаго, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ Беннигсена (начальника главнаго штаба), Муравьевъ сидѣлъ верхомъ, какъ вдругъ ядро ударило въ грудь лошади, пронизало ее насквозь и ранило сѣдока. Снарядъ вырвалъ часть мускуловъ, но по счастію не задѣлъ самой берцовой кости. Повалившись безъ памяти вмѣстѣ съ убитою лошадью, Муравьевъ распростерся на землѣ. „Ядро“—разсказываетъ Николай Николаевичъ (Карсскій) въ своихъ запискахъ,— „задѣло брата по лѣвой ляжкѣ такъ, что

сорвало все мясо съ поврежденіемъ мышцъ и оголило кость. Судя по обширности раны, ядро казалось было двѣнадцати-фунтовое. Брату былъ шестнадцатый годъ отъ роду.“ — По приказанію Беннигсена четыре солдата вынесли раненаго изъ-подъ выстрѣловъ; онъ далъ имъ свой послѣдній червонецъ, прося не оставлять его, но трое солдатъ бросили ружья и ушли, а четвертый отыскалъ подводу безъ лошади, взвалилъ на нее Муравьева и, самъ взявшись за оглобли, вывезъ его на большую дорогу и ушелъ. Какой-то проѣзжій лѣкарь взялъ тряпку и перевязалъ ногу страдальца узломъ. Потомъ мимо его провезли другую телѣгу съ ранеными солдатами. Кто-то изъ состраданія привязалъ оглобли телѣги Муравьева къ первой и его дотащили въ Можайскъ, гдѣ положили на землю и бросили одного среди умирающихъ. Такъ повторялось и дальше: то подтащатъ, то бросятъ, такъ что просто не вѣрится, какимъ образомъ могъ человѣкъ спастись и выбраться живымъ изъ такого положенія. Онъ каждую минуту рисковалъ быть раздавленнымъ артиллеріей или конницей, истечь кровью, умереть отъ голода или отъ гангрены. Въ концѣ концовъ Михаила Николаевича спасла его находчивость: на воротахъ каждой избы куда его втаскивали, Христа ради, онъ просилъ надписывать: „Муравьевъ 5-й.“ [1] По этой надписи и нашелъ его старшій братъ Александръ, отвезъ въ Москву, въ отцовскій домъ, но въ ранѣ уже открылась гангрена, такъ что больной долженъ былъ подвергнуться операціи и выдержалъ ее съ большимъ мужествомъ. Потомъ его повезли въ Нижній-Новгородъ къ отцу, который былъ занятъ тамъ формированіемъ ополченія. Когда же отъѣхали верстъ двадцать отъ Москвы и съ больнаго сняли перевязку, то нашли, что антоновъ огонь вновь открылся. Казалось онъ былъ обреченъ на смерть и спасенія ожидать было невозможно, а вышло иначе. Въ родительскомъ домѣ и попеченіями опытнаго врача Муравьевъ поправился до того, что въ слѣдующемъ 1813 году участвовалъ въ кампаніи противъ Наполеона, а въ 1814 и 1815 его уже посылаютъ съ порученіемъ на Кавказъ. Затѣмъ, Михаилъ Николаевичъ живетъ то въ Петербургѣ, то въ Москвѣ, гдѣ усердно помогаетъ отцу въ новомъ дѣлѣ, имъ предпринятомъ.

[1] Однофамильцы изъ военныхъ отличались нумерами. Въ тѣ поры состояли на службѣ: Никита Муравьевъ (офицеръ генеральнаго штаба), Артамонъ Муравьевъ (гусаръ Ахтырскаго полка), и Александръ, Николай и Михаилъ Николаевичи Муравьевы.

Дѣло это состояло въ томъ, что изъ общества математиковъ возродилось „Московское учебное заведеніе для колонновожатыхъ“ — будущій разсадникъ офицеровъ русскаго генеральнаго штаба и предмѣстникъ Военной Академіи. Михаилъ Николаевичъ составилъ учебныя программы и Уставъ этого заведенія, удостоившіеся Высочайшаго утвержденія, по представленію князя П. М. Волконскаго. Кромѣ того, по почину Муравьева (сына) вырабатываются дисциплинарныя правила для воспитанниковъ, вводится обученіе ихъ фронту, утверждается однообразная форма обмундированія, словомъ, Муравьевъ поспѣльно помогаетъ отцу словомъ и дѣломъ, что̀ не мѣшаетъ ему составить и издать руководство, подъ заглавіемъ: „Измѣреніе высотъ посредствомъ барометрическихъ наблюденій (1816—1817 гг.)“. [1] Можно бы подумать, что изъ Муравьева образуется отличный военный педагогъ, или будущій образцовый директоръ какого-нибудь военно-учебнаго заведенія. Самый прозорливый наблюдатель не могъ бы предугадать въ немъ великаго дѣятеля 1863 г., это было тѣмъ болѣе не вѣроятно, что какъ разъ послѣ 1815 года карьера Михаила Николаевича быстро пошла книзу: онъ вышелъ въ отставку, предварительно вступивъ въ тайныя общества, что̀ привело его на край гибели. Исторія тайныхъ обществъ въ Россіи современемъ составитъ цѣлый томъ Исторіи Государства Россійскаго. Насъ здѣсь интересуетъ только то, при какихъ условіяхъ изощрялись способности, крѣпла воля и закалялась душа будущаго спасителя Литвы. Скажемъ коротко, что развитіе у насъ тайныхъ обществъ въ первой половинѣ текущаго вѣка имѣло три главныя причины: 1) Послѣ войны, офицерамъ вообще, а офицерамъ генеральнаго штаба въ особенности нечего было дѣлать, а праздность—мать всякаго зла. 2) Наши войска исходили всю Европу, и офицеры, особенно гвардейскіе, усердно изучали въ Германіи устройство „Тугендбунда“ — самаго благонамѣреннаго и легальнаго изо всѣхъ тайныхъ обществъ, даже утвержденнаго королемъ, почему самые разумные и умѣренные изъ нашихъ военныхъ приняли его за образецъ. Другіе, болѣе пылкіе, увлеклись идеями французской революціи 1789 г., и политическая

[1] *Военный Сборникъ* 1866, № 10. *Русскій Инвалидъ* 1866, № 10. *Жизнь графа М. Н. Муравьева* въ связи съ событіями его времени и до назначенія губернаторомъ въ Гродно. Д. А. Кропотова Спб. 1874. Стр. 33, 35, 62, 77, 78, 86, 93, 109.

зараза зачадила умы не однихъ офицеровъ, но даже солдатъ, которые разбаловались и разнуздались до того, что въ корпусѣ графа Воронцова, остававшагося во Франціи дольше всѣхъ, пришлось прибѣгать къ страшнымъ экзекуціямъ и раскассированію цѣлыхъ полковъ и баталіоновъ. Бунтъ Семеновскаго полка представляетъ отраженіе духа времени на гвардіи. 3) Окончательный результатъ Наполеоновскихъ войнъ выразился въ Россіи неимовѣрнымъ размноженіемъ тайныхъ обществъ, которыя росли какъ грибы. Сначала они приняли форму массонскихъ ложъ, но эти ложи скоро наскучили благомыслящимъ людямъ, видѣвшимъ, что тутъ все сводилось къ театральной обрядности и пустой, безцѣльной болтовнѣ, такъ что нѣкоторыя общества стали принимать характеръ и окраску Итальянскихъ Карбонаріевъ, и наконецъ — Парижскихъ Клубовъ 1789 года. Вскорѣ, по возвращеніи изъ Франціи, въ 1816 году, гвардейскіе офицеры [1] задумали основать тайное общество, по образцу видѣнныхъ ими за границей.

Въ февралѣ 1817 года Никитой Муравьевымъ былъ введенъ въ этотъ кружокъ Павелъ Пестель, служившій въ Митавѣ адъютантомъ при князѣ Витгенштейнѣ, командирѣ 1-го пѣхотнаго корпуса и, впослѣдствіи, — командующемъ южною арміей. Небольшой кружокъ офицеровъ-членовъ тайнаго общества, подчинившись вліянію Пестеля, скоро превратился въ настоящій заговоръ, — въ тайное политическое общество, получившее названіе— „Союза Спасенія“ или „Союза истинныхъ и вѣрныхъ сыновъ отечества“. [2]

Между февралемъ 1817 и маемъ 1818 Михаилъ Николаевичъ Муравьевъ поступаетъ въ „Союзъ Спасенія“, по свидѣтельству самого Пестеля. Эти два человѣка должны были столкнуться и столкнулись. Общество имѣло двѣ степени: бояръ, мужей и братій, то-есть непосвященныхъ. Муравьевъ вступилъ въ число послѣднихъ и сначала не сознавалъ истинныхъ цѣлей общества. „Оно представлялось ему чѣмъ-то въ родѣ „общества математиковъ“ или, пожалуй, массонской ложи“. „Вступилъ же онъ въ „Союзъ Спасенія“ позже всѣхъ, когда увидѣлъ, что старшій братъ и большая часть сослуживцевъ и знакомыхъ принадле-

[1] Александръ Николаевичъ Муравьевъ (старшій братъ Михаила Николаевича), Никита Михайловичъ Муравьевъ, князья Сергѣй Трубецкой, Илья Долгоруковъ, Ѳедоръ Глинка, Новиковъ, Лунинъ и Семеновскіе офицеры: князь Шаховской, Сергѣй и Матвѣй Муравьевы-Апостолы и Якушкинъ.

[2] *Жизнь графа М. Н. Муравьева*—Д. А. Кропотова стр. 190—192.

жать союзу. Между тѣмъ, замыслы этого общества зашли очень далеко. Пестель написалъ для него уставъ, подъ названіемъ „Русской Правды"; тамъ прямо предлагалось отдѣлить отъ государства въ составъ Польши всѣ западныя наши губерніи, затѣмъ составить Холмогорскую область изъ трехъ Прибалтійскихъ губерній, Новгородской, Тверской и—Сѣверскую или Сѣверянскую область изъ губерній Архангельской, Вологодской, Пермской, Ярославской и Костромской. По этому шаблону предполагалось раздѣлить всю Россію на области, изъ области—составить федерацію, въ которую ввести республиканскій образъ правленія. Средства для достиженія цѣли предлагались самыя крайнія. Кинжалъ, ядъ или заточеніе являлись обязательными орудіями для исполненія заговора. Замѣчательна и характерна попытка Пестеля устроить заговоръ въ заговорѣ противъ своихъ товарищей—декабристовъ съ тѣмъ, чтобы самому пожать плоды переворота. Двуличіе и вѣроломство (Пестеля) обнаружились во время слѣдствія въ предположеніи его, чтобы, по истребленіи царствующей фамиліи, всѣхъ заговорщиковъ-убійцъ предать смертной казни и, такимъ образомъ, явивъ себя передъ народомъ мстителемъ за императорскую фамилію, отклонить отъ себя и отъ своихъ друзей подозрѣніе въ гнусномъ злодѣйствѣ"... [1]

„Русская правда" предлагала обществу „начала двойственной нравственности, изъ которыхъ одна была для посвященныхъ, а другая для непосвященныхъ. Негласною цѣлію было уничтоженіе въ государствѣ монархической власти и созданіе на ея мѣстѣ республиканскаго управленія съ превращеніемъ имперіи въ группу федеративныхъ областей; гласною же цѣлію — способствовать всему полезному"... Пестель лично началъ подавать примѣръ практической подготовки путей къ негласной цѣли: „онъ подвергалъ жесточайшимъ наказаніямъ нижнихъ чиновъ ввѣреннаго ему Вятскаго полка, при которыхъ обыкновенно изъявлялъ притворное сожалѣніе къ истязуемымъ, увѣряя ихъ, будто жестокость ему предписана свыше". Пусть думаютъ, говорилъ онъ, что не мы, а высшее начальство и самъ государь причиной излишней строгости. [2] „Общество управлялось" совѣтомъ бояръ и

[1] Всеподданнѣйшій докладъ Верховнаго Уголовнаго Суда, 10 іюля 1826. Имя М. Н. Муравьева нигдѣ не упомянуто въ росписи прикосновенныхъ лицъ. *Жизнь графа Муравьева*—Кропотова, стр. 194.

[2] Всеподданнѣйшій докладъ Верховн. Уголовнаго Суда. Роспись № 1. Кропотовъ. *Жизнь гр. М. Н. Муравьева*, стр. 192—195.

вновь вступившій членъ обязанъ былъ давать клятву о храненіи въ тайнѣ всего, что̀ ему откроютъ, хотя бы то и было несогласно съ его мнѣніемъ. Требованіемъ этой статьи открыла глаза Муравьеву и освѣтила предъ нимъ бездну, въ которую стремился его братъ, друзья, товарищи и онъ самъ. Когда этотъ же самый братъ, Александръ Николаевичъ явился къ нему съ Евангеліемъ и крестомъ, и когда онъ, послѣ краткой рѣчи объ обязанностяхъ члена тайнаго общества, предложилъ ему произнести клятву въ безусловномъ повиновеніи высшимъ членамъ союза спасенія и храненія тайны, Михаилъ Николаевичъ наотрѣзъ отказался отъ этой формальности, а когда братъ, для окончательнаго убѣжденія, далъ ему прочесть уставъ Пестеля, то достигъ совершенно противоположнаго результата. Такой человѣкъ, какъ Михаилъ Муравьевъ, не могъ признать Пестеля законодателемъ и слѣпо подчиниться его деспотическому вліянію и сумасброднымъ требованіямъ". Біографъ Муравьевъ очерчиваетъ характеръ Пестеля такъ: „Сынъ жестокосердаго и самовластнаго генералъ-губернатора Сибири, Павелъ Пестель былъ замѣчателенъ по своему упрямому, необузданному характеру, превосходной памяти и увлекательному дару слова. Къ рѣчамъ своимъ онъ обыкновенно приготовлялся и любилъ уснащать ихъ глубокою эрудиціей, но при повѣркѣ однакожь весьма часто оказывалось, что запасъ ея былъ очень не великъ. При всѣхъ способностяхъ своего ума и отличномъ, внѣшнемъ образованіи, онъ совершенно не зналъ Россіи, которую думалъ преобразовать и всѣ свѣдѣнія о ней почерпалъ преимущественно изъ французскихъ писателей, исконно славившихся своимъ невѣдѣніемъ и непониманіемъ всего, что̀ относится къ Россіи"... „Нѣмецъ по происхожденію, иностранецъ по воспитанію, протестантъ по религіи, онъ не былъ связанъ съ Россіей никакимъ родственнымъ, безконечнымъ по любви чувствомъ; она не столько была для него отечествомъ, сколько страной самолюбивой эксплуатаціи. По своимъ политическимъ воззрѣніямъ Пестель скорѣе подходилъ къ разряду крайнихъ макіавелистовъ, для которыхъ нѣтъ ничего святаго." [1]

Михаилъ Николаевичъ Муравьевъ былъ совершенною противоположностью Пестелю. Русскій по происхожденію и воспитанію, православный по вѣрѣ, онъ былъ связанъ съ Россіей душой, умомъ и всѣми своими чувствами. Она была его отечествомъ, которому

[1] Кропотовъ. *Жизнь гр. Муравьева*, стр. 193.

онъ во всю свою жизнь горячо желалъ всякаго блага и преуспѣянія. По своимъ же политическимъ убѣжденіямъ онъ былъ не консерваторъ и не прогрессистъ, это былъ самородокъ, характерный, типическій русскій человѣкъ. Пестель черпалъ свои понятія о Россіи изъ иностранныхъ книгъ; Муравьевъ изучалъ народный бытъ въ своихъ поѣздкахъ на Кавказъ и во многія внутреннія губерніи, гдѣ находились имѣнія его отца, часто посылавшаго его на ревизію сельско-хозяйственнаго управленія. Наконецъ, уставу Пестеля, уродливо-фантастическому по существу и по формѣ, не могъ сочувствовать, „трезвый умъ, который не могъ примириться съ такими фантазіями, какъ превращеніе однимъ почеркомъ пера единой, нераздѣльной, могущественной Россіи въ федераціи боярскихъ республикъ. Ему показалось смѣшнымъ и неумѣстнымъ примѣненіе разныхъ сценическихъ эффектовъ, кинжаловъ, яда и таинственныхъ обрядовъ въ практикѣ русской жизни. При всей снисходительности къ безцеремонному отношенію Пестеля къ исторіи и политикѣ, нельзя было читать безъ нѣкотораго изумленія смѣлый проектъ о созданіи во владѣніяхъ и на счетъ Турціи новаго іудейскаго царства. Пестель полагалъ осуществить этотъ проектъ отправленіемъ въ Малую Азію двухъ милліоновъ Евреевъ, живущихъ въ Россіи и Польшѣ, въ одной партіи. Затѣмъ, всѣ его заботы о дальнѣйшей судьбѣ мозаическаго племени остановились передъ соображеніемъ—отправить ли ихъ подъ конвоемъ или безъ конвоя!..“

„Какое довѣріе можно было имѣть къ реформамъ Пестеля, основаннымъ на хитрости и насиліи? Можно ли было повѣрить человѣку, написавшему уставъ для тайныхъ обществъ и помѣстившему въ томъ же уставѣ статью о необходимости немедленнаго ихъ запрещенія, какъ только установится временное правительство? Возможно ли было питать уваженіе къ либеральной партіи, если для прочности новаго конституціоннаго правительства она считала первою потребностью устройство искуснаго и дѣятельнаго шпіонства, въ которомъ бы шпіонами были люди умные и самой чистой нравственности. Хотя во многихъ мѣстахъ устава и встрѣчались порывы смѣлаго республиканства, но признаковъ просвѣщеннаго народолюбія или предоставленія всѣмъ сословіямъ необходимой доли равноправности въ немъ вовсе не было замѣтно. Напротивъ, были мѣста, ясно намекавшія на такую сосредоточенность власти, какая могла бы существовать только при самомъ крутомъ единоличномъ управленіи. Эта

несообразность можетъ быть объяснена тѣмъ, что составитель устава Союза Спасенія былъ снѣдаемъ неограниченнымъ честолюбіемъ и, по общему мнѣнію декабристовъ, имѣлъ тайное желаніе воспользоваться всѣми плодами подготовляемаго переворота въ Россіи для достиженія своихъ личныхъ цѣлей. Одинъ изъ самыхъ прямодушныхъ декабристовъ, К. Ф. Рылѣевъ, сомнѣвался даже, чтобы скромная роль Вашингтона могла удовлетворить ненасытное честолюбіе Пестеля"...

„Никита Муравьевъ, находясь уже въ Сибири, отзывался о немъ въ выраженіяхъ, исполненныхъ глубочайшаго презрѣнія и почиталъ его главнымъ виновникомъ общаго несчастія, втянувшимъ декабристовъ въ омутъ безумныхъ революціонныхъ утопій"...

„По слухамъ, императоръ Николай I, по разсмотрѣніи доклада представленнаго верховнымъ уголовнымъ судомъ, выразился слѣдующимъ образомъ о главныхъ виновникахъ смуты: „„Въ Пестелѣ я вижу соединеніе всѣхъ пороковъ заговорщика. Въ Рылѣевѣ же—всѣхъ добродѣтелей"". [1] Легко можно себѣ представить, что Михаилъ Николаевичъ Муравьевъ не только не могъ и не хотѣлъ подчиниться уставу Союза Спасенія, но что въ немъ возродилась и скоро созрѣла рѣшимость упразднить этотъ уставъ, замѣнивъ его другимъ болѣе практическимъ и цѣлесообразнымъ. Но бороться съ Пестелемъ было не легко. Самолюбивый и властолюбивый до бѣшенства, вмѣстѣ съ тѣмъ вкрадчивый, изворотливый и двуличный, онъ, въ то время, господствовалъ надъ умами всѣхъ членовъ союза и, какъ мы скоро увидимъ, побѣда все-таки осталась за нимъ. Съ другой стороны Муравьевъ, отказавшійся присягнуть обществу и ничѣмъ не связанный, хлопоталъ не столько о себѣ лично, сколько объ охраненіи отечества отъ страшной напасти и о старшемъ братѣ, о друзьяхъ, которыхъ хотѣлъ спасти изъ омута. Особенно заботился онъ о братѣ, Александрѣ Николаевичѣ, человѣкѣ способномъ, но слишкомъ восторженномъ и увлекающемся, котораго любилъ не только по родству, но какъ спасителя своей жизни послѣ Бородинскаго сраженія. По всему этому Михаилъ Николаевичъ приступилъ къ дѣлу осторожно, не сразу выдвинулся съ контръ-проектомъ, а сталъ подсмѣиваться надъ Пестелевскимъ уставомъ, говорилъ, что „онъ написанъ для разбойниковъ муромскихъ лѣсовъ", подтрунивалъ надъ политическими абсурдами, въ родѣ помянутаго еврейскаго

[1] У Кропотова, стр. 202—204.

выселенія и проч. Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ серьезно вліялъ на умы родныхъ и дружественныхъ къ нему членовъ Союза, ловко пользуясь тѣмъ, что недостатки устава Пестеля еще и прежде опротестованы многими членами какъ, напримѣръ, княземъ Долгоруковымъ, Лопухинымъ и братьями Шиповыми, которые еще до Муравьева рѣзко высказывали свое мнѣніе противъ „*Русской правды*“ Пестеля. Поэтому Михаилу Николаевичу легче было подготовить почву и сдѣлать рѣшительный шагъ. Борьба разыгралась на засѣданіяхъ Союза Спасенія въ Москвѣ, куда въ послѣднихъ числахъ сентября 1818 года прибылъ отрядъ гвардіи по случаю закладки храма Спасителя на Воробьевыхъ Горахъ, а съ нимъ и петербургскіе члены Союза. Всѣхъ членовъ собралось четырнадцать, и начались пренія и споры объ устройствѣ общества, его дѣятельности и направленіи. Тогда-то „Михаилъ Муравьевъ и Калошинъ представили русскій переводъ устава Тугендбунда, утвержденнаго Прусскимъ королемъ Фридрихомъ-Вильгельмомъ III и требовали введенія его съ примѣненіемъ къ русскимъ нравамъ и къ самобытному положенію Россіи“. Предложеніе поддержали только Никита Муравьевъ, Бурцовъ, Якушкинъ и Фонъ-Визинъ. Прочіе 10 членовъ, то-есть большинство, настаивали на сохраненіи прежняго устава. Поэтому Михаилъ Муравьевъ объявилъ, что „совѣсть не позволяетъ ему оставаться въ такомъ обществѣ, занятія котораго, какъ и самая судьба зависятъ отъ произвола нѣсколькихъ лицъ, обладающихъ притомъ правомъ умерщвлять своихъ товарищей“. Такое спокойное и рѣшительное заявленіе произвело сильное впечатлѣніе и быстрый поворотъ въ сторону новой реформы: избрана была коммиссія (два брата Муравьевыхъ, Калошинъ, князь Трубецкой и Никита Муравьевъ) для передѣлки устава, предложеннаго Михаиломъ Николаевичемъ. Практическіе результаты дѣятельности этой коммиссіи выразились въ слѣдующемъ: окончательно рѣшено было переименовать „Союзъ Спасенія“ въ „Союзъ благоденствія“, а что касается созданія и разработки новаго устава, то дѣло пошло не такъ единодушно: Никита Муравьевъ, не принадлежавшій къ кружку братьевъ Муравьевыхъ, и все-таки не отрѣшавшійся отъ политической ломки, составилъ свои собственныя соображенія и свою собственную часть устава, которая впослѣдствіи была уничтожена. Послѣ четырехмѣсячной работы, душой которой былъ Муравьевъ, написавшій первую часть устава, названную „*зеленою книгой*“, Союзъ благоденствія полу-

чилъ *Статутъ*, всѣми одобренный. По формѣ онъ подходилъ къ уставу Тугендбунда. Сущность его была слѣдующая:

„Въ новомъ уставѣ было изъяснено, что одно благо отечества есть цѣль союза, что сія цѣль не можетъ быть противна желаніямъ правительства, что правительство, несмотря на свое могущественное вліяніе, имѣетъ нужду въ содѣйствіи частныхъ людей, что учреждаемое общество хочетъ быть ревностнымъ пособникомъ въ добрѣ, и не скрывая своихъ намѣреній отъ гражданъ благомыслящихъ, только для избѣжанія нареканій, злобы и ненависти будетъ трудиться втайнѣ; члены дѣлились на четыре разряда или отрасли; каждый долженъ былъ приписаться къ одной изъ нихъ, не отказываясь совершенно и отъ занятій по другимъ. Въ первой (отрасли) предметомъ дѣятельности было человѣколюбіе, то-есть успѣхи частной и общей благотворительности: она имѣла надзоръ за всѣми благотворительными заведеніями, увѣдомляя начальство оныхъ и самое правительство о могущихъ вкрасться въ оныя безпорядкахъ и злоупотребленіяхъ, равно и о средствахъ исправленія или усовершенствованія. Во второй—умственное и нравственное образованіе—распространеніемъ познаній, заведеніемъ училищъ, особенно ланкастерскихъ и вообще содѣйствіемъ въ воспитаніи юношества, равно и черезъ примѣръ доброй нравственности, разговоры и сочиненія, съ сими и съ цѣлію общества сообразныя. Членамъ второй отрасли порученъ былъ надзоръ за всѣми школами; они должны были питать въ юношествѣ любовь ко всему отечественному, препятствуя по возможности воспитанію за границей и всякому чужеземному вліянію. Въ третьей отрасли вниманіе было обращено на дѣйствія судовъ; члены обязывались не уклоняться отъ должностей по выборамъ дворянства и другихъ въ порядкѣ судебномъ, и исправлять оныя съ усердіемъ и точностію; сверхъ того, наблюдать за теченіемъ дѣлъ сего рода, ободряя чиновниковъ безкорыстныхъ и прямодушныхъ, даже помогая имъ деньгами, удерживая слабыхъ, вразумляя незнающихъ, обличая безсовѣстныхъ и доводя ихъ поступки до свѣдѣнія правительства. Наконецъ, члены четвертой отрасли должны были заниматься предметами, относящимися къ политической экономіи: стараться отыскивать, опредѣлять непреложныя правила общественнаго богатства, способствовать распространенію всякаго рода промышленности, утверждать общій кредитъ и противиться монополіямъ. Членамъ не воспрещалось самимъ обращать вни-

маніе мѣстныхъ начальствъ на замѣчаемыя ими злоупотребленія, хотя вообще до свѣдѣнія правительства они должны были доходить черезъ правленіе Союза.“ [1]

Очерченное выше значеніе Муравьева какъ учредителя общества математиковъ и плодотворная дѣятельность его въ училищѣ колонновожатыхъ, наконецъ, энергическій починъ въ борьбѣ съ народнымъ бѣдствіемъ въ Смоленской губерніи, которое мы ниже увидимъ,—все это служитъ наглядными доказательствомъ того, что задачи, предлагаемыя имъ для второй и четвертой отрасли, были вполнѣ практичны и удобоисполнимы. Понятно, что основательно выработанныя и ясно изложенныя правила, оправданныя собственнымъ опытомъ, давали Муравьеву право настаивать, чтобъ уставъ его представленъ былъ на утвержденіе императора Александра, подобно тому, какъ *Статутъ* Тугендбунда утвержденъ былъ Прусскимъ королемъ. Но домогательство это было отклонено, и самый уставъ Союза благоденствія былъ принятъ только въ Москвѣ и Петербургѣ, а Пестель отвергъ его по существу и по формѣ, продолжая преслѣдовать свои цѣли. Онъ только эксплуатировалъ форму Муравьевскаго устава для привлеченія новичковъ, въ дѣйствительности же Союзъ благоденствія все болѣе и болѣе возбуждалъ споры и несогласія; дошло до того, что Пестель предложилъ устроить диктатуру, съ цѣлью прекращенія разномыслія, но это не встрѣтило ни въ комъ сочувствія, кончили тѣмъ, что собрали въ Москвѣ съѣздъ въ февралѣ 1821 года. „Въ общемъ засѣданіи положено было уничтожить Союзъ благоденствія. Тургеневъ, какъ предсѣдатель, отъ имени всѣхъ уполномоченныхъ объявилъ прочимъ, что ихъ сообщество разрушилось совершенно и навсегда, какъ по возникшему въ ономъ разномыслію, такъ и для того, чтобы не возбудить подозрѣній правительства. Въ числѣ другихъ членовъ на этомъ съѣздѣ присутствовалъ и М. Н. Муравьевъ. Но это уже были послѣднія сношенія его съ членами союза, съ закрытіемъ котораго прекратилась и дѣятельность Муравьева въ тайныхъ обществахъ. Братъ его, Александръ, покинулъ тайныя общества еще въ маѣ 1819 года.“ [2]

Съ тѣхъ поръ общества эти приняли то направленіе, которое привело ихъ ко дню 14 декабря 1825 года. Мы нарочно остано-

---

[1] *Жизнь графа М. Н. Муравьева*, стр. 211—220.

[2] *Жизнь графа Муравьева*, стр. 220.

вились на періодѣ участія М. Н. Муравьева въ тайныхъ обществахъ, важномъ для будущаго историка смутнаго времени въ Россіи. Не надо забывать, что какъ при жизни Муравьева, такъ и послѣ смерти, противъ него возстали полмилліона польской шляхты, съ магнатами и прелатами во главѣ; далѣе, многія тысячи русскихъ полонофиловъ и, наконецъ, всѣ иностранцы, даже самые просвѣщенные и благонамѣренные, но не могущіе смотрѣть на вещи съ русской точки зрѣнія. Всѣ эти враждебные Муравьеву элементы стараются заклеймить его память прозвищами кровожаднаго проконсула, палача, а главное *бывшаго революціонера и декабриста*. Посмертныя записки самого Муравьева упали какъ бомба въ среду его ненавистниковъ, но въ нихъ онъ ни слова не говоритъ о своей дѣятельности двадцатыхъ годовъ.

Ко времени участія М. Н. Муравьева въ тайныхъ обществахъ относится окончательный переломъ въ его служебной карьерѣ: „онъ вступилъ въ бракъ со старшею дочерью отставнаго капитанъ-поручика Василія Петровича Шереметева, — семнадцатилѣтнею тогда дѣвицей Пелагеей Васильевной. Обрядъ вѣнчанія совершенъ былъ 26 августа 1818 года.“ [1]

Въ томъ же 1818 году М. Н. Муравьевъ подаетъ въ отставку, но князь П. М. Волконскій и слышать о ней не хочетъ, а старается удержать на службѣ Муравьева разрѣшеніемъ безсрочнаго отпуска, впредь до поправленія здоровья, производствомъ въ чинъ капитана гвардейскаго генеральнаго штаба и, затѣмъ, переводомъ въ свиту Его Величества по квартирмейстерской части съ чиномъ подполковника и, наконецъ, прибавочнымъ жалованьемъ по 3.000 рублей въ годъ. Тѣмъ не менѣе, въ концѣ 1820 года, Муравьевъ снова подаетъ въ отставку и, на этотъ разъ, его не удерживаютъ. Онъ съ женой переселяется изъ Москвы въ ея имѣніе, село Лазницы, въ 50 верстахъ отъ Рославля, и всецѣло посвящаетъ себя сельскому хозяйству. Михаилъ Николаевичъ дебютируетъ устройствомъ винокуреннаго завода; предпріятіе это было весьма выгодное въ виду чрезвычайной дешевизны хлѣба, неимѣвшаго сбыта, вслѣдствіе недостатка путей сообщенія. Но не успѣли выстроить заводъ, какъ открылся голодъ въ Смоленской и Черниговской губерніяхъ, причемъ особенно пострадали Рославльскій и Ельнинскій уѣзды, Смоленской губерніи, гдѣ

[1] *Жизнь графа М. Н. Муравьева*, стр. 112.

голодъ обнаружился еще въ августѣ 1820 года. Тутъ повторилось то же, что̀ видимъ въ наши дни: бѣдствіе разгоралось съ каждымъ мѣсяцемъ. Народъ ѣлъ рѣдьку, лебеду, жолуди и древесную кору. Рославль наводнился нищими, и толпы голодающихъ, съ женами и дѣтьми потянулись въ города, побираясь Христа ради. Въ Смоленской губернской администраціи царила растерянность и бездѣйствіе власти. Мѣсто умершаго, смоленскаго губернатора, барона Аша, временно занималъ вицегубернаторъ Денибековъ. На всѣ донесенія исправника и предводителя дворянства онъ только отписывался, ссылаясь на законъ 21 февраля 1811 года, обязывавшій помѣщиковъ продовольствовать крестьянъ во время неурожаевъ. Но хлѣбные запасы помѣщиковъ, еще далеко непоправившихся послѣ Отечественной войны, оскудѣли, а весь хлѣбъ, хранившійся въ сельскихъ магазинахъ, былъ розданъ на руки крестьянамъ. Въ этихъ условіяхъ въ высшей степени замѣчательна двойная борьба „подполковника и кавалера Михаила Николаева сына Муравьева“,—какъ значится въ актахъ. Съ одной стороны, онъ боролся со страшнымъ народнымъ бѣдствіемъ и сдѣлалъ то, что̀ дѣлается многими землевладѣльцами въ настоящее время: онъ устраиваетъ на свой счетъ въ своей винокурнѣ мірскую столовую для продовольствія своихъ крестьянъ. Ежедневно приходило до 150 человѣкъ, кромѣ голодавшихъ изъ сосѣднихъ имѣній, которыхъ тоже являлось не мало. Въ сохранившейся собственноручной запискѣ по управленію Лазицкимъ имѣніемъ, Муравьевъ самъ говоритъ: „Въ 1820 году извѣстный голодъ въ нашемъ краѣ понудилъ меня издержать 20.000 рублей для прокормленія крестьянъ; но извѣстно, что отъ недостатка хлѣба отощалъ скотъ и крестьяне потерпѣли упадокъ въ лошадяхъ, который однако же немедленно вознагражденъ былъ, и крестьяне въ 1823 году оказались въ томъ же положеніи, въ каковомъ были въ 1818.“ Интересное сближеніе между прошедшимъ и настоящимъ: Муравьевъ, по существовавшимъ въ тѣ поры законамъ, обязанъ былъ какъ помѣщикъ пропитывать крестьянъ во время неурожаевъ, но житницы его были пусты, какъ у другихъ до того, что новопостроенный заводъ не могъ быть пущенъ въ ходъ. Тѣмъ не менѣе, тотъ же Муравьевъ истрачиваетъ на голодныхъ цѣлый капиталъ. Онъ самъ сидѣлъ на хозяйствѣ, поэтому, не говоря о чувствѣ состраданія, его обязывало еще настоятельнѣйшее чувство солидарности помѣ-

щичьихъ интересовъ съ крестьянскими. Въ настоящее время, 72 года спустя (1892), мы видимъ, что многіе землевладѣльцы въ 27 пострадавшихъ губерніяхъ устраиваютъ столовыя для голоднаго народа, заботятся о спасеніи его рабочей силы, скота и лошадей, не будучи къ тому обязаны никакими законами, кромѣ закона совѣсти и благоразумія, подсказывающихъ теперь, какъ и прежде, что солидарность интересовъ крестьянъ и землевладѣльцевъ все такъ же нераздѣльна, какъ и при крѣпостномъ правѣ. Борьба Муравьева съ бездѣйствіемъ и неспособностію губернской администраціи тоже весьма характеристична. Уѣздныя власти настойчиво и обстоятельно увѣдомляли губернатора объ усиливавшемся народномъ бѣдствіи, но Деннбековъ или отмалчивался или отписывался. Тогда Муравьевъ уговорилъ Рославльское дворянство подать коллективное прошеніе въ томъ же смыслѣ. Тогда губернское правленіе предписало, наконецъ, открыть въ Рославлѣ коммиссію, подъ предсѣдательствомъ уѣзднаго предводителя, котораго „строжайше обязало обезпечить жителей хлѣбомъ для продовольствія и засѣва полей и озаботиться притомъ неукоснительнымъ внесеніемъ податей“. Коммиссія, на основаніи стараго Петровскаго закона 10 февраля 1723 г., опечатала у хлѣбныхъ торговцевъ наличный хлѣбъ и просила губернатора о разрѣшеніи роздать его жителямъ на извѣстныхъ условіяхъ. Вице-губернаторъ и губернское управленіе совершенно растерялось и кончило тѣмъ, что ничего не разрѣшало и ничего не доносило министру внутреннихъ дѣлъ. Муравьевъ убѣждаетъ дворянство обратиться съ воззваніемъ въ Москву, куда Михаилъ Николаевичъ писалъ ко всѣмъ своимъ друзьямъ и знакомымъ. Подписка эта дала 18.000 рублей. Но это была капля въ морѣ. Муравьевъ опять и еще настоятельнѣе объясняетъ на съѣздѣ дворянъ опасность втораго неурожая и предлагаетъ составить актъ о положеніи дѣла и просить своего предводителя представить его на усмотрѣніе высшаго правительства. Уѣздный предводитель, боявшійся столкновенія съ губернаторомъ, отказался отъ представленія прошенія, но Рославльское дворянство все-таки представило свой актъ черезъ бывшихъ предводителей Бородавицина и Булычева министру внутреннихъ дѣлъ графу Кочубею 14 марта 1821 года. Губернское начальство, узнавъ объ этомъ, спѣшило со своей стороны донести обо всемъ министру, который, къ удивленію своему, получилъ оба заявленія въ одинъ тотъ же день, 25 марта, да еще увѣдомленіе московскаго гене-

ралъ-губернатора объ открытіи подписки въ пользу Рославльскихъ голодающихъ, по которой уже собрано было 30.000 рублей. Графъ Кочубей, узнавъ совершенно неожиданно съ трехъ сторонъ о голодѣ, существовавшемъ болѣе семи мѣсяцевъ, сейчасъ же исходатайствовалъ отъ казны 50.000 рублей, но упущенія губернскаго начальства принесли плоды. Наложеніе запрещенія на запасы частныхъ лицъ страшно возвысило цѣны на хлѣбъ, отчего большая часть полей осталась не засѣянными и на слѣдующій 1821 годъ и даже и въ 1822 полямъ грозила опасность остаться безъ обсѣмененія. Тогда правительство, сильно озабоченное, послало въ Смоленскую губернію сенатора Мертваго. Сохранилось письмо его къ Муравьеву, въ которомъ этотъ „честнѣйшій и благороднѣйшій человѣкъ“ высоко цѣнилъ дружбу и умную дѣятельность Михаила Николаевича. Въ заключеніе онъ (Мертваго) упоминаетъ о дешевой, предложенной Муравьевымъ, покупкѣ въ сосѣднихъ губерніяхъ хлѣба избранными дворянами: „Сія цѣна здѣсь удивляетъ, но вы повѣрите, что сіи коммиссіонеры и умѣютъ и хотятъ добра. Вы, мой почтенный, положили основаніе сему избранію и вамъ я больше всѣхъ благодаренъ. Чтобы видѣть нищету въ гнѣздѣ ея, проѣзжалъ я изъ Ельни въ Рославль черезъ болотистыя мѣста: тамъ-то желалъ бы я провести празднолюбцевъ, разжирѣвшихъ въ счастіи и имъ показать состояніе человѣчества“. [1] Только что миновали голодные годы, какъ наступилъ роковой 1825 годъ. Изъ *Русскаго Инвалида*, полученнаго въ этомъ году передъ Рождественскими праздниками, Муравьевъ узналъ о происшествіи 14 декабря, а послѣ Новаго 1826 года къ нему постоянно уже доходили слухи объ арестѣ многихъ родныхъ и сослуживцевъ по генеральному штабу и бывшихъ сочленовъ по тайнымъ обществамъ. Можно было легко предвидѣть, что и его участіе въ этихъ обществахъ будетъ, наконецъ, обнаружено. Предчувствуя скорое свое арестованіе, съ тяжелымъ гнетомъ на душѣ, Муравьевъ отправился для свиданія съ родственниками въ Москву, гдѣ уже гостила его жена съ дѣтьми у матери своей Надежды Николаевны Шереметьевой. Пріѣхавъ въ Москву 11 января 1826 г., Михаилъ Николаевичъ тотчасъ же послалъ къ своему брату Александру извѣстить о пріѣздѣ. Посланный возвратился съ извѣстіемъ, что московскій полицеймейстеръ Шульгинъ арестовалъ Александра Николаевича,

[1] Кропотовъ. *Жизнь гр. Муравьева*, стр. 121—123.

описалъ его бумаги и, узнавъ, что слуга былъ посланъ отъ его брата Михаила, узналъ объ арестѣ послѣдняго и на другой же день Муравьевъ былъ арестованъ, отправленъ въ Петербургъ, посаженъ въ Петропавловскую крѣпость, откуда его стали водить къ допросу въ слѣдственную коммиссію генералъ-адъютанта Левашова. Въ крѣпости Михаилъ Николаевичъ просидѣлъ недолго: у него открылась бородинская рана и его перевели въ первый военно-сухопутный госпиталь. Такъ онъ выстрадалъ пять мѣсяцевъ, но истина взяла свое и вполнѣ обнаружила невинновность Муравьева въ смутѣ декабристовъ. По освобожденіи, онъ случайно встрѣтился съ Дибичемъ; этотъ старый офицеръ генеральнаго штаба, знавшій Муравьева давно и всегда съ отличной стороны, былъ тогда въ большомъ почетѣ у государя за свои заслуги во время Отечественной войны и какъ одно изъ самыхъ приближенныхъ лицъ къ покойному императору Александру Первому. Онъ уговорилъ Муравьева вновь поступить на службу и выхлопоталъ зачисленіе его по арміи подполковникомъ. Хотя зачисленіе на службу снимало (въ іюлѣ 1826 г.) съ него всякую тѣнь подозрѣнія, но казалось, что карьера его покончена разъ навсегда. Однако, по своей природѣ, онъ не могъ оставаться бездѣятельнымъ. Разбирая свои старыя бумаги съ 1820 года, онъ нашелъ тамъ много любопытныхъ данныхъ о состояніи, лучше сказать, о несостоятельности тогдашняго гражданскаго управленія Россіи. На основаніи этихъ замѣтокъ, находящійся не удѣлъ, подполковникъ Муравьевъ представляетъ государю пространную записку, при всеподданнѣйшемъ письмѣ отъ 20 января 1827 г. Мы не будемъ подробно говорить объ этой запискѣ, обнимавшей многія отрасли государственнаго управленія. Для насъ имѣетъ особый интересъ лишь одно мѣсто записки Муравьева, гдѣ онъ, упоминая о необходимости учрежденія въ городахъ училищъ для бѣдныхъ дворянъ, говоритъ объ однодворцахъ западныхъ губерній, которыхъ обрисовываетъ мѣткими и вѣрными чертами: „они, говоритъ авторъ записки, — сами обрабатываютъ свою землю, которой весьма мало имѣютъ и по свойственной имъ лѣни, невѣжеству, распутству, нищетѣ и гордости, пріобрѣтаемыхъ отъ своихъ привилегій, поставляютъ за стыдъ заниматься какимъ-нибудь ремесломъ, а потому обыкновенно питаются мірскимъ подаяніемъ, которое выпрашиваютъ въ сосѣднихъ губерніяхъ и въ побродяжничествѣ своемъ стыда не полагаютъ; другіе же предаются грабежу и разбою, впрочемъ, можно ли отъ

нихъ ожидать иной жизни!"... [1] Это еще только набросокъ. Полную картину нарисовалъ Муравьевъ въ своихъ воспоминаніяхъ, къ счастію уже вышедшихъ въ свѣтъ, хотя и въ сокращенномъ видѣ. Чтобы покончить съ его проектами реформы управленія, прибавимъ, что за первую записку императоръ Николай лично благодарилъ Муравьева при представленіи, и передалъ этотъ документъ министру, графу Кочубею, съ собственноручными отмѣтками, а Кочубей потребовалъ дополнительныхъ свѣдѣній, вслѣдствіе чего Муравьевъ подалъ вторую записку, а затѣмъ третью и четвертую; первая и вторая помѣщены въ приложеніяхъ къ сочиненію Кропотова *Жизнь графа Муравьева*. Между тѣмъ, въ апрѣлѣ 1827 года Муравьевъ причисляется къ Министерству Финансовъ въ чинѣ коллежскаго ассессора, а вслѣдъ затѣмъ, 12 іюня, назначается вице-губернаторомъ въ Витебскъ. Должности тогдашнихъ вице-губернаторовъ принадлежали къ вѣдомству Министерства Финансовъ и приблизительно соотвѣтствовали должности нынѣшнихъ управляющихъ казенными палатами. Кропотовъ приписываетъ это назначеніе просто семейнымъ связямъ и протекціи графа Е. Ф. Канкрина, тогдашняго министра финансовъ. Его жена Екатерина Захаровна, рожденная Муравьева, была сестра Артамона Захаровича, командира Ахтырскаго гусарскаго полка и декабриста, бывшаго товарища дѣтства Михаила Николаевича, его сослуживцемъ по генеральному штабу и хотя дальнимъ родственникомъ, но всегдашнимъ его другомъ. Позднѣе, въ 1864 году, самъ Муравьевъ разсказываетъ, что, отправляясь въ Витебскъ, онъ взялъ съ собою десятка полтора книгъ, въ томъ числѣ сочиненіе Бантышъ-Каменскаго *О возникшей въ Польшѣ Уніи*. „Муравьевъ говоритъ, что живя въ Витебскѣ, онъ читалъ съ большимъ любопытствомъ эту дѣльную и полезную книгу, ознакомившую его съ минувшими судьбами Православной Церкви въ Западной Россіи." Такъ вотъ начало подготовки будущаго охранителя Литвы, которому митрополитъ Филаретъ писалъ: „Ваше назначеніе есть уже пораженіе враговъ, ваше имя побѣда!" Въ Витебскѣ Муравьевъ пробылъ съ небольшимъ годъ. Въ половинѣ сентября 1828 года онъ былъ назначенъ могилевскимъ гражданскимъ губернаторомъ.

---

[1] *Жизнь гр. Муравьева*, стр. 238. *Объ арестѣ и процессѣ Муравьева*, см. стр. 179—189. *Освобожденіе*, стр. 222.

[2] Желающихъ познакомиться съ интереснѣйшими подробностями борьбы Муравьева съ народнымъ бѣдствіемъ голода и съ сущностью его записокъ государю отсылаемъ къ сочиненію Кропотова *Жизнь графа Муравьева*, главы V и VII.

Со времени послѣдняго раздѣла Польши (1795), она постоянно подготовлялась къ мятежу и къ отпаденію. Черезъ семнадцать лѣтъ (1812) Поляки передались Наполеону и съ нимъ пошли противъ Россіи. Ровно черезъ восемнадцать лѣтъ послѣ этого (1830), они опять поднялись и дрались съ нами пока не выбились изъ силъ. Наконецъ, въ третій разъ, черезъ тридцать три года (1863) повторилась та же исторія, но едва ли не опаснѣйшая изо всѣхъ, такъ какъ къ междоусобію присоединилась угроза трехъ западныхъ державъ. Во всѣхъ трехъ возстаніяхъ участвовали: духовенство, шляхта и ополяченные Русскіе.

Три поколѣнія съ непримиримою ненавистью, съ фанатическимъ ослѣпленіемъ упорствовали въ сепаратизмѣ, предательствѣ и мятежѣ.

Поляки получили характеръ и складъ преслѣдуемой секты: у нихъ всегда и надъ всѣмъ господствуетъ одна и та же мысль: „Польша въ предѣлахъ 1772 года“. У нихъ всегда одинаковая, неизмѣнная политика,—открытое или тайное, сопротивленіе русскому владычеству. Образъ мыслей и система дѣйствій не колеблется и не измѣняется въ виду завѣтной, нерушимой цѣли.

У насъ—наоборотъ: при каждомъ новомъ царствованіи мѣняется система управленія въ Царствѣ Польскомъ и въ западныхъ губерніяхъ. Соотвѣтственно этому мѣняются генералъ-губернаторы и губернаторы, въ свою очередь назначающіе на мѣста то русскихъ чиновниковъ, то польскихъ. Перемѣна управленія на западныхъ окраинахъ проявлялась всегда въ одной и той же формѣ: послѣ каждаго польскаго возстанія принимались крутыя мѣры, а какъ только проносилась гроза, интрига опять поднимала голову, старая гидра разросталась и все шло попрежнему. Тотчасъ послѣ перваго раздѣла Польши, императрица Екатерина II подчинила ее общимъ, русскимъ законамъ, а благоразумное и твердое управленіе перваго бѣлорусскаго намѣстника, графа Захара Григорьевича Чернышова, такъ обрусило новый край, что полное его слiяніе съ Россіей могло ожидаться въ самомъ близкомъ будущемъ. Возстановленіе императоромъ Павломъ I Литовскаго статута все измѣнило. Статутъ этотъ—древлерусское учрежденіе, но въ теченіе шести столѣтій онъ сдѣлался смѣсью польскихъ сеймовыхъ постановленій, Магдебургскаго права и остатковъ русской старины, но до того обезображенныхъ польскими реформами, что на первой же страницѣ Статута жители Имперіи назывались „чужеземцами и заграничн-

никами". [1] Литовскій статутъ имѣлъ только одну общую черту съ русскими органическими законами, а именно, что, имѣя основнымъ принципомъ признаніе полной поземельной собственности за однимъ дворянскими родами (terrigenae, zemianie) и воспрещеніе перехода ея къ простолюдинамъ и инороднымъ, статутъ „былъ приспособленъ исключительно къ мѣстной дворянской жизни". [2] То же самое было, пожалуй, и у насъ при крѣпостномъ правѣ, только литовскіе законы исключали вовсе право владѣнія иностранцевъ, то-есть Русскихъ, тогда какъ у насъ такого ограниченія не было. Во всемъ остальномъ статутъ литовскій, не говоря уже объ устарѣлости, безурядицѣ и полной непрактичности своей, имѣлъ еще и тотъ опасный для Россіи характеръ, что въ глазахъ народа введеніе его было равносильно намѣренію правительства возстановить въ краѣ польское государство: „Статутъ литовскій былъ важенъ для магнатовъ и поземельной шляхты, какъ юридическій памятникъ бывшей связи „забраннаго края" съ Рѣчью Посполитою." [3] Послѣ перваго объѣзда всѣхъ уѣздныхъ присутственныхъ мѣстъ Могилевской губерніи, Муравьевъ отлично понялъ значеніе Литовскаго статута и въ своемъ всеподданнѣйшемъ отчетѣ за 1830 годъ представилъ государю полную, правдивую картину администраціи Западнаго края. Проспть, не обинуясь, объ отмѣнѣ статута было неудобно, такъ какъ подобное заявленіе превосходило права и власть гражданскаго губернатора, но Муравьевъ такъ искусно совокупилъ результаты своихъ наблюденій и такъ ярко освѣтилъ со всѣхъ сторонъ, что цѣль его доклада ясно проглядывала между строками. Были ли въ виду правительства и другія, болѣе вѣскія, заявленія о томъ же предметѣ, остается не изслѣдованнымъ и это очень жаль въ виду необыкновенно быстраго хода дѣла, что̀ представляется совершенно непонятнымъ. Муравьевъ представилъ свой отчетъ во второй половинѣ 1830 года, а 1 января 1831 года уже состоялся указъ о замѣнѣ Литовскаго статута общими законами Имперіи. Вѣроятнѣе всего можно предположить, что правительство было со многихъ сторонъ подготовлено къ рѣшенію этого вопроса, а ноябрьское возстаніе 1830 года въ Варшавѣ ускорило его само собою.

---

[1] Статутъ Великаго Княжества Литовскаго, изд. въ С.-Петербургѣ при Правительствующемъ Сенатѣ 1811 года, часть I, § 2.

[2] Даниловичъ о Литовскомъ статутѣ, въ *Юридическихъ Запискахъ*, изданныхъ Рѣдкинымъ.

[3] *Юго-Западный Край (1838—1863)*. В. Шульгина, Кіевъ 1864.

Къ этому же періоду слѣдуетъ отнести записку Муравьева о необходимости преобразованія учебныхъ заведеній въ Западномъ краѣ, поданную императору Николаю 22 декабря 1830 года.

Въ этой запискѣ онъ предлагаетъ немедленное введеніе въ школы русскаго языка и устраненіе латинскаго духовенства, въ особенности монаховъ разныхъ орденовъ отъ участія въ образованіи и воспитаніи юношества; сверхъ того, онъ считалъ необходимымъ запретить римско-католическому духовенству воспитаніе дѣтей и въ домахъ, подъ видомъ „домашнихъ капелановъ“. Министръ просвѣщенія статсъ-секретарь Блудовъ возсталъ противъ послѣдняго предложенія, а „что касается до уничтоженія духовныхъ училищъ и преподаванія наукъ въ имѣющихъ замѣнить оныя свѣтскихъ на русскомъ языкѣ, то всѣ сіи предположенія имѣются уже въ виду Министерства Народнаго Просвѣщенія“. [1]

Несомнѣнно, что Муравьевъ по природѣ и характеру своему продолжалъ бы свою борьбу за русскія начала на мирномъ, гражданскомъ поприщѣ, еслибы въ Варшавѣ не вспыхнулъ бунтъ 17 ноября, стоившій Россіи потоковъ крови. При первомъ извѣстіи о катастрофѣ, Муравьевъ принялъ мѣры предосторожности въ своей губерніи, велѣлъ полиціи зорко наблюдать за католическими ксендзами, монастырями и за всѣми подозрительными личностями. Когда же разнеслась молва о возстаніи шляхты въ Виленской губерніи, могилевскій губернаторъ распорядился, въ пограничныхъ съ Минскою губерніей уѣздахъ всю земскую полицію вновь составить изъ коренныхъ Русскихъ и занялся практическимъ устройствомъ сыскной полиціи, назначилъ отъ себя довѣреннаго чиновника и снабдилъ его инструкціей и деньгами для разсылки лазутчиковъ. Эта секретная полиція не ограничивалась своимъ райономъ, а собирала свѣдѣнія и въ сосѣднихъ губерніяхъ. Эти тайные агенты Муравьева скоро пригодились не для одной Могилевской губерніи. Въ 1831 году началась война, сразу охватившая и западныя окраины Россіи. 13 февраля, на Гроховомъ полѣ графъ Дибичъ разбилъ, но не добилъ Поляковъ: Варшава не была взята и польская справа преисполнилась самоувѣренностью и надеждой. На Волыни, въ Литвѣ, даже въ Бѣлоруссіи началось глухое броженіе, перешедшее въ концѣ марта въ открытое возстаніе. Это было опасно для русскаго дѣла, потому что Сѣверозападный край служилъ главнымъ

[1] *Жизнь графа Муравьева*, стр. 260—261.

операціоннымъ базисомъ дѣйствующей арміи, откуда она получала продовольствіе и рекрутовъ для комплектованія; тамъ были расположены кадры резервныхъ войскъ, магазины, депо и проч. Революціонное правительство знало это и посылало въ Литву лучшихъ своихъ эмиссаровъ, а они легко подожгли обильный горючій матеріалъ. Ксендзы и монахи начали подземную работу, а дворяне жертвовали собою и своимъ достояніемъ, подготовляя „посполитое рушенье“, а вмѣстѣ съ тѣмъ такъ искусно убаюкивали правительство увѣреніями вѣрности и преданности, что Литва почти не имѣла войскъ. Самъ начальникъ края, въ Вильнѣ, располагалъ тремя тысячами солдатъ; въ городахъ же были самые незначительные гарнизоны, большею частію инвалидныя команды. Видя, что изъ главной арміи не посылаютъ подкрѣпленій въ Литву, польскіе дѣятели сбросили маску. Въ концѣ марта и въ началѣ апрѣля вся западная часть Виленской губерніи, а также Минская и Ковенская, даже смѣжные съ Литвой уѣзды Бѣлорусскихъ губерній открыто взбунтовались. Предводители дворянства стали предводительствовать шайками. Прозоръ (Ковенскій), Одаховскій, Лопацинскіе и другіе набирали шайки въ нѣсколько тысячъ человѣкъ, особенно Залусскій началъ не на шутку хозяйничать въ Виленской губерніи съ отрядомъ въ 7.000 повстанцевъ и съ артиллеріей. Начальникъ Литовскаго края просилъ покрѣпленія, но фельдмаршалъ отказалъ наотрѣзъ. Къ счастію, виленскимъ генералъ-губернаторомъ былъ въ то время Матвѣй Евграфовичъ Храповицкій, одинъ изъ храбрѣйшихъ и опытнѣйшихъ боевыхъ генераловъ. Только благодаря ему русская окраина спаслась отъ захвата. Положеніе же Храповицкаго становилось безвыходнымъ, когда и въ восточной части Виленской губерніи, а именно въ Ошмянахъ, скопились шайки и утвердилась мятежная организація. Такое положеніе было невозможно: съ этой поры не только армія теряла связь и сообщеніе съ Литвой, но и Литва была отрѣзана отъ Россіи. Горсть отважныхъ людей выручила Храповицкаго изъ бѣды. Ему прислали 500 линейныхъ казаковъ, которыхъ Поляки боялись, какъ огня. Казачій начальникъ полковникъ Верзилинъ налетѣлъ на Ошмяны съ тремя сотнями своихъ молодцовъ, съ двумя ротами пѣхоты и нѣсколькими орудіями. Это наступленіе произвело панику. Ошмянскій бунтъ былъ подавленъ. Поляки упали духомъ и съ тѣхъ поръ боялись предпринять нападеніе на Вильну. Наши же гарнизоны, напротивъ, ободрились, успѣшно отбивались и

еще болѣе охладили польскій задоръ. Храповицкій могъ продержаться до начала мая, когда обстоятельства опять ухудшились. Графъ Дибичъ вторично разбилъ Поляковъ при Остроленкѣ 13 мая, и опять не воспользовался побѣдой. Поляки спокойно отступили въ Варшаву, да еще получили средства и досугъ заняться Литвой, куда послали эмиссаровъ, а вслѣдъ за ними сильные отряды пѣхоты, кавалеріи и артиллеріи подъ начальствомъ Гельгуда, Хлоповскаго, Шимановскаго, Роланда и Дембинскаго. Все это войско обрушилось на Литву въ маѣ мѣсяцѣ, но, къ счастію, Дибичъ, сильно озабоченный положеніемъ Западнаго края успѣлъ предупредить погромъ. Первая уланская дивизія князя Хилкова, пятая пѣхотная—Сумы и гвардія (Волынскій и Литовскій полки) подъ начальствомъ графа Куруты прибыли въ Вильну раньше Поляковъ и отстояли столицу Литвы на Понарскихъ высотахъ 7 іюня. Непріятель былъ отброшенъ, но не истребленъ. Число польскихъ войскъ доходило до 20.000, но къ нимъ со всѣхъ сторонъ стекалась мѣстная вооруженная шляхта, усплывшая Поляковъ на 30.000 человѣкъ! Но и съ нашей стороны на этотъ разъ приняты были серьезныя мѣры. Въ Литвѣ явилась цѣлая резервная армія графа П. А. Толстаго. Двѣ сильныя колонны, каждая въ пятнадцать тысячъ человѣкъ, взяли Поляковъ въ тиски, разбивали ихъ во всѣхъ стычкахъ, отрѣзали отъ Польши и притиснули къ прусскимъ границамъ, гдѣ всѣ они сложили оружіе, за исключеніемъ Дембинскаго, успѣвшаго ускользнуть въ Польшу съ 2.000 человѣкъ. [1]

Является вопросъ: въ какой связи находились всѣ эти крупныя историческія событія съ личностью и дѣятельностью могилевскаго гражданскаго губернатора Муравьева? Повидимому, каждый долженъ былъ дѣлать свое дѣло и только. Муравьевъ же сохранилъ свою губернію отъ политической заразы, и она была до того спокойна, что Смитъ, въ извѣстной своей книгѣ о Польской войнѣ 1831 года, вовсе не упоминаетъ о Могилевской губерніи. Стало-быть, Муравьеву достаточно было бы содѣйствовать резервной арміи облегченіемъ передвиженія отрядовъ, снабженіемъ ихъ требуемымъ довольствомъ и проч. Но этимъ дѣло не ограничилось. Прежде всего губернатору слѣдовало представиться главнокомандующему, а изъ этого представ-

[1] Смитъ. *Исторія Польскаго возстанія и войны 1830—1831 годовъ*, переводъ Квитницкаго.

ленія вышло уже совершенно необычайное послѣдствіе: графъ Толстой прикомандировываетъ Муравьева къ своему штабу. Гражданскій чиновникъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ, садится на коня и усмиряетъ мятежъ съ войсками генералъ-лейтенанта Каблукова и усмиряетъ не въ своей, а въ двухъ чужихъ губерніяхъ! Наконецъ, тотъ же „штафиръ“, по военному выраженію, подъ скромнымъ званіемъ „причисленнаго къ штабу“, исправляетъ подъ рукой обязанности генералъ-квартирмейстера и дежурнаго генерала. Всѣ прежніе губернаторы Сѣверозападнаго края были Поляки, не упускавшіе случая перейти на сторону враговъ Россіи. Двое изъ нихъ лично участвовали въ повстаньѣ и, понятно, что всѣ литовскіе и бѣлорусскіе губернаторы были уволены и отрѣшены отъ должностей, а новые, какъ, напримѣръ, минскій, князь Долгоруковъ и витебскій, Шредеръ, знали о положеніи своихъ губерній столько же, какъ и графъ Толстой, то-есть ровно ничего. Одинъ Муравьевъ, сидѣвшій на мѣстѣ съ 1828 года, прибралъ къ рукамъ губернію такъ, что въ ней никто не шелохнулся, а главное имѣлъ отлично устроенную полицію, то-есть именно то, въ чемъ нуждался главнокомандующій резервною арміей. Можно допустить предположеніе, что Муравьевъ говорилъ графу Толстому „о необходимости сосредоточить всѣ свѣдѣнія помянутой полиціи при арміи. На это указываетъ распоряженіе главнокомандующаго 2 мая, предписывающаго Муравьеву устроить военнополицейскую часть арміи, съ предоставленіемъ ему правъ собирать нужныя свѣдѣнія не только въ Сѣверозападномъ краѣ, но и въ губерніяхъ Кіевской и Волынской“. Кромѣ того, военныя обстоятельства вынудили Толстаго, хотя неоффиціально, а фактически поручить Муравьеву исправленіе при арміи должностей генералъ-квартирмейстера и генералъ-полицеймейстера, съ которыми не могъ управиться временно исправлявшій эти должности генералъ Тизенгаузенъ, родственникъ Дибича. Вернувшись изъ Могилева, куда онъ ѣздилъ сдавать свою должность вице-губернатору Лашкареву, Муравьевъ получаетъ очень серьезныя порученія. Возстаніе вспыхнуло уже тогда въ смежныхъ съ Могилевскою губерніей уѣздахъ Лепельскомъ, Борисовскомъ и Игуменскомъ, а также и въ Дисненскомъ уѣздѣ, принадлежавшемъ тогда къ Минской губерніи. Муравьевъ выступилъ изъ мѣстечка Черея въ Лепель при отрядѣ 4-й гусарской дивизіи; эти и всѣ послѣдующія передвиженія (изъ Лепеля въ Глубокое, Борисовскаго уѣзда) онъ дѣлаетъ

верхомъ, имѣя при себѣ военныхъ ординарцевъ. Гражданскій чиновникъ принялъ характеръ и пріемы стараго бородинскаго воина и опытнаго боеваго офицера генеральнаго штаба. Но въ его дѣйствіяхъ всегда преобладаетъ энергія и находчивость образцоваго администратора.

Въ инструкціи данной имъ лепельскому исправнику вылился рельефный типъ будущаго правителя Литвы. Возлагая на землевладѣльцевъ уничтоженіе въ ихъ помѣстьяхъ бродягъ, Муравьевъ говоритъ: „Ибо всякій помѣщикъ есть ближайшій полицеймейстеръ въ своихъ владѣніяхъ и отвѣчаетъ своимъ лицомъ и благосостояніемъ за всякое неустройство и допущеніе злонамѣреннаго безпорядка предъ правительствомъ. Объявить всѣмъ черезъ подписки, что судъ будетъ короткій, расправа скорая, примѣрная, что я дѣйствую лично самъ, всегда справедливъ, но взыскателенъ безо всякаго снисхожденія къ лицамъ; я все знаю, что̀ дѣлается въ уѣздѣ; извѣстны мнѣ тѣ лица, которыя нарушили присягу или двусмысленнымъ поведеніемъ возродили на себя сомнѣнія; я умѣю различать возбуждающія причины дѣйствій каждаго, кто доброжелательствовалъ мятежникамъ по чувствамъ, по принужденію или легкомысленности и каждому воздамъ достойное по его поступкамъ. Пренебрегая подлыми дѣйствіями лицъ неблагонамѣренныхъ, даю имъ самый короткій срокъ опомниться и потому, не входя въ тончайшій разборъ дѣйствій каждаго, назначаю начальниками кварталовъ лишь по одному соображенію состоянія каждаго, которымъ они кромѣ своей личности будутъ отвѣчать предъ правительствомъ.“ [1]

Эта инструкція не понравилась однако графу Толстому, и онъ сдѣлалъ Муравьеву замѣчаніе за то, что онъ помѣстилъ въ ней: „нѣкоторыя излишнія выраженія противъ помѣщиковъ, и что его сіятельство проситъ, дабы подобныхъ выраженій въ предписаніяхъ своихъ не употреблялъ, ограничиваясь прямымъ изложеніемъ сущности дѣла“. Тѣмъ не менѣе, Муравьевъ все-таки выдалъ помѣщику Борисовскаго уѣзда Козелло инструкцію, совершенно подобную лепельской. Однако лепельскіе паны сочли за благо не доводить себя до „тончайшаго разбора дѣйствій каждаго“, такъ какъ видѣли примѣръ такого разбора на своихъ собратьяхъ въ Могилевской губерніи, поэтому въ Лепельскомъ уѣздѣ повстанцы скоро разбрелись, и безпорядки прекратились. Муравьевъ,

[1] Кропотовъ. *Жизнь графа Муравьева*, стр. 364.

верхомъ съ гусарами, двигается далѣе въ мѣстечко Глубокое, Борисовскаго уѣзда. Эта мѣстность историческая. Здѣсь при Сигизмундѣ III іезуиты принудили, какъ говорится, не мытьемъ, такъ катаньемъ, — православнаго пана, воеводу Мстиславскаго Іосифа Корсака, обратиться въ латинство и настроить костеловъ и монастырей надъ убогими церковками сплошнаго православнаго населенія. Въ 1831 г. эти костелы и монастыри сдѣлались „плацдармами и арсеналами“ повстанцевъ, а вся мѣстность—главнымъ очагомъ бунта. Муравьевъ безстрашно поселяется одинъ съ двумя ординарцами въ Глубоцкомъ монастырѣ, окруженномъ высокою каменною стѣной, изъ-за которой мѣсяцъ тому назадъ вышелъ регулярный отрядъ мятежниковъ, числомъ около 7.000 съ артиллеріей. Михаилъ Николаевичъ ведетъ спартанскую жизнь, питается молокомъ, яйцами, курянымъ мясомъ и пшеномъ, встаетъ въ 4 часа и до поздняго вечера самъ лично „входитъ въ тончайшій разборъ дѣйствій“ каждаго подозрительнаго помѣщика и ксендза. Такихъ привозятъ къ нему со всѣхъ сторонъ цѣлыми сотнями. Муравьевъ не затрудняется продолжать опасные труды свои даже и потомъ, когда въ Глубокомъ осталось всего два эскадрона гусаръ. Чрезвычайно характеренъ, дышащій правдой и прямодушіемъ, разсказъ ординарца Муравьева И. Ѳ. Пинкорнелли: „Я присутствовалъ“—говоритъ онъ—„при многихъ допросахъ помѣщиковъ, привозимыхъ къ Муравьеву, а ихъ перебывало около тысячи. Находясь въ полномъ вооруженіи и при заряженномъ пистолетѣ, я обязанъ былъ во время допросовъ стоять въ сторонѣ, между инсургентомъ и Муравьевымъ, для охраненія его въ случаѣ, еслибъ опрашиваемый вздумалъ прибѣгнуть къ какому-либо насилію, но ничего подобнаго не случилось, и Муравьевъ не имѣлъ надобности въ моей защитѣ. Вообще ко мнѣ онъ имѣлъ полную довѣренность и неоднократно посылалъ для арестованія помѣщиковъ. Эти посылки были не совсѣмъ безопасны: однажды ночью, проѣзжая съ десяткомъ казаковъ чрезъ лѣсъ, мы попали въ засаду; по насъ было сдѣлано нѣсколько выстрѣловъ, но по счастью насъ всѣхъ Богъ помиловалъ, я же отдѣлался лишь прострѣленнымъ киверомъ. Служба была чрезвычайно трудная, почти невыносимая; по цѣлымъ днямъ приходилось не раздѣваться: днемъ и ночью, въ которомъ бы не было часу, какъ только привозили кого-либо изъ арестованныхъ, нужно было тотчасъ же доложить Муравьеву, а если онъ спалъ, то разбудить, и примѣра не было, чтобъ онъ полѣнился встать

или отложить допросъ до утра. Вообще съ Муравьевымъ было легко и пріятно служить. Заботливость его и ласковое обращеніе со подчиненными были выше всякихъ похвалъ. Всѣ окружавшіе не могли надивиться его неутомимости и долготерпѣнію при разспросахъ виновныхъ: онъ видимо былъ доволенъ, когда отвѣчали ему смѣло и откровенно, хотя бы и рѣзко, лишь бы говорили правду, но, къ несчастью, это случалось не всегда. Справедливость требуетъ сказать, что изъ множества лицъ, бывшихъ тогда у допроса, ни одинъ не оказался героемъ, ни одинъ не явилъ той твердости духа, которая заставляетъ уважать и врага жертвующаго собою для блага своихъ согражданъ. Ни въ одномъ не нашлось настолько мужества, чтобы говорить съ Муравьевымъ безъ подобострастія и самоуничиженія. Движимые однимъ чувствомъ самосохраненія, участники мятежа выдавали головой своихъ друзей и знакомыхъ, иногда даже наводили на нихъ неправду; но были и такіе, что запутывали въ дѣло безо всякой надобности своихъ свойственниковъ и даже родныхъ сестеръ.[1] Изъ этихъ немногихъ словъ можно заключить, до какой степени глубоко и основательно ознакомился Муравьевъ уже въ то время съ характеромъ и направленіемъ польскаго помѣстнаго дворянства. Въ 1831 году онъ испытывалъ на дѣлѣ такія мѣры, какъ обузданіе помѣщиковъ денежными штрафами, секвестромъ имуществъ, обложеніемъ контрибуціями все чѣмъ въ 1863 г. такъ успѣшно подавленъ былъ мятежъ. Въ то же время (1831) онъ на практикѣ пріобрѣлъ навыкъ къ организаціи военно-гражданскаго управленія, военной полиціи, вообще—ко всѣмъ временнымъ мѣрамъ къ укрощенію мятежа, а затѣмъ, къ прочному установленію такого порядка благоустройства и управленія края, который могъ бы предупредить и сдѣлать невозможнымъ повторенія возстанія. Такія же многостороннія и вѣрныя познанія пріобрѣтены Муравьевымъ относительно католическаго духовенства, съ его верхняго слоя до нижняго; онъ на опытѣ узналъ важное значеніе для русскаго дѣла православныхъ крестьянъ Западнаго края, такъ же какъ и мѣстныхъ старообрядцевъ. Всѣ инструкціи и распоряженія начальника Сѣверозападнаго края въ 1863 году были уже не только предначертаны, но испытаны и провѣрены имъ на практикѣ въ 1831, и поэтому всѣ они имѣли такой быстрый и рѣшительный успѣхъ. Чтобы покончить съ

[1] Кропотовъ. *Жизнь гр. Муравьева*, стр. 380—381.

дѣятельностію Муравьева въ Бѣлорусскихъ губерніяхъ, достаточно прибавить, что возстаніе въ Лепельскомъ, Дисненскомъ и Борисовскомъ уѣздахъ было имъ усмирено весьма быстро и рѣшительно, но безъ пролитія крови или какихъ другихъ жестокихъ мѣръ. Онъ ограничился тѣмъ, что отправилъ изъ Глубокаго въ Бобруйскую крѣпость 15 наиболѣе виновныхъ помѣщиковъ, остальныхъ же отпустилъ домой, но они уже знали его слишкомъ хорошо и слишкомъ сильно чувствовали силу установленной имъ администраціи, чтобы снова покуситься на бунтъ. Впрочемъ, такое покушеніе было само по себѣ невозможнымъ. Варшава была взята 26 августа, и всѣ надежды Польской справы рушились вмѣстѣ съ нею.

За свои заслуги Муравьевъ получилъ орденъ Анны 1-й степени, и по пріѣздѣ въ Петербургъ, подалъ государю замѣчательную записку: „*О ходѣ мятежа въ губерніяхъ отъ Польши возвращенныхъ и заключенія о причинахъ столь быстраго развитія онаго, извлеченныхъ изъ свѣдѣній, почерпнутыхъ на мѣстѣ происшествія и подлинныхъ допросовъ.*“ Когда настанетъ время изданія полной біографіи М. Н. Муравьева, записка эта, безъ сомнѣнія, будетъ напечатана отъ слова до слова, потому что въ ней заключается почти пророческое описаніе событій, дѣйствительно наступившихъ 32 года спустя, и еслибы начертанный Муравьевымъ мастерской обзоръ возстанія 1831 года былъ принятъ въ серьезное вниманіе и еслибы предлагаемыя имъ мѣры были приняты во всемъ ихъ объемѣ, то позднѣйшей катастрофы или вовсе бы не было, или же она разыгралась бы гораздо слабѣе. Впрочемъ, императоръ Николай, тотчасъ же послѣ Польскаго возстанія, постепенно утверждалъ цѣлый рядъ раціональныхъ и вполнѣ цѣлесообразныхъ реформъ, какъ, напримѣръ, упраздненіе Виленскаго университета (1832), Указъ о разборѣ правъ состоянія и узаконеніе бывшей Польской шляхты (1831), Возсоединеніе уніатовъ (1835) и, наконецъ, Положеніе объ инвентаряхъ (1847) и прочія, въ томъ же родѣ. Въ Юго-западный край назначенъ былъ генералъ-губернаторомъ извѣстный Дмитрій Гавриловичъ Бибиковъ, и еслибы Сѣверозападныя губерніи удостоились такого же энергичнаго, стойкаго и способнаго правителя,—вся западная окраина давно обрусѣла бы. Къ несчастію, въ Вильнѣ распоряжался человѣкъ „преданный женщинамъ и при запутанности своихъ домашнихъ дѣлъ дѣлавшій много долговъ и потому бывшій подъ вліяніемъ польскихъ

магнатовъ, у которыхъ занималъ деньги". Этого генералъ-губернатора, женатаго на Полькѣ, вслѣдствіи перевели въ Харьковъ, а виленскіе паны смѣялись надъ нимъ, надъ его слабостями, уступками и снисхожденіями и говорили: „*руки* уѣхали, а долги *остались*". И вотъ, подъ начало къ этому правителю поступаетъ Муравьевъ, переведенный изъ Могилева въ Гродно губернаторомъ. Это была вторая ступень, вторая подготовка къ исторической миссіи. Графъ Муравьевъ самъ говоритъ въ своихъ запискахъ: „я былъ въ Гроднѣ губернаторомъ съ 1831 по 1835 годъ". Главная черта дѣятельности Муравьева въ Западномъ краѣ обозначается въ томъ, что онъ, искореняя острую болѣзнь крамолы и мятежа, всегда заглядываетъ далеко впередъ, измышляя мѣры къ предупрежденію и пресѣченію рецидивовъ. Въ началѣ тридцатыхъ годовъ, казалось, наступило благопріятное время для коренныхъ реформъ. Затрогивались корни. Трехсотлѣтнему дѣлу папизма и іезуитовъ грозилъ страшный ударъ. Унія расшатывалась и готова была рухнуть. Починъ взялъ на себя греко-уніатскій епископъ Іосифъ Сѣмашко, человѣкъ твердой воли, гибкаго ума, не уступавшій Муравьеву ни въ способностяхъ, ни въ энергіи, но болѣе спокойный, сдержанный и терпѣливый; Сѣмашко былъ душой великаго дѣла возсоединенія уніатовъ, онъ довелъ его до конца, но долженъ былъ бороться съ громадными препятствіями не только съ мѣстными, но съ высшими правительственными соображеніями въ Петербургѣ.

Въ борьбѣ съ мѣстными затрудненіями помогалъ ему Муравьевъ, и епископъ могъ благодарить Бога, что хотя въ Гродно онъ имѣлъ такую поддержку. Эти два человѣка должны были сблизиться и сочувствовать другъ другу, что̀ недоставало одному,— восполнялъ другой. Графъ Муравьевъ вспоминаетъ объ этомъ времени въ такихъ словахъ: „Въ 1839 году свершилось въ краѣ великое событіе возсоединенія уніи съ православіемъ. Дѣло было ведено съ 1828 года нынѣшнимъ митрополитомъ Литовскимъ и Виленскимъ Іосифомъ, который тогда былъ предсѣдателемъ грекоуніатской коммиссіи въ Петербургѣ. Государь Николай Павловичъ внялъ его предложеніямъ обратить унію въ православіе и, съ содѣйствіемъ графа Блудова, бывшаго тогда директоромъ Департамента Иностранныхъ Исповѣданій, важное это дѣло получило свое начало. Іосифъ, по фамиліи Сѣмашко, былъ сдѣланъ епископомъ уніатскимъ Гродненской губерніи, въ мѣстечкѣ Журавицахъ и приступилъ къ приглашенію уніатскаго духовенства

принять православіе, при первомъ призывѣ правительства, независимо отъ особыхъ мѣроположеній, принятыхъ правительствомъ для уменьшенія вліянія католическаго духовенства на греко-уніатовъ. Въ дѣйствіяхъ своихъ онъ входилъ со мною въ соглашеніе (то-есть съ 1831 по 1835), и совокупными силами, преимущественно мѣрами административными, возстановлялись въ уніатскихъ церквахъ Гродненской губерніи древніе иконостасы, уничтоженные Поляками, вводилась православная литургія съ уничтоженіемъ католическихъ обрядовъ, такъ что уже въ 1833 и 1834 годахъ, въ Гродненскомъ древлеправославномъ монастырѣ Колахѣ, обращенномъ въ уніатскій, служили уже по православному обряду съ дьякономъ изъ нашего собора, и народъ привыкалъ къ уніатскому служенію въ православныхъ церквахъ. Въ Журавицахъ, гдѣ были консисторія и семинарія греко-уніатская, уже съ 1834 года не поминали папу, и Сѣмашко съ 1835 года получилъ уже почти отъ всѣхъ грекоуніатовъ Гродненской губерніи подписки на согласіе къ переходу въ православіе. Одинъ Михаилъ Голубовичъ (впослѣдствіи епископъ Минскій) противился этому по наущенію католиковъ. Сѣмашко обратился ко мнѣ и вскорѣ Голубовичъ смирился, сдѣлавшись впослѣдствіи ревностнымъ православнымъ. Я не буду поминать о всѣхъ противодѣйствіяхъ, встрѣчаемыхъ Сѣмашкой на трудномъ поприщѣ ему предстоявшемъ. Католики сильно ему противодѣйствовали, а въ особенности уніатскіе монастыри, наполненные католиками, подъ названіемъ лишь Базиліанъ. Не однажды ко мнѣ пріѣзжалъ въ Гродно Сѣмашко, передавая мнѣ грустное свое настроеніе (по поводу) встрѣчаемыхъ препонъ къ исполненію великаго дѣла. Правительство наше, какъ и всегда, колебалось, соображаясь съ возгласами и противодѣйствіемъ Европы, и когда надо было дѣйствовать, то графъ Блудовъ отлагалъ исполненіемъ и тѣмъ самымъ въ самихъ уніатахъ, давшихъ согласіе на присоединеніе, возрождалъ недовѣріе къ самому дѣлу и многіе даже отступились отъ своихъ обѣщаній. Не однажды Сѣмашко выражалъ сомнѣніе въ успѣхѣ своего дѣла и хотѣлъ идти въ монахи въ одинъ изъ православныхъ монастырей, но Богъ видимо помогалъ великому и святому дѣлу. Терпѣніемъ и настойчивостью Сѣмашки преодолѣны были всѣ противодѣйствія и въ 1835 году (въ 1839 г.?) 25 марта торжественно было объявлено возсоединеніе уніи съ православіемъ. Такимъ образомъ, болѣе двухъ милліоновъ пятисотъ

тысячъ жителей обоего пола въ сѣверо-западныхъ губерніяхъ увеличили число православныхъ." [1] Ко времени бытности Муравьева въ Гродно губернаторомъ относится еще одна важная реформа: Унаслѣдованная Россіей, бывшая польская шляхта, то-есть — до полумилліона безпокойныхъ людей пользовались, бездоказательно, всѣми правами русскаго дворянства, то-есть не платили податей, не отбывали рекрутской повинности и проч., а между тѣмъ шляхта служила главнѣйшимъ контингентомъ польскихъ враговъ Россіи при всѣхъ заговорахъ и возстаніяхъ. Указомъ 19 октября 1831 года повелѣно было установить опредѣлительное различіе между шляхтичами, доказывавшими свое дворянство и признанными въ оном герольдіей и между лицами именующимися шляхтой безъ утвержденія присвояемаго достоинства законными доказательствами. [2] Вся шляхта, недоказавшая дворянства, раздѣлялась на однодворцевъ (сельскихъ обывателей) и гражданъ (городскихъ), и тѣ и другіе обязаны были платить денежный сборъ съ 1 января 1833 г., и лично поступать въ военную службу, срокъ которой назначался пятнадцатилѣтній. [3] На доказательство дворянскаго званія назначался годовой срокъ. Но этотъ срокъ возобновлялся нѣсколько разъ, дѣло затянулось на тридцать два года и кончилось въ самый годъ смерти Муравьева. Когда же онъ былъ губернаторомъ въ Гродно, оно только что начиналось, кромѣ помянутаго указа при немъ вышло еще Высочайшее повелѣніе 30 мая 1834 года: „о правилахъ къ производству ревизіи дѣйствій депутатскихъ собраній". Сдѣлано-ли что-либо Муравьевымъ въ исполненіе этихъ двухъ указовъ, остается пока неизвѣстнымъ. Самъ онъ ни слова не говоритъ объ этомъ важномъ процессѣ въ своихъ запискахъ. Процессъ этотъ кончился только по указу 19 января 1866 года, въ силу котораго всѣ шляхтичи, не доказавшіе своего дворянства, окончательно причислены къ мѣщанскимъ и крестьянскимъ обществамъ. Но и этотъ остатокъ представлялъ почтенную цифру. Въ одной Гродненской губерніи зачислено 27.518 лицъ, а изъ нихъ было всего 454 православныхъ, а во всѣхъ 5 губерніяхъ, Литовскихъ и Бѣлорусскихъ, зачислено въ податныя сословія всего 148.514 человѣкъ, а въ Литовскихъ губерніяхъ изъ нихъ

---

[1] *Рукописная копія записки Муравьева*, глава 3-я.

[2] Указъ 19 октября 1831 г., пунктъ 2-й.

[3] Неизданное изслѣдованіе *„Польское шляхетство и русское дворянство"*.

только 464. [1] Если приложить къ этой цифрѣ все число шляхтичей, доказывавшихъ дворянство и если принять во вниманіе, что въ 1800 году въ однѣхъ юго-западныхъ губерніяхъ (Кіевской, Подольской и Волынской) считалось до 100.000 такихъ шляхтичей, и что казна, вслѣдствіе неплатежа ими податей, ежегодно лишалась до 500.000 рублей дохода, [2] то можно себѣ представить сколькихъ милліоновъ лишилась русская казна съ 1800 года по 1866 годъ, и сколько русскихъ рекрутовъ отслужило за шляхту, изъ которой, при каждомъ польскомъ возстаніи, рекрутировались шайки мятежниковъ! Графъ Муравьевъ въ своихъ запискахъ ничего не говоритъ о своей дѣятельности по этому вопросу, ни въ бытность гродненскимъ губернаторомъ, ни въ 1863 году, но молчаніе его объясняется невозможностью перечислить, хотя бы въ сжатомъ видѣ, все что̀ онъ сдѣлалъ въ своей жизни. Упоминая о главнѣйшихъ своихъ распоряженіяхъ въ 1863 году, авторъ записокъ, между прочимъ, говоритъ: „всѣ эти мѣры и *многія другія, о которыхъ не упоминаю, ибо одно перечисленіе ихъ было бы затруднительно*, а многія изъ нихъ напечатаны и достаточно извѣстны, принесли пользу и проч.“ [3] Въ этой короткой формулѣ подразумѣваются цѣлые сборники распоряженій. Мы имѣемъ подъ рукой объемистую книгу, in 4° въ 383 страницы, [4] гдѣ внесены распоряженія Муравьева въ одномъ 1863 г. Но онъ оставался въ краѣ до 17 апрѣля 1865 г., и въ это время, конечно, состоялось не мало циркуляровъ, предложеній и представленій по разнымъ предметамъ. Изъ нихъ особенно интересны Всеподданнѣйшія записки и представленія, въ которыя, можно увѣренно сказать, вошла и помянутая существенная мѣра объ окончательномъ разборѣ и устройствѣ быта бывшей польской шляхты. Возвращаясь къ управленію Муравьева Гродненскою губерніей (1831—1835) и разсматривая дѣятельность его въ связи съ событіями того времени, увидимъ, что время это было очень серьезное и опасное.

---

[1] Виленской 39.761.—Православныхъ—10; Ковенской 22.007.—Православныхъ вовсе нѣтъ; Гродненской—27.518.—Православныхъ 454; Могилевской—34.964; Витебской—14.369. См. *Виленскій Вѣстникъ*. 1866 года, № 202.

[2] Донесеніе Прав. Сенату статскаго совѣтника Котлубицкаго, 29 марта 1800 года.

[3] *Рукописная копія записокъ Муравьева*, глава 1. (Вступленіе.)

[4] *Сборникъ распоряженій графа М. Н. Муравьева по усмиренію польскаго мятежа.* Составилъ П. Цыловъ, 1866 г. Вильна.

Католическое духовенство, видя рѣшительные успѣхи дѣла о возсоединеніи уніатовъ, было раздражено до крайней степени, а шляхта, видя близкій конецъ своего привольнаго житья, волновалась и готова была снова броситься, очертя голову, въ мятежъ. Польская эмиграція не упустила воспользоваться такимъ благопріятнымъ оборотомъ дѣлъ. Муравьевъ такъ описываетъ этотъ періодъ своей службы: „Крамола и мятежъ повсемѣстно распространены были въ краѣ дѣйствіями польской революціи въ теченіе десятковъ лѣтъ. Урокъ 1831 года мало послужилъ намъ въ пользу. Послѣ строгихъ мѣръ, первоначально принятыхъ государемъ Николаемъ Павловичемъ, вскорѣ послѣдовали исключенія изъ оныхъ, за симъ послабленія въ исполненіи и, наконецъ, если не полная отмѣна ихъ, то совершенное неисполненіе. Въ 1833 году явились въ Западномъ краѣ польскіе эмиссары, отправленные изъ Парижа, отъ учрежденнаго тамъ общества „правъ человѣчества“ (Société des droits de l'homme“). Они проникли въ Виленскую и Гродненскую губерніи, независимо отъ немалаго числа находившихся въ Царствѣ Польскомъ... Въ числѣ эмиссаровъ этихъ были нѣкій Шиманскій, уроженецъ Гродненской губерніи, и бѣжавшій изъ Самогитскаго полка поручикъ Пищетовскій и, кромѣ того, помѣщикъ Волковискаго уѣзда Воловичъ“... [1] Такъ вотъ какое было тогда время! Очевидно, что гродненскій губернаторъ не имѣлъ досуга заниматься возникшимъ вопросомъ объ изслѣдованіи правъ состоянія бывшей польской шляхты. Ему надо было поскорѣе захватывать эмиссаровъ и тушить вспышки мятежа имъ разжигаемаго. „Въ Гродненской губерніи“, говоритъ Муравьевъ,—„были тогда устроены мною военно-полицейскія управленія, такъ что эмиссары эти, снабженные инструкціями изъ Парижа и имѣвшіе цѣлью возбудить всеобщее противъ правительства возстаніе въ краѣ, убивать русскихъ начальниковъ частей, уничтожать военные запасы, магазины и все то, что могло служить къ утвержденію русскаго владычества въ краѣ,—не успѣли ничего сдѣлать и были захвачены. Одинъ только изъ нихъ Воловичъ успѣлъ собрать шайку изъ 12 человѣкъ въ лѣсахъ слонимскихъ и напасть на денежную почту, но не могъ однако же ее захватить. Вскорѣ Воловичъ со всею шайкой былъ взятъ, судимъ и повѣшенъ въ Гродно. Пищетовскій также былъ судимъ въ Гродно и разстрѣлянъ въ Бѣлостокѣ, гдѣ онъ

[1] *Рукописная копія записокъ Муравьева*, глава 2-я.

главнымъ образомъ дѣйствовалъ. Надъ всѣми прочими лицами (болѣе 200 лицъ разныхъ сословій, принимавшихъ эмиссаровъ и содѣйствовавшихъ имъ) учреждены слѣдственныя коммиссіи и военный судъ, но, къ сожалѣнію, главные виновники, то-есть польскіе аристократы, будучи уличены въ мятежныхъ своихъ покушеніяхъ, освобождены генералъ-губернаторомъ, находившимся, какъ выше сказано, подъ вліяніемъ аристократіи и женщинъ. Одни бѣдные и ничтожные шляхтичи, служившіе орудіемъ аристократовъ и увлеченные ихъ льстивыми обѣщаніями, подвергнуты были наказаніямъ и сосланы были во внутреннія губерніи и въ Сибирь... Послѣдствіемъ всѣхъ этихъ событій было общее негодованіе противъ меня, такъ сильно отстаивавшаго интересы Россіи и строго преслѣдовавшаго крамолу и мятежъ.

„Польская интрига повсемѣстно работала противъ меня, стараясь затмить, сколько возможно, всѣ обнаруженные слѣды мятежныхъ дѣйствій въ краѣ. Въ особенности, крайне непріятны были имъ видимые успѣхи въ (дѣлѣ) возстановленія православія, такъ что въ началѣ 1835 года я вынужденъ былъ оставить край и, по волѣ государя,—переведенъ въ Курскъ военнымъ губернаторомъ, разумѣется,—подъ самымъ благовиднымъ предлогомъ приведенія въ порядокъ Курской губерніи, которою государь былъ недоволенъ по случаю безпорядковъ, происшедшихъ на выборахъ“... [1]

Еще въ 1832 году Муравьевъ переименованъ въ генералъ-маіоры. Со времени назначенія губернаторомъ въ Курскъ, онъ все болѣе и болѣе отдаляется отъ своей исторической миссіи. Великій, русскій государственный человѣкъ становится великимъ петербургскимъ бюрократомъ, и сѣверо-западный край лишается дѣятеля своего на цѣлыхъ 28 лѣтъ! Изъ Курска Муравьева вызываютъ въ Петербургъ и дѣлаютъ членомъ комитета объ учрежденіи новаго управленія казенными поселеніями, а въ 1839, въ годъ возсоединенія уніатовъ, дѣла, въ которомъ Муравьевъ принималъ такое плодотворное участіе, его назначаютъ директоромъ департамента податныхъ сборовъ. Старый бородинскій воинъ опять надѣваетъ гражданскій вицъ-мундиръ, дѣлается тайнымъ совѣтникомъ и садится въ сенаторское кресло (1842)—тогдашнее — мѣсто упокоенія старыхъ губернаторовъ, началь-

---

[1] *Рукописная копія записокъ Муравьева*, глава 2. *„Ретроспективный обзоръ событій 1863 г.“*

никовъ дивизій и прочихъ старцевъ, кончавшихъ свою карьеру. Но Муравьеву было всего 46 лѣтъ, съ его способностями засидѣться такъ до смерти было немыслимо. Въ томъ же 1842 году онъ уже управляющій межевымъ корпусомъ. Въ 1849 г.—Венгерская война, Европа охвачена пламенемъ революціи, въ сѣверозападномъ краѣ опять броженіе, глухая подпольная работа и дѣятельное подготовленіе къ мятежу, а бывшій могилевскій и гродненскій губернаторъ, гроза польской справы, эмиссаровъ, пановъ и ксендзовъ, хотя и въ чинѣ генералъ-лейтенанта, въ томъ же 1849 году опять становится членомъ Государственнаго Совѣта и засѣдаетъ въ немъ до 1856 г., когда, съ производствомъ въ генералы-отъ-инфантеріи, онъ назначается предсѣдателемъ департамента удѣловъ, съ оставленіемъ въ должности директора межеваго корпуса, а въ слѣдующемъ 1857 году—становится министромъ государственныхъ имуществъ. [1] Министерство это было въ то время громадною спеціальностью, требовавшею дѣятельнаго, честнаго и умнаго реформатора, но пока существовало крѣпостное право, и самый геніальный реформаторъ не могъ бы сдѣлать болѣе, чѣмъ сдѣлалъ П. Д. Киселевъ, предшественникъ Муравьева. Послѣдній тоже былъ администраторъ, какихъ мало найдется въ Россіи, и онъ сдѣлалъ что могъ, прежде всего сдѣлалъ много добра, и вотъ примѣры. Будучи министромъ государственныхъ имуществъ, Муравьевъ испросилъ 50.000 рублей на воспитаніе дѣтей чиновниковъ. Эта монаршая милость остается за ними и въ настоящее время. [2]

„Въ 1858 году М. Н. Муравьевъ призналъ полезнымъ, чтобы способные къ художеству крестьянскіе мальчики имѣли возможность учиться на казенный счетъ въ Академіи Художествъ. Эти ученики были поручены непосредственному надзору Ф. Г. Солнцева и нѣкоторые изъ нихъ подъ его ближайшимъ руководствомъ окончили академическій курсъ съ золотою и серебряною медалью.“ [3] Такія черты не рѣдки въ жизни Муравьева. Муравьевъ могъ бы сдѣлать очень много въ пользу государственныхъ крестьянъ, когда наступило время освобожденія всего крѣпостнаго люда. Но тутъ въ жизни Муравьева наступаетъ какой-то странный переломъ. Неутомимый, энергичный прогрессистъ вдругъ

---

[1] *Военный сборникъ*, *1866 г.*, № 10.

[2] *Виленскій Вѣстникъ*, *1866 г.*, № 194.

[3] *Новое Время*, 6 марта 1892 года, № 5.754. Некрологъ Ф. Г. Солнцева.

превращается въ крайняго консерватора. Многія современныя ему свидѣтельства, устныя и печатныя, высказываются въ томъ смыслѣ, что Муравьевъ положительно противился крестьянской реформѣ по существу и по формѣ. Самъ же онъ говоритъ: „Государю угодно было, чтобы непремѣнно государственные крестьяне были переданы въ общее управленіе въ сентябрѣ 1861 года. Къ тому времени проектъ положенія былъ составленъ, но я еще разъ упрашивалъ государя не увеличивать неустройства прибавленіемъ еще 9 милліоновъ государственныхъ крестьянъ и выждать нѣкоторое время, пока вполнѣ будутъ видимы послѣдствія реформы.“ [1] Слѣдовательно, онъ желалъ только придержать и выждать. Исторія разсудитъ, какъ дѣло было, пока же автобіографическое свидѣтельство представляется вѣрнѣйшимъ, потому что выжидательная и осторожная политика въ общихъ государственныхъ реформахъ была давнишнимъ и твердымъ убѣжденіемъ Муравьева. Въ запискѣ, поданной имъ государю Николаю Павловичу, онъ, между прочимъ, говорилъ про „обнародованіе иногда постановленій (общихъ государственныхъ), которыя по теоріи могутъ быть весьма хорошими, но въ приложеніяхъ, особенно къ Россіи, часто невозможны и гибельны“. Такія постановленія авторъ записки предлагалъ издавать въ видѣ опыта и мотивировалъ свое предложеніе такъ: „Постановленія, изданныя въ Дрезденѣ, могутъ примѣниться ко всѣмъ статьямъ малаго королевства; но въ Россіи, гдѣ столько разнообразныхъ царствъ и областей, гдѣ выгоды однихъ часто противоположны выгодамъ другихъ, общія постановленія существовать не могутъ, и потому, какъ скоро таковыя издаются, то почти всегда въ неудобствахъ своихъ не выполняются и порождаютъ ужаснѣйшее зло,—презрѣніе велѣній правительства и мздоимство со стороны низшихъ исполнителей онаго. Примѣромъ тому можетъ служить гильдейское положеніе, казенная продажа вина, паспорты на тридцати-верстное разстояніе и проч., которыхъ постановленій несчастнымъ послѣдствіямъ я самъ былъ свидѣтелемъ. Мнѣ кажется необходимымъ, чтобы таковыя постановленія, особенно финансовыя, вліяющія столько на благосостояніе народа, прежде настоящаго утвержденія, первый годъ приводились бы въ дѣйствіе съ обязанностію извѣстнымъ властямъ въ губерніяхъ,—присылать о неудобствахъ ихъ свои замѣчанія, ибо, мнѣ кажется, невозможно требовать отъ минис-

[1] *Рукописная копія записокъ Муравьева*, глава 1. (Вступленіе.)

тровъ только знанія всѣхъ подробностей государства, столь многообразнаго, чтобы сдѣлать постановленія безошибочныя для всѣхъ частей онаго." [1]

И вотъ, черезъ тридцать два года, Муравьевъ остается вѣрнымъ своимъ правиламъ и говоритъ въ своихъ запискахъ: „Я старался уговорить государя, чтобы выдержать, по крайней мѣрѣ, годъ, пока увидятъ послѣдствія прекращенія крѣпостнаго права и устройства управленія мировыхъ учрежденій." [2]

Какъ мы видѣли, онъ настаивалъ на своемъ и во второй разъ, но его настоянія не могли поколебать твердой рѣшимости государя осуществить крестьянскую реформу быстро и безповоротно. Тогда Муравьевъ оставилъ министерство въ исходѣ 1861 года, уѣхалъ за границу, а по возвращеніи просилъ увольненія отъ управленія Департаментомъ Удѣловъ и Межевымъ Корпусомъ, оставивъ за собою званіе члена Государственнаго Совѣта и присутствующаго въ Комитетѣ Финансовъ. Своею оппозиціей онъ прогнѣвалъ императора и попалъ въ немилость, въ чемъ самъ сознается, упоминая, что „при оставленіи министерства, видѣлъ нерасположеніе къ нему государя". [3] Михаилъ Николаевичъ вдругъ дѣлается почти такимъ же опальнымъ, какимъ былъ въ 1820 году. Но польскія событія 1862—1863 годовъ возвысили его, чтобъ увидѣть весь Западъ въ огнѣ и затушить пожаръ, грозившій опасностью Россіи. Съ самаго начала безпорядковъ въ Царствѣ Польскомъ, то-есть съ 1861 года, правительство старалось укротить ихъ мѣрами снисхожденія, уступками, компромиссами, переговорами и благосклонными послабленіями. О такихъ людяхъ, какъ Муравьевъ, никто и не думалъ, но о нихъ поневолѣ пришлось подумать, когда дѣла наши въ Польшѣ и въ Западномъ краѣ пришли въ отчаянное положеніе. Разграбленіе графомъ Плятеромъ и Молемъ транспорта съ оружіемъ подъ Динабургомъ (въ началѣ 1863 года) произвело въ Петербургѣ тѣмъ сильнѣйшую панику, что, вслѣдъ за дерзкимъ покушеніемъ Плятера, въ Польшѣ и въ западныхъ губерніяхъ вспыхнуло вооруженное возстаніе, а Франція, Англія и Австрія грозили вмѣшательствомъ въ наши дѣла. Не личный интересъ, а долгъ вѣрноподданнаго должны были

---

[1] *Жизнь графа Муравьева.* Д. А. Кропотова, Спб. 1874 г., стр. 241—242.

[2] *Записки графа М. Н. Муравьева о Польскомъ мятежѣ 1863 года* по рукописной копіи. Глава I.

[3] Тамъ же.

побудить Муравьева напомнить даже не о себѣ, а о своей службѣ въ 1831 году. Какъ же онъ поступаетъ? А вотъ какъ: „По причинамъ возгорѣвшаго мятежа я не признавалъ возможнымъ оставлять Россію и отложилъ предположеніе о поѣздкѣ за границу.“ На выходѣ 17 апрѣля 1863 года, государь заговорилъ съ Муравьевымъ о Динабургскомъ событіи и сказалъ, что послалъ туда полкъ и надѣется, что все это будетъ прекращено. Муравьевъ позволилъ себѣ выразить сомнѣніе и, ссылаясь на свой тридцатилѣтній опытъ и знаніе Западкаго края, замѣтилъ, что „тѣ же фамиліи, которыя замѣшаны въ мятежѣ 1831 года, участвовали и въ Динабургскомъ дѣлѣ“. [1] Тѣмъ на этотъ разъ и кончился разговоръ, но онъ скоро возобновился. Наступившее междоусобіе и предвидѣніе внѣшней войны напомнили о двухъ братьяхъ Муравьевыхъ. Старшій, генералъ-адъютантъ Николай Николаевичъ (Карскій) былъ вызванъ въ Петербургъ и 25 апрѣля Императоръ совѣщался съ нимъ о защитѣ Балтійскаго побережья и въ тотъ же день потребовалъ къ себѣ и Михаила Николаевича. Послѣднему государь предложилъ управленіе Сѣверозападнымъ краемъ съ командованіемъ всѣми войсками, въ немъ расположенными, и присоединеніемъ къ четыремъ губерніямъ Виленскаго округа и двухъ Бѣлорусскихъ губерній. 1 мая 1863 года состоялся приказъ объ этомъ назначеніи Муравьева, а съ того дня и по 17 апрѣля 1865 года, то-есть до назначенія на его мѣсто генерала Кауфмана, дѣянія перваго изъ нихъ представляютъ одну изъ славнѣйшихъ эпохъ русской исторіи. Собственноручныя записки графа Михаила Николаевича Муравьева войдутъ въ нее цѣликомъ. Это вѣрная алгебраическая формула, въ которую даже вставлены уже главныя цифры. Историку остается дополнить ихъ изъ другихъ, столь же несомнѣнныхъ, источниковъ. Что касается характеристики мятежа, его развитія и подавленія, наконецъ, изображенія главнѣйшихъ подробностей борьбы съ мятежомъ и перечисленія и объясненія средствъ и мѣропріятій для укрощенія вооруженнаго бунта и прочнаго водворенія русской народности въ Западномъ краѣ, то во всемъ этомъ біографу Муравьева и будущему русскому исторіографу стóитъ только списать его свидѣтельства, совершенно наглядныя и неопровержимыя. Самъ графъ Муравьевъ описываетъ не одну, а тройкую борьбу, выдержанную имъ въ 1863 — 1864

[1] *Записки Муравьева*. Глава I.

годахъ, а именно: 1) противъ Польскаго мятежа; 2) противъ „превратнаго управленія Царствомъ Польскимъ“, и 3) борьбу съ противодѣйствіемъ многихъ русскихъ властей въ Петербургѣ. Послѣдніе два пункта представляютъ обширное поле для историческихъ изслѣдованій, но дѣло это весьма трудное и щекотливое; особенно любопытна характеристика Петербурга 1860 годовъ и оцѣнка главнѣйшихъ дѣятелей его въ эту тяжелую эпоху русской исторіи. Тутъ даже свидѣтельства самого графа Муравьева требуютъ строгой провѣрки и безпристрастной критики, въ виду извѣстнаго правила: audiatur et altera pars! Поэтому желательны показанія современниковъ о настроеніи умовъ въ Петербургѣ въ 1863 году и о главныхъ представителяхъ столичной интеллигенціи. Мы скажемъ, что помнимъ какъ очевидцы, но вынуждены высказаться въ немногихъ словахъ. Тогда Москва осталась вѣрна своимъ историческимъ преданіямъ; въ 1863 году она была проникнута тѣмъ же духомъ, какъ въ 1612 и 1812 годахъ. Москва восторженно благодарила Муравьева, благословляла его иконами, ободряла и поддерживала его въ борьбѣ, неустрашимо обличая въ печати все враждебное русской мысли и русскому чувству. Самъ Муравьевъ признательно вспоминаетъ объ этой московской поддержкѣ и прямо говоритъ, что черпалъ изъ нея силы и вѣру въ свое призваніе. Когда ему приходилось бороться съ петербургскими вліяніями: „Извѣстно, что бо́льшая часть русской аристократіи, воспитанная въ идеяхъ европейскихъ, безъ чувства уваженія къ своей религіи и своему отечеству, всегда дѣйствовала безъ убѣжденій, согласно господствующему направленію на Западѣ. Для нихъ Россіи и православной религіи нѣтъ, они космополиты, безцвѣтные и безчувственные для пользы государства и первое мѣсто занимаютъ у нихъ ихъ собственныя выгоды и своя личность. Вотъ та среда главныхъ правительственныхъ лицъ, съ которыми мнѣ предстояло бороться, чтобы провести свою системму дѣйствій въ краѣ.“ [1]

Не надо забывать, что въ 1860 годахъ не однихъ правительственныхъ лицъ и аристократовъ, а всѣ слои петербургскаго общества, обуяло горячечное, страстное увлеченіе либерализмомъ и реформами. Каждый начиналъ декламировать, что для Россіи наступила заря прогресса, эпоха возрожденія и прочее, а затѣмъ сейчасъ же возбуждался какой-нибудь вопросъ, отъ частностей

[1] *Записки графа Муравьева*. Глава IV.

переходили къ общему и кончали фантастическою, генеральною ломкой всего государственнаго и общественнаго строя. Начались студенческіе безпорядки въ Петербургѣ и въ Москвѣ; крестьянскіе безпорядки въ Казани и въ другихъ, къ счастію немногихъ, мѣстахъ. Далѣе, польскіе заговоры въ Петербургѣ и серьезнѣйшіе безпорядки въ Варшавѣ и въ другихъ мѣстахъ. Наконецъ, даже и дворянскіе безпорядки въ Твери. (Дѣло Унковскаго и мировыхъ посредниковъ.) Всѣ эти смуты вмѣстѣ взятыя все еще не были, сами по себѣ, безусловно опасны. Но европейскіе завистники и ненавистники наши потирали себѣ руки, принимали съ восторгомъ всѣхъ русскихъ отщепенцевъ, Герцена, Огарева, Крапоткина, Драгоманова и прочихъ эмигрантовъ, давали имъ деньги на изданія *Колокола* и подобныхъ факеловъ, которые разбрасывали по Россіи. И это бы ничего! Демократическія начала самыхъ красныхъ оттѣнковъ наплывали съ Запада и всасывались не одними пролетаріями, а всѣми полуобразованными и многими, по виду, очень просвѣщенными людьми. Начала это проводились у насъ самою школой, и уже въ 1863 году зло вырвалось наружу въ повсемѣстныхъ пожарахъ, разсчитанныхъ на быстрое развитіе пролетаріата, которому нечего было терять! Съ увѣренностью можно предусмотрѣть окончательный приговоръ исторіи періоду 1860 годовъ, а именно, что это была не столько эпоха возрожденія Россіи, сколько зарожденія въ ней нигилизма и анархическихъ началъ. Богъ знаетъ, къ чему бы мы пришли въ 1863 году, когда, по справедливому выраженію очевидца, М. Н. Муравьева, намъ грозило „уничтоженіе всякаго порядка управленія со введеніемъ демократическихъ началъ“.

Спасти насъ могло только громовое, потрясающее событіе, способное вызвать переломъ смертельной болѣзни и благодѣтельную реакцію. Такимъ событіемъ несомнѣнно было Польское возстаніе 1863 года, хотя, логически говоря, оно-то и должно было нанести Россіи окончательный ударъ, еслибы не нашлись люди сумѣвшіе воспользоваться оскорбленіемъ народнаго, русскаго чувства Поляками и повернуть громадное матеріальное зло ко благу Россіи. 1863 годъ дѣйствительно оправдалъ народное вѣрованіе: „Нѣтъ худа безъ добра!“ Орудіемъ спасенія Россіи сдѣлалась Москва. Польская справа не отважилась въ лицѣ Огрызки и Сѣраковскаго свивать тамъ свои гнѣзда, а демократическія галлюцинаціи разлагались отъ одного прикосновенія съ аксіомами русской исторической науки, которая давно и плодотворно

созрѣвала въ Москвѣ. Извѣстный споръ славянофиловъ съ западниками (Грановскій, Погодинъ, Аксаковы, Хомяковъ), начавшійся еще въ тридцатыхъ годахъ, выработалъ практически національную, самостоятельную почву для русской политики, внутренней и внѣшней. Это сильное теченіе русской, исторической мысли, конечно, доходило до Петербурга, но тамъ оно пзчезало въ цѣломъ океанѣ западныхъ идей. Вотъ что разсказываетъ графъ Муравьевъ: „Мысль, что сѣверо-западный край не есть польскій, но что онъ ополяченъ вслѣдствіе ошибокъ нашего правительства, была до такой степени противна взглядамъ нашихъ правительственныхъ лицъ, что въ Комитетѣ Министровъ, бо́льшая часть членовъ онаго и самъ предсѣдатель князь Гагаринъ старались оставить оную безъ отвѣта и заключенія.“

Москва, какъ извѣстно, исконп служила богадѣльней русскихъ вельможъ и сановниковъ, за старостію или за немилостью, остававшихся не у дѣлъ. Но въ смутныя времена въ ней являлись такіе дѣльцы, какихъ никто не подозрѣвалъ. Извѣстно какіе толчки народному самосознанію давали *Московскія Вѣдомости* и *Русскій Вѣстникъ* — Каткова, газета Аксакова *День*, мы видѣли, въ началѣ статьи, какъ глубоко проникали въ народъ историческія доказательства того, что земля на западной окраинѣ русская, а не польская, что Россія не должна идти на буксирѣ Европы, а должна отрубить канатъ и сдѣлаться самостоятельною силой. Съ тѣхъ поръ и до настоящаго времени эта русская или славяно-русская, независимая политика сдѣлалась популярною и въ Петербургѣ, но не намъ, конечно, придется высказать о ней послѣднее слово. Одно имѣемъ право сказать, съ полною увѣренностью: одно изъ разумнѣйшихъ условій національной политики—отечествовѣдѣніе, а основа его—воспоминаніе о великихъ русскихъ людяхъ, расширившихъ предѣлы Россіи на дальнемъ Востокѣ, какъ, напримѣръ, сдѣлалъ графъ Н. Н. Муравьевъ Амурскій, и о тѣхъ, кто на Бородинскомъ полѣ и на западной окраинѣ отстоялъ отечественное достояніе съ величайшимъ самопожертвованіемъ и въ тяжкой, многотрудной борьбѣ. Жизнеописанія такихъ людей ободряютъ, освѣжаютъ, укрѣпляютъ духъ во время напасти.

Князь Н. Имеретинскій.

НЕЗАБВЕННОЕ.

Расцвѣтала сирень и жасминъ расцвѣталъ;
Благовоньями воздухъ былъ полнъ.
Отдыхала земля; полумѣсяцъ блисталъ
На гребняхъ чуть зыбившихся волнъ!

Ты безпечно сидѣла со мной въ челнокѣ;
Опустилъ я лѣниво весло
И смотрѣлъ я въ глаза твои; внизъ по рѣкѣ
Насъ теченьемъ съ тобою несло!

Я не помню теперь, что̀ сказалось тогда
И признанья слова позабылъ;
Но я помню и помнить я буду всегда,
Какъ смущенъ и какъ счастливъ я былъ!

Викторъ Мюръ.

ГОЛОДЪ У ЖИВОТНЫХЪ И ЕГО ВЛІЯНІЕ НА ПРОГРЕССЪ И РЕГРЕССЪ ИХЪ РАЗВИТІЯ.

Еще въ 1855 году Бергманнъ и Лейкартъ въ знаменитомъ ихъ учебникѣ сравнительной анатоміи и сравнительной физіологіи [1] писали, что̀ все, что̀ извѣстно въ наукѣ по вопросу о голодѣ и о голодовкахъ, получено путемъ наблюденія надъ человѣкомъ, но не надъ животными [2]. Прошло 37 лѣтъ съ этого времени, и намъ приходится повторить почти то же самое, съ тою только разницей, что къ человѣку намъ можно будетъ прибавить еще животныхъ, стоящихъ по своей организаціи и физіологическимъ явленіямъ наиболѣе близко къ человѣку, именно животныхъ позвоночныхъ и, всего болѣе, животныхъ млекопитающихъ.

Мы такъ мало двинулись впередъ по этому вопросу за этотъ длинный для біологическихъ наукъ періодъ времени, что до сихъ поръ еще не знаемъ толкомъ, случаются ли у животныхъ дикихъ, не связанныхъ съ человѣкомъ культурой и предоставленныхъ природой самимъ себѣ, такія же повальныя голодовки, какія случаются среди представителей рода человѣческаго, и

[1] Anatomisch-physiologische Uebersicht des Thierreiches. Vergleichende Anatomie und Physiologie. Ein Lehrbuch für den Unterricht und zum Selbststudium von *C. Bergmann* und *R. Leuckart*, Professoren in Rostock und Giessen. Stuttgart. 1855.

[2] Стр. 55. Hunger und Durst. Die Erklärung dieser Gefühle darf in einer vergleichenden Physiologie nur geringen Raum einnehmen, da fast Alles, was darüber gesagt werden kann, nur aus Beobachtungen an Menschen selbst hervorgeht

имѣютъ ли животныя какія-либо данныя для борьбы съ этимъ бичомъ человѣка и окружающихъ его домашнихъ животныхъ.

Что животныя иногда голодаютъ, и голодаютъ значительно, въ томъ никто не сомнѣвается, и это знаетъ всякій, видавшій выгнанную на пастбище послѣ неблагопріятной, бѣдной сѣномъ зимы, домашнюю скотину, или наблюдавшій за птицей послѣ исполненія ею ея материнскихъ обязанностей, послѣ выклюнутія насиженныхъ ею птенцовъ. Что животныя голодаютъ и могутъ умереть съ голода, это также не подлежитъ никакому сомнѣнію. Это доказывается и ежедневнымъ наблюденіемъ, это же доказываютъ и многочисленные опыты Шосса [1], Биддера и Шмидта [2], Фойта [3], Манассеина [4], Зегена [5] и другихъ, заставлявшихъ разныхъ животныхъ голодать въ своихъ лабораторіяхъ и наблюдавшихъ шагъ за шагомъ за жизнью этихъ несчастныхъ жертвъ науки.

Къ сожалѣнію, всѣ болѣе или менѣе точные опыты, какими являются, напримѣръ, опыты Фойта и еще болѣе ранніе Шосса, Биддера и Шмидта ограничиваются высшими животными, млекопитающими, и мы знаемъ болѣе подробно, какъ голодаютъ млекопитающія, почти совсѣмъ не зная о проявленіяхъ такого важнаго явленія природы у другихъ формъ животныхъ.

Между тѣмъ, вопросъ о голодовкахъ животныхъ совсѣмъ не такъ маловаженъ и мало-интересенъ. Онъ стоитъ въ связи съ другими вопросами—съ вопросомъ о вымираніи многихъ животныхъ, населявшихъ прежде земной шаръ, съ вопросомъ объ ускореніи развитія животныхъ во время ихъ метаморфозъ, съ вопросомъ о вліяніи избытка или недостатка пищи на потомство, происходящее отъ даннаго животнаго. Вопросы, какъ видно, и важные въ научномъ отношеніи и немаловажные въ отношеніи практическомъ—прикладномъ, и поэтому необходимость новыхъ изслѣдованій, и притомъ изслѣдованій полныхъ и сравнительныхъ въ этой области вполнѣ очевидна.

И дѣйствительно, въ послѣднее время являются уже стремленія къ сравнительному изученію этого вопроса, хотя эти стрем-

---

[1] *Chaussat.* Recherches expérimentales sur l'inanition. Paris, 1843

[2] *Bidder* und *Schmidt.* Die Verdauungsäfte und der Stoffwechsel. 1852.

[3] *C. Voit.* Ueber die Verschiedenheiten der Eiweisszersetzung beim Hungern. Zeitschrift für Biologie, Band II, 1866

[4] *Manassein.* Zur Lehre von Inanition. Medicin. Centralblatt, 1868.

[5] *I. Seegen.* Untersuchungen über einige Factoren des Stoffumsatzes während des Hungerns. Sitzungsberichte des Kaiserlichen Academie zu Wien, 1881.

ленія до сихъ поръ еще единичны и выражаются робко и неувѣренно. Одной изъ такихъ попытокъ является весьма интересное изслѣдованіе доктора Барфурта [1], бывшаго прозектора въ Боннскомъ университетѣ, въ настоящее же время профессора Императорскаго Дерптскаго университета. Это сочиненіе касается изученія голода съ точки зрѣнія необходимости его проявленія въ той или другой формѣ въ животномъ царствѣ, и оно доставило главное обиліе матеріала для этой моей замѣтки.

Прежде всего обратимся къ вопросу, чѣмъ можетъ быть вызвано голоданіе животныхъ.

Отвѣтъ на этотъ вопросъ весьма простъ. Голоданіе животнаго вызывается или полнымъ отсутствіемъ пищи и ея недостаткомъ, или замѣной обычной пищи пищей новою, непривычною.

Лабораторныя изслѣдованія показываютъ намъ, что тѣ явленія, которыя замѣчаются при лишеніи животнаго пищи или его недостаточнаго питанія вызываются также и замѣной привычной и потребной пищи другою, непривычною. Такъ, напримѣръ, у животнаго вызываются явленія голоданія при кормленіи его однимъ обезжиреннымъ мясомъ, однимъ бульйономъ или желатиной, однимъ жиромъ или крахмаломъ; такихъ режимовъ не выдерживаютъ самыя сильныя, здоровыя животныя, и даже собака, животное плотоядное, въ концѣ концовъ гибнетъ, если ее кормятъ одними бѣлковыми веществами, будетъ ли то въ формѣ бѣлка или въ формѣ обезжиреннаго мяса.

Эти указанія, несмотря на свою краткость, уже достаточны для того, чтобы выяснить намъ то обстоятельство, что голодовка животныхъ вызывается не только недостаткомъ пищи вообще, но также и недостаткомъ пищи спеціальной, нужной для поддержки существованія даннаго вида животнаго, привыкшаго къ этой пищѣ.

Удовлетвореніе пищевымъ потребностямъ, поиски пищи играютъ, конечно, весьма важную роль въ жизни животнаго, и многіе естествоиспытатели придаютъ пищевымъ потребностямъ значеніе въ жизни животнаго несравненно большее, нежели другимъ потребностямъ животнаго организма. Это воззрѣніе имѣетъ

---

[1] *D. Barfurth*. Der Hunger als förderndes Princip in der Natur. (Aus dem anatomischen Laboratorium in Bonn). Archiv für mikroscopische Anatomie, herausgegeben von v. la Valette St. Georges in Bonn undw. Waldeyer in Berlin. XXIX Band. Bonn, 1887.

такихъ крайнихъ представителей, которые утверждаютъ, что животному легче привыкнуть къ другой температурѣ, нежели температура той страны, въ которой оно родилось и выросло, къ другимъ климатическимъ условіямъ вообще, нежели къ перемѣнѣ пищи. Разумѣется, основываясь на этихъ данныхъ, нельзя предполагать, что бѣлый медвѣдь скорѣе будетъ жить подъ тропиками, питаясь сѣверною рыбой и тюленями, нежели перемѣнитъ свою рыбную пищу на мясную, оставаясь въ приполярныхъ странахъ; защитники этого направленія предполагаютъ не такія рѣзкія перемѣны, но перемѣны, напримѣръ, жизни въ тундрѣ на жизнь въ степи или тайгѣ, жизни на склонахъ горной страны на жизнь въ равнинѣ и т. п.

Къ представителямъ этого направленія въ зоологіи принадлежалъ, напримѣръ, покойный профессоръ Петербургскаго университета М. Н. Богдановъ, защищавшій даже положеніе, что „условія пищевыя до такой степени важны въ жизни животнаго, что съ полнымъ правомъ можно поставить ихъ на первый планъ“ въ сравненіи съ тѣми условіями, которыя извѣстны подъ именименемъ условій среды, то-есть съ явленіями климатическими, условіями безопасности, жилья и другими [1].

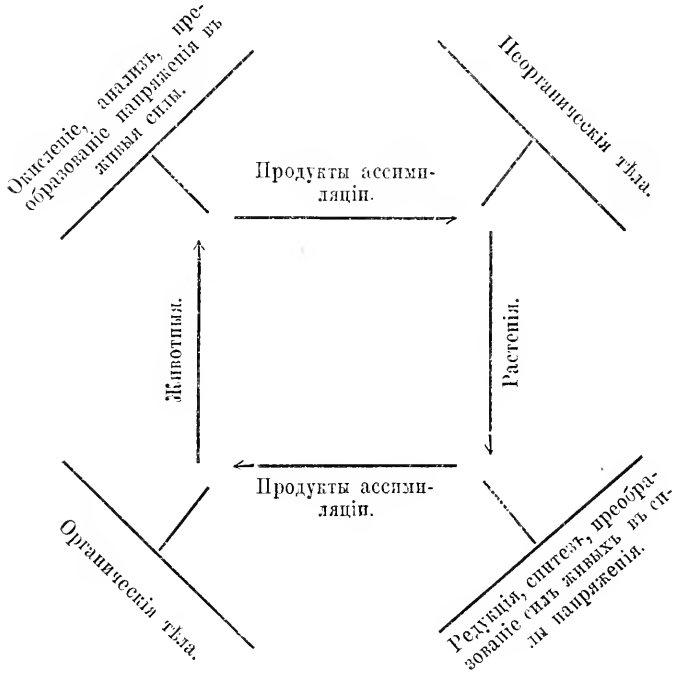
Но дѣло въ томъ, что самыя пищевыя условія находятся въ прямой зависимости отъ этихъ „условій среды“. Въ самомъ дѣлѣ, перемѣна климата, повышеніе или пониженіе температуры, увеличеніе или уменьшеніе содержанія влаги въ воздухѣ и многія другія условія отражаются на растительности данной страны, а растенія составляютъ основанія пищевыхъ условій, такъ какъ они обусловливаютъ извѣстную фауну травоядныхъ животныхъ, влекущую за собою фауну питающихся ими хищниковъ, извѣстную фауну насѣкомыхъ, влекущую за собою и опредѣленную фауну насѣкомоядныхъ животныхъ. Въ старину связи животнаго населенія страны съ ея растительнымъ населеніемъ придавали еще большее значеніе и даже чертили планы извѣстнаго кругооборота явленій въ животномъ и растительномъ царствѣ, принимая животныхъ за организмы, разлагающіе органическія соединенія,

[1] *М. Богдановъ*. Птицы и звѣри черноземной полосы. Казань, 1871. Къ его взглядамъ во многомъ примыкаетъ и его переводчикъ и комментаторъ берлинскій профессоръ Нерингъ въ своемъ сочиненіи „Die geographische Verbreitung der Säugethiere im dem Tschernosem-gebiete des rechten Wolgaufers, so wiein den angrenzenden Gebieten, von Prof. Dr. A. Nehring, Berlin, 1891“, составляющемъ передѣлку книги М. Н. Богданова.

окисляющіе, а растенія за организмы слагающіе органическія соединенія изъ простыхъ, неорганическихъ тѣлъ, редуцирующіе.

Я помѣщаю ниже одну изъ такихъ схемъ, крайне интересную, заимствованную мною изъ знаменитаго словаря медицинскихъ наукъ, [1] издаваемаго при участіи почти всѣхъ профессоровъ медицинскаго факультета въ Парижѣ и лучшихъ медицинскихъ силъ всей остальной Франціи.

Вотъ эта схема кругооборота органической природы:



Такою схемой физіологи хотѣли выразить взаимодѣйствіе двухъ царствъ живой природы другъ на друга. Растеніе, принимающее въ свой организмъ простыя, неорганическія тѣла, слагаетъ ихъ въ органическія соединенія, которыя являются продуктами его ассимиляціи; живыя силы (физико-химическія) переводятся имъ, по воззрѣніямъ этой школы физіологовъ, въ силы, такъ сказать, потенціальныя, напряженія. Продукты ассимиляціи растенія—органическія тѣла, въ организмѣ животнаго разлага-

[1] Dictionnaire encyclopédique des sciences médicales. Paris. 1863.

ются, анализируются, окисляются, потенціальныя силы растенія переходятъ въ живыя силы животнаго организма, а результатомъ ассимиляціи являются продукты разложенія—неорганическія тѣла.

Современная физіологія во многомъ измѣняетъ эту схему; она доказываетъ, что растенія такъ же способны къ окисленію, какъ и животныя, но въ гораздо меньшей степени; съ другой стороны, есть наблюденія, позволяющія предполагать, что и животныя имѣютъ редуцирующія способности. Но въ общемъ, въ массѣ схема эта имѣетъ еще значеніе и характерно очерчиваетъ тотъ кругооборотъ въ природѣ. ту зависимость одного отдѣла органическаго міра отъ другаго, о которой мы только-что говорили.

Теперь посмотримъ, какія явленія вызываются голодомъ въ организмѣ животнаго, и всѣ ли его части одинаково поражаются недостаткомъ питанія.

Вотъ какъ описываетъ составитель статьи *Famine* въ вышеупомянутомъ энциклопедическомъ словарѣ наружныя проявленія голода у животныхъ.

Физіологи замѣтили у голодающихъ животныхъ слѣдующее: уменьшеніе вѣса, пониженіе температуры, ослабленіе и замедленіе дыханія и пульса, мускульную слабость, уменьшеніе чувствительности, неправильность въ выдѣленіяхъ, тошноту, бредъ [1] или бѣшенство. [2] Вскрытія обнаруживаютъ слѣдующія ненормальности: уменьшеніе вѣса органовъ, въ особенности печени, уменьшеніе отложеній жира. но не всегда въ такой мѣрѣ, какъ того можно было бы ожидать, уменьшеніе числа кровяныхъ тѣлецъ и меньшее содержаніе бѣлка въ крови; вообще признаки характера скорѣе отрицательнаго, чѣмъ положительнаго; можно, вмѣстѣ съ Реди [3], удивиться тому, насколько „внутреннія части у животныхъ, умершихъ отъ голода, хорошо сохранились и здоровы“. [4]

Это описаніе одно изъ лучшихъ, имѣющихся въ литературѣ, хотя съ научной точки зрѣнія оно недостаточно точно и подробно. Съ этой стороны описанія явленій голода, составленныя Биддеромъ, Шмидтомъ и Фойтомъ болѣе заслуживаютъ вниманія,

---

[1] Le délire въ подлинникѣ.

[2] La fureur въ подлинникѣ.

[3] Реди—итальянскій зоологъ и анатомъ конца XVII и начала XVIII столѣтія, авторъ перваго гельминтологическаго сочиненія, озаглавленнаго *De viventibus in viventibus*.

[4] Подлинныя слова самого Реди.

тѣмъ болѣе, что они подтверждаются цифровыми данными и спеціальными указаніями, но внесеніе этихъ описаній въ краткую журнальную статью я считаю излишнимъ, тѣмъ болѣе въ сокращенномъ видѣ эти описанія имѣются въ распространенныхъ учебникахъ физіологіи, каковы, напримѣръ, учебники Ландуа, [1] Бонп [2] и другіе.

Весьма интересно то обстоятельство, что пораженіе различныхъ системъ органовъ животныхъ, какъ результатъ голода, выражающееся, какъ мы видимъ, въ уменьшеніи ихъ вѣса, далеко не одинаково для разныхъ органовъ. Въ доказательство этого я приведу слѣдующую таблицу Фойта, теперь весьма распространенную и помѣщаемую во всѣхъ лучшихъ курсахъ физіологіи.

Фойтъ нашелъ, что у кота, умершаго отъ голода, произошла слѣдующая потеря въ разныхъ органахъ:

Жира стало меньше на ...	97	процентовъ.
Селезенки.....	66,7	„
Печени.....	53,7	„
Яичекъ.....	40,6	„
Мышцъ.....	35,5	„
Крови.....	27,0	„
Почекъ.	25,9	„
Кожи	20,6	„
Кишечнаго канала.....	18,0	„
Легкихъ	17,7	„
Поджелудочной железы	17,0	„
Костей	13,9	„
Мозга головнаго и спиннаго	3,2	„
Сердца.....	2,6	„

Изъ такого рода потерь вѣса отъ голода Барфуртъ приходитъ къ заключенію, основываясь, кромѣ того, еще на своихъ личныхъ наблюденіяхъ, что тѣ органы, безъ дѣятельности которыхъ

---

[1] Учебникъ физіологіи человѣка со включеніемъ гистологіи и микроскопической анатоміи. Съ обращеніемъ особеннаго вниманія на практическую медицину. Д-ра *Л. Ландуа*. Переводъ подъ редакціей профессора В. Я. Данилевскаго, Харьковъ, 1886.

[2] Новыя основы физіологіи человѣка въ связи со сравнительною и общею физіологіей *Н. Beaunis*. Переводъ д-ра Н. Цыбульскаго, съ предисловіемъ профессора П. Тарханова. Спб., 1884.

жизнь не мыслима, то-есть центральная нервная система, органы пищеваренія, дыханія, выдѣленія, теряютъ несравненно менѣе составныхъ своихъ частей, нежели органы менѣе необходимые. Печень, конечно, надо включить въ число органовъ необходимыхъ для жизни, но она уменьшается въ вѣсѣ не столько отъ потери своихъ выдѣляющихъ частей, сколько отъ потери заключающагося въ нихъ содержимаго. Какъ мы увидимъ потомъ, на основаніи подобныхъ данныхъ Барфуртъ строитъ очень интересныя обобщенія и высказываетъ весьма остроумныя догадки.

Итакъ, хотя голодъ не производитъ въ организмѣ животнаго какихъ-либо нарушеній въ его организаціи, по крайней мѣрѣ, организаціи видимой простымъ, невооруженнымъ глазомъ, тѣмъ не менѣе онъ роковымъ образомъ отражается на его благосостояніи и обусловливаетъ явленіе чрезвычайно интересное, а именно, питаніе однѣхъ частей тѣла насчетъ другихъ. Въ самомъ дѣлѣ, сердце, мозгъ, не вырабатывающіе пищи внутри организма, поддерживаются на счетъ запаса жира, на счетъ запасовъ печени, на счетъ бѣлка мускульной системы, и теперь-то намъ становится понятнымъ, почему какъ у животнаго, такъ и у человѣка при страданіяхъ отъ голода галлюцинаціи и бѣшенство являются только уже предъ самою кончиной, то-есть въ то время, когда мозгу и сердцу уже не откуда получать достаточнаго для своей поддержки количества питательныхъ веществъ.

Потребность животныхъ въ питательныхъ веществахъ далеко неодинакова, почему и выносливость ихъ по отношенію къ голоду также чрезвычайно различна.

Обыкновенно принято считать, что животное тѣмъ менѣе выносливо по отношенію къ голоду, чѣмъ оно имѣетъ большій обмѣнъ веществъ, чѣмъ оно энергичнѣе и живѣе, чѣмъ выше его температура, и это отчасти справедливо. Дѣйствительно, птицы, у которыхъ температура тѣла, колеблющаяся отъ 38° по Цельсію (альбатросы въ рѣдкихъ случаяхъ [1] до 44,5 воробьи въ рѣдкихъ случаяхъ [2]), выше чѣмъ у млекопитающихъ, выдерживаютъ голодъ несравненно тяжелѣе, нежели млекопитающія, но если мы это правило примѣнимъ къ отдѣльнымъ, частнымъ случаямъ, то въ нихъ не найдемъ его подтвержденія. Такъ, лось, имѣющій температуру въ 34,4°, выдерживаетъ голодъ хуже осла

[1] Температура альбатроса колеблется отъ 38 до 41,4°.

[2] Температура воробья колеблется отъ 41 до 44,5°.

съ температурой въ 36,9°, кроликъ съ температурой въ 37,5°— хуже волка съ температурой въ 40,5°. [1] Слѣдовательно, выносливость по отношенію къ голоду не находится въ прямой зависимости отъ большей или меньшей температуры тѣла, а обусловливается какими-либо иными причинами.

Мильнъ-Эдвардсъ, во всѣхъ знаменитыхъ *Лекціяхъ физіологіи* различаетъ по температурѣ тѣла животныхъ четыре группы. Къ первой онъ относитъ животныхъ съ постоянною высокою температурой крови, ко второй съ температурой измѣнчивою, но высокою, къ третьей съ температурой особенно измѣнчивою и обыденно высокою, но подъ вліяніемъ внѣшняго холода значительно понижающейся и къ четвертой животныхъ холодно-кровныхъ.

Вотъ къ третьей-то группѣ, то-есть группѣ животныхъ, могущихъ подъ вліяніемъ неблагопріятныхъ внѣшнихъ условій (холодъ, недостачное питаніе) понижать температуру тѣла, сокращать обмѣнъ веществъ, уменьшать энергію дѣятельности организма, вѣроятно, и принадлежитъ большая часть высшихъ животныхъ, могущихъ выносить голодъ. Таковы, напримѣръ, хотя бы тѣ животныя, которыя погружаются въ зимнюю спячку.

Что животное во время зимней спячки продолжаетъ обмѣнъ веществъ, находится подъ вліяніемъ внѣшней среды, въ этомъ теперь нѣтъ никакого сомнѣнія. Опыты Валентина, [3] а еще ранѣе его наблюденія Баркова, [4] надъ зимнею спячкой животныхъ, показали, что въ организмѣ животнаго, подвергшагося зимней спячкѣ, замѣчаются такія же явленія, какъ въ организмѣ животнаго, подвергнутаго голоданію. Такъ, напримѣръ, альпійскій сурокъ, проспавшій цѣлую зиму, потерялъ за это время слѣдующія цифры вѣса въ процентахъ:

Жира было потеряно за зиму...	99,31%
Железы (особаго органа у сурка).	68,78
Печени	58,74
Мышцъ.....	30,00
Костей.....	11,69

[1] Данныя эти заимствованы изъ таблицъ, помѣщенныхъ въ восьмомъ томѣ Leçons sur la physiologie et l'anatomie comparée de l'homme et des animaux faites à la faculté des sciences de Paris par *H. Milne-Edwards*. Tome VIII, Paris, 1863. Стр. 16—18.

[2] Leçons sur la physiologie ect., стр. 65.

[3] *Valentin*. Beiträge zur Kenntniss des Winterschlafen der Murmelthire. Moleschott's Untersuchungen zur Naturlehre des Menschen und der Thiere, 1857, Band I und II.

[4] *Barkow*. Ueber den Winterschlaf. Breslau 1850.

Цифры эти, относительно, довольно близки къ цифрамъ Фойта для животныхъ умершихъ съ голода и доказываютъ, что во время спячки животныя подвергаются голоданію, которое, такимъ образомъ, является періодическимъ для животныхъ, подвергающихся зимней спячкѣ. Интересно и то обстоятельство, что подобныя животныя, еще по наблюденіямъ Палласа, [1] могутъ быть погружены въ спячку и лѣтомъ, если ихъ подвергнуть вліянію низкой температуры. По крайней мѣрѣ Палласу удавалось заставлять байбака (Arctomys bobac) засыпать, помѣстивъ его въ ящикъ, поставленный въ самые жаркіе лѣтніе дни на ледникъ, а Сессе, по словамъ Мильнъ-Эдвардса, [2] удавались такіе же опыты надъ ежомъ и соней. Сонъ, по наблюденіямъ Валентина, можетъ продолжаться до 153 дней, и все это время животное, погруженное въ сонъ, а именно сурокъ (Arctomys marmotta), проводитъ или можетъ проводить безъ пищи.

Если мы отвлечемся отъ млекопитающихъ подверженныхъ зимней спячкѣ и посмотримъ на обыденныя формы, то увидимъ, что бо́льшая часть животныхъ теплокровныхъ, будутъ ли то млекопитающія или птицы, могутъ жить безъ пищи до девяти дней и болѣе; напримѣръ, лошади до 12, верблюды до 14 дней и, весьма вѣроятно, и далѣе; человѣкъ выдерживаетъ голодъ до трехъ недѣль, а иногда и долѣе, что̀ доказалъ, напримѣръ, американскій врачъ Таннеръ, постившійся до 40 дней.

Нѣкоторыя отрывочныя наблюденія указываютъ на то, что животныя небольшія, но очень живыя и сильныя, гибнутъ отъ голода еще скорѣе. Къ такимъ животнымъ причисляютъ, напримѣръ, крота, многихъ птицъ, воробья, синицу и т. д. Есть даже убѣжденіе, что такія животныя не выносятъ болѣе трехъ сутокъ безъ пищи, но научнымъ образомъ такіе факты еще не провѣрены. Птицы, какъ было только-что сказано, выносятъ голодъ несравненно хуже, чѣмъ млекопитающія, хотя и для нихъ есть указанія въ противоположномъ смыслѣ. Таковы, напримѣръ, по разсказамъ Эчерда, Шатлю, Палласа, Смита и Дютрине, [3] ласточки, могущія будто-бы переносить суровую европейскую зиму въ оцѣпенѣніи, прикрѣпившись когтями гдѣ-нибудь подъ навѣсомъ или карнизомъ къ стѣнѣ. Новѣйшія наблюденія не подтверждаютъ этихъ интересныхъ наблюденій.

---

[1] *Pallas*, Petrus Sim. Reisen. Band II.

[2] Milne-Edwards, Leçons etc. Tome VII, стр. 62.

[3] Leçons. Milne-Edwards. стр. 66—68.

Несравненно выносливѣе по отношенію къ холоду холоднокровныя животныя. Крокодилы, показываемые въ звѣринцахъ, проводятъ цѣлые мѣсяцы безо всякой пищи, черепахи живутъ безъ пищи до года и болѣе, лягушки до девяти мѣсяцевъ, рыбы до года и болѣе, [1] нѣкоторыя позвоночныя еще долѣе. Такъ, напримѣръ, медицинская піявка (Hirudo medicinalis) живетъ въ неволѣ болѣе двухъ лѣтъ безъ пищи, конская (Haemopis vorax) до одиннадцати мѣсяцевъ. Особенною живучестью безъ пищи отличаются среди позвоночныхъ животныхъ жабы, среди безпозвоночныхъ очень многія низко организованныя формы животныхъ.

Жабы, по разсказамъ многихъ старыхъ авторовъ, а изъ новыхъ, по свѣдѣніямъ, даваемымъ швейцарскимъ зоологомъ Фатіо, [2] могутъ будто-бы оставаться безъ пищи цѣлыя десять лѣтъ, разсказы о случаяхъ нахожденія жабъ, замурованныхъ въ могилѣ и даже въ толщѣ камней, были очень многочисленны, особенно около половины истекающаго столѣтія [3], но изъ нихъ наиболѣе доказательнымъ является опытъ, произведенный сорокъ лѣтъ тому назадъ Сегеномъ [4]. Сегенъ сажалъ въ горшки или жестянки живыхъ жабъ и заливалъ ихъ гипсомъ. Изъ нѣкоторыхъ горшковъ уже черезъ нѣсколько мѣсяцевъ сталъ исходить смрадный, гнилостный запахъ, но въ одномъ изъ горшковъ Сегенъ, къ своему удивленію, черезъ десять лѣтъ нашелъ будто-бы жабу живую. Несмотря на то, что замѣтка Сегена была опубликована въ протоколахъ Французской Академіи, тѣмъ не менѣе она далеко не является рѣшающею этотъ интересный вопросъ, такъ какъ самого-то доказательства справедливости факта, именно живой жабы, Сегенъ не могъ никому показать, такъ какъ она, по его словамъ, куда-то стремительно направилась и исчезла.

Животныя, такъ долго остающіяся безъ пищи, повидимому, претерпѣваютъ еще бо́льшія измѣненія, нежели голодающія млекопитающія. Золотыя рыбки послѣ полугодоваго поста начинаютъ уменьшаться не только въ поперечномъ направленіи, но

---

[1] Напримѣръ, золотыя рыбки въ акваріяхъ.

[2] Fatio. Faune des vértebrés de la Suisse. 1880.

[3] Сводка вопроса о живучести жабъ помѣщена въ статьѣ *П. Тарнани*, напечатанной въ 6 и 7 нумерахъ *Вѣстника Естествознанія* за 1891 годъ, издаваемаго С.-Петербургскимъ Обществомъ естествоиспытателей, подъ редакціей Ф. В. Овсянникова.

[4] *Séguin*. Crapauds conservés vivants. Comptes rendus de l'academie etc. Paris, 1851. Томъ XXXIII, стр. 300.

и въ продольномъ, значительно укорачиваясь; піявки, голодающія болѣе года, уменьшаются и въ объемѣ, и въ вѣсѣ до неузнаваемости; вѣсъ одной такой піявки, по моимъ личнымъ наблюденіямъ, уменьшился въ три раза противъ вѣса здоровой, сытой піявки, взвѣшенной черезъ мѣсяцъ послѣ ея припуска къ больному.

Еще удивительнѣе выносливость по отношенію къ голоду мелкихъ животныхъ, какъ-то: небольшихъ червей, клещей, коловратокъ, нѣкоторыхъ видовъ инфузорій и корненожекъ. Такія животныя, кромѣ способности противостоять голоданію, обладаютъ также способностью противостоять высыханію, замороженію и другимъ самымъ неблагопріятнымъ условіямъ.

Такая способность мелкихъ животныхъ, высыхать и вновь оживать, была извѣстна очень давно; съ нею познакомили науку еще первые микроскописты Левенгукъ, Бекеръ и особенно Спалланцани. Въ пятидесятыхъ годахъ цѣлая школа французскихъ ученыхъ, съ Пуше во главѣ, отвергала эту способность у вышеперечисленныхъ животныхъ, но Пастёръ, тогда еще только-что выступавшій на полѣ научной дѣятельности, безповоротно доказалъ эту способность высыханія и, такъ какъ она стояла въ связи съ доказательствомъ того, что въ природѣ нѣтъ мѣста зарожденія новыхъ существъ безъ зародыша, произведеннаго существомъ прежде существовавшимъ, то опытомъ Пастёра безповоротно опровергалась и такъ-называемая теорія самопроизвольнаго зарожденія. [1] Повидимому, эта стойкость организмовъ, эта ихъ выносливость и къ холоду, и къ голоду, и къ высыханію распространена среди животныхъ еще болѣе, нежели мы знаемъ объ этомъ. По крайней мѣрѣ, я сужу объ этомъ по собственнымъ наблюденіямъ надъ населеніемъ, встрѣчающемся въ мицеліи или грибницѣ нашихъ съѣдобныхъ грибовъ. [2] Въ этомъ мицеліи, обыкновенно разрастающемся на мѣстахъ особенно обильныхъ продуктами разложенія, слѣдовательно и особенно обильныхъ пищевыми матеріалами, собираются многочисленныя микро-

[1] Исторія этого вопроса превосходно изложена въ книгѣ профессора А. П. Богданова *Зоологія и зоологическая хрестоматія*, Москва. 1863—1868.

[2] Мицелій или грибница есть самое растеніе гриба, между тѣмъ какъ собираемый нами грибъ—его приспособленіе къ выработкѣ и размноженію споръ, которыми грибъ размножается. Мицелій имѣетъ видъ стелющагося по землѣ бѣловатаго налета и состоитъ изъ многочисленныхъ, спутанныхъ между собою бѣлыхъ волоконъ.

скопическія животныя, и среди нихъ я нашелъ такія формы, которыя живутъ въ стоячей водѣ лужъ и болотъ; эти формы, находившіяся въ замершемъ состояніи, послѣ ихъ погруженія въ воду, оживали и начинали вновь двигаться. [1] Если вѣрить сообщеніямъ авторовъ прошлаго столѣтія, то живучесть и выносливость такихъ организмовъ просто поразительна, такъ какъ Бекеру удалось оживить пшеничную угрицу (Anguillula tritici) черезъ 24 года послѣ ея высыханія [2]. Позднѣйшія изслѣдованія указывали на то, что у подобныхъ животныхъ даже вырабатываются особыя приспособленія для борьбы съ такими тяжелыми и продолжительными вліяющими условіями. Такъ, Рудольфъ Лейкартъ сообщаетъ о томъ, что одинъ изъ подобныхъ, свободно живущихъ въ землѣ, круглыхъ червячковъ, еще нигдѣ неописанный и названный имъ Rhabditis coarctata n. sp. устраиваетъ на это тяжелое время на тѣлѣ одного изъ навозныхъ жуковъ Aphodius fimetarius настоящіе коконч[illegible], внутри которыхъ онъ покоится и претерпѣваетъ превращеніе, совсѣмъ подобно тому, какъ претерпѣваютъ превращеніе внутри кокона гусеницы бабочекъ. [3]

Предыдущія строки, какъ мнѣ кажется, показали ясно, что среди животныхъ явленіе голода встрѣчается сплошь и рядомъ, что для нѣкоторыхъ изъ нихъ это явленіе можетъ считаться, въ извѣстное время года, нормальнымъ, періодическимъ, что есть такія формы, которыя борются съ этимъ бичомъ всего живущаго одновременно съ тѣми, борясь также и съ другимъ тяжелымъ явленіемъ высыханія.

Внезапная засуха, заставляющая засохнуть и впасть въ состояніе замиранія цѣлыя міріады мелкихъ созданій, наступившая зима, погружающая въ спячку большую часть населенія грызуновъ и неплотоядныхъ, а также болѣе солидныхъ, медвѣля и барсука, указываютъ на то, что и среди животныхъ наступаютъ моменты всеобщей голодовки, но голодовки предусмотрѣнной природой, голодовки такой, борьба съ которою во власти самаго организма. Но случаются ли у животныхъ такія

---

[1] *Н. Зографъ.* Нѣсколько словъ о фаунѣ мицелія грибовъ. *Дневникъ Зоологическаго отдѣленія Общества Любителей Естествознанія*, 1890, № 1.

[2] Leçons M. E. Tome VI, стр. 503.

[3] *Rudolph Leuckart.* Ueber einen an Aphodius fimetarius sich verpuppenden freilebenden Rundwurm, Rhabditis coarctata n. sp. Verhandlungen der Deutschen Zoologischen Gesellshaft auf der ersten Jahresversammlung, 1891.

голодовки, которыя не были бы предвидѣны природой, которыя являлись бы и для животныхъ такимъ же общественнымъ бѣдствіемъ, какимъ онѣ являются для человѣка.

На этотъ вопросъ мы скажемъ утвердительно лишь для животныхъ домашнихъ, близкихъ къ человѣку, для другихъ же мы можемъ отвѣтить пока лишь предположительно. Что животныя домашнія голодаютъ и иногда гибнутъ отъ недостатка пищи, это извѣстно всякому. Всѣ газеты были полны истекшею зимой сообщеніями о падежахъ лошадей, рогатаго скота, вызванныхъ безкормицей нынѣшняго года, а время отъ времени доходятъ слухи о еще бо́льшихъ бѣдахъ въ отдаленныхъ степяхъ Западной Сибири, гдѣ стада и табуны гибнутъ сотнями отъ безкормицы. Такъ, по сообщенію нашихъ русскихъ газетъ, такія несчастія поражали Киргизовъ Акмолинской и Тургайской областей въ 1889, въ 1876 годахъ и въ другія времена. Здѣсь скотъ гибнетъ во время гололедицы, наступающей послѣ обильнаго снѣга. Не будучи въ силахъ пробить копытами слой льда, покрывающій поверхность степи, животныя обезсиливаютъ и становятся жертвой первой неблагопріятной перемѣны въ погодѣ, напримѣръ, налетѣвшаго холоднаго вѣтра, пурги или бурана. Обезсиленныя, иззябшія животныя собираются цѣлыми табунами или стадами, жмутся другъ къ другу, стараясь погрѣться, и гибнутъ повально тысячами и десятками тысячъ головъ.

Профессоръ Альфредъ Нерингъ предполагаетъ, что подобныя причины вызывали повальные падежи животныхъ и въ то время, когда еще не было домашнихъ животныхъ, и, быть-можетъ, еще не было и человѣка. Во время ледниковаго и въ началѣ послѣледниковаго періода въ средней Европѣ и той части восточной Европы, которая была свободна ото льдовъ, по предположенію Неринга, [1] существовали сначала тундры, или, какъ онъ называетъ ихъ, арктическія степи, а потомъ степи сходныя съ современными степями, сосѣдними съ тундрами, то-есть степи, подобныя нашимъ степямъ Западной Сибири (Барабинская степь и другія) и степямъ юго-восточной и восточной Россіи, называемымъ Нерингомъ субъарктическими степями.

Населеніе этихъ степей, судя по остаткамъ животныхъ, было въ самомъ дѣлѣ близко къ населенію нынѣшнихъ степей Евро-

---

[1] Dr. *Alfred Nehring*. Ueber Taundren und Steppen der Jetzt—und Vorzeit mit besonderer Berücksichtigung Ihrer Fauna. Berlin, 1890.

пейско Азіятскаго рубежа, и, вѣроятно, по этимъ степямъ переносились не малые табуны и стада животныхъ, близкихъ къ родичамъ нашихъ современныхъ лошадей и рогатаго скота. Нерингу и другимъ изслѣдователямъ удалось кое-гдѣ, напримѣръ, около Гарца, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ провинціи Бранденбургъ, открыть цѣлыя кладбища останковъ кулана или джигетая (дикій оселъ—Equus hemionus) и дикой лошади, предка нашихъ лошадей (Equus caballus ferus). Одинъ изъ такихъ некрополей, очень живо описанный Нерингомъ въ статьѣ, посвященной причинамъ вымиранія делювіальныхъ животныхъ,[1] помѣщается у подножія небольшаго холма, довольно крутаго и обрывистаго.

Табунъ животныхъ, по предположенію Неринга, застигнутый врасплохъ и ослабленный предшествовавшими невзгодами, имѣлъ убѣжища у подножія этого обрыва и, не найдя защиты отъ леденящаго холода, погибъ.

Повальная гибель животныхъ цѣлыми массами наблюдалась неоднократно, хотя не всегда ее можно было объяснить голодомъ. Такъ, нашъ путешественникъ по сѣверу К. Д. Носиловъ, зимовавшій на берегу Маточкина моря, раздѣляющаго два острова Новой Земли, три зимы, описываетъ слѣдующее явленіе. Входъ въ проливъ затирается льдами, въ то же время льды нагоняются въ проливъ съ другой стороны, и спасавшіяся въ проливъ животныя оказываются отрѣзанными отъ остальнаго моря двумя сплошными массами льда, доходящими до самаго дна. Многія животныя гибнутъ отъ поврежденія, причиняемаго имъ льдами, другія, уцѣлѣвшія, гибнутъ отъ голода, не находя въ небольшомъ замкнутомъ бассейнѣ пищи.[2]

Пчеловоды очень хорошо знаютъ, что въ худой годъ пчелы, оставленныя на произволъ судьбы, съѣдаютъ весь запасъ меда, и если имъ недавалось подкормки въ видѣ сыты, сахара или патоки, гибнутъ повально отъ голода. Такую же гибель отъ голода цѣлой массы животныхъ описываютъ многіе энтомологи, сообщающіе, что въ случаѣ ранняго вылупленія изъ яичекъ личинокъ какой-либо бабочки, не совпадающаго съ распусканіемъ листвы, служащей обыденною пищей этихъ гусеницъ, данный

---

[1] *A. Nehring.* Die Ursachen des Aussterben einiger Diluvialen Thiere. Naturwissenschaftliche Wochenschrift, 1891, Band VI.

[2] Словесное сообщеніе К. Д. Носилова въ засѣданіи отдѣленія зоологіи Императорскаго Общества Любителей Естествознанія 12 октября 1891 года.

видъ на время исчезаетъ изъ мѣстности до тѣхъ поръ, пока не появится новый его представитель и не размножится его потомство. Основываясь на такихъ наблюденіяхъ, одинъ изъ нѣмецкихъ ученыхъ практиковъ даже предложилъ борьбу съ вредными насѣкомыми, предоставляя имъ размножаться въ данной мѣстности до тѣхъ поръ, пока они не умрутъ съ голода, съѣвъ весь запасъ пищи, которую доставляетъ имъ пораженное ими растеніе. [1]

Наконецъ, наблюдаются повальныя вымиранія животныхъ, не объяснимыя еще какими-либо видимыми причинами, но въ которыхъ, быть-можетъ, голодъ не безучастенъ. Таковы, напримѣръ, наблюденія американскаго зоолога Стейнегера надъ внезапнымъ исчезновеніемъ въ 1876—77 годахъ на островахъ сосѣднихъ съ Америкой одного изъ видовъ кормората (Phalacrocorax pelagicus); эти птицы гибли на глазахъ наблюдателя цѣлыми тысячами безо всякой видимой причины. Такая же участь постигла Лабрадорскую утку (Canceptolaimus labradoricus), исчезнувшую съ 1878 года.

Еще интереснѣе участь одной изъ американскихъ морскихъ рыбъ—Lopholatilus chamaeleonticeps, открытой случайно близъ южныхъ береговъ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ однимъ рыбакомъ лишь въ 1879 году; рыбакъ этотъ вытащилъ до 2.000 килограммовъ (около 100 пудовъ) этой рыбы, оказавшейся новою для науки и благодѣтельною для рыбака, нажившаго большія деньги продажей этой рыбы.

Съ того времени до 1882 года эту рыбу ловили большими количествами, но въ 1882 году рыба эта погибла повально. Пароходы на протяженіи болѣе чѣмъ 200 верстъ плыли по морю, покрытому трупами умершихъ или умиравшихъ рыбъ, всплывшихъ на поверхность. Площадь поверхности, заполненной рыбой, опредѣлялась въ 10.000 квадратныхъ километровъ, и цифру погибшихъ особей опредѣляли въ нѣсколько милліардовъ! Быть-можетъ, причиной была какая-нибудь эпизоотія или отравленіе воды газами, вырвавшимися откуда-либо изъподъ воды, но въ послѣднемъ случаѣ пострадали бы и другія рыбы; нѣтъ невозможнаго и въ томъ, что эта рыба, неизвѣстно откуда

---

[1] *Lorrer.* Die Nonne (Liparis monacha) im oberschwäbischen Fichtengebiet in den letzten fünfzig Jahren. (Stuttgart, 1891).

появившаяся, потребила запасъ пищи оказавшейся для нея удобною и стала жертвой недостатка этой пищи.[1]

Но какъ отзывается какъ голодъ единичнаго животнаго, такъ и общая голодовка на всей общинѣ животныхъ, на всемъ видѣ? Является ли голодъ принципомъ, благодаря которому животное регрессируетъ въ своемъ развитіи, или, напротивъ того, онъ является стимуломъ, побуждающимъ организмъ животнаго къ прогрессу?

На это отвѣтить далеко не такъ легко, какъ бы это казалось съ перваго раза. Повидимому, голодъ, вѣрнѣе недостатокъ пищи, доведенный до извѣстной степени, является стимуломъ прогресса для животнаго, заставляющимъ его упражнять свои силы въ поискахъ за пищей, напрягать свою мозговую дѣятельность и т. д. Всякій хорошо знаетъ, насколько хищный волкъ, лиса или рысь, принужденные искать себѣ пищу и употреблять разныя хитрости для того, чтобы подстеречь и схватить свою добычу, умнѣе какого-нибудь травояднаго или зерноядного зайца или мыши, находящихъ себѣ пищу безо всякаго труда въ окружающей ихъ природѣ.

Но продолжительный постоянный и значительный недостатокъ въ пищѣ, передаваемый изъ поколѣнія въ поколѣніе, не можетъ не отзываться неблагопріятно на представителяхъ голодающаго вида, иногда даже голодающей группы животныхъ. Хорошимъ примѣромъ могутъ служить животныя, обитающія въ открытыхъ водахъ какъ морей, такъ и прѣсныхъ водъ.

Извѣстно, что формы, обитающія открытыя воды и называемыя обыкновенно не совсѣмъ вѣрно формами пелагическими, отличаются прозрачностью своего тѣла.

Таковы, напримѣръ, многочисленныя медузы, сифонофоры, ребровики, сальпы, личинки многихъ ракообразныхъ, наконецъ, мелкія ракообразныя, населяющія открытыя моря, преимущественно же стремящіяся по этимъ морямъ теченія. Всѣ эти животныя прозрачны, какъ стекло, и въ большей части своего тѣла безцвѣтны, между тѣмъ какъ въ другихъ частяхъ кое-гдѣ украшены яркими цвѣтными отложеніями пигмента. Подъ вліяніемъ господствовавшей за послѣднее время теоріи примѣняемости

---

[1] Свѣдѣнія эти взяты изъ статьи, подписанной V и помѣщенной подъ заглавіемъ *Les espèces qui s'en vont* въ № 18 (30 avril) *Revue Scientifique* за текущій годъ.

животнаго къ окружающей средѣ, такая безцвѣтность этихъ животныхъ была объясняема тѣмъ, что она вызывается прозрачностью окружающей воды, въ которой темноокрашенное или рѣзко выдѣляющееся животное стало бы скорѣе добычей какого-либо хищника, нежели невидное, прозрачное. Но приверженцы этого объясненія не обращали вниманія вотъ на какія обстоятельства. Къ чему животному, спасающемуся отъ преслѣдованія, яркоокрашенныя красныя, синія, желтыя, иногда (у самокъ) темнобурыя или даже черныя (слизнякъ Firoloides) пятна? Съ другой стороны, среди животныхъ, обитающихъ съ совсѣмъ иной обстановкѣ, прикрѣпившихся ко дну или къ подводнымъ, прибрежнымъ скаламъ и каменьямъ, есть формы совершенно прозрачныя или матовыя, полупрозрачныя, рѣзко выдѣляющіяся на темномъ фонѣ водорослей или камней и пла. Таковы многія асцидіи, напримѣръ Clavellina—совсѣмъ прозрачная, Phallusia и Cynthia полупрозрачныя и матовыя и другія.

Весьма вѣроятно, что приспособленіе къ цвѣту окружающей среды не единственная причина, обусловливающая такое развитіе этихъ животныхъ, вообще отличающихся малымъ развитіемъ мышцъ, а слѣдовательно и физической силы. Вѣроятно здѣсь большую роль играетъ и недостатокъ пищи, тѣмъ болѣе, что гистологическія изслѣдованія тканей этихъ животныхъ указываютъ на рыхлость, водянистость послѣднихъ, на сведеніе въ отдѣльныхъ клѣткахъ бѣлковой основы до минимума.

Въ подтвержденіе вѣроятности такого предположенія я могу привести еще и слѣдующія соображенія. Извѣстно, что наши крошечные прѣсноводные веслоногіе рачки или циклопы (Copepoda) весной только-что по оттаяніи льда совсѣмъ прозрачны, еле замѣтны въ большой массѣ воды обитаемой ими лужи или акварія. Совсѣмъ не таковы они осенью, предъ зимовкой, послѣ сытнаго, обильнаго пищевыми веществами лѣта. Осенью такой рачокъ имѣетъ матовый, часто синеватый, зеленоватый или желтоватый оттѣнокъ. Микроскопъ обнаруживаетъ въ его тѣлѣ многочисленныя скопленія жира въ видѣ цвѣтныхъ спинхъ, зеленыхъ, ярко-оранжевыхъ, красныхъ, желтыхъ и безцвѣтныхъ капель, тогда какъ весной у прозрачнаго рачка такихъ запасовъ питательныхъ веществъ нѣтъ. Всякій руководитель практическихъ работъ по зоологіи знаетъ, что если предложить учащемуся сытыхъ, плавающихъ въ обильной пищевой водѣ инфузорій парамецій (Paramoecium), то плазма ихъ тѣла будетъ столь

заполнена разными окрашенными и неокрашенными частицами, что частности строенія животнаго будутъ замаскированы этими скопленіями, вотъ почему мы заставляемъ инфузорій, предназначенныхъ для демонстрацій учащимся, голодать, отчего онѣ и становятся прозрачными.

Итакъ, излишній и постоянный недостатокъ въ пищѣ вызываетъ и извѣстныя измѣненія въ организмѣ животнаго, въ его тканяхъ, въ проявленіяхъ его жизни, и эти измѣненія, обусловливаемыя стремленіями организма лишь къ поддержкѣ своего существованія, отвлекаютъ его силы отъ другихъ проявленій и вліяютъ регрессирующимъ образомъ на его организацію.

Но есть и другія стороны роковаго и регрессирующаго вліянія недостатка пищи на организмъ, отражающіяся на всей животной общинѣ. Это вліяніе недостатка пищи на грядущее поколѣніе, на большее или меньшее число самцовъ и самокъ среди особей этого развивающагося поколѣнія.

Вопросомъ о вліяніи недостатка пищи на потомство голодающей особи занимался особенно мюнстерскій профессоръ Германъ Ландуа. Въ рядѣ своихъ статей [1] онъ проводитъ мысль, основываясь на наблюденіяхъ надъ насѣкомыми, что при обыкновенномъ кормѣ насѣкомое откладываетъ, преимущественно, яички, изъ которыхъ развиваются самки, что даже давно вышедшія изъ яичекъ личинки при обильномъ кормѣ чаще превращаются въ насѣкомыхъ самокъ нежели самцовъ. При недостаткѣ корма замѣчается совсѣмъ обратное явленіе, то-есть развитіе бо́льшаго числа самцовъ нежели самокъ, что̀ недавно весьма точно показалъ на пчелахъ ученикъ Ландуа фонъ-Планта-Рейхенау. [2]

Такъ какъ зоологія уже давно учитъ насъ, что видъ тѣмъ болѣе можетъ разсчитывать на распространеніе и процвѣтаніе, чѣмъ болѣе среди него преобладаніе самокъ надъ самцами и, наоборотъ, тѣмъ болѣе близокъ къ вымиранію, чѣмъ болѣе преобладаетъ въ немъ число самцовъ надъ самками, то, слѣдовательно, и съ этой стороны голодовки, недостатокъ пищи, вліяютъ регрессирующимъ образомъ на животныхъ.

Но есть и такіе случаи, когда голодъ дѣйствуетъ прогресси-

---

[1] Статьи Ландуа (H. Landois) помѣщены въ *Jahresberichte des Westfalischen Provincial-Vereins*.

[2] Dr. Adolf von Planta-Reichenau. Ueber den Futtersaft bei Arbeitsbienen. XIX *Jahresbericht des Westfalischen Provincial-Vereins*. Münster, 1891.

рующимъ образомъ на животныхъ, только въ этихъ случаяхъ предполагается не такая голодовка, которая была бы продолжительна и постоянна, а голодовка сравнительно временная и краткая.

Вотъ этою-то стороной дѣйствія голода на животныхъ и занялся профессоръ Барфуртъ, давшій своей статьѣ заглавіе: „Голодъ, какъ побуждающій принципъ природы.“ [1]

На ту мысль, что голодъ является въ природѣ причиной побудительною, прогрессирующею, Барфуртъ, напалъ при своихъ изслѣдованіяхъ надъ внутренними процессами при превращеніи головастиковъ во взрослыхъ лягушекъ. [2] Дѣло въ томъ, что головастики, воспитывавшіеся у Барфурта, претерпѣвали метаморфозы гораздо быстрѣе въ томъ случаѣ, когда были лишены пищи, нежели тогда, когда имъ было предложено обильное питаніе. Происходило же это явленіе, по объясненію Барфурта, потому что, какъ мы показали уже выше, на доставленіе пищеваго матеріала организму прежде всего потребляются тѣ органы, которые имѣютъ менѣе важное значеніе для организма, а такъ какъ органы личиночные головастика, не нужные для жизни взрослой лягушки, наименѣе нужны для организма превращающагося головастика, то они-то и будутъ потребляться во время голоданія.

Органы же эти слѣдующіе: вопервыхъ, жабры, излишнія вслѣдствіе того, что у головастика уже хорошо развито кожное и легочное дыханіе; вовторыхъ, хвостъ; втретьихъ, тѣ складки кожи, которыя прикрываютъ развивающіяся переднія конечности головастика, превращающагося въ лягушонка. [3]

Наблюденія Барфурта показали ему, что части личиночныхъ органовъ головастика дѣствительно потребляются организмомъ. Онъ видѣлъ, какъ частицы распадающагося хвоста захватывались ползавшими по его внутреннимъ частямъ блуждающими клѣтками, которымъ профессоръ И. И. Мечниковъ далъ названіе пожирающихъ клѣтокъ или фагоцитовъ. Эти фагоциты съ запасомъ пищи внутри направлялись обратно въ нераспадающіяся области

[1] Der Hunger als förderndes Princip in der Natur. Loco citato.

[2] *Dr. D. Barfurth.* Versuche über die Verwandlung der Froschlarven. Archiv für mikroscopische Anatomie, Band. XXIX.

[3] Переднія конечности у лягушонка развиваются позднѣе заднихъ, такъ какъ долгое время лежатъ подъ покрывающею ихъ кожей, не будучи въ силахъ прорвать этого покрова.

тѣла будущей лягушки и, вѣроятно, передавали этотъ избытокъ пищевыхъ веществъ тканямъ растущаго организма.

Подобныя же явленія Барфуртъ предполагаетъ въ другихъ атрофирующихся частяхъ тѣла головастика, то-есть въ жабрахъ, исчезающихъ уже въ первые дни головастика, и въ складкахъ кожи, подъ которыми выростаютъ переднія конечности.

Насколько ускоряетъ голоданіе развитіе животнаго видно изъ того, что исчезновеніе хвоста послѣ появленія переднихъ конечностей совершается у нормально питаемыхъ лягушекъ въ пять дней, тогда какъ у голодающихъ въ четыре дня. Питаніе при этомъ идетъ не одинаково быстро въ разныхъ половинахъ тѣла. Такъ правая половина тѣла потребляется ранѣе лѣвой, и поэтому складки, покрывающія растущія переднія конечности, прорываются скорѣе съ правой стороны, чѣмъ съ лѣвой, почему въ коллекціяхъ Барфурта есть большое количество лягушекъ съ конечностью прорвавшеюся лишь съ одной правой стороны.

Справки Барфурта въ литературѣ показали ему, что замѣченное имъ явленіе не единичное, что въ природѣ есть не мало случаевъ, когда голодъ является необходимою потребностью, безъ которой невозможенъ прогрессъ въ жизни животнаго.

Вотъ каковы эти явленія. Если ко времени нереста лососи, форели и другія рыбы семейства лососевыхъ (Salmonidae) получаютъ обильный кормъ, то оболочки, заключающія ихъ икринки въ яичникѣ, не могутъ быть прорванными назрѣвшими икринками, которыя не выпадаютъ въ полость тѣла и, такимъ образомъ, не выбрасываются наружу. Для того же, чтобъ икринка могла прорвать оболочку, необходимо голоданіе рыбы предъ икрометаніемъ, что и практикуется ею по инстинкту. Такія наблюденія, произведенныя еще покойнымъ фонъ-Зибольдтомъ, подтверждаются и на другихъ рыбахъ Брокомъ. [1]

Марія Шовенъ наблюдала такія же явленія нормальнаго голоданія во время метаморфоза у хвостатыхъ амфибій, особенно у аксолотля (Siredon pisciformis) и саламандры (Salamandra atra), [2] Миллеръ пишетъ, что рейнскіе лососи предъ половымъ созрѣваніемъ проводятъ отъ 8 до 15 мѣсяцевъ безъ пищи. Наконецъ,

---

[1] *Brock*. Untersuchungen über die Geschlechtsorgane einiger Muraenoiden. Mittheilungen aus der zoologischen Statienin. Neapel, II Band.

[2] Marie v. Chauvin. Ueber die Verwandlung des mexicanischen Axolotls in Amblystoma. Zeitschrift für wissenschaftliche Zoologie, herausgegeben von A. V. Kölliker und C. Th. v. Siebold. XXVII Band.

всякій знаетъ, какъ долго лежитъ безъ пищи гусеница, закуклившаяся въ свой коконъ и претерпѣвающая въ это время полную регенерацію тканей, нужныхъ для жизни взрослаго насѣкомаго на счетъ распаденія тканей личиночныхъ органовъ, уже отслужившихъ свою службу организму животнаго. Это весьма сложное и еще до сихъ поръ не вполнѣ выясненное явленіе, надъ которымъ трудились такія значительныя научныя силы, какъ нашъ академикъ А. О. Ковалевскій и фрейбургскій профессоръ Вейсманнъ, извѣстно въ зоологіи подъ именемъ гистолиза, то-есть распаденія тканей.

Итакъ, хотя и въ небольшихъ размѣрахъ, но голодъ можетъ имѣть также и прогрессирующее вліяніе на животныхъ, какъ это ни странно и не парадоксально на первый взглядъ.

Вотъ тѣ небольшія свѣдѣнія, которыя даетъ наука о голодѣ среди животныхъ; какъ они ни кратки и отрывочны, но мнѣ они показались достаточно интересными для того, чтобы посвятить имъ эту замѣтку.

Н. Зографъ.

СТАРЫЕ СЧЕТЫ.

Повѣсть.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

IX.

Объемистое письмо, съ тріумфомъ показанное Наташей мужу, а вслѣдъ за нимъ и сестрѣ, стало событіемъ въ жизни семейства, и вплоть до пріѣзда Степана служило неисчерпаемою темой толковъ, догадокъ, соображеній, а иногда и горячихъ споровъ. Общее впечатлѣніе его было успокоительное. Ни тѣни укора бывшей своей невѣстѣ и другу... Безъ оговорокъ онъ бралъ всю вину на себя и отказывался, за давностью, отъ старыхъ правъ, не только на сердце когда-то ему принадлежавшее, но, что̀ еще необычайнѣе, и отъ денегъ ввѣренныхъ имъ Наташѣ на сохраненіе. За то и возврата его на родину ждали какъ праздника. Дача Варнавиныхъ, въ Павловскѣ, была на окраинахъ города и калитка изъ сада ея вела непосредственно въ лѣсъ. Варнавинъ арендовалъ ее всю, но занималъ до сихъ поръ одинъ только верхній этажъ, а низъ отдавалъ внаймы отъ себя. На этотъ разъ однакоже, въ ожиданіи дорогаго гостя, друзья, озабоченные его спокойствіемъ и удобствомъ послѣ испытанныхъ имъ на чужбинѣ лишеній и передрягъ, не жалѣя издержекъ, оставили за собою весь домъ. Большихъ перемѣнъ въ размѣщеніи не было. Одинъ только кабинетъ Варнавина и пріемная переведены были внизъ, а остальныя, лучшія комнаты нижняго этажа, заботливо убранныя руками дамъ, ожидали Степана.

Но еслибы, не довѣряя наружности, вы закрались невидимкой промежду этихъ людей и подслушали, что они говорятъ глазъ на глазъ, вы убѣдились бы съ нѣсколькихъ словъ, что не все у нихъ на душѣ такъ свѣтло и радостно, какъ надо бы ожидать. Петръ Осиповичъ, напримѣръ, нашелъ, что письмо Степана касается самыхъ жгучихъ вопросовъ вскользь и не даетъ никакого ключа къ ихъ рѣшенію.

— Мягко стелетъ, да каково-то достанется спать? говорилъ онъ женѣ, послѣ того какъ первое ея торжество уступило мѣсто смутнымъ недоумѣніямъ. И видя, что это попало въ цѣль:— Дешевое благодушіе человѣка, который, чувствуя себя господиномъ труднаго положенія, не прочь щегольнуть безкорыстіемъ. „Будьте спокойны, молъ, дорогіе друзья, я не требую ничего, а буду доволенъ самою малостью,—буду доволенъ всѣмъ, что вы сами найдете возможнымъ мнѣ удѣлить не обпжая себя“... Что это такое какъ не слащавая размазня?.. Развѣ это обязываетъ къ чему-нибудь?.. Или ты вѣришь, что онъ въ самомъ дѣлѣ отказывается отъ своей собственности?

— Другъ мой, ты очень къ нему несправедливъ, протестовала жена.—Онъ писалъ очевидно не думая о практической сторонѣ вопроса, но обвинять его въ непскренности только за то, что еслибъ онъ разсудилъ хладнокровно, онъ можетъ-быть не сказалъ бы всего, что вырвалось у него сгоряча, это ничѣмъ не заслуженная обида... Представь себя въ его положеніи: что бы ты написалъ?.. Или короче, что онъ, по твоему, долженъ былъ написать, не желая встревожить меня молчаніемъ?

— Онъ могъ бы не говорить, по крайней мѣрѣ, вещей, которыхъ онъ, очевидно, не думаетъ да и мы, если мы не сошли съ ума, не можемъ думать. Какъ, напримѣръ, что, числясь пять лѣтъ между убитыми, онъ не въ правѣ былъ и надѣяться, что его деньги цѣлы. Что же онъ полагаетъ, что мы проиграли ихъ въ карты,—или истратили на шампанское?

— Петръ Осиповичъ, онъ говоритъ не о деньгахъ, а вообще о своихъ надеждахъ, между которыми были другія, гораздо болѣе для него дорогія.

— Неправда! перебилъ рѣзко Варнавинъ.—О тѣхъ ему нечего было говорить, потому что онъ, еще до отъѣзда въ Америку, отказался отъ нихъ, вернувъ тебѣ твое слово. А что дѣло идетъ о деньгахъ, ясно какъ день изъ дальнѣйшаго. Иначе съ какой статп писать, что онъ не посмѣлъ бы и воротиться, еслибъ онъ

думалъ, что онъ, какъ нежданный гость, разстроитъ наше матеріальное положеніе?.. Само собою—разстроитъ! И онъ не могъ въ Америкѣ поглупѣть настолько, чтобъ этого не понять. Къ чему же писать подобныя вещи? Не значитъ ли это ломаться, разыгрывая въ пасмѣшку надъ здравымъ смысломъ какую-то невозможную театральную роль?.. Я даже помню на сценѣ что-то подобное... Какой-то испанскій гидальго творитъ чудеса безкорыстія и приводитъ въ восторгъ раекъ... Степанъ, по крайней мѣрѣ въ своемъ письмѣ, немножко похожъ на него. Онъ безгранично великодушенъ!.. Онъ ничего не требуетъ!.. „Уголъ гдѣ-нибудь возлѣ милыхъ друзей и право считать себя не чужимъ въ ихъ семьѣ“... Остальное не договаривается; но, разумѣется, онъ увѣренъ, что мы не оставимъ его нуждаться въ необходимомъ... А сколько ему необходимо?

— Бѣдный Степанъ! сказала Наташа вздохнувъ.—Еслибъ онъ зналъ съ какими чувствами его ожидаютъ здѣсь люди, которыхъ онъ такъ горячо любилъ!.. Ему чуть не ставятъ въ вину, что онъ оказался живъ!

Варнавина покоробило, словно рука говорившей, шаря въ потемкахъ, неосторожно коснулась глубокой раны.

— Что за вздоръ! произнесъ онъ обиженнымъ тономъ. — Я всею душой радъ, что онъ живъ; только я не хочу тебѣ лгать, я боюсь, что онъ насъ утопитъ. Боюсь, потому что знаю его... Степанъ очень добръ, но неустойчивъ и легкомысленъ. Это одинъ изъ тѣхъ милыхъ людей, съ которыми не дай Богъ имѣть какія-нибудь, тѣмъ паче денежныя дѣла. Онъ согласится на все, что ему предложатъ, можетъ-быть даже найдетъ, что мы слишкомъ щедры; но ручаться за продолжительность этого добраго настроенія невозможно. Я знаю его. Онъ никогда не умѣлъ распоряжаться своими средствами такъ, чтобъ ихъ хватило до новой получки. Еще студентомъ третьяго курса онъ получалъ отъ отца больше ста рублей въ мѣсяцъ, но это ему не мѣшало быть постоянно въ долгу. Это одинъ изъ тѣхъ „bon enfants“, которые ни о чемъ не заботятся покуда у нихъ въ карманѣ больше, чѣмъ нужно; но разъ тамъ окажется пустота, приходятъ въ уныніе и готовы на всякую глупость, готовы платить сто на́ сто ростовщикамъ лишь бы немедленно выйти изъ затрудненія... Единственная возможность сбыть его съ нашей шеи было бы выплатить ему на́чисто все что онъ оставилъ въ твоихъ рукахъ; но объ этомъ и думать нечего, ибо откуда взять такія деньги?..

Даже съ разсрочкой, уплачивая ему аккуратно проценты и погашеніе, это оставило бы насъ съ пустою кассой лѣтъ на четырнадцать. А безъ этого мы у него въ неоплатномъ долгу и всякій разъ, что̀ у него окажется недочетъ въ наличныхъ, онъ будетъ ходить въ нашъ карманъ какъ въ свой собственный;— или, еще того хуже, будетъ давать векселя, по которымъ намъ же придется платить... Лѣтъ черезъ пять такого хозяйства счеты у насъ съ нимъ запутаются въ такой хаосъ, что никто уже больше не разберетъ: что̀ его, что̀ наше. Другими словами, въ бюджетѣ у насъ будетъ хроническая дыра, которую ничѣмъ не заткнёшь, и мы будемъ жить въ постоянномъ страхѣ, что онъ когда-нибудь окончательно насъ разорптъ.

Наташа слушала это черное предсказаніе съ ужасомъ.

— Господи! да неужели же нѣтъ средства? спрашивала она.

— Не знаю... Развѣ подписка удвоится; только по нынѣшнимъ обстоятельствамъ трудно этого ожидать.

* * *

Объ остальныхъ своихъ опасеніяхъ онъ молчалъ, но Наташа имѣла причины думать, что онъ неспокоенъ и съ этой стороны, Американскій романъ Почаева, въ свою очередь, сталъ предметомъ насмѣшекъ и ядовитыхъ критическихъ замѣчаній.

— Тутъ кое-что не досказано, говорилъ онъ женѣ.—Особенно въ его похожденіяхъ съ Мери Питерсъ. Ясно, что онъ попалъ въ ловушку, и что не будь этой исторіи со сторожемъ, въ результатѣ которой его чуть не силою увезли изъ Z***, дѣло не обошлось бы такъ гладко...Ловкая шельма этотъ американскій попъ! Какъ хорошо онъ понялъ Степана съ его блудливою надкостью на извѣстнаго рода приманки и съ истинно-русскою склонностью впутываться, здорово живешь, въ нелѣпыя приключенія!.. Какъ есть герой Тургеневской повѣсти, такъ мастерски осмѣянный Чернышевскимъ! Самъ не знаетъ кого онъ любитъ,—чего онъ хочетъ!—Видитъ подъ самымъ носомъ крючекъ съ насаженною приманкой, а плюнуть и отойти не хватаетъ характера... И этотъ старый тартюфъ, промышляющій сватовствомъ! Эта миссія обращенія къ Богу невѣрующаго, взятая на себя старою дѣвкой, чтобы скрыть свои матримоніальныя вожделѣнія!.. Вотъ посмотри, если они вдвоемъ не обратили его! Совѣстно только сознаться, но есть мѣста, гдѣ онъ неумышленно проговаривается. Начавъ

съ насмѣшекъ надъ Провидѣніемъ, онъ подъ конецъ уже прямо благодаритъ его за свое спасеніе... Надо однако отдать ему справедливость;—со всею своею неустойчивостью онъ до конца остается вѣренъ себѣ. Сколько дурачествъ, продѣланныхъ безъ малѣйшаго повода, — такъ, по своей неисправимой привычкѣ ломаться въ роли опаснаго заговорщика!.. Самъ говоритъ, что былъ бы давно на свободѣ, еслибы не вздумалъ вести переговоры со своими сосѣдями по секретному отдѣленію. А на какой конецъ? Что онъ могъ имъ сказать, что не казалось бы имъ ребячествомъ, сравнительно съ ихъ политическими задачами и съ ихъ трагическою судьбой?.. Чѣмъ могъ имъ помочь, или какой ожидалъ отъ нихъ помощи?

— Онъ могъ сообщить объ ихъ положеніи въ Вашингтонѣ, еслибы былъ раньше освобожденъ, возражала Наташа.

— Нѣтъ, не могъ, потому что за ними смотрѣла надёжная пара глазъ. Онъ просто не зналъ людей, которымъ попался въ когти. Они играли отчаянную игру; но играли ее не съ одною шальною отвагой, а вмѣстѣ и съ мастерскимъ умѣньемъ. Не будь для ихъ надеждъ несчастнаго стеченія обстоятельствъ въ Европѣ,— сили Людовикъ Наполеонъ покрѣпче у себя дóма, онъ бы вмѣшался въ ихъ дѣло, а слѣдомъ за нимъ вмѣшалась бы несомнѣнно и Англія... Но, говоря о Степанѣ,—никто изъ тѣхъ, съ которыми онъ завелъ переговоры, не дожилъ до своего освобожденія. Съ ними давно покончили. Покончили бы и съ остальными,—съ нимъ въ томъ числѣ, еслибы не этотъ случай съ сторожемъ. Вмѣсто того, чтобы фарисейски благодарить Провидѣніе, онъ долженъ бы былъ поставить памятникъ этому сторожу и удвоить обѣщанную награду... Заплатили ли ему, по крайней мѣрѣ, хоть слѣдующее?.. И расплатился ли онъ съ попомъ, который пять лѣтъ ссужалъ его деньгами?.. Что-то не пишетъ!..

* * *

Таковъ въ итогѣ былъ смыслъ извѣтовъ Варнавина, но мы опускаемъ протесты Наташи, такъ какъ она, щадя невысказанныя причины его раздраженія, возражала мягко... Другое дѣло меньшая сестра. Та горячо взяла сторону своего героя, и Варнавинымъ доводилось не разъ выслушивать отъ нея безпощадныя обвиненія...

— Какая низость! выпалила она, когда Наташа, въ слезахъ,

сообщила ей слышанное глазъ на глазъ отъ мужа.—Такое грязное недовѣріе и такія чувства къ другу, который ввѣрилъ вамъ безъ расписки свое состояніе и у котораго отнято все, что̀ ему было дорого здѣсь на родинѣ!.. Кому вы обязаны всѣмъ, чѣмъ вы пользуетесь, и кто, узнавъ отъ тебя, что ты замужемъ, а его сто тысячъ издержаны на журналъ, не проронилъ ни слова въ укоръ?.. И чѣмъ вы ему отплатили?.. Прикащикъ въ мелочной лавочкѣ, завладѣвшій въ отсутствіе безъ вѣсти пропадавшаго хозяина его женой и состояніемъ, если въ немъ есть хоть искра совѣсти, не отнесся бы такъ безсердечно къ вернувшемуся!

— Варя! За что̀ ты меня такъ оскорбляешь? протестовала ея сестра надорваннымъ голосомъ;—но Варя была безпощадна.

— Я говорю прежде всего о твоемъ мужѣ, отвѣчала она.—Но если ты оправдываешь его, то я скажу тебѣ, что и ты не лучше его. Какъ у тебя хватило терпѣнія слушать такія вещи, если ты ихъ не одобряешь?.. Какъ ты не оборвала его на первомъ словѣ, сказавъ ему прямо въ глаза, что это подлость?

— Варя, да выслушай же! Ты не даешь мнѣ сказать ни слова! Ты такъ безпощадно строга, потому что ты не жила и не знаешь, не можешь представить себѣ моего положенія. Пойми, что я не могу отнестись такъ строго къ Петру, зная откуда прежде всего идетъ его раздраженіе. Пойми, что онъ страстно любитъ меня и боится, что я измѣню ему, брошу его для Степана!

— А! вотъ какъ! оборвала ее дѣвушка.—Ну, это немногимъ лучше! Значитъ онъ лгалъ и хитрилъ, предоставляя тебѣ на словахъ неограниченную свободу?.. Въ подобномъ случаѣ, то-есть еслибъ у него хватило дѣйствительно мужества поступить въ своемъ личномъ дѣлѣ, какъ онъ училъ поступать другихъ, я бы могла еще уважать его. А теперь я говорю тебѣ прямо, что онъ не мужчина, а тряпка!.. Да, тряпка, и если придется, я повторю ему это въ глаза. На твоемъ мѣстѣ, какъ женщина уважающая себя, я бы его просто бросила...

Наташу взорвало, и вся мягкость ея исчезла.

— Молчи! перебила она горячо.—Какъ ты смѣешь рѣшать за другихъ, не понимая ихъ положенія?.. Ты читала письмо? Нашла ли ты въ немъ хоть малѣйшій намекъ, что онъ еще любитъ меня?.. А Петръ несомнѣнно любитъ. За что̀ же я стану его сводить съ ума отъ ревности, и какое безстыдство надо имѣть, чтобы напрашиваться со своею старою привязанностью человѣку, который совсѣмъ о тебѣ и не думаетъ?

— А ты о немъ думаешь?.. Ты писала ему что-нибудь подобное?.. Нѣтъ, онъ знаетъ только одно, что ты измѣнила ему; но этого болѣе чѣмъ довольно, чтобы зажать ему ротъ.

Жесткія рѣчи сыпались съ двухъ сторонъ такъ быстро, что сестры не успѣвали на нихъ отвѣчать... Лица были красны, глаза сверкали.

— Не я одна, а и консулъ, и Петръ, и ты,—всѣ считали его убитымъ, протестовала Наташа.

— Не лги! перебивала Варя.—Никто объ этомъ не зналъ ничего положительнаго... А что касается до любви, то ты и теперь не знаешь, кого ты любишь. Еслибы знала, то положеніе твое было бы ясно, и ты не терялась бы въ немъ, какъ въ лѣсу, не сводила бы никого съ ума. Но ты сама не знаешь, чего тебѣ нужно, а мужъ твой молчитъ, разсчитывая на твое малодушіе... Вы оба ведете двойную игру и трусите, лжете, въ тайнѣ души проклиная того, кто смутилъ вашъ покой.

— Когда я тебѣ говорила, что я проклинаю его?

— Да развѣ ты скажешь когда-нибудь правду?.. А ну-ка попробуй, скажи безъ увертокъ, кого ты любишь?.. Ага! Замолчала?.. Какъ жаль, что твой мужъ такая тряпка! На его мѣстѣ я бы добилась толку.

— Нѣтъ, это изъ рукъ вонъ! сказала старшая внѣ себя.— Думай, что̀ хочешь, но помни, что если ты передашь обо мнѣ хоть слово Петру, ты мнѣ болѣе не сестра!

И она убѣжала, взбѣшенная до того, что губы у нея побѣлѣли.

X.

Степану писали въ Лондонъ, чтобы по пріѣздѣ онъ не терялъ ни денегъ, ни времени на отели, а получивъ свой багажъ, немедленно ѣхалъ въ Павловскъ, на хорошо извѣстную дачу **, гдѣ все для него готово, и гдѣ онъ будетъ во всѣхъ отношеніяхъ у себя. Время прихода почтоваго поѣзда изъ Эйдкунена было извѣстно:— 6 часовъ вечера. Въ 7 стало-быть онъ навѣрное можетъ поспѣть на Царско-Сельскій вокзалъ, а къ 8 долженъ быть уже въ Павловскѣ. Часы, такимъ образомъ, были разсчитаны въ точности, но день, хотя о немъ и не трудно было дать знать по телеграфу, трудно было опредѣлить заранѣе, такъ какъ въ Берлинѣ Степанъ разсчитывалъ быть въ русскомъ посольствѣ,

чтобъ узнать хоть приблизительно какъ отнесутся дома къ его возвращенію.

Варнавинымъ очень хотѣлось встрѣтить его на дебаркадерѣ, но не видавъ скитальца семь лѣтъ, они могли не узнать его сразу въ густой толпѣ, а предувѣдомить, что его будутъ ждать и что въ вокзалѣ ему укажутъ ихъ экипажъ, не успѣли. Могло, такимъ образомъ, случиться, что, не замѣтивъ ихъ, или не узнавъ, онъ оставитъ багажъ на станціи и, пріѣхавъ на дачу ранѣе ихъ, не застанетъ тамъ никого. Потолковавъ, рѣшили на всякій случай оставить Варюшу дома. Напрасно она увѣряла, что у нея глаза гораздо зорче и что безъ нея они навѣрное не узнаютъ въ толпѣ Степана, который самъ пишетъ, что за семь лѣтъ онъ очень перемѣнился. Надъ нею смѣялись, спрашивая ужь не списалась ли она съ нимъ по секрету, и не будетъ ли у него на шляпѣ какой-нибудь условленной ленты или пера?.. Но Варя твердила только:—А вотъ увидите! Вотъ увидите, что онъ будетъ здѣсь раньше васъ и что я встрѣчу его одна.

Такъ и случилось; но кромѣ того случилось еще кое-что, совсѣмъ непредвидѣнное. Берлинская телеграмма пришла 30 мая, а 31 Петръ Осиповичъ съ Наташей, въ 40 минутъ 8-го, ждали уже на платформѣ семичасоваго поѣзда... Ждала и Варя. Стоя на верхнемъ балконѣ, чтобы лучше видѣть дорогу, которая во ста саженяхъ выходила изъ лѣса, и поминутно справляясь съ часами, которые были у ней въ рукахъ, она наконецъ рѣшила, что еслибы тамъ, на платформѣ, узнали Степана, то всѣ уже были бы дома. Тотда у нея не хватило терпѣнія долѣе ждать;—она спустилась бѣгомъ внизъ по лѣстницѣ и выбѣжала сначала въ садъ, къ калиткѣ, потомъ на дорогу, разсчитывая, что такъ какъ ихъ дача послѣдняя и далѣе ѣхать некуда, то если она увидитъ пролетку,—это почти навѣрное *онъ*; а если коляску, то стало-быть ѣдутъ всѣ, и какъ бы далеко она ни зашла, ее подвезутъ.

Но прошло уже болѣе двухъ минутъ, какъ она потеряла изъ глазъ свой балконъ, а ближайшей дачи за лѣсомъ не было еще видно... Не промахнуться бы!.. Вечеръ прелестный. Легко можетъ статься, идутъ пѣшкомъ и придутъ другою, окольною дорогой, и послѣ будутъ надъ ней смѣяться!.. Вся раскраснѣвшаяся отъ ожиданія, Варя остановилась... Въ эту минуту послышался стукъ колесъ, и шагахъ въ сорока отъ нея показалась пролетка. На ней сидѣлъ какой-то смуглый, худой господинъ, въ синемъ

капотѣ, съ откинутымъ капюшономъ, и въ синей фуражкѣ. Темные волосы и короткая, темная съ просѣдью борода. Сильный загаръ сообщалъ бѣлкамъ его глазъ какой-то особенный блескъ. Первое впечатлѣніе напоминало шкипера съ иностраннаго корабля.

Варя остановилась, пристально вглядываясь, и сердце ея подпрыгнуло. Онъ тоже смотрѣлъ на нее, какъ смотрятъ люди, вдругъ пораженные какимъ-нибудь страннымъ сходствомъ.

— Степанъ Никитичъ! вырвалось у нея невольно!

— Стой! пропзнесъ онъ рѣшительнымъ голосомъ и, взмахнувъ фуражкой, спрыгнулъ. На лѣвомъ его вискѣ бѣлѣлъ глубокій, едва прикрытый короткими волосами, шрамъ.

— Степанъ Никитичъ!

— Наташа!

И дѣвушка не успѣла мигнуть, не успѣла ничего сообразить, какъ угаданный ею Почаевъ, прижавъ ее крѣпко къ груди, осыпалъ ея лицо и руки жаркими поцѣлуями.

Но какъ описать его изумленіе, когда Варя, не ожидавшая ничего подобнаго, въ сильномъ смущеніи, объяснила ему его ошибку!.. Смущенный не меньше ея, онъ похожъ былъ на человѣка вдругъ пробужденнаго и видящаго предъ собою свой милый сонъ на яву. Мало-по-малу однако дѣвственный блескъ и свѣжесть фигурки, едва успѣвшей освободиться изъ сильныхъ его объятій, убѣдили его, что это дѣйствительно не Наташа.

— Они уѣхали васъ встрѣчать на станцію, а меня на всякій случай оставили дома, смѣясь объясняла дѣвушка.—Но я имъ предсказывала, что они васъ не узнаютъ... Предсказывала!

— А вы, Варвара Ѳедоровна, неужли вы узнали меня? спрашивалъ онъ, усаживая ее въ пролетку.

— Не хочу хвастать. Еслибы не ждала и не была увѣрена, что это должны быть вы, не узнала бы... У васъ такой иностранный, заморскій видъ!.. Но я рада, Степанъ Никитичъ, ужасно рада, что вы, наконецъ, вернулись, потому что всегда, съ тѣхъ поръ, какъ я помню себя, я васъ любила... И я васъ прошу, пожалуста не называйте меня, какъ сейчасъ, Варварой Ѳедоровной... Пусть я останусь для васъ всегда, какъ была ребенкомъ еще, простою Варей... Ну вотъ мы и дома!.. Смотрите, какъ у насъ тутъ хорошо... И все готово для васъ... Пойдемте, я вамъ покажу ваши комнаты. Онѣ ждутъ васъ уже давно. Я вмѣстѣ съ Наташей ихъ убирала.

Степанъ растаялъ, какъ человѣкъ послѣ долгой разлуки съ

родною землей, вдругъ услыхавшій старую, съ дѣтства знакомую пѣсню... Русская рѣчь и русскій, горячій привѣтъ!.. Дача Варнавиныхъ показалась ему какимъ-то давно потеряннымъ, только что возвращеннымъ раемъ. Окна были отворены, и на балконѣ, на окнахъ цвѣты... Въ тихомъ, вечернемъ воздухѣ пахло родными соснами, молодою березкой и сиренью. Въ лѣсу, какъ нарочно въ честь дорогаго гостя, щелкалъ и заливался павловскій соловей, а возлѣ него вертѣлась и ласково ворковала дѣвушка, какъ двѣ капли воды похожая на Наташу... Что-то горячею волной подступило къ сердцу; хотѣлось упасть на колѣни предъ своею молодостью, вдругъ воскресшею со всѣми ея очарованіями;—хотѣлось плакать. Въ памяти шевелились пламенныя слова изгнанника въ *Дзядахъ* Мицкевича:—„Камень, перенесенный съ чужбины въ родныя мѣста, и тотъ заплачетъ!..“

Недоставало однако еще чего-то, и, чувствуя этотъ пробѣлъ, онъ инстинктивно оглядывался, а между тѣмъ Варюша умолкла, прислушиваясь.

— А! Наконецъ-то вернулись! сказала она встрепенувшись.— Куда вы глядите? Смотрите сюда... Вонъ и Наташа;—на этотъ разъ настоящая!

Степанъ торопливо глянулъ и кинулся со всѣхъ ногъ на балконъ... На встрѣчу ему бѣжала, блѣдная отъ волненія, покинутая семь лѣтъ назадъ невѣста. Радость свиданія, но вмѣстѣ и страхъ, что онъ не узнаетъ ея, какъ она не узнала его въ толпѣ, захватывали ей духъ... А тутъ еще звонкій смѣхъ и высунувшаяся въ окно фигурка Варп.

— Наташа, смотри-ка! Вмѣсто Степана Никитича пріѣхалъ какой-то Американецъ! чужой!.. Увѣряю тебя, совершенно чужой!

Но радостный возгласъ пріѣзжаго и горячій привѣтъ, свѣтившійся на его лицѣ, разсѣяли всѣ сомнѣнія.

— Голубчикъ! Вотъ свидѣлись-таки наконецъ! сказала она и, взмахнувъ руками, упала къ нему на грудь...

Варнавинъ ждалъ чего-нибудь въ этомъ родѣ, но не желая играть смѣшную роль, стоялъ у калитки, давая совсѣмъ излишнія приказанія кучеру. Послѣдній, съ его лакеемъ, долженъ былъ воротиться на станцію и привезти оставленный тамъ багажъ.

Варнавинъ зналъ, что вопросъ, лежавшій въ основѣ его опасеній, не могъ быть рѣшенъ заочно, а то, что они могли сказать другъ другу при первой встрѣчѣ, какъ отголосокъ давно минувшаго, не имѣло въ его глазахъ никакого практическаго

значенія. Выждавъ еще немного и услыхавъ на балконѣ веселые голоса, которые звали его, онъ наконецъ оставилъ коляску и быстро пошелъ на встрѣчу.

— Степанъ, голубчикъ, здорово!

— Петръ Осиповичъ, другъ дорогой!

Они обнялись и стояли съ минуту, разглядывая другъ друга. Степанъ нашелъ, что его пріятель, хотя и нѣсколько постарѣвшій, въ итогѣ мало перемѣнился, но Варнавинъ едва узналъ его.

— Ну, братъ, не диво, что мы тебя проглядѣли на станціи! Тебя передѣлали тамъ совсѣмъ въ Американца, только съ какою-то особенною окраской. Не то плантаторъ изъ Арканзаса, не то капитанъ какого-нибудь бразильскаго корабля, натурализованный въ рабовладѣльческихъ штатахъ. Потому что на Янки ты непохожъ, а на хохла изъ Полтавы, какимъ ты уѣхалъ отъ насъ, еще того менѣе. Удивительно, какъ легко мы, Русскіе, принимаемъ чужую физіономію!

— Неужели ничего не осталось отъ стараго?

— Ну, конечно, осталось, только оно подъ чужимъ клеймомъ, и я не успѣлъ еще до него добраться... Однако, что же мы тутъ стоимъ? По-русски пріятеля, воротившагося домой изъ дальнихъ странъ, слѣдуетъ прежде всего накормить.

Чай, или вѣрнѣе ужинъ,—такъ какъ вечерній столъ, сервированный на балконѣ верхняго этажа, былъ уставленъ множествомъ блюдъ,—тянулся вплоть до одиннадцати часовъ, но весенняя ночь была такъ свѣтла и общество такъ усердно занято разговорами, что никто, кромѣ Варнавина, не замѣтилъ времени...

— Да помолчите хоть четверть часа, говорилъ онъ барынямъ:— а не то онъ встанетъ изъ-за стола голодный!.. Не бойтесь, не улизнетъ: успѣете наболтаться всласть... Пей братъ, Степанъ Никитичъ;—вино къ твоему пріѣзду припасено хорошее, помнитъ еще то время, когда ты отъ насъ удралъ. Вспомнимъ же старое и выпьемъ во имя его, а новое не уйдетъ; его накопилось столько, что хватитъ до осени.

* * *

Степанъ едва узнавалъ Наташу. Не то, чтобъ она особенно постарѣла, но школа редакторской выправки и пять лѣтъ замужества за человѣкомъ, который лично былъ ей не милъ, сообщили ея чертамъ и манерамъ какую-то сухость. Звонкій дѣвичій смѣхъ, стыдливая неувѣренность въ выборѣ выраженій, способ-

ность краснѣть, когда неожиданный оборотъ разговора, или вопросъ, на который она не знала что отвѣчать, захватывали ее врасплохъ, исчезли. Изъ простодушно-честолюбивой дѣвушки-гимназистки, она обратилась въ бойкую, хорошо владѣющую собою барыню, умѣвшую говорить только то, что ей нужно сказать и ни слова лишняго. Такою, по крайней мѣрѣ, она была въ присутствіи мужа и младшей сестры, ни на минуту не позволявшимъ ей позабыть, что у нея есть роль, отъ которой она не въ правѣ ни на волосъ отступить. Позже когда-нибудь, глазъ на глазъ съ милымъ, она успѣетъ сбросить съ себя эту узду; только для этого нужно, чтобъ и онъ заговорилъ съ ней по-старому. А покуда его печальное предсказаніе оправдалось. Увы! и она едва узнавала Степана! Черты его потеряли прежнюю выразительность, благодаря которой въ нихъ отражалось, какъ въ зеркалѣ, всякое внутреннее движеніе. Въ нихъ появилось что-то осѣвшее, рѣзко опредѣленное; но особенно измѣнился взглядъ. Онъ не смотрѣлъ уже съ вѣрою вдаль, какъ взглядъ человѣка, преданнаго одной руководящей идеѣ, а сталъ быстръ и подвиженъ. Словно опасности, которыми онъ былъ окруженъ въ такомъ изобиліи на чужбинѣ, сдѣлали его чуткимъ къ самымъ ничтожнымъ повидимому вещамъ и научили не пренебрегать ничѣмъ.

Степанъ былъ засыпанъ разспросами, относившимися къ американскимъ его похожденіямъ, и отвѣчалъ на нихъ не скупясь. Живые, полные яркихъ картинъ разсказы его уносили слушающихъ въ какой-то странный, дразнившій воображеніе своею новостью, міръ... Было уже за полночь, и всѣ немножко устали, когда, утомленная больше другихъ, Наташа, вздохнувъ, спросила его, какъ онъ чувствуетъ себя на родинѣ, которую не видалъ столько лѣтъ, и не кажется ли ему тутъ слишкомъ тихо, чтобы не сказать немножко сонно и вяло?

Онъ оглянулся на дремлющую въ глубокомъ покоѣ окрестность и что-то усталое, но отрадное, освѣтило его лицо. Это былъ первый разъ, что на немъ проснулось старое, хорошо знакомое выраженіе безпечнаго степняка.

— Знаете, сказалъ онъ откинувъ голову и потягиваясь:—я не могу еще дать себѣ никакого отчета въ томъ, что я чувствую, такъ оно странно!.. Представьте себѣ человѣка, измученнаго донельзя въ чужой, исполненной всякаго рода тревогъ, обстановкѣ

и въ постоянной борьбѣ съ противнымъ теченіемъ. Тоска одолѣваетъ его, когда онъ оглядывается кругомъ и не видитъ почти никакой надежды когда-нибудь стать ногами на твердую почву и отдохнуть. Какъ вдругъ подуло съ другой стороны и его незамѣтно прибило къ берегу. Онъ осматривается и съ удивленіемъ видитъ себя на старыхъ мѣстахъ, гдѣ когда-то жилось такъ тихо и беззаботно. Кончена эта лихорадка вѣчнаго напряженія! Онъ на твердой землѣ! Онъ можетъ лечь и, расправивъ усталые члены, спокойно уснуть. Но онъ такъ отвыкъ отъ подобнаго удовольствія, что ему не вѣрится. Правда ли, что его мученія кончены? Правда ли, что онъ не на шутку дома, въ простой, безхитростной обстановкѣ, среди милыхъ, знакомыхъ лицъ? Не сонъ ли это? Не качка ли убаюкала?.. Ну, а что̀ какъ онъ завтра проснется опять въ томъ же омутѣ и опять для него начнется томительная, напрасная, не ведущая ни къ чему работа мысли, занятой, какъ въ кошмарѣ, чѣмъ-то безформеннымъ и грызущей, за недостаткомъ реальной пищи, себя самое?..... Страшно подумать, что эта пытка длилась года̀, и какъ-то не вѣрится, что я не сошелъ отъ нея съ ума!..

Онъ замолчалъ и закрылъ руками лицо.

— Я не хулю Америку, продолжалъ онъ, глубоко вздохнувъ.— Это здоровый край и народъ ея обладаетъ богатымъ запасомъ силъ;—его ждетъ великая будущность. Только не дай Богъ нашему брату, Русскому, незнакомому съ ея хитрою механикой, попасть туда въ передѣлку!.. Богъ съ ней! Я ей желаю всего хорошаго, но не желаю вернуться въ нее никогда.

— А Мери Питерсъ? спросилъ съ лукавою усмѣшкой Варнавинъ. —Тебѣ не жаль, что ты ее не увидишь больше?

Гость опустилъ глаза.

— Да, жаль, сказалъ онъ упавшимъ голосомъ, — но что̀ же дѣлать?... Къ несчастію я не могу ничѣмъ отблагодарить эту дѣвушку за все, чѣмъ я ей обязанъ... А я ей глубоко обязанъ... Въ итогѣ счета, за ней остается одна, незабываемая услуга, которая далеко покрываетъ все.

Варнавинъ переглянулся съ женой, какъ бы желая сказать ей: „Слушай!“ Но слушать болѣе было нечего, такъ какъ Степанъ замолчалъ.

Было далеко за полночь, когда небольшое общество, утомленное, разошлось.

XI.

О странной ошибкѣ Степана за ужиномъ не было рѣчи, и дѣвушка, до утра не имѣвшая случая видѣть наединѣ сестру, серьезно раздумывала: сказать ли Наташѣ, какъ неожиданно горяча была первая ея встрѣча съ изгнанникомъ?.. Радость и ласки его очевидно принадлежали не ей и по совѣсти ей бы слѣдовало немедленно передать ихъ той, за кого онъ принялъ ее; ибо конечно этотъ сердечный порывъ былъ искреннѣе и могъ бы сказать гораздо больше дѣйствительной встрѣчи ихъ на балконѣ, гдѣ онъ можетъ-статься и не узналъ бы свою Наташу, еслибъ она сама не прыгнула ему на шею... Какъ знать, не нашла ли она его болѣе изумленнымъ, чѣмъ восхищеннымъ, и какимъ недочетомъ это могло бы сказаться впослѣдствіи, если ей, какъ это весьма вѣроятно, придется перерѣшать этотъ старый вопросъ?.. Теперь, разумѣется, онъ усложненъ, но въ сущности все же ея судьба опять у нея въ рукахъ, ибо не ясно ли, что Степанъ Никитичъ любитъ ее попрежнему?

Съ другой стороны весьма мудрено было угадать какъ приметъ Наташа ея признаніе. Повѣритъ ли, чтобы все обошлось такъ невинно, какъ это было на самомъ дѣлѣ?.. Не спроситъ ли съ злою усмѣшкой: что̀ за ребяческая наивность позволитъ себя обнимать какъ маленькую дѣвчонку и покорно принять всѣ нѣжности, такъ очевидно назначенныя другой,—можетъ-быть даже сдуру и отвѣчать поцѣлуями на его поцѣлуи, вмѣсто того чтобы сразу остановить его, объяснивъ ему его qui pro quo?.. Вѣдь онъ же началъ съ того, что назвалъ по имени не ее, а другую? И что̀ если Наташа пристанетъ съ разспросами: какъ это было? Не отвѣчала ли она въ самомъ дѣлѣ на поцѣлуи?.. Неужели сознаться, что отвѣчала?

Богъ знаетъ къ чему привели бы Варю эти соображенія, еслибъ она имѣла время подумать. Но ей не дали времени.

Рано поутру, когда она не успѣла еще одѣться, Наташа, взволнованная, влетѣла къ ней въ комнату.

— Гдѣ ты съ нимъ встрѣтилась? выпалила она въ упоръ.— Аннушка говоритъ, что вы пріѣхали на пролеткѣ.

— Я не дождалась и вышла на встрѣчу вамъ по дорогѣ, сказала Варя, захваченная врасплохъ.

— Кто-же кого узналъ?

— А право уже не могу сказать... Онъ былъ не похожъ на здѣшняго; да и некому было ѣхать такъ поздно на нашу дачу, кромѣ него.—„Навѣрно, думала:—„онъ“—„и навѣрно вы не узнали его на платформѣ.“

— Ну...

— Ну, я гляжу, а онъ обернулся и тоже глядитъ на меня. Узналъ, либо не узналъ, а лицо совсѣмъ такое какъ будто узналъ. Тогда у меня терпѣнія не хватило, и я храбро его окликнула. Онъ тотчасъ остановилъ пролетку и соскочилъ. Только тутъ вышло маленькое недоумѣніе. Онъ думалъ, что это ты, и такъ одурѣлъ отъ радости, что не далъ мнѣ слова сказать... Машетъ руками и шляпой, кричитъ: Наташа! Наташа!

Она замолчала и покраснѣла, чувствуя на себѣ тревожно-ищущій взоръ сестры.

— Ну, что жь ты не договариваешь? Съ чего ты взяла, что онъ одурѣлъ?

Лгать было поздно, такъ какъ отвѣтъ написанъ былъ у нея огнемъ на лицѣ.

Но Варя была не трусъ и, совладавъ съ собой, разсказала сестрѣ безъ утайки немногое, что ей оставалось сказать.

Тревожное любопытство Наташи смѣнилось испугомъ и удивленіемъ, словно она нашла въ сестрѣ что-то новое, что грозило ей непредвидѣнною бѣдой. Чувство это было такъ непривычно, что, озадаченная, она и не спрашивала себя: откуда оно взялось.

„Должно-быть очень похожа“, мелькало у ней въ умѣ;—„но не теперь, потому что теперь онъ едва узнаетъ меня; а похожа на то, чѣмъ я была въ двадцать лѣтъ. Странно, что я до сихъ поръ объ этомъ не думала; однако должно быть такъ, потому что не даромъ же, увидавъ ее, онъ ошалѣлъ отъ радости“... И она разглядывала сестру, дивясь: отчего она не находитъ въ ней ничего похожаго на тотъ образъ, который когда-то ей рисовало зеркало, тогда какъ Степанъ, не видавшій его семь лѣтъ, мгновенно его узналъ? Неужели же мы, въ самомъ дѣлѣ, не знаемъ того впечатлѣнія, которое мы производимъ на окружающихъ?... Мысли эти мелькали и гасли одна за другой, какъ искры въ потемкахъ, но то, что таплось за ними на сердцѣ, не гасло и не мигало. Она не могла понять, что это такое, но чувствовала всѣмъ существомъ, что это давитъ ее и жжетъ. Это похоже было на ненависть, зарождающуюся у человѣка, вдругъ

и повидимому безо всякихъ причинъ, но съ сильною примѣсью любопытства, тревоги и опасенія.

— Что жь ты не радуешься? спросила она сестру съ язвительною усмѣшкой.—Можешь поздравить себя съ побѣдой! Только я тебѣ не завидую, потому что меня отъ нея тошнитъ... Ты подняла на дорогѣ и съѣла то, что я обронила семь лѣтъ назадъ... Воображаю, какъ это было вкусно!

И гнѣвно сверкнувъ глазами, она повернулась, чтобъ уйти, но сестра, испуганная и удивленная, загородила ей дверь.

— Наташа! Что это за дурачество? сказала она, заглядывая съ упрекомъ въ глаза сестры...—Неужели ты ревнуешь его ко мнѣ? Но я право понять не могу, что я сдѣлала, чтобы внушить тебѣ это дикое чувство. Я убѣдилась совсѣмъ неожиданно и случайно, что онъ любитъ тебя по-старому, а теперь убѣждаюсь еще, что и ты его любишь... Это одно серьезно, и все остальное вздоръ, о которомъ я не сочла бы нужнымъ и говорить, еслибы ты сама не прибѣжала ко мнѣ съ допросомъ. Велика важность, что онъ, не разглядѣвъ на радости кто окликнулъ его по имени, обнялъ меня и поцѣловалъ! Вѣдь это только и объясняется тѣмъ, что я на тебя похожа; но развѣ я виновата въ этомъ?.. Ну полно же! Полно! Забудь этотъ вздоръ и потолкуемъ о чемъ-нибудь путномъ.

Это былъ выходъ изъ нестерпимаго напряженія, и Наташа, не знавшая на какой ногѣ стоять, сдалась. Пяти минутъ не прошло, какъ сестры сидѣли уже обнявшись и говорили поспѣшнымъ, нетерпѣливымъ шепотомъ.

— Вамъ надо потолковать безъ помѣхъ, шептала Варя;— иначе вы собьете съ толку другъ друга, но здѣсь, гдѣ за вами будетъ слѣдить ревнивая пара глазъ, вы не скоро дождетесь удобнаго случая... Уйди съ нимъ куда-нибудь... Я тебѣ помогу.

— Эхъ, Варя, ты еще совершенный ребенокъ въ подобныхъ вещахъ!.. Еслибъ я знала, что мнѣ ему сказать, я бы не долго думала, потому что я знаю мужа. Онъ слишкомъ уменъ и гордъ, чтобъ играть роль Бартоло. Да и къ чему? Когда ревнивая пара глазъ мѣшала чему-нибудь? Вспомни, что онъ говорилъ мнѣ, когда мы съ нимъ получили это извѣстіе изъ Нью-Іорка. Ты увѣряла потомъ не разъ, что это двойная игра, но даже еслибъ и такъ, то игра его слишкомъ тонко разсчитана, чтобы нужно было держать меня взапертн или подслушивать. Онъ надѣется, что я не брошу его изъ-за пошлаго удовольствія разыграть

мѣщанскій романъ съ адюльтеромъ, etc.,—и онъ правъ. Я не сдѣлаю шагу навстрѣчу Степану Никитичу, не скажу ни слова о старой нашей привязанности, пока мнѣ не станетъ ясно какъ день, что старое чувство его ко мнѣ сохранилось во всей своей цѣлости; а тогда посмотримъ... Я и сама не знаю еще, что̀ мнѣ подскажетъ сердце... И помолчавъ:—мое положеніе и положеніе Степы далёко не одинаковы. Онъ ничего не теряетъ, даже если и ошибется;—а мнѣ ошибка моя обошлась бы дорого,—очень дорого!.. У меня есть мужъ, который любитъ меня всѣмъ существомъ, и есть общее дѣло съ нимъ,—хорошее дѣло, которое пропадетъ ни за грошъ, если я надѣлаю глупостей.

Варя заглядывала украдкой въ ея лицо, дивясь: откуда у ней взялось такое благоразуміе?

„Пяти минутъ не прошло, какъ сходила съ ума отъ ревности!“ думала дѣвушка про себя;—„а теперь хочетъ увѣрить меня, что совсѣмъ спокойна!“

— Смотри, не промахнись! сказала она.

Наташа въ смущеніи опустила глаза и слёзы сверкнули на нихъ.

— Охъ ужъ не говори!... И такъ боюсь! сорвалось у ней невольно.—До трехъ часовъ не могла уснуть... Страшно мнѣ, Варя,—такъ страшно, что и сказать не могу!

Сестра горячо обняла ее и ласкаясь шепнула:

— Надѣюсь, что я по крайней мѣрѣ тутъ не при чемъ?

— Нѣтъ!.. Это теперь прошло.

Но Варя имѣла на этотъ счетъ кое-какія сомнѣнія.

* * *

Первые дни прошли тихо. Степанъ, послѣ испытанныхъ имъ мытарствъ и сложнаго, утомительнаго пути, такъ очевидно нуждался въ отдыхѣ, что его друзья старались всячески избѣгать дѣловыхъ бесѣдъ. Но судя по безпечности, съ которою онъ пропускалъ мимо ушей все, что̀ касалось финансовой обстановки журнала, можно было подумать, что она мало интересуетъ его. Первымъ предметомъ его любопытства была судьба давно потерянныхъ имъ изъ вида товарищей и вождей политическаго движенія, въ которомъ онъ принималъ такое пламенное участіе.

— Ахъ, Петръ Осиповичъ, говорилъ онъ Варнавину:—Дай тебѣ Богъ никогда не узнать на себѣ, какъ тяжело шесть лѣтъ не слыхать ни слова русскаго и не знать рѣшительно ничего,

не находить даже въ газетахъ ни строчки о томъ, что̀ дѣлается тутъ дома!

Но вѣсти, какія онъ слышалъ, были не радостныя. Тотъ умеръ или живетъ за тысячи верстъ и свѣдѣнія о немъ ничтожны, а тотъ покинулъ старое знамя и продалъ свои убѣжденія. Съ другими Варнавинъ давно разошелся, и все что̀ онъ говорилъ о нихъ полно было горечи. Причины ссоры звучали въ ушахъ Степана какъ-то загадочно, но пытаясь ихъ объяснить, Петръ Осиповичъ, слово за словомъ, вынужденъ былъ разсказать пріятелю всю исторію своего изданія, начиная отъ первой идеи употребить оставленныя имъ деньги на дѣло достойное его памяти. Далѣе слѣдовали препятствія, съ которыми довелось бороться, чтобы получить разрѣшеніе,—переговоры съ Клеванскимъ и созданныя его порукой нравственныя стѣсненія. Потомъ вербовка сотрудниковъ и глухая борьба съ разноголосицей въ редакціи;—нападки со стороны недобросовѣстныхъ конкуррентовъ и грозная коалиція, съ которою онъ воевалъ одинъ, безъ союзниковъ,—покуда, назадъ тому съ годъ, ему удалось наконецъ одержать рѣшительную побѣду. Разсказъ этотъ занялъ весь день и произвелъ на Степана глубокое впечатлѣніе. Онъ слушалъ съ жадностью эпопею стараго своего учителя, часто перебивая его разспросами, на которые не легко было отвѣчать человѣку, шесть лѣтъ не видавшему русскихъ журналовъ и незнакомому ни съ единою строкой о томъ, что̀ въ его отсутствіе было предметомъ ожесточенной полемики.

— А вотъ погоди, самонадѣянно говорилъ побѣдитель:—выслушай прежде исторію эту въ связи; а тамъ, если она не на шутку тебя интересуетъ, я покажу тебѣ въ подлинникѣ мои оправдательные документы. Тогда мы будемъ по крайности знать о чемъ говоримъ.

И окончивъ разсказъ, онъ вручилъ ему толстую пачку оттисковъ, въ которой отмѣчены были самыя боевыя его статьи, начиная отъ первой книжки журнала, вплоть до послѣдняго нумера.

Эта была ошибка, но для людей, знакомыхъ, какъ мы, съ высокимъ мнѣніемъ о себѣ такихъ Наполеоновъ и Бисмарковъ, какъ Варнавинъ, она не нуждается въ оправданіи. Всѣ эти господа увѣрены, что ихъ писанныя сплеча импровизаціи составляютъ безсмертный вкладъ въ сокровищницу русской литературы и перейдутъ къ потомству, которое будетъ читать ихъ съ благоговѣніемъ. Другое дѣло Степанъ. Онъ погрузился по уши въ чтеніе предложеннаго

ему печатнаго матеріала, ни на минуту не сомнѣваясь, что онъ найдетъ въ немъ достойное продолженіе недочитаннаго семь лѣтъ назадъ политическаго романа: но, къ крайнему огорченію, продолженіе это не воротило ему ни искры юношескаго очарованія, которое онъ надѣялся воскресить. Сцена была пожалуй та же, только она какъ-то мизерно сузилась, и роскошныя краски ея, грандіозныя декораціи, историческіе костюмы актеровъ — поблекли, а вмѣсто залитой солнцемъ и уходящей въ необозримую даль перспективы, видъ застилало что-то неясное, сѣренькое, словно туманъ поднялся изъ болота и сталъ непроницаемою стѣной на пути.

Сердце въ груди Степана упало, но онъ старался увѣрить себя, что онъ не понялъ или не досмотрѣлъ чего-нибудь, можетъ-быть даже отвыкъ понимать журнальный языкъ, въ которомъ самое интересное читается между строкъ. Загадка однакоже разрѣшалась просто. Варнавинъ, какъ человѣкъ съ незабитою головой, давно отрезвился, и иллюзіи, нѣкогда рисовавшія ему въ недалекомъ будущемъ побѣду надъ вся супротивная, были имъ брошены, какъ ребяческая игрушка. Въ тайнѣ души онъ видѣлъ ту же сѣренькую, убогую обстановку, какую угадывалъ подъ его недомолвками и Степанъ, но какъ разсчетливый человѣкъ, не желая терять престижъ, старательно пряталъ свое отступленіе подъ условными оборотами рѣчи, тѣми же оборотами, какіе въ эпоху широкихъ надеждъ служили совсѣмъ на другую потребу. Отсюда и тотъ туманъ на горизонтѣ знакомой сцены, который навелъ такое уныніе на Степана. Онъ обманывалъ глазъ, пародируя что-то необозримое. Слова были тѣ же, но смыслъ ихъ, когда-то ясный, впсѣлъ непроницаемою завѣсой, за которою читатель въ правѣ былъ воображать что̀ угодно.

* * *

Пробившись съ отмѣченными ему статьями все утро и едва одолѣвъ двѣ первыя, Степанъ почувствовалъ въ головѣ такой сумбуръ, что у него не хватило терпѣнія продолжать и послѣ обѣда онъ мягко сознался въ этомъ Варнавину, сидя съ нимъ на балконѣ, поодаль отъ дамъ, которыя за особымъ столомъ разливали кофе.

— Какъ ни стыдно, сказалъ онъ: — а долженъ сознаться, что я немногое понялъ въ твоихъ статьяхъ. Распря идетъ очевидно

горячая, но я не могу взять въ толкъ изъ-за чего, и приписываю это отвычкѣ.

— Что жь дѣлать, мой другъ? отвѣчалъ Варнавинъ, уколотый.—Съ той поры, какъ ты насъ покинулъ, жизнь повернула круто назадъ, и политическая печать, потерявшая изъ-подъ ногъ реальную почву, занята болѣе толкованіемъ сновъ, чѣмъ дѣломъ... Привычки у нашего брата, русскаго публициста, неповоротливы и нерѣдко десятками лѣтъ переживаютъ свой смыслъ. Иной давно сидитъ на мели, а продолжаетъ пыхтѣть и работать лопастями, какъ пароходъ на полномъ ходу. Я имъ давно это говорю, но меня не хотятъ понять и ругаются... Отсюда и распря. Къ несчастію, дѣло усложнено еще тѣмъ, что молодежь до сихъ поръ не протрезвилась; а молодежь приходится менажировать.

— Не надо обезкураживать молодежь! замѣтила сентенціозно Наташа.

— Отсюда и темнота, продолжалъ Варнавинъ, ловко утилизируя эту диверсію.—Дурно обезкураживать молодежь, потому что изъ этой школы выходятъ нравственные скопцы, но и подсказывать ей надежды, которыя самъ считаешь несбыточными, тоже нехорошо. Птенцы, готовые разбивать себѣ голову объ стѣну, у насъ въ Россіи не переводятся, но найди между ними хоть одного, который зналъ бы чему онъ приноситъ жертвы. Трудно имъ это знать, когда и мы, учителя ихъ, большею частью сами не знаемъ, чего хотимъ!

— Можетъ и знаемъ, да по независящимъ отъ редакціи обстоятельствамъ молчимъ, сказала съ лукавою усмѣшкой Варя.

— Браво! воскликнулъ Степанъ.—Вотъ кто знаетъ!.. Вотъ у кого спроси!

Варнавинъ глянулъ въ ея сторону и слегка покраснѣлъ.

— Говорите, Варюша; мы слушаемъ.

— Нѣтъ, отвѣчала Варя.—Очередь не за мной, потому что меня до сихъ поръ никто объ этомъ не спрашивалъ. А вотъ васъ, извѣстнаго публициста, часто спрашиваютъ, да вы ни разу еще не удостоили отвѣчать.

— Скромность! замѣтилъ Степанъ.

— Ну, возразилъ Петръ Осиповичъ, кивая украдкой на Варю:— мы, вообще говоря, не блистаемъ этою добродѣтелью.

Всѣ разсмѣялись, и это окончило затруднительный разговоръ.

XII.

Въ часы, когда Варнавинъ сидѣлъ за работой, Наташѣ не разъ удавалось поговорить глазъ на глазъ съ бывшимъ своимъ женихомъ и нельзя сказать, чтобы бесѣды ихъ были холодны или неискренны. Слезы не разъ навертывались у ней на глазахъ, когда они вспоминали прошлое или, вглядываясь, прислушиваясь, узнавали знакомыя интонаціи голоса, знакомые обороты рѣчи, отыскивали въ чертахъ лица, въ усмѣшкѣ что-то, чего никакая кисть и никакое перо не въ состояніи передать, и что̀ однакоже воскресало въ памяти вдругъ, какъ забытый ладъ старой пѣсни. Но чувство это принадлежало минувшему, а если порою робкій вопросъ затрогивалъ настоящее, отвѣты звучали загадочно, нерѣшительно,—живой разговоръ спотыкался и умолкалъ. Когда онъ спросилъ ее: „счастлива ли она?“ Варнавина, опустивъ глаза, отвѣчала:—„Да, по возможности... Жизнь погубила самыя дорогія мои надежды, а послѣ такихъ потерь на сердцѣ всегда остается горькое чувство пахаря, видѣвшаго свои молодые всходы, заѣденные морозомъ... Но...“ и она споткнулась, не находя готоваго выраженія:—„относительно говоря, я не могу пожаловаться... Петръ Осиповичъ любитъ меня горячо“... И снова она споткнулась.

— А вы?..

— Не спрашивайте... Вы не поймете меня, или поймете на изворотъ, и между нами останется ложь.

Скиталецъ съ горькою усмѣшкой глядѣлъ ей въ глаза, догадываясь, что между ними стѣной стоятъ семь лѣтъ разлуки.—„Чтобы добиться правды, надо знакомиться заново“, думалъ онъ:—„но сто́итъ ли это труда?... Что̀ я за археологъ, чтобы тревожить могилу отжившей любви. Счастлива, говоритъ, по возможности?.. Что̀ жь, развѣ многіе могутъ сказать по совѣсти болѣе этого? Всѣ мы живемъ въ предѣлахъ возможнаго и не грѣхъ ли отнять у нея этотъ скромный удѣлъ, не зная, найдетъ ли она со мною что-нибудь лучшее?“

* * *

— Ну, что? нетерпѣливо спрашивала Варюша, когда послѣ ужина, въ сумерки, онѣ убѣгали въ садъ; но слыша все тотъ же отвѣтъ, что дѣло не двигается, съ досадою поводила плечами.

— Вы оба мямли! сказала она однажды, теряя терпѣніе.—Чего ты ждешь? Отчего не скажешь ему, что ты свободна?.. Вотъ ужь по истинѣ въ полѣ промежду трехъ березъ заблудились!

Скоро потомъ однакоже у Варнавиной было что разсказать, но извѣстія, которыя она сообщила сестрѣ, оказались такъ далеки ото всего, о чемъ эти заговорщицы совѣщались между собой, что онѣ, на первыхъ порахъ, не знали что имъ и дѣлать со своею находкой.

Сестры, по англійской поговоркѣ, „поймали Татарина“.

Пяти минутъ не прошло, какъ имъ показалось тѣсно въ саду. Онѣ убѣжали чрезъ калитку въ лѣсъ и вернулись оттуда почью, усталыя, съ волосами и платьями мокрыми отъ росы.

Открытія начались съ того, что вечеромъ въ этотъ день, оставшись наединѣ со Степаномъ, Наташа заговорила съ нимъ о послѣднихъ дняхъ, которые онъ провелъ въ тюрьмѣ, и о важномъ значеніи, которое—если она не ошибается—къ этому времени пріобрѣла для него миссъ Мери Питерсъ.

— Признайтесь, сказала она,—между вами и этою дѣвушкой были вещи, которыя вы, въ вашемъ длинномъ письмѣ, обошли молчаніемъ?

— Были, отвѣчалъ прямо Степанъ. — Но если уже вы такъ проницательны, то вы также легко угадаете и причины, которыя не позволили мнѣ сказать всего. Ихъ было много... Такъ, между прочимъ, я опасался, что вамъ неловко будетъ прочесть изъ моего письма кое-что на выборъ, а подлинникъ спрятать. Это могло заставить думать, что я пишу вамъ что-нибудь очень важное, что вы вынуждены скрывать.

Наташа хвалила его за предусмотрительность, но выразила надежду, что разъ они кончили съ письмами и между ними нѣтъ болѣе лишнихъ ушей, онъ не оставитъ ее въ потемкахъ насчетъ вещей, судя по всему имѣвшихъ въ жизни его глубокій смыслъ... И не давая ему задуматься, она повела атаку прямо противъ того, что казалось ей самою слабою стороной его позиціи.

— Напримѣръ, сказала она,—меня весьма интересуетъ вопросъ, какая услуга со стороны миссъ Питерсъ сдѣлала васъ на всю жизнь неоплатнымъ ея должникомъ?

Съ минуту онъ колебался, мѣняясь въ лицѣ подъ давленіемъ

самыхъ несогласимыхъ чувствъ. Казалось какъ будто ему неловко и стыдно сознаться въ чемъ-то, что̀ неотступно требуетъ для себя исхода. Но это не долго длилось, и не успѣла Наташа спросить его, что̀ съ нимъ? какъ предъ нею снова сидѣлъ Степанъ, какимъ она знала его всегда:—прямой и рѣшительный, неспособный вилять въ дѣлѣ совѣсти человѣкъ.

— Боюсь, что правдивый отвѣтъ уронитъ меня въ вашемъ добромъ мнѣніи, сказалъ онъ,—но другаго все же дать не могу... Да, миссъ Питерсъ сдѣлала для меня очень много. Она возвратила мнѣ вѣру, которую я потерялъ.

Варнавина вздрогнула и въ широко открытыхъ глазахъ ея появилось смущеніе свѣтской женщины, неожиданно услыхавшей что-нибудь неприличное. За пять лѣтъ своей издательской дѣятельности ей не случалось ни разу упомянуть о Богѣ, и всякіе разговоры о немъ, въ журнальномъ кругу, гдѣ она задавала тонъ, были изгнаны, какъ очевидно несоотвѣтствующіе высокой степени умственнаго развитія людей, изъ которыхъ составлено было ея общество. Единственнымъ исключеніемъ было присутствіе ея въ церкви, на свадьбахъ, похоронахъ, панихидахъ и проч. Въ ея понятіяхъ это была обязательная уступка древнимъ, отжившимъ формамъ общественной жизни, къ которымъ слѣдуетъ снисходить, потому что ихъ уважаетъ простой народъ, но далѣе этого всякій шагъ казался ей шагомъ назадъ, чтобы не сказать измѣной знамени... И вдругъ ея лучшій другъ, заплатившій когда-то такъ дорого за свои просвѣщенныя убѣжденія, пріятель Г—на, цѣлый годъ состоявшій съ нимъ въ дружеской перепискѣ, боецъ за великое дѣло освобожденія чернокожаго племени, свалился ей на голову съ такимъ признаніемъ!...

Съ минуту что-то похожее на улыбку жалости къ человѣку, въ которомъ, послѣ удара, мы замѣчаемъ упадокъ нравственныхъ силъ, порхало у ней на губахъ; но на мужественномъ лицѣ Степана и въ твердомъ взглядѣ, которымъ онъ на нее смотрѣлъ, незамѣтно было и тѣни чего-нибудь похожаго на ея смущеніе.

— Не одобряете? спросилъ онъ.

— Не понимаю, поправила она какъ-то нехотя.—Объясните мнѣ какимъ образомъ для человѣка съ вашимъ высокимъ развитіемъ, авторитетъ какой-нибудь Мери Питерсъ могъ пріобрѣсти такой вѣсъ? Вѣдь вы же сами о ней отзывались, какъ о совсѣмъ не развитой и умственно-ограниченной дѣвушкѣ, воспитанной въ самыхъ темныхъ понятіяхъ, въ добавокъ—сторонницѣ гряз-

ныхъ рабовладѣльческихъ интересовъ. Неужели же вы не нашли кого-нибудь болѣе достойнаго васъ, чтобы служить вамъ путеводителемъ въ вашемъ возвратѣ назадъ, къ давно упраздненнымъ символамъ?

— Наталья Ѳедоровна, сказалъ Степанъ,—вы забываете, что въ моихъ обстоятельствахъ выборъ былъ не великъ; но это сюда нейдетъ, потому что не я ее выбиралъ. Дѣло, изволите видѣть, въ томъ, что у Мери Питерсъ, при всѣхъ недостаткахъ ея образованія, были безцѣнныя качества: это—ея невысокое мнѣніе о себѣ и дѣтское простодушіе. Высоко развитая русская дѣвушка можетъ-быть постыдилась бы заговорить со мною о Богѣ; но Мери Питерсъ была безъ предразсудковъ на этотъ счетъ; она не сочла такого скромнаго дѣла ниже себя и сумѣла вложить въ него ту сердечную теплоту, безъ которой оно никогда бы не удалось.

Варнавиной все это крѣпко не нравилось, но она протестовала прежде всего противъ того, что онъ говорилъ о простодушіи, напомнивъ собственныя его слова въ письмѣ, судя по которымъ семейство Питерсъ усердно занято было ловлей жениховъ.

Степанъ удивлялся.

— Развѣ я называлъ это ловлей? спросилъ онъ.

— Нѣтъ, не именно, но это не трудно было понять изъ вашихъ словъ.

— Ну, въ такомъ случаѣ я ихъ беру назадъ, ибо они глубоко несправедливы по отношенію къ Мери. Конечно, она надѣялась выйти замужъ. Кто жь не надѣется? Но она была честная дѣвушка, и я твердо вѣрю, что еслибъ это зависѣло отъ нея, я былъ бы давно свободенъ... Съ другой стороны, мнѣ кажется вы не даете себѣ достаточнаго отчета въ ужасѣ моего положенія. Вѣрно вамъ говорю, что еслибы не Мери, меня бы давно нашли въ моей одинокой кельѣ съ петлей на шеѣ.

— Я понимаю, она вошла какъ ангелъ въ вашу тюрьму и помирила васъ съ жизнью?..

Степанъ потупилъ голову и молчалъ...

— Не бойтесь, я не намѣрена дѣлать нескромныхъ вопросовъ. Меня удивляетъ только, что послѣ всего, чѣмъ вы ей обязаны, вы были рады, когда судьба наконецъ избавила васъ отъ нея.

— Наталья Ѳедоровна! отвѣчалъ онъ обиженный,—не объясняйте такъ дурно моихъ побужденій! Я радъ былъ разстаться прежде всего съ чужбиной и съ нравственными цѣпями, которыя

меня къ ней приковывали; а эти послѣднія были такого рода, что еслибы меня не увезли насильно, я можетъ-быть не нашелъ бы въ себѣ рѣшимости ихъ разорвать.

* * *

Разсказывая сестрѣ о своемъ разочарованіи въ человѣкѣ, который когда-то былъ для нея воплощеніемъ лучшихъ ея идеаловъ, Наташа плакала отъ обиды.—Когда подумаешь на кого онъ меня промѣнялъ, говорила она,—становится стыдно за старую свою вѣру въ людей!

— Но изъ чего же ты заключаешь, что онъ тебя промѣнялъ на миссъ Питерсъ? съ усмѣшкой спрашивала Варюша.—Вѣдь онъ же тебѣ говоритъ, что никогда ея не любилъ?

— Ахъ, мало ли что они говорятъ!.. Могла ли бы эта грубая женщина заставить его измѣнить своимъ убѣжденіямъ, еслибъ онъ раньше не измѣнилъ своей старой привязанности?

— Странная логика! удивлялась Варя.—Неужели же нельзя увѣровать въ Бога, не полюбивъ сперва какой-нибудь прозелитки?.. Это невольно наводитъ на мысль, что ты не можешь простить ему прежде всего его новой вѣры .. Такъ что-ли?

— Нѣтъ, отвѣчала Наташа порывисто и безсвязно.—совсѣмъ не такъ. Тутъ нѣтъ никакой религіозной и политической нетерпимости, а есть только личные мои счеты съ нимъ... Мнѣ ясно теперь какъ день, что онъ измѣнилъ мнѣ во всѣхъ отношеніяхъ, и что союзъ нашъ порванъ. Это одно и интересуетъ меня; а дальше мнѣ все равно. Пусть любитъ кого угодно и вѣритъ въ кого угодно,--хоть въ Магомета... Онъ для меня чужой!..

И бѣдняжка заплакала.

Варѣ было ужасно жалко сестру; но это ей не мѣшало почувствовать себя вдругъ такъ легко, какъ еслибы пять пудовъ у нея свалилось съ плечъ. И ей стало весело, захотѣлось уйти отъ своего тирана, чтобы насладиться давно неиспытанною свободой помысловъ и желаній... Кончена эта канитель съ Наташей, тянувшаяся какъ сказка, которой никто не знаетъ конца и которую каждый разъ приходится начинать сначала! Теперь она можетъ заняться своимъ героемъ, не безпокоясь какъ взглянетъ на это сестра и не тая отъ нея, какъ преступленіе, что онъ лично ей дорогъ и милъ. Только теперь, когда она поняла, что услуги ея были совсѣмъ не нужны Наташѣ, она чуть не плакала отъ досады, припоминая какъ ласковъ и какъ внимателенъ къ ней

былъ Степанъ Никитичъ всѣ эти дни, и какъ холодна должна была она показаться ему въ напрасно принятой на себя роли повѣренной старшей сестры.

Урокъ однакоже не пропалъ напрасно. Варя теперь воочію убѣдилась, какъ мудрено передѣлывать свою жизнь. Старый укладъ ея, по природѣ вещей, глубоко - консервативенъ и безъ особенно счастливыхъ обстоятельствъ всегда оказывается врагомъ другаго, еще не существующаго, которымъ хотятъ его замѣнить. Отсюда тысячи опасеній, ибо нужна большая отвага, или неодолимая страсть, чтобы сломать надъ своею головой домъ, въ которомъ, при всѣхъ его неудобствахъ, мы провели безбѣдно цѣлый періодъ жизни,—сломать, не зная сбыточенъ ли нашъ планъ и годенъ ли матеріалъ, какой мы имѣемъ въ рукахъ для постройки новаго.

Взросшая со старою героическою легендой въ душѣ, Варвара Ѳедоровна до послѣдняго дня глубоко негодовала на то, что̀ казалось ей малодушіемъ въ старшей сестрѣ: но теперь и у ней родились сомнѣнія. „Наташа, думала она,—послѣ пяти лѣтъ замужества и послѣ сухой издательской школы подъ руководствомъ такого учителя, какъ Варнавинъ, конечно, уже не та подвижная и предпріимчивая особа, какою была до разлуки съ первымъ своимъ женихомъ; да и въ жизни послѣдняго были вещи, которыя, какъ свидѣтельствуетъ недавняя ихъ размолвка, оставили въ немъ глубокій слѣдъ. Кто же ручается, что романъ ихъ, нѣкогда обѣщавшій такъ много, возобновленный послѣ такого долгаго перерыва, не приведетъ ихъ теперь, фатальнымъ образомъ, къ какой-нибудь жалкой развязкѣ?“

* * *

Вернувшись домой послѣ своей ночной прогулки, Варя раздѣлась и, возбужденная, растревоженная, легла съ рѣшимостью не вдумываться въ волнующіе ее вопросы, а дать своимъ мыслямъ свободный ходъ, чтобы какъ можно скорѣе уснуть. „Это не трудно, твердила она себѣ: – для этого нужно только, чтобы мысли спутались“... Варя, не знавшая до сихъ поръ безсонныхъ ночей, была твердо убѣждена, что это всегда происходитъ такъ и часто даже старалась поймать свои думы въ тотъ интересный моментъ, когда онѣ начинаютъ путаться;—но это требовало усилія надъ собой, а усиліе, когда хочется спать, несносно... Вотъ,

напримѣръ, теперь, улегшись, она еще сознаетъ о чемъ она думаетъ. Ничего особеннаго, кромѣ того, что ей очень хочется вывѣдать у Степана Никитича, какъ миссъ Питерсъ взялась, чтобы заставить его увѣровать въ Бога, и точно ли онъ совсѣмъ не вѣрилъ въ него, или такъ только не зналъ, что̀ онъ долженъ объ этомъ думать?.. Вотъ и она, недавно еще, когда ей было шестнадцать лѣтъ, не имѣла на этотъ счетъ никакихъ сомнѣній, и каждый день, на сонъ грядущій, молилась во всей простотѣ души, испрашивая у Бога себѣ и милымъ людямъ всего, что̀ на свѣтѣ есть лучшаго. Молилась и за Степана Никитича. Но потомъ у ней явились наставники, люди гораздо болѣе ея свѣдущіе и развитые, которые стали твердить ей, что въ мірѣ все совершается по строжайше опредѣленнымъ, безъ изъятія одинаково дѣйствующимъ законамъ и что чѣмъ ближе наука знакомится съ этимъ разумнымъ порядкомъ вещей, тѣмъ труднѣе становится допустить, чтобы внѣ его и независимо отъ него существовала воля, распоряжающаяся по личному усмотрѣнію. Тогда у нея родились сомнѣнія, которыя въ очень короткій срокъ дошли до того, что она начала смотрѣть на старую вѣру свою, какъ на прекрасную поэтическую мечту. Конечно, со Степаномъ Никитичемъ было то же: она слыхала сто разъ, что это обыкновенный путь, но именно потому, что онъ такъ избитъ, онъ мало интересуетъ Варю. Гораздо больше интересуетъ ее вопросъ: какимъ образомъ, разъ отвѣдавъ древа познанія, онъ потомъ убоялся его плодовъ и вернулся назадъ? Что-нибудь да случилось съ нимъ, что̀ заставило его пересмотрѣть давно рѣшенный вопросъ и сдѣлать такой необычайно смѣлый, почти отчаянный шагъ... Отчаянный потому, что многіе честные и хорошіе люди смотрятъ на этого рода возвратъ къ покинутой вѣрѣ, какъ на измѣну знамени и приписываютъ его глубокому нравственному паденію... Примѣръ налицо... Наташа, которая такъ любила и уважала Степана Никитича, говоритъ, что послѣ этого онъ для нея чужой!.. А что̀ скажетъ еще Петръ Осиповичъ?.. Но какое ей дѣло, что̀ скажетъ этотъ властолюбивый, сухой человѣкъ, такъ деспотически овладѣвшій волей и убѣжденіями Наташи? Что̀ бы онъ ни сказалъ и хотя бы сто разъ былъ правъ, ее восхищаетъ смѣлость, съ какою ея герой, не ожидая ничьихъ одобреній, пошелъ куда его совѣсть повелѣвала ему идти, и когда спросили: правда ли, что онъ воротится „къ старымъ символамъ?“ отвѣчалъ не колеблясь:—„Да“.

На этомъ мѣстѣ однако усталость осилила любопытство, и мысли Варвары Ѳедоровны стали путаться... Къ нимъ начали прилетаться образы... лица... Смутно ей чудится, что она идетъ съ Почаевымъ гдѣ-то въ густомъ, высокомъ лѣсу и что, занятые горячими объясненіями, они потеряли дорогу... Сумерки... На нее нападаетъ страхъ, что они не успѣютъ вернуться вовремя; но товарищъ ея указываетъ на небо, гдѣ высоко, въ промежуткѣ вѣтвей, видна одинокая звѣздочка.

— Не бойтесь, говоритъ онъ:—это моя знакомая, и она насъ выведетъ, какъ выводила меня не разъ въ пустыняхъ Америки... Дайте мнѣ руку,—сюда; вотъ, видите, въ чащѣ, между кустами, свѣтъ?.. Это *Она* освѣщаетъ намъ путь.

Варя вглядывается и съ удивленіемъ видитъ, что въ самомъ дѣлѣ кто-то идетъ впереди... Вонъ, человѣческая фигура вырисовалась въ потемкахъ, близко, такъ близко, что можно уже разглядѣть ея очертанія... Это женщина, статная, молодая,—бѣлыя, развѣвающіяся одежды распространяютъ вокругъ себя слабый, холодный свѣтъ... Тогда Варюшѣ становится ясно, что подъ своею путеводною звѣздой онъ разумѣлъ не небесное тѣло, а Мерп Патерсъ.

— Пожалуста, попросите ее остановиться, шепчетъ она Степану:—мнѣ хочется на нее взглянуть.

— Сейчасъ!

Онъ догоняетъ фигуру въ бѣломъ; та оборачивается; но вмѣсто живаго лица, у нея какая-то строгая и холодная маска!

Варя вздрогнула, какъ вздрагиваютъ только во снѣ, вся, съ головы до ногъ, и проснулась.

Въ окно глядѣла заря.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

Н. Ахшарумовъ.

НАШИ ИЛЛЮСТРАТОРЫ.

(Продолженіе.)

VIII.

Чѣмъ тоньше содержаніе извѣстнаго лирическаго стихотворенія, чѣмъ короче это стихотвореніе и чѣмъ мягче въ своихъ очертаніяхъ пробѣгающая въ немъ волна чувства, тѣмъ труднѣе поддается оно иллюстраціи. Болѣе чѣмъ гдѣ-либо долженъ иллюстраторъ выступить здѣсь истолкователемъ поэта, выразить въ образахъ, какъ понимаетъ онъ то, что̀ хотѣлъ сказать поэтъ. Таково стихотвореніе Лермонтова *Сосна:*

На сѣверѣ дикомъ стоитъ одиноко
На голой вершинѣ сосна,
И дремлетъ, качаясь, и снѣгомъ сыпучимъ
Одѣта, какъ ризой, она.

И снится ей все, что въ пустынѣ далекой,
Въ томъ краѣ, гдѣ солнца восходъ,
Одна и грустна на утесѣ горючемъ
Прекрасная пальма растетъ.

Основная черта этого стихотворенія Гейне, переведеннаго Лермонтовымъ, есть такъ-называемая *Sehnsucht*, мучительная, но сладкая тоска по какому-то отдаленному идеалу, чарующія очертанія котораго то выступаютъ въ знойной яркости, то снова стушевываются въ волнистыхъ переливахъ радужныхъ, свѣтлыхъ

красокъ. Сосна, которой постоянно снится пальма, есть въ данномъ случаѣ выразительница безсознательнаго, но постояннаго стремленія сѣвернаго человѣка къ прекрасному югу, стремленія, проходящаго красною нитью по исторіи народовъ, точно такъ же, какъ постоянно сказывается оно у отдѣльныхъ людей. Отсюда ясно, что образы сосны и пальмы, рисуемые поэтомъ, не только не обязательны для иллюстратора, но, напротивъ, выраженные имъ графически, только ослабятъ и замутнятъ впечатлѣніе отъ стихотворенія, ибо внесутъ непріятную и грубую матеріализацію въ область совершенно психическую. Нужна безконечная тонкость художественнаго чувства, чтобы создать графическій антитезъ *одинокой* сосны и такой же одинокой, но къ тому же еще *прекрасной* и *грустной* пальмы. Нуженъ необыкновенно деликатный художественный вкусъ, чтобы красиво расположить такую иллюстрацію вокругъ иллюстрируемаго стихотворенія, придумать соотвѣтственную форму расположенія рисунка. Нужно, однимъ словомъ, чтобы художникъ стоялъ въ своемъ творчествѣ на высотѣ творчества поэта, вполнѣ слился бы съ нимъ. Это необыкновенно трудная задача. Само собою разумѣется, что заслуга иллюстратора становится тѣмъ большею, чѣмъ удачнѣе преодолѣлъ онъ представлявшіяся ему трудности.

Г. Шишкинъ, иллюстрировавшій стихотвореніе *Сосна*, принадлежитъ къ лучшимъ мастерамъ нашего современнаго русскаго пейзажа. Отъ его изображеній русскаго лѣса, преимущественно хвойнаго, вѣетъ поразительною правдивостью и свѣжестію. Многія изъ этихъ изображеній производятъ прямо поэтическое впечатлѣніе: до такой степени захватывается въ нихъ художникомъ красота и правда, а вмѣстѣ съ тѣмъ и поэзія лѣса. Несмотря на всѣ эти условія, г. Шишкину не удалась иллюстрація къ *Соснѣ* Лермонтова.

Отчего произошло это?

Оттого, что художникъ, привыкшій изображать нашъ лѣсъ какой онъ есть на самомъ дѣлѣ, художникъ—реалистъ въ лучшемъ и почетнѣйшемъ значеніи этого слова, оттого, что такой художникъ изобразилъ предъ нами то, чего онъ не видалъ самъ, что̀ не было прочувствовано имъ. Онъ изобразилъ сосну всю облѣпленную снѣгомъ, точно ватой, и помѣщенную на самомъ краю какого-то высочайшаго горнаго обрыва, также покрытаго снѣгомъ. Внизу море. Ночь. Сквозь облака пробивается луна и озаряетъ своимъ свѣтомъ сосну и скалу, на которой она растетъ.

Получается двойная художественная ошибка.

Съ одной стороны—грубая реализація символическаго образа, созданнаго поэтомъ. Все очарованіе Лермонтовскаго стихотворенія исчезаетъ, ибо никто, увидавъ предъ собою на большомъ рисункѣ, занимающемъ цѣлый отдѣльный листъ, эту занесенную снѣгомъ сосну, не повѣритъ, чтобъ она могла грезить, чтобъ ей постоянно снился сонъ о прекрасной и грустной пальмѣ. Вмѣсто того, чтобы помочь настроенію, поддержать и, если возможно, усилить его, художникъ точно обухомъ по головѣ бьетъ насъ этимъ прозаическимъ деревомъ. Съ другой стороны насъ непріятно раздражаетъ прямо бросающійся въ глаза преднамѣренный разсчетъ на поэтическое впечатлѣніе посредствомъ искусственной компоновки. Тутъ есть все: ночь, луна, море. Всѣ элементы природы. Но они искусственно скомбинированы и поэтому производятъ впечатлѣніе рѣзкой декораціи, чего-то театральнаго, условнаго, крикливаго. Необыкновенно интересно сравнить съ этимъ рисункомъ другой рисунокъ, также принадлежащій г. Шишкину и помѣщенный въ недавно вышедшемъ *третьемъ* изданіи превосходнаго труда профессора Д. Кайгородова: *Бесѣды о русскомъ лѣсѣ* (С.-Петербургъ, изд. А. С. Суворина, 1892 г.). Г. Шишкинъ даетъ здѣсь сдѣланный карандашомъ этюдъ съ натуры *Можжевельника древовиднаго*. Аналогія поразительна. Въ обоихъ рисункахъ мы видимъ дерево стоящее почти на самомъ обрывѣ скалы, видимъ море. Но какая удивительная правда въ этомъ этюдѣ, сдѣланномъ съ натуры на южномъ берегу Крыма (*Никитскій мысъ*), а вмѣстѣ съ нею, сколько спокойной, настоящей красоты, непосредственно зачерпнутой изъ природы. Мы не имѣемъ права утверждать, что иллюстрація г. Шишкина къ стихотворенію *Сосна* есть простая кабинетная передѣлка ранѣе сдѣланнаго этюда, простое приспособленіе готоваго рисунка *Можжевельника древовиднаго* къ стихотворенію Лермонтова посредствомъ замѣны дня—ночью, введенія въ картину луннаго свѣта и снѣга. Мы только указываемъ на поразительную аналогію этихъ двухъ рисунковъ и на поразительное различіе производимаго ими впечатлѣнія. Отчего происходитъ это различіе? Оттого, что этюдъ *Можжевельника древовиднаго* правдивъ, между тѣмъ какъ картина, изображающая сосну, которой снится пальма, картина эта неправдива, неискренна, грузнонадуманна въ своей трескучей крикливости. Получается двойная фальшь: по отношенію къ поэту и по отношенію къ искусству.

IX.

Аполлинарій Михайловичъ Васнецовъ, братъ извѣстнаго Виктора Михайловича, неразлучно связавшаго свое имя съ Кіевскимъ соборомъ Св. Владиміра, даетъ цѣлый рядъ иллюстрацій къ лирическимъ стихотвореніямъ Лермонтова. Спеціальность г. А. Васнецова составляетъ пейзажъ. Соотвѣтственно этому мы видимъ на всѣхъ его иллюстраціяхъ изображенія природы. Такъ какъ намъ придется только спорить противъ художника, то мы прежде всего отмѣтимъ вполнѣ удавшійся ему рисунокъ къ стихотворенію *Горныя вершины*. Здѣсь прекрасно переданъ прозрачный сумракъ ночи, закутывающій горы. Ото всей картины вѣетъ дѣйствительнымъ спокойствіемъ, разлитымъ въ природѣ. Весьма удачно введеніе человѣческой фигуры, задумчиво сидящей на первомъ планѣ. Присутствіе ея прекрасно оттѣняетъ контрастъ между спокойствіемъ ночи и волненіемъ человѣка. Обратимся теперь къ иллюстраціямъ прямо вызывающимъ на споръ.

Есть ли возможность иллюстрировать стихотвореніе: *Дубовый листокъ оторвался отъ вѣтки родимой?* Какой моментъ можетъ здѣсь быть изображенъ на рисункѣ?

Дубовый листокъ оторвался отъ вѣтки родимой
И въ степь укатился, жестокою бурей гонимый;
Засохъ и завялъ онъ отъ холода, зноя и горя,
И вотъ, наконецъ, докатился до Чернаго Моря.

У Чернаго Моря чинара стоитъ молодая,
Съ ней шепчется вѣтеръ, зеленыя вѣтви лаская,
На вѣтвяхъ зеленыхъ качаются райскія птицы,
Поютъ онѣ пѣсни про славу морской царь-дѣвицы.

И странникъ прижался у корня чинары высокой;
Пріюта на время онъ молитъ съ тоскою глубокой
. . . . . .
На что мнѣ тебя! отвѣчаетъ младая чинара;
Ты пыленъ и желтъ, и сынамъ моимъ свѣжимъ не пара
. . . . . .
Иди себѣ дальше, о странникъ! тебя я не знаю.
Я солнцемъ любима, цвѣту для него и блистаю...

Дубовый листокъ оторвался, укатился, засохъ и завялъ, гонимый бурей по степи, докатился до чинары, растущей на берегу моря, прижался у ея корня, просилъ временнаго пріюта и получилъ отвѣтъ: иди далѣе. Все это моменты не подлежащіе воспроизведенію ихъ посредствомъ рисунковъ уже въ силу того, что изображать пришлось бы такой маленькій предметъ, каковъ засохшій дубовый листокъ. Художникъ съ громадною фантазіей могъ бы прибѣгнуть къ аллегоріи, изобразить молодую чинару въ видѣ сказочной царицы, а дубовый листокъ—въ видѣ пришельца и странника. Аллегорія эта совсѣмъ не исключена изъ круга представленій, вызываемыхъ стихотвореніемъ Лермонтова. Дубовый листокъ и молодая чинара, очевидно, представляютъ здѣсь лишь символы для изображенія людской судьбы и людскихъ отношеній. Но, повторяемъ, для аллегорической иллюстраціи этого стихотворенія необходимъ художникъ съ необыкновенно сильною фантазіей. Что же дѣлаетъ г. А. Васнецовъ?

Онъ изображаетъ какое-то густолиственное дерево, курчавое, приземистое, широкое, нескладное. По всей вѣроятности это и есть „молодая чинара“, ибо во всемъ стихотвореніи Лермонтова упоминается лишь одно дерево. За этою чинарой виднѣется на горизонтѣ темная полоса. Она похожа на все и, въ то же время, ни на что не похожа. Остается догадываться, что это—Черное Море. Вотъ и вся „иллюстрація“. Ужели думаетъ художникъ, что онъ прибавилъ для насъ что-нибудь въ уясненіе стихотворенія Лермонтова? Это не художественная иллюстрація къ поэтическому произведенію; это какая-то ботаническая справка къ Лермонтову, изображеніе внѣшняго вида чинароваго дерева, никому не нужное, прозаическое, реальное, не имѣющее ни малѣйшаго отношенія къ тому фантастическому дереву, которое описываетъ поэтъ, дереву, на вѣтвяхъ котораго качаются райскія птицы. Становится обидно и досадно, когда наши иллюстраторы только портятъ своими рисунками впечатлѣніе поэтическаго произведенія. Это чувство досады не смягчается даже очевидною наивностію художника, неопровержимое доказательство которой представляютъ подобныя иллюстраціи. Ибо, чѣмъ же другимъ, какъ не наивностію, можно объяснить себѣ тотъ странный пріемъ, когда иллюстраторъ, прочитавъ извѣстное стихотвореніе, схватываетъ изъ него первое попавшееся реальное представленіе—дерево, тучу, море, облако, и затѣмъ изображаетъ его въ рисункѣ, не

обращая вниманія на цѣлое, на внутреннее содержаніе словъ поэта, на его мысль, на конечный выводъ?

Такъ поступаетъ г. А. Васнецовъ въ своихъ иллюстраціяхъ къ стихотвореніямъ *Когда волнуется желтѣющая нива* и *Тучки*. Въ первомъ изъ этихъ стихотвореній перечисляются тѣ явленія природы, при созерцаніи которыхъ успокоивается душа поэта и имъ овладѣваетъ гармоническое, молитвенное настроеніе:

Когда волнуется желтѣющая нива
И свѣжій лѣсъ шумитъ при звукѣ вѣтерка,
И прячется въ саду малиновая слива
Подъ тѣнью сладостной зеленаго листка;

Когда росой обрызганный душистой,
Румянымъ вечеромъ, иль утра въ часъ златой,
Изъ-подъ куста мнѣ ландышъ серебристый
Привѣтливо киваетъ головой;

Когда студеный ключъ играетъ по оврагу
И, погружая мысль въ какой-то смутный сонъ,
Лепечетъ мнѣ таинственную сагу
Про мирный край, откуда мчится онъ—

Тогда смиряется души моей тревога,
Тогда расходятся морщины на челѣ,
И счастье я могу постигнуть на землѣ,
И въ небесахъ я вижу Бога...

Стихотвореніе это почти совсѣмъ не поддается иллюстраціи, задачей которой было бы, посредствомъ графическаго изображенія перечисляемыхъ поэтомъ явленій природы, *доказать* намъ неизбѣжность конечнаго вывода:

И счастье я могу постигнуть на землѣ,
И въ небесахъ я вижу Бога.

Такое доказательство необыкновенно трудно и очень рискованно, ибо дѣло шло бы не болѣе и не менѣе, какъ о томъ, чтобы заставить *насъ*, созерцая *рисунокъ* художника, почувствовать то же самое, что̀ чувствовалъ поэтъ созерцая *природу*. Другими словами: приступая къ иллюстраціи этого стихотворенія, художникъ долженъ быть до такой степени конгеніаленъ съ поэтомъ, что мы изъ однихъ его рисунковъ должны сами испытать

конечный выводъ стихотворенія: тревога души нашей должна смириться, морщины на челѣ—разгладиться; мы должны постигнуть возможность земнаго счастія и умиленною душой вознестись къ Богу. Трудность состоитъ здѣсь въ томъ, что стихотвореніе Лермонтова необыкновенно субъективно. На каждаго изъ насъ могутъ производить умиряющее впечатлѣніе совершенно иныя явленія природы. А рискованность иллюстраціи заключается въ томъ, что художникъ беретъ на себя задачу дать въ своемъ рисункѣ нѣчто совершенно равное картинѣ, уже нарисованной поэтомъ, усилить впечатлѣніе поэтическаго слова. Изо всѣхъ картинъ природы, рисуемыхъ Лермонтовымъ въ стихотвореніи *Когда волнуется желтѣющая нива*, наибольшій просторъ для художественной фантазіи представляетъ описаніе ручья:

Когда студеный ключъ играетъ по оврагу
И, погружая мысль въ какой-то смутный сонъ,
Лепечетъ мнѣ таинственную сагу...

Художникъ имѣетъ здѣсь полную возможность изобразить недосказанную поэтомъ обстановку лепечущаго ручья, нарисовать тотъ живописный лѣсной оврагъ, тотъ поэтическій уголокъ лѣса, какой навѣрное случалось ему видѣть самому, настроеніе котораго, разъ запавъ ему въ душу, непремѣнно должно было въ ней сохраниться. Но г. А. Васнецовъ не пользуется этимъ, единственнымъ быть-можетъ, благодарнымъ моментомъ для иллюстраціи. Онъ изображаетъ, согласно названію стихотворенія, *желтѣющую ниву*. Говоря точнѣе, мы можемъ догадаться, что онъ хотѣлъ изобразить ее въ той мути, какую мы видимъ передъ собою и гдѣ нельзя ничего разобрать. Трудно было выбрать болѣе неудобный моментъ для иллюстраціи и неудачнѣе сдѣлать послѣднюю. То же самое и въ такой же мѣрѣ относится къ иллюстраціи стихотворенія *Тучки*:

Тучки небесныя, вѣчные странники!
Степью лазурною, цѣпью жемчужною
Мчитесь вы, будто какъ я же, изгнанники,
Съ милаго сѣвера въ сторону южную.

Вся мысль, все содержаніе этого стихотворенія заключается въ его послѣднихъ строкахъ:

Чужды вамъ страсти и чужды страданія:
Вѣчно—холодныя, вѣчно—свободныя,
Нѣтъ у васъ родины, нѣтъ вамъ изгнанія.

Та же мысль повторяется и развивается поэтомъ въ *Демонѣ*:

Средь полей необозримыхъ
Въ небѣ ходятъ безъ слѣда
Облаковъ неуловимыхъ
Волокнистыя стада.
Часъ разлуки, часъ свиданья—
Имъ не радость, не печаль;
Имъ въ грядущемъ нѣтъ желанья,
Имъ прошедшаго не жаль.

Очевидно, что художникъ, разъ уже взявшись иллюстрировать стихотвореніе *Тучки*, долженъ выразить и передать намъ настроеніе, составляющее окончательный выводъ. Тучки—вѣчно-холодны и безстрастны, безъ желаній и сожалѣній, безъ родины, безъ привязанностей. Какъ передать такое настроеніе? Это дѣло художника, его тайна. Можно предполагать, что художникъ прибѣгъ бы въ этомъ случаѣ къ изображенію передъ нами одного воздушнаго пространства. Быть-можетъ это вышло бы неудачно, какъ не удалась, напримѣръ, г. Пастернаку картина воздушнаго пространства въ его иллюстраціи къ стихотворенію *Ангелъ*, гдѣ художникъ, чтобы передать съ возможною наглядностію слова поэта—

И мѣсяцъ, и звѣзды, и тучи толпой
Внимали той пѣсни святой—

изображаетъ намъ въ непосредственной близости громадный шаръ луны и совершенно портитъ этимъ впечатлѣніе прекрасно выраженной фигуры ангела. Вина въ неудачѣ лежала бы во всякомъ случаѣ на самомъ художникѣ, на недостаточно развитыхъ у него вкусѣ или умѣніи. Принципъ оставался бы вѣрнымъ. Изображенію подлежитъ воздушный океанъ, та „лазурная степь“, по которой безслѣдно бродятъ чистыя и холодныя облака. Только такимъ пріемомъ художникъ можетъ сосредоточить наше вниманіе исключительно на облакахъ и дать намъ ощущеніе ихъ обособленности. Что дѣлаетъ г. А. Васнецовъ? Онъ изображаетъ передъ нами, покрытый травой, нагорный берегъ рѣки; на самомъ видномъ мѣстѣ стоитъ большой могильный крестъ, на которомъ сидятъ птицы; въ срединѣ протекаетъ рѣка; на противоположномъ, плоскомъ берегу видны въ отдаленіи нѣсколько деревьевъ, между тѣмъ какъ на самомъ краю этого берега, подлѣ рѣки, стоитъ что-то похожее на зданіе: быть-можетъ это развалины церкви, быть-можетъ—группа

деревьевъ, или затѣйливый помѣщичій домъ, или опна сѣна; разобрать очертаній нѣтъ никакой возможности; такъ они мутны и неясны. Гдѣ же тучки? Разумѣется, онѣ на небѣ, представляющемъ собою какую-то испятнанную плоскость. Плоскость эта до такой степени мало напоминаетъ небо, покрытое тучками, что если вы закроете нижнюю половину рисунка и будете смотрѣть только на эти тучки, то вамъ никогда не угадать, что̀ именно видите вы передъ собою. Кто виноватъ въ этой смутности рисунка: художникъ или цинкографъ? Мы не можемъ рѣшить этого вопроса. Для насъ важенъ лишь замыслъ художника, котораго цинкографъ, очевидно, не могъ нарушить. Замыслъ этотъ ни малѣйшимъ образомъ не соотвѣтствуетъ иллюстрируемому стихотворенію.

Еще менѣе можемъ мы согласиться съ двумя *украшеніями*, которыми г. А. Васнецовъ сопровождаетъ портреты А. О. Смирновой и графини А. К. Воронцовой-Дашковой, помѣщенные въ главѣ посвященныхъ имъ стихотвореній Лермонтова. *Украшеніе* къ портрету гр. Воронцовой-Дашковой только тяжело и безвкусно. Оно изображаетъ какіе-то нескладные цвѣты на верхушкахъ длинныхъ стеблей, систематически разсаженныхъ по землѣ. Это простая нескладица. *Украшеніе* къ портрету А. О. Смирновой представляетъ нескладицу—идейную, безвкусіе съ претензіей. Нельзя представить себѣ, до какой степени грубъ этотъ рисунокъ по исполненію, до какой степени безвкусенъ онъ по замыслу. На пригоркѣ, среди совершенно темнаго фона, стоитъ на камняхъ зажженная античная лампа; съ пригорка, между камней, течетъ внизъ каскадомъ ручей, теряющійся на первомъ планѣ; подлѣ лампы, на краю рисунка, прикасающемся къ портрету, помѣщено нѣсколько пальмовыхъ вѣтвей, которыя могутъ быть и простыми папоротниками; изъ-подъ этихъ вѣтвей свѣшивается съ боку—змѣя. И все это—*художественное украшеніе* къ стихотворенію, посвященному А. О. Смирновой, къ которой Лермонтовъ обращается съ слѣдующею рѣчью:

Безъ васъ хочу сказать вамъ много,
При васъ я слушать васъ хочу:
Но, молча, вы глядите строго—
И я въ смущеніи молчу.

Что̀ жъ дѣлать? Рѣчью непескусной
Занять вашъ умъ мнѣ не дано...
Все это было бы смѣшно,
Когда бы не было такъ грустно...

Послѣдняя строфа этого прелестнаго стихотворенія цѣликомъ можетъ быть приложена къ иллюстраціямъ г. А. Васнецова. Да и къ нимъ ли однѣмъ.

X.

Г. Савицкій даетъ иллюстрацію къ стихотворенію *Морская царевна*. Онъ избралъ темой для своего рисунка тотъ моментъ, когда царевичъ, выплывъ съ конемъ на берегъ, зоветъ товарищей посмотрѣть на пойманную имъ добычу:

Къ берегу витязь отважно плыветъ;
Выплылъ, товарищей громко зоветъ.
„Эй вы! сходитесь, лихіе друзья!
Гляньте, какъ бьется добыча моя...“

Рисунокъ сдѣланъ очень удовлетворительно въ техническомъ отношеніи. Передъ нами плоскій берегъ, омываемый моремъ. Въ срединѣ перваго плана изображенъ царевичъ на конѣ, только-что ступившемъ изъ воды на сушу. Царевичъ обращенъ къ намъ спиной, но за то передъ нами *en face* морская царевна, до половины туловища извлеченная изъ моря. Правою рукой онъ держитъ ее за косу; лѣвая рука въ призывномъ жестѣ обращена къ его свитѣ, которая сбѣгается и съѣзжается на коняхъ. Морская царевна лежитъ на спинѣ; одна рука ея откинута, другою она держится за свою косу, находящуюся въ рукѣ царевича. Не будемъ придираться къ нѣкоторымъ подробностямъ, недоумѣвать, напримѣръ, зачѣмъ на спинѣ лошади, сзади царевича, лежатъ его лукъ и колчанъ со стрѣлами; то и другое, очевидно, должно было намокнуть въ водѣ, во время купанія коня. Не будемъ также задавать вопроса, почему на ногахъ коня находятся какіе-то браслеты. Подробности эти не имѣютъ существеннаго отношенія къ дѣлу. Существенное состоитъ здѣсь въ другомъ. Почему рисунокъ г. Савицкаго, хорошо скомпонованный и выполненный, не производитъ никакого впечатлѣнія, оставляетъ зрителя совершенно равнодушнымъ?

Потому что художникъ не обратилъ вниманія на конечный выводъ стихотворенія, на то конечное впечатлѣніе, къ какому ведутъ всѣ заключающіяся въ немъ описанія:

Ѣдетъ царевичъ *задумчиво* прочь...
Будетъ онъ помнить про царскую дочь!

Не одинъ царевичъ, мы всѣ, прочитавшіе стихотвореніе Лермонтова, будемъ помнить образъ, рисуемый поэтомъ:

Пѣна струями сбѣгаетъ съ чела,
Очи одѣла смертельная мгла.
Блѣдныя руки хватаютъ песокъ,
Шепчутъ уста *непонятный упрекъ...*

Стихотвореніе, начавшееся въ мажорномъ тонѣ, кончается мольнымъ, скорбнымъ и жалобнымъ аккордомъ, какимъ разрѣшаются всѣ сказанія, сказки и саги про „морскихъ царевенъ", которыя полюбили человѣка, или внушили ему любовь къ себѣ. Симпатія и жалость къ безвинно-погибающему существу, до половины представляющему собою красавицу-женщину,—вотъ конечное впечатлѣніе, производимое стихотвореніемъ Лермонтова. Г. Савицкій не попадаетъ своею иллюстраціей въ тонъ заключительнаго аккорда, жалобные и скорбные звуки котораго наполняютъ нашу душу. Отсюда наше равнодушіе къ его рисунку. Художнику слѣдовало бы изобразить передъ нами умирающую женщину, вокругъ которой стоятъ царевичъ и его свита, свита — въ изумленіи, царевичъ—въ глубокой задумчивости, которая, быть-можетъ, никогда болѣе его не покинетъ. „Будетъ онъ помнить про царскую дочь", такъ заканчивается стихотвореніе. Для полнаго соотвѣтствія двумъ тональностямъ Лермонтовскаго произведенія, его мажорнымъ и минорнымъ аккордамъ, требовались два рисунка. На первомъ изъ нихъ художникъ изобразилъ бы царевича и морскую царевну въ минуту ихъ встрѣчи, ее — всю горящую страстью, его—вопиственнымъ витяземъ, равнодушнымъ къ чарамъ женской красоты. Такимъ образомъ, получился бы необыкновенно дѣйствительный антитезъ ко второму рисунку, изображающему царевну—умирающею, царевича—задумчивымъ. Задача художника относительно характеристики двухъ дѣйствующихъ лицъ этой драмы облегчилась бы въ той же мѣрѣ, въ какой усилилось бы впечатлѣніе отъ его иллюстраціи.

Любопытна ошибка, какую дѣлаетъ г. К. Коровинъ въ иллюстраціи къ стихотворенію *Свиданіе*. Художникъ беретъ темой третью строфу:

Внизу огни дозорные
Лишь на мосту горятъ,
И колокольни черныя
Какъ сторожи стоятъ;

И поступью несмѣлою
Изъ бань со всѣхъ сторонъ
Выходятъ цѣпью бѣлою
Четы грузинскихъ женъ;
Вотъ улицей пустынною
Бредутъ, едва скользя...
Но подъ чадрою длинною
Тебя узнать нельзя.

Соотвѣтственно этой темѣ, г. К. Коровинъ изображаетъ намъ, среди полумрака ночи, восточную улицу, тянущуюся подъ горой и ведущую къ виднѣющейся вдали рѣкѣ, озаренной луной. На улицѣ видны кое-гдѣ фигуры, закутанныя въ бѣлыя чадры. Въ различныхъ мѣстахъ свѣтлѣютъ освѣщенныя окна домовъ. По небу бродятъ тучи. Получается очень характерная картинка, не лишенная извѣстнаго настроенія.

Но художникъ самъ портитъ впечатлѣніе отъ своего рисунка. На горѣ, среди кустовъ, онъ изображаетъ лежащаго молодаго Грузина, съ кинжаломъ въ рукахъ:

Тамъ, за твердыней старою,
На сумрачной горѣ
Подъ свѣжею чинарою
Лежу я на коврѣ.
. . . . . .
Я жду. Въ недоумѣніи
Напрасно бродитъ взоръ...
Кинжаломъ въ нетерпѣніи
Изрѣзалъ я коверъ.

Дѣйствительно, все это написано у Лермонтова. Только изъ этого совсѣмъ не слѣдуетъ, чтобы передъ нами нужно было изображать Грузина, лежащаго на коврѣ и рѣжущаго этотъ коверъ кинжаломъ. Это некрасиво, смѣшно и портитъ все впечатлѣніе. Грузинъ этотъ, безо всякаго сомнѣнія, *прятался* отъ людей, когда, притаившись за кустами, ожидалъ условнаго знака свиданія. Не предстоитъ ни малѣйшей надобности показывать его намъ, притомъ въ такой позѣ, которая, при чтеніи стихотворенія, проскользаетъ, не привлекая нашего вниманія, между тѣмъ какъ на рисункѣ она рѣзко бросается въ глаза. Задача иллюстратора состоитъ здѣсь въ томъ, чтобы провести передъ нашими глазами

рядъ картинъ, описанныхъ поэтомъ. Все стихотвореніе подъ названіемъ *Свиданіе* есть не что иное какъ разсказъ, веденный въ первомъ лицѣ. Вездѣ мы читаемъ: я вижу, я жду. Одно изъ предположеній такого рода разсказовъ состоитъ въ томъ, что читатель отождествляетъ себя съ разсказчикомъ, входитъ въ кругъ его воззрѣній, чувствъ и интересовъ, начинаетъ смотрѣть и видѣть его глазами. При этомъ условіи личность разсказчика уже перестаетъ быть объективною. Объективнымъ, то-есть подлежащимъ иллюстраціи художника, закрѣпленію во внѣшнихъ образахъ, является лишь то, что описываетъ человѣкъ, говорящій: „я вижу“ и затѣмъ описывающій намъ развивающуюся предъ нимъ картину. Изображая предъ нами во весь ростъ молодаго Грузина, лежащаго на коврѣ, г. К. Коровинъ вноситъ въ свою иллюстрацію *третье* лицо вмѣсто *перваго*, и нарушаетъ этимъ всю гармонію стихотворенія.

Г. Дубовскій иллюстрируетъ стихотвореніе *Утесъ:*

Ночевала тучка золотая
На груди утеса великана.
Утромъ въ путь она умчалась рано,
По лазури весело играя.

Но остался влажный слѣдъ въ морщинѣ
Стараго утеса. Одиноко
Онъ стоитъ; задумался глубоко
И тихонько плачетъ онъ въ пустынѣ...

Какой моментъ подлежитъ здѣсь иллюстраціи? Отвѣтъ не представляетъ сомнѣній. Художникъ долженъ изобразить намъ утесъ, на которомъ остался лишь послѣдній, маленькій кусочекъ тучки, между тѣмъ какъ она сама „весело играетъ“ по небу, умчавшись въ путь вмѣстѣ съ восходомъ солнца. Впечатлѣніе увеличилось бы, еслибъ иллюстраторъ изобразилъ вдали лучи восходящаго солнца, къ которому стремится тучка, тогда какъ „старый утесъ“ остается въ тѣни. Забота художника должна быть направлена здѣсь къ тому, чтобы возможно болѣе поэтизировать обычное, заурядное явленіе природы. Г. Дубовскій, напротивъ, изображаетъ это явленіе во всей его будничной реальности. Поперекъ высокаго утеса лежитъ отъ края до края довольно широкая облачная полоса. Получается впечатлѣніе рисунка къ иллюстри-

рованному курсу физической географіи. Еще безразличнѣе иллюстрація г. Дубовскаго къ стихотворенію *Козбекъ:*

Спѣша на сѣверъ издалека,
Изъ теплыхъ и чужихъ сторонъ,
Тебѣ, Казбекъ, о стражъ Востока,
Принесъ я, странникъ, свой поклонъ.

Чалмою бѣлою отъ вѣка
Твой лобъ наморщенный увитъ,
И гордый ропотъ человѣка
Твой гордый міръ не возмутитъ.

Но сердца тихаго моленье
Да отнесутъ твои скалы
Въ надзвѣздный край, въ твое владѣнье,
Къ престолу вѣчному Аллы.

Затѣмъ слѣдуетъ самое „моленье“:

Молю, да снидетъ день прохладный
На знойный долъ и пыльный путь,
Чтобъ мнѣ въ пустынѣ безотрадной
На камнѣ въ полдень отдохнуть;

Молю, чтобъ буря не застала,
Гремя въ нарядѣ боевомъ,
Въ ущельи мрачнаго Дарьяла
Меня съ измученнымъ конемъ.
. . . . . .

Стихотвореніе заканчивается выраженіемъ опасенія, что поэтъ забытъ на своей родинѣ или не встрѣтитъ тамъ въ живыхъ своихъ друзей и товарищей:

О, если такъ!.. своей метелью,
Казбекъ, засыпь меня скорѣй,
И прахъ бездомный по ущелью
Безъ сожалѣнія развѣй!

Казбекъ является въ этомъ стихотвореніи почти олицетвореннымъ. Это величавый „стражъ Востока“, который относитъ въ надзвѣздный край моленія человѣка, обращенныя черезъ него къ престолу вѣчному Аллы. Это какъ бы миѳическое существо,

величественный горный духъ, гордо молчащій въ отвѣтъ на гордый ропотъ людей, но доступный мольбамъ „тихаго сердца“. Задача иллюстратора состояла въ томъ, чтобы дать намъ наглядное впечатлѣніе величественности Казбека, величественности настолько поразительной, что поэтъ считаетъ Казбекъ владѣтелемъ „надзвѣзднаго края“, посредникомъ между небомъ и землей. Г. Дубовскій даетъ намъ крохотную картинку, изображающую вершины какой-то горной цѣпи. На первомъ планѣ изображено какое-то дерево, на малѣйшимъ образомъ не относящееся къ дѣлу, ибо дерево это не имѣетъ даже значенія сравнительной мѣры высоты и не сообщаетъ намъ никакого представленія о высотѣ Казбека. Очень можетъ быть, весьма вѣроятно даже, скажемъ болѣе: несомнѣнно, что художникъ даетъ намъ здѣсь рисунокъ съ натуры. За послѣднее время Крымъ и Кавказъ усердно посѣщаются нашими пейзажистами. Но есть безконечное различіе въ тѣхъ точкахъ, съ которыхъ можно дѣлать этюды съ натуры. Въ данномъ случаѣ требовалось изобразить намъ Казбекъ, какимъ онъ представляется издали, во всемъ подавляющемъ величіи своей высоты и грандіозности. Г. Дубовскій далъ намъ этюдъ верхушекъ горной цѣпи, этюдъ, сдѣланный откуда-то съ одной изъ горныхъ вершинъ. Это большая ошибка. Она мститъ за себя тѣмъ, что рисунокъ художника оставляетъ насъ совершенно равнодушными. Онъ существуетъ, но для читателя безразлично его существованіе.

Удивительный курьезъ представляетъ иллюстрація г. С. Иванова къ стихотворенію *Сосѣдка*. Нѣтъ возможности опредѣлить какой моментъ стихотворенія изображаетъ художникъ. На его рисункѣ изображена женщина во весь ростъ, стоящая, профилемъ къ намъ, подлѣ каменной стѣны. На плечахъ этой женщины наброшено то, что прежде называлось „куцавейкой“, а теперь называется „кофтой“. Голова ея не покрыта. Женщина пристально смотритъ на возвышающееся предъ ней, повидимому черезъ улицу, высокое зданіе съ рѣшетками въ окнахъ. Зданіе это намѣчено лишь до половины: оно не доведено до земли, ибо прямо подъ вторымъ рядомъ его оконъ начинается текстъ стихотворенія, тянущійся вплоть до фигуры стоящей женщины. Мы лишены такимъ образомъ возможности узнать стоитъ ли эта женщина на тюремномъ дворѣ, или же смотритъ она на тюрьму черезъ заборъ. Но всего любопытнѣе то, что во всемъ стихотвореніи Лермонтова

нѣтъ момента, изображеннаго художникомъ. Вотъ строфы, относящіяся къ сосѣдкѣ:

У окна лишь поутру я сяду,
Волю дамъ ненасытному взгляду—
Вотъ напротивъ окошечко—стукъ!
Занавѣска поднимется вдругъ.

На меня посмотрѣла плутовка!
Опустилась на ручку головка,
А съ плеча, будто сдулъ вѣтерокъ,
Полосатый скатился платокъ.

Но блѣдна ея грудь молодая,
И сидитъ она долго, вздыхая;
Видно, буйную думу тая,
Все тоскуетъ по волѣ, какъ я.

Въ концѣ стихотворенія заключенный мысленно предлагаетъ сосѣдкѣ средство освободиться:

У отца ты ключи мнѣ украдешь,
Сторожей за пирушку усадишь;
А ужъ съ тѣмъ, что̀ поставленъ къ дверямъ,
Постараюсь я справиться самъ.

Избери только ночь потемнѣе,
Да отцу дай вина похмѣльнѣе,
Да повѣсь, чтобы вѣдать я могъ,
На окно полосатый платокъ.

Два вывода слѣдуютъ для иллюстратора изъ приведенныхъ нами стиховъ. Вопервыхъ, дѣйствіе происходитъ *лѣтомъ*, ибо сосѣдка сидитъ у открытаго окна. Вовторыхъ, заключенный и живущая напротивъ сосѣдка видаются лишь чрезъ окно. Дѣйствительно, трудно предположить, чтобы дочь тюремщика рѣшилась на дворѣ, предъ *всѣми* обращенными къ ней окнами тюрьмы, подавать какіе-либо знаки, или хотя бы только стоять прислонившись къ стѣнѣ и пристально смотрѣть на эти окна. Это значило бы выдавать себя. Зачѣмъ изображаетъ г. С. Ивановъ на своемъ рисункѣ—*зиму*, а „сосѣдку“—стоящую во весь ростъ предъ окнами тюрьмы? Отвѣтъ на это можетъ быть лишь одинъ: художникъ недостаточно внимательно изучилъ произведеніе,

какое взялся иллюстрировать. Это ошибка, отъ которой можно и нужно было оберечься. Французы говорятъ въ этомъ случаѣ: *c'est pis qu'un crime, c'est une faute,* а русскіе люди, хорошо знающіе, что такого рода ошибки совершаются „отъ простоты", сложили на такіе случаи поговорку: *простота хуже воровства.*

Къ числу курьезовъ относится также рисунокъ г. Врубеля къ стихотворенію *Еврейская мелодія.* Художникъ проникся, повидимому, словами поэта: „пусть будетъ пѣснь твоя дика" и на этомъ основаніи набросалъ рядъ пятенъ и штриховъ, въ которыхъ ничего нельзя разобрать. Впечатлѣніе „дикости" достигнуто вполнѣ, но этимъ признаніемъ исчерпывается все, что̀ можно сказать про эту иллюстрацію.

XI.

Любопытно сравнить двѣ иллюстраціи, тема которыхъ въ существѣ своемъ совершенно одинакова. Мы говоримъ о стихотвореніяхъ: *Умирающій гладіаторъ* и *Сонъ.* Первое изъ нихъ иллюстрируетъ г. Пастернакъ, второе—г. К. Коровинъ.

Одинаковость темы заключается въ томъ, что тамъ и здѣсь художнику приходится изображать *видѣніе умирающаго.* Предметъ видѣнія играетъ второстепенную роль. Задача художника—дать почувствовать и понять зрителю, что предъ нимъ изображено видѣніе. Для достиженія этой цѣли живопись выработала себѣ пріемъ, повторяющійся неизмѣнно во всѣхъ сюжетахъ такого рода. Пріемъ этотъ состоитъ въ томъ, что на одномъ и томъ же рисункѣ изображается какъ самое видѣніе, такъ и человѣкъ, которому оно представляется. Художественный отдѣлъ Французской выставки, происходившей въ 1891 году въ Москвѣ, далъ намъ цѣлый рядъ картинъ такого содержанія. Это былъ очень интересный предметъ для изученія. Ибо, потверждая общность только что приведеннаго нами пріема, всѣ эти изображенія видѣній позволяли вывести еще и другое правило, которое можно формулировать слѣдующимъ образомъ: въ сюжетахъ, гдѣ художнику приходится прибѣгать къ извѣстному условному пріему, удачность или неудачность композиціи зависитъ исключительно отъ степени вкуса, какимъ одаренъ этотъ художникъ.

Г. Пастернакъ очень удачно изображаетъ „видѣніе". При первомъ взглядѣ на рисунокъ зритель видитъ лишь двухъ гладіаторовъ, изъ которыхъ одинъ, умирающій, лежитъ на землѣ, а другой,

обращенный къ намъ спиною, изображенъ стоящимъ во весь ростъ и простирающимъ обѣ руки къ народу, который наполняетъ громадный амфитеатръ. Только всматриваясь ближе и внимательнѣе въ клубы пыли, поднявшейся на аренѣ, зритель различаетъ здѣсь туманныя очертанія видѣнія:

Онъ видитъ кругъ семьи, оставленной для брани,
Отца, простершаго нѣмѣющія длани,
Зовущаго къ себѣ опору дряхлыхъ дней,
Дѣтей играющихъ — возлюбленныхъ дѣтей!

Пріемъ этотъ не новъ и не оригиналенъ. Это пріемъ условный. Но г. Пастернакъ со вкусомъ примѣнилъ его къ данному случаю и весьма удачно замаскировалъ самое опасное мѣсто такого рода композицій: ту спайку, которая соединяетъ міръ реальный съ міромъ видѣнія. И, наоборотъ, г. К. Коровину не удалось преодолѣть этой опасности. Произошло, чего и слѣдуетъ ожидать въ такомъ случаѣ. Иллюстрація художника только мѣшаетъ впечатлѣнію, полученному нами отъ стихотворенія. Она представляетъ собою что-то совершенно постороннее, лишнее, холодное, неумѣлое, напвное. Становится прежде всего досадно, а потомъ жалко и смѣшно.

Въ самомъ дѣлѣ: что̀ рисуетъ г. К. Коровинъ?

Лѣвая половина рисунка занята изображеніемъ богатой залы съ колоннами и зажженными люстрами. Въ этой залѣ видна толпа разряженныхъ женщинъ, замыкающаяся группой изъ нѣсколькихъ дамъ сидящихъ впереди. Въ нѣкоторомъ разстояніи отъ нихъ сидитъ, совершенно одна, молодая женщина въ бальномъ платьѣ; обѣ ея руки вытянуты на колѣняхъ; въ рукахъ она держитъ раскрытый вѣеръ. Непосредственно въ эту залу, отъ которой мы, въ сущности, видимъ лишь замыкающую ее заднюю стѣну, входятъ, съ правой стороны рисунка, пески и пригорки какой-то пустынной мѣстности, занимающей все остальное пространство. Пески и пригорки эти подкатываются подъ дамскія платья, между тѣмъ какъ молодая женщина, сидящая отдѣльно, прямо выставила на песокъ кончикъ своего башмака, виднѣющійся довольно отчетливо. Въ нѣкоторомъ разстояніи отъ группы сидящихъ дамъ лежитъ на пескѣ молодой человѣкъ. Онъ обращенъ ногами къ дамамъ. Одна его рука прижата къ груди. Глаза закрыты. Когда вы смотрите на эту иллюстрацію, васъ поражаетъ неестественность обстановки. У Лермонтова все такъ

удивительно гармонично, спокойно, просто въ его стихотвореніи. Здѣсь, на рисункѣ, полное отсутствіе какой-либо гармоніи.

Отчего это происходитъ?

Вопросъ этотъ напрашивается самъ собою и назойливо проситъ разрѣшенія. Вы не отвѣтите на него, если скажете, что эта пустыня, замыкающаяся бальнымъ заломъ, и эти пески, подкатывающіеся подъ платья дамъ, представляютъ нѣчто нескладное и безвкусное. Вы дадите этими словами только характеристику рисунка, но не укажете на причину, почему рисунокъ производитъ на васъ отрицательное впечатлѣніе.

Причина заключается въ томъ, что въ стихотвореніи Лермонтова описывается *двойное видѣніе:*

И *снился мнѣ* сіяющій огнями
Вечерній пиръ въ родимой сторонѣ;
. . . . . .
И *снилась ей* долина Дагестана;
Знакомый трупъ лежалъ въ долинѣ той...

Такимъ образомъ, по отношенію къ этому стихотворенію не имѣетъ уже силы тотъ условный пріемъ въ изображеніи видѣнія, про который мы говорили выше. Не одно, а *два* лица имѣютъ здѣсь видѣніе и притомъ *различное*. Отсюда ясно, что нельзя совмѣщать эти *два* видѣнія на *одномъ* рисункѣ. И вотъ въ чемъ заключается ошибка г. К. Коровина. Единственный способъ иллюстрировать это стихотвореніе Лермонтова состоитъ въ томъ, чтобы сохранить въ послѣдовательности рисунковъ послѣдовательность темъ поэта. Вотъ первая тема:

Въ полдневный жаръ, въ долинѣ Дагестана,
Съ свинцомъ въ груди лежалъ недвижимъ я;
Глубокая еще дымилась рана,
По каплѣ кровь сочилася моя.

Тема эта развивается:

Лежалъ одинъ я на пескѣ долины,
Уступы скалъ тѣснилися кругомъ,
И солнце жгло ихъ желтыя вершины
И жгло меня—но спалъ я мертвымъ сномъ.

Слѣдуетъ вторая тема:

И снился мнѣ сіяющій огнями
Вечерній пиръ въ родимой сторонѣ;
Межъ юныхъ женъ, увѣнчанныхъ цвѣтами,
Шелъ разговоръ веселый обо мнѣ.

Эта вторая тема развивается въ свою очередь:

Но въ разговоръ веселый не вступая,
Сидѣла тамъ задумчиво одна,
И въ грустный сонъ душа ея младая
Богъ знаетъ чѣмъ была погружена.

Стихотвореніе заканчивается возвращеніемъ къ первой темѣ. значительно модулированной:

И *снилась ей* долина Дагестана:
Знакомый трупъ лежалъ въ долинѣ той,
Въ его груди, дымясь, чернѣла рана
И кровь *лилась хладѣющей струей*...

Это строжайшимъ образомъ соблюденная форма музыкальной композиціи. Отсюда удивительная гармоничность стихотворенія Лермонтова. Отсюда же прямое указаніе для способа его иллюстраціи. Художникъ долженъ дать намъ *три* рисунка, изъ которыхъ первый и второй будутъ посвящены графическому изображенію первой и второй темы стихотворенія, между тѣмъ какъ третій рисунокъ будетъ повтореніемъ перваго, съ тѣмъ только различіемъ, что вмѣсто умирающаго предъ нами будетъ лежать трупъ. Отъ вкуса художника должно зависѣть расположеніе его иллюстраціи вокругъ иллюстрируемаго стихотворенія. Можно предположить, что онъ свяжетъ свои три рисунка арабеской. Но входить въ эти предположенія значило бы идти слишкомъ далеко. Мы только хотѣли выяснить то эстетическое основаніе, по которому иллюстрація г. К. Коровина, очень недурная въ изображеніи отдѣльныхъ головокъ, производитъ въ общемъ такое антиэстетическое впечатлѣніе.

Чтобы покончить съ иллюстраціей лирическихъ стихотвореній Лермонтова, отмѣтимъ рисунки гг. Трутовскаго и В. Маковскаго. Первый изъ этихъ художниковъ иллюстрируетъ *Казачью Колыбельную пѣсню*, второй—стихотвореніе *Бородино*. Оба рисунка вполнѣ приличны. Болѣе о нихъ нечего сказать, если только не замѣтить мимоходомъ, что казачка г. Трутовскаго нѣсколько „жеманна“, какъ будто она чувствуетъ, что является предъ публикой, а на рисункѣ г. В. Маковскаго, вѣроятно вслѣдствіе плохой фототипіи, почти совсѣмъ пропадаютъ фигуры дѣтей.

(Окончаніе слѣдуетъ.)

С. Васильевъ.

СЕЛЬСКО-ХОЗЯЙСТВЕННЫЕ ВОПРОСЫ.[1]

IX.

Международный сельско-хозяйственный конгрессъ въ Гаагѣ осенью 1891 года.

Оставляя на этотъ разъ въ сторонѣ нашу домашнюю злобу дня—вопросы неурожая и народнаго бѣдствія, мы сегодня обратимся къ вопросамъ, занимающимъ нашихъ сосѣдей, западно-европейскихъ сельскихъ хозяевъ. Удобнымъ къ тому поводомъ намъ послужитъ *международный конгрессъ сельскихъ хозяевъ*, происходившій въ Гаагѣ, въ Голландіи, осенью минувшаго 1891 года, на которомъ автору этихъ строкъ пришлось присутствовать въ качествѣ одного изъ немногихъ представителей Россіи и стенографическій отчетъ котораго только-что появился. Конгрессъ этотъ былъ вторымъ въ той серіи международныхъ сельско-хозяйственныхъ конгрессовъ, идея которыхъ возникла въ 1889 году во время всемірной выставки въ Парижѣ. Извѣстно, что во время этой выставки былъ организованъ цѣлый рядъ конгрессовъ по разнымъ отраслямъ промышленности и науки, причемъ однимъ изъ наиболѣе удачныхъ былъ сельско-хозяйственный конгрессъ, состоявшійся подъ предсѣдательствомъ бывшаго министра земледѣлія во Франціи, виднаго политическаго и финансоваго дѣятеля г. Жюля Мелина. Въ числѣ вопросовъ, поднятыхъ на этомъ конгрессѣ, былъ между прочимъ и вопросъ о необходимости и пользѣ періодическаго созыва международныхъ

[1] См. № 1 *Русскаго Обозрѣнія*, 1892 г.

сельско-хозяйственныхъ конгрессовъ или съѣздовъ въ различныхъ государствахъ Европы, для обсужденія и разработки вопросовъ сельско-хозяйственнаго дѣла, имѣющихъ не исключительно мѣстное, но болѣе или менѣе общее значеніе. Для приведенія этой мысли въ исполненіе была тогда же избрана *международная сельско-хозяйственная коммиссія* (commission internationale d'agriculture) подъ предсѣдательствомъ того же г. Мелина. Въ составъ этой постоянной коммиссіи вошли представители всѣхъ европейскихъ государствъ, въ томъ числѣ и два отъ Россіи: профессоръ Рижскаго политехническаго института г. Томсъ и А. С. Ермоловъ. На обязанность коммиссіи была возложена организація вышеупомянутыхъ періодическихъ международныхъ конгрессовъ, выборъ для нихъ мѣста, предварительное сношеніе съ подлежащими государствами, подготовка вопросовъ для обсужденія и наконецъ приведеніе въ исполненіе заключеній конгресса.

Первоначально предполагалось, что международные сельско-хозяйственные конгрессы будутъ созываться ежегодно, но впослѣдствіи пришлось отъ этой мысли отступить и было рѣшено собирать ихъ черезъ каждые два года. Это рѣшеніе отчасти было вызвано тѣмъ, что въ 1890 году былъ устроенъ, независимо отъ упомянутой сельско-хозяйственной коммиссіи, международный сельско-хозяйственный конгрессъ въ Вѣнѣ, во время происходившей тамъ сельско-хозяйственной выставки; учреждать же два подобные конгресса въ теченіе одного и того же года было очевидно невозможно. Поэтому второй международный конгрессъ былъ назначенъ въ 1891 году и мѣстомъ для него была избрана столица Голландіи—Гаага.

Конгрессъ открылся 7 сентября (25 августа) 1891 года и привлекъ большое число представителей различныхъ странъ, въ числѣ которыхъ значительно преобладали Голландцы, Бельгійцы и Французы. Прочія государства имѣли не болѣе трехъ-четырехъ представителей, въ томъ числѣ отъ Россіи были тѣ же два лица, которыя входили въ составъ постоянной международной коммиссіи, а также нашъ повѣренный въ дѣлахъ при нидерландскомъ правительствѣ г. Беренсъ. Впрочемъ, такъ какъ означенный конгрессъ не имѣлъ никакого оффиціальнаго характера, то и участіе послѣдняго было, такъ-сказать, совершенно частнымъ.

Всѣ подготовительныя работы по устройству конгресса были исполнены особою распорядительною коммиссіей подъ предсѣдательствомъ одного изъ видныхъ голландскихъ сельско-хозяй-

ственныхъ дѣятелей г. Бодуэна, члена международной сельско-хозяйственной коммиссіи. Несмотря на вполнѣ неоффиціальный характеръ конгресса, какъ нидерландское правительство, такъ и муниципальное управленіе города Гааги, отнеслись къ нему съ величайшимъ радушіемъ. Королева Нидерландовъ почтила членовъ конгресса привѣтственною телеграммой; городъ Гаага и сосѣдній съ нимъ Скевенингъ устроили въ честь членовъ конгресса рядъ празднествъ. Нѣсколько экскурсій въ окрестностяхъ города, а также и болѣе отдаленныхъ, — въ городъ Алькмааръ на устроенную тамъ періодическую сельско-хозяйственную выставку, городъ Фредериксортъ для осмотра образцовыхъ фермъ, лѣсной школы, школы садоводства и т. п., дали возможность членамъ конгресса ознакомиться какъ съ своеобразными естественными условіями страны, такъ и съ положеніемъ въ ней сельско-хозяйственной техники, культуры и скотоводства. Впрочемъ, подробное описаніе этихъ условій, какъ и всего видѣннаго нами въ Гаагѣ и ея окрестностяхъ, не входитъ въ наши задачи, и потому мы прямо обратимся къ вопросамъ, подвергнутымъ на конгрессѣ болѣе или менѣе подробному обсужденію и разработкѣ.

Какъ обыкновенно, конгрессъ началъ свои занятія съ выбора предсѣдателя и формированія своего бюро. Президентомъ былъ единогласно избранъ г. Мелинъ; вице-президентами: г. Бодуэнъ, въ качествѣ представителя Голландіи, и затѣмъ наиболѣе выдающіеся представители другихъ участвовавшихъ въ конгрессѣ государствъ. За симъ конгрессъ раздѣлился на отдѣленія, которыхъ было назначено семь: 1) по сельско-хозяйственному образованію; 2) по сельско-хозяйственному кредиту и рабочему вопросу; 3) по сельско-хозяйственнымъ техническимъ производствамъ; 4) по вопросамъ сельско-хозяйственной культурной техники; 5) по сельско-хозяйственной экономіи; 6) по вопросамъ сельско-хозяйственнаго законодательства, и 7) по организаціи будущихъ сельско-хозяйственныхъ конгрессовъ.

Программа подлежащихъ обсужденію вопросовъ была заранѣе составлена упомянутымъ выше распорядительнымъ комитетомъ, причемъ по каждому вопросу программы былъ даже заранѣе заготовленъ и отпечатанъ подробный докладъ съ проектомъ мотивированныхъ заключеній. Несомнѣнно, что эти обширныя подготовительныя работы, исполненныя распорядительнымъ комитетомъ, въ значительной степени облегчили дальнѣйшіе труды

съѣзда и придали имъ весьма серьезный дѣловой характеръ, тѣмъ болѣе, что составленіе предварительныхъ докладовъ было поручено наиболѣе выдающимся ученымъ или извѣстнымъ общественнымъ дѣятелямъ главнѣйшихъ государствъ Европы. Нельзя не сказать, что примѣръ Гааги заслуживалъ бы въ этомъ отношеніи подражанія и для другихъ подобнаго рода конгрессовъ, устраняя всякое излишнее пустословіе и сразу ставя пренія на серьезную почву. Несомнѣнно, что эти же подготовительные доклады способствовали тому, что конгрессъ могъ закончить свои многосложные труды въ такой сравнительно короткій срокъ, какъ семь дней. Какъ водится, каждый вопросъ обсуждался сперва въ соотвѣтственномъ отдѣленіи, и мотивированное заключеніе отдѣленія вносилось затѣмъ на обсужденіе общаго собранія, которое и постановляло свое окончательное рѣшеніе. Засѣданія отдѣленій происходили ежедневно по одному и даже по два раза въ день; засѣданія же общаго собранія большею частью происходили только черезъ день. Къ неудобствамъ принятаго порядка слѣдуетъ отнести то, что отдѣленій было назначено слишкомъ много и что при распредѣленіи между ними вопросовъ—вопросы почти однородные по характеру попадали въ различныя отдѣленія. Такъ вопросы сельско-хозяйственнаго кредита были отдѣлены отъ вопросовъ сельско-хозяйственной экономіи; вопросы объ учрежденіи опытныхъ сельско-хозяйственныхъ станцій для испытанія продуктовъ земледѣлія, землеудобрительныхъ средствъ и т. п. были отдѣлены отъ вопросовъ о принятіи надлежащихъ законодательныхъ мѣръ противъ поддѣлки продуктовъ земледѣлія и удобрительныхъ туковъ и т. д. Впрочемъ, это неудобство скоро было исправлено, путемъ сліянія различныхъ отдѣленій при обсужденіи однохарактерныхъ вопросовъ. Но на будущее время желательно было бы подобной ошибки избѣжать.

Программа предложенныхъ на обсужденіе съѣзда вопросовъ была чрезвычайно велика и разнообразна; однихъ отпечатанныхъ и розданныхъ членамъ докладовъ было около сорока, изъ которыхъ нѣкоторые представляли собою обширныя и весьма обстоятельно разработанныя записки на французскомъ и лишь немногія на нѣмецкомъ языкѣ. Разсматривать всѣ эти вопросы здѣсь невозможно и потому мы остановимся лишь на тѣхъ изъ нихъ, которые представляютъ наиболѣе общій интересъ, совер-

шенно оставляя въ сторонѣ тѣ немногіе, впрочемъ, доклады, которые касались вопросовъ чисто мѣстнаго характера.

На первомъ планѣ въ ряду вопросовъ, подвергнутыхъ обсужденію на конгрессѣ, слѣдуетъ поставить вопросы экономическіе, между которыми особеннаго вниманія заслуживаетъ вопросъ о *сельско-хозяйственныхъ кооперативныхъ ассоціаціяхъ*. Слѣдуетъ замѣтить, что многіе изъ вопросовъ, которые у насъ служатъ еще предметомъ обсужденія и споровъ и даже не перешли еще въ область практическаго осуществленія, въ Западной Европѣ не могутъ уже болѣе подлежать обсужденію, какъ вопросы, давно рѣшенные и вошедшіе въ жизнь. Поэтому и въ Гаагѣ признано было излишнимъ обсуждать необходимость и пользу учрежденія упомянутыхъ выше синдикатовъ, и дебаты съѣзда касались только условій ихъ учрежденія, роли по отношенію къ нимъ правительства и вообще мѣръ къ дальнѣйшему и возможно широкому ихъ распространенію.

Прежде всего конгрессъ коснулся вопроса о вмѣшательствѣ правительства въ дѣло учрежденія ассоціацій или товариществъ сельскихъ хозяевъ для исполненія крупныхъ техническихъ работъ въ видахъ оздоровленія мѣстности или улучшенія ея естественныхъ условій. Обстоятельства, могущія требовать совмѣстной работы многихъ землевладѣльцевъ, представляются весьма различными. На первомъ планѣ могутъ быть поставлены наводненія, которыя иногда имѣютъ послѣдствіемъ занесеніе пескомъ обширныхъ пространствъ культурной земли, въ другихъ же случаяхъ уносятъ, размываютъ верхній слой пахотной земли. Такія же послѣдствія могутъ вызвать и большіе дожди, которые, кромѣ того, въ гористыхъ мѣстностяхъ обусловливаютъ обвалы и оползни горъ; въ песчаныхъ мѣстностяхъ принимаетъ иногда угрожающій характеръ перенесеніе съ мѣста на мѣсто летучихъ песковъ, примѣры чего мы особенно часто видимъ у насъ. Инициатива отдѣльныхъ личностей безсильна для борьбы съ подобными явленіями природы. Совладать съ ними возможно либо путемъ непосредственнаго воздѣйствія правительства, которое возьметъ на себя исполненіе потребныхъ работъ на свой собственный счетъ, либо путемъ соединенія, ассоціаціей всѣхъ заинтересованныхъ лицъ для производства совмѣстной работы на общій ихъ счетъ.

Во Франціи въ подобныхъ случаяхъ вмѣшательство правительства выражается весьма энергическою мѣрой: коль скоро

обнаруживается необходимость производства такого рода работъ, которыя заинтересовываютъ большое число лицъ, послѣднимъ даютъ возможность собираться и обсуждать вопросъ какъ о характерѣ необходимыхъ работъ, такъ и о средствахъ потребныхъ на ихъ осуществленіе. При этомъ заслуживаетъ вниманія то обстоятельство, что если дѣло признано имѣющимъ существенную важность и если есть отдѣльныя лица, не желающія принять въ нихъ участіе, то они могутъ быть къ тому обязываемы, причемъ часть выпадающихъ на ихъ долю расходовъ взыскивается съ нихъ такимъ же порядкомъ, какой установленъ для взысканія безспорныхъ долговыхъ обязательствъ. Такое вмѣшательство правительства въ интересахъ, можно сказать, общественной охраны противъ естественныхъ бѣдствій является вполнѣ необходимымъ, и конгрессъ безусловно высказался въ пользу его. Но вопросъ представляется гораздо болѣе сложнымъ тогда, когда дѣло идетъ не объ устраненіи такихъ условій, гибельное вліяніе которыхъ для всѣхъ очевидно и не можетъ подлежать никакому сомнѣнію, но когда вопросъ касается работъ чисто меліораціоннаго характера, напримѣръ: осушеніе сообща принадлежащаго нѣсколькимъ лицамъ болота, облѣсеніе горныхъ вершинъ въ видахъ улучшенія климатическихъ условій данной мѣстности, предохраненіе источниковъ рѣкъ и т. п. Можно ли въ такихъ случаяхъ установлять обязательное участіе всѣхъ владѣльцевъ въ дѣлѣ, имѣющемъ несомнѣнно полезное значеніе для каждаго изъ нихъ, когда помѣха одного изъ нихъ можетъ затормозить и даже сдѣлать иногда невозможнымъ осуществленіе самаго дѣла? Послѣ долгихъ преній конгрессъ высказался также и въ пользу этого положенія.

Далѣе конгрессъ перешелъ къ обсужденію вопросовъ о практическомъ осуществленіи синдикатовъ, причемъ было выражено общее пожеланіе, чтобы правительства отдѣльныхъ странъ всячески поощряли учрежденіе подобныхъ ассоціацій и устраняли изъ дѣйствующихъ законоположеній все то, что̀ можетъ тормозить ихъ образованіе и широкое развитіе ихъ дѣятельности. Послѣ разсмотрѣнія законовъ, существующихъ на этотъ счетъ въ нѣкоторыхъ европейскихъ государствахъ и преимущественно во Франціи, Голландіи и Италіи, конгрессъ высказался въ пользу необходимости изданія особаго спеціальнаго кодекса, точно опредѣляющаго условія учрежденія сельско-хозяйственныхъ синдикатовъ, ихъ права и обязанности по отношенію какъ къ своимъ

сочленамъ, такъ и къ постороннимъ лицамъ, ожидая серьезной пользы для сельскаго хозяйства отъ возможно широкаго развитія этой формы производительнаго труда.

Обращаясь къ существующимъ въ различныхъ государствахъ условіямъ землевладѣнія, конгрессъ обратилъ вниманіе на чрезвычайную *тягость налоговъ, упадающихъ на земельную собственность*, въ особенности при безвозмездныхъ ея переходахъ, а также при продажахъ, обмѣнахъ и т. п. При обсужденіи этого вопроса выяснилось, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ налоги эти поглощаютъ доходность имѣній за нѣсколько лѣтъ. Подобная тягость налоговъ стѣсняетъ переходъ недвижимой собственности изъ рукъ въ руки, что иногда тормозитъ развитіе сельскаго хозяйства, служа серьезною помѣхой къ переходу имущества отъ однихъ лицъ къ другимъ; хотя съ другой стороны было указано, что слишкомъ частые переходы недвижимой собственности имѣютъ свои вредныя стороны, такъ какъ преемственность труда является однимъ изъ существеннѣйшихъ условій развитія земледѣлія, конгрессъ единогласно выразилъ желаніе, чтобы налогъ на переходы имущества, какимъ бы способомъ они ни совершались,—путемъ добровольной или публичной продажи, путемъ даренія, наслѣдства и т. п., никогда не превышалъ чистаго годоваго дохода даннаго имущества, исчисленнаго по средней доходности пяти послѣднихъ лѣтъ. При всякихъ же обмѣнахъ имущества равноцѣннаго пропорціональный налогъ долженъ быть совершенно отмѣненъ, и оставленъ только налогъ въ опредѣленной цифрѣ собственно за совершаемую сдѣлку, соотвѣтственно законодательству каждой отдѣльной страны.

Весьма много преній вызвалъ, но къ сожалѣнію на этотъ разъ остался не рѣшеннымъ, вопросъ, занимающій всѣ подобнаго рода собранія и съѣзды въ Западной Европѣ и дѣйствительно имѣющій громадную важность для правильной постановки сельскохозяйственнаго дѣла—это вопросъ о *вознагражденіи выходящаго фермера* за всѣ сдѣланныя имъ на улучшеніе арендованнаго имущества затраты и обезпеченіе ему возможности возврата затраченнаго на это дѣло капитала. Несомнѣнно, что отъ правильнаго разрѣшенія этого вопроса въ значительной степени зависитъ возможность правильной организаціи фермерскаго хозяйства, возможность улучшенія арендаторамъ не принадлежащей ему, но временно находящейся въ его пользованіи земли, обезпеченіе собственника земли противъ стремленій временнаго ея владѣльца-

арендатора къ расхищенію ея производительныхъ силъ, однимъ словомъ, гарантія всей будущности сельскаго хозяйства и сохраненіе неприкосновенности вложенныхъ временнымъ владѣльцемъ въ чужую землю капиталовъ. Въ Россіи, гдѣ, какъ извѣстно, за исключеніемъ нашей западной окраины, сколько-нибудь правильной фермерской системы не существуетъ вовсе, вопросъ этотъ рѣшается чрезвычайно просто: ни за какія сдѣланныя имъ затраты по улучшенію арендованнаго имъ имѣнія арендаторъ ничего не получаетъ, вывезенныя имъ на поля удобренія остаются въ пользу собственника земли или новаго арендатора безвозмездно, возведенныя имъ постройки ему предоставляется снести, буде онъ не сойдется съ владѣльцемъ или новымъ арендаторомъ относительно покупки ихъ, конечно, за безцѣнокъ. За болѣе крупныя улучшенія, въ родѣ расчистки земель изъ-подъ лѣса, осушки болотъ и т. п., арендаторъ точно также въ огромномъ большинствѣ случаевъ ничего не получаетъ. Весьма естественно, что при такихъ условіяхъ все стремленіе арендатора сводится къ тому, чтобы взять изъ земли все, что только она можетъ дать, и въ то же время ничего въ нее не вложить.

Конгрессъ призналъ, что въ видахъ увеличенія производительности земли, условія, заключаемыя собственниками и арендаторами земли, должны быть коренньмъ образомъ измѣнены для обезпеченія затраченнаго на имѣніе капитала. Съ этою цѣлью предложено было установить законодательнымъ порядкомъ, чтобы въ тѣхъ случаяхъ, когда въ заключенномъ контрактѣ не содержится на этотъ счетъ никакихъ особыхъ оговорокъ, выходящій фермеръ, улучшившій арендованное имъ имѣніе, имѣлъ право либо на возвратъ затраченнаго капитала, либо на временную ренту, размѣръ которой долженъ соотвѣтствовать извѣстной части того увеличенія дохода, которое явилось послѣдствіемъ сдѣланныхъ имъ улучшеній. Съ другой стороны было предложено предоставить прежнему фермеру по окончаніи срока контракта преимущественныя права предъ новыми соискателями. Тѣмъ не менѣе вопросъ этотъ вызвалъ большія пренія, причемъ высказывалось, что установленіе какихъ-либо исключительныхъ правъ въ пользу выходящаго фермера можетъ стѣснить собственника въ распоряженіи своимъ имѣніемъ. Признавая капитальную важность этого вопроса, конгрессъ тѣмъ не менѣе нашелъ его недостаточно разработаннымъ и, не принявъ никакого окончательнаго рѣшенія, поручилъ будущей международной коммиссіи серьезно

заняться этимъ вопросомъ, войдя для сего въ сношенія съ сельско-хозяйственными обществами въ различныхъ государствахъ Европы, и собрать свѣдѣнія о существующихъ въ разныхъ мѣстностяхъ на этотъ счетъ законахъ и правилахъ, для представленія своего заключенія по этому предмету будущему конгрессу.

Вопросъ о *сельско-хозяйственномъ кредитѣ* не могъ, конечно, не стоять на очереди на конгрессѣ, привлекшемъ къ себѣ сельскихъ хозяевъ различныхъ странъ. И дѣйствительно онъ послужилъ предметомъ весьма обстоятельнаго доклада г. Жакоба и оживленныхъ преній какъ въ отдѣленіи, такъ и въ общемъ собраніи конгресса. Прежде всего конгрессъ призналъ, согласно заключеніямъ докладчика, что облегченіе сельскимъ хозяевамъ возможности пользоваться кредитомъ имѣетъ для нихъ весьма серьезное значеніе, и что существующія въ этомъ отношеніи опасенія на счетъ тѣхъ вредныхъ послѣдствій, которыя могутъ явиться результатомъ злоупотребленія кредитомъ при слишкомъ льготныхъ его условіяхъ, въ общемъ неосновательны. Замѣчательно, что на конгрессѣ раздавались тѣ же жалобы на неравенство *правъ пользованія вексельнымъ кредитомъ* въ банковыхъ учрежденіяхъ между купцами и землевладѣльцами, которыя много разъ высказывались у насъ. Въ виду этого конгрессъ единогласно высказался въ томъ смыслѣ, чтобы сельскимъ хозяевамъ были предоставлены тѣ же права, которыя предоставлены торговцамъ, и чтобы какъ условія кредита, такъ и порядокъ взысканія по долговымъ обязательствамъ сельскихъ хозяевъ и торговцевъ были одинаковы.

Далѣе конгрессъ высказался *въ пользу банковъ взаимнаго кредита и противъ вмѣшательства правительства въ дѣло организаціи сельско-хозяйственнаго кредита*, такъ какъ подобное вмѣшательство можетъ нарушить нормальное развитіе кредита въ странѣ, создать непосильную и такъ-сказать искусственную конкурренцію частному кредиту, развитіе котораго представляется весьма желательнымъ и который можетъ принести тѣмъ болѣе пользы, чѣмъ болѣе онъ будетъ децентрализованъ. Съ развитіемъ бо́льшаго числа мелкихъ кредитныхъ учрежденій они будутъ ближе къ сельскимъ хозяевамъ и доступнѣе имъ. Для усиленія оборотныхъ средствъ этихъ банковъ предложено было предоставить имъ пользоваться суммами, внесенными на храненіе въ ссудо-сберегательныя кассы. Однако, это предложеніе было послѣ долгихъ преній отклонено, въ виду той

опасности, которую можетъ представить подобное употребленіе этихъ капиталовъ. Такъ какъ капиталы эти большею частью составляются изъ мелкихъ взносовъ, которые во всякое время могутъ быть вытребованы обратно, то всякая срочная затрата ихъ можетъ поставить кассу въ затруднительное положеніе; а разъ довѣріе къ ссудо-сберегательнымъ кассамъ со стороны ихъ вкладчиковъ будетъ подорвано, этому полезнѣйшему учрежденію можетъ быть нанесенъ серьезный ударъ.

Точно также было отклонено предложеніе румынскаго представителя, г. Буэско, который высказался въ пользу широкаго развитія такой формы кредита подъ залогъ движимаго имущества, при которой это имущество остается въ рукахъ его владѣльца, не переходя къ кредитору, какъ при обыкновенныхъ формахъ кредита подъ залогъ движимаго имущества. Г. Буэско сообщилъ, что такая форма кредита уже болѣе девяти лѣтъ установлена закономъ въ Румыніи и оказала существенное вліяніе на поднятіе благосостоянія крестьянскаго населенія. Тѣмъ не менѣе конгрессъ призналъ, что развитіе сказанной формы кредита представляется опаснымъ; при подобныхъ условіяхъ залога движимаго имущества весьма трудно судить о дѣйствительной состоятельности и кредитоспособности даннаго землевладѣльца; всегда будетъ являться опасеніе, что все его имущество, представляющее хотя бы и большую цѣну—скотъ, лошади, полевыя орудія и т. п. — заложено и что онъ является только, такъ-сказать, фиктивнымъ владѣльцемъ всего этого имущества. При этихъ условіяхъ можетъ уменьшиться довѣріе даже къ самымъ состоятельнымъ землевладѣльцамъ, между тѣмъ какъ кредитъ личный, кредитъ взаимный можетъ способствовать поднятію ихъ благосостоянія и безъ необходимости прибѣгать къ вещественному залогу. Вотъ тѣ причины, по которымъ предложеніе г. Буэско, хотя и поддержанное многими членами конгресса, въ концѣ концовъ было отклонено.

Весьма любопытнымъ и можно сказать неожиданнымъ представилось возбужденіе на международномъ конгрессѣ вопроса о преимуществахъ общиннаго землевладѣнія передъ частнымъ, окончившееся впрочемъ торжественнымъ проваломъ предложенія, внесеннаго докладчикомъ г. Стоффелемъ (Нидерланды)—*о постепенномъ выкупѣ частныхъ земель правительствомъ и общинами*. Г. Стоффель формулировалъ свое предложеніе слѣдующимъ образомъ: 1) Желательно, чтобы государству предоставлено было

право пріобрѣтать, при условіи справедливаго вознагражденія, земли, остающіяся нынѣ не обрабатываемыми и вообще мало производительными, отдавать ихъ въ аренду на льготныхъ условіяхъ сельскимъ рабочимъ, снабжая ихъ притомъ и необходимымъ капиталомъ для постройки усадьбы, обзаведенія инвентаремъ и улучшенія земли. 2) Желательно, чтобъ увеличеніе стоимости земли, являющееся результатомъ увеличенія численности населенія, проведенія желѣзныхъ дорогъ, каналовъ, устройства портовъ и всякаго рода улучшеній, производимыхъ на правительственный или общественный счетъ, имѣло бы послѣдствіемъ повышеніе налоговъ, падающихъ на частную собственность. Этимъ путемъ правительства и общины увеличили бы свои доходы, что было бы вполнѣ справедливо, потому что увеличеніе цѣнности земли въ подобныхъ случаяхъ является результатомъ не трудовъ и усилій частныхъ землевладѣльцевъ, но усилій цѣлаго общества. 3) Необходимо, чтобы правительство въ широкихъ размѣрахъ предприняло осушку болотъ, разработку ландъ и другихъ непроизводительныхъ нынѣ земель и отнюдь не продавало бы частнымъ лицамъ, но лишь предоставляло во временное ихъ пользованіе, полученныя такимъ способомъ производительныя земли. 4) Необходимо, чтобы были нынѣ же приняты переходныя мѣры, которыя способствовали бы постепенному превращенію всей частной поземельной собственности въ общинную, такъ какъ только община можетъ эксплуатировать землю въ интересахъ всѣхъ, а не отдѣльныхъ лицъ.

Только третье изъ предложеній докладчика, относительно обширныхъ правительственныхъ меліораціонныхъ работъ для улучшенія земель, непроизводительныхъ, разработка которыхъ часто не подъ силу отдѣльному лицу, было сочувственно встрѣчено собраніемъ; всѣ же остальные пункты доклада были единогласно отвергнуты, причемъ г. Стоффель не счелъ даже возможнымъ поддерживать свои заключенія въ общемъ собраніи конгресса и уклонился отъ дальнѣйшаго въ немъ участія. Г. Маасъ высказалъ при этомъ, что при эксплуатаціи путемъ аренды принадлежащихъ правительству земель, онѣ большею частью попадаютъ отнюдь не въ руки наиболѣе нуждающагося класса земледѣльцевъ, но, напротивъ, въ руки лицъ и безъ того состоятельныхъ, которыя имѣютъ возможность набирать себѣ такимъ способомъ обширныя пространства земли. Графъ Коловратъ (Австрія) замѣтилъ, что какъ въ Австріи, такъ вѣроятно и во многихъ

другихъ странахъ, государственныя и общественныя земли большею частью эксплуатируются и обрабатываются хуже всѣхъ другихъ, и что арендаторъ въ сущности ничего не выиграетъ отъ того, что онъ будетъ имѣть дѣло съ правительствомъ въ качествѣ землевладѣльца, а не съ частными лицами, такъ какъ правительство въ качествѣ землевладѣльца будетъ столь же заинтересовано въ извлеченіи возможно высшихъ доходовъ отъ принадлежащей ему земли, какъ и послѣдніе. Далѣе было обращено вниманіе на то, что общинное землевладѣніе есть форма, свойственная мѣстностямъ, стоящимъ на низшихъ ступеняхъ развитія, что она служитъ помѣхой всякому сельско-хозяйственному прогрессу, что она нарушаетъ интересы частныхъ лицъ и т. п. Г. Зиккесъ замѣтилъ, что въ Голландіи мѣстами до сихъ поръ еще существуютъ земли, находящіяся въ общинномъ владѣніи, но что земледѣльческій прогрессъ начинается, какъ показываетъ опытъ, лишь по мѣрѣ отмѣны общиннаго землевладѣнія.

Несмотря на энергическую защиту, въ отдѣленіи, г. Стоффелемъ своего предложенія, которому онъ придалъ громкое названіе „идеи о національзаціи земли“, высказавъ, что въ настоящее время общество еще быть-можетъ не подготовлено къ воспріятію столь великой мысли, которой принадлежитъ будущее, отдѣленіе приняло слѣдующее мотивированное заключеніе: „Принимая во вниманіе, что сосредоточеніе поземельной собственности исключительно въ рукахъ казны служило бы помѣхой къ развитію земледѣлія и тормозомъ ко всякому сельско-хозяйственному прогрессу; что національзація земли представила бы серьезную опасность съ точки зрѣнія: 1) свободы отдѣльныхъ личностей, 2) прочности соціальныхъ отношеній, преимущественно въ средѣ сельскихъ классовъ населенія, и 3) моральныхъ и финансовыхъ интересовъ правительства, конгрессъ признаетъ, что принципъ національзаціи почвы долженъ быть безусловно отвергнутъ.“ На этомъ заключеніи, принятомъ въ общемъ собраніи единогласно (такъ какъ г. Стоффель бѣжалъ съ конгресса), обсужденіе этого оригинальнаго предложенія и закончилось.

Въ программѣ конгресса стоялъ, между прочимъ, вопросъ о *дешевой перевозкѣ продуктовъ сельскаго хозяйства, скота и земледѣлательныхъ средствъ*, а также *о международныхъ желѣзнодорожныхъ тарифахъ*. Къ сожалѣнію, этотъ въ высшей степени важный для сельскаго хозяйства вопросъ остался мало разработаннымъ и сдѣланный по этому предмету докладъ касался по

преимуществу интересовъ и нуждъ нидерландскихъ сельскихъ хозяевъ. Поэтому здѣсь можно привести только немногія принятыя конгрессомъ по этому вопросу заключенія, имѣющія болѣе общій характеръ.

Такъ, изъ доклада выяснилось, что въ Голландіи продукты земледѣлія, скотъ и землеудобрительные туки пользуются не только наиболѣе низкими ставками общаго тарифа, но и весьма часто перевозятся по спеціальнымъ исключительнымъ тарифамъ, причемъ эти льготы примѣняются не только ко внутреннимъ, но и къ международнымъ перевозкамъ; что дѣйствующій въ Голландіи законъ допускаетъ примѣненіе, сверхъ распубликованныхъ общихъ тарифовъ, значительныхъ скидокъ для товаровъ, перевозимыхъ болѣе или менѣе значительными количествами; что въ тѣхъ случаяхъ, когда опубликованные тарифы признаются все еще слишкомъ высокими, сельскіе хозяева имѣютъ возможность входить въ частное соглашеніе съ администраціей желѣзныхъ дорогъ относительно примѣненія къ нимъ болѣе льготныхъ ставокъ, причемъ эти льготы служатъ не только въ пользу крупныхъ отправителей, но и въ пользу мелкихъ, если послѣдніе собираются въ группы и предъявляютъ свои продукты къ перевозкѣ сообща.

Конгрессомъ было выражено пожеланіе, чтобы льготы по перевозкѣ сельско-хозяйственныхъ продуктовъ были по возможности доступны не только крупнымъ отправителямъ, но и отдѣльнымъ хозяевамъ, а также ассоціаціямъ мелкихъ хозяевъ; чтобы желѣзныя дороги устраивали спеціальные поѣзда для перевозки скота къ главнымъ рынкамъ по возможно пониженному и доступному для всѣхъ производителей тарифу и чтобы въ случаѣ надобности мѣстныя сельскія и провинціальныя власти, а также сельско-хозяйственныя общества, оказывали сельскимъ хозяевамъ возможное содѣйствіе къ полученію необходимыхъ льготъ въ отношеніи скорой и дешевой перевозки ихъ сельско-хозяйственныхъ продуктовъ.

Вопросъ *о сельско-хозяйственномъ образованіи* также занималъ международный конгрессъ, но, конечно, не съ точки зрѣнія его необходимости и пользы, что не можетъ составлять вопроса для западно-европейскихъ хозяевъ, а преимущественно съ точки зрѣнія нѣкоторыхъ частностей этого дѣла. Такъ, конгрессъ высказался противъ преподаванія садоводства и плодоводства въ высшихъ сельско-хозяйственныхъ учебныхъ заведеніяхъ и считалъ

необходимымъ учрежденіе съ этою цѣлью спеціальныхъ учебныхъ заведеній. Далѣе, конгрессъ призналъ въ высшей степени важнымъ учрежденіе практическихъ профессіональныхъ школъ и такъ называемыхъ зимнихъ школъ, выразивъ мнѣніе, что преподавателями для этихъ школъ должны быть по преимуществу выбираемы лица, окончившія курсъ въ высшихъ сельско-хозяйственныхъ учебныхъ заведеніяхъ. Изъ этихъ же лицъ должны быть избираемы и мѣстные агрономы или такъ называемые странствующіе учителя сельскаго хозяйства, дѣятельности которыхъ конгрессъ придавалъ особенно важное значеніе. На обязанности этихъ агрономовъ и особо назначаемыхъ имъ помощниковъ должно быть возложено чтеніе популярныхъ курсовъ сельскаго хозяйства въ селеніяхъ, разъ или два раза въ недѣлю въ теченіе зимы. Эти курсы, приноровленные къ степени развитія молодыхъ людей, прошедшихъ полный курсъ начальной школы, должны касаться сельско-хозяйственныхъ вопросовъ, имѣющихъ преимущественное значеніе для тѣхъ мѣстностей или селеній, гдѣ они будутъ читаться.

Всѣ эти заключенія были приняты единогласно и почти безъ преній. Нѣкоторыя возраженія встрѣтилъ вопросъ о включеніи сельскаго хозяйства въ циклъ преподаванія въ низшихъ начальныхъ школахъ. Въ отношеніи этого вопроса докладчикъ г. Брокема (Нидерланды) высказался даже отрицательно, находя, что введеніе преподаванія сельскаго хозяйства слишкомъ усложнило бы курсъ начальныхъ училищъ, и что дѣти моложе 12 лѣтъ не могутъ считаться подготовленными къ слушанію сельско-хозяйственнаго курса. Это мнѣніе было поддержано г. Биллеромъ, директоромъ высшаго сельско-хозяйственнаго института въ Швейцаріи. Большинство признало однако желательнымъ введеніе преподаванія элементарнаго курса сельскаго хозяйства въ начальныхъ народныхъ училищахъ въ деревняхъ, выразивъ однако при этомъ, что такое преподаваніе должно быть по возможности приспособленнымъ къ пониманію дѣтей, посѣщающихъ эти училища. Оно должно заключать въ себѣ самыя элементарныя понятія о растеніяхъ, насѣкомыхъ, птицахъ и ихъ роли и значеніи въ природѣ. Преподаваніе должно вестись въ формѣ предметныхъ уроковъ, причемъ учитель долженъ избирать темой для своихъ бесѣдъ съ учениками вопросы, имѣющіе преимущественное значеніе для мѣстнаго земледѣлія и стараться вводить эти же вопросы въ письменныя и ариѳметическія упражненія

учениковъ. Во время прогулокъ онъ долженъ показывать дѣтямъ все, что̀ есть интереснаго и поучительнаго въ сельской жизни и научать ихъ относиться сознательно къ различнымъ вопросамъ земледѣлія, возбуждая въ нихъ любовь къ деревнѣ и сельскохозяйственному дѣлу.

Въ народныхъ училищахъ высшаго разряда преподаваніе земледѣлія должно уже имѣть характеръ полнаго курса и читаться по программѣ, приспособленной къ мѣстнымъ условіямъ и къ возрасту учениковъ, посѣщающихъ эти училища.

Далѣе, конгрессъ единогласно высказался въ пользу развитія *женскаго сельско-хозяйственнаго образованія*, въ виду той значительной роли, которая выпадаетъ на долю женщинъ въ области земледѣльческаго труда. Обративъ вниманіе на отсутствіе краткихъ, ясныхъ и практическихъ руководствъ по разнымъ предметамъ сельско-хозяйственнаго знанія, приспособленныхъ къ различнымъ степенямъ преподаванія, конгрессъ высказался за возможное поощреніе составленія и изданія подобныхъ руководствъ. Въ виду того, что въ различныхъ государствахъ высшія сельско-хозяйственныя учебныя заведенія имѣютъ различный характеръ и преподаваніе въ нихъ ведется по различнымъ системамъ, было выражено пожеланіе, чтобы будущему сельско-хозяйственному конгрессу былъ представленъ планъ детально разработанной программы преподаванія сельско-хозяйственныхъ наукъ въ высшихъ сельско-хозяйственныхъ учебныхъ заведеніяхъ.

Громадное развитіе въ послѣдніе годы науки *бактеріологіи* и то значеніе, которое она пріобрѣтаетъ во всѣхъ отрасляхъ сельско-хозяйственнаго дѣла, побудило конгрессъ высказаться за необходимость введенія спеціальнаго преподаванія бактеріологіи и учрежденія бактеріологическихъ лабораторій, по возможности, во всѣхъ высшихъ сельско-хозяйственныхъ учебныхъ заведеніяхъ, а равно и при сельско-хозяйственныхъ опытныхъ станціяхъ.

Въ программѣ конгресса стоялъ между прочимъ и вопросъ *о трудѣ дѣтей и вообще малолѣтныхъ въ деревняхъ*. По этому предмету былъ внесенъ обстоятельный докладъ г. Незапомъ, однимъ изъ наиболѣе выдающихся представителей Франціи на конгрессѣ. Докладчикъ обратилъ вниманіе на тѣ неудобства, которыя происходятъ для родителей вслѣдствіе закона объ обязательномъ посѣщеніи школъ, въ особенности въ весеннее и лѣтнее время. Дѣти школьнаго возраста представляютъ собою не

маловажную рабочую силу въ деревняхъ, почему было бы желательно, чтобы въ законѣ объ обязательномъ посѣщеніи школы были сдѣланы необходимыя измѣненія. Въ этомъ отношеніи заслуживаетъ особеннаго вниманія австрійскій законъ 2 мая 1883 года, согласно которому преподаваніе въ школахъ можетъ быть, по желанію родителей, прекращаемо на извѣстную часть года или же ограничиваемо нѣсколькими днями въ недѣлю. Французскій законъ 28 марта 1883 года установляетъ только право освобожденія отъ одного или двухъ уроковъ въ день дѣтей по ходатайству ихъ родителей, а равно дѣтей, отдаваемыхъ въ работу на чужія фермы. Очевидно, что подобное освобожденіе представляется недостаточнымъ и идетъ только въ ущербъ самому преподаванію. Въ виду этого г. Незанъ предложилъ повсемѣстное принятіе австрійскаго закона, въ силу котораго, какъ сказано, преподаваніе въ школахъ прерывается на рабочее время, причемъ эта мѣра касается всѣхъ дѣтей данной округи и примѣняется по общему ходатайству отцовъ семействъ даннаго селенія.

Извѣстно, что въ послѣднее время повсюду разрабатывается вопросъ объ ограниченіи часовъ работы дѣтей на фабрикахъ и заводахъ, преимущественно въ цѣляхъ гигіеническихъ и санитарныхъ. Многими былъ возбужденъ вопросъ о томъ, не слѣдуетъ ли распространить подобное ограниченіе также и на трудъ дѣтей въ деревняхъ. Г. Незанъ высказалъ, что, по его мнѣнію, въ этомъ не представляется никакой необходимости: трудъ дѣтей въ деревняхъ не представляетъ собой, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, ничего антигигіеническаго; даже если ребенокъ встаетъ рано, чтобы выйти со скотомъ на пастьбу, онъ всегда имѣетъ возможность отдохнуть въ полѣ на вольномъ воздухѣ; при полевыхъ работахъ съ плугомъ, бороной или другими хозяйственными орудіями малолѣтніе большею частью употребляются какъ погонныши, отдыхаютъ во время сравнительно частыхъ перерывовъ работы и вообще находятся въ условіяхъ, не только не могущихъ вредно отразиться на ихъ физическомъ развитіи и здоровьѣ, а скорѣе наоборотъ. Въ силу этого соображенія докладчикъ категорически высказался противъ всякой регламентаціи полеваго труда дѣтей въ селеніяхъ съ точки зрѣнія гигіенической, не распространяя этого положенія, само собой разумѣется, на занятія дѣтей въ области сельско-хозяйственныхъ техническихъ производствъ—на винокуренныхъ, свеклоса-

харныхъ. маслобойныхъ и тому подобныхъ заводахъ, по отношенію къ которымъ долженъ быть примѣняемъ общій законъ. Всѣ заключенія докладчика были приняты собраніемъ единогласно.

По мѣрѣ того, какъ совершенствуется и поднимается западно-европейское земледѣліе, все болѣе растетъ въ немъ вліяніе науки. Въ виду этого большое вниманіе было посвящено вопросу *о сельско-хозяйственныхъ опытныхъ станціяхъ*, которыя были разсматриваемы съѣздомъ съ двухъ и даже съ трехъ точекъ зрѣнія: 1) какъ учрежденія, направленныя къ тому, чтобы двигать впередъ сельско-хозяйственную науку: 2) какъ учрежденія, имѣющія цѣлью, при посредствѣ такъ называемыхъ доказательныхъ полей (champs de demonstration), знакомить сельскихъ хозяевъ наглядными образомъ съ практическими результатами научныхъ изслѣдованій и 3) какъ учрежденія, контролирующія доброкачественность различныхъ продуктовъ земледѣлія и землеудобрительныхъ средствъ.

Въ одномъ изъ своихъ заключеній, принятыхъ единогласно, конгрессъ постановилъ обратить вниманіе европейскихъ правительствъ на учрежденіе сельско-хозяйственныхъ опытныхъ станцій въ Соединенныхъ Штатахъ Сѣверной Америки, которыя могли бы служить образцомъ для подобныхъ же станцій въ Европѣ и въ особенности у насъ. Извѣстно, что американскія станціи своими научными трудами и изслѣдованіями въ области практическаго земледѣлія принесли громадную пользу американскому земледѣлію и служатъ однимъ изъ мощныхъ средствъ для сельско-хозяйственнаго прогресса въ этой странѣ, съ высокою производительностью которой Европѣ будетъ съ каждымъ днемъ все труднѣе и труднѣе бороться.

Обращая вниманіе на научныя задачи опытныхъ станцій, собраніе, по предложенію профессора Зораура, признало необходимымъ организацію систематическихъ наблюденій надъ болѣзнями растеній и ихъ врагами изъ животнаго или растительнаго міра. Для достиженія этой цѣли необходимо, чтобы научный персоналъ и практики сельскаго хозяйства въ различныхъ странахъ предприняли цѣлый рядъ методическихъ наблюденій и чтобы фитопатологія была поставлена на степень самостоятельной науки, которая будетъ въ состояніи принести существенную пользу практикѣ земледѣлія. Въ этихъ видахъ желательно, чтобы во всѣхъ государствахъ были въ возможно скоромъ времени учреждены спеціальныя научныя станціи для изученія

болѣзней растеній, а также вредныхъ животныхъ. Для того, чтобъ эти учрежденія были поставлены возможно прочно, необходимо, чтобъ они созданы были на средства правительства и по возможности равномѣрно распредѣлены по различнымъ районамъ каждаго отдѣльнаго государства. Всѣ подобныя станціи не только въ предѣлахъ одного, но и различныхъ государствъ, должны быть въ постоянномъ между собою общеніи. Производя научные опыты и изслѣдованія въ области фитопатологіи, онѣ вмѣстѣ съ тѣмъ должны поддерживать практиковъ сельскаго хозяйства своими совѣтами, давать имъ полезныя указанія, въ свою очередь пользуясь результатами ихъ практическихъ наблюденій. Серьезнымъ къ тому содѣйствіемъ должно служить учрежденное на вѣнскомъ международномъ конгрессѣ 1890 года фитопатологическое общество, къ которому принадлежатъ выдающіеся ученые всѣхъ главнѣйшихъ государствъ Европы. Какъ отъ этого общества, такъ и отъ проектированныхъ конгрессомъ научныхъ сельско-хозяйственныхъ опытныхъ станцій можно ожидать самыхъ благотворныхъ послѣдствій для практики земледѣлія, въ смыслѣ пресѣченія болѣзней растеній, принимающихъ иногда, какъ извѣстно, совершенно эпидемическій характеръ.

Само собою разумѣется, что фитопатологическія изслѣдованія должны составлять только часть работъ сельско-хозяйственныхъ опытныхъ станцій. Не менѣе важное значеніе имѣетъ изслѣдованіе растеній, почвъ и т. под. Съ этой точки зрѣнія конгрессомъ признано необходимымъ, чтобы на сельско-хозяйственныхъ станціяхъ различныхъ государствъ предпринято было систематическое изученіе всѣхъ воздѣлываемыхъ въ данной мѣстности растеній, чтобъ это изученіе велось по возможности по одной и той же программѣ, насколько это представляется осуществимымъ при данныхъ условіяхъ климата и растительной жизни. Было бы желательно, чтобы какъ для установленія однообразной программы изслѣдованій, такъ и для указанія тѣхъ сортовъ растеній, которыя должны подлежать изслѣдованію, директора опытныхъ станцій собирались черезъ каждые три года на общій съѣздъ и избирали изъ своей среды на трехлѣтній срокъ особый комитетъ, на который было бы возложено главное руководство предпринимаемыми работами. Директора отдѣльныхъ станцій должны были бы, независимо отъ опубликованія результатовъ своихъ трудовъ въ мѣстныхъ органахъ печати или въ отчетахъ

каждой станціи, сообщать главнѣйшіе ихъ результаты означенному центральному комитету.

Переходя къ той пользѣ, которую опытныя станціи могутъ принести практикѣ земледѣлія, и выслушавъ обстоятельный очеркъ организаціи опытныхъ станцій и полей въ Голландіи, конгрессъ призналъ, что необходимо строго различать собственно опытныя поля отъ полей демонстративныхъ или доказательныхъ: первыя должны имѣть цѣлью производство опытовъ, испытаніе неизвѣстныхъ еще пріемовъ культуры, обработки земли и удобренія, между тѣмъ какъ вторыя должны быть направлены къ тому, чтобы знакомить сельскихъ хозяевъ съ твердо установленными на поляхъ перваго рода результатами тѣхъ или другихъ культурныхъ пріемовъ. Это различіе въ дѣйствіяхъ должно влечь за собою и коренное различіе въ условіяхъ организаціи полей перваго и втораго рода: первыя опытныя поля должны быть устроены такъ, чтобы допускать возможность производства тѣхъ или другихъ изслѣдованій съ достаточною для рѣшенія задуманнаго вопроса полнотой и точностью, между тѣмъ какъ вторыя, имѣя цѣлью ознакомленіе публики съ твердо установленными наукой земледѣлія фактами, должны по преимуществу преслѣдовать наглядность производимыхъ на нихъ опытовъ,—поэтому и размѣры ихъ должны быть гораздо больше и вообще они должны быть организованы въ условіяхъ, по возможности болѣе приближающихся къ условіямъ дѣйствительной сельско-хозяйственной практики.

По удостовѣренію директора департамента земледѣлія во французскомъ министерствѣ земледѣлія г. Тиссерана, практическая польза опытныхъ полей уже давно доказана во Франціи, гдѣ въ настоящее время имѣется около пятидесяти опытныхъ полей и нѣсколько тысячъ полей демонстративныхъ.

Третья задача сельско-хозяйственныхъ опытныхъ станцій должна, какъ уже сказано, заключаться въ изслѣдованіи главнѣйшихъ обращающихся въ продажѣ продуктовъ земледѣлія, землеудобрительныхъ средствъ, а также и многихъ другихъ веществъ, служащихъ для питанія человѣка и тому подобныхъ цѣлей. Извѣстно, до какихъ громадныхъ размѣровъ достигла въ послѣдніе годы фальсификація различныхъ продуктовъ потребленія. Такъ, конгрессу была демонстрирована пшеничная мука, на половину состоявшая изъ размолотаго въ тонкій порошокъ мрамора; показанъ былъ миндаль, приготовленный изъ глюкозы:

кофе, не содержавшій въ себѣ ни одного атома кофе и т. п. Извѣстно, что въ Германіи существуетъ заводъ, спеціально изготовляющій изъ особой породы камня мелкія зерна, на подобіе клеверныхъ, которыя потомъ съ успѣхомъ подмѣшиваются къ настоящему клеверу. Быть-можетъ, еще шире практикуется фальсификація при продажѣ землеудобрительныхъ средствъ, особенно при чрезвычайно распространенной въ нѣкоторыхъ государствахъ продажѣ ихъ въ долгъ со значительными скидками; такою продажей по преимуществу занимаются разные второстепенные торговые дома и ихъ коммиссіонеры, которые привлекаютъ къ себѣ покупателей этими именно льготами при покупкѣ, въ большинствѣ случаевъ приводящими однако къ явному убытку для покупателя, получающаго продуктъ, не имѣющій иногда рѣшительно никакого землеудобрительнаго достоинства.

Конгрессъ единогласно призналъ настоятельную необходимость самой энергической борьбы съ этимъ зломъ. Несомнѣнно, что сельско-хозяйственныя опытныя станціи могутъ принести въ этомъ отношеніи весьма существенную пользу, особенно если правительства различныхъ государствъ придадутъ имъ надлежащую организацію и если дѣло контроля питательныхъ продуктовъ, сѣмянъ и землеудобрительныхъ средствъ получитъ международный характеръ. Но для того, чтобъ этотъ контроль могъ принести дѣйствительную пользу и чтобы гарантія доброкачественности, данная въ одномъ государствѣ, могла бы считаться достаточною и для всякаго другаго, было бы желательно, чтобы повсемѣстно примѣнялись однообразные методы изслѣдованій, такъ какъ при примѣненіи различныхъ пріемовъ анализа и полученные результаты могутъ быть чрезвычайно между собой не сходными. До какой степени различны практикуемые въ разныхъ государствахъ въ этомъ отношеніи пріемы, можно судить хотя бы изъ того, что степень всхожести хлѣбныхъ сѣмянъ опредѣляется путемъ проращиванія ихъ—въ теченіе четырнадцати дней въ Голландіи, двѣнадцати дней въ Бельгіи и семидесяти двухъ дней на нѣкоторыхъ агрономическихъ станціяхъ Швейцаріи. Весьма естественно, что при такихъ различныхъ методахъ изслѣдованія никакъ не могутъ получиться однообразные результаты, почему сѣмена или другіе продукты, признанные годными въ одной странѣ, могутъ быть забракованы и даже подать поводъ къ судебному преслѣдованію – въ другомъ государствѣ.

Въ видахъ предупрежденія этого было предложено учрежденіе

постоянной международной коммиссіи, составленной изъ представителей различныхъ государствъ, которые могли бы вырабатывать обязательные для всѣхъ государствъ методы изслѣдованія продуктовъ земледѣлія, посѣвныхъ сѣмянъ и землеудобрительныхъ средствъ; дѣйствовать въ качествѣ высшей инстанціи въ случаѣ разногласія между собою анализовъ, произведенныхъ на различныхъ станціяхъ; изучать различные методы анализа и совершенствовать примѣняемые методы по мѣрѣ движенія впередъ аналитической науки. Предположеніе объ учрежденіи подобной постоянной международной коммиссіи было однако же отклонено конгрессомъ, въ виду практической трудности его осуществленія. Въ равной мѣрѣ было отклонено и предложеніе относительно установленія однообразнаго метода для анализовъ почвы, такъ какъ было признано, что анализы почвы производятся не съ промышленною, а преимущественно съ научною цѣлью, и что современная наука еще не сказала своего окончательнаго слова по этому поводу.

Отклонивъ предположеніе объ учрежденіи, съ вышеуказанною цѣлью, постоянной международной коммиссіи, конгрессъ призналъ желательнымъ учрежденіе въ каждомъ отдѣльномъ государствѣ спеціальной коммиссіи, составленной изъ наиболѣе компетентныхъ въ данной области ученыхъ, для разсмотрѣнія наиболѣе употребительныхъ пріемовъ изслѣдованія сѣмянъ и анализа удобреній. Представители этой коммиссіи должны отъ времени до времени собираться для постановки окончательныхъ заключеній относительно тѣхъ методовъ изслѣдованія и анализа, которые имѣютъ быть окончательно введены. Вмѣстѣ съ тѣмъ было признано желательнымъ, чтобы въ различныхъ государствахъ, по крайней мѣрѣ разъ въ годъ, публиковались данныя о произведенныхъ коммиссіей работахъ и о тѣхъ результатахъ, къ которымъ приводитъ примѣненіе на практикѣ установленныхъ методовъ изслѣдованія.

Но установленіемъ однихъ только однообразныхъ методовъ изслѣдованія сельско-хозяйственныхъ продуктовъ задача борьбы съ фальсификаціей очевидно еще далеко не разрѣшается. Производство анализовъ покупаемыхъ продуктовъ или землеудобрительныхъ средствъ—жмыховъ, сѣмянъ и т. под., весьма часто не подъ силу отдѣльному хозяину и потому желательно, чтобы сельскіе хозяева составляли ассоціаціи для покупки подобнаго рода продуктовъ, что̀ дало бы имъ возможность покрытія расхо-

довъ на анализы на ихъ общій счетъ, причемъ покупка этихъ продуктовъ большими партіями у крупныхъ и благонадежныхъ производителей могла бы тоже служить гарантіей доброкачественности покупаемаго товара. Но и это не можетъ еще вполнѣ служить къ достиженію желаемой цѣли и потому необходимо установленіе болѣе серьезныхъ карательныхъ мѣръ противъ всякаго рода злоупотребленій по фальсификаціи сельско-хозяйственныхъ продуктовъ, причемъ весьма желательно заключеніе международной на этотъ счетъ конвенціи; безъ этого самыя усиленныя старанія одного государства къ пресѣченію фальсификаціи могутъ остаться безуспѣшными, такъ какъ производитель подобнаго рода продуктовъ, изгнанный изъ одной страны, можетъ поселиться на ея границѣ, въ другой странѣ, гдѣ подобныхъ мѣръ не принимается, и оттуда наводнять первую своими произведеніями. Точно также въ настоящее время многія государства, преслѣдующія фальсификацію продуктовъ потребленія у себя дома, не принимаютъ противъ нея никакихъ мѣръ, когда бываетъ доказано, что названные продукты приготовляются со спеціальною цѣлью вывоза ихъ за границу. Очевидно, что только путемъ принятія международныхъ мѣръ, основанныхъ на взаимной между различными государствами конвенціи, возможно положить предѣлъ подобнымъ злоупотребленіямъ. Далѣе необходимо, чтобъ органы мѣстнаго управленія, городскіе муниципальные совѣты и сельскія общины въ свою очередь принимали мѣры противъ сбыта фальсифицированныхъ продуктовъ въ предѣлахъ города или селенія. Для того же, чтобы производители доброкачественныхъ продуктовъ могли скорѣе заслужить себѣ довѣріе покупателей, было бы желательно, чтобы подобные производители ставили себя подъ контроль опытныхъ станцій и лабораторій. Еще лучше, еслибъ учреждались ассоціаціи производителей, взаимно другъ за друга ручающихся въ доброкачественности продаваемыхъ сочленами подобныхъ ассоціацій издѣлій. Независимо отъ контроля опытныхъ станцій и лабораторій, полезно было бы распространеніе въ средѣ самого общества необходимыхъ свѣдѣній, направленныхъ къ распознанію фальсифицированныхъ продуктовъ простѣйшими, каждому доступными, способами. Нѣкоторыя указанія на счетъ этого могли бы быть даваемы въ школахъ и при посредствѣ тѣхъ странствующихъ учителей, о которыхъ упомянуто было выше.

Несомнѣнно, что скорѣе всего можно надѣяться достигнуть

желаемой цѣли тогда, когда само общество вооружится для борьбы съ фальсификаціей и когда недобросовѣстные торговцы будутъ находить себѣ надлежащій отпоръ со стороны самихъ потребителей, которые сплотятся между собою, проникнувшись убѣжденіемъ, что не въ одной дешевизнѣ пріобрѣтаемаго товара заключается ихъ выгода, а въ его доброкачественности и полной пригодности для тѣхъ цѣлей, для которыхъ онъ предназначенъ.

Сравнительно много времени посвящено было на конгрессѣ вопросамъ *скотоводства и молочнаго хозяйства*, что вполнѣ естественно въ такой странѣ, какъ Голландія, въ которой скотоводство играетъ столь видную роль. Предложенные на обсужденіе вопросы имѣли однако большею частью очень спеціальный характеръ и потому здѣсь будутъ приведены только вкратцѣ. Такъ, было выражено пожеланіе о томъ, чтобы въ заводскихъ книгахъ крупнаго рогатаго скота (herdbooks и studbooks) было приводимо не одно только описаніе животныхъ и перечисленіе полученныхъ ими наградъ, но также поименовывались бы особо ихъ отличительныя качества и въ частности количество и качество молока, даваемаго молочными коровами. При разведеніи крупнаго рогатаго скота необходимо обращать особенное вниманіе на силу наслѣдственной передачи какъ мужскаго, такъ и женскаго производителя, причемъ можетъ имѣть серьезное значеніе не только скрещиваніе разныхъ породъ, но также скрещиваніе между собою метисовъ, въ нѣкоторыхъ же случаяхъ допустимо скрещиваніе особенно выдающихся животныхъ даже въ близкихъ степеняхъ родства. Но это скрещиваніе во многихъ случаяхъ можетъ приводить и къ неблагопріятнымъ результатамъ, почему оно должно быть производимо съ крайнею осторожностью.

Въ отношеніи условій содержанія скота было обращено вниманіе на то, что обыкновенно кормовыя дачи составляются чисто эмпирическимъ путемъ, между тѣмъ какъ было бы весьма важно въ точности знать ихъ химическій составъ, такъ какъ только при этомъ условіи можно достигнуть раціональнаго кормленія скота. Переходя къ вопросамъ о развитіи и улучшеніи скотоводства въ разныхъ странахъ, конгрессъ предложилъ осуществленіе слѣдующихъ мѣръ: учрежденіе конкурсовъ и оффиціальной экспертизы животныхъ какъ мужскаго, такъ и женскаго пола; устройство случныхъ пунктовъ; видоизмѣненіе условій конкурсовъ молочныхъ коровъ, именно принятіе въ соображеніе при

экспертизѣ не только внѣшнихъ зоотехническихъ качествъ животнаго, но также количества и качества даваемаго имъ молока.

Для того, чтобы скотоводству могло быть отведено правильное мѣсто въ сельскомъ хозяйствѣ, необходимо стремиться къ правильной организаціи въ имѣніяхъ *счетоводства*, которое позволитъ должнымъ образомъ оцѣнить значеніе каждой отдѣльной отрасли хозяйства. Въ видахъ распространенія правильнаго счетоводства необходимо, чтобы правительства и сельско-хозяйственныя общества приняли всѣ зависящія отъ нихъ мѣры къ ознакомленію сельскихъ хозяевъ съ наилучшими способами веденія отчетности, учреждая для этой цѣли курсы, публичныя чтенія и поощряя всѣми возможными мѣрами тѣхъ хозяевъ, которые сумѣютъ правильно разрѣшить эту задачу.

Обративъ вниманіе на докладъ г. Гольдшмита объ условіяхъ содержанія скота въ Даніи, представляющихъ собою много характеристичныхъ особенностей, конгрессъ призналъ въ высшей степени желательнымъ ближайшее изученіе положенія скотоводства въ различныхъ государствахъ и постановилъ поставить этотъ вопросъ на очередь въ одномъ изъ будущихъ международныхъ конгрессовъ.

Переходя къ вопросамъ молочнаго хозяйства и выслушавъ по этому предмету нѣсколько весьма обстоятельныхъ докладовъ, собраніе прежде всего остановилось на вопросѣ о *сбытѣ продуктовъ молочнаго хозяйства*. Въ этомъ отношеніи было признано, что для возможнаго расширенія и упроченія сбыта необходимо, чтобы продукты отличались возможнымъ постоянствомъ и однообразіемъ своего качества, что̀ достижимо лишь тогда, когда самое производство ихъ будетъ вестись въ возможно широкихъ размѣрахъ. Поэтому было выражено пожеланіе о томъ, чтобы сыроварни, маслодѣльни и тому подобныя заведенія были организуемы на возможно широкую ногу, причемъ однако тотъ районъ, изъ котораго они будутъ получать сырой матеріалъ, не долженъ быть слишкомъ обширенъ; вмѣстѣ съ тѣмъ всякіе остатки и отбросы производства должны быть по возможности возвращаемы тѣмъ хозяевамъ, которые ставятъ свое молоко на означенныя выше заведенія.

Съ другой стороны, имѣя въ виду, что качества молока оказываютъ весьма серьезное вліяніе на качества производимыхъ изъ него продуктовъ, было признано желательнымъ, чтобы плата за молоко, поставляемое на сыроварни и маслодѣльни, произво-

дилась бы не только по количеству, но и по качеству его. Но такъ какъ до сихъ поръ не существуетъ еще вполнѣ простаго и практичнаго способа для опредѣленія качества молока, то было бы необходимо установленіе конкурса и назначеніе премій за изобрѣтеніе подобнаго способа. Наряду съ этимъ было указано, что хотя качество сыраго матеріала имѣетъ серьезное значеніе въ дѣлѣ производства разныхъ молочныхъ продуктовъ, но самые способы производства ихъ и различные употребляемые при этомъ пріемы имѣютъ иногда еще болѣе рѣшающее вліяніе, а потому было бы въ высшей степени важно ознакомить какъ производителей молока, такъ и содержателей означенныхъ заведеній съ тѣми обстоятельствами, которыя могутъ повліять на качество производимыхъ продуктовъ. Такъ какъ въ настоящее время уже дознано громадное значеніе въ дѣлѣ молочнаго хозяйства бактерій и другихъ низшихъ организмовъ, то было бы желательно учрежденіе въ каждомъ государствѣ бактеріологическихъ станцій, которыя бы преимущественно работали надъ различными вопросами молочнаго дѣла.

По мѣрѣ того, какъ скотоводство пріобрѣтаетъ все большее значеніе въ дѣлѣ сельскаго хозяйства, все бо́льшаго вниманія заслуживаетъ и вопросъ *о предохраненіи скота противъ эпизоотій*, вопросъ, нынѣ, какъ извѣстно, занимающій всѣ цивилизованныя страны. Весьма естественно, что и на международномъ конгрессѣ сельскихъ хозяевъ этому предмету было отведено выдающееся мѣсто.

Прежде всего конгрессъ выслушалъ по этому предмету обстоятельный и въ высшей степени интересный докладъ г. Рюпша (Нидерланды) по вопросу о совершенномъ прекращеніи въ Голландіи одной изъ серьезнѣйшихъ болѣзней рогатаго скота, извѣстной подъ названіемъ повальнаго воспаленія легкихъ (плевро-пнеймонія). Весьма естественно, что для Голландіи, какъ государства, въ которомъ численность скота по сравненію съ населеніемъ представляется наибольшею въ цѣлой Европѣ (500.000 штукъ крупнаго рогатаго скота на 4½ милліона душъ населенія), вопросъ этотъ представлялъ особенно важное, можно сказать государственное, значеніе. Потери, понесенныя Нидерландами отъ этой болѣзни въ теченіе тѣхъ пятидесяти лѣтъ, когда она въ ней свирѣпствовала, составляли 5.000.000 флориновъ въ первыя десять лѣтъ эпидеміи и свыше 1.000.000 флориновъ въ годъ за послѣдующее время. Въ Германіи въ 1887 и 1888 годахъ потери,

причиненныя повальнымъ воспаленіемъ легкихъ рогатаго скота, оцѣнивались болѣе чѣмъ въ 1.000.000 марокъ, изъ которыхъ 300.000 пошло на вознагражденіе владѣльцевъ зарѣзанныхъ подозрительныхъ животныхъ. Въ Бельгіи, гдѣ эта болѣзнь свирѣпствуетъ уже около шестидесяти лѣтъ, и гдѣ нынѣ заражено ею еще десять провинцій, въ одномъ 1888 году было обнаружено 654 случая заболѣванія. Во Франціи, гдѣ эта болѣзнь свирѣпствуетъ, особенно въ сѣверныхъ департаментахъ и въ окрестностяхъ Парижа, въ 1888—1889 годахъ было убито 2.434 головы. Въ Австріи въ десятилѣтіе съ 1878 по 1888 годъ было убито вслѣдствіе зараженія повальнымъ воспаленіемъ легкихъ 36.378 головъ; въ 1888 и 1889 годахъ потеря составляла свыше 4.500 головъ ежегодно. Въ Англіи съ 1869 года было обнаружено 74.552 случая зараженія; въ 1887—1888 годахъ было обнаружено 4.280 случаевъ. Въ Ирландіи около 1.000 случаевъ ежегодно. Въ англійскихъ океанійскихъ колоніяхъ въ теченіе двѣнадцати лѣтъ погибло отъ этой болѣзни 1.404.000 головъ на сумму свыше 100.000.000 флориновъ. Однѣхъ этихъ цифръ достаточно, чтобы показать какое громадное значеніе эта болѣзнь имѣетъ въ народномъ хозяйствѣ и какъ важно принять мѣры для совершеннаго ея прекращенія. Только въ послѣдніе годы было обнаружено, что эта болѣзнь имѣетъ заразный характеръ и вызывается развитіемъ въ тѣлѣ пораженнаго животнаго болѣзненныхъ микроорганизмовъ, которые легко передаются отъ больныхъ индивидуумовъ здоровымъ; лишь со времени открытія этого микроорганизма и изученія условій его развитія и размноженія явилась возможность успѣшной борьбы съ этимъ зломъ. Средства съ этою цѣлью употребленныя въ Голландіи заключались: 1) въ предохранительномъ прививаніи; 2) въ серьезныхъ карантинныхъ мѣрахъ; 3) въ самой тщательной дезинфекціи мѣстъ появленія заразы и всего окружавшаго больныхъ животныхъ и, наконецъ, 4) въ убиваніи зараженнаго и подозрительнаго скота. Для осуществленія этихъ мѣръ и тщательнаго наблюденія за ихъ примѣненіемъ былъ организованъ цѣлый штатъ инспекторовъ, ветеринаровъ и особыхъ смотрителей, причемъ во многихъ случаяхъ приходилось прибѣгать даже къ военной силѣ для оцѣпленія зараженныхъ или подозрительныхъ мѣстностей. Въ полномъ объемѣ примѣненіе этихъ мѣръ началось съ конца 1884 года и уже къ началу 1886 года болѣзнь была прекращена совершенно: въ 1886—87 годахъ было обнаружено всего три случая заразы и то на границѣ государ-

ства, причемъ болѣзнь вѣроятно была занесена со стороны. Съ 1887 года и до настоящаго времени, то-есть въ теченіе пяти лѣтъ, во всемъ Нидерландскомъ королевствѣ не было уже ни одного случая болѣзни. Общая цифра понесенныхъ Нидерландскимъ правительствомъ на предметъ уничтоженія эпизоотіи расходовъ составила съ 1875 по 1885 годъ около 5.000.000 флориновъ, въ томъ числѣ въ 1884 году издержано болѣе 700.000 флориновъ на вознагражденіе владѣльцевъ убитыхъ животныхъ: въ 1885 году расходъ упалъ до 140.000 флориновъ, въ 1886 году до 40.000 и затѣмъ по прекращеніи болѣзни остались только уже сравнительно незначительные расходы на предохраненіе страны отъ возможности занесенія ея извнѣ.

Окончивъ свой интересный докладъ, въ которомъ г. Рюпшъ изложилъ и всѣ подробности принятыхъ правительствомъ мѣръ для борьбы съ эпизоотіей, докладчикъ пожелалъ и другимъ государствамъ достигнуть тѣхъ же блестящихъ результатовъ, которые увѣнчали труды Нидерландскаго правительства. Заключенія докладчика, большею частью единогласно принятыя конгрессомъ, состояли въ слѣдующемъ: эпизоотическая болѣзнь крупнаго рогатаго скота, извѣстная подъ названіемъ повальнаго воспаленія легкихъ и составляющая одинъ изъ главныхъ бичей сельскаго хозяйства, во многихъ государствахъ можетъ быть уничтожена совершенно и потому на обязанности правительства должно лежать принятіе энергическихъ мѣръ для борьбы съ этимъ зломъ. Наиболѣе къ тому дѣйствительными средствами служатъ: воспрещеніе привоза скота и тѣхъ его продуктовъ, которые могутъ переносить болѣзнь (кожи, волосъ и т. п.) изъ государствъ, въ которыхъ эта болѣзнь свирѣпствуетъ, и постоянная строгая охрана въ этомъ отношеніи границъ; далѣе, обязательное заявленіе скотовладѣльцами всѣхъ случаевъ появленія болѣзни въ ихъ стадахъ и даже всѣхъ подозрительныхъ случаевъ; учрежденіе карантиновъ вокругъ тѣхъ мѣстностей, богатыхъ скотомъ, въ которыхъ можно предполагать появленіе повальнаго воспаленія легкихъ, съ приведеніемъ въ извѣстность и заклейменіемъ наличнаго скота въ этихъ мѣстностяхъ; конфискація подозрительнаго скота и особо строгая карантинная охрана подозрительныхъ дворовъ; постоянное строгое и неослабное наблюденіе за пораженными мѣстностями со стороны казенныхъ ветеринарныхъ инспекторовъ, съ военнымъ оцѣпленіемъ, въ случаѣ надобности, пораженныхъ мѣстностей; немедленное убиваніе, подъ надзо-

ромъ правительственныхъ должностныхъ лицъ, всего зараженнаго или даже подозрительнаго скота, съ соотвѣтственнымъ вознагражденіемъ его владѣльцевъ; уничтоженіе путемъ сожженія или другими не менѣе дѣйствительными способами, но отнюдь не путемъ закапыванія въ землю, погибшихъ отъ болѣзни или зарѣзанныхъ животныхъ и полная, самая тщательная, дезинфекція скотныхъ дворовъ и всѣхъ тѣхъ предметовъ, которые могутъ способствовать переносу заразы въ предѣлахъ пораженныхъ мѣстностей, съ принятіемъ расходовъ на это на счетъ правительства. Безъ принятія всѣхъ названныхъ выше мѣръ, одно прививаніе не представляетъ само по себѣ достаточно дѣйствительнаго средства для полнаго прекращенія повальнаго воспаленія легкихъ.

Принимая во вниманіе интересы торговли и международныхъ сношеній, конгрессъ призналъ затѣмъ, что *нѣтъ необходимости сохраненія запрета провоза скота изъ тѣхъ государствъ, въ которыхъ путемъ примѣненія названныхъ выше мѣръ и прививаніемъ скота болѣзнь совершенно прекратилась, если тамъ не свирѣпствуетъ никакихъ другихъ эпизоотій и ветеринарная часть поставлена на надлежащую высоту.*

Изъ числа другихъ повальныхъ болѣзней скота, конгрессъ занялся только такъ-называемою *жемчужною болѣзнью или туберкулозой*, которая имѣетъ особенно опасный характеръ, потому что она можетъ, какъ извѣстно, передаваться и человѣку. Въ виду этого, а также въ виду значительнаго развитія, которое эта болѣзнь принимаетъ преимущественно между культурными расами скота, конгрессъ призналъ необходимымъ рекомендовать принятіе самыхъ энергическихъ мѣръ для пресѣченія этой болѣзни и для предупрежденія распространенія ея животными, пораженными этою болѣзнью, а также и ихъ продуктами. Въ этихъ видахъ необходимо прежде всего и въ ожиданіи болѣе серьезныхъ правительственныхъ и законодательныхъ мѣръ ознакомить сельскихъ хозяевъ съ главнѣйшими свойствами этой болѣзни и ея признаками; необходимо учрежденіе во всѣхъ государствахъ страховыхъ обществъ для вознагражденія скотовладѣльцевъ за тѣ потери, которыя они могутъ понести при отобраніи у нихъ скота зараженнаго этою болѣзнью или подозрительнаго. Кромѣ того, желательно вознагражденіе скотовладѣльцевъ даже и въ тѣхъ случаяхъ, когда мясо привезенныхъ ими на рынокъ для продажи животныхъ окажется при ближайшемъ изслѣдованіи зараженнымъ туберкулозомъ; при этомъ однако конгрессъ призналъ возможнымъ добавить, что

вмѣсто совершеннаго уничтоженія мяса пораженныхъ животныхъ, оно можетъ быть обезврежено путемъ стерилизаціи въ спеціально для того устраиваемыхъ аппаратахъ, которые было бы желательно имѣть при каждой сколько-нибудь крупной бойнѣ.

Принявъ эти заключенія, конгрессъ призналъ однако вопросъ о борьбѣ съ эпизоотическими болѣзнями домашняго скота далеко еще неисчерпаннымъ, и потому постановилъ внести этотъ вопросъ на дальнѣйшее обсужденіе будущаго конгресса.

Заботясь о полезныхъ для земледѣлія животныхъ, конгрессъ не могъ не остановиться и на вопросѣ *объ охраненіи полезныхъ птицъ* и *объ истребленіи вредныхъ животныхъ*. Вопросу этому было посвящено нѣсколько весьма обстоятельныхъ докладовъ профессора Зорауера, французскаго зоолога Устале и другихъ. Впрочемъ, нельзя сказать, чтобы по этому вопросу высказано было что-либо новое и чтобъ онъ сколько-нибудь подвинулся къ своему разрѣшенію. Съ тѣхъ поръ, какъ собираются международные сельско-хозяйственные конгрессы не было, кажется, еще ни одного, на которомъ вопросъ объ охраненіи полезныхъ птицъ отъ истребленія не подвергался бы самому серьезному обсужденію, а между тѣмъ приходится сказать, что до сихъ поръ дѣло нисколько не подвинулось впередъ. Въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ по этому предмету происходила даже дипломатическая переписка между различными государствами, но и она не привела къ желаемымъ результатамъ. Повидимому, главное затрудненіе заключалось въ точномъ опредѣленіи тѣхъ птицъ, которыя должны быть признаны полезными или вредными. Нѣсколько разъ составлялись подробные списки вредныхъ и полезныхъ птицъ, но тѣмъ не менѣе встрѣчались затрудненія къ ихъ принятію вслѣдствіе того, что нѣкоторые виды птицъ, считавшіеся полезными въ однѣхъ мѣстностяхъ, признавались вредными въ другихъ, и наоборотъ. Въ виду этого въ Гаагѣ было признано необходимымъ вновь обратить вниманіе различныхъ государствъ на важное значеніе охраны полезныхъ птицъ отъ истребленія. Для практическаго же осуществленія этой мѣры признано было желательнымъ образовать международную коммиссію, которая имѣла бы заняться подробною разработкой этого вопроса. Для того же, чтобы не повторять прежнихъ въ этомъ дѣлѣ ошибокъ, признано было желательнымъ, чтобъ означенная коммиссія составила по возможности краткій списокъ тѣхъ птицъ, которыя должны быть признаны безусловно полезными и

безусловно вредными, съ тѣмъ чтобы каждому отдѣльному государству, вошедшему въ международное соглашеніе по предмету охраны полезныхъ птицъ отъ истребленія, было затѣмъ предоставлено пополнять этотъ списокъ по своему усмотрѣнію. Что касается вредныхъ для земледѣлія животныхъ, то конгрессъ призналъ, что было бы желательно установленіе во всѣхъ государствахъ премій за ихъ истребленіе. При обсужденіи вопроса объ охранѣ полезныхъ птицъ было сдѣлано оригинальное предложеніе со стороны представителя Италіи, г. Ольсена, который, указывая на чрезвычайное уменьшеніе числа птицъ во многихъ европейскихъ государствахъ и ссылаясь на то, что даже уничтоженіе вредныхъ птицъ и животныхъ можетъ нарушить естественное равновѣсіе въ природѣ, предложилъ принять мѣру болѣе радикальную, а именно: въ теченіе пяти лѣтъ воспретить всякую охоту, воспретить убиваніе какихъ бы то ни было птицъ, подъ какимъ бы то ни было предлогомъ. Г. Ольсенъ желалъ, чтобы во всей Европѣ въ теченіе пяти лѣтъ не раздавалось ни одного охотничьяго выстрѣла — только при такомъ условіи, по его мнѣнію, можетъ возродиться царство пернатыхъ, которому иначе грозитъ въ ближайшемъ будущемъ полное и совершенное истребленіе. Само собою разумѣется, что радикальная мѣра г. Ольсена была конгрессомъ отвергнута.

Вопросамъ *практическаго земледѣлія и культурной техники* было посвящено сравнительно немного времени. Конгрессъ весьма основательно полагалъ, что условія земледѣлія слишкомъ разнообразны въ различныхъ мѣстностяхъ и государствахъ и что посему подобные вопросы не могутъ служить предметомъ международнаго обсужденія. Тѣмъ не менѣе конгрессъ съ особеннымъ интересомъ выслушалъ обстоятельный докладъ г. Конрада—инспектора водяныхъ дѣлъ въ Голландіи, который представилъ обстоятельный отчетъ о гидротехническихъ работахъ, произведенныхъ въ этой странѣ, начиная съ 1288 года по настоящее время. Сравненіе картъ Голландіи, составленныхъ въ 1288, 1575, 1670 и 1891 годахъ ясно указываетъ на то громадное измѣненіе во внѣшнихъ условіяхъ этой страны, которое произошло подъ вліяніемъ дѣятельности человѣка, шагъ за шагомъ отвоевывавшаго сухую почву у моря и воды и превращавшаго болота, озера и морскіе заливы въ роскошные луга и пастбища. Впрочемъ, серьезныя въ этомъ отношеніи работы начались только съ 1570 года и особенно подвинулись съ 1612 по 1644 годъ. Въ

этотъ промежутокъ времени было высушено 34 болѣе или менѣе крупныхъ озера, съ общею поверхностью въ 24.250 гектаровъ. Съ тѣхъ поръ подобнаго рода работы не прекращались и члены конгресса во время экскурсій своихъ по различнымъ провинціямъ Голландіи могли лишь убѣдиться въ грандіозности произведенныхъ работъ и достигнутыхъ ими результатовъ. Къ сожалѣнію, описаніе всего сдѣланнаго въ этомъ отношеніи въ Голландіи завело бы насъ слишкомъ далеко.

Насколько Голландія и нѣкоторыя другія сходныя съ нею по естественнымъ условіямъ сѣверныя приморскія страны борятся съ водой, настолько же югъ Европы стремится къ привлеченію воды и къ устройству обширныхъ оросительныхъ работъ. Въ высшей степени интересный и обстоятельный докладъ по этому предмету былъ представленъ испанскимъ инженеромъ Лорадо. Послѣ подробнаго описанія того, что̀ сдѣлано по этой части въ Испаніи и нѣкоторыхъ другихъ государствахъ, г. Лорадо высказалъ, что ирригаціонныя работы могутъ быть успѣшны лишь въ томъ случаѣ, когда онѣ пользуются непосредственною поддержкой правительства, которое должно гарантировать частнымъ обществамъ извѣстный процентъ доходности предпріятія. Только въ томъ случаѣ, когда вода будетъ доставляться сельскимъ хозяевамъ по возможно дешевой цѣнѣ, орошеніе можетъ распространяться быстро и оказаться прибыльнымъ съ экономической точки зрѣнія. Съ другой стороны необходимо всячески стремиться къ предотвращенію развитія въ этомъ дѣлѣ спекуляціи, которая уже губила нѣсколько предпріятій подобнаго рода въ различныхъ государствахъ.

Г. Массонъ (Франція) представилъ докладъ объ *утилизаціи городскихъ нечистотъ на удобреніе, и о различныхъ системахъ канализаціи и удаленія городскихъ нечистотъ*, принятыхъ въ главнѣйшихъ городахъ Европы, причемъ остановился особенно подробно на томъ, что̀ сдѣлано въ этомъ отношеніи въ Парижѣ. Признавая, что вывозъ городскихъ нечистотъ въ моря или рѣки представляетъ одинъ изъ самыхъ нежелательныхъ способовъ разрѣшенія даннаго вопроса какъ въ виду потерь, происходящихъ отъ этого для земледѣлія, такъ и въ виду производимаго имъ загрязненія рѣкъ и прибрежныхъ водъ, конгрессъ призналъ необходимымъ всячески поощрять утилизацію городскихъ нечистотъ въ цѣляхъ земледѣлія, но при условіи ихъ дезинфекціи. При этомъ обращено было вниманіе на способъ бельгійскаго

ученаго Сокслета, который останавливаетъ самое броженіе, вызывающее разложеніе и потерю амміака. Способъ этотъ основанъ на примѣненіи растительнаго порошка, приготовляемаго изъ разныхъ мховъ, имѣющихъ свойство быстраго поглощенія газовъ и жидкостей. Примѣненіе этого способа въ широкихъ размѣрахъ можетъ, повидимому, обѣщать самые лучшіе результаты.

Несмотря на то важное значеніе, которое имѣютъ *спеціальныя культуры промышленныхъ растеній* для земледѣлія нѣкоторыхъ европейскихъ государствъ, конгрессу былъ представленъ только одинъ докладъ по этому предмету, и именно докладъ г. Пинча—относительно культуры *сахарной свекловицы*. Извѣстно, что въ дѣлѣ воздѣлыванія сахарной свекловицы, въ особенности тамъ, гдѣ культура ея и добываніе изъ нея сахара находятся въ рукахъ разныхъ лицъ и свекло-сахарные заводчики не сами выращиваютъ потребную имъ свекловицу, а пріобрѣтаютъ и законтрактовываютъ ее у плантаторовъ, взаимныя отношенія этихъ лицъ далеко не урегулированы. Плантаторъ стремится къ полученію возможно бо̀льшаго количества свекловицы, хотя бы и въ ущербъ ея качеству. Заводчикъ заинтересованъ въ томъ, чтобы получать свекловицу возможно болѣе богатую содержаніемъ сахара. Докладчикъ полагалъ, что для правильной постановки этого дѣла къ обоюдной выгодѣ обѣихъ сторонъ необходимо стремиться къ возможно большему производству сахара съ данной единицы пространства. Содержаніе сахара въ свекловицѣ въ значительной степени зависитъ отъ употребляемыхъ сѣмянъ, но не меньшее значеніе имѣютъ свойства почвы, пріемы культуры и удобренія. Интересы заводчиковъ могутъ быть ограждены отнюдь не условіями, стѣсняющими свободу дѣйствія плантатора въ отношеніи примѣненія тѣхъ или другихъ способовъ культуры, какъ это дѣлается въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, но ограниченіемъ минимальнаго процента содержанія сахара въ свекловицѣ и расцѣнкой поставляемой свекловицы пропорціонально дѣйствительному содержанію въ ней сахара и ея доброкачественности. Для болѣе опредѣленнаго установленія этихъ условій желательно соглашеніе между свекло-сахарными заводчиками и плантаторами, съ цѣлью выработки нормальнаго контракта, направленнаго къ обезпеченію интересовъ обѣихъ сторонъ. Всѣ эти заключенія докладчика были единогласно приняты конгрессомъ.

Въ заключеніи собраніе занялось обсужденіемъ вопроса объ окончательной *организаціи на будущее время международныхъ*

сельско-хозяйственныхъ конгрессовъ и утвердило представленный французскимъ делегатомъ г. Санье проектъ *положенія о международной сельско-хозяйственной коммиссіи и о сельско-хозяйственныхъ конгрессахъ*. Въ главнѣйшихъ чертахъ положеніе это заключается въ слѣдующемъ. Международная сельско-хозяйственная коммиссія имѣетъ цѣлью изученіе вопросовъ земледѣлія и сельско-хозяйственной экономіи. Въ этихъ видахъ она производитъ тѣ работы и публикуетъ тѣ свѣдѣнія, которыя она признаетъ важными въ интересахъ сельскаго хозяйства вообще. Въ частности на нее возлагаются: организація международныхъ конгрессовъ, составленіе программы занятій этихъ конгрессовъ, подготовка докладовъ и публикація отчетовъ. Коммиссія состоитъ изъ 50 членовъ различныхъ національностей, избираемыхъ конгрессомъ; половина ея членовъ возобновляется при каждой сессіи конгресса. Изъ своей среды коммиссія избираетъ бюро, состоящее изъ президента, трехъ вице-президентовъ, секретаря и казначея. Коммиссія собирается не менѣе одного раза въ годъ, въ Парижѣ. Въ первомъ своемъ собраніи коммиссія избираетъ на годъ постоянный комитетъ, состоящій изъ предсѣдателя, секретаря, казначея и двухъ членовъ. Комитетъ собирается не менѣе одного раза въ три мѣсяца.

Сельско-хозяйственные конгрессы собираются не менѣе одного раза въ два года. Въ каждой сессіи назначается мѣсто будущаго конгресса; коммиссія же назначаетъ время его созыва, ей же предоставляется измѣнить и мѣсто собранія конгресса, въ случаѣ какихъ-либо непредвидѣнныхъ обстоятельствъ. На обязанности коммиссіи лежитъ организація конгресса, опредѣленіе числа отдѣльныхъ секцій и вообще всѣ подготовительныя работы по созванію конгрессовъ. Лица, желающія быть членами конгресса, должны заявлять о томъ президенту международной коммиссіи или мѣстнаго распорядительнаго комитета, внося членскую плату въ размѣрѣ двадцати франковъ. Члены конгрессовъ раздѣляются на нѣсколько категорій: почетныхъ членовъ, членовъ-учредителей и дѣйствительныхъ членовъ. Денежныя средства коммиссіи и конгрессовъ образуются изъ членскихъ взносовъ, суммъ выручаемыхъ отъ продажи отчетовъ и другихъ изданій коммиссіи, а равно изъ тѣхъ денежныхъ пособій, которыя могутъ быть предоставлены въ распоряженіе коммиссіи правительствами отдѣльныхъ государствъ.

По утвержденіи сказаннаго положенія поставленъ былъ на очередь вопросъ о мѣстѣ будущаго собранія конгресса, который вызвалъ оживленныя пренія; предложены были: Лондонъ, Женева, Мадридъ, Бухарестъ, Римъ. Въ виду, однако, необходимости предварительныхъ сношеній съ правительствами тѣхъ странъ, въ предѣлахъ которыхъ могло бы быть назначено собраніе конгресса, вопросъ этотъ былъ оставленъ открытымъ и разрѣшеніе его предоставлено избранной вслѣдъ за симъ международной сельскохозяйственной коммиссіи. Въ составъ этой коммиссіи, предсѣдателемъ которой остался предсѣдатель конгресса Жюль Мелинъ, вошли представители нижеслѣдующихъ странъ: Франція—десять членовъ, Германія — три, Австро-Венгрія — четыре, Бельгія — четыре, Данія—одинъ, Испанія—четыре, Великобританія—четыре, Греція—одинъ, Италія—два, Нидерланды—четыре, Португалія—два, Россія—три (В. В. Черняевъ, профессоръ Томсъ и А. С. Ермоловъ), Румынія—три, Швеція и Норвегія—два, Швейцарія—два, Люксембургъ—одинъ, Соединенные Штаты Сѣверной Америки—два, Канада—одинъ.

Первая сессія международной сельско-хозяйственной коммиссіи въ ея новомъ составѣ должна была имѣть мѣсто въ Парижѣ, въ маѣ текущаго года; будущій же сельско-хозяйственный конгрессъ долженъ собраться лѣтомъ 1893 года, причемъ мѣстомъ для него, по полученнымъ нынѣ свѣдѣніямъ, коммиссіей избрана Лозанна, въ Швейцаріи.

Послѣ цѣлаго ряда обычныхъ въ подобныхъ случаяхъ благодарственныхъ рѣчей, конгрессъ былъ объявленъ закрытымъ. Какъ уже сказано въ началѣ, полный отчетъ объ его трудахъ появился въ печати и заслуживаетъ особеннаго вниманія, главнымъ образомъ благодаря нѣкоторымъ помѣщеннымъ въ немъ въ высшей степени интереснымъ докладамъ: о сельско-хозяйственномъ образованіи во Франціи—г. Тиссерана, о гидротехническихъ работахъ по осушенію и орошенію—Копинга, Конрада, Лорадо и Гесса; объ утилизаціи городскихъ нечистотъ—Массона, о болѣзняхъ рогатаго скота и мѣрахъ для ихъ пресѣченія—Гаціуса и Рюпша; объ охраненіи полезныхъ птицъ—Устале и Рицема-Босъ; объ уничтоженіи вредныхъ животныхъ и насѣкомыхъ—профессора Зорауера. Всѣ эти труды настолько серьезны, что заслуживаютъ ближайшаго съ ними ознакомленія.

Хотя многіе изъ поднятыхъ на международномъ сельско-хозяй-

ственномъ конгрессѣ въ Гаагѣ вопросовъ слишкомъ далеки отъ насъ и заимствованы изъ сферы намъ чуждой и отъ насъ далекой, тѣмъ не менѣе нельзя не признать, что конгрессъ этотъ представилъ немаловажный интересъ и для Русскихъ его членовъ. На будущихъ же конгрессахъ желательно участіе возможно бо́льшаго числа представителей отъ Россіи, для установленія болѣе живаго обмѣна мыслей между нашими и западно-европейскими сельскими хозяевами, работающими хотя при различныхъ условіяхъ, но въ области одного и того же общаго дѣла, развитіе и усовершенствованіе котораго имѣетъ одинаковый интересъ для тѣхъ и другихъ.

А. Ермоловъ.

ЧЕРНИЛЬНОЕ ПЯТНО.

Соч. Рене Базена.

(Переводъ съ французскаго.)

28 апрѣля, въ 9 часовъ утра.

Прячь свои рисунки, другъ мой, Сильвестръ, засовывай ихъ въ папки или въ карманы, мнѣ это безразлично: я ношу въ своемъ сердцѣ образъ Жанны и вызываю его передъ собою, когда хочу, и я люблю ее, люблю ее, люблю ее!

Что будетъ съ нею и со мною, я не знаю. Я надѣюсь самъ не знаю на что, почему и когда, но и это уже для меня сладостно.

9 часовъ вечера.

Сегодня въ два часа пополудни я встрѣтилъ Ламирона на бульварѣ Сенъ-Мишель. Онъ шелъ быстро съ папкой подъ мышкой. Я подхожу къ нему. Онъ повидимому недоволенъ и съ нѣкоторою непріязнью относится къ моему предложенію сопутствовать ему. Мнѣ кровь бросается въ голову.

— Ну такъ до свиданія, г. Ламиронъ, такъ какъ вы уже болѣе не разрѣшаете разговаривать съ вами, до свиданія.

Онъ съ минуту стоитъ въ нерѣшимости.

— Если хочешь, ступай, пожалуй, со мною; я иду къ моему рамочному мастеру.

— У тебя картина?

— Въ родѣ того.

— Опять тайны! Вчера ты прячешь отъ меня рисунокъ, сегодня картину. Это дурно, Сильвестръ, это очень, очень дурно съ твоей стороны!

Онъ посмотрѣлъ на меня съ видомъ дружелюбнаго состраданія.

— Бѣдное дитя! проговорилъ онъ.

И вслѣдъ затѣмъ своимъ яснымъ и твердымъ голосомъ продолжалъ:

— Я очень тороплюсь. Если хочешь, пойдемъ со мной. Я предпочелъ бы, чтобъ это случилось четырьмя днями позднѣе, но радость никогда не можетъ быть преждевременна.

Когда Лампронъ захочетъ молчать, вполнѣ безполезно пытаться разспрашивать его. Мнѣ не оставалось ничего иного, какъ предаться размышленію объ его выраженіи: радость никогда не можетъ быть преждевременна.

Мы идемъ по бульвару мимо пивныхъ. Мой другъ Сильвестръ идетъ гордо, онъ не смѣшивается съ толпой, чрезъ которую онъ проходитъ. Въ этомъ человѣкѣ, серьезномъ безъ аффектаціи, равнодушномъ къ шуму и движенію на улицѣ, чувствуется мощный и высокій духъ. Онъ выдѣляется среди прохожихъ. Я слышу въ группѣ студентовъ, сидящихъ передъ кафе, слѣдующій разговоръ, котораго онъ, повидимому, не замѣчаетъ:

— Видишь, вонъ тамъ, того высокаго? это Сильвестръ Лампронъ.

— Тотъ, что получилъ первую награду въ Салонѣ въ позапрошломъ году?

— Да, и знаешь, настоящій джентльменъ.

— Такимъ онъ и смотритъ.

— Налѣво, говоритъ Лампронъ.

Мы свертываемъ влѣво и останавливаемся передъ полинялымъ домомъ: здѣсь-то и живетъ рамочный мастеръ. Мы проходимъ по очень темному корридору, стѣны котораго свидѣтельствуютъ о безконечномъ количествѣ всякихъ поправокъ и подмалевокъ. Мы поднимаемся на верхъ. На четвертомъ этажѣ, на площадкѣ, было бы вполнѣ достаточно запаха клея и лака для яснаго указанія ремесла ближайшаго жильца. Но для вящаго удостовѣренія на его двери прибита дощечка: Плюме, рамочный мастеръ.

— Плюме? Молодые супруги?

Но г-жа Плюме уже отворила намъ дверь. Это дѣйствительно она, та самая маленькая г-жа Плюме, дѣло которой устраивалось въ конторѣ г. Буля. Несмотря на полумракъ, она тотчасъ же узнаетъ меня.

— Какъ, г. Лампронъ, вы знакомы съ г. Мульяромъ?

— Повидимому и вы также, г-жа Плюме?

— О, еще бы! вы знаете, вѣдь г. Мульяръ выигралъ мой процессъ?

— Это противъ столяра-то? да, да, знаю. Вашъ мужъ дома?

— Да, г. Лампронъ, онъ въ мастерской. Плюме!

Чрезъ отворенную дверь въ сосѣднюю комнату мы увидали среди рабочихъ,—столяровъ, рѣзчиковъ, золотильщиковъ, лакировщиковъ,—маленькаго смуглаго человѣка съ эспаньелкой, который, поднявъ голову, торопливо развязывалъ шнуры своего фартука.

— Иду, Мари, иду!

Г-жа Плюме была нѣсколько смущена, что ей приходится принимать насъ, не вполнѣ окончивъ свой туалетъ. Я видѣлъ это по краскѣ, залившей ея лицо, по инстинктивному движенію рукъ, которыми она провела по растрепавшимся завиткамъ своихъ волосъ.

Едва успѣлъ ей отвѣтить мужъ, какъ она уже оставила насъ и удалилась въ глубину комнаты, въ полумракъ алькова, загроможденнаго разною мебелью. Тамъ она наклонилась надъ какимъ-то четырехъугольнымъ предметомъ, котораго сразу я не могъ разсмотрѣть и который какъ будто зашевелился у нея подъ рукой.

— Г. Мульяръ, проговорила она, поднимая въ мою сторону глаза,—это мой сынъ Пьерръ!

О, сколько было сладостной гордости въ этихъ словахъ и въ сопровождавшей ихъ улыбкѣ! Она отодвинула рукой одну изъ занавѣсокъ. И вотъ, за голубыми коленкоровыми занавѣсками, на подушечкѣ среди бѣлыхъ пеленокъ я увидалъ маленькіе черненькіе глазки и бѣлокурые волосики.

— Смотрите, какой негодный! опять сказала она и принялась ласкать своего проснувшагося ребенка.

Въ это время, въ другомъ концѣ комнаты, Сильвестръ разговаривалъ съ г. Плюме.

— Невозможно, говорилъ мастеръ,—мы завалены работой, у меня болѣе двадцати неисполненныхъ заказовъ.

— Я прошу у васъ дружеской услуги.

— Радъ бы услужить вамъ, г. Лампронъ, но если я васъ и обнадежу, все же не буду въ состояніи сдержать своего обѣщанія.

— Жаль! все такъ хорошо устраивалось. Этотъ рисунокъ долженъ былъ быть выставленъ вмѣстѣ съ моими двумя гравюрами... Бѣдный мой Фабіанъ, я готовилъ тебѣ сюрпризъ... Иди сюда, взгляни!

Я подбѣжалъ. Сильвестръ открылъ папку.

— Ты узнаешь?

Еще бы не узнать! Г. Шарно спиной, Жанна въ профиль, очень похожая, уголокъ лѣса, брошенный на мохъ зонтикъ, воткнутая въ траву палка: жанровая картинка полная изящества и дышащая правдой.

— Когда ты это сдѣлалъ?

— Нынѣшнею ночью.

— И ты хочешь ее выставить?

— Въ Салонѣ.

— Но, Сильвестръ, въ Салонъ ничего уже не принимаютъ... 15-е марта давно прошло.

— Совершенно вѣрно, но я очень хлопоталъ и интриговалъ все утро. Для картины мнѣ ничего бы не удалось сдѣлать, но это рисунокъ, всего двадцать и тридцать сантиметровъ, такая маленькая вещица!..

— Ты прибѣгнулъ къ подкупу?

— И притомъ съ запрещенною подмѣной: между моими двумя гравюрами у меня тамъ былъ повѣшенъ рисунокъ карандашомъ, какъ разъ такого же размѣра: стоитъ только снять одинъ, замѣнить его другимъ... словомъ, это несомнѣнное мошенничество, за которое мнѣ еще и теперь стыдно. Но это пустяки! Я хлопоталъ объ этомъ для тебя, я надѣялся, что она придетъ, что она узнаетъ себя.

— Разумѣется, и узнаетъ, и пойметъ: не можетъ же она не догадаться въ чемъ дѣло! Благодарю тебя, благодарю тебя, Сильвестръ!

Я бросился на шею къ моему другу, прося у него прощенія за мою глупую обидчивость.

Онъ также былъ растроганъ и нѣсколько смущенъ удовольствіемъ, которое мнѣ доставилъ его сюрпризъ.

— Смотрите, Плюме, обратился онъ къ мастеру, который поднесъ его рисунокъ къ окну и разсматривалъ его съ точки зрѣнія своего ремесла.—вотъ этотъ молодой человѣкъ еще болѣе заинтересованъ въ дѣлѣ, онъ мечтаетъ о бракѣ, которому вы могли бы до нѣкоторой степени содѣйствовать. Если вы не сдѣлаете для рисунка рамки, вся его радость исчезнетъ.

Рамочный мастеръ покачалъ головой.

— Полно упрямиться, Антуанъ! раздался ласковый голосъ, и г-жа Плюме, покинувъ люльку, поспѣшила придти къ намъ на помощь.

Я тотчасъ же рѣшилъ, что партія наша выиграна. Г. Плюме твердилъ, что невозможно. теребя свою эспаньолку, жена его утверждала противное; онъ сдѣлалъ было видъ, что уходитъ снова въ мастерскую, она его удержала за рукавъ, заставила его разсмѣяться и согласиться.

— Антуанъ, г. Мульяръ женилъ насъ, мнѣ кажется, ты могъ бы, въ свою очередь, отплатить ему тѣмъ же!

Я былъ въ восторгѣ. Но меня все-таки взяло сомнѣніе.

— Сильвестръ, сказалъ я Лампрону, который уже взялся было за ручку двери,—увѣренъ ли ты, что она придетъ?

— Надѣюсь, но ручаться не могу. Чтобы быть вполнѣ увѣрену надо было бы сказать ей: мадемуазель Жанна, въ Салонѣ есть вашъ портретъ! Если ты знаешь кого-нибудь, кто взялся бы отправиться и сдѣлать это сообщеніе въ Университетскую улицу...

— Увы, нѣтъ!

— Въ такомъ случаѣ пойдемъ и положись на свою счастливую звѣзду...

— Въ Университетскую улицу, вы говорите? прервала его г-жа Плюме, положительно принимавшая самое горячее участіе въ моемъ дѣлѣ.

— Да, а что?

— У меня есть пріятельница... въ томъ же кварталѣ... и можетъ-быть...

Подъ строжайшею тайной я рѣшился сообщить ей нумеръ дома и фамилію Жанны.

Въ какія-нибудь три минуты она скомбинировала цѣлый планъ: ея пріятельница живетъ какъ разъ по близости отъ этого самаго дома въ Университетской улицѣ... она привратница... особа уже пожилая и вполнѣ вѣрная... можетъ-быть черезъ нее окажется возможнымъ предупредить мадемуазель Жанну, что на выставкѣ въ Салонѣ находится ея портретъ, или нѣчто въ родѣ того... само собою разумѣется все это надобно сдѣлать какъ можно осторожнѣе и не подавая вида, что этому придается какое-нибудь значеніе.

Милая, находчивая женщина! Какъ я былъ уменъ, оказавъ ей услугу! Я тогда и не думалъ, что когда-нибудь ей придется отплатить мнѣ за нее. А между тѣмъ, вотъ она платитъ мнѣ капиталъ, да еще и съ процентами.

Но я все еще колебался. Она заставила меня согласиться.

— Нѣтъ, нѣтъ, сказала она,—предоставьте мнѣ это дѣло: я

вамъ обѣщаю, что она будетъ предупреждена, г. Мульяръ, и что рисунокъ будетъ вставленъ въ рамку, г. Ламиронъ.

Милая г-жа Плюме проводила насъ до лѣстницы, довольная и тѣмъ, что она выиграла такую партію у г. Плюме, и тѣмъ, что она оказалась такъ находчива, и тѣмъ, что ей удастся участвовать въ маленькомъ заговорѣ, гдѣ дѣло идетъ о любви.

На улицѣ Ламиронъ пожалъ мнѣ руку.

— Ступай, ступай, мой другъ, счастливые люди любятъ одиночество: это сердечная потребность у нихъ. Черезъ четыре дня, ровно въ полдень, я зайду за тобою, и мы вмѣстѣ отправимся на выставку въ Салонъ.

Да, я былъ счастливъ! Я шелъ быстро, не глядя по сторонамъ, углубившись въ свои мысли, прислушиваясь къ раздававшимся у меня въ сердцѣ звукамъ какой-то божественной музыки. Мнѣ казалось, что вокругъ меня распространяется какое-то сіяніе. Это стѣсняло меня, потому что дерзко въ самомъ дѣлѣ кричать во всеуслышаніе: „Смотрите на меня, это я, въ душѣ у меня торжество, Жанна полюбитъ меня!“ Въ сущности я былъ точно полупомѣшанный.

Возлѣ Люксембургскаго сада, предъ дворцомъ, гдѣ происходятъ засѣданія сената, играютъ двѣ дѣвочки. Одна изъ нихъ толкаетъ другую, та падаетъ: „Галкая, галкая Жанна!“ Я бѣгу, поднимаю упавшую и предъ глазами изумленной няни цѣлую ее, говоря:

— Нѣтъ, нѣтъ, она самая прелестная дѣвочка въ мірѣ!

А г. Легранъ! какъ вспомню о моемъ разговорѣ съ г. Леграномъ, сейчасъ еще краснѣю.

Онъ съ достоинствомъ стоялъ на порогѣ своей лавки: *Пряности, съѣстные припасы, колоніальный товаръ*. Мы находимся въ добрыхъ отношеніяхъ съ г. Леграномъ; я у него покупаю апельсины, лафитъ и ромъ для пунша. Но я соблюдаю раздѣляющее насъ разстояніе. И что же! сегодня я его назвалъ „мой милый г. Легранъ“, подошелъ къ нему, заговорилъ съ нимъ, а между тѣмъ мнѣ нечего было покупать у него; я спросилъ его о томъ, какъ идутъ его дѣла и прибавилъ: — „Какая чудная погода, г. Легранъ, къ намъ совсѣмъ вернулись хорошіе дни!“

Онъ устремилъ взоры на улицу, перевелъ ихъ на меня и изъ уваженія воздержался отъ отвѣта.

Дѣйствительно, тутъ только я замѣтилъ, что моросилъ очень непріятный мелкій дождь.

А вотъ сейчасъ, когда я возвращался послѣ обѣда домой черезъ Бонапартовскую улицу, я встрѣтился съ какими-то супругами изъ мастеровыхъ, и мужъ, указывая на меня, сказалъ:

— Гляди-ка, вонъ поэтъ!

И онъ былъ правъ. Помощникъ адвоката во мнѣ ступевался, будущій докторъ правъ исчезъ, остался только поэтъ, то-есть основаніе всего того, что̀ юно, что̀ свободно отъ всего навѣяннаго, искусственнаго. Я чувствую, какъ поэтъ пробуждается и начинаетъ волноваться во мнѣ. Какъ прелестна жизнь, и что̀ за чудный инструментъ мы представляемъ собою, если надежда, коснувшись насъ, можетъ заставить такъ трепетать всѣ струны нашего существа!

1 мая.

Какъ долго тянулись эти четыре дня! Особенно самый послѣдній. Но вотъ двѣнадцать часовъ безъ двухъ минутъ... Черезъ двѣ минуты, если Ламиронъ не опоздаетъ...

— Тукъ, тукъ!

— Входите.

— Двѣнадцать часовъ, мой другъ; ты идешь?

Это Ламиронъ.

Уже цѣлый часъ тому назадъ я надѣлъ на голову шляпу и съ тросточкой и перчатками на рукахъ перелистывалъ отъ нечего дѣлать свое сочиненіе. Онъ смѣется надо мною. Но это мнѣ все равно.

Мы отправляемся пѣшкомъ. Погода ясная и теплая. Всѣ на воздухѣ. Кто могъ бы оставаться дома въ день 1 мая? Со всѣхъ сторонъ появляются бѣлыя весеннія дѣтскія платьица, направляющіяся къ Тюльрійскому саду. Ламиронъ разговорчивъ. Онъ доволенъ и своею выставкой, и своимъ планомъ атаки противъ мадемуазель Жанны.

— Она, навѣрное, предупреждена, Фабіанъ, можетъ-быть уже и тамъ, какъ знать?

— Шути, смѣйся! Ну да, разумѣется, весьма вѣроятно, что она придетъ на выставку раньше насъ. Всѣ эти дни у меня было относительно этого какое-то предчувствіе.

— Въ самомъ дѣлѣ!

— Двадцать разъ я воображалъ ее себѣ, какъ она подъ руку съ отцомъ поднимается по лѣстницѣ Дворца Промышленности. Мы же съ тобою, Сильвестръ, находимся внизу, мы затерялись въ толпѣ. Ея прелестный изящный профиль вырисовывается

на гобленовскихъ обояхъ, которые его окружаютъ рамкой цвѣтовъ, и кажется будто какая-нибудь молодая дѣвушка минувшихъ временъ ожиаетъ и выходитъ изъ своей красивой рамки.

— Мм. гг., сказалъ Ламиронъ, обращаясь жестомъ руки ко всей площади Согласія,—честь имѣю вамъ представить будущаго преемника г. Мулльяра, адвоката въ Буржѣ, великолѣпный темпераментъ для ходатая по дѣламъ.

Мы приближаемся. Отовсюду къ выставкѣ направляются группы: дамы въ свѣтлыхъ туалетахъ, мужчины въ жакеткахъ, они держатъ одну руку въ карманѣ, а другою поднимаютъ свою трость высоко, до самаго уха, что̀ означаетъ: богатъ, еще человѣкъ здоровый и веселый, вышелъ прогуляться по хорошей погодѣ. Близь механическихъ счетчиковъ стоятъ цѣлыя толпы. Наконецъ я вхожу.

Мы скорымъ шагомъ проходимъ по усыпанному пескомъ саду, области скульптуры, гдѣ столько античныхъ божествъ во всевозможныхъ положеніяхъ окружаютъ своимъ миѳологическимъ вѣнкомъ современные бюсты, разставленные въ центральной аллеѣ. Идемъ далѣе, не здѣсь мое сердце. Мы привѣтствуемъ взоромъ раненаго древняго Галла, окруженнаго многочисленною публикой, и поднимаемся по лѣстницѣ... гдѣ однако не видимъ Жанны.

Вотъ первая зала картинъ. Сильвестръ сіяетъ. Онъ у себя дома.

— Скорѣе, Сильвестръ, гдѣ же рисунокъ? Скорѣй, скорѣй, къ нему!

Но онъ увлекаетъ меня за собою, и мы обходимъ нѣсколько залъ.

Приходилось ли вамъ испытать на себѣ опьянѣніе красками, овладѣвающее профанами на порогѣ какого-нибудь музея? Въ глаза бьетъ столько лучей, въ умѣ возникаетъ и сталкивается столько мыслей, что глаза устаютъ и умъ мутится. Голова ваша кружится подобно насѣкомому на обширномъ цвѣточномъ лугу. Гулъ и движеніе толпы еще болѣе усиливаютъ головокруженіе. Толпа разсѣеваетъ начавшее сосредоточиваться вниманіе, она увлекаетъ его съ собою туда, гдѣ она сама собирается подъ вліяніемъ какого-нибудь громкаго имени, какой-нибудь роскошной рамы, при видѣ огромнаго размѣра какой-нибудь картины, чего-нибудь особенно выдающагося, яркаго желтаго фона, десятка два повѣшанныхъ и столькихъ же воронъ,

какого-нибудь историческаго старца, какого-нибудь ужаснаго охотника, совсѣмъ нагаго и вооруженнаго дубиной со свинцовымъ наконечникомъ. Вы отвертываетесь и въ васъ снова начинается борьба между вашимъ зрѣніемъ, которое влекутъ къ себѣ сотни вещей, и вашимъ умомъ, который дѣйствительно желалъ бы что-нибудь видѣть.

Для Лампрона подобной опасности не существуетъ. Однимъ быстрымъ взглядомъ онъ окидываетъ всю залу. У него глазъ охотника, который въ цѣломъ выводкѣ куропатокъ сразу замѣчаетъ свою добычу. У него нѣтъ колебаній: „Надобно идти вонъ туда“, и мы идемъ. Онъ прямо останавливается предъ какимъ-нибудь полотномъ, засунувъ руки въ карманы и опустивъ подбородокъ; онъ ничего не говоритъ, но онъ доволенъ; онъ проникается мыслью, которая его охватила еще издали; онъ сравниваетъ новое произведеніе художника съ его прежнимъ произведеніемъ, которое онъ ясно помнитъ. Онъ тутъ всею душой. А когда онъ полагаетъ, что и я все понялъ и всѣмъ проникся, онъ коротко и ясно высказываетъ свое впечатлѣніе, что̀ вкратцѣ составляетъ цѣлый длинный рядъ мыслей, которыя я долженъ раздѣлять, такъ какъ смотрѣлъ на картину вмѣстѣ съ нимъ и такъ же какъ и онъ.

Такимъ образомъ, мы останавливаемся съ нимъ предъ *Мученичествомъ Св. Дениса* Бонна, предъ двумя *Поклоненіями* Бугро, предъ ландшафтомъ Бернье, еще предъ нѣсколькими ландшафтами, морскими видами и портретами.

Наконецъ мы выходимъ изъ залы.

Въ открытой галлереѣ, выходящей въ садъ, помѣщаются акварели, гравюры, рисунки; этотъ отдѣлъ мало посѣщается публикой. Лампронъ прямо направляется къ своимъ произведеніямъ. Я положительно присудилъ бы имъ высшую награду: гравированный мужской портретъ, Богоматерь, кормящая Іисуса, гравюра съ оригинала, находящагося въ Луврѣ, и рисунокъ, изображающій..

— Боже мой, какъ она очаровательна, Сильвестръ! и она непремѣнно должна бы придти посмотрѣть на себя!

— Она придетъ, другъ мой, только меня уже не будетъ здѣсь.

— Ты меня покидаешь?

— Я оставляю тебя сторожить ее: будь терпѣливъ и непремѣнно сегодня же вечеромъ приходи ко мнѣ сообщить обо всемъ.

— Обѣщаю тебѣ.

И Ламиронъ исчезаетъ.

Рисунокъ находился почти на одинаковомъ разстояніи отъ двухъ украшенныхъ портьерами арокъ, которыя вели въ залы съ масляными картинами. Я прислонился къ косяку одной изъ этихъ арокъ и сталъ ждать.

Налѣво отъ меня была настоящая пустыня. Время отъ времени, и притомъ очень рѣдко, какой-нибудь посѣтитель отваживался заглянуть въ отдѣленіе, гдѣ находились рисунки въ два карандаша. Да и то посѣтители заходили сюда скорѣе затѣмъ, чтобы подышать свѣжимъ воздухомъ и, облокотившись на балюстраду, посмотрѣть на пеструю толпу, гулявшую среди бѣлыхъ статуй.

Направо отъ меня, напротивъ, то и дѣло проходили туда и сюда группы посѣтителей, среди которыхъ можно было тотчасъ же отличить провинціаловъ по ихъ откровенно утомленному виду. Толстыя мамаши и запыхавшіеся папаши тѣснились на банкеткахъ, устремляя на стѣны безнадежные взоры, между тѣмъ какъ вокругъ нихъ сновали легіоны неутомимыхъ Парижанокъ, свободно расхаживавшихъ на своихъ высокихъ каблучкахъ, одинаково внимательно относившихся и къ картинамъ, и къ собственнымъ элегантнымъ движеніямъ, и къ туалету всѣхъ дамъ.

О, стражи, мирные блюстители порядка въ этомъ водоворотѣ, если безостановочное движеніе людскихъ волнъ не угашаетъ въ васъ всякаго сознанія дѣйствительности, сколько глупостей приходится вамъ слышать! Въ какихъ-нибудь четверть часа я наслушался болѣе двадцати глупыхъ фразъ.

Вдругъ раздаются легкіе шаги въ галлереѣ. Входятъ двѣ очень молоденькія дѣвушки: должно-быть сестры, потому что у нихъ одни и тѣ же черные глазки, одинаковыя розовыя платья, одинаковыя бѣлыя перья на шляпкахъ. Вытянувъ впередъ головки, какъ козочки на полянкѣ, онѣ, повидимому, приходятъ въ отчаяніе отъ безконечнаго ряда галлерей. Но вотъ онѣ вдругъ оживились, переглядываются, перешептываются другъ съ другомъ. Одна изъ нихъ улыбается, другая также. Потомъ онѣ отвертываются другъ отъ друга и идутъ одна направо, другая налѣво, чтобъ осмотрѣть покрывающіе стѣны рисунки. Ихъ осмотръ самый поверхностный, искусство ихъ очевидно не интересуетъ, онѣ ищутъ что-то, и мнѣ приходитъ въ голову, что можетъ-быть онѣ отыскиваютъ именно портретъ Жанны. И дѣйствительно, молодая дѣвушка, направившаяся въ мою сторону, скоро останавли-

вается, испускаетъ легкій возгласъ и указываетъ на стѣну. Товарка ея подбѣгаетъ къ ней. Онѣ хлопаютъ въ ладоши.

— Браво! браво!

И вотъ онѣ уже исчезли въ амбразурѣ одной изъ дверей.

Я угадываю куда и зачѣмъ онѣ отправились.

Я весь дрожу и еще старательнѣе прячусь за портьеру.

Не проходитъ и минуты, какъ онѣ снова возвращаются, но уже не вдвоемъ, а втроемъ, вмѣстѣ съ ними Жанна, которую онѣ тащатъ за руки.

Онѣ подводятъ ее къ рисунку Ламирона и мило приседаютъ ей.

Жанна наклоняется, она улыбается, на ея лицѣ выражается одобреніе. Но вотъ ее беретъ сомнѣніе, она поворачиваетъ голову и видитъ меня. Улыбка исчезаетъ, она вспыхиваетъ, и кажется, что вотъ-вотъ на глаза у нея навернутся слезы. Какое счастье, Жанна, вы тронуты: Жанна, вы поняли!

Сердце мое охватываетъ чувство такой безмѣрной радости, какой я никогда еще не испыталъ.

Увы! въ то же мгновеніе кто-то позвалъ ее:

— Жанна!

Она выпрямляется, беретъ обѣихъ молоденькихъ дѣвушекъ за руки и уходитъ.

О, какъ было бы для меня лучше, еслибъ я тоже поспѣшилъ уйти, поспѣшилъ унести съ собою это свѣтлое заблужденіе!

Но нѣтъ, я наклоняюсь впередъ, чтобы слѣдить за ними взоромъ. Въ амбразурѣ отдаленной двери я замѣчаю г. Шарно. Возлѣ него находится какой-то молодой человѣкъ. Онъ обращается къ Жаннѣ. Она ему отвѣчаетъ. Нѣсколько словъ долетаютъ до моего слуха:

— Это ничего, Жоржъ.

Проклятіе! Она любитъ другаго!..

2 мая.

Въ какомъ настроеніи духа отправился я сегодня, чтобы защищать свою диссертацію. Подавленный, разбитый проведенною въ слезахъ ночью, равнодушный ко всему, что могло бы случиться со мною счастливаго или прискорбнаго!

Я считалъ себя очень несчастнымъ, да и дѣйствительно былъ несчастенъ, но мнѣ и въ голову не приходило, что я вернусь домой еще болѣе грустнымъ, еще болѣе несчастнымъ.

Погода была великолѣпная въ половинѣ двѣнадцатаго утра,

когда съ моею диссертаціей подъ мышкой я отправился несравненно болѣе озабоченный своими горестями и проектами, надъ которыми я убивался всю ночь, чѣмъ ожидающими меня испытаніями. Въ Люксембургскомъ саду я встрѣтилъ малютку, которую я поцѣловалъ на прошедшей недѣлѣ. Она остановила свое серсо, чтобы стать передо мною съ растрепавшимися волосами, съ широко раскрытыми глазками, съ ласковымъ и лукавымъ видомъ, означавшимъ: „А я васъ узнала!“ Я глупо прошелъ мимо нея. Она сдѣлала гримаску и я видѣлъ, что она подумала: „Что съ нимъ такое?“

Что съ нимъ такое? Милая моя, свѣтлокудрая крошка, когда ты будешь большая, желаю, чтобы ты понимала это такъ же мало, какъ и теперь!

Я поднялся по улицѣ Суффло, и ровно въ двѣнадцать часовъ вошелъ въ закрытый дворъ.

Утреннія лекціи уже кончились. Подъ арками прогуливается нѣсколько студентовъ. Я стараюсь избѣжать ихъ изъ опасенія встрѣтиться съ кѣмъ-нибудь изъ товарищей, чтобы не пришлось разговаривать. По приглашенію секретаря сюда спѣшатъ прямо отъ завтрака нѣсколько раскраснѣвшихся профессоровъ: это мои экзаменаторы.

Пора отправиться заняться своимъ костюмомъ, потому что и кандидатъ, подобно осужденному, имѣетъ свой особенный костюмъ. Старый университетскій педель, столько разъ одѣвавшій меня въ свои тоги, которыя онъ обыкновенно беретъ напрокатъ, замѣтилъ мою грусть и вообразилъ себѣ, что я страдаю отъ страха предъ экзаменами, чувства очень сходнаго со страхомъ, испытываемымъ молодымъ солдатомъ при первомъ огнѣ.

Мы съ педелемъ находимся наединѣ въ нѣсколько темноватой гардеробной; онъ ходитъ вокругъ меня, чиститъ щеткой мое платье и старается меня подбодрить: доктора имѣютъ право на это нравственное подбадриваніе щеткой.

— Все отлично сойдетъ, г. Муллыяръ, вы только не трусьте. Мы никого еще не провалили за нынѣшнее утро.

— Да я не трушу, дядя Мишю.

— Хоть я и говорю никого, а все-таки былъ случай насчетъ исторіи. Вообразите себѣ, — повернитесь-ка немножко, г. Муллыяръ,—вообразите себѣ кандидата, который ровно ничего не зналъ, ни въ зубъ толкнуть. Намъ часто приходится это видѣть. А по окончаніи-то экзаменовъ, вдругъ еще обращается

къ своимъ экзаминаторамъ и говоритъ: „Будьте ко мнѣ снисходительны, милостивые государи, я желаю быть только мировымъ судьей!“ Каково? хорошо? какъ вамъ это покажется?

— Очень, очень хорошо.

— Какъ вы это говорите? у васъ нѣтъ охоты посмѣяться сегодня?

— Нѣтъ, дядя Мишю, у всякаго, вы знаете, бываютъ свои печали.

— Я такъ и подумалъ, взглянувъ на васъ сегодня: У г. Мульяра есть какое-нибудь горе, сказалъ я себѣ. Застегнемтесь-ка до низу, г. Мульяръ; подумайте только, вѣдь вы будете защищать докторскую диссертацію! У васъ сердечное горе, г. Мульяръ?

— Можетъ-быть.

Онъ подмигнулъ мнѣ глазомъ и добродушно хлопнулъ руками.

— Ничего, г. Мульяръ, перемелется мука будетъ. Сердечное горе—это роса, упадетъ и исчезнетъ.

— Сердечное горе, дядя Мишю?

Онъ пожалъ плечами и, стараясь сдержать одолѣвавшій его смѣхъ и приступъ удушья, пошелъ передо мной по направленію къ залѣ, назначенной для защиты моей диссертаціи.

Это была самая маленькая и самая темная изо всѣхъ залъ. Она выходитъ на улицу, очень темную и которая слѣдовательно въ состояніи давать только весьма ограниченное количество свѣта. Налѣво вдоль стѣны находится возвышеніе для кандидата. Въ глубинѣ залы на эстрадѣ вокругъ стола засѣдаютъ шесть человѣкъ экзаминаторовъ въ красныхъ мантіяхъ, въ епанчахъ обшитыхъ горностаемъ и въ шапочкахъ съ золотыми галунами. Между каѳедрой для кандидата и дверями находится небольшое пространство, въ которомъ помѣщаются зрители. Ихъ было человѣкъ тридцать, когда я вошелъ.

Защита моей диссертаціи могла бы быть блистательною, а вышла посредственною.

Трое изъ моихъ судей читали мою диссертацію, особенно превосходный г. Фламаранъ. Онъ ее изучилъ, ему понравились смѣлыя предположенія, и все, что въ нихъ было новаго. Прежъ тѣмъ какъ сдѣлать мнѣ первый вопросъ, онъ изобразилъ на своемъ лицѣ пріятное выраженіе человѣка, который готовится съѣсть вкусный зрѣлый плодъ. А когда посреди всеобщаго молчанія онъ началъ говорить, то сразу занесся въ своихъ разсужденіяхъ

на такую высоту отвлеченнаго мышленія, что большинство слушателей ничего не могло понять и многіе потихоньку прокрались за дверь.

Каждый мой отвѣтъ еще болѣе воодушевлялъ его.

— Очень хорошо, очень хорошо, говорилъ онъ, пойдемте далѣе. Итакъ, я полагаю...

И поддавшись демону логики, мы оба впали въ истинное безумствованіе, унеслись въ міръ предположеній, въ который никто еще не проникалъ. Онъ уже не предлагалъ вопросовъ, онъ сталъ самъ придумывать предположенія, самъ увлекался выводами. Никто не былъ ни правъ, ни неправъ. Мы оба разсуждали о химерахъ, онъ—весь сіяющій, я безо всякаго пыла, а все это въ присутствіи нѣсколько забавлявшихся нами его сотоварищей. Только въ эту минуту постигъ я какъ много воображенія можетъ заключаться въ головѣ юриста.

Г. Фламаранъ на десять минутъ говорилъ долѣе назначеннаго срока и наконецъ, весь покрытый потомъ, поставилъ мнѣ самую лучшую отмѣтку.

Второй мой судья былъ менѣе пылокъ. Онъ дѣлалъ весьма мало предположеній и все свое искусство употребилъ на то, чтобъ убѣдить меня относительно существовавшаго у меня противорѣчія между страницей 17-й и страницей 79-й. Онъ не переставалъ повторять: „Это важно, милостивый государь, крайне важно“, и тѣмъ не менѣе точно также поставилъ мнѣ хорошую отмѣтку. Мой третій судья оказался также снисходителенъ. Дальнѣйшіе вопросы касались положеній вполнѣ постороннихъ предмета моего сочиненія, или самыя заурядныя пренія, въ которыхъ я отвѣчалъ избитыми аргументами на избитыя возраженія. Тѣмъ дѣло и кончилось. Прошло цѣлыхъ два часа.

Я вышелъ изъ залы, пока мои экзаминаторы совѣщались между собою.

Ко мнѣ подошло нѣсколько человѣкъ пріятелей.

— Поздравляю тебя, мой милый, готовъ побиться объ закладъ, что ты получишь шесть отличныхъ отмѣтокъ.

— Каково, Лариве, а я тебя и не видалъ!

— Полагаю, ты ни на кого не смотрѣлъ. Ты и теперь еще имѣешь совершенно какой-то особенный видъ. Можетъ-быть это волненіе неразрывное...

— Можетъ-быть.

— Кандидата просятъ вернуться въ экзаменаціонную залу! раздался голосъ педеля.

И дядя Миша шепотомъ прибавилъ:

— Вы приняты. Я вамъ это предсказывалъ. Не забудьте, пожалуста, дядю Мишю.

Г. Фламаранъ объявилъ меня докторомъ правъ съ отеческою улыбкой на устахъ и съ нѣсколькими словами похвалы за „добросовѣстный трудъ, исполненный новыхъ взглядовъ касательно весьма щекотливаго предмета".

Я откланялся моимъ судьямъ. Ларше поджидалъ меня на дворѣ и взялъ меня подъ руку.

— Дядя Мульяръ будетъ доволенъ.

— Да.

— Будетъ доволенъ болѣе тебя.

— Весьма вѣроятно.

— И это нетрудно. Вотъ ты какой удивительный, право. Два года ты работалъ какъ негръ для полученія степени доктора и теперь, когда ты принятъ, можно подумать, что ты ничмало къ этому не стремился. Фламаранъ тебя подарилъ улыбкой, а ты повидимому не считаешь себя избранникомъ судьбы! Чего же тебѣ еще было надобно? Ужь не надѣялся ли ты, что мадемуазель Шарно сама явится...

— О, Ларше!

— ...Присутствовать на твоемъ экзаменѣ и рукоплескать своими изящными ручками твоимъ отвѣтамъ на возраженія твоихъ судей? А между тѣмъ, вѣдь ты знаешь же, душенька, что это невозможно и что она выходитъ замужъ.

— Выходитъ замужъ?

— Нечего притворяться будто не знаешь!

— Я начиналъ догадываться объ этомъ со вчерашняго дня: я ее встрѣтилъ въ Салонѣ и видѣлъ возлѣ нея какого-то молодаго человѣка.

— Бѣлокурый?

— Да.

— Толстый?

— Можетъ-быть.

— Недуренъ собою?

— Не знаю.

— Это Дюфилльёль, душенька, Дюфилльёль. Неужели ты не знаешь Дюфилльёля?

— Нѣтъ.

— Да нѣтъ же, ты его знаешь: агентъ чего-то, отлично играетъ въ экарте, слушалъ лекціи юридическаго факультета одновременно съ нами, его всегда можно встрѣтить въ Оперномъ театрѣ въ обществѣ маленькой Тигра изъ Буффа.

— Бѣдняжка!

— Ты жалѣешь ее?

— Это ужасно!

— Что именно?

— Видѣть, что этотъ милый ребенокъ вдругъ выходитъ замужъ за кутилу...

— Не она первая, не она послѣдняя.

— За игрока.

— Что вѣрно. то вѣрно.

— По всему видно, что онъ дуракъ, который, взамѣнъ всей ея прелести, всей ея юности, всего ея очарованія, доставитъ ей только невозможное. Ахъ, несчастныя дѣвушки! какъ ихъ обманываютъ, какъ ихъ проводятъ, какъ часто онѣ дѣлаются жертвой своей собственной доброты

— Какой ты чудакъ! Да жизнь всегда идетъ такъ. Еслибы прелестныя невѣсты выходили только за добродѣтельныхъ юношей подъ покровительствомъ добродѣтельныхъ родителей, такъ вѣдь это было бы концомъ міра, любезный! Увѣряю тебя, что Дюфилльёль прекрасная партія, прежде всего онъ красивъ собою...

— Славная гарантія!

— Богатъ.

— Пустяки!

— И затѣмъ имя, которое дѣлится.

— Дѣлится?

— Съ удивительною легкостью. Это очень цѣнится. Женившись можно называться г. Дю Филльёль. Черезъ годъ можно сдѣлаться барономъ. По смерти отца, стараго олуха, можно объявить себя графомъ. А если молодая женщина хорошенькая и сумѣетъ немножко помучить своего мужа, то у нея есть шансы сойти и за маркизу.

— Ахъ!

— Ты мраченъ, мой бѣдный Мульяръ: я предлагаю тебѣ выпить водки, это единственный напитокъ соотвѣтствующій горечи твоего сердца.

— Нѣтъ, я иду домой.

— Не весело встрѣчаешь ты свою докторскую степень. Прощай.

— Прощай.

Онъ повернулся на каблукахъ и пошелъ по бульвару Сенъ-Мишель.

Итакъ, все кончено и для нея, и для меня, совсѣмъ кончено, а самое печальное, то что она еще жальчѣе меня. Бѣдная дѣвушка! Я очень любилъ ее, но неловкимъ образомъ, какъ все, что бы я ни дѣлалъ, не сумѣлъ вовремя заговорить о своей любви. Безмолвное признаніе, на которое я рискнулъ, или вѣрнѣе, на которое за меня рискнулъ другъ, застало ее невѣстой этого болвана, который сумѣлъ взяться за дѣло ловчѣе меня, который ничего не заливалъ чернилами въ Національной Библіотекѣ, который долженъ былъ бы всего бояться, который рѣшился на все.

Я далъ заколдовать себя этой дѣвственной прелести. Вся вина, вся неосторожность съ моей стороны. Она ничего не ободряла, ничего не одобряла. Если она улыбнулась въ Сенъ-Жерменѣ, то только потому что была удивлена и польщена; если въ Салонѣ у нея на глаза были готовы навернуться слезы, то лишь потому что ей было жаль меня. Я не могу имѣть и тѣни упрека противъ нея.

У меня остается послѣ нея только одна слеза, одна улыбка... И только; ну что же, я буду жить этою улыбкой, этою слезой. Ей досталась моя первая любовь, я сохраню ей въ моемъ воспоминаніи мѣсто, котораго никогда не займетъ другая. Я буду теперь стараться работать надъ тѣмъ, чтобы закрыть это сердце, которое имѣло неосторожность раскрыться... Я долженъ былъ чувствовать себя счастливымъ сегодня вечеромъ, а все во мнѣ плачетъ... Мнѣ кажется, что теперь я въ состояніи лучше понимать Сильвестра. Наши страданія насъ сближаютъ. Я сейчасъ пойду къ нему и скажу ему это...

Но прежде я напишу моему дядѣ, чтобы сообщить ему, что его племянникъ получилъ степень доктора. Что же до всего остальнаго, до проектовъ, до будущаго, то пусть все это останется на завтра, на послѣзавтра, если только я не почувствую полнаго отвращенія къ тому, чтобы думать объ этихъ вещахъ и если не стану относиться къ жизни лишь въ настоящемъ времени изъявительнаго наклоненія. Я испытываю къ этому весьма сильную склонность.

4 мая.

Лампронъ уѣхалъ въ провинцію. Онъ проведетъ недѣли двѣ въ уединеніи у одного своего стараго родственника, къ которому онъ всегда удаляется, когда ему надобно окончить какую-нибудь гравюру.

Но г-жа Лампронъ здѣсь. Послѣ нѣкотораго колебанія я все разсказалъ ей, и радъ этому. Въ своемъ простомъ и чистомъ сердцѣ она нашла тѣ слова и тѣ совѣты, которые мнѣ были нужны. Чувствуется, что она много утѣшала въ своей жизни. Она обладаетъ тайной этого чисто женскаго искусства, составляющаго силу слабости. Можетъ-быть женщины слабы, но онѣ слабы менѣе насъ, сильныхъ, потому что онѣ насъ поднимаютъ. Она назвала меня „мой милый г. Фабіанъ", и уже одно то, какъ она это сказала, проникло мнѣ въ самое сердце. Я считалъ ее ограниченною, но это несправедливо: она только необразована, что̀ вполнѣ можетъ соединиться со всѣми тонкими и со всѣми возвышенными чувствами. Никто ея не училъ тѣмъ выраженіямъ, которыя она употребляла: „Еслибы ваша мать была жива, сказала она,—то вотъ какъ бы она съ вами говорила." Она мнѣ говорила о Богѣ, который одинъ только и разрѣшаетъ всякое испытаніе ниспосылаемою имъ благополучною развязкой, или внушаемою имъ покорностью его волѣ. Я чувствовалъ какъ вмѣстѣ съ нею я поднимаюсь въ высшія области, гдѣ наши горести уменьшаются, потому что горизонты вокругъ нихъ расширяются. И я вспоминаю, какъ ей пришла слѣдующая прекрасная мысль: „Посмотрите на моего сына, какъ онъ страдалъ! Можно думать, г. Фабіанъ, что лучшимъ людямъ въ семъ мірѣ выпадаетъ на долю болѣе всѣхъ испытаній, подобно тому какъ и камнямъ, которые должны составлять основаніе зданія, приходится болѣе всѣхъ лежать подъ тяжестью грудъ прочихъ камней."

Я вернулся отъ г-жи Лампронъ менѣе озлобленнымъ, болѣе спокойнымъ, болѣе благоразумнымъ.

5 мая.

Молніеносное письмо отъ г. Мулльяра. Еслибъ я не былъ такъ печаленъ, я бы хохоталъ надъ нимъ.

Онъ желалъ бы, чтобы, получивъ званіе доктора правъ въ два часа пополудни, я въ тотъ же вечеръ полетѣлъ на поѣздѣ въ Буржъ, гдѣ меня ожидаютъ мой дядя, контора и провинціальное счастіе. Друзья г. Мулльяра были предупреждены, всѣ бы явились встрѣтить меня на вокзалъ. Словомъ, я неблагодарный. По

меньшей мѣрѣ я долженъ былъ бы назначить срокъ моего пріѣзда, потому что невозможно, чтобъ я продолжалъ оставаться въ столицѣ, имѣя возможность покинуть ее. Но нѣтъ ни малѣйшаго указанія, ни малѣйшаго обѣщанія относительно моего возвращенія: простое увѣдомленіе о счастливомъ окончаніи экзаменовъ. Это переходитъ всякія границы легкомыслія и равнодушія. Г. Мулльяръ, сбитый съ толку въ своихъ самыхъ элементарныхъ понятіяхъ о жизни, заключаетъ слѣдующими словами: „Фабіанъ, давно уже я догадываюсь объ этомъ, у тебя есть какія-то цѣпи, я ѣду чтобы расторгнуть ихъ!—Брутъ Мулльяръ.“

Я его знаю, онъ завтра же будетъ здѣсь.

6 мая.

Каково, дяди еще нѣтъ!

7 мая.

И сегодня его нѣтъ, какъ нѣтъ.

8 мая.

Продолженіе полнаго затменія. Никакихъ извѣстій о г. Мулльярѣ. Это совсѣмъ странно.

9 мая.

Сегодня въ семь часовъ вечера, въ ту минуту, какъ я выходилъ изъ дома чтобъ идти обѣдать, я вдругъ вижу въ двадцати шагахъ отъ себя высокую шляпу съ широкими полями на коротко остриженныхъ сѣдыхъ волосахъ, длинную затянутую бѣлымъ галстукомъ шею, растегнутый до низу сюртукъ, полы котораго спускаются на длинныя худыя ноги, и восклицаю:

— Дядюшка!

Онъ раскрываетъ мнѣ свои объятія. Я падаю въ нихъ, и вотъ первое, что онъ мнѣ говоритъ:

— По крайней мѣрѣ, ты еще не обѣдалъ?

— Нѣтъ, дядюшка.

— Ну, такъ пойдемъ къ Фойо.

Ждать, что увидишь человѣка страшно разсерженнаго и вдругъ услыхать отъ него приглашеніе обѣдать, это производитъ впечатлѣніе весьма странное, почти разочарованіе, потому что самъ уже возбужденъ, уже заготовилъ всѣ свои аргументы, заготовилъ цѣлый запасъ дерзости, и вдругъ все понапрасну!

Очнувшись наконецъ отъ удивленія, я сказалъ ему:

— Судя по вашему письму, дядюшка, я думалъ, что вы пріѣдете раньше.

— И ты былъ правъ. Я уже два дня какъ въ Парижѣ и оста-

новился въ Грандъ-Отелѣ. Я остановился тамъ ради столовой, о которой мой другъ Гюблеттъ,—ты вѣдь знаешь Гюблетта, въ Буржѣ,—сказалъ мнѣ: „Мульяръ, вы должны посмотрѣть эту залу прежде чѣмъ вы уступите свою контору.“

— Еслибъ я только это зналъ, дядюшка, я бы побывалъ у васъ.

— Ты бы не засталъ меня. Дѣла прежде всего, Фабіанъ. Мнѣ надо было повидать трехъ стряпчихъ и пять человѣкъ нотаріусовъ. Ты понимаешь, подобнаго рода вещи не ждутъ. Я со всѣми видѣлся. Послѣ дѣлъ чувства. И вотъ я здѣсь! Ты не прочь отъ Фойо?

— Разумѣется, дядюшка.

— Впередъ, племянникъ, маршъ! Какъ-то веселитъ человѣка этотъ Парижъ!

И дѣйствительно, у моего дяди Мульяра видъ былъ настолько же веселый, насколько и провинціальный. Его высокій ростъ вмѣстѣ съ его сюртукомъ особеннаго деревенскаго покроя заставляли насъ оборачиваться прохожихъ, непривычныхъ къ такому зрѣлищу. Онъ стучалъ своею палкой по деревянной мостовой, восхищался филантропіей Валаса, останавливался предъ раскрашенными планами улицъ и восторгался движеніемъ.

Меню обѣда было великолѣпно, такое какое могъ придумать только великодушный дядя для своего безупречнаго племянника. Г. Мульяръ, изстари питавшій страсть къ шамбертену, прежде всего приказалъ подать его двѣ бутылки. Онъ выпилъ одну, отпилъ другой, кушая соотвѣтственно и не переставая все время, согласно своему обыкновенію, говорить очень громко и очень рѣшительно. Онъ мнѣ разсказалъ о двухъ блистательныхъ выигранныхъ имъ дѣлахъ, о разводѣ,—мой дядюшка ужасенъ въ подобнаго рода дѣлахъ,—и о похищеніи несовершеннолѣтней. Сперва я ожидалъ какихъ-нибудь намековъ. Ничуть не бывало. Онъ разсказалъ всю драму, какъ любитель, не опуская ни подготовительныхъ сужденій, ни преній въ самомъ судѣ, точь-въ-точь какъ еслибъ онъ разсказывалъ случай Елены и Парриса, еслибъ ему пришлось принять участіе въ этомъ знаменитомъ дѣлѣ. Обо мнѣ ни одного слова.

Я все ждалъ. Ничего не воспослѣдовало, кромѣ описанія всѣхъ его дѣяній.

Послѣ сладкаго г. Мульяръ потребовалъ сигару.

— Какія у васъ сигары? обратился онъ къ слугѣ.

— Лондресъ, конша, регалія, казадоръ, портага, исключительныя. Какихъ прикажете?

— Названіе для меня безразлично: дайте мнѣ сигару подлиннѣе и потолще, которую было бы удобно курить.

Эмиль разыскалъ на днѣ какого-то ящика нѣчто въ родѣ веретена съ соломенкой посрединѣ, по всей вѣроятности сигару съ международной выставки, оставленную всѣми вслѣдствіе своихъ необычайныхъ размѣровъ. Дядюшка взялъ ее, всунулъ въ мундштукъ изъ янтаря, который я вѣчно помнилъ у него, зажегъ ее, и подъ предлогомъ, что въ началѣ слѣдуетъ соразмѣрять горѣніе табака, вышелъ, оставляя за собою клубы дыма, какъ паровозъ.

Мы обошли галлереи Одеона, гдѣ дядюшка занялся перелистываніемъ всякихъ книгъ. Онъ перебиралъ ихъ всѣ, начиная со стихотвореній декадентовъ до *Лошадиной гигіены;* сперва прочитывалъ заглавіе, затѣмъ пожималъ плечами и, наконецъ, неизмѣнно обращался ко мнѣ:

— Ты знаешь эту книгу?

— Да, дядюшка, знаю.

— Это должно-быть какой-нибудь совсѣмъ молодой авторъ: совсѣмъ не помню такого имени.

Г. Мульяръ забывалъ, что отъ его послѣдняго посѣщенія книжныхъ лавокъ Одеона его отдѣлялъ промежутокъ времени въ сорокъ пять лѣтъ.

Онъ снова чувствовалъ себя студентомъ, фланирующимъ послѣ обѣда по книжнымъ лавкамъ, жаднымъ до всего новенькаго и не обращающимъ ни малѣйшаго вниманія на сквозняки. Мало-по-малу онъ совершенно увлекся воспоминаніями далекаго прошлаго. Онъ уже не выпускалъ изо рта сигары. Пепелъ на ней увеличивался безъ мѣры, бѣлый пепелъ, слегка припухнувшій къ концу, покрытый мелкими черными крапинками, придававшій сигарѣ красноватый оттѣнокъ, то пламенный, то темный, смотря по движенію дыханія.

Г. Мульяръ становился такъ неподвиженъ, и пепелъ у него нарасталъ до такой степени, что молоденькій студентъ,— этотъ возрастъ не знаетъ жалости,—замѣтилъ эту двойную особенность. Онъ толкнулъ локтемъ товарища, торопливо свернулъ папироску и со шляпой въ рукѣ подошелъ къ моему дядѣ.

— Не будете ли вы такъ любезны дать мнѣ закурить, милостивый государь!

Г. Мульляръ вздохнулъ, медленно обернулся, устремилъ ужасный взоръ на юношу, гнѣвно стряхнулъ пепелъ и поднесъ студенту пылающій конецъ своей сигары.

— Съ удовольствіемъ!

Затѣмъ онъ поставилъ на полку послѣднюю книгу, которую держалъ въ рукахъ, Мюссе, и позвалъ меня.

— Пойдемъ, Фабіанъ.

Онъ взялъ меня подъ руку, и мы принялись шагать по улицѣ Медичи, вдоль рѣшетки Люксембургскаго сада.

Я предчувствовалъ, что наступаетъ роковая минута. У дядюшки есть правило, которому онъ чрезвычайно вѣренъ: „когда какая-либо вещь не ясна, я прямо иду на проломъ, какъ какой-нибудь тапиръ“.

Тапиръ раскачался.

— Ну, а твоя цѣпи, Фабіанъ? Я вѣрно угадалъ?

— Да, дядюшка, у меня была цѣпь.

— Хорошо, что ты сознаешься, мой милый, но ее слѣдуетъ порвать.

— Она уже порвана.

— Съ какихъ поръ?

— Уже нѣсколько дней.

— Честное слово?

— Да.

— Это очень хорошо, племянникъ. А еще лучше бы ты сдѣлалъ, еслибы не допускалъ сковывать себя. Но, какъ бы то ни было, ты получаешь отъ дяди совѣтъ, видишь пропасть и отступаешь, это очень хорошо.

— Дядюшка, я не хочу васъ обманывать. Письмо ваше я получилъ уже послѣ того. Причина совсѣмъ не та.

— А именно?

— Дѣло въ томъ, что заблужденіе, въ которомъ я находился, внезапно разсѣялось.

— И могутъ еще существовать какія-нибудь заблужденія относительно этихъ созданій!

— Чудное созданіе, дядюшка, и достойное всякаго поклоненія.

— Вотъ еще!

— Пожалуста не сомнѣвайтесь въ этомъ. Я считалъ ее свободною.

— А въ дѣйствительности она оказалась?..

— Помолвленною.

— Это довольно-таки смѣхотворно.

— Я, дядюшка, этого не нашелъ и страдалъ очень сильно, увѣряю васъ.

— Конечно, конечно, заблужденіе, какъ ты выразился... Ну, и все кончено?

— Совершенно.

— Ну, а если такъ, Фабіанъ, то я желаю помочь тебѣ. Говори со мною откровенно. Сколько тебѣ надобно?

— Сколько?

— Ну, да, можетъ-быть тебѣ нужно устроить непріятное положеніе, ты понимаешь меня съ полуслова, неправда ли? сколько же тебѣ нужно для того, чтобы купить, такъ-сказать, покровъ забвенія?

— Да ровно ничего, дядюшка.

— Полно, Фабіанъ, я привезъ съ собою деньги.

— Вы ошибаетесь, дядюшка, деньги тутъ не при чемъ. Повторяю вамъ, что рѣчь идетъ о прекрасной достойной дѣвушкѣ.

— О дѣвкѣ, разумѣется, чортъ возьми! не могу выразиться иначе.

— Да вовсе же нѣтъ, дядюшка, я говорю вамъ о мадемуазель Жаннѣ Шарно.

— Возможно.

— О дочери члена Института.

— О!

Дядюшку просто всего передернуло.

— Да, о мадемуазель Шарно, которую я любилъ, мечтая обвѣнчаться съ нею, сдѣлать ее своею женой, понимаете?

Онъ откинулся къ рѣшеткѣ сада и скрестилъ на груди руки.

— Своею женой! Вотъ ужь чего я не думалъ! Своею женой? значитъ ты хотѣлъ жениться на ней?

— Ну, да! что̀ съ вами?

— Жениться, жениться! вотъ ужь чего и въ голову не придетъ, въ самомъ дѣлѣ! Здѣсь происходили самыя наиважнѣйшія вещи, а я ровно ничего не зналъ. Жениться! Можетъ-быть ты сегодня сообщилъ бы мнѣ о своемъ бракѣ, еслибы къ счастью... Но вполнѣ ли ты убѣжденъ, что она помолвлена?

— Ларивѣ мнѣ сказалъ это.

— Кто такой Ларивѣ?

— Мой товарищъ.

— Такъ ты это знаешь только чрезъ товарища?

— А развѣ вы думаете, дядюшка, что можетъ существовать какое-либо сомнѣніе, что у меня еще могутъ быть шансы?..

— Нѣтъ, нѣтъ, я нисколько не сомнѣваюсь. Она должна быть помолвлена, вполнѣ помолвлена. Я даже въ восторгѣ отъ этого. Мульяры берутъ себѣ женъ не въ Парижѣ, Фабіанъ: намъ нужна не Парижанка для укрѣпленія нашихъ семейныхъ традицій и моей конторы. Парижанка! какъ только подумаю, такъ у меня морозъ по кожѣ пробѣгаетъ... Фабіанъ, ты ѣдешь завтра со мною, не правда ли?

— Разумѣется нѣтъ, дядюшка.

— Потому что?

— Потому что я не могу разстаться съ моими друзьями, не простившись съ ними; кромѣ того, мнѣ нужно еще поразмыслить прежде чѣмъ посвятить себя гражданскому судопроизводству.

— Поразмыслить! Тебѣ нужно поразмыслить для того, чтобы принять на себя наслѣдственную должность, предназначаемую тебѣ съ самаго дѣтства, ради которой ты трудился пять лѣтъ, ради которой я берегъ тебя, я, Мульяръ, какъ роднаго сына?

— Да, дяля.

— Перестань! Въ Буржѣ можно такъ же хорошо размышлять, какъ и здѣсь. Ты желаешь остаться, чтобы снова видѣть ее?

— Нѣтъ.

— Чтобы бродить подобно призраку по тому кварталу, въ которомъ она живетъ. Гдѣ она живетъ?

— Въ Университетской улицѣ.

Дядя вынулъ свою записную книжку и записалъ: „Шарно, Университетская улица“. Потомъ выраженіе его лица сразу прояснилось. У него появилась улыбка, смыслъ которой я часто угадывалъ въ судебныхъ засѣданіяхъ въ Буржѣ и которая означала: „Дѣло въ шляпѣ, дядя Мульяръ подловилъ своего человѣчка“.

Положивъ карандашъ въ футляръ, а записную книжку въ карманъ, онъ просто прибавилъ:

— Ты сегодня, Фабіанъ, городишь чепуху. Мы со временемъ еще разъ потолкуемъ объ этомъ. Пять, шесть, семь, восемь, девять, десять: это очень удобно, эта ѣзда туда и обратно. Я уѣду лишь завтра вечеромъ и вмѣстѣ съ тобою, мой милый мальчикъ, ручаюсь тебѣ въ этомъ.

Г. Мульяръ говорилъ лишь о самыхъ безразличныхъ предметахъ во время краткаго пути по улицѣ Суффло до станціи омни-

бусовъ близь Одеона. Здѣсь онъ пожалъ мнѣ руку и ловко прыгнулъ въ одинъ изъ первыхъ вагоновъ. Дама въ черномъ, въ маленькой вуалеткѣ надъ дерзкимъ носикомъ, при видѣ того, какъ мой дядюшка влетѣлъ какъ бомба и помѣстился рядомъ съ нею, поспѣшно поправила складки своего раскинувшагося по скамейкѣ платья; дядя замѣтилъ ея движеніе. Онъ испугался, что не былъ достаточно вѣжливъ и наклонился къ ней съ любезнымъ видомъ.

— Успокойтесь, сударыня, я ѣду не до Батиньоля. Я сойду у бульваровъ. Всего нѣсколько минутъ маленькаго стѣсненія, сударыня, всего нѣсколько минутъ.

Я имѣлъ время замѣтить, что дама, бросивъ на своего сосѣда самый олимпійскій взглядъ, отвернулась и пристально уставилась глазами на ремни, протянутые на потолкѣ. Цѣпь у дышла упала, кондукторъ далъ свистокъ, тройка лошадей, звякая подковами по мостовой, потопталась на мѣстѣ, поднимая ногами массу искръ, и длинная карета двинулась по Вожирарской улицѣ, увозя съ собою моего дядюшку со всѣми его проектами.

10 мая.

Ужасная вещь быть племянникомъ г. Мульляра! Разумѣется, я зналъ, что онъ упрямъ, способенъ на хитрость и смѣлость, но я былъ далекъ отъ того, чтобы предполагать, когда онъ покидалъ меня, что у него могли быть подобныя намѣренія!

Мой отказъ ѣхать, моя просьба о нѣкоторой отсрочкѣ прежде чѣмъ вступать въ завѣдываніе его конторой, раздражили его. Онъ дошелъ до сильнѣйшей степени возбужденія и поклялся увезти меня *per fas et nefas*. Онъ составилъ у себя въ умѣ слѣдующее положеніе: Мульляръ противъ Мульляра, и всецѣло предался веденію своего дѣла, то-есть, какъ и во всѣхъ юридическихъ дѣлахъ, сдѣлался человѣкомъ бѣшенымъ, дикимъ, безъ сердца и безо всякихъ колебаній.

Другой на моемъ мѣстѣ можетъ-быть уступилъ бы: я предпочелъ порвать. Мы на вѣки поссорились. Я только-что проводилъ его до площадки моей лѣстницы.

Четверть часа тому назадъ онъ вошелъ ко мнѣ съ гордымъ, храбрымъ видомъ, какой онъ всегда принимаетъ относительно своихъ собратій, когда ему удается подмѣтить какую-нибудь оплошность въ ихъ дѣйствіяхъ.

— Итакъ, племянникъ?

— Итакъ, дядюшка?

— У меня есть новости!

— А!

Г. Мульляръ положилъ свою шляпу ко мнѣ на столъ и свирѣпо стукнулъ по ней:

— Ты знаешь мою систему: если какая-нибудь вещь мнѣ представляется недостаточно ясною...

— Вы прямо идете на проломъ, какъ танкъ.

— Именно. И я всегда оставался этимъ доволенъ. Твое дѣло мнѣ представлялось неяснымъ. Помолвлена эта твоя мадемуазель Шарно, или не помолвлена? До какой степени допускала она твои ухаживанія? Ты никогда бы вполнѣ точно не сообщилъ этого и такимъ образомъ я не зналъ бы ничего положительно вѣрнаго. А потому я послѣдовалъ своей системѣ и отправился къ папашѣ.

— Вы сдѣлали это!

— Именно.

— Вы отправились къ г. Шарно?

— Въ Университетскую улицу. Развѣ это не самое простое? Кромѣ того, я былъ не прочь посмотрѣть вблизи на члена Института. И я долженъ признать тотъ фактъ, что онъ обошелся со мной очень хорошо, не выказалъ ни малѣйшаго высокомѣрія.

— И вы ему сказали?

— Прежде всего я сообщилъ ему свое имя: Брутъ Мульляръ. Онъ сталъ что-то припоминать, но не очень долго, потомъ вспомнилъ тебя: застѣнчивый молодой человѣкъ, окончившій курсъ юридическихъ и словесныхъ наукъ, который носитъ пенсне.

— И это все опредѣленіе моей особы?

— Да. Онъ вспомнилъ о томъ, что однажды видѣлъ тебя въ Національной Библіотекѣ и затѣмъ еще разъ у себя дома. Я сказалъ ему: „Это мой племянникъ, г. Шарно.—Весьма радъ за васъ, г. Мульляръ; онъ, кажется, человѣкъ не безъ достоинствъ.—Безъ сомнѣнія, но у него сердце крайне воспламеняющееся.—Въ его годы, г. Мульляръ, кто не имѣлъ своего сердечнаго пожара?..“ Онъ очень уменъ, твой г. Шарно. Я не желалъ спасовать предъ нимъ и отвѣчалъ ему:—„А знаете ли, г. Шарно, пожаръ-то начался у васъ“. Онъ страшно испугался и сталъ осматриваться по сторонамъ. Я расхохотался. Потомъ

мы объяснились. Я изложилъ ему все, сказалъ, что ты влюбленъ въ его дочь, безъ моего разрѣшенія, но самымъ честнымъ образомъ, что я догадался объ этомъ по твоимъ письмамъ, по твоему непростительному забвенію твоихъ семейныхъ обязанностей и что я прискакалъ изъ Буржа, чтобы самому обсудить положеніе. Затѣмъ я замолчалъ и предоставилъ слово ему. Бываютъ минуты, когда слѣдуетъ предоставлять слово другимъ. Не могъ же я прямо заявить ему:—„Милостивый государь, я желаю убѣдиться относительно того, дѣйствительно ли ваша дочь помолвлена“. Ты слѣдишь за моимъ разсказомъ, неправда ли? По всей вѣроятности онъ вообразилъ себѣ, что я явился дѣлать отъ твоего имени предложеніе его дочери; онъ провелъ рукой по лбу и отвѣчалъ мнѣ:—„Я весьма польщенъ вашимъ предложеніемъ и безъ сомнѣнія принялъ бы его въ серьезное соображеніе, еслибы за моею дочерью въ настоящую минуту не ухаживалъ сынъ одного моего друга, школьнаго товарища. Надѣюсь вы понимаете, г. Мульяръ, что подобное положеніе не позволяетъ мнѣ принять вашего предложенія, которое при другихъ условіяхъ было бы для меня предметомъ самаго зрѣлаго обсужденія“. Я узналъ то, что я желалъ знать. Я ничѣмъ не рисковалъ. Со своей стороны я не скрылъ отъ него, что я лично предпочелъ бы для тебя провинціалку самой очаровательной Парижанкѣ, и что всѣ Мульяры преемственно отъ отца къ сыну вступали въ бракъ въ Буржѣ. Онъ отлично все понялъ, и мы разстались лучшими друзьями. Теперь, мой милый, дѣло вѣрно: мадемуазель Шарно выходитъ замужъ за другаго, тебѣ остается примириться съ этимъ и сегодня вечеромъ ѣхать со мной. Въ Буржѣ мы будемъ завтра утромъ, и я ручаюсь тебѣ, что скоро ты самъ будешь смѣяться надъ своими парижскими фантазіями; ты будешь смѣяться надъ ними!

Я слушалъ дядю, не прерывая его: въ сердцѣ моемъ боролись гнѣвъ, недоумѣніе и привычка почтительно относиться къ г. Мульяру. Мнѣ нужна была вся моя энергія, чтобъ отвѣтить ему съ наружнымъ спокойствіемъ:

— Вчера я еще ни на что не рѣшался, но теперь я рѣшился.

— Ты ѣдешь.

— Я остаюсь. То, что вы сдѣлали, дядюшка... я не знаю, отдаете ли вы себѣ въ томъ отчетъ, но это вещь невѣроятная, которой я не могу допустить, которая ставитъ между вами и мной 200 километровъ разстоянія по желѣзной дорогѣ, и навсегда,

понимаете? Вы позволили себѣ разоблачить тайну, которая не была вашею тайной, вы разболтали о чувствѣ любви, которое не имѣло шансовъ на то, чтобы быть принятымъ и потому о немъ слѣдовало молчать, чтобы не подвергать его подобному униженію. Вы отправились къ г. Шарно, не задаваясь вопросомъ о томъ, не внесете ли вы своимъ посѣщеніемъ нѣкотораго смятенія въ его семью, не задаваясь также и вопросомъ о томъ, могутъ ли быть удачными относительно меня подобнаго рода пріемы, можетъ-быть и употребляемые въ вашемъ дѣловомъ мірѣ. Можетъ-быть вы думали, что дѣянія ваши увѣнчаются успѣхомъ. Въ дѣйствительности же вы окончательно доказали, что мы съ вами совершенно различно понимаемъ жизнь и что какъ для васъ, такъ и для меня будетъ лучше, чтобъ я продолжалъ жить въ Парижѣ, подобно тому, какъ вы будете продолжать жить въ Буржѣ.

— А, такъ вотъ какъ ты относишься къ этому, мой милый, ты отказываешься, ты угрожаешь!

— Да.

— Поразмысли хорошенько прежде чѣмъ дать мнѣ уѣхать одному. Тебѣ извѣстны твои денежныя средства, 1.400 франковъ въ годъ, вѣдь это нищета въ Парижѣ!

— Да.

— Ну, такъ запомни же что я тебѣ скажу. Цѣлые годы берегъ я для тебя мои занятія, то-есть положеніе уже созданное, почтенное, выгодное. Но въ концѣ концовъ мнѣ надоѣли твои продѣлки, твое презрительное отношеніе. Если черезъ двѣ недѣли, считая съ нынѣшняго дня, ты не переѣдешь на постоянное жительство въ Буржъ, то менѣе чѣмъ черезъ три недѣли контора Мульяра будетъ уже полъ другимъ именемъ.

Дяля смотрѣлъ на меня, соня отъ волненія и ожидая, что я сдамся въ виду его угрозы.

Я отвѣчалъ не сразу. Но съ самаго начала меня неотступно угнетала одна мысль, и я наконецъ сказалъ ему:

— Мнѣ остается только просить васъ объ одномъ, г. Мульяръ.

— О новой отсрочкѣ, не такъ-ли? О времени, чтобъ еще продолжать размышлять и продолжать издѣваться надо мною? Нѣтъ, нѣтъ, тысячу разъ нѣтъ, довольно съ меня: двѣ недѣли и ни одного дня больше!

— Нѣтъ, я намѣренъ просить васъ не объ отсрочкѣ.

— Тѣмъ лучше: я бы отказалъ тебѣ въ ней! Въ чемъ же дѣло?

— Скажите мнѣ, г. Мульяръ, надѣюсь, Жанна не присутствовала при вашемъ свиданіи, ничего не слыхала, ей не пришлось краснѣть...

Дядя разомъ вскочилъ со стула, схватилъ со стола свои перчатки, скомкалъ ихъ, гнѣвнымъ движеніемъ швырнулъ ихъ въ свою шляпу, нахлобучилъ ее себѣ на голову и быстрыми шагами бросился къ двери.

Я пошелъ вслѣдъ за нимъ. Онъ не обернулся. Онъ не отвѣтилъ на мои слова: „Прощайте, дядюшка“. Только ужь на шестой ступенькѣ лѣстницы, въ минуту своего исчезновенія на поворотѣ, онъ пріостановился на одно мгновеніе, поднялъ свою палку, изо всѣхъ силъ треснулъ ею по перилямъ и, продолжая спускаться, воскликнулъ:

— Чортъ тебя поберн совсѣмъ!

20 мая.

И вотъ какъ мы разстались съ г. Мульяромъ! Вотъ какъ я разстался съ послѣднимъ оставшимся у меня родственникомъ. Это было уже десять дней тому назадъ. Мнѣ остается еще пять дней, чтобы снова связать порвавшуюся нить традиціи Мульяровъ и сдѣлаться стряпчимъ. Но ничто мнѣ не подсказываетъ подобнаго обращенія на путь истинный. Напротивъ, я чувствую будто какая тяжесть свалилась у меня съ плечъ, радъ тому, что я свободенъ, тому, что я пока ничего изъ себя не представляю. Я испытываю то чувство радости, которое долженъ испытывать бѣглецъ, который только-что перебрался за границу.

Можетъ-быть я былъ созданъ для иного пути, чѣмъ тотъ, которымъ меня заставили идти. Съ самаго ранняго дѣтства меня воспитывали въ почитаніи конторы Мульяра, въ твердомъ неизмѣнномъ убѣжденіи, что только одна профессія и можетъ мнѣ годиться, что я представляю собою нѣчто въ родѣ дофина изъ сословія писцовъ, что я родился для того, чтобы быть стряпчимъ, что я созданъ для этого, такъ что я вовсе не имѣлъ, или долгое время не имѣлъ и мысли о томъ, что для меня можетъ быть какая-либо возможность уклониться отъ священной этой традиціи. Но теперь я очнулся. Зданіе суда, которое я посѣщалъ, представилось мнѣ сборищемъ хорошо одаренныхъ людей, которые сокращаются, мельчаютъ умственно вслѣдствіе вѣчнаго подлавливанія другъ друга. Ничто такъ быстро не изглаживается какъ благородныя качества, великодушіе, восторженность, чувствитель-

ность, искренняя живая впечатлительность: судебныя дѣла поглощаютъ все. Остаются искусные актеры, которые все перенимаютъ, всему подражаютъ, которые мало что чувствуютъ. И мнѣ просто противна эта торжественная комедія, которую они разыгрываютъ для того, чтобъ имъ щедро за нее платили.

Вотъ Ламронъ не таковъ. Онъ развилъ въ себѣ всѣ прирожденныя высокія чувства. Я завидую ему. Я восхищаюсь его безкорыстіемъ, его широкимъ взглядомъ на міръ, его вѣрой въ добро вопреки злу, его вѣрой въ поэзію вопреки прозѣ, этой силѣ впечатлѣнія и иллюзіи, которыхъ ничто не могло уничтожить и которыя въ толпѣ, гдѣ люди старѣютъ умственно прежде чѣмъ тѣлесно, сохраняютъ его столь юнымъ и столь ребячески-простодушнымъ. Мнѣ кажется—я могъ бы полюбить его ремесло, или занятія изящною словесностью, или что бы то ни было, лишь бы это не касалось судебной процедуры.

Посмотримъ. Въ данную минуту я отдаюсь неизвѣстному, готовности ко всему въ мірѣ, полной свободѣ, и положеніе это мнѣ нравится.

Я ничего не скрылъ отъ Ламрона. Въ силу своей дружбы ко мнѣ онъ радуется, я это очень хорошо вижу, моему рѣшенію, привязывающему меня къ Парижу, но въ силу разума онъ протестуетъ.

— Отказаться легко, сказалъ онъ мнѣ,—но замѣнить одно другимъ уже болѣе трудно. Что ты намѣренъ дѣлать?

— Не знаю.

— Милый мой, мнѣ кажется, что ты очертя голову бросаешься въ приключенія. Въ шестнадцать лѣтъ это законно, въ двадцать четыре это ошибка.

— Тѣмъ хуже, я ее дѣло. Если придется жить на гроши, что же дѣлать! ты жилъ такъ, буду поступать такъ же, какъ ты.

— Правда, я жилъ въ нуждѣ, и теперь еще у меня бываютъ приступы нужды, подобно приступамъ застарѣлой лихорадки, которая не сразу покидаетъ больнаго; но увѣряю тебя, тяжело не имѣть необходимаго, такъ какъ объ излишествахъ...

— Да, да, излишествъ никто себя не лишаетъ!

— Неисправимый ребенокъ! засмѣялся онъ и замолчалъ.

Молчаніе Ламрона является единственнымъ аргументовъ, который у меня въ душѣ борется за контору Брута Мульяра! Вотъ и догадывайтесь откуда какой подуетъ вѣтеръ!

5 іюня.

Жребій брошенъ: я не буду ходатаемъ по дѣламъ, традиція Мульяяровъ окончательно нарушена, Сильвестръ окончательно побѣжденъ и я окончательно свободенъ... и ничего не знаю относительно будущаго.

Чтобъ еще разъ подтвердить мои намѣренія, я написалъ дядѣ спокойное, учтивое и ясное письмо. Онъ мнѣ не отвѣтилъ, да я и не ожидалъ отвѣта.

Но я ожидалъ какихъ-нибудь слабыхъ сожалѣній, какихъ-нибудь легкихъ тумановъ, которые часто витаютъ вокругъ нашихъ самыхъ твердыхъ намѣреній. Ничего не поднялось съ равнины.

Но судопроизводство отомстило за себя. Отринутое мною въ Буржѣ, оно временно завладѣло мною въ Парижѣ. Я пришелъ къ заключенію, что мнѣ невозможно жить на доходъ въ 1.400 франковъ. Пріятели, которыхъ я, осторожно и не называя лица, разспрашивалъ о средствахъ добывать деньги, отвѣчали мнѣ весьма различно. Вотъ приблизительно почти полный перечень ихъ совѣтовъ:

— Если твой пріятель уменъ, пусть онъ напишетъ книгу.

— Если онъ не обладаетъ особеннымъ умомъ, то есть каталогъ Національной Библіотеки, требующій десяти часовъ занятій въ день.

— Если онъ честолюбивъ, пусть сдѣлается винянымъ торговцемъ.

— Нѣтъ!.. лучше продавцомъ платья!

— Если онъ очень дуренъ собою и обладаетъ крайне малымъ голосомъ, онъ можетъ сдѣлаться хористомъ въ Оперномъ театрѣ.

— Стенографомъ въ сенатѣ, это занятіе мирное.

— Преподавателемъ волапюка, онъ можетъ имѣть будущность!

— Всего лучше по части телефоновъ!

— Онъ желаетъ добыть деньги? Посовѣтуй ему главнымъ образомъ не терять ихъ!

Самый разумный изо всѣхъ, догадавшійся о комъ я хлопочу, сказалъ мнѣ:

— Ты уже былъ главнымъ клеркомъ: постарайся снова занять эту должность.

Мое бывшее мѣсто оказалось вакантнымъ и я снова поступилъ къ г. Булю. Я снова занялъ мое кресло и мою конторку главнаго клерка, находящіяся между общею залой и кабинетомъ г. Буля. Я просматриваю бумаги младшихъ клерковъ, принимаю кліентовъ, наставляю ихъ касательно ихъ дѣлъ,—часто даже они

принимаютъ меня за самого г. Буля; въ судѣ я бываю ежедневно, то по одному дѣлу, то по другому, а въ театрѣ разъ въ недѣлю съ даровымъ билетомъ нашей конторы.

Есть ли это ремесло? Нѣтъ, это только временное занятіе, позволяющее мнѣ жить и выжидать. Порой мнѣ представляется, что такимъ образомъ я буду вѣчно ожидать чего-то, чего никогда не будетъ, что это временное занятіе пожалуй сдѣлается и окончательнымъ ремесломъ.

У насъ въ конторѣ есть одинъ старикъ-клеркъ, который никогда не имѣлъ никакой карьеры и лицо котораго мнѣ представляется какъ бы предзнаменованіемъ: лицо у него красное отъ близости печки, я полагаю, волосы гладкіе, сѣдые; когда къ нему обращаются съ рѣчью, у него является видъ встревоженнаго барана, кроткаго, удивленнаго, нѣсколько испуганнаго. Его худая спина какъ-то сгорбилась отъ самой шеи. Онъ очень старается о томъ, чтобъ у него не дрожали руки. Почеркъ у него особенный, тщательно изученный. Онъ въ состояніи просидѣть шесть часовъ на мѣстѣ, не вставая. Пока мы всѣ завтракаемъ въ ресторанѣ, онъ питается въ конторѣ и съ этою цѣлью съ утра приноситъ съ собою какіе-то припасы, завернутые въ бумагу. А по воскресеньямъ онъ удитъ рыбу, удочка замѣняетъ ему перо, а коробочка для червяковъ чернильницу.

Между нимъ и мной уже существуетъ нѣкоторое сходство. Старый клеркъ также имѣлъ несчастную любовь, онъ нѣкогда любилъ одну флористку, мадемуазель Элоди. Онъ разсказалъ мнѣ эту единственную драму своей жизни. Прежде эта любовь казалась мнѣ глупою и банальною. Теперь я понимаю г. Жюпилля, онъ мнѣ даже нравится. Онъ сталъ мнѣ симпатиченъ. Я уже не безпокою его, когда онъ сидитъ на своемъ стулѣ возлѣ печки, чтобы спросить у него какое-нибудь свѣдѣніе: я самъ подхожу къ нему. Въ воскресные дни, на набережной Сены, среди страстныхъ охотниковъ до ловли уклеекъ, я узнаю его потому, что онъ всегда сидитъ на своемъ разостланномъ носовомъ платкѣ. Я подхожу къ нему и мы разговариваемъ.

— Ну, что, г. Жюпилль, какъ сегодня ловля?

— Совсѣмъ не клюетъ.

— Рыбы становится меньше, не такъ ли?

— Ахъ, г. Муллыяръ, еслибы вы видѣли, что было тридцать лѣтъ тому назадъ!

Эти тридцать лѣтъ являются всегда и по поводу всего. Не у

каждаго ли изъ насъ бываетъ своя эра, можетъ-быть какихъ-нибудь нѣсколько мѣсяцевъ, нѣсколько дней, какой-нибудь часъ полной радости, который половинной жизни подготовляется, а въ теченіе другой половины вспоминается?

6 іюня.

— Г. Мульяръ, это прошеніе касательно вызова въ судъ по новому дѣлу.

Дайте сюда.

„Г. предсѣдателю гражданскаго суда, Сенскаго округа, г. Плюме, рамочный мастеръ, живущій въ Готфейльской улицѣ, № 27, имѣетъ честь изложить...“

— Дѣло касается неплатежа долга, самой обыденной вещи въ мірѣ.

— Г. Массино!

— Что прикажете?

— Кто принесъ эту бумагу?

— Ее принесла очень миленькая дамочка, маленькаго роста, въ то время, какъ вы уходили по утру.

— Г. Массино, миленькая она или не миленькая, это васъ не касается, вамъ нечего составлять оцѣнки являющихся кліентовъ.

— Я не желалъ васъ обидѣть, г. Мульяръ.

— Вы ничуть меня не обидѣли. Но вамъ незачѣмъ такъ описывать кліентовъ. Въ судопроизводствѣ не принято употреблять никакихъ эпитетовъ. Дама эта вернется?

— Да, г. Мульяръ.

Она снова вернулась маленькая г-жа Плюме, въ перчаткахъ, вся завитая, одѣтая по модѣ. Она была нѣсколько смущена, входя въ залу клерковъ, которые любятъ посмѣяться. Съ опущенными глазами, въ сопровожденіи Массино, также не поднимавшаго теперь глазъ, она дошла до моей конторки. Я затворилъ дверь. Она меня узнала.

— Ахъ, какое счастье! г. Мульяръ!

Она протянула мнѣ руку такъ откровенно, такъ мило, что я также подалъ ей руку и по ея энергичному краснорѣчивому пожатію почувствовалъ, что г-жа Плюме дѣйствительно была рада меня видѣть. Со своими розовыми щечками и живымъ взглядомъ она походила теперь снова на тотъ первый, сохранившійся у меня въ памяти образъ маленькой модистки, явившейся въ контору прямо изъ мастерской, всецѣло занятой любовью г. Плюме и непріятностями съ ужаснымъ столяромъ.

— Какъ! вы опять у г. Буля? никакъ этого не ожидала!

— Я также, г-жа Плюме, не ожидалъ этого. Такъ-то все бываетъ въ жизни. А г. Піерръ, какъ онъ поживаетъ?

— Бѣдный малютка, не совсѣмъ-таки хорошо послѣ того, какъ я его отняла отъ груди. А мнѣ пришлось его отнять, г. Мульяръ, потому что я снова взялась за свое прежнее ремесло.

— Вы опять сдѣлались модисткой?

— Да, но на этотъ разъ уже самостоятельно. Я наняла сосѣднее съ нашею квартирой помѣщеніе и даже на той же площадкѣ. Плюме дѣлаетъ рамки, а я занимаюсь кройкой и шитьемъ. У меня три мастерицы, есть и закащицы. Я, видите ли, для начала беру подешевле. Одною изъ первыхъ моихъ закащицъ была очень любезная молодая дѣвица... которую вы знаете... Я, разумѣется, не говорила съ нею о васъ, но мнѣ очень хотѣлось это сдѣлать... Кстати, г. Мульяръ, порученіе было хорошо исполнено?

— Какое порученіе?

— А порученіе-то на счетъ портрета въ Салонѣ!

— Безъ сомнѣнія, оно было прекрасно исполнено. Благодарю васъ.

— Она пришла?

— Да, вмѣстѣ со своимъ отцомъ.

— Какъ она должна была быть довольна! Этотъ рисунокъ былъ такъ милъ! Плюме очень не разговорчивъ, а тутъ говорилъ безъ умолку. И хлопотали же мы съ нимъ, скажу вамъ! Онъ сначала вѣдь немножко поломался: отъ такъ былъ заваленъ работой! Но когда онъ увидалъ, что мнѣ этого хочется, онъ согласился. Мой Плюме очень добръ, г. Мульяръ. Когда вы его поближе узнаете, вы увидите, что онъ очень добръ. И вотъ пока онъ рѣзалъ багеты, я побѣжала къ привратницѣ. Были-таки хлопоты... Ахъ, но я такъ рада, что порученіе увѣнчалось успѣхомъ!

— Вы очень добры, г-жа Плюме, но все кончено, она выходитъ замужъ за другаго.

— За другаго! Это невозможно!

Я подумалъ, что съ г-жой Плюме сдѣлается дурно. Еслибъ она узнала, что у ея сына Піерра сдѣлался крупъ, то и тогда она не могла бы быть болѣе взволнованною. Грудь ея высоко поднималась. Она всплеснула руками и посмотрѣла на меня съ глубокою жалостью.

— Бѣдный, г. Мулльяръ!

И двѣ слезы, настоящія двѣ слезы скатились по щекамъ г-жи Плюме. Мнѣ хотѣлось бы подобрать ихъ: это были единственныя слезы, пролитыя надо мною какимъ-нибудь человѣческимъ существомъ съ тѣхъ поръ, какъ умерла моя мать.

Пришлось ей разсказать все, сказать ей даже имя моего соперника. Когда она узнала, что имя его баронъ Дюфилльёль, негодованіе ея не имѣло границъ: она воскликнула, что баронъ ужаснѣйшій человѣкъ, что она знаетъ о немъ такія вещи!—да знаетъ ли его мадемуазель Жанна?—что подобный бракъ не можетъ состояться, что онъ не состоится, что Плюме навѣрное будетъ одного съ нею мнѣнія...

— Г-жа Плюме, сказалъ я ей,—мы съ вами очень удалились отъ предмета, о которомъ вы желали поговорить со мной. Вернемтесь къ вашимъ дѣламъ. Мои дѣла весьма печальны и вы помочь тутъ ничѣмъ не можете.

Она поднялась съ мѣста съ покраснѣвшими отъ слезъ глазами, разстроенная, почти обиженная.

— Мой процессъ? Ахъ, нѣтъ! я сегодня не стану имъ заниматься. Я не могу сейчасъ думать о дѣлахъ. То, что вы мнѣ сообщили, слишкомъ огорчило меня. Въ другой разъ, г. Мулльяръ, въ другой разъ!

И она разсталась со мной съ таинственнымъ видомъ и съ рукопожатіемъ, означавшимъ: разсчитывайте на меня!

Бѣдная женщина!

Въ вагонѣ, 10 іюня.

Укрѣпленія уже миновали. Раскрашенные домики предмѣстья, фабрики, кабачки, жалкія лачужки, все это представляется мнѣ лишь свѣтящимися, оставшимися далеко позади меня точками. Поѣздъ мчится на всѣхъ парахъ. Предъ моими глазами пробѣгаютъ зеленыя или золотистыя поля. Иногда грохотъ поѣзда усиливается, мимо окна мелькаютъ столбы съ наклеенными на нихъ афишами: это станціи, мимо которыхъ мы проносимся въ вихрѣ пыли; вотъ точно молнія пересѣкла дорогу: это рукавъ рѣки. Я уѣхалъ, дѣйствительно уѣхалъ, никто меня не остановилъ, ни Лампронъ, ни г. Буль, ни Плюме; давнишняя завѣтная мечта скоро осуществится: я увижу Италію!

О, только одинъ уголокъ Италіи. Но какая радость, какое неожиданное благополучіе!

Съ недѣлю тому назадъ г. Буль позвалъ меня къ себѣ въ кабинетъ.

— Г. Мульяръ, вы свободно говорите по-итальянски, не правда ли?

— Да, г. Буль.

— Желаете вы сдѣлать путешествіе за счетъ одного кліента?

— Охотно, куда бы то ни было.

— Въ Италію?

— Еще охотнѣе.

— Я такъ и думалъ и, не имѣя еще вашего согласія, указалъ на васъ въ судѣ. Дѣло идетъ о томъ, чтобы произвести въ Миланѣ экспертизу, провѣрить нѣкоторые гражданскіе акты и другіе документы, на которые ссылается одинъ итальянскій претендентъ для установленія своихъ правъ на весьма значительное наслѣдство. Помните вы дѣло Цампини противъ Вельдона и компаніи?

— Да, помню.

— Вамъ придется свѣрить бумаги этого Цампини съ подлинными документами, хранящимися въ національномъ архивѣ. Вы можете ѣхать черезъ Швейцарію или Корнишъ, какъ сами захотите. На путевыя издержки вамъ полагается 600 франковъ, а я вамъ даю двухнедѣльный отпускъ. Согласны вы на эти условія?

— Еще бы!

— Въ такомъ случаѣ укладывайтесь и поѣзжайте. Вы должны быть въ Миланѣ 18 утромъ.

Я побѣжалъ сообщить эту новость весьма удивленному и нѣсколько взволновавшемуся при имени Италіи Ламирону; и вотъ я уже въ пути со скорымъ Ліонскимъ поѣздомъ и безъ малѣйшаго сожалѣнія о Парижѣ. Всѣмъ сердцемъ я стремлюсь впередъ, къ Швейцаріи, гдѣ я буду завтра. Я избралъ этотъ зеленый путь, чтобъ ѣхать въ лазурную страну.

До самой послѣдней минуты я все боялся, что вдругъ возникнетъ какое-нибудь препятствіе, что меня внезапно удержитъ преслѣдующій меня злой рокъ, и я совершенно удивленъ тѣмъ, что онъ позволилъ мнѣ уѣхать. Правда, я чуть было не опоздалъ на поѣздъ и надо было, чтобы лошадь извощика № 7.382 была старымъ скакуномъ, получившимъ нѣкогда призъ въ Лонгшанѣ, чтобы наверстать время, потерянное мною благодаря г. Плюме.

За часъ до моего отъѣзда г. Буль просилъ меня съѣздить для него по одному дѣлу. Когда на обратномъ пути я проѣзжалъ на помянутомъ извощикѣ черезъ площадь Опернаго театра, я услыхалъ, какъ кто-то меня окликнулъ:

— Г. Мульяръ!

Гляжу направо, потомъ налѣво, и тамъ на тротуарѣ вижу рамочнаго мастера, который и голосомъ, и жестами старается обратить на себя мое вниманіе. Я останавливаю извощика. Улыбка удовольствія разцвѣтаетъ на лицѣ г. Плюме. Онъ готовится сойти съ тротуара. Я со своей стороны отворяю дверцу своего экипажа. Но вотъ мимо проносится какое-то купе и снова заставляетъ меня сѣсть въ мой экипажъ. Опять отворяю дверцу, опять мчится карета, другая, третья и, наконецъ, двойная линія сомкнутыхъ экипажей отрѣзываетъ меня отъ г. Плюме, который продолжаетъ мнѣ что-то кричать. Шумъ колесъ и говоръ толпы не позволяютъ мнѣ разслышать его словъ. Я знаками объясняю ему мое отчаяніе. Онъ становится на цыпочки. Но я попрежнему ничего не могу разслышать.

Я потерялъ уже пять минутъ! Мнѣ невозможно дольше ждать. А потомъ кто знаетъ? можетъ-быть тутъ-то и сторожитъ меня какое-нибудь препятствіе подъ видомъ дружескаго лица! При этой мысли у меня морозъ пробѣгаетъ по кожѣ. Я кричу:

— На Ліонскій вокзалъ, извощикъ, и какъ можно скорѣе!

Приказаніе мое было исполнено. Мы прибыли на вокзалъ за нѣсколько минутъ до отхода поѣзда, всѣ уже были въ вагонахъ, на мою долю пришелся послѣдній биллетъ.

Надѣюсь, что съ г. Плюме не случилось никакого несчастія.

Въ пути.

Женева. Разсматривая по прибытіи поѣзда все окружающее, я вижу пресмѣшнаго полицейскаго, въ какомъ-то опереточномъ нарядѣ. У насъ пришлось бы его охранять отъ нападеній уличныхъ мальчишекъ; здѣсь же онъ охраняетъ порядокъ: ясно, что я ступилъ ногой на иностранную землю.

Въ этомъ городѣ я пробуду всего два часа. Что бы мнѣ отправиться посмотрѣть? окрестности; деревня всегда прекрасна, между тѣмъ какъ столько вовсе некрасивыхъ памятниковъ! Отправимся къ концу озера, къ тому мѣсту, откуда вытекаетъ и направляется къ Франціи Рона. Вотъ она, Рона, столь мутная въ Авиньонѣ, а здѣсь прозрачная и глубокая какъ морской заливъ. Она здѣсь стремится одною голубою массой, сдавленною между набережной и построенными на томъ берегу потока домиками.

Потокъ этотъ увлекаетъ меня. Мы вмѣстѣ выходимъ изъ города, и вотъ я уже среди воздѣланныхъ огородовъ, гдѣ Тэпферъ

въ дѣтствѣ заблудился ночью и анализировалъ, что̀ такое страхъ. Большія колеса, употребляемыя для орошенія, еще продолжаютъ бросать свою тѣнь поверхъ растущихъ здѣсь ивъ. Вдали видны лѣсистые холмы, куда по воскресеньямъ отправляются веселыя группы гуляющихъ. А Рона прыгаетъ, клубится и шумитъ среди утесовъ. Двое людей, охотники за черепахами, тянутъ руками вдоль берега лодку...

Можетъ-быть я дурно поступилъ, не узнавъ о томъ, чего отъ меня хотѣлъ г. Плюме. Онъ не изъ тѣхъ людей, которые станутъ сильно жестикулировать изъ-за пустыхъ причинъ.

На озеро.—Пароходъ уже въ открытомъ озерѣ. Женева уже осталась далеко за нами. На гладкой голубой поверхности не видно ни одной морщинки позади насъ. Впереди горизонтъ теряется въ молочной дымкѣ. Туда уходитъ маленькая лодочка съ облитыми солнцемъ парусами. Направо Савойскія горы, испещренныя лѣсами, подернутыя облаками, тѣни отъ которыхъ скользятъ по склонамъ; это красивый контрастъ, и я съ восторгомъ смотрю на веселый видъ Лемана у подошвы этихъ мрачныхъ горъ. На поворотѣ, который дѣлаетъ берегъ по направленію къ Сенъ-Морису, насъ застигаетъ сильный, бурный вѣтеръ. Озеро становится точно море. Едва начинается килевая качка, какъ съ однею Англичанкой уже дѣлается дурно. Умирающимъ взоромъ смотритъ она на Шильонскій зáмокъ, стѣны котораго покрыты пѣной. Что̀ до ея супруга, то онъ попрежнему продолжаетъ справляться со своимъ гидомъ и попрежнему слѣдитъ въ бинокль за всѣми достопримѣчательностями.

Въ дилижансѣ.—При солнечномъ восходѣ я проѣзжаю черезъ Симплонъ, окруженный розовыми ледниками. Мы уже спускаемся по-итальянскому склону. О, эта Италія, какъ я ожидалъ ея появленія! Едва успѣлъ возница подтянуть свои вожжи и пустить лошадей рысцой внизъ по склону, какъ я уже во всемъ сталъ находить совершенно особенный видъ. Небо показалось мнѣ синѣе. На зеленыхъ вѣтвяхъ горныхъ елей я успѣлъ замѣтить признаки продолжительности здѣшняго лѣта, а сейчасъ скрипъ дилижанса я чуть было не принялъ за трещанье перваго итальянскаго кузнечика.

Бавено.—Нельзя ошибиться: этотъ выбритый, услужливый, любящій отпустить какую-нибудь шутку метръ-д'отель несомнѣнно Неаполитанецъ. Онъ стоитъ на мозаичномъ полу сѣней, готовый къ услугамъ путешественниковъ, которые желаютъ получить

свѣдѣнія объ озерѣ Маджіоре, объ его красотѣ, о программѣ прогулокъ.

Изола Белла, Изола Мадре, да это красиво, прибрано, изящно, но это не правдиво. Эти пальмы пересаженныя, онѣ въ изгнаніи, эти тропическія растенія имѣютъ видъ актеровъ на сценѣ. Возвратите имъ ихъ отечество, или верните мнѣ озеро Леманъ, такое простое, такое величественное.

Менаджіо. Послѣ лазурнаго озера Маджіоре, послѣ черезчуръ зеленаго озера Луганскаго, царственное голубое озеро Комо съ яркими ландшафтами, съ берегами, покрытыми оливковыми деревьями, римскими развалинами и современными виллами. Никогда еще воздухъ не казался мнѣ столь легкимъ. Только здѣсь подумалось мнѣ: „Охотно бы я тутъ поселился“. Я даже выбралъ себѣ домикъ, наполовину спрятавшійся за зелеными дубами, за гранатовыми и лимонными деревьями, на маленькомъ полуостровѣ, вокругъ котораго съ легкимъ журчаніемъ плещутся волны и съ котораго открывается божественный видъ на воды, лѣса, горы и синее небо.

Поетъ соловей, и я невольно думаю о томъ, что подобные ему пѣвцы здѣсь часто умираютъ. Да, поэтически прославленные литографіей земледѣльцы оказываются свирѣпыми охотниками за птицами. Во время птичьихъ перелетовъ они тысячами ловятъ этихъ усталыхъ путниковъ помощью силковъ, клея, сѣтей; на одномъ только озерѣ Маджіоре ихъ остается до 60.000. Чтобъ очаровывать насъ въ наши лѣтнія ночи, мы имѣемъ лишь тѣхъ соловьевъ, которыхъ они намъ оставляютъ.

Можетъ-быть эти изверги убьютъ и моего соловья въ Кармскомъ саду! Я съ негодованіемъ думаю объ этомъ. Затѣмъ я мысленно вижу предъ собою мою комнатку въ Ренской улицѣ, г-жу Менень, которая съ унылымъ видомъ стираетъ пыль съ моей дремлющей мебели, Лампрона за работой, его мать за вязаньемъ, сдѣлавшагося сонным отъ жары стараго клерка, который вдругъ хватаетъ перо, воображая, что клюнула рыба, г-жу Плюме, среди ея мастерицъ, г. Плюме, который своимъ мощнымъ дыханьемъ сдулъ съ только-что исправленной рамы золотистую пыль, осѣвшую плохо при золоченіи.

Г. Плюме озабоченъ. Его тяготитъ какая-то тайна. Положительно я плохо сдѣлалъ, не дождавшись его на площади предъ Оперным театромъ.

Миланъ. Вотъ я въ Миланѣ, древнемъ и мыслящемъ городѣ,

цѣли моего странствованія и колыбели почтеннаго Порфиріо Цампини, котораго подозрѣваютъ въ поддѣлкѣ документовъ. Экспертиза начнется лишь послѣ завтра. Я воспользовался этимъ срокомъ, чтобы немного осмотрѣть городъ.

Въ Миланѣ существуютъ четыре вещи, которыя слѣдуетъ видѣть человѣку, если онъ музыкантъ, и три, если онъ не музыкантъ: соборъ, *Обрученіе Пресвятой Дѣвы* Рафаэля, *Тайная Вечеря* Леонардо да-Винчи и, смотря по темпераменту, представленіе въ театрѣ *la Scala*.

Я началъ свой осмотръ съ собора, и именно по возвращеніи оттуда получилъ извѣстіе, отъ котораго и до сихъ поръ я еще нахожусь въ какомъ-то смятеніи.

Но прежде всего одно признаніе. Когда подъ палящимъ зноемъ я поднимался на мраморную крышу собора, я ожидалъ впечатлѣнія такого восторга, что былъ разочарованъ. Неожиданность играетъ большую роль въ нашемъ восхищеніи. Ни эта масса мрамора, ни кружевная отдѣлка крыши, ни огромное количество статуй, ни фигуры людей въ величину мухъ на площади, ни обширная, разстилающаяся вокругъ города равнина, ничто не вызвало во мнѣ того восторга, который часто возникаетъ въ васъ отъ несравненно болѣе ничтожныхъ впечатлѣній. Нѣтъ, я пришелъ въ восхищеніе отъ совершенно иного,—отъ подробности, какъ полагаю, не помѣченной въ гидахъ.

Я сошелъ обратно внизъ и долгое время бродилъ между колоннами, пока, наконецъ, не дошелъ до того мѣста, какъ разъ подъ куполомъ. Я поднялъ глаза кверху и обиліе свѣта заставило меня закрыть ихъ. Солнечные лучи, проходя тамъ на верху сквозь желтыя стекла оконъ, окружали сіяющимъ ореоломъ весь огромный сводъ, скользили по стѣнамъ и блѣднѣющими отблесками спускались внизъ до самаго пола, окутывая яркимъ свѣтомъ высшую область, куда возносятся молитвы и пѣніе, чтобъ исчезнуть въ безконечности.

Я вышелъ изъ собора весь разбитый, опьяненный утомленіемъ и свѣтомъ, и едва вернувшись въ мою комнату на пятомъ этажѣ въ *Albergo Dell'Agnello*, крѣпко заснулъ въ какомъ-то креслѣ.

Можетъ-быть я спалъ около часа, когда мнѣ показалось, что возлѣ меня какой-то голосъ шепчетъ:

— *Illustre signore!*

Я не проснулся. Тотъ же голосъ снова тихо прозвучалъ надо мною:

— *Illustrissimo signore!*

Человѣческое ухо необыкновенно чутко къ превосходной степени и я очнулся отъ своего сна.

— Что̀ такое?

— Къ вамъ письмо, синьоръ. А такъ какъ оно спѣшное, то я и рѣшился потревожить васъ, синьоръ.

— Вы хорошо сдѣлали, Томазо.

— Позвольте мнѣ восемь су, которыя я доплатилъ за письмо.

— Возьмите, вотъ вамъ десять су, сдачи не нужно.

Онъ удалился, назвавъ меня синьоромъ графомъ: и это за два су, о Италія Брута!

Письмо было отъ Лампрона, который позабылъ наклеить марку:

„Любезный другъ, г-жа Плюме, которой, какъ я полагаю, ты не давалъ никакихъ порученій въ этомъ смыслѣ, въ настоящее время очень занята твоими дѣлами. Я долженъ тебя предупредить объ этомъ, потому что считаю, что у нея много сердца, но мало мозга, а я часто имѣлъ случай наблюдать въ какое затруднительное положеніе можетъ поставить человѣка необдуманное усердіе пріятеля, и особенно пріятельницы.

„Я опасаюсь какой-нибудь серьезной нескромности, и вотъ почему:

„Вчера вечеромъ ко мнѣ явился г. Плюме. Онъ отчаянно теребилъ свою эспаньолку, а я знаю его довольно продолжительное время для того, чтобы замѣтить, что таковъ у него обычай, когда, по его мнѣнію, въ мірѣ не все идетъ ладно. Съ большимъ трудомъ, помощью распросовъ, мнѣ наконецъ удалось добиться отъ него, и то на половину, что̀ именно желалъ онъ мнѣ сообщить. Единственная вещь, которую онъ сумѣлъ сколько-нибудь ясно выразить, это его смущеніе относительно того, что его супруга оказывается женщиной, которую очень трудно урезонить и успокоить.

„Повидимому, она вернулась къ своему прежнему ремеслу модистки и одною изъ ея первыхъ закащицъ—пути Господни неисповѣдимы!—была мадемуазель Жанна Шарно.

„И вотъ въ понедѣльникъ мадемуазель Жанна выбирала себѣ шляпку. Она была весела, какъ день, а ея модистка мрачна, какъ ночь.

„— Ужь не заболѣлъ ли вашъ сынокъ?

„— Нѣтъ, мадемуазель Шарно.

„— У васъ грустный видъ!

„Тогда, по выраженію ея супруга, г-жа Плюме собрала все свое мужество и, взглянувъ прямо въ лицо своей молоденькой закащицѣ, сказала:

„— Зачѣмъ вы выходите замужъ, мадемуазель Жанна?

„— Странный вопросъ! Потому что я дожила до того возраста, когда выходятъ замужъ, потому что мнѣ было сдѣлано предложеніе, потому что всѣ молодыя дѣвушки выходятъ замужъ, если только онѣ не поступаютъ въ монастырь или не остаются старыми дѣвами. А такъ какъ, г-жа Плюме, я не чувствую ни малѣйшаго призванія быть монахиней и не имѣю ни малѣйшей склонности оставаться старою дѣвой, то и выхожу замужъ. Но почему вы предложили мнѣ этотъ вопросъ?

„— Потому что можно быть счастливою въ супружествѣ, но можно быть также и очень несчастливою.

„И послѣ этого превосходнаго афоризма г-жа Плюме уже не въ силахъ была болѣе сдерживаться и залилась слезами.

„Смѣявшаяся сначала мадемуазель Жанна была поражена, потомъ встревожилась. Однакожь изъ чувства собственнаго достоинства она ничего не разспрашивала. Г-жа Плюме, изъ чувства застѣнчивости, ничего не прибавила, но послѣ-завтра онѣ снова должны свидѣться опять-таки по поводу шляпки.

„Далѣе дѣло совершенно затемняется. Я ничего не могъ разобрать.

„Очевидно дѣло зашло далѣе этого. Г. Плюме не сталъ бы ходить ко мнѣ только затѣмъ, чтобы сообщить мнѣ, что у его супруги язычекъ немножко длиненъ, и видъ у него не былъ бы такой взволнованный. Но ты знаешь этого нелѣпаго человѣка; всякій разъ, когда является надобность объясниться, онъ лишается и тѣхъ слабыхъ способностей изложенія, которыми онъ одаренъ, и становится если не вовсе нѣмъ, то во всякомъ случаѣ совершенно неудобопонятенъ. Онъ бормоталъ мнѣ какія-то безсвязныя восклицанія въ родѣ слѣдующихъ:

„— Именно, можетъ-быть это и случится послѣ завтра!.. А вы понимаете какая штука-то!.. Чортъ возьми!.. А можетъ-быть и вовсе ничего не случится... Ахъ, г. Ламиронъ, и какъ это въ самомъ дѣлѣ женщины любятъ болтать!

„Затѣмъ онъ ушелъ.

„Признаюсь тебѣ, милый другъ, что у меня нѣтъ ни малѣйшей охоты вмѣшиваться въ эти сплетни и разспрашивать г-жу Плюме о томъ, чего не сумѣлъ мнѣ объяснить ея супругъ. Я

просто жду. Если дѣйствительно что-нибудь случится послѣ-завтра, то меня увѣдомятъ объ этомъ, и я тебѣ напишу.

„Мать моя очень велитъ тебѣ кланяться. Она поручаетъ сказать тебѣ, чтобы ты хорошенько укутывался по вечерамъ: сумерки, говоритъ она,—эта зима теплыхъ краевъ.

„Моя дорогая матушка что-то устала эти дни. Сегодня она пролежала весь день въ постели. Надѣюсь, что это не болѣе, какъ легкая простуда.

„Обнимаю тебя,

„Сильвестръ Ламиронъ."

Миланъ 28 іюня.

Сегодня утромъ началась экспертиза. Я никакъ не ожидалъ, что намъ придется пересматривать такое множество бумагъ и притомъ такого объема. Почти все сегодняшнее засѣданіе у насъ прошло въ разборкѣ и классификаціи цѣлаго вороха бумагъ по годамъ, почерку и т. д.

Мои сотоварищи и я, мы занимаемся въ одной изъ залъ муниципальнаго совѣта, огромной и заброшенной, которая, какъ мнѣ кажется, служитъ складомъ для мебели. Наши кожаныя кресла и столъ, на которомъ лежатъ относящіяся до нашего процесса бумаги, находятся посрединѣ комнаты. Вдоль стѣнъ стоятъ какіе-то шкафы, сундуки, баулы, нѣсколько повернутыхъ къ стѣнѣ картинъ, какіе-то вырѣзанные изъ дерева щиты, древки отъ флаговъ, картонныя тріумфальныя арки, печальные остатки минувшихъ празднествъ.

Кромѣ насъ, трехъ Французовъ, при экспертизѣ присутствуютъ: маленькій невзрачный итальянскій судья съ морщинистымъ, какъ печеное яблоко, личикомъ и съ вѣчно опухшими точно отъ сна вѣками; затѣмъ толстый писецъ, у котораго отъ жира все свѣтится, и лицо, и волосы, и платье, человѣкъ веселаго нрава, но сдерживающійся, съ наслажденіемъ мечтающій о томъ, какъ онъ будетъ сквозь соломенку потягивать какой-нибудь пріятный напитокъ, когда минуетъ часъ этого несноснаго французскаго нашествія; и наконецъ какая-то неподдающаяся опредѣленію личность, повидимому служащій при какомъ-то архивѣ. Этотъ господинъ производитъ на меня впечатлѣніе лица, весьма заинтересованнаго въ выгодахъ синьора Порфиріо Цамини, потому что неоднократно, когда ему было приказано доставить намъ ту или иную бумагу, онъ таинственно шепталъ мнѣ на ухо:

— Еслибы вы только знали, почтенный синьоръ, что̀ за человѣкъ Цампини, какое благородное у него сердце, что̀ онъ за рыцарь!

Замѣтьте, что рыцарь этотъ занимается торговлей макаронами и сильно подозрѣвается въ намѣреніи надуть французское правосудіе.

Подъ гнетомъ нестерпимой жары, проникающей чрезъ двери, окна и даже сквозь самые камни накаленнаго солнцемъ зданія, приходится выслушивать различныя названія, читать бумаги и дѣлать изъ нихъ выписки! Мошки стаями носятся въ этой теплицѣ надъ нашими головами. Ихъ писк и жужжаніе раздается съ особенною силой, когда голосъ читающаго бумаги писца начинаетъ ослабѣвать, угрожая вовсе замолкнуть и перейти въ храпеніе. Но въ такія минуты маленькій судья стучитъ по столу своимъ ножичкомъ, и этотъ сухой звукъ снова пробуждаетъ голосъ чтеца. Мой сотоварищъ изъ архива не обнаруживаетъ никакихъ признаковъ утомленія. Неподвижный, внимательный, онъ классифицируетъ малѣйшіе документы въ своей памяти и, повидимому, даже вовсе не замѣчаетъ того, какъ комары и мошки носятся вкругъ него, садятся къ нему на руки, напиваются его кровью и красные, раздутые, тяжело улетаютъ прочь.

Я былъ какъ на угольяхъ и въ собственномъ, и въ переносномъ значеніи этого слова. Какъ разъ въ ту минуту, какъ я входилъ въ залу, этотъ мой сотоварищъ изъ архива передалъ мнѣ полученное на мое имя въ отелѣ письмо отъ Лампрона, увѣсистое и большаго формата. Можетъ-быть судьба моя рѣшается: слово это тутъ, въ этомъ письмѣ, а я его не знаю! Нѣсколько разъ пытался я вынуть изъ внутренняго кармана моей жакетки это письмо, въ тысячу разъ болѣе интересовавшее меня, чѣмъ все дѣло Цампини. Мнѣ хотѣлось незамѣтнымъ образомъ разорвать конвертъ и прочесть, по крайней мѣрѣ, хоть первыя строки. Одного мгновенія для меня было бы достаточно, чтобы догадаться о содержаніи этого обширнаго посланія. Но всякій разъ, какъ я ощупывалъ конвертъ, глаза судьи сквозь узенькія щелки вѣкъ медленно обращались въ мою сторону. Нѣтъ, не стану дѣлать неосторожности! Нѣтъ, я не хочу, чтобъ этотъ съ виду услужливый, а въ душѣ фальшивый Итальянецъ воспользовался моимъ неосторожнымъ поступкомъ, чтобы доказать, что Французы, уже и безъ того пользующіеся репутаціей людей легко-

мысленныхъ, люди безъ совѣсти, неспособные выполнять ввѣряемыхъ имъ порученій...

Но вотъ онъ повернулся ко мнѣ спиной и занялся съ французскимъ архивнымъ чиновникомъ новымъ сверткомъ бумагъ. Это случай неожиданный. Я вскрываю конвертъ, развертываю письмо: восемь страницъ! Начинаю читать.

„Другъ мой, не взирая на мое безпокойство о матери, не взирая на заботы, требуемыя ея болѣзнью, воспаленіемъ легкихъ, я хочу сообщить тебѣ о всѣхъ событіяхъ и весьма серьезныхъ событіяхъ, происшедшихъ въ Готфейльской улицѣ...“

— Извините, г. Му—лі—аръ, сказалъ повертываясь въ полуоборотъ ко мнѣ маленькій итальянскій судья,—не у васъ ли въ рукахъ бумага за № 27, которой у насъ не хватаетъ?

— Нѣтъ-съ, это мое личное письмо.

— А, личное письмо! прошу покорно извинить меня, что прервалъ ваше чтеніе!

Онъ незамѣтно улыбается, опускаетъ свои вѣки въ знакъ сожалѣнія къ подобному легкомыслію, затѣмъ отвертывается, между тѣмъ какъ прочіе члены экспедиціи Цампини смотрятъ на меня съ любопытствомъ.

Письмо важное. Что жь? тѣмъ хуже, я его дочту:

„Я попытаюсь возстановить всю сцену по собраннымъ мною подробнымъ о ней свѣдѣніямъ:

„Безъ четверти десять утра. Кто-то звонитъ у двери г. Плюме. Дверь пріотворяется и въ нее выглядываетъ г-жа Плюме. Она удаляется очень взволнованная, по ея выраженію, „сердце у нея такъ и замираетъ“, потому-что придуманный ею планъ долженъ или удаться или рушиться, потому-что начата рѣшительная партія: тотъ, кто позвонилъ, ея врагъ, твой соперникъ г. Дюфпльёль.

„Онъ ничего не знаетъ, входитъ толстый, цвѣтущій, въ желтыхъ перчаткахъ, съ пуделемъ, который слѣдуетъ за нимъ.

„— Портретъ вставленъ въ рамку, Плюме?

„— Да, г. баронъ, да, да.

„— Покажите-ка.

„Я видѣлъ этотъ портретъ: миніатюра головы новоиспеченаго барона, по всей вѣроятности за гроши старательно вырисованная какою-нибудь честною труженицей, работающею по фотографіямъ. Предназначенъ этотъ портретъ мадемуазель Тигра изъ Буффа. Какой онъ деликатный, этотъ Дюфпльёль, не правда ли? Въ то

время, какъ невинная Жанна мечтаетъ о словахъ любви, которыя онъ осмѣлился говорить ей, и всѣмъ сердцемъ предается той же мысли, тому же образу, онъ занимается тѣмъ, что старается увѣковѣчить память о себѣ совсѣмъ въ иномъ мѣстѣ!

„Онъ доволенъ богатою и очень вычурною рамкой, придуманною Плюме.

„— Недурно, недурно. Сколько сто́итъ?

„— Сто двадцать франковъ!

„— Шесть луидоровъ: дорогонько!

„— Такова моя всегдашняя цѣна за такую работу, г. баронъ.

„— Ну, ужь такъ и быть на этотъ разъ, мнѣ не часто случается заказывать рамки для картинъ: я ихъ не люблю.

„Дюфпилльёль любуется собою на этомъ портретѣ, который онъ держитъ въ правой рукѣ, между тѣмъ какъ лѣвою рукой старается достать свое портмоне.

„Г. Плюме держится съ большимъ достоинствомъ, видъ у него недовольный и крайне тревожный. Онъ очевидно желаетъ, чтобъ этотъ закащикъ ушелъ какъ можно скорѣе.

„На лѣстницѣ раздается шуршаніе женскаго платья. Плюме блѣднѣетъ, смотритъ по направленію къ полуотворенной двери, къ которой протянулъ свою морду также и пудель, и поспѣшно бросается къ ней, чтобы затворить ее.

„Слишкомъ поздно.

„Кто-то неслышнымъ движеніемъ уже успѣлъ толкнуть дверь и на порогѣ въ утреннемъ туалетѣ мадемуазель Жанна своимъ яснымъ взглядомъ и со своею самою свѣтлою улыбкой смотритъ на г. Плюме, который пятится въ ужасѣ, и на Дюфпилльёля, который ровно ничего не видалъ.

„— А, вотъ я васъ и поймала!

„Дюфпилльёль вздрагиваетъ и невольнымъ движеніемъ прижимаетъ портретъ къ своему жилету.

„— Мадемуазель... мадемуазель... Жанна... ахъ, въ самомъ дѣлѣ... но какимъ образомъ вы здѣсь... я право...

„— Я пришла къ г-жѣ Плюме. Развѣ вы находите, что это предосудительно?

„— Нѣтъ, безъ сомнѣнія... безо всякаго сомнѣнія...

„— Разумѣется, безо всякаго сомнѣнія! Ха, ха, ха! Но почему же вы такъ смутились? Успокойтесь. Вамъ не изъ-за чего волноваться. Я шла по лѣстницѣ: вашъ пудель выставилъ свою мордочку: я догадалась, что онъ здѣсь не одинъ: горничную свою

я оставила у г-жи Плюме, а сама, вмѣсто того, чтобъ идти налѣво, пошла направо. Развѣ это не любезно?

„— Очень, очень любезно.

„— Но я любопытна и желаю знать, что̀ это вы прячете?

„— Портретъ.

„— Покажите мнѣ его.

„— Охотно: къ сожалѣнію, это только мой портретъ.

„— Почему, къ сожалѣнію? Да вамъ здѣсь польстилъ художникъ, носъ сдѣлалъ нѣсколько поменьше, неправда ли, г. Плюме?

„— Онъ вамъ нравится?

„— Да.

„— И рамка также?

„— Очень мила.

„— Въ такомъ случаѣ я вамъ его дарю.

„— А развѣ онъ предназначался не мнѣ?

„— То-есть... говоря откровенно, нѣтъ, это подарокъ, воспоминаніе... Это такъ естественно...

„— Разумѣется. Но для кого же предназначался этотъ портретъ?

„— Знаете ли, что изъ любопытной вы становитесь нескромною!

„— Въ самомъ дѣлѣ!

„— Да.

„— Ну, если вы желаете быть такимъ таинственнымъ, то я попрошу г. Плюме разоблачить мнѣ ваши тайны. Г. Плюме, для кого этотъ портретъ?

„Плюме, весь блѣдный, вертитъ въ рукахъ свою шапочку, въ которой онъ работаетъ въ мастерской, точно ребенокъ пойманный въ какой-нибудь шалости.

„— Я... я... сударыня... я вѣдь простой рамочный мастеръ...

„— Въ такомъ случаѣ я обращусь къ г-жѣ Плюме, она должна знать это и все мнѣ скажетъ.

„Г-жа Плюме, которая слѣдила за всѣмъ происходившимъ у ея мужа разговоромъ, дѣйствительно вошла въ эту минуту, трепеща какъ листъ и рѣшившись на все.

„— Пожалуста, не дѣлайте ничего подобнаго, мадемуазель Жанна, прерываетъ ее Дюфпльёль. Тутъ нѣтъ никакой тайны. Мнѣ просто хотѣлось васъ немножко подразнить. Портретъ этотъ предназначался для одного моего пріятеля, который живетъ въ Фонтенебло.

„— А именно?

„— Гонену, нотаріусу.

„— Ну, и прекрасно! Какой несчастный видъ былъ у васъ обоихъ! Въ другой разъ говорите сразу и вполнѣ откровенно то, чего вамъ нѣтъ никакой причины скрывать. Вы не повторите этого больше?

„— Обѣщаю вамъ.

„— Ну, такъ заключимъ миръ.

„И она протягиваетъ ему руку. Но прежде, чѣмъ Дюфилльёль успѣваетъ взять ее, выступаетъ г-жа Плюме:

„— Позвольте, мадемуазель Шарно, говоритъ она,—я не желаю чтобы васъ такъ обманывали, и еще у меня. Это неправда!

„— Что̀ неправда, г-жа Плюме?

„— То, что этотъ портретъ предназначался г. Гонену, или кому бы то ни было, живущему въ Фонтенебло.

„Мадемуазель Шарно невольно выпрямляется.

„— Кому же онъ предназначался?

„— Актрисѣ!

„— Будьте осторожны, г-жа Плюме!

„— Мадемуазель Тигра изъ Буффа.

„— Какая низость! Восклицаетъ Дюфилльёль. Такъ докажите-же это, сударыня, докажите!

„— Взгляните на обратную сторону, спокойно говоритъ г-жа Плюме.

„Мадемуазель Жанна, не выпускавшая изъ рукъ портрета, повертываетъ его, читаетъ сдѣланную на немъ надпись, блѣднѣетъ и передаетъ портретъ своему жениху.

„— Да что̀ же тутъ такое? говоритъ Дюфилльёль, наклоняясь.

„А на оборотной сторонѣ портрета было написано: „Отданъ г. барономъ Дю Ф... для врученія г-жѣ Т...., бульваръ Гуссманъ. Отправить въ четвергъ."

„— Да вѣдь вы видите же, что это не моя рука! Это отвратительная выдумка. Г. Плюме, я требую что вы опровергли слова вашей супруги. Она написала ложь; скажите, скажите это!

„Рамочный мастеръ закрываетъ лицо руками и безмолвствуетъ.

„— Какъ, Плюме, вы молчите?

„Мадемуазель Шарно уже переступила порогъ.

„— Что̀ вы дѣлаете, мадемуазель Жанна? Развѣ вы не видите, что они лгутъ!

„Она уже вышла на площадку. Дюфилльёль ее догоняетъ, останавливаетъ ее за руку.

„— Жанна, Жанна, постойте!

„— Оставьте меня!

„— Нѣтъ, выслушайте меня. Все это какая-то непонятная ошибка. Клянусь вамъ...

„Въ это мгновеніе снизу раздается рѣзкій голосъ!

„— Эй, Жоржъ, скоро ли вы тамъ кончите?

„Дюфилльёль сразу теряется и отпускаетъ руку мадемуазель Шарно.

„Молодая дѣвушка наклоняется надъ перилами. Внизу пролета стоитъ женщина; поднявъ голову и полураскрывъ ротъ она смотритъ кверху. Взоры ихъ встрѣчаются. Жанна тотчасъ же отводитъ глаза въ сторону.

„Затѣмъ она обращается къ безмолвной, точно приклепвшейся къ стѣнѣ г-жѣ Плюме:

„— А теперь, пойдемте выбирать мнѣ шляпу.

„И она затворяетъ за собой дверь, ведущую въ помѣщеніе модистки.

„Вотъ тебѣ, мой другъ, точный разсказъ о томъ, что произошло въ Готфейльской улицѣ. Все это я слышалъ изъ собственныхъ устъ г-жи Плюме, которая не помнила себя отъ радости, разсказывая мнѣ успѣхъ всѣхъ своихъ плановъ, а также и о томъ, какъ ея маленькая ручка руководила рукой случая. Потому что, ты можешь это угадать, встрѣча Жанны съ женихомъ, которой такъ боялся рамочный мастеръ, была безъ вѣдома кого бы то ни было скомбинирована г-жей Плюме, и злополучная надпись на портретѣ была сдѣлана ею же.

„Мнѣ нѣтъ надобности прибавлять, что измученная этою сценой мадемуазель Шарно мгновенно почувствовала нервную слабость.

„Впрочемъ, она очень скоро вернула свое обычное самообладаніе, что доказываетъ въ ней природу энергичную.

„Но въ данную минуту главный интересъ заключается не въ этомъ.

„На мой взглядъ свадьба эта окончательно разстроилась. Подобнаго рода вещи улаживаются съ трудомъ, а судя по условіямъ, при которыхъ произошелъ разрывъ, примиреніе мнѣ кажется весьма сомнительнымъ. Такимъ образомъ, вотъ что мнѣ представляется вполнѣ достовѣрнымъ: мадемуазель Жанна Шарно никогда не сдѣлается г-жей Дюфилльёль.

„Ты, пожалуста, не преувеличивай себѣ тѣхъ шансовъ, которые возникаютъ для тебя вслѣдствіе этого разрыва. Они

несравненно меньше того, чѣмъ ты готовъ вообразить себѣ. Я полагаю, что молодая дѣвушка, такимъ образомъ обманутая и оскорбленная, забудетъ не скоро. Можетъ-быть, даже она никогда не позабудетъ случившагося, будетъ жить сожалѣніемъ, будетъ предпочитать вѣрный душевный миръ и чистыя радости дочерней преданности замужней жизни, о которой она нѣкогда мечтала и которая часто готовитъ простодушнымъ мечтательницамъ такія горькія разочарованія.

„Во всякомъ случаѣ не вздумай вернуться сюда, потому что я считаю тебя способнымъ на всякіе отчаянные поступки, даже на самые нелѣпые.

„Мы съ матерью переносимъ тяжкое испытаніе. Она больна, очень больна и сильно страдаетъ. Я предпочелъ бы лучше самъ переносить ея страданія, чѣмъ ту тревогу, которую я испытываю.

„Твой другъ

„Сильвестръ Ламронъ.

„P.S. Въ ту минуту, какъ я готовился запечатать свое письмо, я получилъ отъ г-жи Плюме записку о томъ, что г. Шарпо вмѣстѣ съ дочерью покинули Парижъ. Куда они отправились? Она этого не знаетъ.“

Чтеніе этого письма совершенно поглотило меня; нѣкоторыя мѣста я снова перечиталъ; оно повергло меня въ глубокое смятеніе, которое нескоро разсѣялось, и въ теченіе нѣкотораго времени я совершенно безсознательно относился ко всему, что вокругъ меня происходило, ибо я весь находился или въ прошедшемъ, или въ будущемъ.

Итальянскій чиновникъ, задѣвъ меня локтемъ, вернулъ меня къ настоящему. Онъ вынималъ послѣднія связки бумагъ изъ обширныхъ ящиковъ стола. Мы были одни. Мои сотоварищи уже ушли и первое засѣданіе закончилось при мнѣ, безъ меня. Они вѣроятно еще не успѣли отойти далеко, и нѣсколько смущенный моею разсѣянностью, я взялъ свою шляпу, чтобы догнать ихъ и извиниться предъ ними. Но чиновникъ остановилъ меня за рукавъ и съ неопредѣленною улыбкой проговорилъ, указывая на письмо, которое я вкладывалъ въ свой портфейль:

— *È d'una donna?* (отъ женщины?)

— Какое вамъ дѣло?

— О, навѣрное: письма отъ мужчинъ читаются скорѣе, а вы таки долгонько читали это письмо. Ахъ, эти женщины, женщины!

— Оставьте меня въ покоѣ!

И я направился къ двери. Но онъ проворно и съ ужимкой бросился за мной и, поднявъ брови и многозначительно приложивъ палецъ ко рту, проговорилъ:

— Слушайте, синьоръ, я вижу, что вы настоящій ученый, котораго можетъ соблазнить только одна слава. Я могу доставить вамъ замѣчательныя рукописи, итальянскія, латинскія, нѣмецкія, и рукописи еще не изданныя, славный синьоръ!

— И украденныя! отвѣтилъ я, оттолкнувъ его.

Я вышелъ и на сосѣдней площади увидалъ подъ навѣсомъ кафе за однимъ и тѣмъ же столомъ моихъ французскихъ сотоварищей и итальянскаго судью. За сосѣднимъ столикомъ писецъ тянулъ черезъ соломенку какой-то напитокъ. И всѣ они, смѣясь, смотрѣли на меня, пока шелъ къ нимъ подъ лучами палящаго южнаго солнца.

Миланъ, 25 мая.

Наша миссія сегодня окончилась. Этотъ Цампини оказался настоящимъ шутникомъ. Въ виду неопровержимыхъ доказательствъ, онъ признался, что просто желалъ „*Jouer un tour*“ (сыграть шутку) съ французскими наслѣдниками, выставивъ самого себя наслѣдникомъ, между тѣмъ какъ ему не хватало двухъ степеней родства для того, чтобы претендовать на возможность наслѣдованія въ данномъ случаѣ.

Мы ему доказали, что эта шутка является мошеннической продѣлкой и грозитъ ему, по меньшей мѣрѣ, тѣмъ, что ему придется уплатить всѣ расходы по веденію этого дѣла. Онъ согласился съ нами самымъ наилюбезнѣйшимъ образомъ. Я полагаю, что онъ окажется вполнѣ несостоятельнымъ. Судебному приставу онъ заплатилъ макаронами, а адвокату комедіей.

Мои сотоварищи, архивный чиновникъ и переводчикъ собираются послѣ завтра покинуть Миланъ. Я поѣду вмѣстѣ съ ними.

Миланъ, 26 іюня.

Я получилъ третье письмо отъ Сильвестра. Мой бѣдный другъ очень несчастенъ: его мать скончалась; милой, святой г-жи Ламиронъ не стало. При полученіи этого извѣстія я почувствовалъ острую боль, а я такъ мало, слишкомъ мало зналъ эту чудесную женщину, я не былъ ни ея сыномъ, ни ея родственникомъ, я едва успѣлъ коснуться ея сердца, едва успѣлъ переступить черту, за которой она расточала сокровища своей опытности и своей нѣжности. Какъ же долженъ страдать онъ, ея сынъ!

Онъ описываетъ мнѣ послѣднія минуты своей матери, ея ясность духа въ виду смерти, и затѣмъ прибавляетъ:

„Можетъ-быть ты не поймешь этого, но я испытываю нѣкоторое угрызеніе совѣсти, которое примѣшивается къ моему горю. Сорокъ лѣтъ прожилъ я близъ нея и, разумѣется, сознаю, что былъ для нея, какъ говорится, хорошимъ сыномъ. Но, когда я сравниваю доказательства любви, которыя я ей давалъ, съ тѣми, которыя я видѣлъ отъ нея, жертвы, приносимыя мною, съ жертвами, которыя она дѣлала для меня, когда я думаю о той долѣ моего эгоизма, которая входила въ нашу общую жизнь, которую я вмѣнялъ себѣ въ достоинство; когда я думаю о безконечномъ утѣшеніи, о плодотворномъ успокоеніи, которыми она платила мнѣ за рѣдкія прогулки со мною, за нѣсколько словъ, которыя я бывало скажу ей, когда здороваюсь или прощаюсь съ нею; когда я думаю объ ея терпѣніи, живя подъ одною кровлей со мною; когда я думаю обо всемъ этомъ, я нахожу себя неблагодарнымъ и недостойнымъ того счастія, какимъ я пользовался. Меня терзаетъ мысль, что я уже не могу исправить своихъ ошибокъ по отношенію къ ней, не могу уплатить долга, вся громадность котораго только теперь мнѣ вполнѣ ясно представляется. Ея ужь нѣтъ. Все кончено. Только одна моя молитва можетъ доноситься до нея, можетъ сообщать ей, что я ее любилъ, что я ее боготворилъ, что я былъ способенъ на все то, чего я для нея однако не сдѣлалъ.

„О, другъ мой, какихъ радостей лишалъ я себя! По крайней мѣрѣ, я хочу вѣрно выполнить ея послѣднія желанія: объ одномъ изъ нихъ я долженъ поговорить съ тобою.

„Ты знаешь, что моя мать всегда съ неудовольствіемъ смотрѣла на то, что я сохранялъ у себя въ домѣ портретъ той, которая была моею первою и моею послѣднею любовью. Она не желала, чтобы глаза мои такъ часто напоминали моему сердцу образъ моихъ давнишнихъ страданій: я этому противился. На своемъ смертномъ одрѣ она просила меня, чтобъ я отдалъ этотъ портретъ тѣмъ, которые уже давно бы должны обладать имъ. „„Пока я была въ состояніи утѣшать тебя въ томъ горѣ, ко„торое возбуждаетъ въ тебѣ видъ этого портрета, сказала она „мнѣ, я не особенно на этомъ настаивала, но скоро ты оста„нешься одинъ и никого не будетъ возлѣ тебя, чтобы поддер„живать тебя, когда ты будешь падать духомъ. Много разъ они

„умоляли тебя о томъ, чтобы ты уступилъ имъ эту картину. На„ступило время согласиться на это.““

„И я обѣщалъ ей.

„А теперь, мой другъ, помоги мнѣ сдержать мое обѣщаніе. Я не хочу писать; моя рука дрогнула бы или они вздрогнули бы читая мое письмо. Съѣзди къ нимъ.

„Они живутъ въ пяти миляхъ отъ Милана, по дорогѣ въ Монцу, недалеко отъ мѣстечка Дезіо. Вилла называется ихъ именемъ Даннеджіанти. Въ прежнія времена ихъ виллу окружало множество тополей и ихъ кущи славились своею тѣнью. Ты прикажешь передать престарѣлой хозяйкѣ виллы мою карточку вмѣстѣ со своею. Тебя примутъ. Тогда, какъ можно осторожнѣе, ты скажешь имъ, что согласно предсмертной волѣ скончавшейся матери Сильвестра Лампрона портретъ Рафаэллы навсегда отдается въ виллу Даннеджіанти. Понимаешь ли, отдается?

„Ты можешь даже сообщить имъ объ его отправкѣ. Я только что совѣщался съ г. Плюме, который берется за его упаковку. Онъ человѣкъ ловкій, какъ знаешь. Завтра все будетъ окончено, и домъ мой совсѣмъ опустѣетъ.

„Я буду искать себѣ утѣшенія въ работѣ и немножко разсчитываю на тебя относительно того, что ты будешь смягчать мнѣ суровость этого утѣшенія.

„Сильвестръ Лампронъ.“

Получивъ письмо Лампрона въ десять часовъ утра, я тотчасъ же отправился къ хозяину *Albergo dell 'Agnello.*

— Не можете ли вы достать мнѣ экипажъ для поѣздки въ Дезіо?

— А, вы желаете отправиться въ Дезіо на лошадяхъ? Вы совершенно правы. Это будетъ несравненно живописнѣе, чѣмъ путешествіе по желѣзной дорогѣ. Дезіо находится за Монцой. Монца, синьоръ, это одинъ изъ нашихъ перловъ; вы тамъ увидите...

— Да, прервалъ я, повторяя моего *Бедекера* съ такою же увѣренностью, какъ и онъ,— я увижу тамъ *Villa Reale* и желѣзную корону западныхъ императоровъ.

— Точно такъ, синьоръ, и соборъ, построенный...

— Ломбардскою королевой Теоделиндой въ 595 г. и возстановленный въ XVI столѣтіи; да, я все это знаю. Я васъ спрашиваю лишь о томъ, можете ли вы мнѣ достать хорошій экипажъ?

— Великолѣпнѣйшій! въ половинѣ четвертаго, когда нѣсколько

спадетъ жара, лошади будутъ ждать васъ, синьоръ. Вы будете имѣть время пріѣхать въ Дезіо до солнечнаго заката и вернуться домой къ ужину.

Въ назначенный часъ мнѣ пришли доложить, что экипажъ готовъ. Хозяинъ мой вдвойнѣ сдержалъ свое слово, потому что лошади бѣжали крупною рысью не только по улицамъ Милана, но и по Комской дорогѣ, которая извивается по гладкимъ плодороднымъ равнинамъ, прозваннымъ садомъ Италіи.

Черезъ полтора часа ѣзды, послѣ непродолжительнаго отдыха въ Монцѣ, кучеръ остановилъ своихъ коней предъ первымъ домомъ въ Дезіо, оказавшемся гостинницей.

Это была очень бѣлная гостинница, стоявшая на углу главной улицы и дороги, которая шла въ поле. Предъ домомъ нѣсколько подстриженныхъ деревьевъ составляли тѣнистый садъ, по стволамъ ихъ вились виноградныя лозы. Солнце сильно припекало виноградныя вѣтви и висѣвшія мѣстами тяжелыя кисти винограда. Ставни были закрыты и маленькій домикъ, подавленный жаромъ и блескомъ лѣтняго дня, казалось, погрузился въ сонъ подъ жужжаніе мухъ.

— Ничего, входите, они проснутся, сказалъ мой кучеръ, угадывая мою мысль.

Затѣмъ, не ожидая отвѣта, какъ человѣкъ знакомый съ мѣстными обычаями, онъ направилъ своихъ коней прямо къ конюшнѣ.

Я вошелъ. Цѣлый рой пчелъ и шершней кружился подъ платанами. Испуганная бѣлая курица съ клокотаніемъ выскочила изъ своего пыльнаго гнѣзда. Никто не показывался. Я отворилъ дверь: опять никого, двѣ комнаты направо и налѣво отъ корридора, въ глубинѣ деревянная лѣстница. Въ хорошо-закрытомъ домѣ было темно и прохладно. Стоя на порогѣ, я старался пріучить свои глаза къ царствующему внутри полумраку, какъ вдругъ, направо, я услыхалъ звукъ голосовъ.

— Живописности здѣсь сколько хочешь, но поѣздка наша не удалась. Эти люди настоящіе дикари: рекомендаціи, званіе и, я могу это сказать, репутація, ничто не помогаетъ!

— Да читали ли они твои письма?

— Это было бы еще лучше: отказаться прочитать адресованныя къ нимъ письма! Нѣтъ, перестань пожалуста ихъ защищать.

— Говорятъ, у нихъ было много горя, и это ихъ нѣсколько извиняетъ.

— Нѣтъ, сударыня, не можетъ быть извиненія скрыванію

такого научнаго сокровища! Я не признаю даже и за итальянскимъ синьоромъ, будь онъ сиротой съ полугодовалаго возраста или вдовцомъ послѣ трехъ женъ, права скрывать отъ изслѣдованія ученыхъ коллекцію мѣдныхъ римскихъ монетъ, подобной которой въ мірѣ не существуетъ, и еще другую весьма хорошую коллекцію того, что̀ мы обыкновенно называемъ большими и малыми медалями. Знаешь ли ты, что этотъ свирѣпый патрицій обладаетъ всѣми восемью типами монетъ временъ Аттиллы?

— Въ самомъ дѣлѣ?

— Я это навѣрное знаю, а также у него есть 37 монетъ, называемыхъ Кассіа, затѣмъ десятки Корнелія, Ферзулеіа, Нумитарія, Помпеія, Скрибонія, и все это необыкновенно хорошо сохранившееся; кромѣ того, у него есть замѣчательныя, самыя рѣдкія монеты, напримѣръ, монета съ изображеніемъ на одной сторонѣ Марка Аврелія, а съ другой—его сына, монета съ изображеніемъ Ѳеодоры, держащей земной глобусъ и, наконецъ, золотая монета, съ изображеніемъ Анніи Фаустины на одной сторонѣ и Эліогабала на другой, это сокровище несравненное и во всемъ остальномъ мірѣ существуетъ лишь еще одинъ, да и то попорченный экземпляръ; чтобы взглянуть на это сокровище, я охотно бы пожертвовалъ цѣлымъ днемъ своей жизни, да, цѣлымъ днемъ своей жизни, сударыня!

Такой разговоръ на французскомъ языкѣ въ комнаткѣ этой гостиницы! Мое сердце сжимается предчувствіемъ. Я осторожно подвигаюсь впередъ и пріотворяю дверь.

Въ полумракѣ комнаты, въ которую сквозь щели ставень проникаютъ лишь узкіе лучи дневнаго свѣта, сидитъ молодая дѣвушка, шляпа ея повѣшана надъ ней, рукой она оперлась на столъ, голова наклонилась впередъ, видъ у нея грустный и покорный. Противъ нея, по другую сторону стола, откинувшись спиной къ бѣлой стѣнѣ, сидитъ ея отецъ и, уставивъ глаза въ потолокъ и скрестивъ на груди руки, предается порыву самой отчаянной досады. Я вхожу, они оба поднимаются со своихъ мѣстъ: сперва Жанна, потомъ г. Шарно. Они оба поражены.

Я пораженъ не менѣе ихъ.

Съ минуту мы безмолвно смотримъ другъ на друга, каждый провѣряя чувство своего удивленія и то, что онъ находится на яву, а не во снѣ. Первымъ нарушаетъ молчаніе г. Шарно. Повидимому, онъ не особенно доволенъ моимъ появленіемъ; онъ

обращается къ дочери покраснѣвшей, но принявшей нѣсколько высокомѣрный видъ:

— Жанна, надѣвай шляпу, пора намъ отправляться на станцію.

Затѣмъ онъ повернулся ко мнѣ:

— Мы очищаемъ для васъ мѣсто, милостивый государь, и такъ какъ самый странный случай, — онъ сдѣлалъ удареніе на словѣ странный, — привелъ васъ въ эту проклятую деревушку, желаемъ вамъ здѣсь много удовольствія, много удовольствія!

— Вы давно здѣсь, г. Шарно?

— Мы сидимъ здѣсь два часа, сударь, два скучнѣйшихъ часа, въ этой мерзѣйшей комнатѣ, истерзанные жаромъ и тоской, искусанные мошками, доведенные до полнаго отчаянія негостепріимными нравами этого уголка ломбардской провинціи.

— Да, дѣйствительно, хозяинъ здѣсь невидимка, и потому-то я и вошелъ сюда, не зная, что я буду имѣть честь здѣсь встрѣтиться съ вами.

— Да, я не на хозяина здѣшняго жалуюсь, Господи Боже мой! Онъ спитъ вонъ тамъ въ сараѣ. Вы можете разбудить его, его видѣть можно, онъ даже можетъ быть любезнымъ когда выспится.

— Мнѣ надо спросить у него одно свѣдѣніе, которое, можетъ-быть, вы могли бы дать мнѣ, что избавило бы меня отъ необходимости будить его: не знаете ли вы какъ мнѣ проѣхать на виллу Даннеджіанти?

Г. Шарно сталъ передо мной, уставился на меня взглядомъ, пожалъ плечами и расхохотался.

— На виллу Даннеджіанти!

— Да, на виллу Даннеджіанти.

— Вы ѣдете на виллу Даннеджіанти?

— Да.

— Ну, ѣхать вамъ туда нечего!

— Почему же?

— Потому что проникнуть туда невозможно.

— У меня есть рекомендательное письмо.

— У меня ихъ было два, не считая моего званія, которое все же что-нибудь да значитъ и которое отворяло мнѣ двери многихъ иностранныхъ коллекцій: но меня выпроводили вонъ! Понимаете ли, привратникъ этого дерзкаго дома выпроводилъ меня вонъ! А вы разсчитываете быть болѣе счастливымъ?

— Я надѣюсь на это.

Мой отвѣтъ показался ему верхомъ самомнѣнія.

— Идемъ, Жанна, сказалъ онъ,—предоставимъ этого господина его юношескимъ иллюзіямъ. Онѣ не будутъ долговременны, нѣтъ, не будутъ!

Онъ поклонился мнѣ съ многозначительною улыбкой и направился къ двери.

Жанна уронила свой зонтикъ. Я поднялъ его и подалъ ей.

— Благодарю васъ, проговорила она.

О, разумѣется, слова эти были самыми обыкновенными. Она сказала бы ихъ первому встрѣчному. Ничто ни въ ея манерѣ держать себя, ни въ ея взорѣ, не обнаруживало ни малѣйшаго вниманія, которое могло бы придать значеніе этимъ обыкновеннымъ словамъ. Но что̀ за голосъ, что̀ за музыкальный голосъ. Еслибъ она сказала мнѣ какое-нибудь оскорбленіе, и тогда голосъ этотъ показался бы мнѣ пріятнымъ. И этотъ голосъ воодушевилъ меня внезапною рѣшимостью: удержать готовящееся исчезнуть видѣніе, провести хотя бы одинъ лишній часъ съ тою, съ которою меня вдругъ снова свелъ такой странный, неожиданный случай.

Г. Шарно уже вышелъ изъ комнаты и его фигура съ мѣшкомъ въ рукахъ уже обрисовывалась на стѣнѣ корридора.

— Г. Шарно, сказалъ я,—я очень сожалѣю, что вы такъ торопитесь вернуться въ Миланъ: я вполнѣ увѣренъ, что буду принятъ на виллѣ Даниеджіанти и я былъ бы очень счастливъ, еслибы мнѣ удалось поправить несправедливость, которая, очевидно, произошла лишь по неловкости прислуги.

Онъ остановился; зарядъ попалъ въ цѣль.

— Дѣйствительно, весьма возможно, сказалъ онъ,—что ни моей карточки, ни моихъ рекомендательныхъ писемъ никто и не читалъ. Но позвольте васъ спросить, если мои письма не дошли по назначенію, какою же тайной обладаете вы для того, чтобы ваше письмо было принято?

— Тайна эта весьма простая и не имѣетъ ровно никакого отношенія къ какому-либо моему личному достоинству. Я присланъ съ весьма важными и притомъ чисто семейнаго характера вѣстями къ хозяевамъ этой виллы. Мнѣ необходимо говорить съ ними. По выполненіи даннаго мнѣ порученія моею первою заботой было бы сообщить имъ о вашемъ прибытіи; вы могли бы войти въ домъ и посмотрѣть коллекцію монетъ, которая, какъ я полагаю, весьма недурна.

— Она единственна!

— Но вы уѣзжаете, а самъ я завтра покидаю Миланъ, чтобы вернуться въ Парижъ.

— Такъ вы уже давно въ Италіи?

— Недѣли двѣ.

Г. Шарно многозначительно взглянулъ на дочь и сразу сдѣлался любезнѣе.

— Я думалъ, что вы только что пріѣхали, что до насъ, такъ мы еще недавно прибыли сюда, прибавилъ онъ.—Дочь моя чувствовала себя не совсѣмъ хорошо, и врачи намъ предписали путешествіе, перемѣну воздуха. Во время этихъ жаровъ пребываніе въ Парижѣ не особенно здорово.

Онъ внимательно слѣдилъ за выраженіемъ моего лица, чтобъ убѣдиться повѣрилъ ли я этой маленькой лжи. Я отвѣтилъ съ самымъ убѣжденнымъ видомъ.

— Еще бы! Парижъ въ іюлѣ совсѣмъ невозможенъ.

— Именно, именно невозможенъ! Мы должны были его покинуть. Выборъ нашъ былъ скоро сдѣланъ и, несмотря на лѣтнее время, мы направились въ классическую землю великаго европейскаго музея, въ Италію... И вы полагаете, что благодаря вамъ насъ пропустятъ на виллу?

— Благодаря возложенному на меня порученію, да, г. Шарно.

Онъ колебался. Онъ думалъ о чернильномъ пятнѣ и несомнѣнно еще болѣе о признаніяхъ г. Мульяра. Но по всей вѣроятности онъ принялъ во вниманіе то, что Жаннѣ ничего не было извѣстно о шагѣ, предпринятомъ старымъ стряпчимъ, что мы были далеко отъ Парижа, что случай былъ единственный, и страсть къ нумизматикѣ разомъ восторжествовала и надъ злопамятствомъ библіофила и надъ колебаніями отца семейства.

— Вѣдь есть еще восьмичасовой поѣздъ, отецъ, замѣтила Жанна.

— Ну что же, дочь моя, не желаешь ли ты снова попытать счастія пойти на приступъ этой негодной Анніа Фаустины?

— Какъ ты самъ хочешь.

И вотъ мы всѣ трое вышли изъ гостиницы и отправились по спускавшейся по отлогому скату дорожкѣ. Я просто не вѣрю глазамъ. Этотъ старецъ съ тонкими чертами лица, идущій налѣво отъ меня и опирающійся на свою камышевую трость, это г. Шарно. Человѣкъ, такъ плохо принявшій меня послѣ моего чернильнаго пятна, довѣряется мнѣ, чтобъ я его представилъ итальянскому патрицію; я, помощникъ адвоката, я его веду съ

полною увѣренностью, и оба мы, увлеченные различными надеждами, онъ, мечтающій о рѣдкихъ монетахъ, а я о какихъ-то внезапно открывающихся предо мною горизонтахъ, мы разговариваемъ между собою совершенно новымъ для насъ тономъ простоты и откровенности! А эта живая Парижанка, которую я скорѣе угадываю, нежели вижу, на которую я не рѣшаюсь смотрѣть, которая идетъ по другую сторону отца легкимъ шагомъ по дорогѣ, устремивъ свой взоръ въ голубое небо, внимательно слушая насъ, несмотря на свой разсѣянный видъ, задѣвая своимъ Луврскимъ зонтикомъ за вѣтви итальянскаго боярышника, это Жанна, та самая Жанна, которая была на базарѣ цвѣтовъ, та самая Жанна, которую рисовалъ Ламиронъ въ Сенъ-Жерменскомъ лѣсу! Возможно ли это?

Да, возможно, потому что вотъ мы уже и дошли до рѣшетки виллы Даннеджіанти, которая находится на разстояніи какого-нибудь одного километра отъ гостиницы въ Дезіо.

Я звоню. Толстый лѣнивый и наглый Итальянецъ, служащій здѣсь привратникомъ, уже готовится выпроводить меня съ тѣмъ же видомъ и тѣми же словами, которыя уже столько разъ служили ему. Но на моемъ лучшемъ тосканскомъ нарѣчіи я объясняю ему, что я не обыкновенный туристъ—проситель; я заявляю ему, что ему угрожаетъ самая ужасная отвѣтственность, если онъ въ ту же минуту не передастъ графинѣ Даннеджіанти моей карточки и моего письма, то-есть карточки Ламирона въ конвертѣ съ надписью. По его глупому взгляду я не могу судить ни о томъ, произвелъ ли я на него впечатлѣніе, ни о томъ даже понялъ ли онъ меня. Повернувшись на каблукахъ съ ключами въ одной рукѣ и съ моимъ письмомъ въ другой, онъ удаляется по тѣнистой аллеѣ, покачивая своею широкою спиной.

Тѣнь, о которой мнѣ писалъ Ламиронъ, повидимому не уменьшилась вокругъ этого жилища. Паркъ свѣжъ и зеленъ. Въ концѣ аллеи платановъ, между которыми поднимаются подстриженные кусты столѣтняго боярышника, мы видимъ огромное четырехъугольное зданіе самой виллы. Надъ нею нѣсколько зонтообразныхъ сосенъ рѣзко обрисовываются на чистой синевѣ неба.

Привратникъ возвращается, безстрастный и торжественный. Безмолвно онъ растворяетъ предъ нами рѣшетку. Мы входимъ всѣ трое, г. Шарно нѣсколько взволнованный, что ему приходится проходить тайкомъ, что я угадываю по движенію, съ которымъ онъ внезапно поднимаетъ голову. Жанна довольна. Она онрав-

ляетъ складки своего платья, выпрямляетъ станъ, вкалываетъ въ свои растрепавшіеся отъ вѣтра бѣлокурые волосы шпильку, и все это дѣлаетъ быстрыми и легкими движеніями, какъ зябликъ, который встряхиваетъ свои перья.

Мы подходимъ къ крыльцу. Между нами условлено, что г. Шарно съ дочерью будутъ дожидаться въ сосѣдней аллеѣ разрѣшенія осмотрѣть музей.

Я вхожу вслѣдъ за слугой. Мы проходимъ огромными сѣнями съ мозаичными полами, съ колоннами изъ рѣдкаго мрамора, со стѣнами расписанными разными фресками. Въ глубинѣ дверь ведетъ въ комнату графини. Контрастъ поразителенъ: комната небольшая, узкая, похожа на часовню.

При моемъ появленіи какая-то старушка приподнимается съ кресла, которое могло бы служить ей домомъ, до такой степени оно велико и до такой степени сама она миніатюрна. Сперва я вижу только одни глаза, подвижные и тревожные. Она смотритъ на меня взглядомъ просительницы, ожидающей приговора. Я начинаю съ того, что сообщаю ей о кончинѣ г-жи Ламронъ. Единственнымъ отвѣтомъ мнѣ служитъ знакъ, что она внимательно меня слушаетъ. Она угадываетъ, что ее ожидаетъ еще что-то, и сердце ея сжимается отъ предчувствія. Я продолжаю, я объявляю ей о присылкѣ портрета ея дочери. Тогда она забываетъ все, свои года, свое высокое положеніе, нѣчто въ родѣ скорбнаго достоинства, въ которое она замыкалась до сихъ поръ; въ ней говоритъ только мать, лучъ свѣта освѣтилъ неизгладимое, снѣдающее ее горе: она бѣжитъ ко мнѣ, протягиваетъ ко мнѣ руки, и я чувствую на своемъ плечѣ тяжесть ея изможденнаго, содрагающагося отъ рыданій тѣла. Она благодаритъ меня цѣлымъ потокомъ словъ, которыхъ я разобрать не могу. Потомъ, вдругъ она отступаетъ, чтобы посмотрѣть на меня, чтобы прочитать въ моемъ взорѣ что-нибудь, что отвѣчало бы ея волненію, и ея покраснѣвшіе, расширившіеся отъ внутренняго жара глаза дѣлаютъ мнѣ еще больше вопросовъ, чѣмъ самыя ея уста.

— Какъ вы добры, и онъ, какъ онъ великодушенъ! какъ живетъ онъ? Такъ же ли онъ убитъ горемъ, какъ мы? Или, можетъ-быть, ему удалось преодолѣть горесть, которая его поразила здѣсь въ юности?.. Къ счастью, мужчины скорѣе забываютъ... Я уже перестала надѣяться когда-либо получить этотъ портретъ. Каждый годъ цвѣты, которые я посылала ему, должны были говорить ему: „Отдайте намъ то, что осталось отъ нашей Рафаэллы“.

Можетъ-быть, это было жестоко, и иногда я упрекала себя за это. Но, поймите меня, меня, мать единственнаго этого ребенка! А портретъ этотъ такъ прекрасенъ, такъ похожъ!.. Скажите, его не поправляли, ничего въ немъ не измѣняли? Скажите, время не испортило его мягкаго, правдиваго тона? О, скажите мнѣ это! Портретъ этотъ будетъ для меня тѣмъ грустнымъ утѣшеніемъ, о которомъ я такъ мечтала: видѣть ежеминутно, имѣть постоянно предъ собою предметъ моихъ слезъ, смотрѣть на это святое лицо, котораго никто не былъ въ состояніи воспроизвести кромѣ него, который любилъ ее... потому-что, знаете ли, ужасно думать о томъ, что самые дорогіе образы изглаживаются и мѣняются даже въ материнскомъ сердцѣ, и бываютъ минуты, когда я сомнѣваюсь, такъ же ли вѣрно представляетъ мнѣ моя старая память всю прелесть, все обаяніе ея милаго лица, какъ тогда, когда рана души моей была свѣжею, когда мой мысленный взоръ еще былъ весь полонъ ею... О, снова увидѣть, снова обрѣсти ее!

Она оставляетъ меня такъ же внезапно, какъ бросилась ко мнѣ, и спѣшитъ отворить дверь слѣва, ведущую въ смежную комнату.

По паркету скользятъ отблески красныхъ обоевъ.

— Кристофоро, говоритъ она,—Кристофоро, придите взглянуть на одного Француза, который принесъ намъ великую вѣсть: портретъ нашей Рафаэллы, Кристофоро, наконецъ намъ отдается!

Шумъ отодвинутаго кресла, степенные шаги: Кристофоро появляется, волосы у него совершенно сѣдые, усы черные, его высокій станъ стягиваетъ сюртукъ *à la Guizot*, это печальные остатки нѣкогда очень краснваго человѣка. Онъ подходитъ ко мнѣ, беретъ обѣ руки и сжимаетъ ихъ съ нѣсколько церемонною горячностью. Никакихъ слѣдовъ волненія нѣтъ на его лицѣ: глаза у него сухи и онъ не находитъ никакихъ словъ. Понялъ ли онъ? Не знаю. Для него это лишь представленіе новаго лица. При его видѣ мнѣ вспоминается выраженіе его жены: „мужчины скорѣе забываютъ“. Она смотритъ на него, она желала бы придать ему жизни: въ немъ жизни уже нѣтъ.

— Кристофоро, я знаю, это будетъ большою радостью для васъ и вы присоедините ко мнѣ, чтобы поблагодарить великодушнаго г. Ламирона... Прошу васъ, выразите ему всю нашу признательность, какъ графа, такъ и мою, и передайте ему, какъ мы сочувствуемъ его недавнему горю... Что г. Ламиронъ богатъ?

— Я забылъ сказать вамъ, графиня, что другъ мой не приметъ отъ васъ ничего, кромѣ слова простой благодарности.

— О благородное сердце, благороднѣйшее сердце! не правда ли, Кристофоро?

Вмѣсто отвѣта старикъ снова взялъ и снова пожалъ мнѣ руки.

Я воспользовался этимъ, чтобы заговорить съ нимъ о моей просьбѣ касательно г. Шарно. Онъ серьезно и важно выслушалъ меня.

— Я сейчасъ сдѣлаю распоряженіе. Вы можете все, рѣшительно все, осмотрѣть.

Затѣмъ, считая аудіенцію оконченною, онъ поклонился и медленными шагами вернулся въ свои аппартаменты.

Я искалъ глазами графиню Даннеджіанти. Она снова сидѣла въ своемъ обширномъ креслѣ и заливалась горючими слезами...

Десять минутъ спустя г. Шарно и Жанна вмѣстѣ со мною проникли въ столь ревниво-охраняемый музей виллы.

Названіе музея дѣйствительно вполнѣ подходитъ къ собранію такихъ художественныхъ сокровищъ, какія занимаютъ здѣсь весь нижній этажъ, направо отъ сѣней. Двѣ параллельно идущія залы всѣ наполнены картинами, гравюрами, медалями; третья соединяющая ихъ зала служитъ галлереей для произведеній скульптуры.

Едва успѣла отвориться дверь, какъ г. Шарно принялся отыскивать витрины съ знаменитыми монетами. Онѣ находились какъ разъ посреднѣ залы и шли въ два ряда... Онъ былъ очень взволнованъ. Я думалъ, что онъ броспится со всѣхъ ногъ, привлекаемый славой и блескомъ этихъ старинныхъ монетъ, имена, наружность которыхъ и съ лицевой и съ обратной стороны онъ зналъ какъ свои пять пальцевъ. Но я плохо зналъ природу ученыхъ.

Онъ вынулъ свой носовой платокъ, свои очки, тщательно протеръ въ нихъ стекла и во время этой операціи съ весьма характеристической миной оглядѣлъ бѣглымъ взглядомъ всѣ висѣвшія по стѣнамъ произведенія. Ничто не оказалось въ состояніи плѣнить это сердце, охваченное страстью къ нумизматикѣ. И только послѣ того, какъ онъ съ удовольствіемъ констатировалъ какъ мало привлекательности можетъ заключаться въ сравненіи какой-нибудь картины Тиціана съ какою-нибудь картиной Веронеза, только тогда г. Шарно маленькими шажками направился къ первой витринѣ и благоговѣйно наклонился надъ нею.

А между тѣмъ эта картинная галлерея была превосходна! Картинъ было немного, но всѣ онѣ принадлежали кисти лучшихъ мастеровъ, преимущественно итальянскихъ, но было здѣсь также и нѣсколько произведеній художниковъ голландской, фламандской и нѣмецкой школъ. Я принялся методически осматривать картины, довольный отсутствіемъ каталога и рѣдкостью надписей на рамахъ. Удовольствіе еще болѣе увеличивается отъ сознанія, что самъ служишь себѣ путеводителемъ, отъ свѣжести новаго впечатлѣнія какого-нибудь произведенія искусства, отъ наслажденія любоваться тѣмъ, что тебѣ самому нравится безъ указанія того, чѣмъ слѣдуетъ восторгаться, что съ чѣмъ слѣдуетъ сравнивать, какую школу, какого художника предпочитать, какого художника и почему узнавать, развѣ только самъ онъ крикнетъ изъ рамы своей картины: „Я Гольбейна, Перуджино или Джіотто!“

Одно, однако-жъ, меня немножко смущало: это голосъ стараго нумизматика, который склоняясь надъ витринами заставлялъ дочь дѣлить съ нимъ избытокъ его ученой радости.

— Жанна, смотри на эту монету: эта голова Клеопатры въ діадемѣ, а съ другой стороны голова Марка-Антонія, вѣдь это просто великолѣпіе! А вотъ италійская мѣдная монета *Iguvium Umbriae*, которую мой сотоварищъ Пуссло тщетно отыскивалъ цѣлыхъ тридцать лѣтъ... Ахъ, дочь моя, вотъ это очень важно: Аннiусъ Верусъ съ одной и Коммодъ съ другой стороны, оба въ дѣтскомъ возрастѣ, это рѣдкая бронзовая монета... впрочемъ, менѣе рѣдкая, чѣмъ... Жанна, необходимо чтобы ты запечатлѣла въ своей памяти вотъ эту большую золотую медаль, ей цѣны нѣтъ, Августъ въ лавровомъ вѣнкѣ, а съ другой стороны Діана... Вѣдь это должно интересовать тебя: Діана, прекрасная охотница, неправда ли? Что за чудо, эта коллекція!... Подожди-ка, мы еще отыщемъ Анніа Фаустина...

Снисходительная Жанна слабо улыбалась Клеопатрѣ, умбрійской мѣдной монетѣ, Августу, прекрасной охотницѣ Діанѣ.

Мало-по-малу восторгъ отца разсѣялся обширнымъ количествомъ этихъ сокровищъ. Онъ вынулъ записную книжку и сталъ дѣлать въ ней отмѣтки. Жанна подняла глаза на стѣну одинъ разъ, два раза, подождала немного, и видя, что отецъ уже болѣе не обращается къ ней, скользнула отъ него къ первой картинѣ, съ которой я началъ свой осмотръ галлереи.

Она быстро переходила отъ одной картины къ другой, очевидно

только ребячески интересуясь произведеніями искусства. Такъ какъ я, напротивъ, подвигался весьма медленно, то мы непремѣнно должны были въ концѣ концовъ встрѣтиться. Я ничего не сдѣлалъ чтобъ избѣгнуть встрѣчи съ нею и скоро мы вмѣстѣ остановились предъ портретомъ Гольбейна Младшаго. Предметъ для разговора явился самъ собою.

— Нравится ли вамъ этотъ Гольбейнъ, мадемуазель Шарно?

— Не можете вы однако не согласиться съ тѣмъ, что этотъ старый господинъ крайне дуренъ собою?

— Да, но написанъ онъ великолѣпно. Посмотрите, какъ твердо сдѣланъ рисунокъ головы, какъ ясны и хороши краски черезъ цѣлыхъ четыреста лѣтъ; и какъ чувствуется, что это лицо написано правдиво, оно само говоритъ о себѣ! По всему видно, что это вельможа двора Генриха VIII, протестантъ, любимый королемъ, хитрый, мало образованный, который въ глубинѣ души вздыхаетъ по судьбѣ товарищей своей юности, которые остались въ своихъ графствахъ и которые могутъ охотиться и пить сколько душѣ ихъ угодно. Вся нравственная сторона человѣка угадана художникомъ. Взгляните рядомъ на эту картину Рубенса: масса тѣла, едва поддерживаемая духомъ, избытокъ матеріи, замѣчательная школа по колориту и небрежно относящаяся къ экспрессіи, спиритуализмъ съ одной стороны, матеріализмъ съ другой, безсознательный, можетъ-быть, но несомнѣнный. Взгляните еще и сравните съ этими двумя лицами этотъ маленькій рисунокъ, безъ сомнѣнія работы Перуджино, набросокъ Ангела для изображенія, по всей вѣроятности, Благовѣщенія: посмотрите на чистоту этихъ линій, на эту идеальную атмосферу, въ которой живетъ самъ художникъ, и которою онъ облекаетъ свои произведенія! Здѣсь угадывается школа мистическихъ поэтовъ и теологовъ, прозорливыя души, достаточно прекрасныя, чтобъ умѣть украсить природу, подняться въ высшія области.

Я былъ доволенъ моею маленькою лекціей. Жанна также. Я это хорошо видѣлъ по удивленному выраженію ея лица, по взгляду, брошенному ею въ сторону все еще что-то записывавшаго отца, чтобъ убѣдиться въ томъ, можетъ ли она продолжать свой первый урокъ теоріи живописи.

Г. Шарно улыбнулся ей, что̀ означало:

— Мнѣ очень пріятно, дочь моя, благодарю тебя, *va piano, va sano* (тише ѣдешь, дальше будешь).

Это было равносильно разрѣшенію. Мы продолжали нашъ осмотръ, привѣтствуя мимоходомъ Тинторетто и Тиціана, Веронеза и Андреа Соларіо, стараго Чимабуэ и нѣсколькихъ древнихъ живописцевъ, писавшихъ фигуры Пресвятой Дѣвы на золотомъ фонѣ.

Жанна уже не скучала.

— А вотъ этотъ, говорила она,—кто онъ, къ какой школѣ принадлежитъ?

Скоро мы окончили осмотръ первой залы и вошли въ залу, отведенную для скульптуры. Мраморные боги и богини, великолѣпные обломки фризовъ и карнизовъ, найденные при раскопкахъ, производимыхъ въ Римѣ, Помпеѣ или Греціи, весьма поверхностно интересовали мадемуазель Шарно. Одинъ какой-нибудь мимолетный взглядъ каждой статуи, а то и ни одного. Такимъ образомъ, мы очень скоро миновали эту залу и уже готовились войти во вторую картинную залу.

Какъ вдругъ Жанна сдѣлала удивленное движеніе.

— Что это такое? спросила она.

Подъ высокимъ и широкимъ окномъ, за которымъ качались зеленыя вѣтви деревъ, была прислонена къ стѣнѣ деревянная доска съ надписью. Черныя буквы были съ искусствомъ расположены на бѣломъ фонѣ во вкусѣ надгробныхъ надписей, въ которыхъ еще до сихъ поръ изощряются Итальянцы.

Я отодвинулъ складки занавѣски и прочелъ:

A te Rafaella Dannegianti—Che—Nata da venti anni, et poco più—Avesti esperienza piena—Delle illusioni e dei dolori diquesto mondo—E il giorno 6 gennaio—Come angelo che anela al suo cielo—Serena e contenta te ne volasti a Dio—Il clero Desio—Gl'impiegati et gli artisti della Eccmacasa Dannegianti—Queste solenni esequie.

— Это одна изъ тѣхъ надгробныхъ надписей, сказалъ я,—какія вывѣшиваютъ на церковныхъ вратахъ въ этой части Италіи въ день погребенія или въ день заупокойной службы: „Тебѣ — Рафаэлла Даннеджіанти,—которая—двадцати лѣтъ—послѣ перваго опыта иллюзій и страданій сего міра—6 января—какъ ангелъ вздыхающій о себѣ—ясная и довольная улетѣла къ Господу—отъ духовенства Дезіо—отъ слугъ и артистовъ свѣтлѣйшаго дома Даннеджіанти—это торжественное поминовеніе.“

— Эта Рафаэлла была дочь графа?

— Его единственный ребенокъ, милая, прекрасная и исполненная чарующей прелести.

— Милыя, прекрасныя, единственныя дочери всегда умираютъ! проговорила она съ какою-то горькою улыбкой. Онѣ всегда имѣютъ свою легенду, свой культъ и портретъ, большею частью польщенный. Я удивляюсь тому, что не вижу здѣсь портрета Рафаэллы, которую воображаю себѣ высокаго роста, съ длинными дугообразными бровями, съ темными глазами...

— Съ зеленовато-темными...

— Съ зеленовато-темными, если хотите, съ короткимъ носомъ, съ алыми губами, съ густыми бѣлокурыми волосами.

— Золотисто-каштановыми, было бы вѣрнѣе.

— Такъ вы видѣли этотъ портретъ? онъ существуетъ?

— Да, существуетъ; въ немъ есть все, что̀ вы себѣ воображаете, даже выраженіе счастливой юности, которое сдѣлалось ложью, едва успѣли высохнуть его краски; и предъ этою доской съ надписью, напоминающею мнѣ объ этомъ портретѣ, признаюсь вамъ, я чувствую себя глубоко-взволнованнымъ.

Она взглянула на меня съ удивленіемъ.

— Гдѣ же онъ? не здѣсь?

— Въ Парижѣ, у моего друга Ламирона.

— А! проговорила она, слегка вспыхнувъ.

— Да, это одновременно и чудо совершенства и горестное воспоминаніе. Исторія эта очень простая, и я увѣренъ, что мой другъ позволилъ бы мнѣ разсказать ее вамъ, единственно вамъ, предъ этими остатками прошедшаго. Ламиронъ, будучи еще очень молодъ, путешествовалъ по Италіи и полюбилъ эту дѣвушку, портретъ которой онъ писалъ. Мой другъ любилъ ее, можетъ-быть, не признаваясь въ этомъ самому себѣ, во всякомъ случаѣ не признаваясь въ этомъ ей. Такова бываетъ всегда любовь людей скромныхъ, робкихъ, почти никогда непризнаваемая, если она не останется неизвѣстною. Другъ мой, ничего не разсчитывая, ничего не остерегаясь, игралъ счастіемъ всей своей жизни: онъ проигралъ. Родители Рафаэллы Даннеджіанти однажды увезли ее, трепеща при мысли о возможности неравнаго брака между ихъ дочерью и художникомъ, хотя бы и геніальнымъ художникомъ.

— И она умерла?

— Черезъ годъ. Другъ мой никогда не могъ утѣшиться. И въ то время, какъ я съ вами говорю, онъ, тамъ, въ Парижѣ, думаетъ и плачетъ надъ тѣми же самыми строками, которыя вы только что прочли, не подозрѣвая всей ихъ горечи.

— Онъ испыталъ утрату, проговорила она, —я отъ всего сердца жалѣю его.

Глаза ея были полны слезъ. Она повторила эти теперь для нея ясныя слова: „*A te Rafaella.*“ Потомъ тихо опустилась на колѣни предъ этою надгробною надписью. Я видѣлъ какъ она склонила свою голову. Жанна молилась.

Она была трогательна, эта молодая дѣвушка, которую случай привелъ къ этому свидѣтельству уже давнишней утраты; ее тронула повѣсть этой грустной любви, она была охвачена чувствомъ нѣжнаго состраданія къ этой Рафаэллѣ, сестрой которой она себя чувствовала по молодости, красотѣ, можетъ-быть и по участи, и, ощутивъ въ своемъ сердцѣ это дѣвственное вдохновеніе, опустилась на колѣни, безъ позъ и безъ фразъ, какъ предъ дружескою могилой. Послѣдніе отблески дня, проникая сквозь окно, освѣщали ея склоненную головку.

Я немножко смутился и отступилъ на нѣсколько шаговъ въ сторону.

Появился г. Шарно.

Онъ подошелъ къ дочери и тронулъ ее за плечо. Она поднялась, краснѣя.

— Что ты тутъ дѣлаешь? проговорилъ онъ.

Онъ надѣлъ свои очки и прочелъ итальянскую надпись.

— Это ужь черезчуръ добросовѣстно становиться на колѣни, чтобы разбирать подобную вещь! Развѣ ты не видишь, что эта доска современная, не имѣющая никакой цѣны... Г. Мульяръ, обратился онъ ко мнѣ,—я не знаю каковы ваши намѣренія, но если вы не сбираетесь почевать въ Дезіо, то идемте, ночь уже наступаетъ.

Мы вышли.

На дворѣ еще было свѣтло, но то былъ свѣтъ, распространяемый уже закатившимся солнцемъ на небѣ и уже не освѣщавшій землю, оставлявшій все въ какой-то прозрачной тѣни.

Г. Шарно взглянулъ на свои часы.

— Семь минутъ девятаго. Въ которомъ часу отходитъ послѣдній поѣздъ, Жанна?

— Безъ десяти минутъ восемь.

— Какъ же быть? намъ приходится оставаться въ Дезіо! Отъ одной мысли провести ночь въ этой гостинницѣ меня пробираетъ дрожь. Развѣ только г. Мульяръ достанетъ намъ торжественную карету у графа Даннеджіанти, иного средства выбраться отсюда

я не вижу. Въ этой проклятой деревушкѣ нѣтъ ни одного извощика!

— По счастію я пріѣхалъ сюда въ четырехмѣстной наемной коляскѣ. Она къ вашимъ услугамъ.

— Принимаю ваше предложеніе. Возвращеніе при лунномъ свѣтѣ будетъ весьма поэтично.

Онъ подошелъ къ Жаннѣ и вполголоса проговорилъ:

— Лишь бы тебя хорошенько укутать! Есть у тебя какая-нибудь шаль, капюшонъ, какой-нибудь плащъ?

Она ласково кивнула ему головой.

— Будь покоенъ, отецъ, все предусмотрѣно.

Въ половинѣ девятаго мы всѣ вмѣстѣ покинули Дезіо и въ глубинѣ души я благословлялъ хозяина *Albergo dell'Agnello*, который посовѣтовалъ мнѣ ѣхать въ экипажѣ:

— Это будетъ несравненно живописнѣе!

— Еще бы!

Г. Шарно и Жанна сидѣли рядомъ, и я помѣщался противъ г. Шарно, который былъ въ прекрасномъ расположеніи духа благодаря видѣннымъ имъ монетамъ. Спокойно прислонившись къ подушкамъ, онъ, оживленно и краснорѣчиво жестикулируя и не обращая вниманія на случайные толчки во время дороги, принялся мнѣ разсказывать о своемъ путешествіи въ Грецію, когда по научному порученію министра народнаго просвѣщенія онъ отправился въ Элладу, заранѣе ослѣпленный видѣніями Гомера. Онъ говорилъ хорошо, съ точными подробностями, соединяя воспоминанія ученаго съ впечатлѣніями художника. Фронтонъ Партенона, олеандры Иллиссуса, этой „рѣки мокрой, когда идетъ дождь“, голая вершина Парнаса, зеленые склоны Геликона, лазурный Аргосскій заливъ, сосновые лѣса на берегахъ Алфея, гдѣ древніе служили культу „ясной смерти“, всѣ вы не миновали его ученыхъ устъ.

Къ моему смущенію, признаюсь, я не ко всему прислушивался, сохраняя за собою нѣкоторую свободу собственной мысли, предоставляя ему полную свободу слова. Впрочемъ, онъ все-таки оказался скроменъ и пожелалъ остановиться у Ѳессалійскихъ вратъ. Наступило молчаніе. Я не нарушалъ его. Скоро покачиваніе экипажа и изсякновеніе воспоминаній убаюкали г. Шарно, и онъ заснулъ.

Мы ѣхали быстрою рысью по бѣлой ровной дорогѣ. Отъ накалившейся земли, съ унявшихся солнечными лучами полей

поднималась мягкая, охватывавшая насъ теплота, пропитанная запахомъ созрѣвшихъ хлѣбовъ и овощей, но порой на насъ вѣяло и спускавшеюся съ сосѣднихъ горъ прохладой. Въ полѣ мы могли уже различать лишь широкіе планы, зеленые тамъ, гдѣ были луга, сѣроватые тамъ, гдѣ нивы, и сливавшіеся въ дали въ одномъ горизонтѣ безъ цвѣта и безъ очертаній. Но по мѣрѣ того, какъ мракъ все болѣе окутывалъ землю, на небѣ загоралось все больше звѣздъ. Никогда не видалъ я ихъ ни въ такомъ количествѣ, ни такихъ яркихъ. Жанна, прислонившись къ спинкѣ экипажа и закинувъ назадъ голову, смотрѣла въ эту безбрежную высь, съ которой падалъ на нее какой-то необычайно мягкій свѣтъ. Устала ли она, была ли печальна, разсѣянна, не знаю. Въ ея лицѣ и въ ея позѣ была какая-то удивительная поэзія и въ ней, какъ мнѣ казалось, являлась и сосредоточилась вся красота этой лѣтней ночи.

Я не смѣлъ заговорить съ нею. Сонъ ея отца, отсутствіе посторонняго свидѣтеля стѣсняли меня. Кромѣ того, она казалась мнѣ такою равнодушною, до такой степени углубленною въ свои мысли, что я поджидалъ случая, чего-нибудь въ родѣ разрѣшенія, чтобы пробудить ее отъ ее грезъ.

Въ концѣ концовъ она сама нарушила молчаніе.

Когда мы проѣхали Монцу, она завернулась крѣпче въ шаль, которую поднималъ вѣтеръ, и наклонилась ко мнѣ:

— Отецъ мой немного усталъ. Вы его извините: онъ съ пяти часовъ на ногахъ.

— А день былъ жаркій, мошекъ такое множество: послѣ битвы можно и вздремнуть немножко.

— Бѣдный, дорогой отецъ! Вы доставили ему истинное удовольствіе, за которое онъ, безъ сомнѣнія, вамъ очень признателенъ.

— Желалъ бы я надѣяться, что это воспоминаніе изгладитъ другое, о чернильномъ пятнѣ, это для меня постоянное угрызеніе совѣсти.

— Вы преувеличиваете!

— Нѣтъ, угрызеніе совѣсти, это совершенно вѣрное слово, потому что я оскорбилъ человѣка, которому обязанъ уваженіемъ. Я не посмѣлъ возобновлять съ нимъ разговора объ этомъ. Но еслибы вы были такъ добры, выразили бы г. Шарно мои чувства и мои сожалѣнія, вы избавили бы меня отъ великой тягости.

Я увидѣлъ, что глаза ея остановились на мнѣ съ такимъ вниманіемъ, какого она до сихъ поръ мнѣ не оказывала.

— Охотно, очень охотно, сказала она.

Наступило минутное молчаніе.

— Эта Рафаэлла, о которой вы мнѣ говорили, достойна была продолжительнаго сожалѣнія со стороны вашего друга?

— Да, я такъ думаю.

— Это очень трогательная исторія. Вы очень любите г-на Ламирона?

— Всѣмъ сердцемъ: это такой преданный, вѣрный другъ, душа вѣрующаго и художника! Вы сами бы его полюбили, я въ этомъ увѣренъ, еслибы вы только знали его.

— Да я его знаю, по крайней мѣрѣ, по его произведеніямъ... кстати, гдѣ я, то-есть гдѣ находится мой портретъ?

— У Ламирона, въ комнатѣ его матери, куда г. Шарно можетъ пойти его посмотрѣть.

— Мой отецъ ничего не знаетъ объ этомъ портретѣ, проговорила она, бросая взглядъ на спящаго стараго академика.

— Онъ его не видалъ?

— Нѣтъ, это напрасно взволновало бы его... Итакъ, г. Ламиронъ оставилъ себѣ этотъ рисунокъ: я думала, что онъ уже давно затерялся, проданъ...

— Проданъ! Какъ вы можете это думать!

— Почему же? Право художника продавать свои произведенія.

— Но не это!

— Столько-же, какъ и всякое другое.

— О, нѣтъ, Ламиронъ на это не способенъ. Нѣтъ, онъ бы не продалъ его, точно такъ же, какъ не продалъ портрета Рафаэллы Даннеджіанти... Это двѣ одинаковыя святыни, два драгоцѣнныя воспоминанія.

Мадемуазель Шарно молча стала смотрѣть на поля, которыя бѣжали предъ нами черною полосой.

Я смутно видѣлъ профиль ея лица.

Такъ какъ она продолжала молчать, ея молчаніе придало мнѣ смѣлости.

— Да, это двѣ одинаковыя святыни, а между тѣмъ, иногда, въ часы безумія... особенно сейчасъ, когда я нахожусь возлѣ васъ, мнѣ приходитъ на мысль, что я менѣе несчастенъ, чѣмъ мой другъ... что его мечта навѣки кончилась... а что моя мечта могла бы возродиться... еслибы вы пожелали...

Она быстро обернулась и я увидѣлъ во мракѣ, что она смотритъ мнѣ прямо въ глаза.

Темнота ли обманула меня относительно значенія этого безмолвнаго отвѣта, или я былъ игрушкой новой иллюзіи? Мнѣ показалось, что Жанна была грустна, что, можетъ-быть, она думала о скоро забытыхъ клятвахъ другаго, но она не сердилась на меня.

Впрочемъ, это было лишь одно мгновеніе. Она заговорила:

— Неправда ли, что вѣтеръ очень холодный сегодня вечеромъ?

Въ глубинѣ коляски раздался продолжительный вздохъ, г. Шарно просыпался.

Онъ хотѣлъ намъ показать, что онъ только размышлялъ про себя во время дороги.

— Да, дитя мое, сказалъ онъ,— вечеръ прелестный... Положительно эти итальянскія ночи заслуживаютъ своей репутаціи.

Десять минутъ спустя коляска остановилась, и г. Шарно крѣпко жалъ мнѣ руку предъ дверью своей гостиницы.

— До свиданія, молодой человѣкъ, и спасибо вамъ за это возвращеніе, которое было прелестно, дѣйствительно прелестно. Мы завтра ѣдемъ во Флоренцію. У васъ нѣтъ порученій во Флоренцію?

— Никакихъ.

Мадемуазель Шарно слегка поклонилась мнѣ. Я видѣлъ, какъ она входитъ поднимаясь на первыя ступеньки лѣстницы, прикрывая одною рукой ослѣпленные газовымъ свѣтомъ глаза, а другою придерживая спустившуюся съ плечъ ея шаль.

(Окончаніе слѣдуетъ.)

ЗАРАЗНЫЯ БОЛѢЗНИ ВЪ МОСКВѢ.

(Окончаніе.)

III.

Въ предыдущей главѣ мною были изложены въ краткихъ чертахъ тѣ условія, среди которыхъ приходится дѣйствовать городскому санитарному надзору въ ночлежныхъ домахъ и коечныхъ и каморочныхъ квартирахъ. Эти два рода жилищъ даютъ извѣстное понятіе о томъ, насколько дурная обстановка жизни населенія, съ одной стороны, служитъ удобною почвой для возникновенія и развитія заразныхъ болѣзней, а съ другой—затрудняетъ выполненіе надлежащихъ мѣропріятій противъ ихъ распространенія. Мы видѣли однако, что, несмотря на это, дѣятельность санитарнаго надзора далеко не осталась безплодною. Кромѣ принятія различныхъ мѣръ, непосредственно направленныхъ къ ограниченію заразныхъ заболѣваній, санитарные врачи дѣйствовали еще и въ смыслѣ ознакомленія жителей города съ важнымъ значеніемъ заразныхъ болѣзней и борьбы съ ними, борьбы, которая можетъ идти наиболѣе успѣшно при томъ условіи, если населеніе сочувствуетъ и помогаетъ трудной работѣ санитарныхъ врачей.

Малое знакомство населенія со свойствами заразныхъ болѣзней, а отсюда и неправильное понятіе объ ихъ значеніи и необходимости борьбы съ ними,—нужно считать явленіемъ общераспространеннымъ, и не только среди бѣднѣйшихъ классовъ городскихъ жителей, но и среди такъ-называемой интеллигенціи.

Для этого явленія существуетъ много причинъ, которыхъ я коснусь впослѣдствіи. Одною изъ этихъ причинъ нужно считать и то обстоятельство, что условія распространенія заразныхъ заболѣваній до сихъ поръ далеко еще не достаточно изучены.

Санитарные врачи, посѣщая жилища, въ которыхъ были больные заразными болѣзнями, и приходя въ непосредственныя сношенія по этому поводу съ населеніемъ, сообщаютъ въ своихъ отчетахъ много наблюденій относительно условій распространенія заразныхъ заболѣваній. Эти наблюденія, постепенно накопляясь, могутъ дать со временемъ цѣнный матеріалъ для разработки эпидеміологіи; но даже теперь нѣкоторые изъ этихъ наблюденій представляютъ сами по себѣ извѣстный интересъ, и поэтому я позволю себѣ сообщить здѣсь нѣкоторыя изъ нихъ.

Одною изъ самыхъ темныхъ болѣзней, въ смыслѣ условій ея возникновенія и распространенія, нужно считать дифтеритъ,— болѣзнь, уносящую столько жертвъ среди дѣтей. Этіологія дифтерита, хотя она до извѣстной степени изучена съ бактеріологической точки зрѣнія, до сихъ поръ еще настолько неясна, что, напримѣръ, на бывшемъ въ августѣ 1891 года международномъ конгрессѣ гигіены и демографіи въ Лондонѣ о распространеніи дифтерита высказывались, на основаніи наблюденій, весьма различныя мнѣнія, иногда даже совершенно противорѣчащія другъ другу. [1] Какъ бы то ни было, нужно признать, съ одной стороны, что дифтеритъ принадлежитъ къ такимъ болѣзнямъ, которыя поражаютъ какъ самыя бѣдныя и дурныя въ санитарномъ значеніи жилища, такъ и жилища богатыя, поставленныя въ самыя лучшія условія жизненной обстановки; съ другой,—что заразное начало его держится весьма долго. Послѣднее обстоятельство именно порождаетъ большія затрудненія для разслѣдованія причинъ заболѣванія во многихъ случаяхъ. Нѣкоторые весьма интересные факты въ этомъ отношеніи мы находимъ въ отчетахъ санитарныхъ врачей.

Одинъ изъ санитарныхъ врачей въ отчетѣ за 1888 годъ сообщаетъ слѣдующее. Въ одномъ изъ домовъ его участка, въ квартирѣ Ф., были больны дифтеритомъ двое дѣтей. За полтора года до заболѣванія г. Ф. были подарены фуфайка и пальто дѣтей, умершихъ отъ дифтерита. Въ продолженіе полутора года вещи не вынимались изъ сундука. Считая послѣ столь продолжитель-

[1] См. Revue d'hygiène et de police sanitaire, 1891 г. №№ 8—9.

наго срока вещи безопасными, отецъ отдалъ ихъ носить своимъ дѣтямъ, которыя послѣ этого почти одновременно заболѣли дифтеритомъ и умерли.

Характерный случай зараженія дифтеритомъ находимъ въ другомъ отчетѣ за 1889 годъ. Въ одной квартирѣ заболѣлъ дифтеритомъ сынъ г-жи С., четырехъ лѣтъ, и умеръ въ больницѣ. Относительно источника зараженія мать умершаго сообщила санитарному врачу слѣдующее. Живя на дачѣ въ Кусковѣ, С. купила у какой-то неизвѣстной ей женщины, съ которою случайно познакомилась на гуляньѣ, старое пальто для своего ребенка. Продавщица предупредила, что это пальто осталось у нея отъ ребенка, умершаго отъ дифтерита болѣе двухъ лѣтъ тому назадъ, но уговорила С. купить пальто, такъ какъ была увѣрена въ томъ, что оно достаточно провѣтрилось и уже не можетъ заразить другаго ребенка. По пріѣздѣ съ дачи на квартиру, спустя около мѣсяца, сынъ С., по наступленіи холодныхъ дней, надѣлъ купленное пальто и проходилъ въ немъ нѣсколько дней. Вслѣдъ за этимъ онъ заболѣлъ злокачественною формой дифтерита, отъ котораго и умеръ черезъ недѣлю. Такъ какъ ребенокъ былъ вскорѣ по заболѣваніи удаленъ въ больницу, всѣ вещи его сожжены, а самая квартира дезинфецирована, то вѣроятно вслѣдствіе этихъ мѣръ трое другихъ дѣтей г-жи С. не заболѣли дифтеритомъ, и болѣзнь ограничилась однимъ случаемъ.

Довольно интересный случай переноса дифтеритной заразы посредствомъ вещей упомянутъ въ одномъ изъ отчетовъ за тотъ же 1889 годъ. Въ квартирѣ одного портнаго, у котораго переболѣло дифтеритомъ трое дѣтей, была произведена дезинфекція. Но, какъ оказалось потомъ, во время дезинфекціи были скрыты двѣ подушки, на которыхъ спала нянька, ходившая за больными дѣтьми и клавшая ихъ иногда на свою кровать. Когда дѣти портнаго были отправлены въ больницу, нянька, захвативъ съ собой эти подушки, перешла на время къ своимъ роднымъ въ другой домъ, находящійся по сосѣдству. Вслѣдъ за этимъ въ семействѣ ея родныхъ заболѣли дифтеритомъ двое дѣтей.

Подобный же примѣръ сообщается въ отчетѣ того же врача за 1890 годъ. У одного торговца Б. заболѣла дифтеритомъ и умерла дѣвочка пяти лѣтъ. При посѣщеніи квартиры Б. санитарнымъ врачемъ были найдены больными еще двое старшихъ дѣтей. Больные были немедленно отправлены въ больницу, квартира же и вещи дезинфецированы. Спустя недѣлю было получено

извѣщеніе о заболѣваніи дифтеритомъ шестилѣтней дѣвочки въ семействѣ рабочаго К., жившаго въ одномъ изъ расположенныхъ по сосѣдству домовъ. При посѣщеніи квартиры К. санитарнымъ врачемъ найденъ еще одинъ больной дифтеритомъ ребенокъ, который тотчасъ же былъ отправленъ въ больницу. При этомъ изъ разспросовъ удалось узнать, что заболѣвшая первою дѣвочка предъ заболѣваніемъ носила пальто, принадлежавшее раньше упомянутой выше пятилѣтней дочери Б., которая умерла отъ дифтерита. Оказалось, что пальто это скрыли во время производства дезинфекціи у Б. и затѣмъ подарили его въ семейство К. Такимъ образомъ, можно думать, что заболѣванія дифтеритомъ дѣтей К. произошли благодаря подарку.

По этому поводу, кстати, нужно замѣтить, что въ Москвѣ во многихъ семьяхъ держится гибельный обычай раздавать вещи послѣ умершихъ дѣтей (даже болѣвшихъ заразными болѣзнями) нищимъ. И вотъ такія вещи, носящія въ себѣ иногда весьма стойкое заразное начало дифтерита, продаются по большей части на толкучемъ рынкѣ, а оттуда, часто въ обновленномъ видѣ и передѣланныя, попадаютъ въ какую-либо другую семью и заносятъ туда дифтеритъ. Прослѣдить подобные пути занесенія заразы иногда чрезвычайно трудно, а они могутъ быть безконечно разнообразны и часто порождаютъ недоумѣніе, откуда взялась болѣзнь въ семью, которая, повидимому, не имѣла рѣшительно никакихъ сношеній съ заразными больными. [1]

Въ противоположность приведеннымъ случаямъ бываетъ иногда, что дифтеритъ ограничивается единичными заболѣваніями тамъ, гдѣ, казалось бы, существуютъ всѣ условія для его распространенія въ видѣ квартирной или домовой эпидеміи. Въ одномъ изъ отчетовъ санитарныхъ врачей приведено наблюденіе относительно густо населеннаго дома, отличающагося вообще довольно

[1] Какъ примѣръ возможности передачи заразы иногда совершенно неожиданнымъ путемъ, приведу слѣдующій случай. При осмотрѣ одного изъ ночлежныхъ домовъ Хитрова рынка я видѣлъ прекрасно сдѣланную модель парохода и стоящаго на скалѣ маяка. Произведеніе это принадлежало одному изъ ночлежниковъ, отставному матросу. Скала, на которой стоялъ маякъ, была сдѣлана изъ грязной тряпки, искусно натянутой на деревянныхъ палочкахъ. Подъ слоемъ клея, песку и мха эта тряпка должна была принять видъ краснаго утеса. Оказалось, что этотъ матросъ, живя въ ночлежныхъ домахъ, занимался производствомъ такихъ игрушекъ и сбывалъ ихъ куда-то за довольно порядочную цѣну. Можно съ большою вѣроятностью предположить, что подобными вещами можетъ передаваться какая-либо заразная болѣзнь.

значительнымъ количествомъ заразныхъ заболѣваній и занятаго коечными и каморочными квартирами. Въ трехъ разныхъ флигеляхъ этого дома почти одновременно было три смертные случая отъ дифтерита, по одному въ каждомъ флигелѣ. Несмотря на скученное и грязно живущее, съ большимъ количествомъ дѣтей разныхъ возрастовъ, населеніе этихъ флигелей, упомянутые случаи такъ и остались единичными и не повлекли за собою новыхъ заболѣваній. Одинъ изъ санитарныхъ врачей пишетъ, что ему нерѣдко приходилось видѣть единичные случаи заболѣванія въ семействахъ, гдѣ всѣ условія для зараженія были въ высшей степени благопріятны (нѣсколько дѣтей въ одной комнатѣ спятъ на одной кровати, въ тѣсной и грязной обстановкѣ), и, наоборотъ, въ семействахъ, сравнительно хорошо живущихъ, дифтеритъ почти сразу, въ два—три дня, поражаетъ нѣсколькихъ членовъ семейства и также быстро уноситъ въ могилу всѣхъ пораженныхъ имъ больныхъ. Въ одномъ изъ отчетовъ мы находимъ еще слѣдующее наблюденіе надъ домомъ, гдѣ было четыре случая дифтерита. Всѣ эти заболѣванія были въ разныхъ квартирахъ и въ различное время: въ январѣ, іюлѣ, августѣ и декабрѣ. Несмотря на невозможную неопрятность дома, скученность населенія, огромное количество дѣтей, все-таки при четырехкратномъ возникновеніи въ разныхъ квартирахъ и въ разное время дифтеритъ не распространялся, и заболѣванія ограничивались отдѣльными случаями.

Я выбралъ нѣсколько интересныхъ примѣровъ относительно распространенія дифтерита именно потому, что эта болѣзнь по условіямъ своего возникновенія представляетъ, особенно на первый взглядъ, чрезвычайно много страннаго. Эти уклоненія въ ходѣ заразныхъ болѣзней встрѣчаются, конечно, при всевозможныхъ формахъ ихъ, но дифтеритъ въ этомъ отношеніи особенно поучителенъ. Весьма сильная его заразительность несомнѣнна, и разъ видѣвшій, какъ эта болѣзнь иногда быстро убиваетъ въ семьѣ одного ребенка за другимъ, никогда этого не забудетъ. Съ другой стороны, мы видимъ, что дѣти, по условіямъ жизненной обстановки, казалось бы, не имѣющія никакой возможности избѣгнуть зараженія, остаются здоровыми. Эти противорѣчивыя явленія служатъ причиной того, что взгляды на заразительность дифтерита не только среди населенія вообще, но отчасти даже у самихъ врачей, бываютъ совершенно неправильны. Между тѣмъ условія распространенія заразнаго начала до того

многочисленны и разнообразны, что изученіе ихъ представляетъ весьма большія трудности. Весьма важнымъ среди этихъ условій является условіе воспріимчивости. Въ организмѣ человѣка несомнѣнно лежитъ способность борьбы, способность сопротивленія постоянно вступающимъ въ него заразнымъ началамъ самаго разнообразнаго характера. Безъ этой способности человѣкъ былъ бы столь мало охраненъ внѣшними условіями жизни отъ зараженія, что всякое отдѣльно возникшее заразное заболѣваніе неизбѣжно развивалось бы въ цѣлую эпидемію. Тѣмъ не менѣе, условія воспріимчивости, несмотря на всю ихъ несомнѣнность, почти не поддаются изученію въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ. Кромѣ того, самыя условія жизни, жизненной обстановки требуютъ весьма тщательнаго разсмотрѣнія, чтобы сколько-нибудь въ нихъ разобраться и выяснить причины того или другаго хода заразной болѣзни въ какой-либо квартирѣ или домѣ.

Ограничусь въ этомъ случаѣ однимъ примѣромъ изъ вышеприведеннаго. Мы видѣли, что въ однѣхъ квартирахъ, со скученнымъ до крайности, бѣдно и грязно живущимъ населеніемъ дифтеритъ иногда ограничивается отдѣльными случаями, между тѣмъ какъ въ хорошихъ, слѣдовательно чистыхъ, свѣтлыхъ и относительно просторныхъ квартирахъ онъ поражаетъ многихъ. Не говоря даже о возможности различной воспріимчивости, которая, къ тому же, должна быть болѣе развита у дѣтей бѣднаго населенія, среди различныхъ возможностей объясненія вышеупомянутыхъ случаевъ можетъ быть принято во вниманіе, напримѣръ, слѣдующее обстоятельство. Дѣти, живущія въ тѣсныхъ и бѣдныхъ квартирахъ, весьма часто проводятъ въ нихъ только ночь, весь же день они или на дворѣ, или на улицѣ. Дѣти же, живущія въ сравнительно прекрасныхъ квартирахъ, сидятъ въ нихъ,—какъ это бываетъ, къ сожалѣнію, слишкомъ часто,—взаперти по цѣлымъ днямъ, особенно въ холодное время года, когда страхъ простуды не даетъ покоя ихъ родителямъ. Поистинѣ иногда бываетъ трудно оцѣнить, въ какомъ изъ этихъ случаевъ санитарная обстановка дѣтей, въ цѣломъ, должна считаться лучшею. Жизнь населенія каждаго дома и каждой квартиры, жизнь всякой отдѣльной семьи такъ сложна, что разобрать и взвѣсить всѣ ея гигіеническія условія представляется задачей весьма трудною. Поэтому-то дѣлать какіе-либо выводы изъ отдѣльныхъ, часто противорѣчивыхъ фактовъ, какъ это бываетъ нерѣдко, совершенно невозможно.

Изъ сказаннаго видно, и это несомнѣнно подтверждается отчетами санитарныхъ врачей, что этимъ послѣднимъ, вмѣстѣ съ принятіемъ тѣхъ или другихъ мѣръ, постоянно приходится изучать въ то же время многообразныя условія распространенія заразныхъ болѣзней и привлекать населеніе къ помощи и въ томъ, и въ другомъ отношеніяхъ. Дѣятельная и наиболѣе плодотворная работа возможна лишь при этомъ послѣднемъ условіи.

Разсмотримъ теперь еще нѣкоторые примѣры изъ отчетовъ санитарныхъ врачей относительно распространенія скарлатины. Эти примѣры также могутъ послужить иллюстраціей къ вышеизложенному.

Сильная заразительность скарлатины и легкая ея передача отъ одного лица другому подтверждаются множествомъ наблюденій санитарныхъ врачей. Нужно сказать, что борьба съ этою болѣзнью вообще чрезвычайно затруднительна, главными причинами чего служатъ, между прочимъ, долгій періодъ заразительности, свойство ея протекать довольно часто въ легкихъ формахъ и, наконецъ, весьма распространенное домашнее лѣченіе заболѣвшихъ, зачастую безо всякихъ предосторожностей относительно здоровыхъ еще дѣтей. Интересныя наблюденія относительно домовой эпидеміи скарлатины заключаются въ одномъ изъ отчетовъ санитарныхъ врачей за 1889 годъ. „Въ одномъ расположенномъ въ центрѣ города домѣ, въ коечной квартирѣ заболѣло четверо изъ пятерыхъ живущихъ въ ней дѣтей. По всей вѣроятности, болѣлъ скарлатиной и пятый ребенокъ, но больной въ теченіе всей своей болѣзни оставался безъ медицинской помощи и все время пробылъ въ тѣсной обстановкѣ каморочной квартиры; отъ этого-то больнаго одинъ за другимъ заразилось и все остальное дѣтское населеніе квартиры, но такъ какъ родители ихъ полагали, что дѣти больны корью, то и не считали нужнымъ обращаться ко врачу за помощью. Объ этихъ заболѣваніяхъ мы узнали уже тогда, когда у двухъ больныхъ дѣтей развился скарлатинный нефритъ и родители рѣшили, наконецъ, обратиться за помощью въ амбулаторію больницы Св. Ольги, откуда уже мы и получили увѣдомленіе о заболѣваніяхъ въ самый разгаръ скарлатинной эпидеміи въ квартирѣ. Подобный же случай былъ и въ другомъ домѣ, въ частной квартирѣ одного приказчика: здѣсь родители, также считая появившуюся у ребенка сыпь за коревую, не нашли нужнымъ обращаться за помощью ко врачу и изолировать другихъ здоровыхъ дѣтей отъ больнаго,

вслѣдствіе чего и заразились почти всѣ дѣти въ семьѣ, и только все ухудшавшееся состояніе здоровья больныхъ заставило ихъ искать медицинской помощи, то-есть уже тогда, когда заразное начало поразило всѣхъ лицъ, предрасположенныхъ къ заболѣванію скарлатиной. Нужно замѣтить, что какъ приведенные случаи, такъ и сдѣланныя нами личныя наблюденія даютъ возможность допустить, что при легкихъ формахъ скарлатинозныхъ заболѣваній часто родители не придаютъ имъ серьезнаго значенія и даже не обращаются за медицинскою помощью; подобное отношеніе намъ пришлось встрѣчать не только среди семействъ бѣдныхъ, или семействъ рабочаго класса населенія, гдѣ часто мать, занятая работой, не можетъ обращать строгое вниманіе на здоровье своихъ дѣтей, но и въ семействахъ лицъ болѣе или менѣе обезпеченныхъ, гдѣ, слѣдовательно, могутъ быть всегда приняты мѣры для охраненія здоровья дѣтскаго населенія; такой, напримѣръ, случай мы наблюдали въ одномъ семействѣ, гдѣ родители, въ виду легкой формы скарлатины, не считали нужнымъ отдѣлять здоровыхъ дѣтей отъ больныхъ, причемъ одинъ изъ сыновей посѣщалъ даже при началѣ заболѣванія скарлатиной городскую школу, въ которой уже училищный врачъ опредѣлилъ форму заболѣванія ученика и далъ намъ указанія о мѣстѣ нахожденія сказаннаго гнѣзда болѣзни, гнѣзда, которое до этого времени намъ вовсе не было извѣстно. Мы приводимъ всѣ эти примѣры потому, что, какъ намъ кажется, здѣсь мы можемъ найти хотя нѣкоторое объясненіе тому факту, что въ борьбѣ со скарлатиной намъ не удается значительно понизить число заболѣвающихъ ею дѣтей въ нашемъ санитарномъ районѣ: вѣдь при сказанныхъ условіяхъ, само собою понятно, всегда поддерживается источникъ, распространяющій заразу по городу.“

„Борьба со скарлатиной“, пишетъ другой изъ санитарныхъ врачей, „подчасъ представляетъ непреодолимыя препятствія. Причины трудности борьбы заключаются прежде всего въ трудности изоляціи такихъ больныхъ. Большинство карточекъ о больныхъ скарлатиной получается не изъ больницъ, а отъ вольнопрактикующихъ врачей и изъ лѣчебницъ. Слѣдовательно, большинство больныхъ скарлатиной лѣчится на квартирѣ. Люди несостоятельные обращаются съ такими больными въ амбулаторіи. Съ большою вѣроятностью можно предположить, что больные скарлатиной заражаютъ въ лѣчебницахъ дѣтей, пришедшихъ на врачебный совѣтъ съ другими болѣзнями. Семейства, обладающія

хотя маленькимъ достаткомъ, обыкновенно приглашаютъ къ больному ребенку врача или фельдшера, которые за все время болѣзни навѣщаютъ больнаго разъ или два, по большей части въ началѣ болѣзни. Въ больницы помѣщаютъ дѣтей очень неохотно... Обыкновенно мать не желаетъ разставаться съ больнымъ ребенкомъ и желаетъ сама ухаживать за нимъ... Положивъ ребенка въ больницу, мать не можетъ часто навѣщать его,—для этого требуется довольно много времени, которое нужно для ухода за другими дѣтьми и хлопотъ по хозяйству... Большинство больныхъ скарлатиной дѣтей лѣчится въ семьяхъ,—это несомнѣнный фактъ, съ которымъ намъ приходится считаться. При обыкновенной семейной обстановкѣ изоляція больнаго отъ здоровыхъ дѣтей той же семьи, а также и отъ дѣтей другихъ, сосѣднихъ квартиръ, при самомъ добросовѣстномъ отношеніи представляется дѣломъ очень труднымъ, а подчасъ и совершенно невозможнымъ. Вотъ почему даже въ богатыхъ семьяхъ, располагающихъ и отдѣльными помѣщеніями, и особою прислугой, скарлатина часто поражаетъ всѣхъ дѣтей, несмотря на предпринятую изоляцію. Второе условіе, затрудняющее борьбу противъ распространенія скарлатины, заключается въ продолжительности періода шелушенія, въ продолженіе котораго надо считать больнаго способнымъ передавать заразу окружающимъ. При невозможности изолировать больныхъ дѣтей отъ здоровыхъ въ больницѣ, санитарному врачу остается одно раціональное средство борьбы противъ распространенія скарлатины: распространеніе среди населенія, то-есть между родственниками больнаго, ихъ сосѣдями, истинныхъ понятій о свойствахъ скарлатины, какъ болѣзни очень заразительной. Приходится объяснять родственникамъ, что отъ легкихъ, невинныхъ, повидимому, заболѣваній скарлатиной могутъ быть тяжкія послѣдствія для заболѣвшаго, и могутъ заразиться тяжелою формой скарлатины здоровыя дѣти; что больной скарлатиной ребенокъ можетъ заражать здоровыхъ до окончанія періода шелушенія, то-есть въ продолженіе шести недѣль [1] отъ начала заболѣванія. Если населеніе будетъ имѣть правильное понятіе о скарлатинѣ, будетъ бояться заразиться ею, я думаю, оно само для себя скорѣе найдетъ средства и способы изоляціи больныхъ дѣтей; для санитарнаго врача, который

[1] Зачастую заразительный періодъ скарлатины продолжается и болѣе шести недѣль.

только случайно знакомится съ жизнью данной семьи, пріискивать подходящую для всякаго случая изоляцію представляется дѣломъ почти невозможнымъ."

Въ приведенныхъ мѣстахъ изъ отчетовъ санитарныхъ врачей, по моему мнѣнію, весьма рельефно выражены трудныя условія борьбы со скарлатиной, столь распространенною среди дѣтскаго населенія болѣзнью. При ближайшемъ разсмотрѣніи гнѣздъ скарлатины, по словамъ одного изъ санитарныхъ врачей, „нельзя не замѣтить, что по большей части они развивались въ семействахъ, живущихъ сравнительно въ болѣе благопріятныхъ санитарныхъ условіяхъ и принадлежащихъ къ сравнительно обезпеченному классу (купцы, чиновники, служащіе и т. д.). Объясняется это явленіе тѣмъ обстоятельствомъ, что болѣе зажиточные люди обыкновенно лѣчатъ своихъ дѣтей дома. Стóитъ въ такой семьѣ заболѣть одному ребенку, какъ быстро начинаютъ заболѣвать и остальные, заражая одинъ другаго. Практикуемое обыкновенно въ такихъ случаяхъ удаленіе здоровыхъ дѣтей въ другіе дома не всегда помогаетъ дѣлу, такъ какъ удаляемый, на видъ здоровый ребенокъ, нерѣдко находится уже въ періодѣ инкубаціи болѣзни, и этотъ обычай, въ свою очередь, служитъ новымъ источникомъ распространенія болѣзни, такъ какъ ребенокъ, выдѣленный изъ зараженной семьи, можетъ-быть и дѣйствительно бываетъ источникомъ зараженія для того семейства, въ которое онъ былъ удаленъ изоляціи ради. Нечего и говорить, что въ такихъ случаяхъ всякія санитарныя мѣропріятія ни къ чему не ведутъ. Среди недостаточныхъ классовъ число наблюдавшихся „гнѣздъ" было нѣсколько меньше, и понятно почему. Обыкновенно о заболѣваніи здѣсь получается карточка или уже изъ больницы, когда, значитъ, родители сами поспѣшили по тѣмъ или другимъ причинамъ отправить больнаго въ больницу, или, что̀ рѣже, изъ какой-либо амбулаторіи, или же отъ практикующаго врача съ помѣткой, что „участіе санитарнаго врача нужно". Разъ получена та или иная карточка, санитарный врачъ отправляется въ квартиру заболѣвшаго и дѣлаетъ, конечно, все возможное съ цѣлью воспрепятствовать дальнѣйшему распространенію болѣзни. Правда, и здѣсь приходилось иногда наталкиваться на упрямое нежеланіе отправить заболѣвшаго въ больницу, или прибыть на квартиру слишкомъ поздно, когда успѣли уже заразиться болѣзнью и другіе члены семьи. Вообще говоря, такіе случаи были не часты".

Упомянутыя уже легкія формы заболѣванія скарлатиной, какъ оказывается изъ отчетовъ санитарныхъ врачей, и служатъ главнымъ образомъ источникомъ распространенія заразы. „Мнѣ неоднократно приходилось видѣть“, пишетъ одинъ изъ санитарныхъ врачей, „ребенка въ періодѣ шелушенія, играющаго на дворѣ съ другими здоровыми дѣтьми. Понятно, что при такихъ легкихъ формахъ, подчасъ ускользающихъ даже отъ вниманія родителей, невозможно и мечтать о какой бы то ни было изоляціи, не говоря уже объ эвакуаціи въ больницу. Понятно также, что эти легкія формы будутъ всегда служить непобѣдимою преградой въ борьбѣ съ распространеніемъ скарлатины, особенно среди воспитанниковъ школъ.“

Какъ иллюстрацію къ сказанному, тотъ же врачъ приводитъ два случая изъ практики врачей городскихъ училищъ. Одинъ изъ нихъ при посѣщеніи одной школы случайно открылъ слѣды шелушенія у ученика С. Когда санитарный врачъ посѣтилъ квартиру этого ученика, онъ нашелъ четырехъ больныхъ скарлатиной, изъ которыхъ сестра С., ученица также одной изъ городскихъ школъ, не переставала посѣщать школу въ теченіе всей своей болѣзни. Въ другомъ случаѣ одну ученицу, также случайно открытую, какъ больную скарлатиной, училищнымъ врачемъ, санитарный врачъ при двукратномъ посѣщеніи ея квартиры не могъ найти дома: одинъ разъ она пошла вмѣстѣ со своею матерью въ церковь, въ другой разъ—въ гости.

Вообще школы, особенно при легкихъ случаяхъ скарлатины служатъ, повидимому, весьма частымъ источникомъ зараженій. Въ участкѣ одного изъ санитарныхъ врачей (въ 1887 году), въ мѣстности, прилегающей къ одному училищу, особенно стали учащаться случаи скарлатины. Изъ разспросовъ выяснилось, что дѣти заражались въ этомъ училищѣ. Когда, по совѣту санитарнаго врача, училище было закрыто на недѣлю и затѣмъ дезинфецировано, заболѣванія скарлатиной въ этой мѣстности уменьшились.

Въ заключеніе о скарлатинѣ нужно сказать, что, какъ видно изъ опыта санитарныхъ врачей, заразительный періодъ ея продолжается иногда и далѣе общепринятаго шестинедѣльнаго срока, что, само собою понятно, значительно увеличиваетъ возможность зараженія. На это указываетъ слѣдующій случай изъ отчета одного санитарнаго врача.

„Насколько важна эвакуація дѣтей въ больницу при этой

болѣзни, очень ярко доказываетъ эпидемія въ одномъ домѣ, гдѣ скарлатина проникла въ три смежныя другъ съ другомъ квартиры. Первый заболѣвшій пролежалъ въ квартирѣ три дня, вслѣдствіе чего, благодаря постояннымъ сношеніямъ дѣтей другъ съ другомъ, заболѣваніе перешло на другаго ребенка той же квартиры, а потомъ и на ребенка частнаго повѣреннаго Ж., въ квартирѣ того же этажа, и на ребенка живописца И., въ верхнемъ этажѣ. Всѣ дѣти были отправлены въ больницу, откуда спустя шесть недѣль были взяты родителями, вопреки совѣту докторовъ больницы, съ ничтожными слѣдами шелушенія на ногахъ, чего, впрочемъ, было достаточно, чтобы заразить еще двухъ дѣтей. Фактъ очень важный въ смыслѣ необходимости выдерживать дѣтей вплоть до полнаго окончанія шелушенія, а не руководствоваться шаблоннымъ шестинедѣльнымъ срокомъ."

Ограничиваясь приведенными примѣрами изъ отчетовъ санитарныхъ врачей, я долженъ сказать, что воспользовался лишь весьма немногимъ изъ обширнаго заключающагося въ нихъ матеріала. Я не имѣлъ цѣлью сколько-нибудь подробное и систематическое изложеніе дѣятельности санитарнаго надзора въ Москвѣ, какъ говорилъ уже объ этомъ раньше, но хотѣлъ только указать на нѣкоторые факты, могущіе, по моему мнѣнію, возбудить въ читателяхъ интересъ относительно многосложнаго и труднаго дѣла борьбы съ распространеніемъ острыхъ заразныхъ заболѣваній въ такомъ большомъ городѣ, какъ Москва. Въ видѣ примѣровъ были мною взяты, съ одной стороны, сыпной тифъ, а съ другой—дифтеритъ и скарлатина. Эти три болѣзни до нѣкоторой степени могутъ служить типичными представителями въ области дѣятельности санитарнаго надзора. Борьба съ сыпнымъ тифомъ, когда онъ развивается даже въ сильныя эпидеміи, имѣетъ болѣе опредѣленный характеръ, ибо намъ извѣстны уже многія свойства этой болѣзни, играющія большую роль при ея распространеніи. Мы знаемъ тѣ жилища и то населеніе, гдѣ преимущественно развивается сыпной тифъ при своемъ появленіи въ городѣ,—что и заставило меня подробнѣе изложить заболѣванія имъ въ ночлежныхъ домахъ,—и хотя не можемъ по большей части улучшить условія жизни населенія, но все-таки находимъ достаточное количество выработанныхъ опытомъ указаній, чтобы дѣйствовать по опредѣленному плану. Если мѣропріятія противъ сыпнаго тифа иногда и не сопровождаются быстрымъ успѣхомъ, то мы такъ или иначе можемъ отдать себѣ отчетъ въ томъ, что

было причиной этого. Совсѣмъ другое дѣло при скарлатинѣ и дифтеритѣ. Здѣсь мы никогда почти не въ состояніи предусмотрѣть, куда намъ придется направить свою дѣятельность, что̀ часто такъ хорошо удается при сыпномъ тифѣ. Скарлатина и дифтеритъ бываютъ сплошь и рядомъ такъ разсѣяны по различнымъ частямъ, домамъ и квартирамъ города, проявляются при столь разнообразныхъ условіяхъ жизни и обстановки, что невозможно бываетъ составить себѣ сколько-нибудь опредѣленнаго понятія о ходѣ этихъ болѣзней въ городѣ. Поражая и богатыя, и бѣдныя жилища, проявляясь иногда въ одно и то же время то въ злокачественныхъ формахъ, уносящихъ въ могилы по нѣскольку дѣтей въ одной семьѣ, то въ легкихъ, часто едва замѣчаемыхъ, имѣя чрезвычайно стойкія и долго сохраняющія свою силу заразныя начала,—скарлатина и дифтеритъ представляются болѣзнями, требующими самаго тщательнаго изученія относительно распространенія ихъ въ городахъ и вообще въ мѣстахъ населенныхъ. Изученіе это даетъ намъ новыя средства борьбы, даетъ намъ болѣе правильные взгляды на эти болѣзни, являющіяся грознымъ призракомъ для всякой семьи.

А. Петровскій.

РОЗА ЦЕТИНЬИ.

Романъ Е. Вальдъ-Зедвица.

(Переводъ съ нѣмецкаго.)

VII.

На слѣдующій день Гиги и Габріелла были помолвлены. принцесса утонала въ морѣ блаженства, Флагіолетто не могъ сдержать своихъ слезъ.

— Добрый Шарренштейнъ долженъ узнать это прежде всѣхъ. сказала принцесса.

— Да, конечно, воскликнула Габріелла, и необычная рѣзкость прозвучала въ ея голосѣ.

— Флагіолетто, сходи къ нему и скажи ему, сказалъ Гиги.

— Развѣ онъ сегодня не будетъ обѣдать у насъ?

— Конечно,—и старикъ дворецкій отправленъ былъ пригласить художника. Черезъ полчаса Іоганнъ узналъ о приглашеніи и о радостномъ событіи. Неподвижно выслушалъ онъ извѣстіе и на минуту забылъ повидимому, что надо выразить свою радость по этому поводу и дать отвѣтъ на приглашеніе.

Флагіолетто удивленный все еще стоялъ противъ него, а Іоганнъ совершенно позабылъ объ его присутствіи, наконецъ тотъ напомнилъ о себѣ кашлемъ.

— Да, конечно, приду, сказалъ наконецъ Шарренштейнъ.

Вдругъ онъ сталъ напѣвать:

Приду я ко Бринли,
Но пить я не стану,
Приду я ко Бринли,
Но пить я не стану.

— Ха, ха, зачѣмъ же мнѣ пить, Флагіолетто, кто же станетъ пить, когда... когда у него нѣтъ жажды. Адіо старикъ, я приду и мы отпразднуемъ веселую помолвку.

Флагіолетто не зналъ, что̀ сказать, поклонился и поспѣшилъ домой накрывать столъ для торжественной помолвки.

Когда дверь за нимъ затворилась, Іоганнъ одно мгновеніе оставался недвиженъ. Потомъ онъ обернулся охваченный внезапною мыслью, открылъ сундуки и ящики, и всѣ вещи побросалъ туда; самое необходимое бѣлье и платье онъ положилъ въ дорожный мѣшокъ, оставивъ все остальное своей хозяйкѣ, и отправился на поѣздъ, идущій въ Удине.

Принчипесса одѣлась очень нарядно.

Габріелла сіяла въ блѣдноголубомъ платьѣ, отдѣланномъ кружевами съ кровавокрасными гранатами, приколотыми на груди.

Обѣдали въ шесть часовъ, стрѣлка ушла уже значительно дальше, Іоганнъ все еще не показывался.

Поваръ велѣлъ сказать, что онъ не можетъ уже не передержать кушаній. И принчипесса объявила нѣсколько недовольная, что пора садиться; Габріелла насмѣшливо улыбнулась, зная, что Шарренштейнъ не придетъ.

Сѣли обѣдать; мѣсто возлѣ хозяйки осталось пустымъ.

Флагіолетто принесъ тяжелую серебряную миску, а въ стаканахъ искрилось душистое неаполитанское вино, когда вошелъ слуга и доложилъ о пріѣздѣ Іесто Пресаевича.

Гиги радостно вскочилъ встрѣтить пріятеля. Пріѣздъ его являлся какъ нельзя болѣе кстати и казался единственнымъ средствомъ разогнать тяжелое настроеніе, охватившее семейство Анджело.

Іесто вошелъ; онъ имѣлъ видъ человѣка явившагося изъ другаго міра среди повседневной жизни; это зависѣло не отъ пестрой черногорской одежды, которая заставляла его казаться особенно своеобразнымъ и привлекательнымъ, хотя одежда эта еще больше выдвигала его наружность, — его высокій ростъ, крѣпкое сложеніе а удивительно глубокіе черные глаза привлекли бы вниманіе даже въ томъ случаѣ, еслибъ онъ былъ одѣтъ въ статское платье.

— Здравствуй, Іесто, другъ и братъ мой, вотъ моя мать, о которой я тебѣ разсказывалъ, а вотъ моя кузина, графиня Габріелла-ди-Анджело, съ сегодняшняго дня моя невѣста.

Взоры графини и молодаго Черногорца встрѣтились, разошлись и снова встрѣтились, въ нихъ промелькнуло удивленіе. Принчипесса протянула руку гостю, а онъ поднесъ ее къ губамъ, съ пріемомъ свѣтскаго человѣка.

— Сердечно рада васъ видѣть, Іесто Пресаевичъ, и привѣтствовать васъ, друга моего сына.

Черногорецъ поклонился.

— Я знаю, княгиня, какая мать у Гиги.

Габріелла также протянула ему руку, но на этотъ разъ движенія ея не были такъ увѣренны, какъ обыкновенно. Іесто пожалъ эту руку такъ сильно, что сдѣлалъ ей больно, Гиги засмѣялся.

— Ты не отвыкъ отъ честнаго рукопожатія, Іесто Пресаевичъ?

— Мы, Черногорцы, ничего не забываемъ и ничему не разучиваемся, отвѣчалъ тотъ.

Габріеллѣ казалось, что тотъ, кто разъ услышалъ этотъ голосъ, его уже никогда не забудетъ. Какъ будто чистый, полный звукъ колокола шелъ изъ этой мужественной груди, и ей хотѣлось скорѣе снова услышать его.

— Обо мнѣ мой кузенъ вамъ кажется ничего не разсказывалъ, обратилась она къ нему полусерьезно, полушутя.

— Онъ не говорилъ мнѣ, что у него есть такая прекрасная кузина, отвѣчалъ Іесто, глядя на нее широко раскрытыми глазами.

Эта двойная откровенность страннымъ образомъ подѣйствовала на графиню, которая мелькомъ взглянула на Гиги и кокетливо замѣтила:

— Выходитъ, что ты не долженъ бы мнѣ представлять твоихъ слишкомъ откровенныхъ друзей. Въ самомъ дѣлѣ, синьоръ Пресаевичъ, онъ никогда не говорилъ вамъ обо мнѣ?

— Я всегда говорю совершенную правду, графиня, отвѣчалъ Черногорецъ. При этомъ проницательный взоръ его остановился на ея лицѣ, какъ будто онъ хотѣлъ сказать этимъ, что и вторая часть фразы о красотѣ ея была его глубочайшимъ убѣжденіемъ. Тонкая натура Габріеллы поняла этотъ взглядъ, она выдержала его и на него отвѣчала. Принчипесса съ нѣкоторымъ безпокойствомъ попыталась навести гостя на другой разговоръ.

Слуги молча мѣняли серебряныя тарелки. У Іесто на лицѣ не было и слѣдовъ удивленія окружавшею его роскошью. Габріелла замѣтила это про себя и была этимъ нѣсколько удивлена. Столъ,

обстановка принчипессы, изысканная роскошь, царившая здѣсь, были, конечно, очень далеки отъ той простоты, въ которой Іесто Пресаевичъ выросъ дома. Но этотъ сынъ Черной Горы ѣлъ, пилъ, разговаривалъ и держалъ себя, какъ опытный свѣтскій человѣкъ, онъ казался ей загадкой, достойной разрѣшенія.

— Давно ли вы изъ дому, спиьоръ Пресаевичъ?

— Я былъ въ Парижѣ съ пятнадцати лѣтъ, графиня.

Долгое время: почти довольно, чтобы позабыть свою родину.

Іесто на минуту потупился, потомъ взглянулъ на Габріеллу.

— У Черногорцевъ любовь къ родинѣ вѣроятно глубже, чѣмъ у другихъ людей: неопредѣленное стремленіе всегда влечетъ ихъ къ своимъ горамъ. Но они благодарны, они не забываютъ то прекрасное, что встрѣчали внѣ ихъ, и уносятъ воспоминанія о немъ на свою суровую родину.

Голосъ его звучалъ мягко и слова текли легко. Габріеллѣ казался онъ музыкой и она покраснѣла при мысли, что воспоминанія о ней онъ также унесетъ въ свои родныя горы. Никогда въ жизни еще не чувствовала она того впечатлѣнія, которое охватило ее въ присутствіи Черногорца.

Она почти позабыла о женихѣ, сидѣвшемъ съ нею рядомъ, и когда принчипесса выразила удивленіе, что Шарренштейнъ не пришелъ, не подалъ признака жизни и не извинился, ей трудно было ясно припомнить его образъ. Шампанское искрилось, принчипесса подняла бокалъ и пригласила Іесто выпить съ нею за здравіе обрученныхъ. Пресаевичъ сдѣлалъ это, хотя рука его немного дрожала.

Принчипесса встала изъ-за стола, когда начинало уже смеркаться и вышла на веранду; закурили папиросы, Габріелла тоже курила и пускала голубыя кольца въ душистый, вечерній воздухъ.

— Я безпокоюсь о Шарренштейнѣ, обратилась принчипесса къ своему сыну,—только что-нибудь необыкновенное могло заставить его быть невидимому столь невѣжливымъ.

Пока Гиги задумчиво посмотрѣлъ въ свою чашку, Габріелла замѣтила, смѣясь:

— Но, милая тетя, подумай, вѣдь ты его знаешь, ты знаешь, что онъ чудакъ, къ такимъ людямъ надо относиться иначе, чѣмъ къ остальнымъ.

Принчипесса все-таки не могла успокоиться и выразила намѣреніе послать слугу, чтобъ освѣдомиться о немъ. Гиги поспѣшно выпилъ свой кофе.

— Позволь, мама, я лучше отправлюсь самъ.

— Но Гиги... возразила она, бросая многозначительный взглядъ на свою племянницу.

— Габріелла позволитъ мнѣ это и не потребуетъ, чтобы женихъ забылъ, чѣмъ онъ обязанъ другу, неправда ли, ma belle?

— Конечно, тетя, я никогда не простила бы себѣ, еслибы стѣснила личную свободу Гиги; онъ тогда съ полнымъ правомъ могъ бы имѣть претензію на то же самое. Обоюдная личная свобода, по моему мнѣнію, первое и главное условіе счастливаго брака.

— Это совершенно мое мнѣніе, воскликнулъ Гиги не безъ легкой иронін, поцѣловалъ ея руку и вышелъ.

По той поспѣшности, съ которою онъ это сдѣлалъ, можно было заключить, что онъ хотѣлъ освободиться отъ царившаго здѣсь угнетеннаго настроенія; принчипесса съ неудовольствіемъ покачала головой, но не помѣшала ему. Габріелла гордо откинулась въ своей качалкѣ, и ея волосы, какъ золотыя змѣи, разсыпались на обнаженныхъ плечахъ, причемъ голубой дымокъ папироски сталъ вылетать быстрѣе.

Іесто Пресаевичъ посмотрѣлъ вслѣдъ уходящему Гиги, потомъ на принчипессу, и наконецъ взоры его остановились на Габріеллѣ; ей не легко было спокойно выдержать ихъ.

— Что вы думаете объ обоюдной свободѣ въ бракѣ, Іесто Пресаевичъ? вдругъ сказала она нѣсколько вызывающе, сильнѣе раскачивая свое кресло, такъ что нога ея стала видиѣе. Нога эта повидимому особенно привлекала вниманіе Черногорца, такъ какъ онъ. не отвѣчая, упорно смотрѣлъ на нее.

— Но, дитя мое, помилуй, кто же дѣлаетъ такіе вопросы, воскликнула принчипесса, встала и отошла, чтобъ убѣдиться дѣйствительно ли ушелъ Гиги.

На югѣ переходъ отъ дня къ ночи совершается быстрѣе, чѣмъ на разсудительномъ сѣверѣ; какъ людскія настроенія и страсти такъ и явленія природы чередуются тамъ болѣе непосредственно. Едва померкъ дневной свѣтъ, какъ ночная завѣса окутала цвѣтущій и благоухающій садъ.

Габріелла поспѣшно встала, обмахиваясь вѣеромъ, она тяжело дышала.

— Мнѣ кажется здѣсь на верандѣ воздухъ какой-то душный, пройдемтесь по саду.

Она накинула кружево на голову. Флагіолетто зажегъ лампы и

Іесто увидалъ, какъ сквозь кружево сквозила мраморная бѣлизна ея шеи и плечъ. Не дожидаясь отвѣта гостя, слѣдовавшаго за нею, она вышла.

— Что вы дѣлаете въ Парижѣ?

— Я учился тамъ, отвѣчалъ онъ.

— Да? чему же вы учились?

— Очень многому изъ того, чѣмъ, надѣюсь, я буду полезенъ моей родинѣ.

— И вы не попытались усвоить себѣ чего-нибудь, что могло бы принести пользу вамъ самимъ?

— Да, графиня, польза моего отечества есть и моя собственная.

— И что же это такое?

— Философія.

Габріелла остановилась изумленная, было слишкомъ темно, чтобы разобрать выраженіе ея лица.

— Философія? И вы думаете, что именно это будетъ удовлетворять васъ въ вашей дикой, горной странѣ?

Она шла уже дальше, но на этотъ разъ остановился Іесто.

— Философія есть такая наука, которая каждаго и вездѣ дѣлаетъ счастливымъ, мнѣ она какъ разъ на моей родинѣ дастъ силу и внутреннюю энергію, чтобы сдѣлать разницу между тѣмъ, что здѣсь и тамъ...

Онъ остановился и Габріеллѣ показалось какъ будто голосъ его сталъ не такъ твердъ, какъ обыкновенно. Когда онъ заговорилъ снова, казалось, что онъ хочетъ поправиться.

— Разницу между моей родиной и Парижемъ хотѣлъ я сказать менѣе чувствительной.

Габріелла подумала одно мгновеніе и спросила поспѣшно:

— Какъ вы, мужчины, хотите все понять разсудкомъ, но... она остановилась и прибавила многозначительно: — но не думайте, что это есть ваше превосходство надъ нами; мы, женщины, по крайней мѣрѣ нѣкоторыя изъ насъ, тоже иногда занимаемся философіей. Это было сказано съ горечью, и она быстрѣе пошла впередъ.

Они между тѣмъ дошли до того самаго мѣста, гдѣ вчера вечеромъ Габріелла стояла съ Іоганномъ Шарренштейномъ. Та же самая прелестная картина, состоящая изъ большаго города съ его тысячами огней и фосфорическп-искрящагося зеркала Адріатики, темнаго кольца горъ и темнаго, усѣяннаго звѣздами небеснаго шатра, въ которомъ сквозили міры за мірами. То же самое таинственное шуршаніе въ вершинахъ пальмъ, тотъ же

шелестъ въ кустахъ, то же благоуханіе цвѣтовъ, какъ вчера, и та же ночная соловьиная пѣсня.

А все-таки какъ все измѣнилось! Какой странный трепетъ Габріелла чувствовала въ сердцѣ сегодня: если вчера оно было похоже на зеркало моря, то сегодня оно было бурно и взволновано, какъ Адріатика въ бурю.

— Вы, разумѣется, не думаете, что есть женщины, которыя ставятъ разсудокъ выше сердца и въ этомъ отношеніи не уступаютъ вамъ, мужчинамъ?

Онъ не сразу отвѣтилъ ей, она съ нетерпѣніемъ ожидала отвѣта, глядя на высокую тѣнь, которая стояла, опершись на гранитныя перила. Наконецъ раздался его голосъ:

— Каждому свое. Пусть руководящею нитью женщины будетъ сердце, а мужчина управляется разсудкомъ, какъ бы трудно для него это иногда ни было, онъ во всякомъ случаѣ лучше сдѣлаетъ руководствуясь имъ.

Онъ наклонился впередъ, какъ будто для того, чтобы прочесть на ея чертахъ впечатлѣніе отъ этихъ словъ.

Его дыханіе касалось ея лица, какъ будто горячая лава текла по немъ.

— Мнѣ холодно, Іесто Пресаевичъ, пойдемте.

Она плотнѣе окутала кружевомъ плечи.

Они пошли молча. Соловей, пѣвшій въ гранатныхъ кустахъ, сразу оборвалъ свою пѣсню.

VIII.

Гиги довольно долго не возвращался.

Къ немалому его удивленію, хозяйка живописца сообщила ему, что онъ внезапно оставилъ квартиру, хотя ничего не говорилъ ей ранѣе о своемъ намѣреніи, и отправился въ дорогу, по его словамъ, надолго.

Гиги не совсѣмъ повѣрилъ этому и подумалъ, что его оригинальный другъ выдумалъ это путешествіе только для того, чтобы запереться у себя въ четырехъ стѣнахъ, никого не видѣть и ни съ кѣмъ не разговаривать.

— Потрудитесь, синьоръ, убѣдиться сами, сказала дородная Итальянка, съ нѣкоторою досадой отворяя дверь въ квартиру Шарренштейна и заставляя Гиги войти туда.

Тамъ никогда не было порядка, но теперь царилъ необычайный хаосъ, въ открытые сундуки и ящики предметы были навалены въ безпорядкѣ, какъ будто хозяинъ въ припадкѣ бѣшенства побрасалъ туда все, что̀ попалось подъ руку. Въ ателье бросились въ глаза Гиги пустыя рамы, на полу свернутыя картины, которыя однѣ были уложены бережно.

Гиги какъ-то особенно тронулъ видъ этого опустошенія. Онъ опустился на то самое мѣсто, гдѣ сидѣлъ, когда Шарренштейнъ такъ настоятельно убѣждалъ его жениться на Габріеллѣ. Они обручены, и это обрученье находится въ несомнѣнной связи съ бѣгствомъ его друга. Гиги почувствовалъ легкій упрекъ совѣсти въ глубинѣ души, что онъ поддался минутному увлеченію, произнесъ слишкомъ поспѣшное, связывающее его слово и обручился со своею кузиной. Какъ она ни казалась по временамъ прелестною и привлекательною, однако то, что̀ онъ чувствовалъ къ ней, было безконечно далеко отъ настоящей любви. Онъ не вѣрилъ также и любви Габріеллы къ себѣ, она также уступала только минутному увлеченію, поддержанному желаніемъ семьи. Развѣ не было бы гораздо счастливѣе для обѣихъ сторонъ и гораздо болѣе нравственно, еслибъ онъ прямо не обратилъ вниманія на такія желанія семьи, тѣмъ болѣе, что они основаны были на суевѣрномъ убѣжденіи въ силѣ какого-то предсказанія; не лучше ли было очистить поле другу своему Іоганну, а еслибъ и тогда Габріелла отклонила руку Шарренштейна, съ него по крайней мѣрѣ снималась отвѣтственность за это.

Рѣшившись поговорить объ этомъ съ Шарренштейномъ, какъ только представится къ тому случай, онъ обратился къ хозяйкѣ:

— И вы не имѣете никакого понятія, куда уѣхалъ мой другъ?

Женщина рѣшительно увѣряла, что не имѣетъ объ этомъ ровно ничего, и Гиги побрелъ домой очевидно не торопясь. Онъ съ завистью посмотрѣлъ на могучіе корабли, стоявшіе въ гавани, невольно въ немъ проснулось желаніе унестись на нихъ. Но онъ былъ связанъ, какъ офицеръ, какъ сынъ своей матери, какъ распорядитель большаго состоянія, а теперь еще, и это казалось ему смѣшнымъ, какъ женихъ. Какъ завидовалъ онъ своему другу Шарренштейну, который могъ летать какъ вольная птица.

Гиги вернулся домой къ чаю.

— Его нѣтъ, онъ уѣхалъ и слѣдъ простылъ, какъ знать: на кораблѣ, по желѣзной дорогѣ или иначе?

Принцпесса не знала, что сказать отъ удивленія; Габріелла вздохнула съ облегченіемъ.

— Пускай себѣ путешествуетъ, весело воскликнула она,—если найдетъ это нужнымъ, напомнитъ о себѣ, продолжайте разсказывать, спиьоръ Пресаевичъ. Они только-что говорили о послѣдней художественной выставкѣ въ Парижѣ. — Что вы скажете объ импрессіонистахъ. Нравятся вамъ ихъ картины?

— Не безусловно, я назвалъ бы ихъ пессимистами въ живописи, они такимъ образомъ являются противоположностью оптимистамъ, тогда какъ у послѣднихъ слишкомъ много, у первыхъ слишкомъ мало красокъ; обыкновенно въ жизни бываютъ двѣ борющіяся партіи, и онѣ обыкновенно стрѣляютъ дальше цѣли.

— Такъ вы все-таки признаете за ними нѣкоторое оправданіе, продолжала спрашивать Габріелла.

— Конечно, тотъ кто привыкъ смотрѣть на міръ не одними тѣлесными очами, а иногда можетъ взглянуть на него и глазами духа, найдетъ, что онъ далеко не такъ богатъ красками, какъ это можетъ казаться на первый взглядъ. Развѣ вамъ не случалось замѣчать,— впрочемъ, при вашей молодости едва ли,—что внѣшній блескъ, золото, краски, только позолота, только цвѣты, покрывающіе могилы: наверху радость, веселье, внизу страданія, смерть, горе; но вы должны находить меня мрачнымъ, особенно сегодня, когда царствуютъ красота, молодость, любовь, да, любовь пускай цвѣтетъ она вѣчно...

Чѣмъ веселѣе онъ говорилъ, тѣмъ печальнѣе становилось его лицо, и Габріелла чувствовала, какъ будто человѣкъ этотъ, произносившій слова, которыя она съ трудомъ въ себѣ сдерживала, такъ странно появившійся среди ея жизни, также долженъ снова исчезнуть. Міровоззрѣніе у Іесто было то же, какъ у импрессіонистовъ. Сегодня и Гиги внутренно соглашался съ нимъ, какъ ни мало согласовалось его міровоззрѣніе съ ихъ рисунками, бѣдными красками. Принцпесса открыто высказалась противъ этой новой школы живописи.

— Вы можетъ-быть видѣли на выставкѣ, спросила она Іесто,— картину, которая такъ похожа на милую мою Габріеллу, что сынъ мой спрашивалъ меня, не дѣлала ли она въ Парижѣ своего, портрета?

Габріелла внимательно слушала, а Гиги былъ нѣсколько смущенъ.

— Я довольно хорошо знаю портреты выставки, отвѣчалъ

Черногорецъ,—но я не замѣтилъ картины, которая похожа была бы на графиню. Я запомнилъ бы ее навсегда, прибавилъ онъ спокойнымъ голосомъ, но съ пылающимъ взглядомъ.

Габріелла покраснѣла, Гиги остался при своемъ утвержденіи, что видѣлъ картину въ Парижѣ, но онъ допустилъ, что она была, можетъ-быть, въ какомъ-нибудь другомъ собраніи.

Становилось поздно, всѣ разошлись, за исключеніемъ принцессы и Флагіолетто, которые заснули счастливые, что ихъ любимая мечта осуществилась такъ скоро. Никто въ домѣ не испыталъ отраднаго сна.

На слѣдующій день материнское сердце принцессы должно было испытать другое, но тяжелое волненіе. Гиги былъ переведенъ въ Катарро, чтобъ оттуда, какъ офицеръ пограничной стражи, занять постъ въ одномъ изъ уединенныхъ блокгаузовъ стоящихъ на границѣ Черногоріи.

Печальная перспектива для такого молодаго веселаго офицера, какъ Гиги Анджело! Какъ офицеръ императорской королевской арміи, онъ, конечно, долженъ былъ привыкнуть къ тому, чтобы никогда не оставаться долго на одномъ мѣстѣ. Принцесса часто уже разлучалась съ нимъ, но сегодня разлука эта была для нея особенно тяжела.

Она надѣялась, что черезъ нѣсколько недѣль можно будетъ устроить свадьбу, и вдругъ исполненіе этого желанія было отодвинуто далеко, потому что невозможно было устроить въ Катарро домъ такимъ образомъ какъ привыкли жить сынъ ея и Габріелла. Она сильно убѣждала его подать въ отставку и взять на себя завѣдываніе роловыми имѣніями; хотя прежде это было совершенно согласно съ желаніями молодаго офицера, сегодня онъ къ ея огорченію рѣшительно отклонилъ это предложеніе. Принцесса стала уговаривать свою племянницу, чтобъ она поддержала ея просьбу и убѣдила Гиги.

— Ты забываешь, милая тетя, что Гиги требуетъ полной личной свободы. Съ моей стороны было бы серьезнымъ нарушеніемъ условія, еслибъ я захотѣла убѣдить его подать въ отставку. Какъ знать, какія условія онъ поставитъ мнѣ взамѣнъ этого?

Проницательность не была отличительнымъ свойствомъ принцессы.

— Вы, глупыя дѣти, которыя забавляетесь пустяками и затрудняете этимъ жизнь и себѣ и другимъ.

Съ грустью пришлось ей смотрѣть, какъ Гиги отправлялся къ исполненію своихъ новыхъ обязанностей и Цисселакъ укладывалъ опять сундуки, которые только-что были отперты.

Отъѣздъ былъ назначенъ на слѣдующій день; къ нему готовился и Іесто Пресаевичъ.

— И вы хотите насъ оставить? спросила его принцпесса.

— Не надо слишкомъ отдаваться наслажденію прекраснымъ, не то избалуешься и слишкомъ тяжело будетъ вернуться къ тому, что̀ менѣе прекрасно.

Габріелла пристально смотрѣла куда-то вдаль.

— Этотъ взглядъ на жизнь есть также результатъ вашей хваленой философіи, спросила она съ явною рѣзкостью.

На лицѣ Іесто появилось что-то грустное.

— Конечно, графиня, это одинъ изъ столповъ моей теоріи.

— Я вижу, Гиги, что ты многому научился отъ твоего друга, такъ какъ ты вѣроятно потому такъ радостно привѣтствуешь свой переводъ въ Катарро, что боишься, какъ бы весна твоей помолвки не сдѣлала для тебя чувствительнѣе неизбѣжные шипы брака.

Она ушла къ себѣ съ опущенною головой. Внутреннее равновѣсіе ея было нарушено, ея женское самолюбіе получило жестокій ударъ, хотя она и знала, что не пылкая самоотверженная любовь связываетъ ее съ женихомъ, но онъ долженъ же былъ выразить, по крайней мѣрѣ, сожалѣніе о томъ, что разстается съ ней.

Кромѣ того, она чувствовала въ сердцѣ боль, которой не хотѣла чувствовать, которую хотѣла заглушить всѣми силами. Провести еще вечеръ одной съ ними обоими казалось ей ужаснымъ, надо было найти исходъ, да, надо, и онъ былъ найденъ. Она бросилась къ теткѣ, смѣялась и ласкала ее какъ ребенка.

— Тетя, милая, дорогая, единственная, у меня есть идея, божественная идея. Свѣтъ долженъ узнать, что Габріелла Анджело самая счастливая изъ невѣстъ, ты мнѣ должна и моему милому Гиги тоже, мы дадимъ импровизированный деревенскій праздникъ, такой, какого еще не бывало въ Тріестѣ.

Праздникъ! Одного этого слова было достаточно, чтобы заставить принцпессу улыбнуться счастливою улыбкой. Флагіолетто тотчасъ же былъ посвященъ въ тайну, безконечный списокъ друзей и знакомыхъ написанъ и три экипажа разъѣзжали по городу; одинъ развозилъ приглашенія, другіе дѣлали необходимыя покупки и заказы къ вечеру.

Съ наступленіемъ вечера деревенскій домъ и садъ потонули въ морѣ огней; принчипесса, казалось, помолодѣла. Невѣста окутана была облакомъ розоваго крепа, ни одного драгоцѣннаго камня, ни одного украшенія, только у груди, какъ самое рискованное сочетаніе цвѣтовъ, приколота была вѣтка кроваво-красныхъ гранатъ. Только Габріелла, съ ея необычайною красотой, могла позволить себѣ такую смѣлость.

Когда глаза Іесто остановились на ней вопросительно, она громко разсмѣялась на взглядъ импрессіониста.

— Синьоръ Пресаевичъ, эти двѣ краски, конечно, вопіютъ къ небу?

„Такая красавица, какъ ты, и самому отвратительному придастъ печать красоты", вертѣлось у него на языкѣ, но онъ сдержалъ пламенныя слова и грустно взглянулъ на нее.

Гости съѣзжались, и скоро домъ принчипессы полонъ былъ избраннымъ обществомъ Тріеста.

— Вы не танцуете, синьоръ Пресаевичъ?

Онъ не отвѣчалъ, но рука его охватила станъ Габріеллы, дыханіе ихъ сливалось, глаза смотрѣли прямо въ глаза, сердце билось около сердца, они знали, что безконечно любятъ другъ друга.

— Помните ли вы лучшій день вашей жизни? сказала она, когда они остановились.

— Лучшій день, это конечно... Не знаю, коротко сказалъ онъ.

Но она это знала и міръ казался ей весь въ цвѣтахъ.

* * *

Въ домѣ воеводы Пресаевича, въ Цетиньѣ, слышались громкіе голоса. Хозяинъ сидѣлъ за тяжелымъ дубовымъ столомъ у порога своего дома и такъ сильно ударилъ кулакомъ, что глиняный кувшинъ и кружка зазвенѣли на немъ.

— Нѣтъ, говорю я, нѣтъ.

Слова эти обращены были къ человѣку, который сидѣлъ противъ него съ лицомъ, разгорѣвшимся отъ гнѣва. Это былъ Михаилъ Старовочевичъ старшій, онъ грызъ свои усы и пускалъ дымъ изъ чубука. Онъ до сихъ поръ сидѣлъ молча, но спросилъ наконецъ:

— Что мѣшаетъ вамъ, Аястаосъ Пресаевичъ, принять предложеніе моего сына?

— Что мнѣ мѣшаетъ? воскликнулъ воевода,—вы это знаете

такъ же хорошо, какъ и я. Я теперь не въ состояніи дать Аѳинѣ приданое, мошенники, мерзавцы, разбойники изъ Добраты угнали стада и прежде чѣмъ я ихъ верну, не можетъ быть рѣчи о свадьбѣ.

— Только-то, засмѣялся Старовочевичъ,—это будетъ скоро исполнено. Такъ по рукамъ. Прежде чѣмъ солнце сядетъ три раза, стада опять будутъ ваши.

— Ладно, отвѣчалъ тотъ, наполнилъ кружки и оба выпили смѣсь водки, виноградиаго сока и холодной, ключевой воды

У двери слушала Аѳина: сердце ея крѣпко стучало, она поняла каждое слово и ей казалось, что недалеко время, на которое она надѣялась и котораго боялась. Теперь она скорѣе боялась, чѣмъ надѣялась. Почему, она сама этого не знала.

Слушала также и Наталья, ея безобразное лицо выражало неодобреніе тому, что Аѳина, ея милая голубка, будетъ скоро принадлежать сыну ненавистнаго ей человѣка. Еслибы только существовало средство разлучить ихъ? Она была бы такъ счастлива сдѣлать непріятность роду Старовочевича.

Мужчины поднялись и отворили дверь, Аѳина исчезла, когда услышала ихъ приближеніе и спряталась. Наталья не была такъ проворна: споткнулась и упала. Старовочевичъ отступилъ назадъ, увидавъ ее.

— Прочь, любопытная вѣдьма, воскликнулъ воевода и толкнулъ ее ногой. Аѳина подбѣжала и подняла ее. Мужчины оставили домъ, пожавъ другъ другу руки.

— Такъ условлено, вы поможете мнѣ, сказалъ воевода.

— По рукамъ, отвѣчалъ тотъ.

Они разошлись. Одинъ пошелъ длинною улицей въ Цетиньѣ, другой вернулся домой.

Черезъ два дня воевода, Аѳина, Наталья и двое слугъ ѣхали по дорогѣ, ведущей изъ Цетиньи въ Катарро. Въ нихъ не было замѣтно ничего особеннаго, такъ какъ въ обычаяхъ страны, чтобы мужчины и женщины носили оружіе.

Аѳина нарядилась, какъ будто она отправлялась на свадьбу: красный головной платокъ обвитъ былъ шнуркомъ съ золотыми монетами, она надѣла праздничный нарядъ и широкій вышитый поясъ, за которымъ блестѣло оружіе. Бушка висѣла у ней черезъ плечо. Они выѣхали изъ села, когда Михаилъ нагналъ ихъ крупною рысью, почтительно снялъ шапку предъ воеводой и сказалъ:

— Отецъ пріѣдетъ, подождите его у Чортова Камня!

Пресаевичъ важно кивнулъ головой, Михаилъ повернулъ лошадь и влюбленнымъ взглядомъ посмотрѣлъ на Аѳину.

Воевода со своими поѣхалъ дальше, и скоро они приблизились къ блокгаузу на австрійской границѣ. Часовой стоялъ подъ ружьемъ, Цисселакъ въ сторонѣ ощипывалъ фазана для своего барина, Гиги курилъ около двери и грѣлся на солнцѣ. Все это было для него ново и любопытно, онъ всталъ и разсматривалъ пеструю кавалькаду. Гордо, какъ государь, разговаривающій со своими подданными, проѣхалъ воевода мимо дежурнаго офицера, обмѣнялся съ нимъ нѣсколькими словами, и Гиги разрѣшилъ ему переѣхать границу. Пресаевичъ обернулся и сдѣлалъ знакъ остальнымъ слѣдовать за нимъ; они двинулись, только Аѳина, у которой стремя было слишкомъ длинно, остановилась, чтобъ укоротить. Голосъ ея звучалъ мягкою угрозой, она обращалась къ какому-то звѣрю.

— Ты хочешь домой, ахъ ты негодный плутъ!

Гиги видѣлъ это, вниманіе его привлекало гораздо болѣе животное чѣмъ дѣвушка, у которой онъ видѣлъ только спину. Но до сихъ поръ онъ не могъ различить, что̀ за животное ласкалось и прыгало около нея и потому близко подошелъ къ Черногоркѣ.

— Волкъ! воскликнулъ онъ удивленно.—Это удивительно, обратился онъ къ Аѳинѣ, но былъ пораженъ еще болѣе дикою красотой хозяйки. Она же, услыхавъ его голосъ, поднялась, бросила ему гордый и презрительный взглядъ и пустилась вскачь, а волкъ быстрыми прыжками послѣдовалъ за ней.

Гиги стоялъ безмолвно, находясь еще подъ впечатлѣніемъ этого видѣнія. Такого впечатлѣнія онъ никогда не испытывалъ и, какъ во снѣ, провожалъ ее взглядомъ.

То она сдерживала, то ускоряла ходъ своей лошади, и Гиги побожился бы, что она оборачивала голову, но какъ только замѣчала его, снова отворачивалась и ѣхала дальше. Ему чудилось, что, несмотря на разстояніе, онъ видитъ блескъ ея глазъ Опять длинная, пустынная улица и блокгаузъ, всадники изъ Цетиньи повернули въ переулокъ и съ сѣвера никого не было видно.

Слышны были только равномѣрные, усыпляющіе шаги часоваго. Цисселакъ тоже окончилъ свои поварскія обязанности и вернулся въ блокгаузъ.

Гиги пошелъ домой, чтобъ окончить письмо къ Габріеллѣ: онъ

не зналъ о чемъ писать. Чортъ выдумалъ писаніе писемъ и онъ съ досадой отбросилъ письмо. Письмо это не шло дальше первой страницы, у него не выходила изъ головы смуглая дѣвушка съ волкомъ.

— Я не рожденъ писакой, и онъ отодвинулъ отъ себя портфель, закурилъ новую регалію и сѣлъ у двери блокгауза.

Жители съ навьюченными животными проходили въ Катарро и обратно. Разсматривать ихъ было единственнымъ развлеченіемъ, которое могъ доставить себѣ Гиги въ уединенномъ укрѣпленіи.

— Сорокъ чертей, воскликнулъ онъ охваченный внезапною мыслію,—вѣдь Іесто Пресаевичъ долженъ проѣхать здѣсь, чтобы попасть на свою родину, онъ узнаетъ въ Катарро, что я здѣсь и не проѣдетъ мимо.

Цисселакъ между тѣмъ настолько управился съ фазаномъ, что съ гордостью могъ пригласить своего барина къ обѣду.

— Пахнетъ прекрасно, увѣрялъ онъ въ отвѣтъ на вопросы, прищелкивалъ языкомъ и облизывалъ губы.

Гиги велѣлъ подать себѣ обѣдъ у дверей. Вкусная птица, дѣйствительно, пахла недурно, хотя немного слишкомъ сильно.

Цисселакъ принесъ тарелки, походный приборъ, картофель и вино и затѣмъ отошелъ, но остановился за угломъ блокгауза, чтобъ увидѣть впечатлѣніе, которое произведетъ его жареное на барина. Гиги искусно разрѣзалъ рѣдкую птицу, но менѣе пріятный запахъ пахнулъ ему навстрѣчу и онъ къ немалому своему удивленію замѣтилъ, что Цисселакъ не выпотрошилъ ее.

— Оселъ, вырвалось у Гиги, и онъ отодвинулъ тарелку.

Добрый Богемецъ отправился домой, размышляя о томъ, какъ трудно угодить важнымъ господамъ.

Между тѣмъ улица снова оживилась. Михаилъ ѣхалъ съ нѣсколькими молодыми товарищами и повернулъ, такъ же какъ воевода со своими, за блокгаузъ. За нимъ послѣдовалъ отецъ его въ томъ же направленіи.

Вниманіе Гиги обратило на себя то обстоятельство, что всѣ они ѣхали не большою дорогой, какъ обыкновенно направляющіеся въ Катарро; онъ рѣшился послать за ними патруль, чтобъ узнать, гдѣ они. Онъ надѣялся также при этомъ случаѣ еще разъ увидать гордую дѣвушку. Выбравъ нѣсколькихъ солдатъ, онъ передалъ старшему капралу командованіе надъ стражей, съ предписаніемъ послать ему подкрѣпленіе, если онъ не вернется долѣе часа.

Онъ двинулся и съ большимъ трудомъ вскарабкался по скалистой дорогѣ, по которой предъ тѣмъ легко въѣхали Черногорцы.

Онъ остановился за уступомъ скалы, чтобъ осмотрѣться оттуда. Каменистое пустынное поле безотрадно стелилось предъ нимъ. Голый горный хребетъ представлялъ самое дикое и печальное зрѣлище. Какъ будто руками великановъ были нагромождены скалы на скалы, между ними вились высохшія русла горныхъ потоковъ, куда ни взглянешь—ни былинки кругомъ и только кое-гдѣ тощіе кусты едва влачатъ свое существованіе. Молчаніе царило надъ пустыннымъ ландшафтомъ: солнце раскаляло известковые камни, и воздухъ дрожалъ подъ его лучами. Ни дома, ни башни, ничего, что могло бы сколько-нибудь напомнить о существованіи человѣка. Могучій королевскій орелъ одинъ служилъ доказательствомъ, что и тутъ еще есть нѣчто живое; взмахнувъ широкими крыльями, онъ поднялся и скоро исчезъ изъ вида. Вдругъ произошло что-то странное: воздушныя колебанія окрасились, появилась смутная зеленая равнина съ бѣлыми точками, которыя превратились въ стада, замелькали человѣческія фигуры, видны были развѣвающіяся одежды, пестрые платки, но все было прозрачно, какъ воздухъ, образы эти вызвала фатаморгана.

Вдругъ раздался выстрѣлъ, за нимъ послѣдовалъ второй и третій: это не было иллюзіей; Гиги слышалъ это ясно и вмѣстѣ со своими отправился на звукъ: чѣмъ дальше они подвигались, тѣмъ яснѣе становились и тѣмъ быстрѣе слѣдовали другъ за другомъ выстрѣлы. Эхо, въ двадцать разъ усиливая ихъ, разносило ихъ по горамъ. Они шли около получаса, когда предъ ними въ осязательной формѣ появилась картина, которую недавно отражалъ предъ ними раскаленный воздухъ.

На зеленомъ лугу тревожно скучившись стояло значительное стадо, пастуха не было видно, а только толпу вооруженныхъ Бокезовъ, которые старались защищаться отъ нападенія Черногорцевъ около своихъ полуразвалившихся хижинъ, похожихъ на кучи кротовъ. Противъ нихъ, выбравъ удобное расположеніе за скалами, ползли Черногорцы, осыпая враговъ своихъ выстрѣлами. Вдругъ все стихло, но черезъ нѣсколько мгновеній Черногорцы бросились, какъ рой пчелъ, изъ-за своей засады. Не обращая вниманія на убійственныя пули враговъ, они неслись на быстрыхъ коняхъ черезъ лугъ и бросились на своихъ противниковъ. Впереди скакала маленькая лошадка Аѳины, разогнанная хлыстомъ

и шнорами; красная повязка ея развязалась и трепетала въ воздухѣ, золотыя монеты сверкали на солнцѣ, черныя косы расплелись, и ихъ трепалъ вѣтеръ.

— Живіо, живіо — и она летѣла впередъ, волкъ провожалъ ее широкими скачками, другіе едва поспѣвали. Рослый Бокезъ бросился на нее и хотѣлъ ее схватить: ему хотѣлось очевидно взять дѣвушку въ руки живою, потому что онъ крикнулъ товарищамъ стрѣлять въ другихъ.

Лошадь Аѳины умчалась безъ всадницы, но сама она стояла, сверкая глазами, какъ хищное животное. Должно было завязаться единоборство, во время котораго международное право дикихъ народовъ запрещаетъ кому бы то ни было вмѣшиваться въ споръ, который обѣ стороны должны вести на равномъ оружіи. Обычай этотъ охраняется самымъ священнымъ образомъ, передаваясь изъ рода въ родъ. Шумъ выстрѣловъ умолкъ. Друзья и враги составили полукругъ и ждали рѣшенія.

Гиги со своими охотниками незамѣтнымъ образомъ прокрался за скалу и внимательно слѣдилъ за происходившимъ.

Они схватились. Тѣла ихъ какъ будто змѣи сплелись другъ съ другомъ, они тѣсно сжали другъ друга, едва замѣтно было легкое колебаніе, всѣ замерли. У Гиги сердце застучало. Хотя онъ хорошо зналъ, что схватка происходитъ въ границахъ имперіи и потому онъ обязанъ вмѣшаться, какъ начальникъ пограничной стражи, онъ не могъ рѣшиться прервать этого страннаго зрѣлища.

Аѳина выпустила противника и наклонилась, такъ что тотъ подумалъ, что она падаетъ, онъ тоже наклонился, чтобы бросить ее на землю. Вдругъ она схватила его за горло и пальцы ея стиснули его, какъ клещи. У него захватило духъ, онъ сталъ метаться, какъ въ бѣшенствѣ, но Аѳина такъ прижалась къ нему, что удары были напрасны. Онъ побагровѣлъ и упалъ наконецъ, Аѳина встала ногой ему на грудь. Крикъ радости Черногорцевъ и глухой ропотъ Бокезовъ доказалъ, что Аѳина вышла побѣдительницей. Медленно вытащила она кинжалъ и приближая его все ближе къ лицу врага, почти потерявшаго сознаніе, она встрѣтила умоляющій взоръ его. Гиги незамѣтнымъ образомъ подошелъ ближе — никто не видалъ его, всѣ заняты были поединкомъ.

— Ты свободенъ! воскликнула внезапно Аѳина въ порывѣ великодушія, вложила кинжалъ свой въ ножны и сняла ногу съ груди побѣжденнаго врага. Тотъ вскочилъ и поцѣловалъ эту

ногу. Теперь вмѣшался Гиги, онъ встрѣтился взорами съ дѣвушкой, еще полный тѣмъ, что онъ только что видѣлъ, онъ протянулъ руку и воскликнулъ полный восторга:

— Такъ, дитя мое, это благородно.

Всѣ взоры обратились на него, глаза Аѳины мрачно остановились на немъ.

Михаилъ схватился за кинжалъ, но Гиги не смутился этими знаками враждебнаго настроенія, велѣлъ горнисту три раза протрубить въ свой рогъ и объявилъ во имя закона споръ оконченнымъ. Подкрѣпленіе охотниковъ между тѣмъ подоспѣло и немало содѣйствовало тому, что слова Гиги на обѣ стороны произвели должное впечатлѣніе.

— Начальники обоихъ племенъ выходите впередъ, приказалъ офицеръ.

Аязпаосъ Пресаевичъ вышелъ какъ начальникъ Черногорцевъ, а Марко-Секъ—Бокезовъ.

Гиги смотрѣлъ на статнаго вожака Черногорцевъ, не могло быть сомнѣнія въ томъ, что отецъ Іесто стоялъ предъ нимъ, однако онъ благоразумно умолчалъ о знакомствѣ съ его сыномъ, его могли бы обвинить въ пристрастіи при рѣшеніи дѣла.

Аѳина стояла около воеводы, она, вѣроятно, была его дочь, слѣдовательно, сестрой Іесто, и эта мысль заставляла сердце его биться сильнѣе. Онъ намѣревался посѣтить друга, какъ только представится къ тому случай. Онъ былъ увѣренъ, что тогда Аѳина посмотритъ на друга своего брата не такимъ гнѣвнымъ взоромъ, какъ на чужаго австрійскаго офицера, который осмѣлился заговорить съ нею, свободною дочерью Черной Горы.

— Изложите ваше дѣло, Аязпаосъ Пресаевичъ, приказалъ Гиги.

Воевода ясно изложилъ обстоятельства, не совсѣмъ дружелюбно отклоняя подтверждающія замѣчанія Наталіи.

Гиги слушалъ внимательно и былъ убѣжденъ, что показанія Черногорцевъ вполнѣ справедливы.

— Что вы имѣете сказать на это Марко-Секъ, обратился онъ къ другому.

Бокезъ подтвердилъ слова Пресаевича, и въ извиненіе добавилъ, что между обѣими семьями давно уже существуетъ наслѣдственная вражда.

Снова раздался троекратный сигналъ рога.

— Во имя императора, во владѣніяхъ и на землѣ котораго вы

теперь находитесь, тебѣ принадлежитъ стадо Аязитаосъ Пресаевичъ, возьми и гони его домой.

Бокезы молча скрылись въ свои земляныя норы. Черногорцы же погнали свой скотъ по направленію къ Цетинье.

Гиги съ охотниками смотрѣлъ какъ они удалились, и съ торжествомъ гнали возвращенный скотъ тою же дорогой, которою пришли Аонна, Михаилъ и молодые люди и дѣвушки. Вдругъ Аонна замѣтила, что на ней нѣтъ краснаго платка и маленькаго креста съ цѣпочкой, который ей привезъ Михаилъ въ день ея именинъ, она вѣроятно незамѣтно потеряла то и другое во время борьбы съ Бокезомъ.

Она сказала объ этомъ Михаилу и тотъ вернулся, чтобы разыскать потерянное.

Охотники тоже съ радостью возвращались теперь подъ звуки лѣсныхъ роговъ. Одинъ изъ нихъ, веселый Вѣнецъ, замѣтилъ на землѣ красный платокъ и въ разстояніи шага отъ него блестящее ожерелье, взялъ то и другое и весело махалъ имъ въ воздухѣ.

Михаилу, который ѣхалъ съ Аонной, кровь бросилась въ голову, когда онъ увидалъ драгоцѣнности своей возлюбленной въ рукахъ охотника, но сдерживая себя, онъ подъѣхалъ къ нему и попросилъ возвратить найденное, но ему не пришлось получить ихъ такъ дешево: охотникъ не хотѣлъ выдать ихъ безъ выкупа, а выкупъ этотъ былъ не что иное, какъ поцѣлуй Аонны. Михаилъ вздрогнулъ и схватился было за кинжалъ, но Аонна отстранила его руку.

— Отдайте мнѣ, это мое, гнѣвно сказала она. Но, не говоря ни слова, охотникъ выскочилъ изъ рядовъ, бросилъ ей платокъ и цѣпь, обнялъ ее, почти стащилъ съ сѣдла и громко разцѣловалъ. Аонна вскрикнула и ударила его въ лицо. Михаилъ бросился на дерзкаго малаго, и солдатъ былъ бы мертвымъ, еслибы между ними не очутился Гиги съ обнаженною саблей.

— Я накажу его, будьте въ этомъ увѣрены, а теперь ступайте своею дорогой, пытался онъ окончить споръ.

Михаилъ разъяренный повернулъ своего коня, но лошадь Аонны не слушалась, Гиги взялъ ее подъ уздцы и повернулъ ее. Аонна хотѣла бы помѣшать этому, но ей пришлось бы тогда заговорить съ австрійскимъ офицеромъ, на котораго она привыкла смотрѣть, какъ на врага своего отечества. Она хотѣла избѣгнуть этого и потому ограничилась недружелюбнымъ взглядомъ.

Волкъ, который щелкалъ зубами на Бокеза во время поединка, такъ что Михаилу приходилось силой удерживать его, казалось былъ болѣе дружелюбно настроенъ относительно Гиги и не намѣревался броситься на него.

— Отчего вы на меня смотрите такъ мрачно, Аѳина, роза Цетиньи? дружелюбно спросилъ Гиги. Дѣвушка взглянула на него съ удивленіемъ.

— Аѳина?—почему вы знаете, что меня зовутъ Аѳиной?

Недовольство и гордость скоро должны были однако смѣниться любопытствомъ. Гиги улыбнулся и потомъ замѣтилъ лукаво:

— Кто же не знаетъ, что въ Цетиньѣ цвѣтетъ одна только роза, и что она называется Аѳиной.

Она окаменѣла, глаза ея широко раскрылись и проницательно смотрѣли на Гиги, какъ будто она хотѣла прочесть мысль его въ глубинѣ души.

— Аѳина, Аѳина, раздался гнѣвный и нетерпѣливый голосъ Михаила.

Она пришпорила коня и ускакала. На всемъ скаку, повязала она платокъ и надѣла ожерелье. Она не шелохнулась въ сѣдлѣ, сидя въ немъ твердо, по-мужски, она какъ будто срослась съ лошадью.

Гиги смотрѣлъ ей вслѣдъ. Невольно возникали въ немъ сравненія между рослыми женщинами этой страны и салонными дамами его отечества, и въ немъ вдругъ явилось что-то въ родѣ пренебреженія къ послѣднимъ, тогда какъ его привлекали здѣшнія дѣвушки. Это необузданное существо, эти свободные отъ всякаго стѣсненія члены пробуждали въ немъ удивленіе. Какъ откровенно обнаруживала Аѳина каждое свое душевное движеніе на своемъ лицѣ, и какое это было прекрасное зеркало! Гиги не могъ припомнить, чтобы когда-нибудь въ гостиныхъ ему случилось видѣть такія правильныя черты, такія пламенныя очи и такой живой выразительный цвѣтъ лица.

Іесто не говорилъ ему, чтобъ Аѳина дѣйствительно была такъ прекрасна, да онъ и самъ едва зналъ ее; онъ видѣлъ ее только ребенкомъ и только изъ рѣдкихъ писемъ, получаемыхъ съ родины, узналъ, что она сильно развилась и похорошѣла, такъ что ее прозвали розой Цетиньи.

На лицѣ Михаила еще виднѣлось бѣшенство, его раздражало,что Аѳина до того забылась, что заговорила съ офицеромъ. Нѣкоторое время они молча ѣхали рядомъ, и Аѳина все

еще думала о томъ, что̀ ей сказалъ Гиги. Голосъ его звучалъ мягко, полнымъ тономъ въ ушахъ ея, а его симпатичныя черты, его тонкій, прекрасный станъ стояли предъ ней, какъ живые. Его благородное, рыцарское отношеніе произвело на нее впечатлѣніе, ей было непріятно, когда Михаилъ рѣзко обратился къ ней.

— Зачѣмъ ты еще оставалась съ солдатами, Аѳина? или тебѣ хотѣлось, чтобъ они еще посмѣялись надъ тобой или ждала втораго поцѣлуя?

Лицо Аѳины измѣнилось, ей было больно отъ горькой насмѣшки возлюбленнаго.

— Ты говорила съ офицеромъ, что̀-жь онъ сказалъ тебѣ?

Ревность охватила Михаила. Голосъ его звучалъ такъ грубо, что Аѳина испугалась.

— Если ты будешь такъ говорить со мною, я не отвѣчу тебѣ.

Она повернула лошадь въ сторону. Михаилъ послѣдовалъ за ней.

— Что̀ онъ сказалъ тебѣ, я хочу это знать или...

Его лицо побагровѣло. Аѳина пристально посмотрѣла на него и сказала насмѣшливо:

— Или? Не думай, Михаилъ, что предъ тобою дѣвочка, которая будетъ рабски склоняться предъ тобой, не теперь и никогда, никогда этого не будетъ!

Она гнѣвно засмѣялась и за нею послышался смѣхъ Натальи.

Въ эту минуту воевода и отецъ Михаила крикнули дѣтямъ, оставшимся позади:

— Эй, смотрите же, развѣ вы не видите, что бурая и пѣгая отстали, что̀ жь, скоро ли? Чортъ возьми, скачите за ними, если они вернутся, они пропали для насъ!

Михаилъ и еще нѣсколько молодыхъ Черногорцевъ послѣдовали приказанію и поѣхали за скотомъ. Наталья близко подъѣхала къ Аѳинѣ и пробормотала ей:

— Что̀? волкъ уже показывается и въ овечьей шкурѣ? Повѣрь мнѣ, голубка, мужчины всѣ мошенники и мерзавцы; пока они ухаживаютъ за нами, они воркуютъ, какъ голубки, а какъ только возьмутъ насъ—налетаютъ на насъ, какъ злые вороны.

Аѳина молчала, она чуть-чуть не плакала. Въ первый разъ въ жизни она видѣла Михаила съ этой стороны. Можетъ-быть это ее не тронуло бы такъ больно, еслибы мягкій, ласковый

голосъ иностранца не звучалъ еще у нея въ душѣ. Она отчетливо слышала слова его и ясно видѣла его предъ собою. Она не хотѣла уже сегодня говорить съ Михаиломъ, это должно было быть ему наказаніемъ, и поѣхала впередъ съ отцомъ, тогда какъ возлюбленный долженъ былъ оставаться въ аріергардѣ.

Къ вечеру они вернулись въ Цетинье. Михаилъ спѣшилъ впередъ, чтобы помириться съ Аѳиной, но она, замѣтивъ его приближеніе, намѣренно уклонилась отъ этого и какъ можно скорѣе скрылась за оградой двора.

Тревожно лежала она на своей постели; этотъ первый споръ съ возлюбленнымъ былъ у нея на сердцѣ, никогда еще не видала Михаила до того раздраженнаго и не думала, чтобъ онъ могъ быть съ ней такъ грубъ и жестокъ, до сихъ поръ она была увѣрена, что онъ будетъ обращаться съ нею съ большею любовью и дружбой, чѣмъ всѣ остальные мужья со своими женами. Еще недавно, когда они встрѣтились у колодца и предъ ними прошелъ рядъ женщинъ почти раздавленныхъ подъ ношами, которыя возлагали на нихъ ихъ мужья, она спросила:

— Будешь ли ты когда-нибудь такъ обращаться со мной, будешь ли ты въ состояніи удобно ѣхать верхомъ, пустивъ меня идти рядомъ съ тяжелою ношей?

— Нѣтъ, нѣтъ, тысячу разъ нѣтъ, возразилъ Михаилъ.

А сегодня при самомъ ничтожномъ поводѣ онъ былъ съ нею такъ грубъ, слезы навертывались на глаза Аѳины, сонъ медленно спускался на нихъ, но другой голосъ служилъ для нея мостомъ между міромъ сна и дѣйствительностью.

„Только одна роза въ Цетиньѣ и зовутъ ее Аѳиной“, слышалось ей; въ отцовскомъ саду соловей напѣвалъ что-то сладкое, безконечно сладкое; Аѳина улыбалась, и заснула, чтобы проснуться съ улыбкой.

Михаилу не спалось, онъ безпокойно ворочался на соломѣ, войлокъ, которымъ онъ покрывался, казался ему слишкомъ жаркимъ; наконецъ, онъ не выдержалъ и вышелъ изъ дому, солнце слишкомъ сильно накалило крышу въ теченіе дня, и тамъ было теперь слишкомъ душно. Прежде это никогда не мѣшало ему спать; ему было все равно, тепло или холодно, онъ спокойно ложился вечеромъ, чтобъ утромъ проснуться здоровымъ и свѣжимъ.

Онъ быстро пошелъ въ поле, невольно выбралъ дорогу къ дому Аѳины. Онъ свиснулъ слегка, но на этотъ условный свистъ, которому обыкновенно были такъ рады, никто не отвѣтилъ.

Мѣсяцъ блестѣлъ на крышѣ и озарялъ горы, его серебристый свѣтъ превращалъ въ дворцы хижины Цетинье, Михаилъ ничего этого не видалъ, онъ былъ разсерженъ и огорченъ; Цетинье и весь свѣтъ казалось ему не стоили того, чтобы жить въ нихъ.

Вдругъ въ умѣ его блеснула мысль, онъ захотѣлъ мести; дерзкій солдатъ, офицеръ, всѣ, кто съ нимъ были, должны быть наказаны. Эта мысль успокоила его бушевавшую кровь; медленно возвратился онъ домой, въ полголоса бормоча и обдумывая собственный планъ.

Онъ просилъ у неба благопріятнаго предзнаменованія, какая-то птичка пролетала мимо его, онъ схватилъ пистолетъ, раздался выстрѣлъ и она мертвая упала къ его ногамъ, знакъ былъ благопріятный; онъ довольный вернулся домой и заснулъ сномъ безъ сновидѣній.

* * *

Цпсселакъ нетерпѣливо ожидалъ возвращенія своего барина. Такъ какъ тотъ долго не возвращался, а прохожій сказалъ ему, что въ горахъ онъ слышалъ выстрѣлы, Цпсселакъ очень встревожился, хотя это совсѣмъ не шло къ его, крупной неуклюжей фигурѣ, онъ обошелъ блокгаузъ, поднялся въ гору, но нигдѣ не видѣлъ слѣдовъ возвращенія охотниковъ.

Наконецъ вернулись Черногорцы со своими стадами, а за ними охотники. Наступалъ уже вечеръ, Гиги на этотъ разъ самъ присматривалъ за ужиномъ и съѣлъ его съ большимъ аппетитомъ въ единственной комнатѣ, служившей ему и столовой, и спальной, а потомъ снова усѣлся на скамьѣ возлѣ блокгауза, гдѣ сидѣлъ сегодня утромъ, когда мимо него проѣхала Аѳина.

Ярко свѣтились звѣзды и небо казалось усѣяннымъ брилліантами; молча смотрѣли скалы и поднимавшійся мѣсяцъ освѣщалъ ихъ вершины фосфорическимъ блескомъ.

Міръ такъ величественъ, такъ очаровательна природа, и онъ никогда еще не сознавалъ этого; образъ Аѳины открылъ ему глаза.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

МУЗЫКАЛЬНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Дѣятельность Московской Консерваторіи, а съ нею и Русскаго Музыкальнаго Общества, закончилась годичнымъ актомъ, состоявшимся 31 мая, на которомъ былъ прочитанъ списокъ учащихся, окончившихъ курсъ въ настоящемъ году, и присужденныхъ имъ наградъ. Въ первыя двадцать пять лѣтъ существованія Консерваторіи годичные акты бывали всегда 1 сентября, въ день начала консерваторскаго учебнаго года, съ нынѣшняго раза учебный годъ будетъ заканчиваться актомъ, какъ это и дѣлается уже въ Петербургской Консерваторіи съ самаго ея основанія. Сверхъ того, также по примѣру Петербургской Консерваторіи, въ настоящемъ году актъ сопровождался концертнымъ отдѣленіемъ, въ которомъ исполнялись отрывки изъ сочиненій, представленныхъ въ настоящемъ году къ экзаменамъ класса композиціи, а также приняли участіе нѣкоторые изъ окончившихъ курсъ, исполнивъ нѣсколько нумеровъ соло. Выпускъ настоящаго года въ Консерваторіи можно назвать едва ли не самымъ блестящимъ за все время ея существованія. Конечно, артистическое значеніе выпущенныхъ ею питомцевъ опредѣлится настоящимъ образомъ только ихъ самостоятельною артистическою дѣятельностію, но тѣ задатки, которые выказываютъ многіе изъ нихъ, заставляютъ надѣяться на многое въ будущемъ. Музыкальное отдѣленіе акта представляло настолько выдающійся интересъ, что мы рѣшаемся остановить на немъ вниманіе нашихъ читателей.

Среди различныхъ спеціальностей, на которыя распадается преподаваніе въ Консерваторіи, первое мѣсто несомнѣнно занимаетъ классъ композиціи. Въ настоящемъ году по этому классу

окончили и выполнили для экзамена весьма обширную и сложную работу, а именно: имъ задано было написать одноактную оперу *Алеко* на сюжетъ изъ „Цыганъ“ Пушкина. Всѣ трое выполнили эту задачу весьма успѣшно, а въ нѣкоторыхъ частяхъ даже съ большимъ талантомъ. Либретто *Алеко* построено такъ. При поднятіи занавѣса открывается картина цыганскаго табора, расположившагося на берегу рѣки, освѣщенномъ луной. Среди оживленной толпы находятся Алеко, Земфира, ея отецъ и молодой Цыганъ, возлюбленный Земфиры. Послѣ вступительнаго хора, старикъ, отецъ Земфиры, разсказываетъ, какъ онъ былъ покинутъ матерью Земфиры, Маріулой; слушающіе вставляютъ свои замѣчанія: Алеко въ своихъ рѣчахъ высказываетъ муки ревности и жажду мести, Земфирѣ его любовь уже постыла. Молодой Цыганъ назначаетъ ей свиданіе. Таборъ засыпаетъ. Шатеръ Алеко и Земфиры находится на первомъ планѣ; Земфира входитъ туда, садится у люльки и въ пѣснѣ высказываетъ свою ненависть къ Алеко и любовь къ другому, затѣмъ уходитъ. Оставшись одинъ, Алеко высказываетъ гнетущія его мысли. Онъ уходитъ. Сцена остается нѣсколько времени, луна заходитъ; издали слышна пѣсня молодаго Цыгана. Начинаетъ свѣтать и на сцену входятъ Земфира и молодой Цыганъ, они прощаются. Подстерегавшій ихъ Алеко входитъ и убиваетъ обоихъ. На шумъ собирается весь таборъ, всѣ въ ужасѣ отворачиваются отъ Алеко и покидаютъ его одного, унося трупы убитыхъ.

Рядъ сценъ и положеній либретто даетъ благодарный и разнообразный матеріалъ для композитора, а если прибавить, что большинство стиховъ заимствовано изъ поэмы Пушкина, то можно сказать, что либретто въ качествѣ оперная сюжета очень удачно. Форма музыкальныхъ нумеровъ сама собою вытекаетъ изъ даннаго содержанія. Въ началѣ большая интродукція съ пѣснями и плясками Цыганъ, разсказомъ старика и небольшимъ ансамблемъ, въ которомъ участвуютъ всѣ главныя дѣйствующія лица. Потомъ слѣдуетъ пѣсня Земфиры съ репликами Алеко. Потомъ монологъ Алеко (арія, каватина). Благодарный моментъ представляетъ оркестровое интермеццо при пустой сценѣ и поднятомъ занавѣсѣ, и пѣсня Цыгана, которая слышится издали. Финалъ оперы состоитъ изъ очень сжатой, энергической сцены съ заключительнымъ хоромъ.

Авторами трехъ оперъ, написанныхъ на этотъ сюжетъ, были гг. Л. Конюсъ, Н. Морозовъ и С. Рахманиновъ. Экзаменная

коммиссія, въ составъ которой былъ приглашенъ капельмейстеръ Большаго Театра И. К. Альтани, вполнѣ одобрила всѣ три работы, но сдѣлала особое отличіе сочиненію г. С. Рахманинова, представлявшему дѣйствительно замѣчательную законченность и обнаруживавшему большой талантъ въ молодомъ композиторѣ. Ему была присуждена художественнымъ совѣтомъ Консерваторіи высшая награда, большая золотая медаль, которая выдается всего во второй разъ съ основанія Московской Консерваторіи; въ первый разъ она была присуждена въ прошломъ году А. Н. Корещенко за оперу *Послѣдній день Бельсаруссура*, поставленную на сценѣ Большаго Театра, о чемъ мы упоминали въ предыдущей книжкѣ. Всѣ три представленныя оперы не могли быть исполнены цѣликомъ, не достало бы времени выучить ихъ въ короткій срокъ, остававшійся до публичнаго акта, а потому пришлось ограничиться лишь небольшими отрывками, наиболѣе удобными для концертнаго исполненія. Вслѣдствіе послѣдняго условія изъ оперы г. С. Рахманинова, наиболѣе одобренной, пришлось взять наименьшій отрывокъ, а именно: оркестровое интермеццо передъ финаломъ. Изъ оперы Н. Морозова было исполнено также оркестровое интермеццо и пѣсня Цыгана, поющаяся за сценой. Опера г. Л. Конюса была представлена болѣе крупнымъ нумеромъ: оркестровымъ введеніемъ и хоромъ Цыганъ. Всѣ отрывки были разучены консерваторскимъ хоромъ и оркестромъ подъ управленіемъ В. И. Сафонова, пѣсню Цыгана спѣлъ г. В. Островскій, одинъ изъ окончившихъ курсъ по классу пѣнія. Исполненные введеніе и хоръ г. Конюса представляютъ настолько законченное и вмѣстѣ съ тѣмъ значительное сочиненіе, что позволяютъ судить о характерѣ всей его оперы. Прежде всего въ немъ дѣлаетъ впечатлѣніе свѣжесть настроенія и богатство жизни, придающія цѣлому чрезвычайно привлекательный характеръ, невольно заставляющій желать услышать оперу г. Конюса на сценѣ. Авторъ хотя и Москвичъ по рожденію, но живой темпераментъ Француза въ немъ слышенъ очень ясно. Отрывокъ г. Морозова можно назвать ноктюрномъ для оркестра, очень красиво написаннымъ и хорошо подготовляющимъ слѣдующую затѣмъ пѣсню молодаго Цыгана. Несмотря на весьма красивую звучность сочиненія г. Морозова, его музыкѣ недостаетъ опредѣленнаго характера, она носитъ слишкомъ общеевропейскій отпечатокъ, но тѣмъ не менѣе сдѣлана очень умѣло и со вкусомъ. Въ операѣ г. Рахманинова очень послѣдовательно выдержанъ восточный

колоритъ, т.-е. тѣ мелодическіе и гармоническіе обороты, которые впервые были примѣнены Глинкой въ *Руслань и Людмилѣ* и потомъ получили дальнѣйшее развитіе у А. Рубинштейна, покойнаго Бородина и др. Вмѣстѣ съ тѣмъ г. Рахманиновъ сильный и смѣлый гармонистъ. Судить объ его *Алеко* по исполненному интермеццо нѣтъ возможности, тѣмъ болѣе, что ему въ особенности удались въ операхъ яркіе характеристичные или сильные драматическіе моменты. Впрочемъ, есть надежда, что оперу г. Рахманинова въ будущемъ сезонѣ поставятъ на сцену, чего она вполнѣ заслуживаетъ.

Переходя къ солистамъ-исполнителямъ, принимавшимъ участіе въ музыкальной части годичнаго акта, мы прежде всего обратимъ вниманіе на оркестровые инструменты, потребность въ которыхъ съ постепеннымъ развитіемъ у насъ въ Россіи симфонической музыки быстро возрастаетъ. Духовые инструменты имѣли на актѣ двухъ представителей: флейтиста г. Н. Ямпка, получившаго малую серебряную медаль, и фаготиста г. Э. Вейденберга, окончившаго съ большою серебряною медалью. Г. Ямпкъ исполнилъ блестящую фантазію Бриччальди съ большою виртуозностью и легкостью, а г. Вейденбергъ выказалъ такія же качества въ исполненіи одной части концерта для фагота Вебера. Оба молодые виртуоза будутъ хорошими пріобрѣтеніями для всякаго симфоническаго или большаго опернаго оркестра, владѣя вполнѣ техникой своихъ инструментовъ и окончивъ полный курсъ общаго музыкальнаго образованія. Скрипачъ г. Е. Чижевскій съ большимъ блескомъ сыгралъ двѣ части концерта Сенъ-Санса. Судя по этому исполненію, ему доступна даже карьера виртуоза-солиста на своемъ инструментѣ, но во всякомъ случаѣ для оркестра онъ будетъ отличнымъ членомъ струннаго квартета. Г. Чижевскій также получилъ малую серебряную медаль. Изъ піанистовъ участвовали трое: г-жа А. Ермолаева и гг. І. Левинъ и Л. Максимовъ. Всѣ они получили также медали: первая—малую серебряную, а двое послѣднихъ—малыя золотыя. Г-жа Ермолаева талантливо и съ женственнымъ изяществомъ сыграла *Impromtu Fis-dur* Шопена. Г. Максимовъ выказалъ себя отличнымъ піанистомъ, владѣющимъ и большою техникой и вмѣстѣ съ тѣмъ настоящимъ виртуознымъ темпераментомъ и музыкальностію: имъ были исполнены *Баркарола D-moll* А. Г. Рубинштейна и *Вальсъ* D-dur ор. 4 П. И. Чайковскаго. Что касается до г. Левина, то онъ обнаружилъ виртуозные задатки въ полномъ смыслѣ слова

необычайные: такое полное соединеніе всѣхъ виртуозныхъ качествъ піаниста встрѣчается очень рѣдко. Имъ были исполнены *Полонезъ Fis-moll* Шопена, *Presto E-dur* ор. 7 Мендельсона-Бартольди и *Вальсъ As-dur* ор. 14 А. Г. Рубинштейна. Молодой виртуозъ совсѣмъ еще юноша, ему всего семнадцать лѣтъ, но онъ уже владѣетъ огромною, всепобѣждающею техникой и вмѣстѣ съ тѣмъ необычайною полнотой и силой тона. Всего поразительнѣе эти качества выразились въ исполненіи полонеза Шопена. Вообще какъ ни рискованно, какъ ни трудно предсказывать артистическое будущее, но г. Левинъ имѣетъ уже и въ настоящее время такъ много, что на него можно надѣяться въ будущемъ, какъ на блестящаго представителя фортепьянной виртуозности. Можно только пожелать ему начать свою артистическую карьеру за границей, у насъ публика еще не привыкла вполнѣ рѣшительно высказываться въ благопріятномъ смыслѣ относительно артистовъ начинающихъ свою карьеру, въ порицаніяхъ она менѣе стѣсняется, да и вообще порицать легче, нежели хвалить.

Музыкальная часть консерваторскаго акта прошла въ общемъ очень удачно, и это нововведеніе произвело очень благопріятное впечатлѣніе. Мы не говорили ничего о вокальныхъ нумерахъ на томъ основаніи, что всѣ окончившіе въ нынѣшнемъ году курсъ въ Консерваторіи уже получили ангажементы, частію на сцену Большаго Театра, частію на сцену Русскаго Опернаго Товарищества, такимъ образомъ о нихъ возможно будетъ составить болѣе полное понятіе по ихъ дебютамъ въ началѣ наступающаго сезона.

Изъ краткаго отчета, прочитаннаго въ началѣ акта, видно, что число учащихся было около четырехсотъ, а окончившихъ курсъ съ дипломами и аттестатами въ этомъ году было тридцать пять, изъ нихъ десять удостоены медалей.

Н. Кашкинъ.

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

Свиданіе Государя Императора съ императоромъ Германскимъ и поѣздка Великаго Князя Константина Константиновича въ Нанси. — Князь Бисмаркъ и графъ Каприви.—Появленіе холеры въ предѣлахъ Россіи.

Изъ всѣхъ политическихъ событій послѣдняго времени наибольшій интересъ возбудило свиданіе нашего Государя Императора съ императоромъ Германскимъ, состоявшееся въ Килѣ 27 мая. Оно, какъ и слѣдовало ожидать, приковало къ себѣ на время взоры всего міра и явилось предметомъ долгихъ и разнообразныхъ газетныхъ обсужденій.

Свиданіе это дѣйствительно заслуживаетъ полнаго вниманія и по праву должно занять одну изъ видныхъ страницъ въ лѣтописяхъ современной политической жизни. Представляя изъ себя въ сущности ни болѣе ни менѣе какъ простой отвѣтный визитъ нашего Государя монарху сосѣдней державы, свиданіе это *само по себѣ*, взятое *отдѣльно*, очевидно, не можетъ быть разсматриваемо въ качествѣ политическаго событія особенной важности; но оно заслуживаетъ полнаго вниманія какъ одинъ изъ наиболѣе наглядныхъ примѣровъ, какъ одна изъ наиболѣе яркихъ и живыхъ иллюстрацій къ той мудрой политикѣ, которой неуклонно придерживается наше правительство, слѣдуя непосредственнымъ указаніямъ своего Верховнаго Вождя, — политикѣ твердой, спокойной и полной собственнаго достоинства, но въ то же время осторожной, предусмотрительной, исполненной необыкновеннаго такта.

Не легко было положеніе, изъ котораго предстояло выйти нашему Государю, отдавая свой визитъ Германскому императору: съ одной стороны Нѣмцамъ и такъ уже довольно-таки долго пришлось поджидать этого отвѣтнаго визита Русскаго Царя (около двухъ лѣтъ) и дальнѣйшее промедленіе не соотвѣтствовало бы обычной вѣжливости и любезности нашего Монарха и могло бы показаться уже совсѣмъ неловкимъ, въ особенности въ виду столь удобнаго для этого визита случая, какъ пребываніе нашего Государя въ Копенгагенѣ на торжественномъ празднованіи золотой свадьбы датской королевской четы, съ другой стороны—возможность жадныхъ вожделѣній и странныхъ, оскорбительныхъ упованій Нѣмцевъ, соединявшихъ съ мыслію объ этомъ визитѣ надежду на крутой поворотъ въ нашей внѣшней политикѣ и мечтавшихъ вновь начать эксплуатацію въ свою пользу русскихъ интересовъ, возможность дерзкихъ инсинуацій со стороны германскихъ газетъ, частію глупо самонадѣянныхъ, частію тонко-лукавыхъ, и во всякомъ случаѣ могущихъ набросить тѣнь на отношенія наши съ Франціей, испортить ихъ, наконецъ пытливые взоры самой этой дружественной намъ страны.—все это до чрезвычайности осложняло столь простой и обыкновенный, повидимому, шагъ, который предстояло сдѣлать нашему Государю.

Сколько нужно было мудрости, осторожности и такта, чтобы выйти съ честію изъ столь труднаго положенія! И Русскій Монархъ исполнилъ это какъ нельзя лучше...

Поставивъ это дѣло съ самаго начала на совершенно личную почву частныхъ отношеній. Онъ выполнилъ его съ необыкновеннымъ искусствомъ и изумительною сдержанностью. Точнымъ отраженіемъ и вполнѣ убѣдительнымъ и яснымъ свидѣтельствомъ этой сдержанности можетъ служить подробная телеграмма, присланная въ *Правительственный Вѣстникъ* исправляющимъ должность гофмаршала Высочайшаго двора, графомъ Голенищевымъ-Кутузовымъ. Здѣсь самый придирчивый умъ не найдетъ ни одного лишняго слова, могущаго служить поводомъ къ кривымъ и невѣрнымъ толкованіямъ... Совершенному же отрезвленію нѣмецкихъ газетъ, дѣйствительно было начавшихъ свои дерзкія инсинуаціи—и притомъ еще за нѣсколько дней до самаго свиданія, когда оно было лишь окончательно рѣшено—содѣйствовало въ значительной мѣрѣ одно самое для нихъ неожиданное, но крайне знаменательное обстоятельство, совершенно на первыхъ порахъ ихъ смутившее и выбившее изъ намѣченной было ими себѣ колеи:

какъ разъ въ день самаго кильскаго свиданія, того же 27 мая, въ Нанси, на восточной границѣ Франціи, Великій Князь Константинъ Константиновичъ сдѣлалъ визитъ главѣ Французскаго народа, внезапно появившись среди неожиданно обрадованныхъ и утѣшенныхъ Французовъ, возбудивъ тѣмъ въ нихъ горячій, неподдѣльный энтузіазмъ и сопровождаемый во все время своего краткаго пребыванія въ Нанси восторженными, несмолкаемыми кликами: *vive le Tzar! vive la Russie!*

Нѣмцы поняли послѣ этого всю нелѣпость своихъ мечтаній о какомъ-то „поворотѣ“ въ нашей политикѣ. Они поняли или—вѣрнѣе—должны были понять, что политика эта остается такою же, какъ прежде: миролюбивою, спокойною, сдержанною, но твердою и совершенно самобытною, вовсе не расположенною служить германскимъ интересамъ и имѣющей въ виду повиноваться лишь державному камертону своего мудраго Царственнаго Руководителя.

* * *

Другое событіе, обратившее на себя за это время всеобщее вниманіе, отличается совершенно противоположнымъ характеромъ, то-есть полнымъ отсутствіемъ такихъ сейчасъ только отмѣченныхъ нами качествъ, какъ мудрое спокойствіе, полная достоинства сдержанность, осторожность, тактъ, разумное самообладаніе...

Мы разумѣемъ надѣлавшую столько шума полемику двухъ германскихъ канцлеровъ: отставнаго, но, видимо, все еще не могущаго примириться со своею отставкой, князя Бисмарка и преемника его, графа Капривп, объ руку съ которымъ стоптъ самъ молодой Германскій императоръ.

Поводомъ къ этому большому шуму послужило столь незначительное само по себѣ и совершенно частное обстоятельство, какъ поѣздка опальнаго канцлера въ Вѣну для присутствованія на брачномъ торжествѣ старшаго его сына, графа Герберта Бисмарка.

Овацін, которыя всюду по пути устраивали старцу, объединителю Германіи, взбудоражили и расшевелили его больное самолюбіе, а нѣкоторая дѣйствительная нетактичность и неуваженіе къ его прежнимъ несомнѣннымъ заслугамъ со стороны правящихъ сферъ больно укололи его далеко еще не зажившую рану.—и вышедшій изъ себя старикъ поднялъ большой шумъ и

частію въ отвѣтныхъ рѣчахъ своихъ разнымъ чествовавшимъ его корпораціямъ, частію на газетныхъ столбцахъ, услужливо предоставленныхъ ему нѣкоторыми публицистами, наговорилъ много весьма рѣзкаго и дерзкаго по адресу своихъ преемниковъ и теперешняго веденія ими дѣлъ. Графъ Каприви не выдержалъ характера, обидѣлся, на рѣзкія выходки старика принялся отвѣчать выходками не менѣе рѣзкими — и тѣмъ только подлилъ масла въ огонь...

Не предрѣшая исхода этой печальной полемики, замѣтимъ только, что опальный канцлеръ, потерявъ всякое самообладаніе, на склонѣ дней своихъ, легкомысленно и безразсудно, изъ мелочнаго самолюбія, начинаетъ собственными руками разрушать то, что самъ же созидалъ въ теченіе всей жизни съ такимъ трудомъ и политическою мудростью... Зрѣлище грустное и поучительное!..

* * *

Изъ интересовъ дня нашей внутренней жизни выдвигается на первый планъ, отодвигая и оттѣсняя собой всѣ иные интересы, новое, грозное испытаніе, посылаемое Господомъ Русскому народу... Въ наши предѣлы (сначала въ Закавказье, а потомъ и въ Астрахань) проникла изъ Персіи чрезъ Каспійскую низменность азіятская холера, дальнѣйшаго распространенія которой нужно, конечно, прежде всего ждать вверхъ по теченію Волги...

Правительство наше, едва покончивъ съ однимъ народнымъ бѣдствіемъ, уже выступаетъ, во всеоружіи бодрой энергіи, на борьбу съ новымъ. Но на помощь правительству необходимо должно прійти въ этомъ дѣлѣ само общество: безъ его бодраго, живаго и дѣйственнаго участія борьба съ надвигающимся бѣдствіемъ будетъ имѣть гораздо меньше успѣха, чѣмъ слѣдуетъ. Въ разсчетѣ на такое именно разумное отношеніе со стороны общества къ этому дѣлу, правительство и рѣшило, вопреки обычаю прежняго времени, публиковать въ настоящемъ случаѣ съ самою подробною точностію всѣ свѣдѣнія о ходѣ и развитіи эпидеміи, и о большей или меньшей успѣшности принимаемыхъ противъ нея мѣръ.

Печать наша начинаетъ переполняться свѣдѣніями о холерѣ, санитарными и гигіеническими совѣтами и противохолерными рецептами...

Города усиленно чистятся, стараясь освободиться отъ годами накопившейся въ нихъ грязи и всяческихъ нечистотъ...

Да, „не грянетъ громъ, мужикъ не перекрестится"!.. Ну что-жъ, почистись, почистись, родная Русь! и хоть теперь, въ годину новаго народнаго бѣдствія, счищая съ себя *матеріальную* грязь и нечистоту, вспомни, что не одна только она у тебя, а что есть еще у тебя и *духовные* не чистые наросты, отъ которыхъ тоже не мѣшало бы тебѣ освободиться, особенно теперь, когда ты мало-по-малу начинаешь снимать съ себя иноземныя помочи и хоть иногда, хоть и неясно еще начинаешь подумывать о своемъ самобытномъ, особомъ въ мірѣ, Богомъ указанномъ тебѣ пути!

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Разрѣшеніе вывоза хлѣба.—Съѣздъ въ Москвѣ винокуренныхъ заводчиковъ и спиртопромышленниковъ.—Современное положеніе питейнаго дѣла въ Россіи.—Вопросъ о пьянствѣ.—Государственное хозяйство и частная предпріимчивость.—Виды на урожай.

Въ *Правительственномъ Вѣстникѣ* (№ 123), отъ 9 іюня, опубликованъ слѣдующій Высочайшій указъ Правительствующему Сенату, данный 4 іюня:

„Въ виду миновавшей необходимости дальнѣйшаго сохраненія, въ полномъ объемѣ, принятыхъ въ прошедшемъ году, по повелѣнію Нашему, ограничительныхъ по вывозу хлѣбовъ за границу мѣръ, признали Мы нынѣ за благо, сохранивъ лишь, впредь до времени, установленное Указомъ Нашимъ, 28 іюля 1891 года, запрещеніе вывоза ржи, ржаной муки и отрубей всякаго рода, разрѣшить безпрепятственно, какъ моремъ, такъ и по западной сухопутной границѣ, отпускъ остальныхъ хлѣбовъ и хлѣбныхъ продуктовъ."

Офиціальный органъ Министерства Финансовъ, *Вѣстникъ Финансовъ, Промышленности и Торговли* (№ 24) высказываетъ по поводу этой мѣры слѣдующія соображенія: „Полученныя Министерствами Финансовъ, Государственныхъ Имуществъ и Внутреннихъ Дѣлъ свѣдѣнія о состояніи всходовъ согласно указываютъ, что разсматриваемые въ общемъ и цѣломъ виды на урожай должны быть признаны удовлетворительными. Благопріятныя условія погоды второй половины мая и начала іюня несомнѣнно еще болѣе повысятъ надежды на урожай. Въ настоящее

время если и преждевременно судить о самомъ размѣрѣ урожая текущаго года, то, во всякомъ случаѣ, можно съ достаточною увѣренностью признать, что теперешнее состояніе всходовъ не подаетъ, въ общемъ, повода къ какимъ-либо опасеніямъ. Равнымъ образомъ, представляется удовлетворительнымъ состояніе посѣвовъ за границей, неблагопріятное положеніе которыхъ могло бы вызвать чрезмѣрный вывозъ нашего хлѣба. Такимъ образомъ, не представляя никакихъ опасеній въ смыслѣ обезпеченія снабженія и въ смыслѣ измѣненія уровня цѣнъ, разрѣшеніе вывоза хлѣбовъ внесетъ необходимое и совершенно отсутствующее нынѣ оживленіе какъ внѣшней торговли, главнѣйшіе обороты которой основываются именно на сбытѣ хлѣба, такъ и торговли внутренней, обычный ходъ которой въ значительной степени былъ замедленъ застоемъ экспортныхъ дѣлъ."

Изложенныя соображенія вполнѣ подтверждаются поступающими дальнѣйшими свѣдѣніями о состояніи посѣвовъ. Послѣднія извѣстія указываютъ, что, за исключеніемъ нѣкоторыхъ неудовлетворительныхъ мѣстностей, обнимающихъ въ общей сложности площадь пяти-шести губерній, въ нынѣшнемъ году можно ожидать довольно обильнаго сбора хлѣбовъ, что̀ даетъ возможность разсчитывать въ общемъ на средній урожай, дающій болѣе или менѣе значительный избытокъ за полнымъ удовлетвореніемъ внутренняго спроса. Если два мѣсяца тому назадъ виды на урожай представлялись въ значительной степени гадательными, теперь они выясняются съ такою опредѣленностью, что разрѣшеніе вывоза хлѣбовъ, возбуждавшее въ апрѣлѣ опасенія, нынѣ является благовременнымъ и желательнымъ.

Движеніе хлѣбныхъ цѣнъ регулируется закономъ спроса и предложенія. Если хлѣба мало и спросъ превышаетъ предложеніе, цѣны быстро двигаются на повышеніе, какъ приходилось наблюдать это въ минувшемъ году, когда для противодѣйствія чрезмѣрному подъему цѣнъ и для достаточнаго обезпеченія народнаго продовольствія потребовалось остановить вывозъ хлѣба за границу. Въ настоящее время хлѣбныя цѣны въ большинствѣ мѣстностей почти приблизились къ нормальному уровню. При маломъ спросѣ и все болѣе усиливающемся, въ виду наступленія жатвы, предложеніи хлѣбныя цѣны могли бы спуститься до крайне низкаго уровня, сильно понизивъ выручку сельскаго хозяйства. Значительная часть сельскихъ хозяевъ, не обладая достаточнымъ оборотнымъ капиталомъ, запродаютъ хлѣбъ еще на

корню или же производятъ уборку его за счетъ полученныхъ отъ хлѣбныхъ торговцевъ задатковъ. Отсутствіе вывоза, стѣсняя обороты хлѣбной торговли, все болѣе гнело бы хлѣбныя цѣны къ выгодѣ для скупщиковъ и торговцевъ, которые не примину-ли бы воспользоваться стѣснительнымъ положеніемъ сельскихъ хозяевъ, забирая у нихъ продукты по произвольнымъ цѣнамъ и перепродавая ихъ впослѣдствіи съ крупными барышами. Отсут-ствіе регулирующаго вліянія иностраннаго спроса было бы тѣмъ болѣе ощутительно, что въ нынѣшнемъ году въ большинствѣ районовъ жатва начинается ранѣе обыкновеннаго и въ нѣкото-рыхъ мѣстностяхъ уже приступили къ уборкѣ хлѣба новаго уро-жая. Въ виду такихъ обстоятельствъ разрѣшеніе вывоза хлѣбовъ нельзя не признать вполнѣ благовременнымъ, вполнѣ удовлет-воряющимъ интересамъ русскаго земледѣлія.

Бѣдствіе неурожая минувшаго года окончилось, а между тѣмъ послѣдствія его долго еще будутъ отражаться на многихъ отра-сляхъ хозяйственной дѣятельности страны. Вліяніе неурожая, между прочимъ, сопровождалось значительными осложненіями для винокуреннаго производства, какъ это выяснилось на про-исходившемъ въ Москвѣ первомъ съѣздѣ винокуренныхъ заводчиковъ и спиртопромышленниковъ. Съѣздъ этотъ былъ устроенъ Министерствомъ Финансовъ, по просьбѣ многихъ заводчиковъ. „для выясненія нынѣшняго состоянія и нуждъ винокуренной промышленности какъ въ Россіи вообще, такъ и въ отдѣльныхъ ея мѣстностяхъ, для изысканія способовъ къ улучшенію сей про-мышленности“. Засѣданія съѣзда, происходившія подъ предсѣда-тельствомъ директора Департамента Неокладныхъ Сборовъ А. С. Ермолова, продолжались недѣлю, съ 10 по 16 іюня включи-тельно. Въ съѣздѣ участвовало 316 лицъ, въ числѣ которыхъ было 212 винокуренныхъ заводчиковъ, причемъ столичныя гу-берніи имѣли 7 представителей, сѣверныя 4, среднія промыш-ленныя 24, среднія черноземныя 70, малороссійскія 11, прибал-тійскія 33, сѣверо-западныя 20, юго-западныя 8, привислинскія 9 и Закавказскій край 1. Такимъ образомъ, всѣ районы, съ раз-личными условіями производства, имѣли своихъ представителей на съѣздѣ и вслѣдствіе этого представилась возможность съ достаточною опредѣленностью выяснить взаимодѣйствіе ихъ ин-тересовъ. Кромѣ того, въ съѣздѣ принимали участіе: водочныхъ заводчиковъ 14, складчиковъ и экспортеровъ 9, винокуровъ 31,

чиновъ акцизнаго вѣдомства 29 и, наконецъ, лицъ, командированныхъ различными учрежденіями, 21.

Разнообразный составъ съѣзда облегчалъ всестороннюю разработку вопросовъ, намѣченныхъ въ его обширной программѣ и касающихся какъ технической, такъ и экономической стороны дѣла. Въ настоящее время до опубликованія трудовъ съѣзда было бы преждевременно подводить итоги его дѣятельности, такъ какъ трудно удержать въ памяти не только прочитанные доклады, но и происходившія по поводу ихъ пренія, имѣвшія рѣшающее значеніе. Краткіе газетные отчеты, передавая общій характеръ засѣданій, уклоняются отъ сообщенія подробностей, обусловливающихъ принятыя рѣшенія,—они знакомятъ съ достигнутыми результатами, не приводя однако мотивовъ вызвавшихъ тѣ или другія постановленія. Газеты сообщили, напримѣръ, о поданномъ 76 лицами заявленіи о возобновленіи выдачи премій при вывозѣ спирта за границу. Но не приведено указаній на причины, обусловливающія, по мнѣнію просителей, необходимость осуществленія такой мѣры и вслѣдствіе этого приходится уклониться отъ обсужденія ея: быть-можетъ въ заявленіи приведены столь вѣскіе аргументы, которые устраняютъ возможность какихъ-либо возраженій и заставляютъ безпрекословно принять мнѣніе ходатаевъ. Можно было бы указать и на нѣкоторыя другія постановленія, кажущіяся недостаточно разработанными и мотивированными вслѣдствіе сжатости газетныхъ отчетовъ. Во всякомъ случаѣ нѣкоторая осторожность въ оцѣнкѣ дѣятельности съѣзда едва ли окажется излишнею, тѣмъ болѣе, что онъ представляетъ первый опытъ взаимнаго сближенія лицъ, непосредственно заинтересованныхъ въ успѣхахъ винокуреннаго производства и торговли его продуктами.

Коснувшись вопроса о съѣздѣ, нельзя умолчать о блестящей характеристикѣ взаимодѣйствія сталкивающихся въ винокуренной промышленности интересовъ, какъ это изложено было предсѣдателемъ въ его вступительной рѣчи. Въ настоящемъ съѣздѣ, говорилъ А. С. Ермоловъ, должны найти свое выраженіе интересы не однихъ винокуренныхъ заводчиковъ, производителей спирта, но и посредниковъ между ними и потребителями, торговцевъ виномъ и самихъ потребителей. Нужно чтобъ интересы каждой изъ этихъ трехъ сторонъ были одинаково соблюдены. У насъ часто слышатся мнѣнія, что интересы винокуровъ и торговцевъ противоположны между собой, что желательно установ-

леніе прямыхъ отношеній между производителями и потребителями, съ устраненіемъ въ этомъ дѣлѣ торговцевъ. Но торговцы представляютъ необходимый элементъ въ каждомъ промышленномъ дѣлѣ. Невозможно требовать, чтобы производители и потребители стояли лицомъ къ лицу; необходимо однако озаботиться примиреніемъ интересовъ всѣхъ трехъ группъ. Большинство съѣзда состоитъ не изъ потребителей, но интересы ихъ должны быть здѣсь вполнѣ соблюдены. Нужно заботиться о сокращеніи потребленія вина, но такъ чтобъ это не шло въ разрѣзъ съ интересами заводчиковъ. Не пьянство поддерживаетъ винокуренное дѣло, а богатое обезпеченное населеніе, которое можетъ быть богатымъ только въ томъ случаѣ, если не пьянствуетъ. Поэтому нѣтъ никакой противоположности между интересами винокуренныхъ заводчиковъ и трезвостью и нравственностью. Потребители заинтересованы, чтобы между производителями не было стачекъ, искусственнаго повышенія цѣнъ, чтобъ имъ доставлялся доброкачественный продуктъ, чтобы подъ видомъ столоваго вина не подносилась вредная для здоровья сивуха. Все это легко исполнимо и современная техника представляетъ много способовъ для обезвреженія спирта. Въ винокуренномъ дѣлѣ есть еще одна серьезно заинтересованная сторона—правительство, Министерство Финансовъ. Винокуреніе служитъ источникомъ весьма крупнаго дохода для государства, и Министерство Финансовъ озаботчено, чтобы доходъ этотъ не уменьшался, но чтобъ онъ основывался не на распространеніи пьянства, а на умѣренномъ и правильномъ потребленіи вина обезпеченнымъ и богатымъ населеніемъ. Слѣдовательно, интересы Министерства Финансовъ представляются солидарными съ интересами производителей, торговцевъ и потребителей вина. Выяснивъ общность соприкасающихся въ винокуренной промышленности интересовъ. А. С. Ермоловъ указалъ, что Россія, какъ страна по преимуществу земледѣльческая, весьма заинтересована въ томъ, чтобы продукты земледѣлія поступали въ продажу не въ сыромъ, а въ переработанномъ видѣ, причемъ всѣ отбросы должны оставаться на пользу земледѣлія и скотоводства. По мѣрѣ того какъ истощается земля, чувствуется сильная потребность въ удобреніи; она будетъ удовлетворена, если станутъ развиваться такія отрасли сельскаго хозяйства, какъ винокуреніе, гдѣ отбросы возвращаются въ почву. Въ минувшемъ неурожайномъ году винокуренные заводы служили истиннымъ благодѣяніемъ для мѣстнаго

населенія, находившаго на нихъ не только заработокъ, но и кормъ для скота.

Нельзя не согласиться съ мнѣніемъ А. С. Ермолова относительно важнаго значенія винокуреннаго производства въ Россіи, перерабатывающаго сельско-хозяйственные продукты и доставляющаго питательный кормъ скоту. Слѣдуетъ, однако, замѣтить, что въ этой отрасли промышленности наиболѣе выгодными для земледѣлія оказываются малые, такъ-называемые сельско-хозяйственные заводы, вполнѣ утилизующіе всѣ продукты производства. Къ сожалѣнію, съ начала шестидесятыхъ годовъ, именно со времени введенія акцизной системы, начинается упадокъ сельско-хозяйственнаго винокуренія, пригнетаемаго конкурренціей крупныхъ промышленныхъ заводовъ. Въ первое время по введеніи въ дѣйствіе акцизной системы, именно въ 1866 — 67 году въ Европейской Россіи, вмѣстѣ съ Царствомъ Польскимъ, дѣйствовало 4.619 винокуренныхъ заводовъ. Черезъ двадцать лѣтъ, въ періодъ винокуренія 1886 — 87 года, число дѣйствовавшихъ заводовъ исчисляется лишь въ 2.058. Но такъ какъ выкурка спирта не уменьшается, а скорѣе обнаруживаетъ наклонность къ увеличенію, то очевидно, что уменьшеніе количества заводовъ было возмѣщено увеличеніемъ размѣровъ ихъ производства, то-есть что мелкое винокуреніе подавляется крупными промышленными заводами. Это вполнѣ подтверждается справками о размѣрахъ производствъ винокуренныхъ заводовъ. Если раздѣлить винокуренные заводы на три группы: малые съ выкуркой менѣе 10.000 ведеръ, средніе отъ 10.000 до 100.000 ведеръ и большіе, выкуривающіе свыше 100.000 ведеръ вина въ 40 градусовъ, то въ 1866—67 году въ Европейской Россіи, вмѣстѣ съ Царствомъ Польскимъ, было: малыхъ заводовъ 2.584, среднихъ 1.946 и большихъ 89. Черезъ двадцать лѣтъ, въ періодъ винокуренія 1886 — 87 года, дѣйствовало: малыхъ заводовъ 450, среднихъ 1.474 и большихъ 134 завода. Крупное капиталистическое производство сильно уменьшило дѣятельность сельско-хозяйственныхъ предпріятій.

Обращаясь къ причинамъ уменьшенія числа заводовъ и поглощенія мелкихъ предпріятій крупными, прежде всего слѣдуетъ отмѣтить усовершенствованія техники и развитіе путей сообщенія усилившихъ конкурренцію, вслѣдствіе чего слабыя предпріятія должны были уступить болѣе сильнымъ соперникамъ. Вовторыхъ, не мало способствовало угнетенію сельско-хозяйственнаго вино-

куренія наше акцизное законодательство, облегчавшее дѣятельность крупныхъ коммерческихъ заводовъ. Прежде всего необходимость, со введеніемъ акцизной системы, строгаго учета выкуриваемаго на заводахъ вина, особенно въ виду высокаго размѣра акциза, неизбѣжно должна была быть соединена съ нѣкоторою регламентаціей производства, съ установленіемъ разнаго рода формальностей, съ требованіемъ веденія на заводахъ правильной и подробной бухгалтеріи и т. п. Всѣ эти условія для заводовъ большаго размѣра, гдѣ самое производство вызываетъ необходимость содержанія особой заводской администраціи, разныхъ спеціальныхъ мастеровъ, конторщиковъ, разсыльныхъ и проч., не представляло затрудненій и не вызывало лишнихъ расходовъ. Для малыхъ заводовъ исполненіе предписаній Питейнаго Устава требовало иногда найма особыхъ служащихъ, лишнихъ расходовъ на разъѣзды, что, при небольшой выкуркѣ, ложилось значительною тяжестью на производство. Такимъ образомъ, крупные и мелкіе заводы оказались поставленными въ неодинаковыя условія конкурренціи, съ ущербомъ для послѣднихъ. Кромѣ того, это неравенство особенно увеличивалось тѣмъ обстоятельствомъ, что при изданіи Питейнаго Устава были назначены различныя нормы выходовъ спирта изъ пуда припасовъ, и винокуреніе по высшей нормѣ поощрялось болѣе значительнымъ отчисленіемъ безакцизнаго перекура. Назначеніе нормъ выходовъ спирта, съ обязательною оплатой всего недокура акцизомъ, могло не вызвать существенныхъ измѣненій въ положеніи винокуренныхъ заводовъ только при назначеніи настолько низкихъ нормъ, что всѣ заводы были бы въ состояніи получить ихъ. Принятая у насъ первоначально норма въ 34° изъ пуда хлѣбныхъ припасовъ, хотя и не могла быть признана высокою для благоустроенныхъ заводовъ, тѣмъ не менѣе для многихъ мелкихъ винокуренъ оказалась непосильною, и онѣ были вынуждены прекратить производство. Понятно, что возвышеніе нормъ способствовало еще большему ограниченію мелкаго винокуренія.

Гораздо болѣе чѣмъ нормы благопріятствовала сосредоточенію винокуренія на крупныхъ заводахъ система отчисленія безакцизнаго перекура. Хотя со времени введенія акцизной системы правительство постоянно стремилось къ уменьшенію безакцизнаго перекура и, начавъ съ отчисленія въ неограниченномъ количествѣ, довело высшій размѣръ его до 5% съ выкуриваемаго по высшей нормѣ вина, тѣмъ не менѣе уменьшеніе это въ извѣстной

степени было только номинальнымъ, такъ какъ съ возвышеніемъ акциза отчисленіе меньшаго процента перекура давало заводчикамъ, по переложеніи на деньги, большія выгоды. Сумма акциза за отчисленный въ пользу заводчиковъ перекуръ въ разные годы была неодинакова. Такъ, напримѣръ, въ періодѣ 1864—65 года она составляла менѣе 13 милліоновъ рублей; въ періодъ 1874—75 года была болѣе 22 милліоновъ рублей; въ періодъ 1877—78 менѣе 15 милліоновъ рублей; въ слѣдующемъ году болѣе 21 милліона рублей и т. д. По мнѣнію г. Терскаго, [1] близко знакомаго съ положеніемъ питейнаго дѣла, „за все время существованія акцизной системы, съ 1863 по 1889 годъ, то-есть за 27 лѣтъ, въ пользу заводчиковъ отчислено перекура на сумму акциза, вѣроятно, не менѣе 400.000.000 рублей“. Г. Терскій слѣдующимъ образомъ характеризуетъ значеніе перекура для винокуренныхъ заводчиковъ: „установившіяся цѣны на спиртъ обыкновенно едва только покрываютъ стоимость винокуренныхъ припасовъ; затѣмъ, какъ бо́льшая часть стоимости собственно производства, такъ и проценты на затраченный капиталъ, вмѣстѣ съ предпринимательскимъ барышомъ, могутъ быть получены только на перекурѣ“. Но такъ какъ размѣры перекура находятся въ зависимости отъ примѣненія усовершенствованій техники, опытности винокуровъ, обилія крахмала въ употребляемыхъ припасахъ, то, очевидно, что перекуръ, будучи болѣе доступенъ крупнымъ коммерческимъ заводамъ, увеличивалъ успѣхъ ихъ конкурренціи съ мелкими сельскохозяйственными предпріятіями, принижая дѣятельность послѣднихъ.

Правительство, сознавая преимущества сельскохозяйственнаго винокуренія, предполагало помочь мелкимъ заводамъ установленіемъ съ 1885 года такъ-называемаго регрессивнаго перекура, заключающагося въ сокращеніи безакцизныхъ отчисленій на выкурку, превышающую милліонъ градусовъ. Но регрессивный перекуръ оказалъ обратное дѣйствіе, побудивъ мелкіе заводы расширить производство, и вызвалъ искусственное увеличеніе винокуренія въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ оно сосредоточивалось преимущественно на мелкихъ заводахъ.

Видя неудачу первой попытки, правительство обратило особенное вниманіе на разработку мѣръ, способствующихъ развитію

---

[1] Н. С. Терскій. *Питейные сборы и акцизная система въ Россіи.* Спб. 1890 стр. 167.

сельскохозяйственнаго, винокуренія и результатомъ явился изданіе закона 4 іюня 1890 года, установившаго болѣе правильный порядокъ отношеній между отдѣльными группами винокуренныхъ заводовъ. Этимъ закономъ впервые были установлены признаки сельскохозяйственнаго винокуренія, опредѣленіемъ выкурки соотвѣтственно площади пахотной земли имѣнія. Вовторыхъ, была уничтожена невыгодно отражавшаяся на мелкихъ заводахъ система перекура и вмѣсто нея было установлено безакцизное отчисленіе въ пользу заводчиковъ извѣстнаго процента съ выкуреннаго вина, причемъ это отчисленіе постепенно уменьшается по мѣрѣ увеличенія выкурки. Такъ, на первый выкуренный милліонъ градусовъ назначено отчисленіе въ 2%, на выкурку отъ 1 до 3 милліоновъ градусовъ 1 1/2%, и на выкурку отъ 3 до 12 милліоновъ градусовъ отчисленіе дѣлается въ размѣрѣ 1/2%. Этимъ постановленіемъ, устраняющимъ невыгодное для малыхъ заводовъ вліяніе нормъ, значительно уравновѣшены условія конкурренціи крупныхъ предпріятій съ мелкими, къ прямой выгодѣ для послѣднихъ. Наконецъ, втретьихъ, спеціально для сельскохозяйственнаго винокуренія установлено дополнительное безакцизное отчисленіе въ слѣдующемъ размѣрѣ: на первые въ періодѣ винокуренія полмилліона градусовъ 4%; на выкурку отъ 1/2 милліона до 1 милліона градусовъ 2%, отъ 1 милліона до 3 милліоновъ 1 1/2%, и отъ 3 до 6 милліоновъ градусовъ 1/2%. Такой порядокъ дополнительнаго отчисленія даетъ существенныя выгоды сельскохозяйственному винокуренію вообще, оказывая предпочтеніе болѣе производительнымъ малымъ заводамъ.

Авторы закона 4 іюня 1890 года, очевидно, стремились къ достиженію двойной цѣли: вопервыхъ, облегчить положеніе мелкаго и въ особенности сельскохозяйственнаго винокуренія, и, вовторыхъ, устранить загроможденіе рынковъ перепроизводствомъ спирта, отнявъ у крупныхъ заводовъ побужденія къ искусственному усиленію выработки, которая, роняя цѣны, подрываетъ общее благосостояніе промышленности. Выясняя значеніе новаго закона, *Отчетъ Департамента Неокладныхъ Сборовъ за 1890 годъ* вполнѣ основательно указываетъ, что измѣнившіяся условія производства, благопріятствуя мелкому и преимущественно связанному съ земледѣліемъ винокуренію, не подорвутъ однако и крупной промышленности, которой остается широкое поле дѣятельности. „Что касается крупныхъ заводовъ говоритъ *Отчетъ*, то положеніе ихъ измѣнится въ томъ отношеніи, что имъ

придется приложить старанія къ удешевленію стоимости производства путемъ болѣе раціональнаго веденія дѣла и большей экономіи въ расходахъ и не поступаться такъ легко въ цѣнѣ на вино, въ разсчетѣ на значительный перекуръ, какъ они дѣлали понынѣ, чѣмъ и наносили особенно значительный вредъ заводамъ меньшаго размѣра, для которыхъ подобная уступка непосильна. По отношенію къ удешевленію производства крупные заводчики еще имѣютъ значительный просторъ и они далеко не исчерпываютъ ту пользу, которую имъ предоставляютъ крупные размѣры винокуренія, въ чемъ легко убѣдиться изъ разсмотрѣнія имѣющихся данныхъ о стоимости производствъ на разныхъ заводахъ."

Новый законъ о винокуреніи вступилъ въ дѣйствіе съ 1 іюля 1891 года, то-есть примѣненіе его послѣдовало въ такое время, когда бѣдствіе неурожая нарушило нормальный порядокъ хозяйственныхъ условій земледѣлія. Трудно предположить, чтобъ исключительныя условія минувшаго года не отразились на винокуреніи, не измѣнили правильнаго хода дѣла. Нельзя не пожалѣть, что особенности минувшаго года затрудняютъ правильную оцѣнку дѣйствія новаго закона, оказаннаго имъ вліянія на установленіе болѣе тѣсной связи винокуреннаго производства съ земледѣліемъ.

Во всякомъ случаѣ остается внѣ сомнѣнія, что измѣненіе правилъ о винокуреніи способствовало удержанію питейнаго дохода и въ неурожайный годъ на довольно высокомъ уровнѣ, облегчивъ дѣятельность Государственнаго Казначейства.

Упорядочивая условія производства, правительство обратило вниманіе и на регулированіе торговли спиртомъ, положивъ устройствомъ въ Москвѣ казеннаго склада основаніе болѣе правильной организаціи ея.

По выпускѣ изъ подвала должно быть оплачено акцизомъ все то количество спирта, которое прошло черезъ контрольный снарядъ. При свойственной спирту летучести сохраненіе его сопряжено со значительными расходами, вслѣдствіе усушки и утечки, и чѣмъ болѣе повышается акцизъ, тѣмъ становится обременительнѣе для заводчиковъ. Крупные заводы, для уменьшенія потерь, устраиваютъ герметически закупориваемыя помѣщенія для храненія спирта, что̀ сопряжено, конечно, съ затратой значительнаго капитала и недоступно для мелкаго производства. А такъ какъ складчики избѣгаютъ закупокъ спирта большими партіями, то потери храненія являются особенно чувствительными для мелкихъ

производителей, которые, вслѣдствіе этого, спѣшатъ продажей спирта, усиленнымъ предложеніемъ понижая цѣны его. Для избавленія менѣе достаточныхъ заводчиковъ отъ убытковъ при храненіи и для регулированія вообще внутренней торговли спиртомъ Министерство Финансовъ устроило въ Москвѣ, главномъ спиртовомъ рынкѣ, казенный складъ или, говоря иначе, спиртовый элеваторъ, гдѣ, при обезличеніи продукта, онъ хранится за умѣренную плату съ отвѣтственностью склада за усушку и утечку. Сдавъ спиртъ въ складъ, заводчикъ не только не несетъ отвѣтственности за утрату продукта, но еще пользуется правомъ ссуды подъ сложенный товаръ, что, увеличивая его оборотныя средства, способствуетъ упроченію его хозяйственной дѣятельности, придаетъ устойчивость его торговымъ операціямъ, открывая возможность выжидать установленія лучшихъ цѣнъ. Можно думать, что дѣятельность склада значительно ослабитъ зависимость мелкихъ заводчиковъ отъ складчиковъ спирта и внесетъ болѣе устойчивости въ торговлю спиртомъ. Съ другой стороны складъ, избавляя складчиковъ отъ необходимости внесенія залоговъ и отъ расходовъ по утратѣ спирта, доставитъ имъ возможность расширить размѣры ихъ торговыхъ операцій. Такимъ образомъ складъ, примиряя діаметрально противоположные интересы, долженъ внести оживленіе въ торговлю спиртомъ, ослабивъ невыгодное вліяніе случайныхъ обстоятельствъ.

Слѣдуетъ однако замѣтить, что устройство склада въ Москвѣ еще не представляетъ самостоятельной, вполнѣ законченной мѣры, исчерпывающей по существу вопросъ объ упорядоченіи торговли спиртомъ. Несмотря на важное значеніе московскаго рынка, складъ въ Москвѣ имѣетъ преимущественно мѣстное значеніе, удовлетворяя лишь требованія тяготѣющихъ къ нему районовъ. Для полной реорганизаціи торговли спиртомъ необходимо устройство подобныхъ складовъ во всѣхъ важнѣйшихъ пунктахъ спиртовой торговли, какъ напримѣръ въ Харьковѣ, Ростовѣ-на-Дону, Одессѣ, Варшавѣ, Ригѣ, Казани. Только съ устройствомъ этихъ складовъ, будетъ ли это выполнено правительствомъ или частными предпринимателями, станетъ возможнымъ объединеніе дѣятельности отдѣльныхъ рынковъ, а слѣдовательно и общее упорядоченіе торговли спиртомъ. Цѣлесообразность примѣняемыхъ мѣръ доказываетъ, что завѣдываніе винокуреннымъ производствамъ сосредоточено въ опытныхъ и умѣлыхъ рукахъ и такая постановка дѣла представляетъ надежную

гарантію въ дальнѣйшихъ успѣхахъ въ будущемъ, какъ съ точки зрѣнія общегосударственныхъ интересовъ, такъ и относительно развитія частной предпріимчивости.

Говоря о современномъ состояніи винокуренной промышленности, нельзя умолчать о внѣшней торговлѣ спиртомъ, имѣющей довольно важное значеніе для производства, снимая гнетущіе внутренній рынокъ избытки товара. Вопросъ о вывозѣ интересенъ также и въ томъ отношеніи, что вызвалъ сильное оживленіе въ средѣ участниковъ винокуреннаго съѣзда, которые подали заявленіе о необходимости, по ихъ мнѣнію, возстановленія отмѣненнаго осенью минувшаго года порядка вывоза спирта изъ Россіи.

Придавая большое значеніе отпускной торговлѣ спиртомъ, правительство въ продолженіе двадцати пяти лѣтъ поощряло вывозъ спирта за границу выдачей премій. Размѣръ этого поощренія, въ видѣ премій на сырой спиртъ и путевую трату, съ отчисленіемъ на отпускаемый спиртъ безакцизнаго перекура, не былъ одинаковъ по отдѣльнымъ годамъ, но въ общемъ составлялъ значительное пожертвованіе со стороны Государственнаго Казначейства, израсходовавшаго на этотъ предметъ только за послѣднія 17 лѣтъ *сорокъ* милліоновъ рублей. Пособіе казны составляло по отдѣльнымъ годамъ отъ 50% до 80% стоимости товара. Такимъ образомъ, развитіе отпускной торговли происходило за счетъ правительства или, говоря иначе, иностранное потребленіе пользовалось дешевымъ спиртомъ за счетъ податныхъ средствъ русскаго населенія.

Признавая ненормальность подобной постановки отпускной торговли, Министерство Финансовъ исходатайствовало постепенное пониженіе преміи: съ 1 іюля 1888 года она была установлена въ $5\frac{1}{2}\%$, съ 1 іюля 1889 года въ 5%, съ 1 іюля 1890 года въ $4\frac{1}{2}\%$ и съ 1 іюля 1891 года въ 4%. Въ минувшемъ году, когда вслѣдствіе возникшихъ опасеній о достаточномъ обезпеченіи народнаго продовольствія, былъ остановленъ вывозъ хлѣба изъ Россіи, Высочайшимъ указомъ 29 августа повелѣно: „прекратить, впредь до особаго Нашего распоряженія, безакцизное отчисленіе съ вывозимаго за границу спирта, установленное закономъ 27 мая 1891 года". Въ Высочайшемъ указѣ прекращеніе выдачи премій поставлено въ видѣ временной мѣры: но она едва ли не будетъ имѣть постояннаго значенія, такъ какъ не видится особенно уважительныхъ причинъ къ возобновленію такого расхода казны.

Русское винокуреніе пользуется настолько дешевыми припасами, что при добромъ желаніи можетъ и безъ премій выдержать конкурренцію съ соперниками на иностранныхъ рынкахъ, особенно если принять во вниманіе долженствующее послѣдовать въ международной торговлѣ увеличеніе спроса на спиртъ, какъ для потребленія, такъ и для промышленныхъ цѣлей, при уменьшеніи предложенія его. Наиболѣе важный конкурренть Россіи Германія, уменьшая производство спирта, сокращаетъ и вывозъ его за границу. За послѣдніе четыре года производство спирта въ Германіи и вывозъ его опредѣлялись слѣдующими размѣрами (въ ведрахъ стоградусной крѣпости):

	Выкурено.	Вывезено.	% отнош. вывоза къ выкуркѣ.
1885—86	40.458.567	7.920.668	19,6%
1886—87	35.135.737	6.298.271	17,9%
1887—88	24.861.743	3.394.730	13,7%
1888—89	22.171.006	1.286.450	5,8%

При увеличивающемся населеніи и при дороговизнѣ употребляемыхъ для винокуренія припасовъ можно ожидать, что въ неособенно продолжительномъ времени Германія вовсе прекратитъ вывозъ спирта и выступитъ потребительницей иностраннаго продукта. Наши экспортеры поступили бы гораздо цѣлесообразнѣе еслибы, вмѣсто ходатайствъ о возобновленіи премій, приняли мѣры къ освобожденію отпускной торговли спиртомъ отъ монополіи Гамбурга, часто злоупотребляющаго своимъ исключительнымъ положеніемъ въ русской торговлѣ спиртомъ, къ ущербу для производителей.

Затѣмъ, при обсужденіи вопроса о преміяхъ, не слѣдуетъ упускать изъ виду распредѣленіе вывоза по районамъ производства. За пятилѣтіе, съ 1884 по 1888 годъ, вывезено за границу спирта: изъ Великороссійскихъ губерній 3.031.000 ведеръ, изъ бывшихъ привилегированныхъ губерній [1] 6.501.000 ведеръ, изъ Царства Польскаго 6.763.000 ведеръ и изъ Прибалтійскихъ губерній 7.782.000 ведеръ. Вывозъ Прибалтійскихъ губерній

[1] Къ бывшимъ привилегированнымъ губерніямъ, пользовавшимся при откупахъ свободой винокуренія и торговли, относятся 16 западныхъ, юго-западныхъ и южныхъ губерній, именно губерніи: Виленская, Гродненская, Минская, Ковенская, Витебская, Могилевская, Кіевская, Подольская, Волынская, Бессарабская, Черниговская, Полтавская, Харьковская, Екатеринославская, Таврическая и Херсонская.

составляетъ 32,4% общаго количества, Царства Польскаго 28,1%, бывшихъ привилегированныхъ губерній 27,0% и Великороссійскихъ губерній всего лишь 12,5%. Если же сравнить вывозъ съ размѣрами производства, то оказывается, что изъ Прибалтійскихъ губерній идетъ за границу 40% выработаннаго спирта, изъ губерній Царства Польскаго 44%, изъ бывшихъ привилегированныхъ губерній 12% и изъ губерній Великороссійскихъ только 4%. Между тѣмъ въ Царствѣ Польскомъ и Прибалтійскихъ губерніяхъ винокуреніе производится главнымъ образомъ изъ картофеля, культура котораго стоитъ тамъ значительно выше другихъ областей Имперіи и вслѣдствіе этого получаются большіе выходы спирта. Такимъ образомъ, заводчики этихъ губерній имѣютъ преимущество передъ великороссійскими въ большей производительности перерабатываемыхъ припасовъ и вывозная премія является лишь дополнительною льготой, увеличивающею ихъ выгоды за счетъ Государственнаго Казначейства. Едва ли было бы удобно возобновлять подобный порядокъ, особенно въ то время, когда населеніе не оправилось еще отъ постигшаго его бѣдствія и не возстановились его пошатнувшіяся податныя средства.

Принимая мѣры къ регулированію винокуреннаго производства и къ улучшенію оптовой торговли спиртомъ, Министерство Финансовъ обратило вниманіе и на упорядоченіе раздробительной торговли спиртными напитками. Закономъ 5 мая текущаго года внесены существенныя поправки въ питейныя правила 14 мая 1885 года, которыми были существенно измѣнены самыя основанія раздробительной торговли виномъ. Шестилѣтній опытъ примѣненія правилъ 1885 года доказалъ существованіе въ нихъ пробѣловъ, открывающихъ значительный просторъ злоупотребленіямъ и новый законъ принимаетъ мѣры для противодѣйствія обнаружившемуся злу. Сущность закона 5 мая заключается въ расширеніи компетенціи питейныхъ присутствій по устраненію отъ торговли неблагонадежныхъ лицъ, въ противодѣйствіи безпатентной торговлѣ и въ дозволеніи сельскимъ обществамъ взимать плату за разрѣшеніе на ихъ землѣ питейной торговли съ тѣмъ ограниченіемъ, что „получаемыя такимъ путемъ суммы поступаютъ въ мірскіе доходы, а если за обществомъ числятся недоимки въ казенныхъ или земскихъ платежахъ, то обращаются на уплату сихъ недоимокъ“. Законъ 5 мая вступаетъ въ дѣйствіе съ 1 января 1893 года и можно думать, что результатомъ примѣненія

его будетъ нѣкоторое упорядоченіе раздробительной питейной торговли все еще оставляющей желать значительныхъ улучшеній.

Говоря о питейномъ дѣлѣ, приходится коснуться вопроса о народномъ пьянствѣ, о которомъ высказывается много различныхъ сужденій. Многіе видятъ корень зла въ свободной торговлѣ виномъ и въ обиліи мѣстъ раздробительной продажи крѣпкихъ напитковъ. По мнѣнію этихъ лицъ, слѣдовало бы или вовсе уничтожить свободу торговли виномъ, замѣнивъ ее монопольною продажей вина въ запечатанной посудѣ, или по крайней мѣрѣ значительно уменьшить число мѣстъ розничной торговли. Но ремесло кабатчика не облагородится: практикуемыя имъ злоупотребленія не уменьшатся отъ выступленія казны въ роли главнаго откупщика. Въ результатѣ получится лишь перенесеніе на правительство тѣхъ обвиненій, которыя слышатся нынѣ противъ частныхъ предпринимателей, и едва-ли можно сочувствовать подобной постановкѣ дѣла. Что же касается принудительнаго уменьшенія числа мѣстъ питейной торговли, то, насколько извѣстно, такая мѣра никогда не приводила къ удовлетворительнымъ результатамъ, къ уменьшенію пьянства. Въ большинствѣ случаевъ она сопровождалась усиленіемъ тайной торговли виномъ, нарушающимъ интересы Государственнаго Казначейства и нисколько не способствующимъ укрѣпленію народной нравственности. Очевидно, что подобныя мѣры, при всей ихъ благожелательности, не могутъ имѣть практическаго значенія, какъ это доказывается опытами предыдущихъ лѣтъ. Нельзя не согласиться по этому вопросу съ компетентнымъ авторомъ недавно вышедшей книги *Неурожай и народное бѣдствіе*, который указываетъ слѣдующій раціональный способъ противодѣйствія пьянству: „Необходимо было бы обратить вниманіе на безобразныя внѣшнія проявленія пьянства, необходимо было бы подвергать взысканіямъ не тѣхъ крестьянъ, которые не соглашаются подписать навязываемаго имъ приговора о закрытіи питейнаго заведенія, а тѣхъ, которые сами предаются безобразному пьянству, разоряя семью, спаивая и развращая другихъ и т. п. Существующій законъ даетъ къ тому средства, установляя наказанія за мотовство и пьянство, за появленіе въ публичномъ мѣстѣ пьянымъ до безпамятства или въ безобразномъ отъ опьяненія видѣ. На эту сторону дѣла, на этотъ болѣе вѣрный путь борьбы съ пьянствомъ, у насъ обыкновенно почти не обращается вниманія и самыя относящіяся до этого статьи закона, сколько извѣстно, почти никогда не примѣняются“. Такой

способъ противодѣйствія пьянству несомнѣнно привелъ бы къ болѣе плодотворнымъ результатамъ сравнительно съ ограниченіемъ мѣстъ торговли.

Нѣтъ спора, что пьянство составляетъ тяжкое зло, сопровождаясь понженіемъ экономическаго благосостоянія населенія. Но въ то же время не слѣдуетъ и преувеличивать его вліянія. Въ Россіи крѣпкіе напитки потребляются въ гораздо меньшихъ размѣрахъ противъ иностранныхъ государствъ, какъ свидѣтельствуетъ объ этомъ слѣдующая справка о душевомъ потребленіи безводнаго спирта, пива и виноградиаго вина (въ ведрахъ), заимствованная изъ матеріаловъ Министерства Финансовъ по разработкѣ питейнаго устава въ 1883 году:

	Спирта.	Пива.	Виногр. вина.
Голландія	0,91	3,20	0,04
Швеція	0,84	0.70	—
Соед. Штаты Сѣв. Амер.	0,68	3,00	—
Бельгія	0,65	12,00	—
Германія	0,64	6.90	0,50
Данія	0,64	—	—
Англія	0,47	12,00	0,20
Франція	0,37	1.80	10,00
Россія	0,22	0.33	—
Австро-Венгрія	0,29	2,60	3,20

По размѣрамъ потребленія спирта одна только Австро-Венгрія стоитъ ниже Россіи. Если же принять во вниманіе потребленіе пива и виноградиаго вина, то Россія окажется наиболѣе умѣренною изо всѣхъ поименованныхъ государствъ. Несмотря на суровый климатъ. Россіи потребляетъ крѣпкихъ напитковъ значительно менѣе противъ другихъ. Съ другой стороны, нельзя умолчать о сокращеніи потребленія крѣпкихъ напитковъ въ Россіи въ то время, какъ во многихъ изъ иностранныхъ государствъ приходится наблюдать обратное явленіе. По свѣдѣніямъ Министерства Финансовъ душевое потребленіе вина въ губерніяхъ Европейской Россіи, считая его въ ведрахъ безводнаго спирта, выражалось слѣдующими размѣрами:

	Великорос.	Быв. привилегир. и Прибалтійскія.	Царство Польское.
1880	0,34	0,35	0,25
1881	0,33	0,35	0,24
1882	0,32	0,34	0,25

	Великорос.	Быв. привилегир. и Прибалтійскія.	Царство Польское.
1883	0,32	0,35	0,24
1884	0,31	0,33	0,22
1885	0,28	0,31	0,21
1886	0,26	0,29	0,22
1887	0,27	0,29	0,21
1888	0,26	0,28	0,21

Приведенныя фактическія справки свидѣтельствуютъ, что, во-первыхъ, крѣпкіе напитки потребляются въ Россіи въ довольно умѣренныхъ количествахъ и что, вовторыхъ, потребленіе ихъ значительно сокращается. Офиціальными данными устраняются голословныя обвиненія народа въ излишнемъ потребленіи вина, отметаются произвольныя, на основаніи единичныхъ случаевъ, обобщенія относительно чрезмѣрнаго развитія пьянства въ народѣ. Русскій народъ пьетъ немного, но онъ не умѣетъ пить. Онъ не знаетъ правильнаго регулярнаго потребленія вина, а пьетъ спорадически, пользуясь для этого выдающимися случаями въ своей жизни и, вслѣдствіе этого, его потребленіе вина принимаетъ характеръ перемежающагося пьянства, что̀ крайне невыгодно отражается на организмѣ и на хозяйственной дѣятельности. Преслѣдуя внѣшнія проявленія пьянства, необходимо въ то же время способствовать подъему нравственнаго уровня народа, доставляя ему возможность избѣгать встрѣчающихся искушеній. Лучшими мѣрами въ этомъ отношеніи слѣдуетъ признать развитіе дѣятельности обществъ трезвости и доставленіе народу другихъ развлеченій кромѣ кабака. Какое имѣетъ вліяніе дѣятельность обществъ трезвости можно судить по сообщаемому г. Терскимъ факту, что подъ вліяніемъ обществъ трезвости „въ 1859 году въ губерніяхъ Ковенской и Виленской около половины населенія совсѣмъ отказалось отъ потребленія напитковъ, почему расходъ здѣсь вина, бывшій въ 1858 году свыше двухъ милліоновъ ведеръ, упалъ въ 1859 году всего до 950.000 ведеръ“. Съ другой стороны извѣстенъ и тотъ фактъ, что на тѣхъ фабрикахъ, гдѣ устраиваются воскресныя чтенія или другія развлеченія для рабочихъ, пьянство сокращается и замѣняется правильнымъ потребленіемъ вина.

Касаясь текущихъ экономическихъ вопросовъ, нельзя умолчать о происходящей во Франціи парламентской борьбѣ изъ-за привилегій Французскаго банка, имѣющей немаловажное значеніе и для

Россіи, гдѣ все болѣе разлаются голоса за необходимость преобразованія Государственнаго Банка въ частное кредитное учрежденіе на акціонерныхъ началахъ.

Французскій банкъ былъ учрежденъ въ 1800 году въ формѣ акціонернаго общества и первоначально всѣ должности въ немъ замѣщались по выбору акціонеровъ. Съ 1806 года управляющій банкомъ и два его помощника стали назначаться правительствомъ, но направленіе операцій банка находится въ зависимости отъ „регентства“ избираемаго акціонерами и состоящаго изъ 15 лицъ, изъ которыхъ 3 должны быть главные сборщики (receveurs generaux), 5 промышленниковъ и торговцевъ (commerçants), и остальные 7 по усмотрѣнію акціонеровъ. На практикѣ большинство регентства составляется изъ банкировъ, во главѣ которыхъ стоитъ нынѣ Ротшильдъ, оказывающій вслѣдствіе этого громадное вліяніе на операціи Французскаго банка, направляя ихъ сообразно своимъ видамъ и цѣлямъ. А такъ какъ Французскій банкъ, въ качествѣ сборщика государственныхъ податей и въ качествѣ центральнаго кредитнаго учрежденія, имѣетъ громадное значеніе въ финансовой и экономической дѣятельности, то сообразно этому усиливается и вліяніе членовъ регентства не только въ области хозяйственныхъ, но и политическихъ отношеній. Завѣдуя денежными суммами государства, они до нѣкоторой степени становятся рѣшителями его судебъ.

Ненормальность подобнаго порядка давно уже вызывала рѣзкія порицанія какъ со стороны людей практики, такъ и представителей науки. Bonnet еще въ 1875 году высказывалъ слѣдующія справедливыя сѣтованія на неудобство практикующагося порядка: „Quelle sera la situation du banquier, administrateur de la banque d'émission? Est-il présumable, qu'il se dégage assez de son intérêt pour n'envisager que celui de public? Avec la meilleure foi du monde, il peut se tromper; et croire que ce qui lui est favorable l'est aussi au public. C'est ainsi que nous nous abusons tous en prenant, sans nous en douter, nos intérêts pour règle de nos opinions. Donner à un banquier le droit de fixer le taux de l'escompte à l'établissement privilégié, c'est donner à des commerçants le droit d'établir, pour ainsi dire officiellement, le prix de la marchandise qu'ils ont à vendre.“ Указывая на неудобство ставить людей въ такое положеніе, гдѣ ихъ интересы могутъ сталкиваться съ возложенными на нихъ обязанностями, Bonnet замѣчаетъ: „le vice de la situation sera plus fort que la

ve.tu des hommes pour le combattre". Заручившись въ 1848 году монопольнымъ правомъ выпуска банковыхъ нотъ, Французскій банкъ упорно отмалчивался на всѣ выдвигавшіяся противъ него обвиненія, продолжая выдачу акціонерамъ крупныхъ дивидендовъ. Но такъ какъ срокъ привилегіи истекаетъ въ 1898 году, то еще за $5\frac{1}{2}$ лѣтъ до окончанія его банкъ началъ ходатайство о возобновленіи привилегіи, надѣясь съ успѣхомъ провести его при нынѣшнемъ составѣ палаты.

Нѣтъ надобности касаться по поводу этого вопроса дѣла Бюрдо-Дрюмонъ, выяснившаго не всегда благовидные способы, которыми пользовался банкъ для достиженія своихъ цѣлей, оказывая крупныя воспособленія способствующимъ ему дѣятелямъ и поддерживающимъ его газетамъ. Гораздо важнѣе указанія депутата Мильерана, фактически доказавшаго, что банкъ въ своей дѣятельности руководится не достиженіемъ общегосударственныхъ цѣлей, а исключительно интересами личной выгоды. „Нельзя не обратить вниманія, говорилъ Мильеранъ, на то обстоятельство, что самые крупные барыши, извлеченные банкомъ, приходятся на годы народныхъ бѣдствій. Такъ, въ 1864 году, во время сильнаго монетнаго и торговаго кризиса, Французскій банкъ выдалъ акціонерамъ дивидендъ въ 200 франковъ на акцію, а въ 1871 году, послѣ тяжкой войны, дивидендъ акціонеровъ Французскаго банка выразился 300 франковъ и, кромѣ того, отчислено въ запасный капиталъ 24 милліона франковъ."

Другой ораторъ, Камиль Пельтанъ, доказалъ опасность привилегированнаго положенія акціонернаго Французскаго банка для политической дѣятельности государства. Въ своей рѣчи Пельтанъ привелъ слѣдующую интересную справку объ участіи банка въ декабрьскомъ переворотѣ: „Лѣтъ сорокъ тому назадъ стоялъ во главѣ республики человѣкъ, который устроилъ заговоръ противъ страны. Для того, чтобы произвести государственный переворотъ, ему нужно было 25 милліоновъ. Гдѣ онъ взялъ эту сумму? Въ казначействѣ? Нѣтъ, такъ какъ казначейство строго охраняется. Кто же далъ ихъ ему? Банкъ. Въ январѣ 1851 года банкъ объявилъ, что не можетъ выдать на государственныя нужды ни одного су. 25 ноября принцъ Людовикъ Бонапартъ просилъ банкъ выдать ему 25 милліоновъ для государственнаго переворота. 27 ноября банкъ выдалъ ему деньги, а пять дней спустя, 2 декабря, часть этого золота была роздана войскамъ, которыя тутъ же залили бульвары французскою кровью."

Въ дальнѣйшемъ изложеніи Пельтанъ привелъ другой не менѣе интересный фактъ, свидѣтельствующій о грубой эксплуатаціи банкомъ народнаго бѣдствія.

„Двадцать лѣтъ спустя послѣдовалъ разгромъ и Гамбетта съ трудомъ оборонялъ каждую пядь французской земли. Недоволенъ ли былъ банкъ образомъ дѣйствія бордосскаго правительства, находя его слишкомъ революціоннымъ, желалъ ли онъ мира, чтобы возобновилась скорѣе эра гешефтмахерства, но, какъ бы тамъ ни было, въ весьма критическую минуту банкъ отвѣтилъ рѣшительнымъ отказомъ на требованія правительства ссудить ему необходимыя для обороны страны средства. Пришлось прибѣгнуть къ угрозамъ, но дѣло затянулось, и когда банкъ, наконецъ, согласился, Парижъ уже сдался на капитуляцію. Все это засвидѣтельствовано историческими документами и служитъ самымъ наглядымъ доказательствомъ, что намъ нельзя долѣе оставлять нашу военную казну въ подобныхъ рукахъ. Когда, наконецъ, банкъ вывелъ Гамбетту изъ терпѣнія, тотъ телеграфировалъ:“ „Я сокрушу банкъ, я стану дѣлать бумажныя деньги“. „А отъ своего главнаго сотрудника онъ получилъ слѣдующую телеграмму, на которую прошу обратить вниманіе:“ „Получилъ вашу телеграмму о финансахъ. Въ добрый часъ! Вотъ какъ подобаетъ поступать Гамбеттѣ! Вашъ вѣрный Шарль де-Фрейсине“. „Къ сожалѣнію, г. военный министръ нынѣ отсутствуетъ, но я могу обратиться къ г. министру финансовъ и спросить его, не потребовалъ ли г. Фрейсине, который не можетъ не принимать къ сердцу воспоминанія, составляющія его слова, и важные интересы, которые ему нынѣ поручены, такихъ гарантій, благодаря которымъ банкъ не могъ бы болѣе поступать такъ, какъ въ 1870 году, а если онъ, г. Фрейсине, такихъ гарантій потребовалъ, то отчего онѣ не значатся въ проектѣ, представленномъ намъ правительствомъ и коммиссіей.“

Подобные факты едва ли свидѣтельствуютъ о необходимости передачи центральнаго эмиссіоннаго банка въ завѣдываніе частной предпріимчивости, которой нѣтъ дѣла до государственныхъ цѣлей и которая руководится исключительно личною выгодой. Примѣръ Французскаго банка является прекраснымъ комментаріемъ къ предъявляемымъ въ Россіи требованіямъ о передачѣ Государственнаго Банка частной акціонерной компаніи, объ организаціи государственнаго хозяйства на акціонерныхъ началахъ. Не надо забывать, что мотивы личной выгоды могутъ имѣть

значеніе только въ частныхъ, но отнюдь не въ государственныхъ дѣлахъ, гдѣ руководящимъ стимуломъ является общественное благо.

Въ виду интереса, съ которымъ слѣдятъ въ Россіи и за границей за видами на предстоящій урожай, считаемъ не лишнимъ сообщить любезно доставленныя намъ одною крупною фирмой собранныя ею отъ корреспондентовъ свѣдѣнія о состояніи посѣвовъ около половины іюня. Часть свѣдѣній была доставлена почтой, часть по телеграфу, причемъ изъ нѣкоторыхъ мѣстъ различными корреспондентами было прислано по нѣскольку справокъ. Приводимъ доставленныя 130 корреспонденцій безо всякихъ измѣненій, причемъ считаемъ не лишнимъ замѣтить, что въ громадномъ большинствѣ случаевъ частныя свѣдѣнія вполнѣ согласны съ офиціальными.

Пинега, Архангельской губ. Всходы хлѣбовъ въ нашемъ уѣздѣ въ началѣ мая были весьма хороши, но наступившими съ половины мая холодами ростъ хлѣба, а также и травы совсѣмъ остановился и по времени запоздалъ.

Сольвычегодскъ, Вологодской губ. Виды на урожай озимыхъ хлѣбовъ неудовлетворительные, потому что озимые хлѣба высѣяны на половину, что же касается травъ, то онѣ только что вышли изъ-подъ воды; дожди перепадаютъ рѣдко.

Вологда. Виды на урожай зерновыхъ хлѣбовъ, а также травы средніе.

Нолинскъ, Вятской губ. Озимые, вслѣдствіе неблагопріятной весны, были очень плохи, но, благодаря хотя и запоздавшимъ дождямъ, нѣсколько поправились; видимо урожай будетъ средній. Травы очень хороши и доставятъ обильный сборъ.

Яранскъ, Вятской губ. Виды на урожай зерновыхъ хлѣбовъ въ нашемъ уѣздѣ въ настоящее время считаются среднимъ.

Орловъ, Вятской губ. Въ настоящее время виды на урожай зерновыхъ хлѣбовъ, а также и состояніе травъ выше средняго.

Сарапулъ, Вятской губ. Озимые по всей мѣстности большею частію выше средняго, мѣстами ниже, въ общемъ средніе. Яровые повсемѣстно хороши, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ появился червь, погода теплая, дождя мало.

Котельничъ, Вятской губ. Судя по настоящему состоянію, можно разчитывать, что урожай хлѣбовъ ржаныхъ, яровыхъ, а также и травъ будетъ средній.

Оса, Пермской губ. Урожай ржанаго хлѣба оказался лучше средняго, яровые и травы хороши.

Пермь. Рожь, яровые и травы хороши.

Пермь. Хлѣбъ у насъ мѣстами хорошъ, а мѣстами совсѣмъ нѣтъ. Яровые покуда идутъ удовлетворительно. Травы хороши.

Саксунскій Заводъ, Пермской губ. Виды на урожай ржаныхъ, яровыхъ и травы удовлетворительны, выше средняго: по Красноуфимскому, Курганскому и Осинскому уѣздамъ урожай выше средняго.

Оса, Пермской губ. Ржаные и яровые хлѣба, а также и трава въ нашемъ Оханскомъ уѣздѣ можно сказать весьма хороши, вслѣдствіе хорошей погоды и перепадавшихъ вовремя хорошихъ дождей, и если не будетъ перемѣнъ къ худшему,то у насъ будетъ урожай много лучше прошлаго года.

Старая Руса, Новгородской губ. Рожь хороша, овесъ также не дуренъ, а трава вслѣдствіе холодовъ плоха.

Бѣжецкъ, Тверской губ. Рожь вблизи города порядочная, но верстахъ въ сорока поѣлъ червь, мѣстами вызябла, мѣстами побило градомъ. Яровые плохи, погода была холодная, въ настоящее время перепадаютъ дожди, можно разсчитывать, что дѣло поправится.

Красный Холмъ, Тверской губ. Рожь почти повсемѣстно затронута заморозками, погибло до 10% посѣва, червь поѣлъ тоже около 10% посѣва, такія мѣста вновь перепаханы и засѣяны; остальная озимая рожь идетъ удовлетворительно.

Яровые посѣвы: овесъ, жито, ленъ по всходамъ были прекрасные, въ маѣ была холодная погода и вѣтры, что задержало всходы, ростъ остановился, всходы пожелтѣли, травы плохи.

Рига, Лифляндской губ. Виды на урожай въ здѣшнемъ краѣ не особенно благопріятны, и ожидаемый сборъ будетъ не выше средняго.

Рига. Хлѣба на поляхъ взошли хорошо и состояніе травъ также удовлетворительно.

Вильна. Озимые хлѣба Виленской, Гродненской, Могилевской и Минской губерній пока удовлетворительны, но не вездѣ одинаковы, яровые много хуже.

Городецъ, Гродненской губ. Озимые хлѣба очень хороши, то же самое можно сказать и относительно яровыхъ.

Гомель, Могилевской губ. Въ нашей окрестности виды на урожай зерновыхъ хлѣбовъ и травъ довольно удовлетворительны, только въ послѣднее время рѣдко бываютъ дожди.

Владиміръ. По случаю перепадавшихъ дождей рожь, яровые и травы очень хороши, въ общемъ ожидается хорошій урожай.

Арзамасъ, Нижегородской губ Озимая рожь очень хороша, овесъ, ячмень, пшеница, просо и прочіе яровые хлѣба тоже очень хороши, травы на лугахъ и лѣсахъ такъ хороши что никогда такихъ не бывало.

Лысково, Нижегородской губ. Рожь мѣстами удовлетворительна, частію попортило морозомъ. Яровые всходы очень хороши, такъ же какъ и травы.

Деревня Бурцева, Горбатовскаго уѣзда, Нижегородской губ. Озимые хороши только мѣстами, много поѣло насѣкомое. яровые всходы хороши, но по недостатку дожля сохнутъ. трава въ поемныхъ лугахъ хороша, въ сухихъ лугахъ и косить нечего.

Лукояновъ, Нижегородской губ. Всходы ржи и яровыхъ почти вездѣ благопріятны, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ рожь и яровые попорчены червякомъ.

Сергачъ, Нижегородской губ. Рожь хороша, яровые плохи, дождей мало, травы плохи.

Казань. Дожди выпадаютъ. предвидится урожай, въ нѣсколькихъ волостяхъ бездождіе, это печальное извѣстіе слышно въ Тетюшскомъ и Чистопольскомъ уѣздахъ, вообще какъ травы, такъ и хлѣбъ большею частью удовлетворительны.

Село Алексѣевское, Лаишевскаго уѣзда, Казанской губ. Хлѣбъ ржаной въ нашей мѣстности средній, яровые ранняго посѣва порядочны, поздняго совершенно плохи.

Чистополь, Казанской губ. Въ нашемъ уѣздѣ. а также въ сосѣднихъ уѣздахъ ржаные хлѣба ниже средняго. а яровые очень плохи, мѣстами даже вовсе нѣтъ: гдѣ были хорошіе всходы, тамъ оказались червяки и кобылки, которые повредили яровые. Ростъ травы посредственный.

Симбирскъ. Ржаные хлѣба удовлетворительны; яровые мѣстами хороши и мѣстами очень плохи, по случаю отсутствія дождей: въ общемъ урожай выше средняго.

Корсунь, Симбирской губ. Въ нашей мѣстности какъ ржаные, такъ и яровые хлѣба оказываются средними; дожди перепадаютъ мѣстами, гдѣ прошли дожди, тамъ и хлѣба лучше.

Буинскъ, Симбирской губ. Хлѣба ржаные и яровые порядочные, травы тоже порядочныя.

Сызрань, Симбирской губ. Виды на урожай въ точности не

опредѣлились, но во всякомъ случаѣ лучше прошедшаго года; урожай травъ по заливнымъ лугамъ обезпеченъ.

Сызрань, Симбирской губ. Ржаные хлѣба дадутъ средній урожай по случаю мало проходящихъ дождей; травы хороши, яровые въ настоящее время превосходны.

Симбирскъ. Состояніе зерновыхъ хлѣбовъ въ настоящее время ниже средняго; перепадаютъ дожди, урожай можетъ-быть и выйдетъ средній, травы въ поемныхъ лугахъ хороши, а въ степяхъ средніе.

Алатырь, Симбирской губ. Яровыхъ очень много поѣлъ червь, три дня идетъ сильнѣйшій дождь, есть надежда, что хлѣба исправятся; ржаные были хороши, но отъ жары стали сохнуть, трава на поляхъ и лугахъ очень хороша.

Село Сереньча, Симбирской губ. Ржаные хлѣба не совсѣмъ хороши, мѣстами даже перепахивали. Яровые всходы хороши, но мѣстами червь ѣстъ, травы хороши.

Станица Беклемишево, Симбирской губ. Въ Корсунскомъ уѣздѣ хлѣбъ средній: гдѣ былъ дождь, то получше, а мѣстами плохъ, трава тоже мѣстами плоха.

Симбирскъ. Урожай зерновыхъ хлѣбовъ немного повыше средняго; травы хороши.

Сызрань, Симбирской губ. Хлѣбъ въ нашемъ уѣздѣ, какъ рожь, такъ и яровые, мѣстами удовлетворительны, мѣстами хороши, травы до начала іюня были плохи, но въ первыхъ числахъ іюня прошли хорошіе дожди, послѣ которыхъ надо разсчитывать на поправку ихъ; надо ожидать, что травы выйдутъ среднія, на заливныхъ лугахъ очень хороши.

С. Новодьвичье, Симбирской губ. Урожай зерновыхъ хлѣбовъ средній.

Балаково, Симбирской губ. Ржаной хлѣбъ и степныя травы выше средняго, въ лугахъ трава хорошая и яровые хлѣба также хороши, погода стоитъ жаркая, 35 градусовъ, ранняя пшеница очень хороша.

Новоузенскій уѣздъ, Самарской губ., село Перекопы. Съ 14-го, 15-го, 16-го 17-го мая у насъ дожди повсемѣстно были хорошіе и поля оживились, травы среднія, сѣна накосятъ много, рожь большею частью хороша, пшеница ранняго посѣва хороша, идутъ дожди.

Новоузенскъ, Самарской губ. Хлѣба не дурны, но не всѣ, въ настоящее время, благодаря прошедшимъ дождямъ, хлѣбъ постоянно улучшается, травы тоже хороши.

Балаково, Самарской губ. Виды на урожай хлѣбовъ выше средняго.

Екатериненштадтъ. Рожь, мѣстами средняя, начинаетъ колоситься, яровые первые посѣвы на новыхъ земляхъ стоятъ очень хорошо, а поздніе посѣвы на старыхъ земляхъ низки.

Самара. Травы ожидаемъ больше, чѣмъ въ прошломъ году; пшеница и рожь вѣроятно дадутъ средній урожай. Въ Новоузенскомъ, Николаевскомъ, Бузулукскомъ, Бугурусланскомъ, Самарскомъ и Ставропольскомъ уѣздахъ ожидаютъ сборъ ниже средняго; если пройдутъ дожди, то урожай обезпеченъ, а если не будетъ дождей, то положеніе ухудшится.

Бузулукъ, Самарской губ. Виды на урожай въ нашей мѣстности очень хорошіе, за послѣднее время нѣтъ дождей и стоятъ жары до 30° по Реомюру. Травы также хорошіе: цѣны на хлѣба понизились.

Орловъ Гай, Самарской губ. Травы очень хорошіе, хлѣба также, въ общемъ есть надежда на хорошій урожай.

Слобода Кинель-Черкасская, Самарской губ. Рожь, травы и яровые удовлетворительны.

Слобода Кинель-Черкасская, Самарской губ. Урожай какъ хлѣбовъ, такъ и травъ при часто перепадающихъ дождяхъ удовлетворительный, о результатѣ сообщу.

Богатово, Бузулукскаго уѣзда, Самарской губ. Въ нашей мѣстности ржаные хлѣба хорошіе. Яровые тоже порядочны, травы давно такой хорошей не было.

С. Большіе Глушицы, Самарской губ. Въ Николаевскомъ и Бузулукскомъ уѣздахъ виды на урожай хлѣбовъ и травъ благопріятные, мѣстами выпадаютъ обильные дожди, погода стоитъ хорошая.

Троицкъ, Оренбургской губ. Хлѣбъ озимый ранній побитъ морозомъ, поздній пока хорошъ; 20 и 21 мая былъ сильный дождь. Яровые хлѣба хороши, травы хороши, сѣна въ запасѣ нѣтъ. Много яроваго хлѣба истреблено кузнечиками, повреждены ими и заливные луга.

Оренбургъ. Всходы хлѣбовъ очень хорошіе. Травы тоже, такъ что есть виды на хорошій урожай.

Троицкъ Оренбургской губ. Виды на урожай зерновыхъ хлѣбовъ весьма благопріятны, ростъ хлѣбовъ очень хорошъ, но къ несчастію въ нѣкоторыхъ мѣстахъ появилась кобылка (родъ саранчи)

и вредитъ посѣвамъ. Травы какъ здѣсь, такъ и въ киргизской степи превосходны.

Троицкъ, Оренбургской губ. Виды на урожай превосходные благодаря хорошей погодѣ и своевременнымъ дождямъ; къ сожалѣнію, опять начинаетъ появляться кобылка или мелкая саранча. Травы прекрасныя.

Міасскій заводъ, Оренбургской губ. О видахъ на урожай зерновыхъ хлѣбовъ положительно сказать нельзя, такъ какъ сѣяли яровые хлѣба около 25 мая, гдѣ по непмѣнію сѣмянъ, а гдѣ по случаю дождей. Въ настоящее время появилась кобылка и начинаетъ истреблять хлѣбъ на большомъ пространствѣ. Травы хороши.

Нижнеуральскъ, Уральской обл. Сѣнокосъ начался, травы вышли порядочныя, выше средняго. Хлѣба яровые и пшеничные покуда хороши, но совершенный урожай ихъ еще не скоро можно опредѣлить, озимыхъ хлѣбовъ у насъ не сѣютъ.

Уральскъ областн. Всходы яровыхъ хлѣбовъ прекрасны и густы, другихъ хлѣбовъ въ Уральской области не сѣютъ.

Болтай, Саратовской губ. Зерновые хлѣба, равно какъ и травы средніе.

Саратовъ. Посѣвъ въ общемъ удовлетворительный; если погода будетъ благопріятствовать, какъ до сего времени, то можно разсчитывать на хорошій урожай.

Саратовъ. Урожай ржи, яровыхъ и травъ ожидается средній.

Саратовъ. Озимые хлѣба вполнѣ хороши, но яровые въ нѣкоторыхъ мѣстахъ потравлены саранчей и кузнечикомъ, въ особенности сильно пострадалъ подсолнухъ.

Саратовъ. Послѣ бывшихъ обильныхъ дождей, перепадавшихъ отъ 14-го по 25 мая, хлѣба становятся удовлетворительными, но въ данное время требуютъ дождя. Погода стоитъ жаркая и повторяется 3-й день сильная мгла, которая очень вредитъ росту.

Дубовка посадъ, Саратовской губ. Пшеница повсюду ровная, на большое пространство всходы хороши какъ ранніе, такъ и поздніе, травъ въ степи нѣтъ, за Волгой должны быть хорошія, потому что всѣ луга были затоплены. Вода на Волгѣ въ настоящемъ году велика, такая вода бываетъ очень рѣдко.

Село Болтай, Саратовской губ. Озимые и яровые посредственны, начали перепадать дожди и можно предполагать, что хлѣба могутъ поправиться; травы хороши.

Колояръ. Вольскаго уѣзда. Саратовской губ. Урожай ржи въ нашей мѣстности средній, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ она пострадала

отъ червя, такъ же какъ и подсолнухъ. Просо въ нѣкоторыхъ мѣстахъ безъ всходовъ, травы среднія, дождей нѣтъ.

Ст. Токаревка, Грязе-Царицынской жел. дор. Озимые посѣвы средняго урожая. Яровые ниже средняго. Трава плоха, дожди не повсемѣстно.

Пос. Дубовка, Саратовской губ. Озимыхъ почти нѣтъ, яровые хороши, идутъ дожди.

Завьтное, Астраханской губ. Озимые всѣ погорѣли еще раньше дождя и едва ли исправятся, поправляются только яровые, нѣкоторыя мѣста съ озимыми выкосили на траву, то-есть на кормъ скота, а на яровые хлѣба напалъ кузнечикъ.

Козельскъ, Калужской губ. Рожь очень хороша, ранній овесъ не дуренъ, травы растутъ плохо, больше двухъ недѣль нѣтъ дождя.

Сухиничи, Калужской губ. Озимые хлѣба хороши, хотя и есть вымочка, травы хороши, яровые хлѣба взошли хорошо, ячмень посѣяли въ половинѣ мая.

Веневъ, Тульской губ. Рожь ниже средняго, дождя нѣтъ, много не взошло, трава не завидная, ниже средней, прочихъ хлѣбовъ въ посѣвѣ у насъ очень мало.

Карачевъ, Орловской губ. Рожь цвѣтетъ, травы можно косить, овесъ хорошъ, конопля хороша, въ сосѣднемъ уѣздѣ появилась саранча, которая много попортила хлѣба.

Полетаево, Усманск. уѣзда, Тамбовск. губ. Рожь хороша, яровые тоже: травы недурны.

Липецкъ, Тамбовской губ. За небольшими исключеніями озимыя поля, какъ и яровыя дадутъ хорошій урожай.

Чембаръ, Пензенской губ. Урожай ожидается ниже средняго. Яровые хлѣба ранняго сѣва побило морозомъ и большею частью пересѣяны, погода стоитъ благопріятная, и что будетъ—опредѣлить еще нельзя.

Инсаръ, Пензенской губ. Хлѣба и травы поправились, по настоящему виду можно предположить, что урожай долженъ быть средній.

Россошь, Воронежской губ. Урожай ожидаютъ средній по случаю рѣдкихъ дождей.

Слобода Воронцовка, Воронежской губ. Виды на урожай хорошіе, хлѣбъ озимый вообще весь хорошъ; яровые, ленъ, ячмень хороши; погода стоитъ благопріятная

Станица Пловнинская. Виды на урожай хорошіе, озимые мѣстами очень хороши, яровые въ общемъ хороши.

Сумы Харьковской губ. Виды на урожай приблизительно слѣдующіе: яровые хлѣба хороши, озимые мѣстами плохи, мѣстами удовлетворительны, вообще урожай ожидается ниже средняго; сѣнокосы хороши.

Сумы, Харьковской губ. Въ районѣ Сумскаго уѣзда и смежныхъ съ нимъ озимые: рожь и пшеница 80% въ плохомъ очень состояніи, въ особенности на крестьянскихъ поляхъ, экономическія же нѣсколько лучше; ожидаютъ урожай ниже средняго; посѣвы на песчаныхъ грунтахъ идутъ очень хорошо; яровые всѣ, безъ исключенія, идутъ также хорошо, отъ послѣднихъ ожидаютъ урожая.

Славянскъ, Харьковской губ. Хлѣба въ районѣ Славянска въ настоящее время прелестные, дожди отлично поправили, но исключительно яровые, озимые неудовлетворительны по случаю большихъ весеннихъ засухъ, травы прекрасны, но дожди не препятствуютъ уборкѣ.

Ахтырка, Харьковской губ. Хлѣба какъ яровые, такъ и озимые значительно улучшились, хотя озимые хлѣба вообще хуже яровыхъ. Такъ, напримѣръ, у меня озими поздняго посѣва съ осени взошли рѣдко и вяло, остались очень рѣдкими и весной. Рожь сравнительно лучше другихъ хлѣбовъ.

Звенигородка, Кіевской губ. Виды на урожай средніе; крестьяне говорятъ, что въ настоящемъ году будетъ даже лучше чѣмъ въ прошломъ году, но въ нашемъ и Уманскомъ уѣздахъ очень плохо, трава плоха во всей губерніи.

Кременчугъ, Полтавской губ. Въ окрестностяхъ Кременчуга состояніе яровыхъ хлѣбовъ удовлетворительно, есть надежда на средній урожай, съ рожью очень плохо.

Полтава. Значительная часть озимыхъ хлѣбовъ совсѣмъ погибла, осталась 1/4 удовлетворительныхъ, яровые же всходы большею частію очень хороши, въ общемъ урожай будетъ средній.

Богополь, Подольской губ. Виды на урожай зерновыхъ хлѣбовъ мѣстами хороши, но болѣе—плохи, озимые посѣвы плохи, яровые поправились послѣ дождя, котораго до начала іюня не было; травъ окончательно нѣтъ.

Каменецъ-Подольскъ. Виды на урожай въ Подольской губерніи въ общемъ удовлетворительны.

Бендеры, Бессарабской губ. Посѣвы были въ крайне плохомъ состояніи, но въ концѣ мая въ теченіе трехъ дней лилъ дождь, много оживившій посѣвы, въ особенности яровые и кукурузу,

которые считаются у насъ главнымъ источникомъ благосостоянія земледѣльцевъ, и вообще при благопріятной погодѣ можно надѣяться на урожай въ общей сложности посредственный.

Кишиневъ, Бессарабской губ. Виды на урожай зерновыхъ хлѣбовъ, а также и фруктовъ въ настоящее время у насъ имѣются не очень хорошіе. Мѣстами, гдѣ проходили дожди, ожидаютъ хорошаго урожая, не уступающаго прошлогоднему, тамъ же гдѣ дождя было мало, потеряли уже всякія надежды на урожай. Травы въ незавидномъ состояніи.

Бобринецъ, Херсонской губ. Пшеница озимаго посѣва очень плоха. Рожь озимая лучше пшеницы, но ниже средняго: яровые посѣвы, какъ-то: пшеница, ячмень, овесъ и прочіе, вслѣдствіе выпавшихъ за послѣднее время дождей, при дальнѣйшемъ благополучіи даютъ возможность ожидать средняго урожая. Сѣнокосы на твердыхъ поляхъ совершенно выгорѣли, на мягкихъ средніе.

Елизаветградъ, Херсонской губ. Состояніе травъ у насъ очень плохое, зерновые хлѣба озимые совсѣмъ плохи, яровые порядочны; надѣемся, что урожай будетъ средній.

Вознесенскъ, Херсонской губ. Въ нашихъ мѣстахъ предвидится порядочный урожай хлѣба, травы не завидныя, сѣно неудовлетворительно.

Ананьевъ, Херсонской губ. По Ананьевскому уѣзду травъ нѣтъ, скотъ въ самомъ жалкомъ положеніи; изъ посѣянныхъ хлѣбовъ уцѣлѣло пока немного болѣе половины; если дожди будутъ продолжаться какъ теперь, то можно разсчитывать въ среднемъ на 30 пудовъ съ десятины, то-есть еле возвратятся затраты; одна надежда на кукурузу, которая по площади посѣвовъ составляетъ 10%, вообще въ Херсонской губерніи очень плохо.

Ново-Украинка, Херсонской губ. Въ Елисаветградскомъ уѣздѣ въ большинствѣ озимая рожь очень плоха, озимая пшеница средняя, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ плоха, яровая пшеница, ячмень и овесъ въ большинствѣ порядочны, сѣнокосы вообще плохи, подножнаго корма нѣтъ.

Ананьевъ, Херсонской губ. Урожай хлѣбовъ и травъ у насъ въ окружности Ананьева самый плачевный, такъ что не возстановятъ его и тѣ дожди, которые проходили у насъ въ послѣднихъ числахъ и заняли очень незначительную площадь; если еще не пройдутъ дожди, то угрожаетъ голодъ. Скотъ въ настоящее время кормятъ соломой; что будетъ дальше, чѣмъ придется кормить, не знаемъ.

Ростовъ-на-Дону, Екатеринославской губ. Урожай хлѣбовъ и травъ въ нашемъ уѣздѣ ожидается прекрасный, траву скосили, количествомъ и качествами получился хорошій результатъ.

Юзовка, Екатеринославской губ. Опредѣлить виды на урожай еще нельзя, вслѣдствіе поздней весны; что же касается травъ, то онѣ очень плохи; съ 1-го іюня начали дожди.

Бахмутъ, Екатеринославской губ. Состояніе зерновыхъ хлѣбовъ и травъ въ настоящее время выше средняго.

Екатеринославъ. Зерновые хлѣба вслѣдствіе перепаданія частыхъ дождей подаютъ надежду на обильный урожай какъ въ Екатеринославскомъ, такъ и въ сосѣднихъ уѣздахъ, какъ-то: Александровскомъ, Павлоградскомъ, Новомосковскомъ и Верхнеднѣпровскомъ; травы въ плохомъ состояніи.

Никополь, Екатеринославской губ. Хлѣба у насъ хороши.

С. Елизаветовка, Екатеринославской губерніи. Яровые хлѣба удовлетворительны, а ржаные плохи, травы плохи.

Никополь, Екатеринославской губ. Виды на урожай зерновыхъ хлѣбовъ у насъ очень хорошіе, а состояніе травъ плохое, такъ что сѣнокоса нѣтъ.

Таганрогъ, Екатеринославской губ. Урожай зерновыхъ хлѣбовъ очень хорошъ.

Большой Токмакъ, Таврической губ. Послѣ выпавшихъ на дняхъ обильныхъ дождей всходы хлѣбовъ въ нашихъ окрестностяхъ значительно поправились и урожай, по словамъ землевладѣльцевъ, обѣщаетъ быть удовлетворительнымъ.

Карасубазаръ, Таврической губ. Озимые посѣвы на корню показываютъ въ общей сложности средній урожай, а яровые ниже средняго, но есть надежда что поправятся послѣ тѣхъ дождей, которые пошли на этихъ дняхъ; травы тоже хороши. На фрукты полный урожай. На виноградъ также есть надежда, что будетъ полный урожай.

Керчь, Таврической губ. Въ окрестностяхъ Керчи, и въ Кубанской области подножная трава хороша, озимые хороши, яровые посредственные; въ общемъ можно надѣяться на хорошій урожай.

Карасубазаръ, Таврической губ. Урожай въ Таврической губ. средній; трава незавидная.

Каховка, Таврической губ. Травы дадутъ средній урожай, также и озимые хлѣба. Яровые лучше озимыхъ и можно ожидать хорошаго урожая.

Ялта. Въ Ялтѣ послѣдніе дни идетъ сильный дождь; этотъ

край хлѣбопашествомъ не занимается, а фрукты и виноградъ довольно хороши.

Ички, Таврической губ. Въ Ѳеодосійскомъ уѣздѣ, дней десять тому назадъ, предвидѣлся полный урожай, но теперь появились клопы, и въ нѣкоторыхъ деревняхъ совсѣмъ высосали зерно, остался только колосъ.

Каменка, Таврической губ. Травы у насъ были очень плохи, а виды на урожай зерновыхъ хлѣбовъ, какъ-то: пшеницы, ржи, ячменя очень хороши, въ особенности яровые, пшеница и ячмень замѣчательно хороши, лучше урожая бывшаго въ 1888 году.

С. Александровское, Ставропольской губ. Урожай зерновыхъ хлѣбовъ выше средняго, покосъ заканчивается.

Юрьевка, Ставропольскаго уѣзда. Въ Бердянскомъ уѣздѣ очень хорошіе хлѣба, но гдѣ я торгую, а также и въ окрестности на тридцать и сорокъ верстъ отъ меня весь хлѣбъ выдуло восточнымъ вѣтромъ, было пересѣяно второй разъ и выдуло опять; по позднему времени сѣять больше гарновку и ячмень нельзя, то посѣяли просо и кукурузу, чего прежде не сѣяли и не считали за хлѣбъ. Много земли осталось пустою и травъ на ней, послѣ выноса хлѣба, не было.

С. Урожайное, Ставропольской губ. Въ Ставропольской губерніи озимые хлѣба уродились хорошо, сѣнокосъ былъ изобильный, на яровые тоже хорошіе виды.

Эйскъ, Кубанской обл. Озимые вышли изъ-подъ снѣга благополучно, въ маѣ были частые дожди, такъ что виды на урожай зерновыхъ хлѣбовъ хороши, травы изобильны и всѣ скошены, но обильные дожди не даютъ возможности убрать ихъ; если будетъ такъ продолжаться, то можетъ повредить и хлѣбу.

Армавиръ, Кубанской обл. Въ настоящее время виды на урожай очень хороши, также и травы очень хороши; покосъ начался по всему Кавказу съ 28 мая.

Армавиръ, Кубанской области. Въ Кубанской, Терской областяхъ и Ставропольской губерніи виды на урожай зерновыхъ хлѣбовъ, равно какъ и состояніе травъ великолѣпны, гораздо лучше, чѣмъ въ прошломъ году.

Крымская Станица, Кубанской обл. Урожай озимыхъ, ржи, и пшеницы лучше прошлаго года, а въ прошломъ году былъ хорошій урожай.

Куба, Бакинской губ. Урожай зерновыхъ хлѣбовъ въ настоящемъ

году очень хорошій, траву собрали и на дняхъ соберутъ ячмень; пшеница тоже очень хороша.

Эривань. Урожай зерновыхъ хлѣбовъ, судя по настоящему положенію, не дуренъ; что же касается хлопка, то въ сравненіи съ прошлымъ годомъ плохъ.

Керки, Туркестанской области. Въ Закаспійскихъ областяхъ, а также въ Персіи, въ провинціи Хорасанъ, урожай зерновыхъ хлѣбовъ и состояніе травъ очень хороши, лучше прошлаго года; хлѣбъ убирается.

Тюмень. Ранняя весна, теплая и съ дождями погода, подаетъ надежду на урожай всѣхъ зерновыхъ хлѣбовъ, но обсѣменѣніе полей въ нашей губерніи, сильно пострадавшихъ въ минувшемъ году отъ неурожая, за недостаткомъ сѣмянъ и рабочаго скота, прошло очень вяло и неудовлетворительно. Ко всему этому, нынѣ, какъ и въ минувшемъ году, во многихъ мѣстностяхъ хлѣбъ на корню ѣла кобылка, которая наводитъ панику на населеніе и безъ того уже обезсиленное пережитыми испытаніями. Особенно отъ этого вреднаго насѣкомаго страдаютъ въ нашей губерніи округа Курганскій и Ялуторовскій, преимущественно первый. Урожай травъ ожидается изобильный, ростъ ихъ, какъ и хлѣбовъ, хорошій. Богъ дастъ дождей и пронесетъ навернувшуюся грозную тучу кобылки, тогда населеніе наше, можно съ увѣренностію сказать, будетъ обезпечено какъ хлѣбомъ, такъ и травой.

Колывань, Томской губ. Урожай по Томской губерніи даетъ благопріятныя надежды.

Николаевскъ, Приморской обл. Виды на урожай зерновыхъ хлѣбовъ хороши, но не повсемѣстно; мѣстами, гдѣ были ранніе посѣвы и хорошіе дожди, тамъ хлѣба хороши.

Николаевскъ, Приморской обл. Виды на урожай зерновыхъ хлѣбовъ удовлетворительны въ мѣстностяхъ Николаевскаго уѣзда, травы тоже удовлетворительны.

Л. Вороновъ.

КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ.

(Окончаніе.)

Журналы Комитета Министровъ. Т. I и II. Спб. 1891.

„Военныя дѣйствія, происходившія въ Россіи въ 1812 г., справедливо замѣчаютъ издатели журналовъ, изслѣдованы и описаны во всей подробности день за днемъ, а иногда и часъ за часомъ, многими значительными историками. Административная же сторона Отечественной войны, то-есть вся совокупность тѣхъ связанныхъ съ войной или обусловленныхъ ею мѣропріятій и распоряженій, которыя исходили отъ различныхъ органовъ государственнаго и губернскаго управленія, оставалась до сихъ поръ мало извѣстною, вслѣдствіе отсутствія или недоступности относящихся къ ней матеріаловъ. Съ опубликованіемъ во всеобщее свѣдѣніе журналовъ Комитета Министровъ за 1812 годъ, таковой пробѣлъ до нѣкоторой степени восполняется. Дѣлопроизводство Комитета содержитъ въ себѣ необходимое обиліе самыхъ разнородныхъ и совершенно новыхъ данныхъ для разъясненія означеннаго выше вопроса. Самый объемъ журналовъ Комитета Министровъ представляетъ наглядное доказательство той усиленной дѣятельности, которая выпала на долю Комитета въ упомянутый періодъ времени. По сущности же своей дѣятельность Комитета, въ которой выразилось участіе этого высшаго облеченнаго сторонимъ полномочіемъ государственнаго учрежденія въ великихъ происшествіяхъ 1812 года, имѣетъ неоспоримо громадный интересъ.“

Велика была защита отъ вторженія Наполеона: приходилось не только назначать усиленные рекрутскіе наборы, но и преодолѣвать значительныя финансовыя затрудненія. Въ 1811 году, какъ сказано было выше, Россія пострадала отъ неурожая, отчего хлѣбъ вздорожалъ, а подати неисправно поступали въ государственное казначейство. Въ царствованіе Александра I было выпущено много ассигнацій и онѣ пали въ цѣнѣ такъ сильно, что въ Виленской губерніи, напримѣръ, за сто рублей ассигнаціями давали не болѣе двадцати рублей серебромъ, въ Ригѣ рубль серебромъ стóилъ 4 рубля 25 коп.

Въ 1810 году наше регулярное войско составляло четыреста тысячъ человѣкъ, въ 1812 году оно было увеличено до 480 тысячъ; къ западнымъ границамъ собрано до 280 тысячъ и изъ нихъ образованы двѣ Западныя арміи. Военный министръ сообщалъ, что никогда продовольствіе войскъ не было столь затруднительно и не требовало такой попечительности, какъ теперь, что, по причинѣ чрезвычайно возвысившихся цѣнъ на фуражъ и провіантъ, на одно только продовольствіе арміи необходимо нужно генералъ-провіантмейстеру имѣть до 12 милліоновъ рублей. Присоединяя эту сумму къ 13 милліонамъ, которые должны быть отпущены на экстраординарные, по двумъ западнымъ арміямъ, расходы, по 1 мая всего потребуется немедленно на военный департаментъ болѣе 25 милліоновъ рублей. Министръ Финансовъ Гурьевъ доложилъ Комитету, что столь чрезвычайныя требованія, превосходящія всѣ способы казначейства при началѣ только предстоящихъ дѣйствій, налагаютъ на него обязанность представить Государю положеніе спхъ дѣлъ въ точномъ ихъ видѣ. По расписанію на 1812 г. на военный департаментъ съ экстраординарными расходами исчислено было 153 милліона. Въ счетъ этой суммы, не считая экстраординарныхъ отпусковъ для Молдавской и Грузинской армій дѣйствительно отпущено было по 6 апрѣля 48 милліоновъ ассигнаціями и 361.000 серебромъ. Несмотря на столь значительныя суммы, военный департаментъ не только затрудняется въ обезпеченіи продовольствія арміи, но и требованія его ежедневно, такъ-сказать, усиливаются въ такой степени, что Министерство Финансовъ, не бывъ вовсе предупреждено, до сколько оныя простираться могутъ, по справедливости озабочивается, предвидя, что не въ состояніи будетъ удовлетворять въ скорости всѣмъ спмъ расходамъ. Въ заключеніе министръ Финансовъ сообщилъ слѣдующее о положеніи нашего денежнаго обращенія:

„Неожиданное возвышеніе цѣны серебра тѣмъ болѣе обращаетъ на себя вниманіе, что, по состоянію курса и по оборотамъ коммерціи, совсѣмъ тому противнаго ожидать должно. Состояніе иностраннаго вексельнаго курса нынѣ таково, что не только нѣтъ никакой возможности вывозить серебро и золото изъ государства по обыкновеннымъ коммерческимъ разсчетамъ, но, напротивъ, великая выгода сопряжена съ привозомъ металловъ сихъ въ Россію: и дѣйствительно, въ продолженіе истекающей зимы привезено оныхъ въ предѣлы государства, какъ то достовѣрно извѣстно, въ слиткахъ и ефимкахъ болѣе нежели на полтора милліона рублей. Не взирая, что Министерство Финансовъ съ величайшею осторожностью и малыми суммами производитъ вымѣнъ золота и серебра на ассигнаціи; не взирая, что въ Ригу для выдачи на обмѣнъ приносимыхъ въ пробирную палату металловъ отправлено отсюда болѣе четырехъ сотъ тысячъ рублей и что столь знатныя суммы, привозимыя изъ-за границы, должны бы непремѣнно унизить цѣну серебра, въ то же, однако, время оное непомѣрно возвышается. Столь необыкновенное явленіе побуждаетъ подозрѣвать, что сему должны быть причиной особенныя злоумышленныя намѣренія. Дѣйствительно, извѣстно, что въ Ригѣ скупается для отвозу въ пограничныя мѣста великое количество золота и серебра; но и тамъ оное не становится отъ того дешевле, а еще болѣе вздорожало; слѣдовательно, не только скупаемое въ Ригѣ не появляется въ оборотахъ, но и то, которое тамъ уже находилось, также извлекается изъ обращенія. Все сіе показываетъ неблагонамѣренныя усилія къ накопленію въ пограничныхъ мѣстахъ золота и серебра вѣроятно потаеннымъ образомъ, отчего увеличится оскудѣніе сихъ металловъ внутри государства и унизится еще больше достоинство ассигнацій. Сіе на самомъ дѣлѣ основанное замѣчаніе принуждаетъ министра Финансовъ пріостановиться высылкой серебряной монеты на потребности армій по росписи опредѣленной, дабы сохранить, сколько можно, оную здѣсь на чрезвычайныя впредь нужды. Обстоятельство сіе внушаетъ министру Финансовъ смѣлость представить государю, что настоитъ крайняя необходимость въ пограничныхъ губерніяхъ, въ коихъ расположено нынѣ войско, снабженіе и продовольствіе арміи по возможности расположить на землю.“

Комитетъ согласился съ мнѣніемъ министра Финансовъ и положено было собрать запасы реквизиціоннымъ способомъ, а также

разрѣшено войскамъ брать нужные припасы подъ квитанціи. Изъ этихъ двухъ мѣръ, говоритъ генералъ Богдановичъ, реквизиція не имѣла успѣха по новости дѣла, по множеству противниковъ и по недостатку необходимой энергіи при ея исполненіи: а потому войска большею частью довольствовались сами, забирая запасы у жителей подъ квитанціи, безо всякаго содѣйствія интендантства". [1] Для удовлетворенія чрезвычайныхъ военныхъ расходовъ были выпущены 6% облигаціи Государственнаго Казначейства срокомъ на одинъ годъ.

Вслѣдъ за открытіемъ военныхъ дѣйствій противъ Наполеона Комитету пришлось обсудить важный вопросъ о торговыхъ сношеніяхъ съ иностранными державами. Въ засѣданіи 9 іюля предсѣдатель прочелъ полученное имъ отъ государственнаго канцлера отношеніе, въ которомъ онъ сообщалъ, что государю угодно, чтобы Комитетъ Министровъ обсудилъ, какія мѣры по наступившимъ обстоятельствамъ представляются наилучшими касательно находящихся въ портахъ нашихъ торговыхъ судовъ, принадлежащихъ непріязненнымъ державамъ. По мнѣнію канцлера, открытіе войны съ Франціей вызывало необходимость причислить къ числу непріязненныхъ государствъ не только всѣ земли къ упомянутой державѣ присоединенныя и Ганзатическіе города, но равнымъ образомъ всю Италію, всѣ державы такъ-называемаго Рейнскаго союза, Австрію и Пруссію. „Данія, писалъ Румянцевъ, хотя также находится въ союзѣ съ Франціей, не должна однако же на сей разъ почесться на одной съ ними степени, ибо понынѣ не приняла еще явнаго участія въ войнѣ противъ Россіи. Въ таковомъ положеніи дѣла государь имѣетъ неоспоримое право задержать и конфисковать въ портахъ своихъ всѣ купеческія суда, принадлежащія европейскимъ державамъ, исключая Даніи. Но государю угодно знать мнѣніе Комитета Министровъ, не представитъ ли мѣра сія важнѣйшихъ неудобствъ для нашей торговли? Не стѣснитъ ли она на сей годъ средствъ къ выпуску внѣ государства собственныхъ нашихъ многогрузныхъ продуктовъ, копми наполнены порты наши во всемъ пространствѣ Имперіи? Ибо въ такомъ случаѣ, доколѣ торговля съ Англіей дѣйствія своего не воспріемлетъ, должны мы будемъ для вывоза оныхъ продуктовъ ограничиться судами американскими, бразильскими, шведскими и датскими: число оныхъ, приходящее въ наши порты,

[1] *Исторія Отечественной войны 1812 г.*, т. I, стр. 65.

можетъ ли быть для того достаточно? Негоціація съ Англіей хотя и началась, но еще не достигла окончанія, а краткость времени, въ которое продолжается навигація къ нашимъ портамъ въ Балтійскомъ морѣ, представляетъ вопросъ: по заключеніи мира съ Англіей и по изданіи взаимныхъ декларацій о возстановленіи торговли, успѣютъ ли англійскіе корабли нынѣшнимъ еще лѣтомъ появиться въ нашихъ портахъ для принятія въ оныхъ грузовъ? Въ видахъ существенной государственной пользы не выгоднѣе ли будетъ вмѣсто таковой конфискаціи, которая можетъ безъ сомнѣнія принести важное для казны приращеніе, но по вышепредставленнымъ причинамъ можетъ также стѣснить выпускъ нашихъ продуктовъ, не выгоднѣе ли будетъ употребить средство совсѣмъ противоположное, и именно для способствованія выпуску оныхъ продуктовъ дозволить на сей годъ невозбранный входъ и выходъ во всѣхъ нашихъ портахъ судамъ всѣхъ державъ безъ изъятія, какъ въ мирѣ, такъ и въ войнѣ съ Россіей находящихся? Сіи два вопроса государь представляетъ разсмотрѣнію Комитета Министровъ, то-есть: 1) конфисковавъ всѣ непріятельскія суда ограничиться для нашей торговли только американскими, бразильскими, шведскими и датскими, или 2) пожертвовавъ богатыми пріобрѣтеніями отъ конфискаціи произойти долженствующими открыть на сей годъ порты наши для всѣхъ націй безъ изъятія и чрезъ то несравненно умножить выпускъ нашихъ продуктовъ. Ежели исчисливъ и взвѣсивъ всѣ выгоды, въ одномъ и другомъ случаѣ произойти имѣющія, Комитетъ Министровъ предпочтетъ единогласно конфискацію, въ такомъ случаѣ государь соизволяетъ, чтобы мѣра сія приведена была въ исполненіе повсемѣстно безъ отлагательства и съ наивозможною поспѣшностью, не ожидаясь высочайшаго на то утвержденія; но ежели, напротивъ, мнѣнія о томъ будутъ разногласны, то государь предоставляетъ себѣ окончательное о томъ рѣшеніе, соизволяя, чтобы въ семъ послѣднемъ случаѣ мнѣнія Комитета и предметъ сего разсужденія оставались въ непроницаемой тайнѣ."

Министръ Финансовъ представилъ записку, въ которой высказывался противъ ограничительныхъ мѣропріятій по отношенію къ внѣшней торговлѣ и въ подкрѣпленіе своего мнѣнія приводилъ слѣдующія соображенія: „По изданіи декларацій о разрывѣ съ Англіей въ 1807 году повелѣно было на всѣ англійскія суда въ портахъ нашихъ и на имущество Англичанъ наложить амбарго, для производства же дѣлъ по ликвидаціи счетовъ учре-

дить коммиссіи. Потомъ въ 1809 году предписаны правила нейтральной торговли, и учреждены нейтральныя коммиссіи. Съ сего времени торговля, производившаяся подъ нейтральными или дружественными флагами, сдѣлалась подверженною великимъ затрудненіямъ. Всѣ приходящіе корабли должны были предъявлять установленные документы, коими доказывалась нейтральность судна, экипажа и груза. Коммиссіи съ величайшею строгостью разсматривали сіи документы; въ случаѣ сомнѣнія о подписяхъ допрашивали экипажъ, дѣлали сношенія съ мѣстами, откуда отправлены были суда и при малѣйшемъ видѣ, что оныя заходили въ порты Англіи или имѣли какое-либо сношеніе съ нею, подвергали ихъ конфискаціи или же высылали изъ порта. Все сіе, причиняя въ дѣлахъ внѣшней торговли многія проволочки, затрудненія и опасности, имѣло самое вредное дѣйствіе на вексельный нашъ курсъ и вообще на финансы государства. Уменьшеніе числа приходящихъ кораблей уменьшило вывозъ нашихъ произведеній. Иностранные товары возвысились чрезмѣрно въ цѣнахъ по причинѣ великихъ страховыхъ денегъ и всѣхъ расходовъ и потерь, съ производствомъ столь стѣсненной торговли сопряженныхъ, вексельный курсъ началъ упадать стремительно; сіе увеличило дороговизну на всѣ предметы и дальнѣйшія послѣдствія сего положенія вещей распространились на благосостояніе всего государства. По опыту двухъ прошедшихъ примѣровъ о наложеніи амбарго на имущество Англичанъ извѣстно уже сколь мало пользы таковой чрезвычайный способъ принесъ подданнымъ россійскимъ, которыхъ правительство надѣялось предохранить отъ потери ихъ собственности, находившейся въ рукахъ Англичанъ. Все купечество наше признаетъ, что имѣвшіе требованія на Англичанахъ несравненно скорѣе были бы ими удовлетворены, еслибъ оставлена была свобода привести ихъ дѣла къ окончанію безъ посредства столь строгой мѣры, и что отъ наложенія амбарго произошли только затрудненія для правительства, продолжительные разсчеты и отдаленія платежа на нѣсколько годовъ. Сверхъ того, послѣ амбарго 1801 года правительство видѣло себя принужденнымъ заплатить до 800 тысячъ рублей за убытки, причиненные подданнымъ Англіи. При всемъ томъ, при многочисленности дѣлъ и обширности торговли между Англіей и Россіей, наложеніе амбарго могло еще нѣкоторымъ образомъ казаться нужнымъ для предохраненія выгодъ подданныхъ нашихъ; но всѣмъ извѣстно, что торговыя сношенія наши съ Франціей

въ послѣдніе годы были весьма незначительны. Итакъ, если наложеніе амбарго сдѣлать изъ опасенія, чтобы собственность Россіянъ, во владѣніяхъ Франціи находящаяся, не была захвачена, и чтобы посредствомъ секвестра на имущество французскихъ подданныхъ въ Россіи обезпечить себя съ сей стороны, то мѣра сія представляется вовсе излишнею. Сверхъ того, нельзя не видѣть, что слѣдствія амбарго всегда обращались болѣе къ собственному вреду нашему, и что наложеніемъ онаго на имущество и суда Англичанъ правительство распространило опасеніе и недовѣрчивость во всѣхъ торгующихъ народахъ. Прикосновеніе къ частной собственности, коимъ сопровождались перемѣны политическихъ обстоятельствъ, понудило иностранцевъ извлекать изъ Россіи свои капиталы, а имущество и потерп, которыя отъ того понесло все государство, извѣстны каждому. Такимъ образомъ, конфискація на нѣсколько милліоновъ рублей англійскихъ кораблей и грузовъ представится ничтожною, когда принять въ уваженіе, что суммы, потерянныя отъ того иностранцами, возвращены съ насъ сугубо возвышеніемъ цѣнъ на всѣ ихъ произведенія, и когда поставить оныя въ сравненіе съ тѣмъ вредомъ, который потерпѣло правительство и всѣ состоянія государства отъ совершеннаго упадка вексельнаго курса, униженія достоинствъ государственныхъ ассигнацій и потрясенія общаго и частнаго кредита. Если возобновить сей примѣръ нынѣ, то вредное дѣйствіе онаго еще болѣе будетъ ощутительно. Одна неувѣренность, какъ поступитъ въ семъ случаѣ правительство, причиняетъ уже, что съ первыхъ дней разрыва съ Франціей усплились примѣтнымъ образомъ обратныя требованія капиталовъ изъ банка, и переводъ оныхъ изъ государства можетъ обратиться къ угнетенію вексельнаго нашего курса, который въ нынѣшнихъ обстоятельствахъ долженъ бы весьма чувствительно возвышаться.“

Комитетъ согласился съ доводами министра Финансовъ и по первому вопросу, конфисковать ли всѣ непріятельскія суда, единогласно постановилъ всякую иностранную частную собственность внутри государства оставить неприкосновенною; по второму вопросу,—открыть ли порты наши для всѣхъ націй безъ изъятія, Комитетъ, кромѣ Морскаго министра, положилъ допускать всѣ купеческіе флаги въ порты наши. Морской министръ признавалъ нужнымъ сдѣлать исключеніе для французскаго флага, который не долженъ быть впускаемъ въ Кронштадтскій портъ для предупрежденія подсылки на непріятельскихъ судахъ шпіоновъ. На это осталь-

ные члены Комитета возразили, что таковая осторожность не можетъ быть достаточною, потому что шпіоны могутъ сыскать способы прибыть въ Кронштадтъ на судахъ и подъ другимъ флагомъ.

Какъ только узнали, что непріятель занялъ Митаву и предполагали, что Наполеонъ двинется прямо на Петербургъ чрезъ Псковъ или Нарву, предсѣдатель Комитета Министровъ предложилъ на обсужденіе слѣдующій вопросъ: „такъ какъ высочайшая воля есть, чтобы въ случаѣ опасности здѣшней столицы вывезены были изъ оной всѣ тѣ предметы, которые непріятелю въ руки достаться никакъ не должны, то настоитъ ли надобность нынѣ же приступить къ тому?“ Комитетъ, озабочивась, чтобы нужные предметы отсюда непремѣнно вывезены были, а съ другой стороны тѣмъ, чтобы безвременнымъ приступомъ къ сему не причинить напрасной городу тревоги, разсудилъ, чтобы до полученія первыхъ извѣстій, которыя рѣшить могутъ, настоитъ дѣйствительно необходимая надобность въ сей мѣрѣ, всякій изъ министровъ сообразилъ бы предварительно въ совершенной тайнѣ, какіе именно предметы по вѣдомству его вывезти нужно и представилъ бы Комитету для общаго разсмотрѣнія и опредѣленія, сколько судовъ или подводъ для того надобно будетъ, а главнокомандующій въ Петербургѣ предписалъ бы, чтобы по Тихвинской дорогѣ черезъ Ладогу до Ярославля изготовлены были подводы такъ, чтобы по первому востребованію по тысячѣ подводъ на каждой станціи было.

Изъ записки, представленной Комитету, видно, что собирались вывезти не только архивы, звонкую монету, лучшія картины Эрмитажа, сокровища Александровской лавры, военные трофеи, но даже статую Петра Великаго, его домикъ, статую Суворова съ Царицына луга и лучшія мраморныя статуи изъ Таврическаго дворца. Общая тяжесть всѣхъ этихъ предметовъ составляла болѣе 500 тысячъ пудовъ, подъ которые требовалось 2.314 подводъ и, кромѣ того, для Синода и церковныхъ сокровищъ 13 большихъ судовъ. Комитетъ пришелъ къ заключенію, что ежели бы подлежало по крайней необходимости оставить здѣшній городъ, употребивъ самыя послѣднія усилія на защиту его, такъ какъ потеря его сопряжена съ неисчислимыми для Россіи послѣдствіями, то нѣтъ никакой возможности всего вывезти, и тѣмъ паче, что заблаговременно вывозить нельзя, а въ случаѣ настоянія въ томъ надобности недостаточно будетъ ни времени, ни способовъ. Вскорѣ однако узнали, что Петербургу не грозитъ опасности въ

ближайшемъ будущемъ, и распоряженіе о вывозѣ вещей было отмѣнено.

Комитетъ Министровъ занимался не только снабженіемъ войска продовольствіемъ, но и спеціально военными вопросами, напримѣръ, объ укрѣпленіи крѣпостей, о рекрутскомъ наборѣ и ополченіи. Когда Наполеонъ подходилъ къ Витебску, объявленъ былъ Высочайшій манифестъ, въ которомъ говорилось между прочимъ: „Мы взываемъ ко всѣмъ нашимъ вѣрноподданнымъ, ко всѣмъ сословіямъ и состояніямъ духовнымъ и мірскимъ, приглашая ихъ вмѣстѣ съ нами, единодушнымъ и общимъ возстаніемъ, содѣйствовать противъ всѣхъ вражескихъ замысловъ и покушеній.“ Съ этой минуты оборона противъ непріятеля стала главною заботой всего русскаго населенія, и всѣ охотно отзываются на призывъ правительства. Въ одномъ засѣданіи Комитетъ обсуждалъ вопросъ, можно ли штатскимъ чиновникамъ, при мѣстахъ находящимся, вступать въ ополченіе, и положено, чтобы министры увольняли по усмотрѣнію своему на время ополченія отъ должностей тѣхъ только чиновниковъ, за увольненіемъ которыхъ дѣла остановиться не могутъ или которыхъ должности другимъ на сіе время поручить можно. Вмѣстѣ съ тѣмъ, разрѣшено министрамъ сохранить этимъ чиновникамъ получаемое ими содержаніе до возвращенія ихъ къ должностямъ. Въ указѣ Сенату отъ 17 декабря говорится, что составъ временнаго ополченія на защиту отечества явилъ въ полной мѣрѣ усердіе чиновниковъ, изъ гражданской службы поступившихъ въ оныя. На этомъ основаніи чиновниковъ стали принимать и въ армейскіе полки съ тѣми же самыми чинами, какіе назначены для ополченія. Одновременно съ этимъ указомъ послѣдовалъ на имя предсѣдателя Комитета Министровъ рескриптъ государя такого содержанія: „По извѣстности, что въ канцеляріяхъ и департаментахъ министерскихъ находятся излишніе чиновники и многіе для одной только линіи по службѣ числятся при канцеляріяхъ на своемъ содерженіи, я считаю, что они лучшую принесутъ пользу государству, опредѣляясь въ армію по указу, данному мною Сенату, коимъ отверзается путь всякому гражданскому чиновнику отличаться на полѣ брани. Вслѣдствіе сего поручаю вамъ изъявить волю мою министрамъ, дабы они сократили число людей въ канцеляріяхъ и мѣстахъ, имъ подчиненныхъ, до возможности, чтобы самое только нужное количество чиновниковъ оставлено было, а прочихъ всѣхъ или уволить отъ службы или бы согла-

силіи на опредѣленія въ полки. Ограничивъ симъ образомъ количество чиновъ, необходимыхъ для отправленія дѣлъ, я не позволяю уже опредѣлять другихъ на мѣста тѣхъ, кои оставлены будутъ или поступятъ въ военную службу; ибо въ нынѣшнее время молодые люди наиболѣе нужны для арміи."

Оживленныя пренія вызвало дѣло, возникшее по поводу распоряженій, сдѣланныхъ малороссійскимъ генералъ-губернаторомъ княземъ Лобановымъ-Ростовскимъ. Министръ Финансовъ доложилъ, что Лобановъ, получивъ рескриптъ о составленіи казачьихъ полковъ, учинилъ слѣдующее: всему сословію малороссійскихъ казаковъ, которое составляетъ до 450 тысячъ душъ, платящихъ въ казну 3.600.000 рублей податей, предложилъ составить казачье войско, а дабы поощрить ихъ къ тому, именемъ государя обѣщая навсегда освободить все населеніе отъ рекрутства и отъ платежа всѣхъ податей, кромѣ подоходнаго (по рублю съ хаты). По учиненіи таковыхъ обѣщаній въ Малороссіи собрано казачьяго войска до 18.000 человѣкъ; генералъ-губернаторъ утверждалъ, что ихъ въ нуждѣ можно собрать 100.000. Распоряженіе малороссійскаго генералъ-губератора, по разсчету министра Финансовъ, лишило государственное казначейство доходовъ съ малороссійскихъ казаковъ за половину года въ количествѣ 1.732.176 рублей. Не зная, слѣдуетъ ли освобождать ихъ отъ податей, министръ Финансовъ представилъ о томъ, на разсмотрѣніе Комитета, присовокупляя, что если государственное казначейство при нынѣшнемъ дѣлъ положеніи будетъ лишаться доходовъ своихъ и по внутреннимъ губерніямъ, а паче въ столь значительныхъ суммахъ, то, безъ сомнѣнія, всѣ другія дѣйствія, какъ по арміи, такъ и внѣ оной, должны остановиться, и Министерство Финансовъ самонужнѣйшіе отпуски принуждено будетъ прекратить. „Правительство наше изстари, прибавлялъ къ этому министръ, а наипаче въ царствованіе Екатерины II, всемѣрно старалось всѣ присоединенныя къ Россіи провинціи сколько можно соединить въ одно тѣло установленіями своими. Такимъ образомъ, непрестанно обращаемо было вниманіе и на то, чтобы всѣ такъ сказать независимыя въ Малороссіи установленія уничтожить. Край сей имѣлъ свою особенную воинскую конституцію. Онъ управлялся гетманомъ, войсковыми старшинами избираемыми, и раздѣленъ былъ на десять полковъ, кои имѣли полковыя канцеляріи, завѣдывавшія всю часть исполнительную и многое до судной части относящееся. Императрица Екатерина II рѣшилась сперва

уничтожить гетманство, а потомъ ослабила внутреннія установленія, раздѣлила Малороссію при сохраненіи правъ ея на три губерніи, ввела въ оныя учрежденіе губернское, наконецъ, повелѣвъ уничтожить казачьи полки, опредѣлила собирать вообще со всѣхъ обитателей того края подушныя деньги и рекрутъ на общемъ основаніи. Причины на таковое уничтоженіе казачьихъ полковъ между прочимъ побудившія заключались и въ томъ, что казаки сіи составляли самое неспособное войско вмѣсто того, что, поступая въ кавалерію регулярную, они существенно споспѣшествовали къ наилучшему оной укомплектованію.

Разсмотрѣвъ распоряженія малороссійскаго генералъ-губернатора, Комитетъ нашелъ, что онъ учинилъ оныя въ отмѣну коренныхъ постановленій о томъ краѣ безо всякаго на то права, и совершенно вопреки пользѣ государственной, ибо, сверхъ того, что обратилъ онъ войсковыхъ обывателей въ новое состояніе, несообразное съ видами правительства, казна лишается чрезъ то знатнаго дохода, каковыя его распоряженія надлежало бы нынѣ же уничтожить. Но какъ малороссійскіе казаки употребили чрезвычайныя издержки на снаряженіе 18.000 войска, которое большею частью уже и въ походъ выступило, то, съ одной стороны, пріемля сіе въ уваженіе, а съ другой, изъ предосторожности, чтобы не поколебать внутренняго спокойствія въ населеніи до 450.000 душъ составляющемъ и особливо въ такое время, когда непріятель занимаетъ смежныя съ Малороссіей губерніи, и когда охраненіе границъ ея предоставлено тѣмъ же казакамъ, то Комитетъ полагалъ: 1) Войско, съ малороссійскихъ казаковъ собранное, оставить впредь до окончанія настоящихъ военныхъ обстоятельствъ на томъ основаніи, какъ оно малороссійскимъ генералъ-губернаторомъ учреждено. 2) Казенныхъ податей, отъ которыхъ малороссійскіе казаки генералъ-губернаторомъ освобождены, нынѣ съ нихъ не взыскивать, о чемъ дать указъ министру Финансовъ къ исполненію того съ его стороны, не упомнная впрочемъ въ ономъ объ утвержденіи распоряженія генералъ-губернатора и о томъ, что они отъ платежа податей освобождаются, но сказавъ только безо всякихъ изъясненій, чтобы подати съ нихъ впредь до повелѣнія не были взыскиваемы. 3) Равнымъ образомъ ополченіе, съ малороссійскихъ губерній собранное, оставить въ настоящемъ положеніи и замѣнить имъ рекрутскій наборъ съ нихъ слѣдовавшій. 4) По окончаніи военныхъ обстоятельствъ отмѣнить всѣ учиненныя малороссійскимъ генералъ-губернаторомъ распо-

ряженія, которыя, не бывъ высочайше утверждены, могутъ тѣмъ удобнѣе быть уничтожены.

Въ то же время Комитетъ призналъ, что надлежало бы сдѣлать малороссійскому генералъ-губернатору замѣчаніе за неправильность дѣйствія его, но принявъ во вниманіе, что оно не могло бы не сдѣлаться гласнымъ, и потому открылось бы малороссійскимъ казакамъ, что объявленное генералъ-губернаторомъ освобожденіе ихъ отъ платежа податей и рекрутскаго набора недѣйствительно, Комитетъ рѣшилъ замѣчанія сего ему не дѣлать, но оставить поступокъ его до времени въ молчаніи.

Въ концѣ 1812 года, когда Наполеонъ ушелъ изъ Москвы, Комитету Министровъ пришлось подумать, какъ помочь населенію, разоренному отъ непріятельскаго нашествія. Въ засѣданіи 17 декабря главнокомандующій въ Петербургѣ сдѣлалъ представленіе о болѣзняхъ, открывшихся въ разныхъ губерніяхъ. „Во всѣхъ почти мѣстахъ, говорилъ онъ, гдѣ вторгнувшійся въ предѣлы наши и теперь изгнанный изъ оныхъ непріятель, бывъ поражаемъ и въ бѣгствѣ проходя съ его полчищами, оставлялъ разсѣянные ихъ трупы, убитыхъ, раненыхъ, истощаемыхъ голодомъ и умирающихъ отъ стужи, не имѣя покрова одеждой въ такомъ, какъ извѣстно, находились множествѣ, что требовалось немалое время на то, чтобъ очистить отъ нихъ цѣлыя поля, дороги и селенія, особливо же тамъ, гдѣ оныя были разграблены, разорены, выжжены и остались безъ населяющихъ; и даже сдѣланы распоряженія о сожиганіи тѣхъ труповъ къ отвращенію вреда, отъ заражаемаго ими воздуха произойти могущаго. Прохожденіемъ тысячами плѣнныхъ въ мѣста, назначенныя для ихъ пребыванія, прежде нежели могла подана быть имъ помощь къ спасенію жизни, употреблявшихъ до того въ пищу всякую мертвечину и падаль, оставили также немалое число умершихъ на мѣстахъ и дорогахъ, а вообще въ болѣзняхъ и едва движущихся отъ слабости. Обстоятельства таковыя, стѣсненное крестьянъ помѣщеніе, безпокойство ихъ отъ непріятельскихъ нашествій, употребленіе изъ рѣкъ и озеръ воды, зараженной гніеніемъ тѣлъ и т. п., учинились причиной многихъ болѣзней въ обывателяхъ, особенно же въ губерніяхъ Московской, Смоленской, Новгородской, Орловской, Вологодской, Костромской и Псковской. Исключая Московской губерніи, гдѣ болѣзни сіи суть не что иное, какъ простудныя лихорадки, которыя по рѣшенію тамошняго главнокомандующаго происходятъ болѣе отъ тѣсноты, ибо въ одной избѣ часто помѣщаются семь

и восемь семействъ, во всѣхъ прочихъ губерніяхъ болѣзни сіи свойства прилипчиваго, а именно гнилыя, нервныя и жолчныя горячки и т. п. Въ Смоленской губерніи, хотя причиной тому полагалось также собираніе одежды съ мертвыхъ труповъ и сдираніе кожъ съ палаго скота, но сіе сколь возможно было прекращено губернаторомъ и расположено, чтобы какъ плѣнные, такъ и наши военные отряды не проходили большою дорогой отъ Смоленска къ Москвѣ, гдѣ болѣзни свирѣпствуютъ, а другими особенно для того назначенными. По распоряженіямъ доселѣ сдѣланнымъ велѣно губернаторамъ плѣнныхъ подъ строгимъ взысканіемъ не отправлять въ назначаемыя для нихъ мѣста иначе какъ одѣвъ ихъ сколь можно лучше и прилично̀е времени года, всѣхъ больныхъ изъ проходящихъ оставлять въ городскихъ больницахъ, пользовать и снабжать всѣмъ нужнымъ. О продовольствіи ихъ и порядкѣ пути и въ мѣстахъ пребыванія ихъ сдѣланы также надлежащія предписанія, но не взирая на все сіе и на попеченіе, принимаемое мѣстными начальствами о предохраненіи какъ плѣнныхъ, такъ и самихъ жителей отъ болѣзней, не престаютъ онѣ между жителями распространяться, а тѣснота помѣщенія самихъ жителей въ мѣстахъ разоренныхъ непріятелемъ еще болѣе причинствовать можетъ. Сколь въ случаѣ семъ не нужно было бы всѣ мѣста снабдить достаточнымъ числомъ врачей, но удовлетворяя надобность въ нихъ по части военной, они отдѣлены для оной и изъ гражданскаго вѣдомства, и изъ вольнопрактикующихъ сколь было возможно въ то же время какъ потребовали ихъ предѣлы государства, тамъ гдѣ свирѣпствуетъ нынѣ моровая язва, такъ что за удѣленіемъ туда и въ Смоленскъ, гдѣ болѣзни сильнѣе дѣйствовали, служащіе теперь по гражданскому вѣдомству, имѣя въ вѣдѣніи своемъ часто по два и по три уѣзда, съ трудомъ успѣваютъ даже въ свидѣтельствахъ по дѣламъ слѣдственнымъ и уголовнымъ, а больнымъ не могутъ уже никакъ подать надлежащей помощи. Почему главнокомандующій въ Петербургѣ принужденнымъ нашелся отнестись къ министрамъ и прочимъ начальствамъ объ отдѣленіи врачей изъ ихъ вѣдомствъ и испросилъ высочайшее повелѣніе на употребленіе въ помощь имъ студентовъ Медико-Хирургической Академіи, въ иныя же мѣста употребилъ и изъ числа взятыхъ въ плѣнъ, но при всемъ томъ недостатокъ въ нихъ остается ощутительнымъ. Комитетъ положилъ къ принятымъ уже мѣрамъ о прекращеніи по губерніямъ болѣзни присовокупить только то, чтобы проводъ плѣн-

ныхъ былъ на нѣкоторое время пріостановленъ, дабы отъ онаго болѣзни еще болѣе не распространялись, и чтобы плѣнные оставались въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ нынѣ находятся, по крайней мѣрѣ до того времени, пока они совершенно оправятся.

Главнѣйшія изъ состоявшихся въ 1812 г. при участіи Комитета Министровъ мѣръ къ воспособленію жителямъ отдѣльныхъ мѣстностей, пострадавшихъ отъ войны, заключались въ слѣдующемъ. Вслѣдствіе донесенія тверскаго губернатора о появленіи въ Тверп значительнаго числа лицъ, вышедшихъ изъ разныхъ мѣстъ, занятыхъ непріятелемъ и лишенныхъ всякихъ средствъ къ существованію, Комитетъ призналъ необходимымъ оказать этимъ несчастнымъ пособія со стороны правительства. Съ этою цѣлью Комитетъ полагалъ: 1) во всѣхъ тѣхъ губерніяхъ, гдѣ таковыя лица находятся и куда впредь прибудутъ, составить для попеченія о нихъ коммиссіи, подъ главнымъ надзоромъ губернаторовъ: 2) для доставленія симъ коммиссіямъ средствъ къ самонужнѣйшимъ пособіямъ, учредить при церквахъ особыя кружки для добровольнаго на сей предметъ подаянія и, сверхъ того, каждой коммиссіи открыть въ казенныхъ палатахъ кредитъ до 10 тысячъ рублей; 3) такъ какъ въ тѣхъ губерніяхъ, которыя окружаютъ театръ военныхъ дѣйствій, даже и коренному населенію угрожаетъ нѣкоторая опасность и нельзя предполагать у него избытка въ предметахъ первыхъ жизненныхъ потребностей, то всѣмъ находящимся въ сихъ губерніяхъ жителямъ, вышедшимъ изъ занятыхъ непріятелемъ мѣстъ объявить, чтобъ они избрали для себя мѣста въ губерніяхъ менѣе опасныхъ и болѣе изобильныхъ, куда и отправлять ихъ, снабдивъ видами, и смотря по разстоянію и необходимости самонужнѣйшими для пути пособіями; 4) въ сихъ губерніяхъ, куда они отправлены будутъ, размѣстить ихъ по городамъ и селеніямъ, для чего коммиссіи между собою должны имѣть предварительныя сношенія, дабы по прибытіи сихъ жителей на мѣста сдѣланы уже были къ принятію и размѣщенію ихъ надлежащія распоряженія; 5) по приведеніи въ извѣстность сихъ жителей предложить имъ, не пожелаетъ ли кто изъ нихъ вступить въ военную службу на время настоящей войны, съ тѣмъ что по окончаніи оной возвратятся они въ домы свои, по всѣмъ начальствамъ подтвердить, чтобъ отнюдь никакого принужденія въ томъ никому не было, а напротивъ и самыя предложенія сдѣланы бы имъ были такимъ образомъ, чтобы не имѣли они того вида, будто правительство къ присвоенію

ихъ военной службѣ пользуется крайностью ихъ положенія. При этомъ Комитетъ опредѣлилъ повергнуть на благоусмотрѣніе государя, что Комитетъ при изысканіи способовъ къ пособію симъ несчастнымъ жителямъ, затруднился назначить для этого суммы изъ казны, по причинѣ вызываемыхъ войной чрезвычайныхъ расходовъ, но разсуждалъ, что ежели бы распустить французскую труппу, то великія суммы которыхъ она стоитъ могли бы обращены быть на сіе полезное и богоугодное употребленіе, а вмѣстѣ съ тѣмъ произвели бы въ народѣ выгодное впечатлѣніе. Государь согласился съ этимъ, французская труппа была распущена, а деньги, тратившіяся на ея содержаніе, обращены на помощь разореннымъ жителямъ.

Велика была нужда въ Смоленской губерніи. „Вязьма, писалъ преосвященный Ѳеофилактъ, сколько была красива и богата, столько теперь обезображена и недостаточна. Шестая только часть ея уцѣлѣла отъ разоренія. Граждане по привязанности къ отчизнѣ являются на свои пепелища, но видя, что и уцѣлѣвшіе дома отъ пожара обращены то на больницы, то на постой чиновниковъ, неохотно принимаются за возобновленіе прежнихъ своихъ жилищъ. По показанію здѣшнихъ дворянъ, хлѣба въ Смоленской губерніи недостанетъ и на два мѣсяца. Сколько же погибнетъ людей безъ подвоза съѣстныхъ припасовъ изъ другихъ губерній, предоставляю сіе заключенію вашей прозорливости. Одного только губернатора квартира безъ больныхъ. Здоровые заражаются отъ больныхъ, а больные сдѣлались таковыми отъ сообщенія съ военными. У всѣхъ нервическая горячка или лихорадка“. [1]

Въ засѣданіи 10 декабря Комитетъ разсматривалъ рапортъ калужскаго губернатора Каверина о продовольствіи разоренныхъ жителей и объ устройствѣ Смоленской и Калужской губерній. Въ этомъ рапортѣ губернаторъ представлялъ о цѣломъ рядѣ предпринятыхъ имъ или признаваемыхъ имъ необходимыми мѣропріятій для водворенія порядка и благоустройства во ввѣренныхъ ему мѣстностяхъ. Каверинъ полагалъ для продовольствія разореннаго населенія Смоленской губерніи составить запасы въ Тамбовской и частью въ Тульской губерніяхъ, производя закупку на счетъ казны чрезъ избранныхъ отъ дворянства чиновниковъ безъ огласки для отвращенія возвышенія цѣнъ: если же

[1] *Записки Имп. Академіи Наукъ*, т. 43, стр. 399.

издержки казны на этотъ предметъ будутъ слишкомъ велики, то заимствовать хлѣбъ изъ сельскихъ магазиновъ тѣхъ же самыхъ или другихъ губерній съ доставленіемъ въ Смоленскую. Такое заготовленіе хлѣба калужскій губернаторъ предполагалъ сдѣлать для 200.000 душъ и изъ онаго оказывать пособіе преимущественно казеннымъ и удѣльнымъ крестьянамъ; помѣщичьимъ же въ такомъ только случаѣ, когда помѣщики сами, не имѣя достаточной собственности въ другихъ губерніяхъ, лишены способовъ къ доставленію имъ продовольствія. Комитетъ разсуждалъ, что пособіе разореннымъ жителямъ необходимо, но что заимствовать для сего хлѣбъ изъ сельскихъ запасныхъ магазиновъ невозможно, ибо изъ нѣкоторыхъ взятъ уже частью хлѣбъ для войскъ, а прочее надлежитъ сохранить для тѣхъ мѣстъ, гдѣ оныя находятся, и что сверхъ пособія въ продовольствіи нужно поселянъ освободить отъ платежа податей, равно какъ и обывателямъ потерпѣвшихъ городовъ даровать льготу. На этомъ основаніи было положено: министру Финансовъ удѣлить изъ государственныхъ доходовъ милліонъ рублей и отправить эту сумму калужскому губернатору для закупки хлѣба; выдачу хлѣба крестьянамъ производить заимообразно, не взыскивать съ нихъ податей какъ за вторую половину 1812 г., такъ и весь 1813 г.

Въ засѣданіи 7 января 1813 г. Комитетъ разсматривалъ составленныя главнокомандовавшимъ въ Петербургѣ Вязмитиновымъ правила для пособія въ продовольствіи обывателямъ, отъ войны разореннымъ. Представляя эти правила, Вязмитиновъ прибавилъ, что снабженіе разоренныхъ войной только хлѣбомъ на продовольствіе и засѣвъ полей, судя по разстройству, какое они потерпѣли, лишась не только всего своего хозяйства, но даже и самаго пристанища, не можетъ привести ихъ въ такое состояніе, чтобъ они могли, впредь собственными трудами и промыслами снискивая себѣ пропитаніе, быть также и государству полезными. Поэтому Вязмитиновъ считалъ, что кромѣ пособія хлѣбомъ необходимо нужно обратить вниманіе и на устроеніе ихъ хозяйства отпускомъ нѣкотораго числа денегъ на покупку скота и земледѣльческихъ орудій, а ремесленникамъ и мѣщанамъ на возобновленіе прежнихъ ремеслъ и промысловъ и, сверхъ того, отпускомъ лѣса на обстроеніе. Онъ предлагалъ, назначивъ на первый случай извѣстную сумму денегъ, отпускать сверхъ пособія хлѣбомъ до ста рублей на семейство, смотря потому какъ оно многочисленно. Отпускъ сихъ денегъ по собраніи достовѣрныхъ свѣдѣній о томъ,

кто въ чемъ дѣйствительно нуждается, могъ бы быть производимъ казеннымъ крестьянамъ, помѣщикамъ и городскимъ обывателямъ, то-есть ремесленникамъ и мѣщанамъ, промыслами занимающимся, съ тѣмъ же точно обезпеченіемъ въ разсужденіи возврата оныхъ въ казну и на томъ же основаніи какъ раздача хлѣба. Крестьяне и мѣщане должны быть освобождены отъ взысканія прежнихъ недоимокъ и отъ платежа податей за вторую половину 1812 г. и весь 1813 г. Въ селеніяхъ, пожаромъ разоренныхъ, а также и въ городахъ, сей участи подверженныхъ, нужно отпускать на постройку вновь домовъ, хозяйственныхъ строеній и сельскихъ магазиновъ казеннымъ крестьянамъ, также помѣщикамъ, не имѣющимъ собственнаго строеваго лѣса и городскимъ жителямъ потребный лѣсъ изъ казенныхъ дачъ безденежно. Комитетъ одобрилъ предложенія Вязмитинова.

Изо всего сказаннаго видно, какой важный историческій источникъ представляютъ журналы Комитета Министровъ.

П. Безобразовъ.

Сочиненія М. В. Ломоносова. съ объяснительными примѣчаніями академика М. И. Сухомлинова. Изданіе Императорской Академіи Наукъ. Томъ первый. Съ портретомъ. С.-Петербургъ, 1891 (XVIII+320+503).

Сочиненія Ломоносова въ первый разъ изданы были въ 1751 году самимъ авторомъ, причемъ Ломоносовъ заявилъ Академіи: „намѣренъ я всѣ мои оды и другія мои сочиненія отдать въ печать, для того, что весьма много охотниковъ, которые ихъ спрашиваютъ". Дѣйствительно, спросъ былъ такъ значителенъ, что вмѣсто обычнаго тогда количества экземпляровъ (725) напечатали вдвое болѣе (1.450). Черезъ шесть лѣтъ вышло второе изданіе, съ многочисленными дополненіями и измѣненіями, сдѣланными самимъ Ломоносовымъ.

Послѣ смерти Ломоносова изданіе его сочиненій нѣсколько разъ предпринималось литературными обществами и учеными учрежденіями. Основанное въ 1771 году при Московскомъ университетѣ *Вольное Россійское Собраніе*, „для исправленія и обогащенія россійскаго языка, чрезъ изданіе полезныхъ, а особливо къ наставленію юношества потребныхъ сочиненій и переводовъ, стихами и прозой", признало самымъ вѣрнымъ средствомъ для достиженія желаемой цѣли—изданіе сочиненій Ломоносова. Оно вышло въ 1778 году подъ редакціей архимандрита Дамаскина, члена Вольнаго Россійскаго Собранія. Вотъ какъ объяснялась въ предисловіи цѣль изданія:

„Между писателями, которые отъ всего просвѣщеннаго общества искуснѣйшими въ словѣ россійскомъ почитаются, Ломоносовъ по справедливости первое занимаетъ мѣсто. Чего ради, чтобы какъ переводчики и сочинители наши, такъ и обучающіеся въ школахъ юноши могли удобнѣе достать и для подражанія въ правописаніи и красотѣ слога всегда предъ очами имѣть самаго лучшаго россійскаго писателя, предпріялъ я выдать на свѣтъ всѣ покойнаго Михайлы Васильевича Ломоносова сочиненія"...

Прошло 62 года, въ продолженіе которыхъ Академія Наукъ сдѣлала нѣсколько изданій полнаго собранія сочиненій Ломоно-

сова. Пушкинъ уже создалъ свое твореніе, когда въ 1840 году Россійская Академія въ свою очередь предприняла изданіе сочиненій Ломоносова. Въ предисловіи говорилось:

„Россійская Академія, издавая снова всѣ стихотворенія, избранныя рѣчи и риторику Ломоносова, желаетъ и надѣется доставить и юношеству, и всѣмъ любителямъ россійской словесности образцы и правила поэзіи и витійства и тѣмъ способствовать къ распространенію истиннаго вкуса и просвѣщенія".

Достаточно сравнить между собою предисловія изданій 1778 и 1840 года, чтобъ убѣдиться, какъ мало измѣнился за весь этотъ долгій періодъ времени принципъ, по какому издавались сочиненія Ломоносова. Принципъ этотъ состоялъ въ томъ, чтобы дать образцы для подражанія въ области поэзіи и витійства. Историко-литературное изученіе сочиненій Ломоносова въ связи съ исторіей его эпохи еще не признавалось нужнымъ даже въ 1840 году и притомъ самою Россійскою Академіей.

Миновало еще полвѣка и только теперь появилось изданіе сочиненій Ломоносова, достойное науки, достойное общества, которое уважаетъ себя, оказывая почетъ своимъ великимъ писателямъ образцовыми изданіями ихъ сочиненій.

Мы говоримъ про изданіе сочиненій Ломоносова, предпринятое Академіей Наукъ подъ редакціей академика М. И. Сухомлинова. Въ настоящее время появился первый томъ этого изданія. Это громадная, роскошно отпечатанная книга въ большое *in—quarto*, заключающая въ себѣ болѣе 800 страницъ. Изъ этого числа 320 страницъ содержатъ текстъ, а 503 страницы отведены объяснительнымъ примѣчаніямъ. Цифры эти наглядно и краснорѣчиво указываютъ на характеръ изданія, совершенно отличный отъ всѣхъ предыдущихъ. Вездѣ, гдѣ только это оказывалось возможнымъ, возстановленъ первоначальный текстъ Ломоносова, отчасти по его рукописямъ, въ тѣхъ случаяхъ, когда онѣ сохранились, отчасти по первому печатному изданію. Къ каждому стихотворенію приведены варіанты. Вотъ какъ опредѣляетъ ихъ значеніе г. Сухомлиновъ:

„Въ литературной исторіи произведеній Ломоносова варіанты имѣютъ важное значеніе. Они знакомятъ съ авторскими пріемами вообще; ими же опредѣляется, въ иныхъ случаяхъ, отношеніе произведенія къ современной ему дѣйствительности. Изученіе рукописей Ломоносова показываетъ, что онъ много работалъ надъ своимъ стихомъ. Независимо отъ многочисленныхъ

поправокъ въ рукописи и въ корректурѣ, Ломоносовъ, приводя свои стихи въ томъ или другомъ прозаическомъ сочиненіи, обыкновенно дѣлалъ въ нихъ большія или меньшія измѣненія. При новомъ изданіи стихотвореній онъ почти никогда не оставлялъ ихъ въ прежнемъ видѣ, а въ нѣкоторыхъ изъ нихъ измѣненія были такъ велики, что являлась новая редакція издаваемаго произведенія."

Къ переводамъ и подражаніямъ вездѣ присоединены подлинники. „Способъ перевода, удержаніе тѣхъ или другихъ чертъ подлинника и самый выборъ произведеній представляютъ несомнѣнный интересъ въ литературномъ отношеніи." Стихотворенія расположены въ хронологической послѣдовательности. Такое расположеніе чрезвычайно важно, ибо оно даетъ возможность наглядно уяснить себѣ постепенный ходъ развитія и усовершенствованія стиха и слога Ломоносова. Нѣкоторыя изъ этихъ стихотвореній могли бы быть написаны въ наши дни:

Лишь только дневный шумъ замолкъ,
Надѣлъ пастушье платье волкъ,
И взялъ пастушій посохъ въ лапу,
Привѣсилъ къ поясу рожокъ,
На уши вздѣлъ широку шляпу
И крался тихо чрезъ лѣсокъ,
На ужинъ для добычи къ стаду.
Увидѣлъ тамъ, что Жучко спитъ,
Обнявъ пастушку, Өирсъ храпитъ,
И овцы всѣ лежали сряду.
Онъ могъ изъ нихъ любую взять;
Но не довольствуясь уборомъ,
Хотѣлъ прикрасить разговоромъ
И именемъ овецъ назвать.
Однако, чуть лишь пасть разинулъ,
Раздался въ рощѣ волчій вой.
Пастухъ свой сладкій сонъ покинулъ
И Жучко съ нимъ бросился въ бой:
Одинъ дубиной гостя встрѣтилъ,
Другой за горло ухватилъ:
Тутъ поздно бѣдный волкъ примѣтилъ,
Что черезчуръ перемудрилъ,
Въ полахъ и въ рукавахъ связался,

И волчьимъ голосомъ сказался.
Но Ѳирсъ недолго размышлялъ,
Уборъ съ него и кожу снялъ.
Я притчу всю коротким толкомъ
Могу вамъ, господа, сказать:
Кто въ свѣтѣ семъ родился волкомъ,
Тому лисицей не бывать.

Но особенно интересны объясненія и примѣчанія. Благодаря имъ каждое стихотвореніе Ломоносова вдвигается въ рамку своей эпохи и въ общемъ получается цѣлое, особое изслѣдованіе, которое можно было бы назвать: „Ломоносовъ и его время.“ При всемъ уваженіи къ геніальности Ломоносова, при всей непосредственности поэтическаго впечатлѣнія, какое до настоящаго времени производятъ нѣкоторыя изъ его стихотвореній, нельзя не сознаться, что большинство этихъ стихотвореній, написанныхъ на торжественные случаи, иллюминаціи и фейерверки, совершенно утратили всякій интересъ, кромѣ исторіко-литературнаго. Вотъ почему они вновь оживаютъ для насъ и получаютъ смыслъ только при историческомъ комментаріи. Г. Сухомлиновъ не довольствуется, однако, однимъ этимъ комментаріемъ. Онъ идетъ далѣе и посредствомъ выписокъ изъ риторики Ломоносова и сообщенія современныхъ критическихъ отзывовъ представляетъ намъ картину эстетическихъ взглядовъ и требованій современной Ломоносову эпохи. Такимъ образомъ, твореніе Ломоносова впервые уясняется намъ со всѣхъ сторонъ и выступаетъ въ своемъ дѣйствительномъ значеніи, какъ необыкновенно важный факторъ эстетико-воспитательнаго воздѣйствія на современное ему и послѣдующія поколѣнія. Несмотря на тяжеловѣсность многихъ стихотвореній Ломоносова, на рѣжущія наше ухо неправильныя ударенія, допущенныя ради соблюденія размѣра, стихотворенія эти представляютъ гигантскій шагъ впередъ противъ Тредьяковскаго, непосредственнаго наставника и руководителя Ломоносова. Громадность успѣха оцѣнивается лишь при сравненіи стихотвореній Ломоносова съ произведеніями современныхъ ему піитъ. Для примѣра приведемъ первую строфу стихотворенія какого-то Витынскаго на взятіе крѣпости Хотина:

Чрезвычайная летитъ—что-то за премѣна!
Слава носящая вѣтвь финика зелена;
Порфирою блещетъ вся, блещетъ вся отъ злата,
Отъ конца міра въ конецъ мечется крылата.

Востокъ, Западъ, Сѣверъ, Югъ, брегп съ Океаномъ,
Новую слушайте вѣсть, что надъ мусульманомъ
Полную Россійскій мечъ, коль храбрый, толь славный,
Викторію получилъ, и авантажъ главный.

У Ломоносова:

Восторгъ внезапный умъ плѣнилъ,
Ведетъ наверхъ горы высокой,
Гдѣ вѣтръ въ лѣсахъ шумѣть забылъ:
Въ долинѣ тишина глубокой.
Внимая нѣчто ключъ молчитъ,
Который завсегда журчитъ
И съ шумомъ внизъ съ холмовъ стремится.
Лавровы вьются тамъ вѣнцы,
Тамъ слухъ снѣшитъ во всѣ концы;
Далече дымъ въ поляхъ курится.

Необыкновенно любопытенъ эстетическій споръ между Ломоносовымъ, Тредьяковскимъ и Сумароковымъ по поводу ямба и хорея. Споръ этотъ помѣщенъ „для извѣстія“ въ изданіи, составляющемъ теперь величайшую библіографическую рѣдкость и озаглавленномъ: „*Три оды парафрастическія* псалма 143, сочиненныя чрезъ трехъ стихотворцевъ, изъ которыхъ каждый одну сложилъ особливо“.

Ломоносовъ „имѣлъ такое мнѣніе, что стопа, называемая ямбъ, высокое сама собою имѣетъ благородство, для того, что она возносится снизу въ верхъ, отчего всякому чувствительно слышна высокость ея и великолѣпіе, и что, слѣдовательно, всякій героическій стихъ, которымъ обыкновенно высокая и благородная матерія поется, долженствуетъ состоять сею стопой. А хорей, съ природы нѣжность и пріятную сладость имѣющій, самъ же собою, по его мнѣнію, долженъ токмо составлять элегіаческій родъ стихотворенія, и другіе подобные, которые нѣжныхъ и мягкихъ требуютъ описаній, потому что онъ сверху внизъ упадаетъ, чѣмъ больше показываетъ нѣжную умильность, нежели высоту и устремительное теченіе“.

Тредьяковскій „прекословилъ сему и предлагалъ, что никоторая изъ стихъ стопъ сама собою не имѣетъ, какъ благородства, такъ и нѣжности; но что все сіе зависитъ токмо отъ изображеній, которыя стихотворецъ употребляетъ въ свое сочиненіе, такъ что ямбомъ состоящій стихъ равно изобразитъ сладкую нѣж-

ность, когда нѣжныя слова приберутся, и хореемъ высокое благородство, ежели стихотворецъ употребитъ высокія и благородныя рѣчи". Онъ утверждалъ, что если ямбъ высокъ и благороденъ, то хорею, „какъ по прямой линіи противному, надлежало быть нѣсколько, или довольно низку и подлу, а не умильну и нѣжну". Много и долго спорилъ Тредьяковскій. Но Сумароковъ, выслушавъ его, присоединился къ мнѣнію Ломоносова. Онъ „предлагалъ, что и онъ находитъ въ ямбѣ высокость, благородство и живность, а въ хореѣ, кромѣ нѣжности, ничего не видитъ". По мнѣнію Сумарокова, хорей „изображаетъ точно любовническое воздыханіе". Наконецъ, Сумароковъ предложилъ рѣшить споръ практически. Каждый изъ спорившихъ долженъ былъ написать парафрастическую оду на 143 псаломъ: „находящему въ хореѣ съ нѣжностію и благородство, сочинить бы оду хорическую; а стоящимъ за ямбическую токмо высокость, составить одическіе стихи свои ямбомъ. Чрезъ сіе тотчасъ объявится, имѣетъ ли хорей при нѣжности высокость, а ямбъ—при высокости нѣжность".

Предложеніе Сумарокова было принято, и такимъ образомъ появились въ печати *Три оды перифрастическія*. „Что же еще до стихъ одъ писателей; ихъ токмо всѣхъ трехъ имена здѣсь объявляются, то-есть, что авторы сіи именно: Александръ Сумароковъ Генеральсъ-Адъютантъ, Міхайла Ломоносовъ адъюнктъ при Академіи, да тояжъ Академіи секретарь Василей Тредіаковскій. Но который изъ нихъ, которую оду сочинилъ, о томъ умалчивается: знающіе ихъ свойства и духъ тотчасъ узнаютъ сами, которая ода черезъ котораго сложена. Однако подаются онѣ Свѣту не въ такомъ намѣреніи, чтобы разсмотрѣть и опредѣлить, который изъ нихъ лучше и великолѣпнѣе вознесся. Сіе предложеніе могло бы имъ быть всѣмъ трояъ обидно: ибо праведно есть, что всѣ трое не подлымъ искусствомъ сочинили свои стихи, и что трудный и прерывный разумъ Псалма совершенно они изобразили. Чувствительная токмо разность ихъ жара и изображеній, а удивительное согласіе разума здѣсь предлагается, и отъ сего заключается, что всѣ добрые стихотворцы коль ни розно въ особливости остроту своихъ мыслей и силу различаютъ, однако въ обществѣ въ одинъ пунктъ сходятся, а чрезъ то отъ должнаго себѣ центра не относятся. Чрезъ сіе самое распознаются многіе дряхлые на Парнасъ ползущіе, которые и свои мысли неясно иногда словами изображаютъ, и стихомъ весьма

негладкимъ и неправильнымъ, и въ одной матеріи разны, и въ разности больше надлежащаго другъ отъ друга далеки, для того, что не знаютъ, гдѣ ихъ пунктъ неподвижный и цѣль, въ которую бы мѣтить".

Вотъ, для сравненія, первыя строфы каждой изъ трехъ одъ:

Сумароковъ.

Благословенъ Творецъ вселенны,
Которомъ днесь я ополченъ!
Се руки нынѣ вознесенны,
И духъ къ побѣдѣ устремленъ:
Вся мысль къ Тебѣ надежду правитъ;
Твоя рука меня прославитъ.

Тредьяковскій.

Крѣпкій, чудный, безконечный,
Полнъ хвалы, преславный весь;
Боже! Ты единъ превѣчный,
Сый Господь вчера и днесь:
Непостижный, неизмѣнный,
Совершенствъ пресовершенный,
Неприступна окруженъ
Самъ величества лучами,
И огнальныхъ слугъ зарями,
О! будь ввѣкъ благословенъ.

Ломоносовъ.

Благословленъ Господь мой Богъ,
Мою десницу укрѣпивый,
И персты въ брани научивый,
Сотрѣть враговъ взнесенный рогъ.

Заступникъ и Спаситель мой,
Покровъ, и Милость, и Отрада,
Надежда въ брани и Ограда,
Подъ власть мнѣ далъ народъ святой.

Переложенія псалмовъ, сдѣланныя Ломоносовымъ, проникали въ народъ, пользовались тамъ большимъ почетомъ и широко распространяли извѣстность и имя автора. Академикъ А. В. Никитенко пишетъ въ своемъ *Дневникѣ*: „Съ Ломоносовымъ я

познакомился еще въ раннемъ дѣтствѣ, слушая бродячихъ слѣпыхъ пѣвцовъ, которые, ходя по хуторамъ и слободамъ за подаяніемъ, распѣвали: *Хвалу Всевышнему Владыкѣ потщися духъ мой воспѣвать*, и другія духовныя стихотворенія этого автора. Имя Ломоносова, какъ поэта, было извѣстно, по крайней мѣрѣ, между Малороссіянами, хотя сколько-нибудь грамотнымъ людямъ." Самымъ строгимъ и придирчивымъ критикомъ Ломоносова былъ Сумароковъ. Въ знаменитой одѣ: *Царей и царствъ земныхъ отрада. Возлюбленная тишина*, встрѣчается стихъ: *летитъ корма межъ водныхъ нѣдръ*. Вотъ любопытный образецъ критики Сумарокова:

„Летитъ межъ водныхъ нѣдръ не одна корма, но весь корабль. Сочинитель сей оды хулитъ, что я взялъ многое въ свою трагедію изъ французскихъ стихотворцевъ. Правда, я бралъ нѣчто, и для чего тово не сдѣлать по-Русски, что на французскомъ языкѣ хорошо. Въ томъ только сила, хорошо ль я то по-Русски сдѣлалъ. Я же не для того бралъ, чтобы мнѣ то за свое показать, и ни отъ кого того не утаивалъ, но еще и показывалъ. Я же нарочно бралъ тѣ стихи, которые многимъ знакомы, чтобы показать хорошо ль то въ Русскомъ языкѣ будетъ. Однако я еще не столько бралъ, какъ всѣ другіе славнѣйшіе стихотворцы, каковъ, напримѣръ, Расинъ. И никто ты во всей моей трагедіи не сыщетъ чужихъ стиховъ ни тридцати, а въ шестнадцати стахъ того очень не много. Да для чего мнѣ того не дѣлать, когда то всѣхъ народовъ лучшіе стихотворцы дѣлать не стыдились. Это жъ не стыдно. А ежели стыдно, для чего онъ, г. Ломоносовъ, летитъ корма межъ водныхъ нѣдръ положилъ, онъ и самъ не отречется, что это онъ у меня взялъ."

Ломоносову, отлично знавшему нѣмецкій языкъ, поручалось обыкновенно дѣлать переводъ нѣмецкихъ стиховъ, въ которыхъ кто-либо изъ академиковъ-Нѣмцевъ излагалъ объясненіе фейерверковъ и иллюминацій, происходившихъ въ высокоторжественные дни. Благодаря примѣчаніямъ г. Сухомлинова, мы получаемъ возможность перенестись въ Петербургъ 1748 года и присутствовать съ начала и до конца при исторіи одной „надписи къ иллюминаціи".

Канцелярія главной артиллеріи и фортификаціи прислала въ Академію Наукъ „промеморію" слѣдующаго содержанія:

„Въ торжественный день высочайшаго Ея Императорскаго Величества коронованія, то-есть будущаго апрѣля 25 числа сего 1748 году, имѣетъ быть репрезентована противъ зимняго Ея

Императорскаго Величества дому на театрумѣ иллюминація, къ которой надлежитъ заблаговременно проектъ учинить. Того ради опредѣлено: въ Академію Наукъ послать промеморію и требовать, чтобы благоволено было къ означенному дню иллюминаціи учредить проектъ и чертежъ съ показаніемъ надлежащихъ эмблемъ и прочихъ къ искусству украшеній."

Планъ иллюминаціи былъ составленъ Штелиномъ, который и сочинилъ нѣмецкіе стихи, служившіе пзъясненіемъ. За пять дней до торжества, 20 апрѣля, Ломоносовъ получилъ слѣдующее предписаніе:

„Благородный Господинъ Профессоръ Ломоносовъ!

„Приложенные при семъ стихи изволите перевесть стихами-жъ на русскій языкъ и конечно сего апрѣля 23 числа взнести въ Канцелярію Академіи Наукъ."

Черезъ два дня, 22 апрѣля, Ломоносовъ прислалъ слѣдующее письмо Г. Н. Теплову, завѣдывавшему академическими дѣлами:

„Милостивый Государь мой Григорій Николаевичъ!

„Хотя должность моя и требуетъ, чтобы по присланному ко мнѣ ордеру здѣлать стихи съ нѣмецкова; однако я этого исполнить теперь не могу, для того, что въ нѣмецкихъ вишахъ нѣтъ ни складу, ни ладу; и такъ такимъ переводомъ мнѣ себя пристыдить весьма не хочется и весьма досадно, чтобы такую глупость перевесть на Россійскій языкъ, и къ такому празднеству. И ежели бы я отъ нихъ отступить осмѣлился, то, не имѣя никакого къ тому плана, не знаю чего держаться. И все сего дѣла поведеніе очень чудно. Кто бы не засмѣялся той музыкѣ, когда бы двое, согласившись пѣть, одинъ бы выпускалъ голосъ безъ всякаго движенія рта, а другой бы поворачивалъ губами, языкомъ и гортанью? Но почти тоже дѣлается, когда одинъ составляетъ изображенія для Иллуминацій, а другой надписи. И потому не дивно, что мнѣ мало такихъ Иллуминацій видѣть случилось, гдѣ бы кромѣ разноцвѣтныхъ огней, что-нибудь удивленія достойное было. Я думаю, что лутче бъ было, когда бы Артиллерійская Канцелярія чрезъ сношеніе отъ Академіи требовала изобрѣтенія къ Иллуминаціи и съ надписаніями. Что до нынѣшняго надлежитъ, то извольте требовать отъ Артиллеріи плана, и ко мнѣ прислать, что сегодня здѣлать можно, а къ торжественному дню будетъ у меня готово. Въ протчемъ со всякимъ почтеніемъ пребываю" и т. д.

Тепловъ отвѣчалъ въ тотъ же день:

„Государь мой Михайла Васильевичъ.

„При семъ прилагаю изъясненіе иллюминаціи, къ которому прошу сочинить такіе стихи, какіе вамъ пристойно покажутся на россійскомъ языкѣ. А чтобы господина совѣтника Штелина не обидѣть, то прошу и его стихи перевести стихами же, и тогда Канцелярія Артиллеріи то употребитъ, что ей отъ высокаго мѣста апробовано будетъ. Въ прочемъ письмо ваше такихъ экспрессій наполнено, которыя предосудительны чести господина совѣтника Штелина. Берегитесь, чтобы вы ему недосадили. Пишетъ всякъ, кто сколько можетъ, по разсужденіи, какъ кто хочетъ.

Пожалуй поспѣши къ утру.

Вашъ покорный слуга
Г. Тепловъ."

„Совѣтъ ли опытнаго дѣльца, или дружеская приписка подѣйствовали на Ломоносова", замѣчаетъ г. Сухомлиновъ, „но онъ прислалъ въ Академію двѣ надписи въ стихахъ". Одна изъ нихъ была переводная, другая оригинальная.

Въ примѣчаніяхъ и объясненіяхъ г. Сухомлинова находится множество современныхъ описаній иллюминацій и фейерверковъ. Заимствуемъ нѣсколько характерныхъ подробностей изъ „изъясненія фейерверка и иллюминаціи", происходившихъ 18 декабря 1741 года, по случаю дня рожденія императрицы Елисаветы.

„Пріятный проспектъ зеленаго и въ полномъ цвѣтѣ стоящаго сада со многими зелеными аллеями изъявляетъ не что иное, какъ нынѣшнее при желанномъ государствованіи Ея Императорскаго Величества нашей дражайшей Монархини *процвѣтающее и благополучное состояніе Россійской имперіи, преизрядные порядки, премудрыя учрежденія, и удовольствіе всѣхъ обрѣтающихся здѣсь жителей.* Поставленный для украшенія щитъ съ высочайшимъ именемъ Ея Императорскаго Величества показуетъ собственную Ея Величества высочайшую особу, какъ первѣйшее и достойнѣйше украшеніе и славу всей имперіи; а обогнутыя вокругъ щита дубовыя вѣтки значатъ ревностнѣйшее желаніе всѣхъ подъ скипетромъ Ея Императорскаго Величества въ совершенномъ удовольствіи живущихъ подданныхъ, которое въ томъ состоитъ: *дабы всемогущій Богъ Ея Императорскому Величеству, нашей всемилостивѣйшей Матери отечества, еще толикое число сихъ торжественныхъ дней высочайшаго Ея рожденія видѣть благо-*

волилъ, сколько лѣтъ дубовое дерево расти и стоять можетъ, и дабы дражайшее здравіе Ея Императорскаго Величества свойства твердаго дуба имѣло, то-есть долговременно и непоколебимо пребывало".

Фейерверкъ также имѣлъ свою символику:

„Такъ показываетъ, напримѣръ, свѣтлый бѣлаго цвѣта огнь—чистую и непритворную вѣрность, къ которой насъ милость и щедроты нашей дражайшей Монархини обязываютъ; свѣтло-восходящіе огни значатъ пламенѣющую любовь къ нашей превожделенной Императрицѣ; огненныя колеса представляютъ веселіе сердецъ нашихъ, которое мы для сего торжества чувствуемъ; огненные фонтаны изъявляютъ кипящее въ сердцахъ нашихъ избыточество радости о высочайшемъ благополучіи нашей всемилостивѣйшей Обладательницы; множество восходящихъ на воздухъ ракетъ изобразуетъ ревность нашихъ къ Богу возсылаемыхъ желаній о непремѣнномъ сохраненіи здравія нашей щедротнѣйшей Матери Отечества."

Чрезвычайно любопытна сообщаемая г. Сухомлиновымъ „Диспозиція" для въѣзда въ Петербургъ императрицы Елисаветы, послѣ коронованія ея въ Москвѣ. Приведемъ изъ нея очень характерное описаніе параднаго костюма тогдашняго купечества, русскаго и иностраннаго:

„У новаго гостинаго двора для высокопомянутой же Ея Императорскаго Величества встрѣчи имѣютъ собраться россійскіе и иностранные купцы, изъ которыхъ станутъ россійскіе по правой, а иностранные по лѣвой сторонамъ. И изъ оныхъ будутъ всѣ по націямъ въ одинаковомъ богатомъ платьѣ, а именно: Россійскіе—кафтаны суконные, кофейные, съ тафтяною голубою подкладкой; камзолы штофные градитуровые и торцинелевые одноцвѣтные голубые же съ позументомъ въ два ряда. Аглинской компаніи—кафтаны васильковые сукопные съ золотыми шлейфами или нашивками; камзолы граденапелевые пунцовые, выкладенные золотымъ позументомъ. Голанской компаніи и прочіе иностранные купцы—кафтаны суконные кофейные съ золотыми пуговицами и съ бархатною пунцовою подкладкой; камзолы штофные или градитуровые пунцовые же съ выкладеннымъ золотымъ же позументомъ. И будутъ всѣ оные стоять по обѣ стороны прешпективой рядомъ въ двѣ шереиги."

У Казанскаго собора назначено было собраться всему духовенству. „По обѣимъ сторонамъ прешпектовой дороги сдѣланы

будутъ негораздо высокія мѣста, на которыхъ поставлены будутъ по 20 человѣкъ изъ семинаріи Невскаго монастыря студентовъ, всѣ въ бѣломъ одѣяніи, имѣя на головахъ бѣлыя парики и лавровые вѣнцы, а въ рукахъ вѣтви и будутъ пѣть Ея Императорскому Величеству похвальную пѣснь."

Историко-культурный матеріалъ, собранный г. Сухомлиновымъ въ его объяснительныхъ примѣчаніяхъ, такъ разнообразенъ, обширенъ и интересенъ, что мы не безъ нѣкотораго усилія надъ собою останавливаемся въ приведеніи дальнѣйшихъ сообщеній. Приведенныхъ будетъ, впрочемъ, вполнѣ достаточно, чтобъ ознакомить читателей съ характеромъ перваго „толковаго" изданія сочиненій Ломоносова. Необыкновенно доступная цѣна (2 руб. 50 коп.), равно какъ и возможность пріобрѣтать каждый томъ отдѣльно, будутъ, безъ сомнѣнія, въ значительной степени способствовать распространенію этого превосходнаго изданія. Слѣдуетъ только пожелать, чтобы въ послѣдующихъ томахъ не встрѣчалось уже „списка опечатокъ". Изданію академическому опечатки должны быть неизвѣстны.

Гофолія (Athalie), трагедія Ж. Расина, въ 5 дѣйствіяхъ, въ стихахъ (1691). Переводъ съ французскаго, размѣромъ подлинника, Льва Поливанова. Москва, 1892 (CLXI + XI + 88).

I.

Л. И. Поливановъ, учредитель и директоръ извѣстной Поливановской гимназіи въ Москвѣ, давно уже пользуется почетнымъ именемъ въ современной педагогической русской литературѣ. Его учебники и руководства по русскому языку, составленные съ глубокимъ знаніемъ дѣла и необыкновеннымъ педагогическимъ мастерствомъ, признаны образцовыми. Спеціальное занятіе педагогіей и преподаваніемъ обладаетъ свойствомъ все болѣе и болѣе замыкать человѣка въ предѣлахъ извѣстныхъ только вопросовъ и интересовъ. Виртуозность въ дѣлѣ преподаванія, достигнутая путемъ долгихъ трудовъ и поддерживаемая постояннымъ упражненіемъ, начинаетъ удовлетворять и становиться цѣлью сама по себѣ. Г. Поливановъ счастливо избѣгъ этой опасности. Кругъ его интересовъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и трудовъ, постоянно

расширялся. Отъ сочиненій педагогическихъ въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, учебниковъ этимологіи и синтаксиса, христоматій, и т. д., онъ перешелъ къ изданіямъ русскихъ авторовъ, представляющимъ значительный интересъ для читающей публики вообще. Таковы его изданія избранныхъ сочиненій Державина и Карамзина, монографія о Жуковскомъ, превосходное изданіе Пушкина для семьи и школы. Въ настоящее время появился трудъ Л. Н. Поливанова еще въ новомъ направленіи. Это сдѣланный размѣромъ подлинника переводъ въ стихахъ трагедіи Расина *Athalie*. За этимъ переводомъ должны послѣдовать другіе, уже приготовляемые къ печати.

Появленіе въ наши дни стихотворнаго перевода Расиновской трагедіи составляетъ нѣчто столь неожиданное, что переводчикъ считаетъ необходимымъ изложить побужденія, руководившія имъ.

„Французской классической трагедіи", говоритъ онъ, „принадлежитъ видное мѣсто въ исторіи европейскаго театра. Если она и не удовлетворяетъ во многихъ отношеніяхъ требованіямъ драматическаго искусства, какъ понимаетъ ихъ европейская критика нынѣ, все же произведенія великихъ французскихъ писателей XVII вѣка достойны всеобщаго вниманія. Они не только оставались въ теченіе долгаго времени лучшимъ украшеніемъ французскаго театра, но заслужили признаніе и всей образованной Европы, въ теченіе болѣе полутора вѣка находившей въ нихъ удовлетвореніе своему поэтическому чувству. При всей своей односторонности, вызвавшей законную реакцію романтизма и натурализма, классическая поэзія Французовъ заключаетъ въ себѣ нѣчто общечеловѣческое, по-своему удовлетворяя неумирающей потребности идеализма. Идеи, одушевлявшія французскихъ классиковъ заключаютъ въ себѣ многое, что будетъ навсегда составлять украшеніе человѣка, какъ существа нравственнаго. Отражая преходящія идеи времени, французская трагедія вмѣстѣ съ тѣмъ блещетъ истинами общечеловѣческими и вѣчными. Она стремилась облагораживать человѣческую душу. Тому же направленію слѣдовали и величайшіе поэты Германіи: создатели *Ифигеніи* и *Тасса*, *Орлеанской Дѣвы* и *Вильгельма Телля*. Это движеніе было могущественнымъ факторомъ европейскаго просвѣщенія. Оно поднимало душевный строй цѣлаго ряда поколѣній. Въ него вложили всю свою душу лучшіе люди времени, соединявшіе въ себѣ силы высокой цивилизаціи. Въ этомъ разгадка того могучаго вліянія, которое оказало оно почти на всѣ страны

Европы. Французская трагедія воспитывала благородныя чувства въ посѣтителяхъ и нашего театра прошедшаго и начала нынѣшняго столѣтія и воспитала первыя лучшія силы русской сцены."

Г. Поливановъ приводитъ мнѣнія, высказанныя Пушкинымъ и Генрихомъ Гейне. По словамъ Пушкина, наравнѣ съ Кальдерономъ и Шекспиромъ, „Корнель и Расинъ стоятъ на высотѣ недосягаемой, а ихъ произведенія составляютъ вѣчный предметъ нашихъ изученій и восторговъ". Генрихъ Гейне пишетъ: „Я не знаю, кто больше поэтъ — Эврипидъ или Расинъ; но знаю, что послѣдній былъ живымъ источникомъ любви и чувства чести, и своими стихами восхитилъ, очаровалъ и облагородилъ цѣлый народъ. Чего же хотите вы больше отъ поэта?"

Отмѣтивъ положительныя стороны французской трагедіи, переводчикъ продолжаетъ:

„Современные русскіе читатели знакомятся почти исключительно съ отрицательною стороной французской трагедіи, которая въ нашемъ литературномъ обиходѣ и въ учебникахъ отмѣчается всегда терминомъ *ложно-классической*, эпитетомъ, имѣющимъ полемическое значеніе, слѣдовательно, выражающимъ лишь одно изъ свойствъ этихъ произведеній, а потому, въ сущности, невѣрнымъ. Не отрицая справедливости общеизвѣстныхъ упрековъ французской трагедіи, я думаю, что останавливаться только на этихъ упрекахъ и повторять ихъ всякій разъ, когда заходитъ рѣчь объ этихъ трагедіяхъ,—пора бы перестать. Не пора ли русскому читателю взглянуть безпристрастно на одно изъ высокихъ явленій европейской поэзіи?"

Для удовлетворенія этой потребности и предпринятъ г. Поливановымъ переводъ лучшихъ произведеній „несправедливо забытой крупной поэтической школы". Съ цѣлью введенія читателей въ историческое и критическое пониманіе переводимыхъ трагедій, каждая изъ нихъ будетъ сопровождаться объяснительными статьями и примѣчаніями.

Таковы задачи новаго труда Л. П. Поливанова. Задачи эти въ высшей степени симпатичны, ибо дѣло идетъ, въ сущности, не болѣе и не менѣе какъ о томъ, чтобы ввести въ теченіе нашего литературнаго потока струю облагораживающаго, идеальнаго вліянія, посредствомъ перевода знаменитыхъ, всемірно-извѣстныхъ поэтическихъ произведеній, съ которыми мало или недостаточно ознакомлена современная русская читающая публика. Особенное уваженіе вызывается къ этому труду, когда мы вспомнимъ, что

онъ предпринятъ дѣятелемъ, посвятившимъ себя дѣлу воспитанія и образованія молодаго русскаго поколѣнія. Ближе нежели кому-либо извѣстны такому дѣятелю духовныя нужды и потребности этого молодаго, наростающаго поколѣнія, и не можетъ подлежать ни малѣйшему сомнѣнію, что, предпринимая свой громадный трудъ, г. Поливановъ главнымъ образомъ имѣлъ въ виду именно это молодое поколѣніе, эстетико-литературное и идеально-воспитательное воздѣйствіе на него.

Переводъ *Гоѳоліи* обставленъ блистательнымъ исторіко-литературнымъ аппаратомъ. Переводу предпосланы :1) очеркъ жизни и литературной дѣятельности Расина, Эмиля Фаге; 2) разборъ трагедіи *Гоѳолія*, того же автора; 3) судьба этой трагедіи на французской сценѣ и въ критикѣ, по Полю Менару; 4) отзывы о *Гоѳоліи* Сенъ-Бева, Дешанеля и Лотейзена; 5) отзывъ о ней Сумарокова; 6) обзоръ прежнихъ русскихъ переводовъ, съ приведеніемъ одного и того же отрывка (*Сонъ Гоѳоліи*) въ четырехъ различныхъ переводахъ: А. М. Пушкина, П. Катенина, С. А. Тучкова и Д. Кашкина; 7) обширный трактатъ о *русскомъ Александрійскомъ стихѣ*. Къ книгѣ приложенъ превосходный гравированный портретъ Расина. Такимъ образомъ, самый переводъ, занимающій 88 страницъ, является точно одѣтымъ въ броню комментарія, расположившагося на 168-ти страницахъ, не говоря уже о цѣломъ рядѣ примѣчаній подъ текстомъ самаго перевода. Можно сомнѣваться, чтобы въ какой-либо другой литературѣ существовалъ переводъ Расиновской *Аталіи*, обставленный такъ блистательно.

II.

Мы указали на причину появленія новаго русскаго перевода *Гоѳоліи*, на его цѣль, на превосходныя и въ высшей степени симпатичныя намѣренія переводчика, на блистательный аппаратъ, какимъ окруженъ переводъ трагедіи Расина. Мы можемъ теперь высказать нѣсколько сомнѣній, являющихся у насъ по поводу перевода Л. И. Поливанова.

Мы думаемъ, что почтенный переводчикъ оказалъ бы, въ сущности, наибольшую услугу русской литературѣ, еслибъ онъ предпослалъ весь свой исторіко-литературный аппаратъ подлинному, французскому тексту трагедіи Расина, а этотъ текстъ сопроводилъ бы русскими примѣчаніями. Цѣль оказалась бы

вполнѣ достигнутою. Имя г. Поливанова заставило бы публику съ интересомъ взяться за его книгу. Многіе, быть-можетъ, въ первый разъ прочитали бы *всю* трагедію Расина. Всѣ, навѣрное, заинтересовались бы комментаріемъ. Помимо широкаго круга читающей публики, книга нашла бы доступъ во *всѣ* русскія учебныя заведенія. Мы съ намѣреніемъ подчеркиваемъ слово „всѣ". Ибо *Аталія* Расина, написанная для исполненія ея воспитанницами, одинаково пригодна для изученія въ мужскихъ и женскихъ учебныхъ заведеніяхъ всѣхъ наименованій и вѣдомствъ, гдѣ только преподается французскій языкъ. Какъ не можетъ это показаться страннымъ, но ознакомленіе съ *Аталіей* совершилось бы гораздо бо̀льшимъ количествомъ лицъ, и учащейся молодежи по преимуществу, еслибы всѣ объясненія и примѣчанія г. Поливанова оставляли подлинный текстъ Расина, а не русскій переводъ. Такое изданіе удовлетворяло бы дѣйствительной, существующей уже потребности хорошаго и компетентнаго *русскаго* объясненія знаменитой французской трагедіи, тогда какъ можно весьма сомнѣваться въ потребности русскаго общества читать *Гоѳолію* въ русскомъ переводѣ.

Въ самомъ дѣлѣ: кто будетъ читать этотъ переводъ?

Люди владѣющіе французскимъ языкомъ? Но они читаютъ Расина въ подлинникѣ и—совершенно правы.

Люди не знающіе французскаго языка? Но со стороны ихъ едва ли можно разчитывать на достаточный интересъ къ ознакомленію съ русскимъ переводомъ *Гоѳоліи* Расина. Кромѣ того, можно опасаться, что предпосланный переводу аппаратъ покажется имъ, да и всѣмъ читателямъ вообще, въ нѣкоторой своей части утомительно-длиннымъ. Опасеніе это относится, главнымъ образомъ, къ трактату о *русскомъ Александрійскомъ стихѣ*, занимающемъ *шестьдесятъ семь страницъ*. Добросовѣстность автора доходитъ здѣсь до того, что онъ высчитываетъ процентъ женскихъ цезуръ въ Александрійскомъ стихѣ *двадцати семи* русскихъ писателей, причемъ стихотворенія Александрійскаго стиха у Карамзина, Жуковскаго, Батюшкова, Пушкина и Лермонтова „высчитаны всѣ сполна", тогда какъ у Ломоносова, Сумарокова, Озерова и Висковатова „высчитано" по одной трагедіи, а у Княжнина „высчитаны" ихъ двѣ. Можно почти поручиться заранѣе, что изъ десяти читателей девять не прочитаютъ, или, говоря точнѣе, не одолѣютъ этого трактата, который, по громадности положеннаго на него труда и спеціальности вопроса, былъ бы гораздо болѣе у мѣста

въ *Ученыхъ Запискахъ Академіи*, нежели въ книгѣ, предназначенной для широкаго круга читающей публики. Нельзя не признать значительнаго отклоненія отъ предмета также и въ личныхъ воспоминаніяхъ Л. И. Поливанова о способѣ произношенія стиховъ комедіи *Горе отъ ума* Щепкинымъ и Самаринымъ. „Поколѣніе русскихъ артистовъ, которые были доступны нашему наблюденію", говоритъ г. Поливановъ, „уже не воспроизводили Александрійскаго стиха на сценѣ, но старшіе изъ нихъ, конечно, отражали въ своемъ исполненіи тѣ качества произношенія стиха, который одинаково принадлежитъ и стиху Александрійскому и всякому другому". Это очень смѣлая посылка, почти такая же смѣлая, какъ если кто-либо сталъ утверждать, что по тому какъ танцуютъ теперь польку можно составить себѣ понятіе о томъ какъ прежде танцовали менуэтъ.

Удовлетворителенъ ли переводъ г. Поливанова? При всемъ нашемъ уваженіи къ громадному труду переводчика, при всемъ сознаніи трудностей, какія представляетъ такой переводъ трагедіи Расина размѣромъ подлинника, мы не можемъ отказаться отъ принципіальной мысли, что русскій Александрійскій стихъ звучитъ красиво, свободно и непринужденно лишь въ небольшихъ произведеніяхъ, представляющихъ плодъ свободнаго творчества поэта. Скованный передачей чужихъ мыслей на протяженіи цѣлой пятактной трагедіи, стихъ этотъ становится тяжелъ и однообразенъ, несмотря на всѣ старанія переводчика оживить его. Нѣтъ возможности одолѣть препятствія, лежащія въ самомъ существѣ дѣла. Нѣтъ возможности ни создать, ни передать въ русскомъ переводѣ спеціфическія звучности, тѣ *sonorités* французскаго трагическаго стиха, которыя придаютъ этому послѣднему что-то благородно-горделивое, музыкально-строгое, красиво-звучное. Едва ли слѣдуетъ вступать въ борьбу съ этою непреодолимою рознью въ „геніи" двухъ различныхъ языковъ. И если основная заслуга французскихъ трагедій Расина и Корнеля заключается въ ихъ облагораживающемъ вліяніи, въ прекрасныхъ чувствахъ и высокихъ мысляхъ, то представляется полное основаніе облечь эти мысли и чувства, при переводѣ ихъ на русскій языкъ, въ такую стихотворную форму, которая, съ одной стороны, наиболѣе способствовала бы полнотѣ и точности ихъ передачи, съ другой стороны—не представляла бы постояннаго напоминанія объ устарѣвшемъ шаблонѣ. Ибо если Александрійскій стихъ трагедіи признается чѣмъ-то устарѣвшимъ въ самой Франціи, гдѣ

Французы называютъ его *ron-ron classique*, то у насъ съ этимъ размѣромъ соединяется еще понятіе о смѣшной, напыщенной надутой устарѣлости:

Но, что̀ я зрю? Бѣжитъ къ намъ Навплія нелѣпо,
Растерзанная вся, однакъ бѣжитъ та слѣпо;
Лицо ея въ крови; растрепаны власы,
Ужасный видъ очей, о! грозны намъ часы:
Уста искривлены; изъ нихъ течетъ и пѣна,
Бросается на всѣхъ, какъ псица изумлена.
. . . . . .
Безчувственную я велѣлъ отнесть домой,
И заключить одну тамъ въ дальнѣйшій покой:
И мню, что тамъ она теперь иль издыхаетъ,
Издохшія или трупъ только пребываетъ.
(*Деодамія*, Тредьяковскаго.)

Мнѣ рану растравить ужь болѣе нельзя:
Хочу ее узрѣть, чтобъ сердце изразя,
Предъ смертію моей ее увидѣть мертву,
Мученью моему растерзану на жертву,
Окровавленную... Вамиръ! вотъ вѣрность та.
Которую ко мнѣ измѣнницы уста
И гроба за предѣлъ хранити обѣщали!
Какую мнѣ любовь глаза ея вѣщали,
Какъ горькой должностью моей одушевленъ,
За общество противъ враговъ вооруженъ,
Отсель спѣшилъ искать и смерти я и славы!
Взоръ томный, полный взоръ прелестныхъ слезъ отравы,
Гласъ умирающій, рыданія и стонъ
Мою ослабленну влекли всѣ душу вонъ.
(*Владисанъ*, Княжнина.)

Г. Поливановъ, сохраняя въ общемъ тонѣ своего перевода однообразный *ron-ron* трагическаго Александрійскаго стиха, вводитъ въ него по временамъ нѣкоторую фамиліарность выраженій, несовмѣстимую со стилемъ Расина и не встрѣчающуюся въ подлинникѣ. Приведемъ примѣры:

Кто въ подозрѣніи—*ну* тотъ и виноватъ (II. 5).

У Расина:

Des qu'on leur est suspect, on n'est plus innocent.

Добро! я вижу по всему
Ты учишь хорошо. *Ну.* Эльякимъ, пришелся
Мнѣ по сердцу твой нравъ (II, 7).

У Расина:

...J'aime à voir comme vous l'instruisez.
Enfin, Eliacin, vous avez su me plaire...

Измаильтянинъ я: *такъ мнѣ и горя мало* —
Что Богъ Израиля, что божество Ваала.

У Расина:

Pour moi, vous le savez, descendu d'Ismaël,
Je ne sers ni Baal, ni le dieu d'Israël.

Живите, *такъ и быть*, молитвы вознося
И торжества свои свободно совершая (III, 4).

У Расина:

Vivez, solennisez vos fêtes sans ombrage.

Ну, есть ли поводъ вамъ въ сомнѣніе впадать? (III, 4.)
Ну, что же? говори... (III, 4.)
Ну, дай отвѣтъ... (III, 4.)
Ну, что жъ? (IV, 2.)
Ну, что же? (IV, 2.)

Это *ну*, влагаемое въ уста самыхъ различныхъ дѣйствующихъ лицъ (Маѳана, Гоѳолія, Іодая). дѣйствуетъ прямо непріятнымъ образомъ. Удивительно странно звучитъ въ переводѣ Расина чисто русское восклицаніе *добро!* влагаемое въ уста Гоѳолія.

У Лермонтова *(Морская Царевна):*

Мыслитъ царевичъ: „добро же, постой!“
За косу ловко схватилъ онъ рукой...

У Грибоѣдова *(Горе отъ ума)*:

Добро! заткнулъ я уши...

Но еще страннѣе слово *солдаты*, которое переводчикъ заставляетъ произносить Гоѳолію:

То искушалъ меня сокровищемъ богатымъ
И медлила я храмъ ограбить дать *солдатамъ* (V, 6.)

У Расина:

Tantôt m'éblouissant de tes riches trésors
Que j'ai craint de livrer aux flammes, au pillage.

Въ переводѣ встрѣчаются выраженія: на *самоё* себя (V, 6), *надёжный* (IV, 3). Перваго можно было бы избѣжать. Относительно слова *надёжный* позволительно думать, что его смѣло можно произносить *надежный*, особенно въ трагическомъ стихѣ.

Таковы сомнѣнія, какія возбуждаетъ въ насъ переводъ Л. П. Поливанова. То обстоятельство, что переводчику наиболѣе удалась передача хоровъ, написанныхъ самыми разнообразными и очень трудными ритмами, еще болѣе убѣждаетъ насъ въ мысли, что Александрійскій стихъ французскихъ трагедій представляетъ, по самому существу своему, непреодолимое затрудненіе для переводчика, желающаго, во что бы то ни стало, сохранить размѣръ подлинника, даже еслибъ этотъ переводчикъ усвоилъ себѣ, изъ трактата г. Поливанова, всѣ тайны *enjambements*, женскихъ цезуръ, „игры предцезурными слогами", „свободнаго движенія пиррихеевъ по тремъ стопамъ шестистопнаго стиха" и т. д. Ни Пушкинъ, ни Лермонтовъ не знали и не подозрѣвали, безъ сомнѣнія, всѣхъ этихъ тонкостей, когда писали Александрійскимъ стихомъ. Позволительно думать, что въ дѣлѣ стихотворнаго перевода и художественнаго владѣнія стихомъ недостаточно ни добрыхъ намѣреній, ни эрудиціи, ни кропотливаго, добросовѣстнаго, усидчиваго труда. Тутъ, говоря во всей простотѣ, необходимъ особый талантъ.

Пригоденъ ли переводъ г. Поливанова для русской сцены и желательна ли постановка на ней *Гофолія*? Разрѣшеніе втораго изъ этихъ вопросовъ выходило бы уже за предѣлы литературной критики. Во всякомъ случаѣ, переводъ долженъ былъ бы, при постановкѣ его на сценѣ, подвергнуться тщательному пересмотру.

С. Васильевъ.

Маршалъ Макдональдъ и его „Воспоминанія».

Souvenirs du Maréchal Macdonald, duc de Tarente. Paris. 1892.

Подобно тому, какъ въ старости люди любятъ переноситься въ былое время и освѣжаться воспоминаніями молодыхъ лѣтъ, современная французская публика, въ послѣднее время, зачитывается почти ежегодно появляющимися записками и воспоминаніями дѣятелей героическаго времени первой Имперіи [1]. Но жизнь народовъ не во всемъ похожа на жизнь отдѣльнаго человѣка. Напрасно старикъ воскрешаетъ прошедшее: ему уже не возвратить своей молодости, своихъ прежнихъ утраченныхъ силъ, тогда какъ народы, погружаясь въ воспоминанія блестящаго прошлаго, могутъ въ его примѣрѣ, въ его указаніяхъ, въ его возвышенныхъ стремленіяхъ найти новую духовную силу, которая можетъ повести ихъ къ новой славной будущности. Въ этомъ отношеніи вышедшія въ настоящемъ году воспоминанія Маршала Макдональда представляютъ большой интересъ, какъ разсказъ даровитаго очевидца и дѣйствующаго лица Наполеоновской эпопеи; въ нихъ, кромѣ того, воскресаетъ предъ читателями симпатическая личность прямодушнаго и безкорыстнаго военнаго человѣка, до конца вѣрнаго своей воинской чести и долгу; въ нравственномъ отношеніи можно сказать, что Макдональдъ составляетъ почти исключеніе среди увѣнчанныхъ лаврами сподвижниковъ Наполеона. „Воспоминанія“ были написаны имъ въ 1825 году, когда ему было уже 60 лѣтъ, и предназначались не для публики, а исключительно для малолѣтняго его сына. Отецъ Макдональда

[1] Для примѣра укажемъ, кромѣ „Воспоминаній“ Макдональда, на записки Марбо и Талейрана.

былъ родомъ Шотландецъ, съ Гебридскихъ острововъ, хотя и воспитывался во Франціи. Въ 1746 году онъ сражался при Куллоденѣ вмѣстѣ съ послѣднимъ изъ Стюартовъ. Вынужденный навсегда покинуть родину, онъ поступилъ во французскія войска. Сынъ его,—будущій маршалъ,—очень рано почувствовалъ призваніе къ военной карьерѣ. Воспитываясь въ полувоенной школѣ и читая Гомера, онъ уже воображалъ себя Ахиллесомъ и вѣроятно вслѣдствіе такого увлеченія, готовясь быть инженеромъ, не могъ выдержать экзамена по математикѣ. Благодаря нѣкоторымъ связямъ, онъ поступилъ въ качествѣ офицера на службу Голландіи, воевавшей въ то время съ Австріей, но всѣ мечты о военной славѣ скоро распались: полкъ Макдональда былъ распущенъ вслѣдствіе заключеннаго мира, и молодой голландскій офицеръ, чтобы продолжать военную службу, долженъ былъ поступить юнкеромъ въ одинъ изъ французскихъ полковъ. Парады, ученія, маневры, инспекціи, все то, чѣмъ обыкновенно тяготятся старые офицеры, имѣло для Макдональда особую привлекательность; впрочемъ, фронтовая служба не мѣшала ему одновременно дополнять чтеніемъ свое военное образованіе. Военное призваніе оказалось признакомъ выдающихся военныхъ способностей, которыя были замѣчены его начальниками, и, между прочимъ, Дюмурье, командовавшимъ сѣверною арміей въ началѣ первыхъ революціонныхъ войнъ. Особенно отличившись въ сраженіи при Жемаппѣ, Макдональдъ въ теченіе 1793 года былъ произведенъ сначала въ полковники, а потомъ въ генералы, имѣя всего 28 лѣтъ отъ роду, но дальнѣйшую его военную карьеру нельзя назвать особенно счастливою. Дружба Дюмурье, который поссорился съ конвентомъ и предался врагамъ, едва не погубила его. Клеветы завистниковъ и принадлежность къ высшему сословію заставили подозрительно относиться къ нему комиссаровъ конвента, постоянно присылаемыхъ въ армію, и онъ уцѣлѣлъ только благодаря своему честному поведенію, добросовѣстному исполненію обязанностей и бросающимся въ глаза военнымъ дарованіямъ. Несмотря на законъ, удаляющій изъ арміи всѣхъ дворянъ, комиссары заставили его продолжать службу, угрожая ему въ противномъ случаѣ судомъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ отказались выдать ему письменное о томъ приказаніе, на которомъ онъ настаивалъ, опасаясь преслѣдованій въ будущемъ. Такимъ образомъ, Макдональду оставалось только новыми успѣхами обезпечить свое положеніе, и дѣйствительно военныя дѣйствія его въ

Голландіи, въ особенности операціи при переходѣ по льду черезъ рѣчку Вагалъ у крѣпости Нимвегенъ вызвали самыя лестныя похвалы со стороны новыхъ комиссаровъ, прибывшихъ въ армію. Но враги его продолжали посылать на него доносы въ Парижъ: всѣ комиссары пріѣзжали предубѣжденные противъ него, нѣкоторые изъ нихъ даже съ намѣреніемъ арестовать его и предать суду, но предубѣжденія эти скоро разсѣивались. Одинъ изъ нихъ при всѣхъ цѣловалъ его и увѣрялъ, что онъ всегда можетъ разсчитывать на него, но когда понадобилась его помощь, повернулся къ нему спиной, грубо замѣтивъ ему, что времена перемѣнились. Какими жалкими людьми представлены эти комиссары въ запискѣ Макдональда! Какіе мелкіе характеры, какое отсутствіе образованія, какая грубость! Только въ войскахъ, среди борьбы за родину образовывались характеры, но и здѣсь мы встрѣчаемся съ тою же завистью, съ тою же надменностью, съ тѣмъ же отсутствіемъ нравственныхъ правилъ, которыя характеризуютъ эту страшную эпоху. Вотъ какъ, напримѣръ, описываетъ Макдональдъ новаго своего начальника генерала Ожеро, [1] главнаго участника въ переворотѣ низложившемъ Конвентъ, снискавшаго себѣ военную славу въ итальянскомъ походѣ. Прибылъ онъ въ мундирѣ чуть ли не до сапогъ расшитомъ золотомъ. Найдя войска, находившіяся подъ начальствомъ Макдональда, въ полномъ порядкѣ, онъ, вмѣсто похвалы, строго замѣтилъ, что войска дисциплинированы по прусской методѣ и что онъ этому положитъ конецъ. Разсказывая при всѣхъ объ успѣхахъ итальянскаго похода, онъ восхвалялъ только самого себя, забывая о главномъ начальникѣ, который былъ никто иной какъ Наполеонъ, и въ виду простыхъ мундировъ сѣверной арміи, ставилъ въ примѣръ солдатъ итальянской арміи, между которыми не нашлось бы ни одного, у котораго не было бы золотыхъ часовъ и десяти лундоровъ въ карманѣ. Въ Италіи, куда Макдональдъ получилъ въ 1798 году приказаніе отправиться, встрѣтился онъ также съ разными затрудненіями. Французы занимали тогда Папскую область, обращенную въ республику. Ожидалась борьба не только съ организованными австрійскимъ генераломъ Макомъ неаполитанскими войсками, но и съ мѣстными жителями, готовыми во всякую минуту поднять знамя возстанія. Французскія силы были не велики. Командующій войсками былъ человѣкъ

[1] Впослѣдствіи маршалъ.

неспособный и слабый, завистливо относящійся къ военнымъ успѣхамъ Макдональда,—отсюда цѣлый рядъ столкновеній. Все это однако не помѣшало Макдональду разбить неаполитанскія войска, но плодами своихъ побѣдъ онъ не могъ воспользоваться вслѣдствіе распоряженій, совершенно расходившихся съ его взглядами. Это заставило его просить объ увольненіи; но каково было его удивленіе, когда онъ узналъ, что вмѣсто отставки онъ назначенъ командовать войсками въ Римъ вмѣсто впавшаго въ немилость своего начальника. Въ это время собирались тучи въ Ломбардіи: австро-русскія войска подъ начальствомъ Суворова двигались къ берегамъ Эча.

Генералъ Моро, находясь въ Генуѣ, командовалъ итальянскою арміей, а Макдональдъ, во главѣ арміи неаполитанской, охранялъ аппенинскіе проходы. Оба начальника условились въ опредѣленное время соединить свои арміи, чтобы дать отпоръ непріятелю. Двигаясь впередъ согласно уговору, Макдональдъ неожиданно встрѣтилъ предъ собою главныя силы Суворова. Не получая никакихъ извѣстій объ итальянской арміи и боясь отступить и тѣмъ дать возможность непріятелю устремиться на армію Моро, которая ожидалась съ часу на часъ, Макдональдъ рѣшился дать сраженіе, извѣстное по имени рѣчки, около которой оно происходило—Треббіи. Сначала успѣхъ склонялся на сторону Французовъ, несмотря на превосходство непріятельскихъ силъ, но на третій день они были отброшены и должны были занять прежнія позиціи, и хотя атаки Австрійцевъ и Русскихъ были отбиты, Французы все-таки возвратились въ Аппенины. Между тѣмъ Моро, вслѣдствіе нерѣшительности характера и интригъ окружающей его свиты, запоздалъ съ выполненіемъ плана и былъ такимъ образомъ главною причиной неудачи, которой способствовала, кромѣ того, вражда между обѣими французскими арміями, такъ какъ часть арміи Моро вошла передъ тѣмъ въ составъ неаполитанской. Удивительно, что Макдональдъ не оцѣнилъ военнаго генія Суворова: онъ отзывается о немъ, какъ о человѣкѣ болѣе храбромъ и оригинальномъ, нежели способномъ. Послѣ своей неудачи Макдональдъ, указавъ Директоріи на необходимость соединить обѣ арміи подъ начальствомъ одного генерала, просилъ о своемъ увольненіи. Его ходатайство было уважено, и онъ уѣхалъ въ Парижъ. Наполеонъ въ то время только-что возвратился изъ Египта и приготовлялъ переворотъ, извѣстный подъ именемъ 18 брюмера. Онъ пожелалъ узнать

Макдональда и выслушать отъ него всѣ подробности итальянскаго похода. Они встрѣтились запросто, за обѣдомъ у Моро, и сразу оцѣнили другъ друга. Послѣ переворота, въ которомъ и Макдональдъ принималъ участіе, ему было обѣщано командованіе одною изъ образуемыхъ армій, хотя обѣщаніе это не сразу было исполнено. Наконецъ назначеніе состоялось. Армія Макдональда должна была дѣйствовать въ Граубинденѣ и перейти Ретійскіе альпы, что и было ею блестящимъ образомъ исполнено, несмотря на всѣ трудности, представляемыя природой. Въ виду такого смѣлаго похода, Австрійцы должны были очистить южный Тироль, который и занятъ былъ Макдональдомъ. Послѣ мира, заключеннаго въ Люневиллѣ, Макдональдъ, въ качествѣ уполномоченнаго, былъ посланъ въ Копенгагенъ съ секретнымъ порученіемъ организовать защиту датской столицы и, отказавшись затѣмъ отъ мѣста посланника въ Петербургѣ, возвратился во Францію и поселился въ своемъ небольшомъ помѣстьѣ. Здѣсь прерывается на время боевая дѣятельность Макдональда. Онъ былъ какъ бы забытъ, и во время провозглашенія Имперіи не былъ возведенъ въ званіе маршала, на что имѣлъ однако всѣ права. Причину такой немилости Макдональдъ приписываетъ своимъ врагамъ, и главнымъ образомъ Талейрану, который хотѣлъ вовлечь его въ процессъ Моро и представилъ его въ глазахъ Наполеона, какъ противника его власти. Только въ 1809 году о немъ снова вспомнили. Онъ получилъ приказаніе отправиться въ распоряженіе принца Евгенія, командующаго итальянскою арміей. Прибылъ онъ туда какъ нельзя болѣе кстати: армія была только-что разбита Австрійцами и отступала въ безпорядкѣ. Принца и окружающихъ его генераловъ онъ нашелъ совершенно растерянными. Первымъ дѣломъ его было остановить отступленіе и заняться реорганизаціей военныхъ силъ. Положеніе было довольно щекотливое: Макдональдъ былъ посланъ руководить кампаніей не будучи главнымъ начальникомъ. Но прямая и благородная натура принца Евгенія облегчила ему его задачу. Принцъ иногда обнаруживалъ нерѣшительность и излишнюю осторожность, иногда останавливалъ движеніе войскъ вопреки дальновиднымъ указаніямъ Макдональда, но затѣмъ, убѣдившись въ своихъ ошибкахъ, не только терпѣливо выслушивалъ откровенныя замѣчанія его, но вполнѣ съ ними соглашался. Отношенія между ними все время оставались самыя дружескія. Послѣ цѣлаго ряда успѣховъ, армія прошла всю юго-западную

Австрію и направлялась къ Пешту, когда она была вдругъ вызвана обратно на лѣвый берегъ Дуная для соединенія съ арміей самого Наполеона, который овладѣлъ уже Вѣной и готовился нанести Австрійцамъ рѣшительный ударъ. Наступилъ день Ваграмскаго сраженія. Уже австрійскія войска врѣзывались въ центръ французской арміи, когда Макдональду было приказано двинуться впередъ, чтобъ остановить ихъ натискъ. Онъ понялъ сразу, какъ слѣдовало ему дѣйствовать, и блестящимъ маневромъ, образовавъ изъ своихъ войскъ прямоугольникъ, отбивалъ всѣ атаки Австрійцевъ. Замѣтивъ ихъ ослабленіе, онъ скоро самъ перешелъ въ наступленіе и тѣмъ рѣшилъ участь сраженія. Когда все было кончено, Наполеонъ, который до того ни слова не сказалъ Макдональду, еще весь взволнованный, прибылъ въ его лагерь. Онъ сердечно обнялъ его при всѣхъ и, вспоминая фразу Корнеля, сказалъ: „Будемъ друзьями". „На жизнь и на смерть", отвѣтилъ Макдональдъ. „Вы показали себя храбрецомъ", продолжалъ Наполеонъ, „вы только-что оказали мнѣ величайшую услугу, какъ впрочемъ, въ теченіе всей кампаніи, на вашемъ славномъ полѣ сраженія я возвожу васъ въ званіе французскаго маршала. вы уже давно это заслужили". Всѣ бросились къ герою дня, который былъ настоящимъ днемъ его тріумфа. Вскорѣ титулъ герцога Тарентскаго, высшее отличіе почетнаго легіона и шестьдесятъ тысячъ франковъ были новыми наградами за Ваграмъ, затѣмъ Макдональдъ возвратился въ Штирно, гдѣ, послѣ заключенія мира, мѣстная депутація, въ благодарность за примѣрную дисциплину, поддержанную имъ въ войскахъ, предложила ему крупный денежный подарокъ, отъ котораго безкорыстный Макдональдъ отказался, несмотря на то, что онъ никогда не былъ богатъ. Въ то время, когда другіе сподвижники Наполеона составляли себѣ милліонныя состоянія, Макдональдъ, несмотря на разныя обѣщанія, не получилъ ничего. Онъ не умѣлъ, или не желалъ выпрашивать.

Получивъ назначеніе въ Испанію, онъ тамъ пробылъ не долго: припадки подагры и лихорадки почти лишили его движенія ногъ, и онъ на костыляхъ долженъ былъ вернуться во Францію. Едва оправившись, онъ уже командовалъ корпусомъ, находящимся на лѣвомъ крылу великой арміи Наполеона, двигавшейся въ Россію. Занявъ Ригу и Динабургъ, онъ долженъ былъ ждать дальнѣйшихъ событій, а потому бездѣйствовать въ то время, когда Наполеонъ шелъ на Москву. Здѣсь застали его извѣстныя событія 1812 года. Наполеонъ, все отступая, послѣ перехода черезъ

Березину, открылъ себѣ наконецъ путь на Вильно, откуда поспѣшилъ возвратиться въ Парижъ. Магдональду пришлось, разумѣется, также отступать, отбиваясь отъ Русскихъ войскъ, его преслѣдовавшихъ. Перейдя Нѣманъ, онъ долженъ былъ потерять нѣсколько дней въ ожиданіи своего арьергарда, состоящаго исключительно изъ Пруссаковъ. Ожиданіе было напрасно, и онъ скоро узналъ, что прусскій генералъ герцогъ Іоркскій, командующій арьергардомъ, перешелъ на сторону Русскихъ. Почти ежедневно сражаясь съ преслѣдующимъ его непріятелемъ, Макдональдъ продолжалъ отступать на Кёнигсбергъ и Данцигъ, вопреки приказаніямъ Мюрата, которому Наполеонъ передалъ начальство надъ всѣми войсками. Несмотря на это, Мюратъ потребовалъ отъ Макдональда письменнаго изложенія его соображеній о томъ, что̀ слѣдовало предпринять въ данныхъ обстоятельствахъ. Макдональдъ совѣтовалъ отступать за Одеръ и очистить всѣ занятыя крѣпости по ту сторону этой рѣки, но планъ этотъ, требовавшій немедленнаго исполненія, былъ посланъ на утвержденіе Наполеона въ Парижъ и затѣмъ былъ отвергнутъ. Для образованія новыхъ корпусовъ Макдональдъ былъ самъ вызванъ въ Парижъ. При первой встрѣчѣ съ нимъ Наполеонъ вздрогнулъ и не сказалъ ему ни слова, но черезъ нѣсколько дней онъ опять призвалъ его и, сознавшись въ томъ, что ему представили его поведеніе въ совершенно превратномъ свѣтѣ, одобрилъ все, что̀ имъ было сдѣлано при отступленіи изъ Россіи. Во время этого совершенно искренняго разговора Макдональдъ нашелъ, между прочимъ, нужнымъ указать на ненадежность Австріи, на которую Наполеонъ разсчитывалъ въ виду родственныхъ отношеній.

Сжатый очеркъ начавшейся затѣмъ кампаніи 1813 года составленъ Макдональдомъ съ удивительною ясностью и искусствомъ. Это, можетъ-быть, лучшія страницы его „Воспоминаній“. На всякомъ шагу удивляешься живости разсказа старика, въ особенности въ виду того, что онъ не имѣлъ привычки перечитывать и поправлять имъ написанное.—Командовалъ онъ корпусомъ въ Саксоніи. Вскорѣ прибылъ туда и Наполеонъ, который поставилъ его во главѣ четырехъ корпусовъ. Несмотря на успѣхи, которыми открылась кампанія, среди войскъ начали уже обнаруживаться послѣдствія предыдущихъ несчастій, да и самъ Наполеонъ былъ уже не тотъ. Развѣ когда-нибудь прежде можно было ожидать отъ него приказанія стрѣлять по непріятельской кавалеріи, находившейся завѣдомо внѣ дѣйствія его

артиллеріи? Между тѣмъ, такое приказаніе было дано Наполеономъ около Бишофсворда несмотря на возраженіе Макдональда. Оставшись съ нимъ съ глаза на глазъ, онъ объявилъ ему, что случайное ядро можетъ все-таки задѣть одного изъ главныхъ начальниковъ, и что Моро, Дюрокъ и другіе были убиты именно такимъ образомъ. — Послѣ Лейпцигскаго пораженія начинается полная дезорганизація Французской арміи. Вмѣсто отступленія сначала за Одеръ, а потомъ за Рейнъ, какъ совѣтовалъ Макдональдъ, Наполеонъ думалъ только о томъ, какъ бы найти удобное мѣсто, чтобъ укрѣпиться. „Онъ окончательно погубитъ себя и насъ“, говорилъ Макдональду Мюратъ. Въ виду отсутствія продовольствія войска начинали грабить и никто ихъ въ томъ не останавливалъ. Макдональдъ одинъ говорилъ смѣло Наполеону всю правду и старался открыть ему глаза. „Что же мнѣ дѣлать“, отвѣчалъ Наполеонъ совершенно равнодушно, „меня болѣе не слушаются.“ Во время Лейпцигскаго сраженія Макдональду было приказано послать дивизію на помощь маршалу Ожеро, но дивизія возвратилась не найдя никого на указанномъ мѣстѣ. Черезъ нѣсколько дней самъ Ожеро разгласилъ Макдональду въ чемъ было дѣло и, говоря о Наполеонѣ, сказалъ: „Развѣ онъ знаетъ, что дѣлаетъ, развѣ вы не замѣтили, что среди послѣднихъ событій онъ совершенно потерялъ голову? Трусъ! Онъ самъ насъ оставилъ и насъ однихъ приноситъ въ жертву. Неужели вы меня почитали настолько безумнымъ или безразсуднымъ, чтобы поплатиться жизнью или попасть въ плѣнъ изъ-за какого-нибудь предмѣстья Лейпцига? Вамъ слѣдовало поступить такъ, какъ поступилъ я, то-есть уйти.“ — Около Ганау Наполеонъ и Макдональдъ осматривали позицію непріятеля. Въ это время ядро упало около нихъ, но никого не ранило. Наполеонъ немедленно сошелъ съ лошади и въ этотъ день никакъ нельзя было его уговорить оставить лѣсъ, за которымъ укрывались Французы. Макдональдъ тщетно добивался очистки крѣпостей съ цѣлью ослабить союзниковъ занятіемъ ихъ и дать возможность сосредоточить воедино всѣ разбросанныя французскія силы. Послѣдствіемъ такого упорства было то, что гарнизоны, отрѣзанные отъ арміи, по одиночкѣ сдавались непріятелю. Сообщенія съ Франціей были прерваны, и нужно было постоянно съ бою пробивать себѣ дорогу къ Рейну. Наполеонъ все питалъ себя надеждой, что союзники не рѣшатся до весны переправиться черезъ эту рѣку, и даже въ то время, когда они вступили уже

во Францію и двигались на Парижъ, онъ утверждалъ, что они отступаютъ и поворачиваютъ обратно къ Рейну. Макдональдъ, которому Наполеонъ передалъ главное начальствованіе войсками, никакъ не могъ убѣдить его въ противномъ, и только дальнѣйшія движенія непріятеля разсѣяли его ожиданія. Ему теперь оставалось только одно: броситься въ Альзасъ и Лотарингію, и соединивъ остатки арміи, безпокоить непріятеля съ тыла. Таковы были совѣты Макдональда, но онъ ихъ выслушивалъ, сознавая ихъ правильность, и все-таки не рѣшился имъ послѣдовать. Среди такихъ обстоятельствъ, положеніе Макдональда, какъ командующаго войсками, было весьма затруднительно, несмотря на то, что одинъ онъ не терялъ бодрости и присутствія духа и его одного только выслушивалъ спокойно Наполеонъ, но что могъ сдѣлать, при данныхъ условіяхъ, одинъ человѣкъ? Наконецъ разнесся слухъ о занятіи союзниками Парижа. Наполеонъ, опередивъ свою армію, находился тогда въ Фонтенебло. Извѣстіе о взятіи столицы произвело потрясающее дѣйствіе на войска: солдаты начали самовольно возвращаться по домамъ, многіе изъ офицеровъ и начальствующихъ передавались только что образованному въ Парижѣ временному правительству, всѣ были утомлены и жаждали только мира. Между тѣмъ ходили слухи о томъ, что Наполеонъ имѣетъ намѣреніе попытаться изгнать непріятеля изъ Парижа. Тогда депутація отъ арміи прямо обратилась къ Макдональду, прося его представить императору настоящее положеніе вещей, и убѣдить его, что пришло время положить всему конецъ, такъ какъ всѣмъ уже надоѣло драться и никто не желаетъ способствовать новымъ несчастіямъ и подвергнуть Парижъ участи Москвы. Макдональдъ, прибывъ къ Наполеону съ этимъ порученіемъ, нашелъ его, вопреки ожиданію, спокойнымъ и привѣтливымъ. Онъ уже зналъ, что союзники не желали болѣе вести съ нимъ переговоровъ и потому рѣшился отречься отъ престола. Замѣтно было, впрочемъ, что намѣреніе двинуться на Парижъ все-таки не покидало его. Макдональдъ и три другіе маршала, скорѣе въ качествѣ коммиссаровъ отъ арміи, нежели какъ уполномоченные Наполеона, отправились въ Парижъ условиться о перемиріи. Нужно прочесть самыя „Воспоминанія“, чтобы составить себѣ полную картину этихъ сложныхъ переговоровъ, происходившихъ, главнымъ образомъ, между Макдональдомъ и императоромъ Александромъ, этими, почти единственными, возвышенными характерами того времени. Императоръ Александръ

представлялъ собою образецъ великодушія и снисходительности къ побѣжденнымъ рядомъ съ королемъ Прусскимъ и наслѣдными принцами Великобританскими, которые осыпали коммиссаровъ самыми горькими упреками. Макдональдъ, до конца вѣрный своему дѣлу, дѣйствовалъ исключительно въ интересахъ Наполеона и арміи въ то время, когда другіе маршалы обнаруживали непростительныя слабости. Маршалъ Мармонъ самовольно, безъ всякаго уполномочія, вошелъ въ сношенія съ главнокомандующимъ непріятельскою арміей, что имѣло своимъ послѣдствіемъ то, что командуемый имъ корпусъ неожиданно сдался союзникамъ. Маршалъ Ней, помимо своихъ товарищей, поспѣшилъ снискать расположеніе императора Александра и Талейрана передачей имъ въ письмѣ всего того, что происходило во время самыхъ интимныхъ разговоровъ съ Наполеономъ, у котораго онъ въ то же самое время выманилъ еще послѣдніе пятнадцать тысячъ франковъ на поѣздку въ Парижъ. Временное правительство въ Парижѣ и союзники все еще опасались остатковъ великой арміи, и эти обстоятельства располагали ихъ къ уступкамъ, но предложеніе о регентствѣ императрицы было ими отвергнуто. Когда все было условлено, и демаркаціонная линія опредѣлена на картѣ рукою самого Макдональда и одобрена императоромъ Александромъ, были посланы инструкціи для приведенія въ исполненіе условій перемирія. Главнокомандующій князь Шварценбергъ изготовилъ письменныя приказанія, въ которыхъ демаркаціонная линія оказалась измѣненною въ ущербъ французской арміи. Макдональдъ совершенно случайно это замѣтилъ, но Шварценбергъ упорно отрицалъ неточность. Подлинную карту никакъ не могли разыскать и она появилась только тогда, когда Макдональдъ объявилъ, что прерываетъ переговоръ и возвращается обратно къ Наполеону. Обозрѣніе подлинной карты разрѣшило, разумѣется, споръ въ пользу Макдональда. Наполеонъ казался все время спокойнымъ и бодрымъ; его даже съ трудомъ разбудили, когда маршалы возвратились послѣ своего перваго свиданія съ императоромъ Александромъ. Только послѣ окончательной ратификаціи акта отреченія Макдональдъ нашелъ его измѣнившимся послѣ безсонной ночи, съ желто-алявковымъ цвѣтомъ лица; онъ былъ погруженъ въ задумчивость, и нужно было нѣсколько разъ напомнить ему, что коммиссары ожидаютъ актъ для доставленія ихъ къ назначенному сроку. Это послѣднее свиданіе Макдональда съ Наполеономъ было весьма трогательно. Наполеонъ

выразилъ ему свою благодарность за его полные самопожертвованія труды во время переговоровъ. „Я васъ плохо зналъ“, сказалъ онъ, „меня возстановляли противъ васъ. Я такъ много сдѣлалъ для тѣхъ, которые оставили меня, а вы остались до конца мнѣ вѣрными, несмотря на то, что ничѣмъ мнѣ не обязаны“. Сознавая затѣмъ, что онъ ничѣмъ, кромѣ словъ, не можетъ отблагодарить его, онъ все-таки просилъ его, въ знакъ памяти и дружбы, принять отъ него саблю Мурата-Бея, которая была при немъ во время битвы при Ваворѣ. Послѣ того они уже болѣе никогда не видались. Отреченіе Наполеона освобождало Макдональда отъ данной ему присяги, и позволило признать новый порядокъ вещей, то-есть возстановленіе бурбонской династіи въ лицѣ короля Лудовика XVIII. Служилъ онъ Бурбонамъ столь же вѣрно, какъ и предшествовавшему правительству, и возвращеніе Наполеона съ острова Эльбы нисколько не поколебало его. Лудовикъ XVIII и графъ Артуа [1] относились къ нему чрезвычайно милостиво, и дорожили его совѣтами и опытностью; откровенность его имъ нравилась и Лудовикъ XVIII называлъ его „mon très véridique.“

Онъ былъ назначенъ пэромъ и вмѣстѣ съ тѣмъ командующимъ однимъ изъ военныхъ округовъ. Между тѣмъ недовѣріе, оказываемое арміи, интриги возвратившихся эмигрантовъ, окружавшихъ дворъ, раздача мѣстъ и орденовъ исключительно прежнимъ роялистамъ, оскорбляли войска и подготовляли то настроеніе, которое позволило Наполеону снова возвратиться къ власти. Какъ только Макдональдъ узналъ о высадкѣ его, онъ немедленно отправился въ Ліонъ, гдѣ въ то время находился графъ Артуа, и принялъ начальство подъ мѣстными войсками. Но все краснорѣчіе его и вліяніе, которымъ онъ пользовался среди военныхъ, не могли убѣдить не только солдатъ и офицеровъ, но даже нѣкоторыхъ генераловъ, остаться вѣрными Бурбонамъ. Какъ только появился авангардъ Наполеона, они немедленно перешли на его сторону, и Макдональдъ, котораго они хотѣли задержать силой, едва могъ ускакать по дорогѣ въ Парижъ. Лудовикъ XVIII не сознавалъ еще всей опасности. Въ разговорѣ съ нимъ Макдональдъ спросилъ, куда онъ намѣренъ удалиться въ томъ случаѣ, если нельзя будетъ разсчитывать на войска и ему придется покинуть столицу. „Но мы еще до того не дошли“, отвѣчалъ король.

---

[1] Впослѣдствіи король Карлъ X.

Наполеонъ тѣмъ временемъ приближался къ Парижу и число его приверженцевъ все росло. Король думалъ сначала направиться въ Вандею, но вслѣдствіе возраженій Макдональда рѣшился избрать своимъ мѣстопребываніемъ городъ Лиль, гдѣ онъ имѣлъ много сторонниковъ и гдѣ близость сѣверной границы представляла болѣе безопасности. Войска, между тѣмъ, все продолжали переходить на сторону Наполеона. Стало ясно, что на нихъ нельзя было болѣе полагаться, и король вынужденъ былъ поспѣшно оставить Парижъ. Макдональдъ нагналъ его на дорогѣ и сопровождалъ его до Лиля. Король былъ принятъ населеніемъ съ восторгомъ, но войска и здѣсь оказались не надежными, а потому король, послѣ разныхъ колебаній, рѣшился переѣхать черезъ границу и остановиться въ Гентѣ. Въ виду такого рѣшенія, которому Макдональдъ не сочувствовалъ, и не желая оставить родины и прослыть эмигрантомъ, онъ просилъ у короля дозволенія остаться во Франціи; онъ предвидѣлъ, кромѣ того, что успѣхъ Наполеона могъ быть только временный, и что передъ соединенными силами Европы раздѣленная внутри Франція не можетъ долго устоять. Король понялъ всю силу этихъ доводовъ и не удерживалъ его. Они простились на самой границѣ. „До свиданія, ваше величество, черезъ три мѣсяца“, сказалъ ему Макдональдъ на прощаніе.

По дорогѣ въ свое имѣніе, въ которомъ намѣревался поселиться, Макдональдъ остановился въ Парижѣ, уже занятомъ Наполеономъ. Въ виду прежней дѣятельности и оказанныхъ услугъ, ему лично нечего было бояться. Кромѣ двухъ, трехъ друзей онъ никого до себя не допускалъ. Между тѣмъ Наполеонъ, узнавъ о его пребываніи, дважды посылалъ къ нему, требуя личнаго съ нимъ свиданія, но Макдональдъ, не желая съ нимъ встрѣчаться, поручилъ передать ему, что онъ былъ ему вѣренъ до его отреченія, и что въ настоящее время онъ принялъ на себя другія обязательства, которыхъ не намѣренъ нарушать. Болѣзнь задержала Макдональда въ Парижѣ; онъ не успѣлъ доѣхать до своего имѣнія, какъ узналъ о сраженіи при Ватерло и о послѣдовавшемъ новомъ отреченіи Наполеона.

Временное правительство въ Парижѣ приглашало его, въ числѣ другихъ генераловъ, принять участіе въ совѣщаніяхъ о тѣхъ мѣрахъ, которыя слѣдовало принять, но онъ отъ этихъ совѣщаній уклонился. Только тогда, когда была подписана капитуляція Парижа, онъ рѣшился отъ имени короля войти въ сношеніе съ

Фуше, однимъ изъ самыхъ вліятельныхъ членовъ временнаго правительства. Французская армія перешла за Луару; ею командовалъ маршалъ Даву, бывшій военный министръ Наполеона, рѣшившійся предоставить ее въ распоряженіе короля. Фуше также перешелъ на сторону Бурбоновъ, и Людовикъ XVIII могъ снова вступить въ свою столицу. Макдональдъ выѣхалъ къ нему на встрѣчу. Здѣсь предложено ему было военное министерство, отъ котораго онъ отказался, предвидя мѣры строгости, которыя онъ не желалъ приводить въ исполненіе. Король едва могъ его уговорить принять на себя должность канцлера почетнаго легіона. Король въ этомъ случаѣ дѣйствовалъ по внушенію Талейрана, признавшаго Макдональда человѣкомъ для себя неудобнымъ на всякомъ другомъ поприщѣ. Напослѣдокъ Макдональду пришлось исполнить еще одно для него весьма тяжелое порученіе. Даву, заставившій армію присягнуть королю, подалъ въ отставку, и Макдональда уговорили принять начальство съ тѣмъ, чтобы мало-по-малу распустить армію и сочетать ее съ новыми элементами; на него разсчитывали въ виду авторитета, которымъ онъ пользовался между войсками. Почти одновременно состоялось распоряженіе, въ силу котораго многіе изъ офицеровъ и генераловъ, передавшихся Наполеону, должны были подвергнуться суду или быть изгнанными изъ Франціи. Когда прибыли переодѣтые агенты охраны чтобъ арестовать указанныхъ въ заранѣе составленномъ спискѣ лицъ, они уже никого не нашли на мѣстѣ: Макдональдъ черезъ Даву предупредилъ ихъ и посовѣтывалъ скрыться. Агенты упрекали Макдональда. „Да вы должны благодарить меня“, отвѣчалъ онъ, „задержавъ нѣкоторое время васъ у себя, я васъ спасъ отъ опасности, вамъ угрожавшей въ томъ случаѣ, еслибъ узнали о вашемъ переодѣваніи“.—„Мы бы не побоялись этой опасности“, возразили агенты. „Въ такомъ случаѣ зачѣмъ же вы явились всѣ переодѣтыми?“ замѣтилъ имъ Макдональдъ, и тѣмъ заставилъ ихъ замолчать. Правительство прошло это обстоятельство полнымъ молчаніемъ.

Продолжая исполнять возложенное на него порученіе, Макдональдъ старался успокоить броженіе умовъ, утѣшалъ однихъ, обнадеживалъ другихъ, и армія распускалась среди полнаго спокойствія. Тяжело было Макдональду видѣть какъ понемногу исчезало это великое и славное войско. Новый порядокъ окончательно утверждался: многія изъ прежнихъ ошибокъ были исправлены и откровенныя указанія Макдональда въ первыя вре-

мена реставраціи не прошли безслѣдно. Здѣсь прекращается военная дѣятельность нашего героя. Оканчиваетъ онъ свои „Воспоминанія“ забавнымъ анекдотомъ, очень вѣрно его характеризующимъ. Графъ Артуа, сидя съ ними разъ за столомъ, какъ-то вздумалъ спросить его, отчего онъ, въ числѣ другихъ, не эмигрировалъ въ началѣ революціи. „Я былъ влюбленъ и собирался жениться“, отвѣчаетъ Макдональдъ; „кромѣ того“, прибавилъ онъ, „я обожалъ революцію“. Графъ Артуа перемѣнился въ лицѣ. „Я презиралъ ея дѣятелей, и ихъ преступныя дѣянія“, поспѣшилъ успокоить его Макдональдъ, „армія никогда не принимала въ нихъ участія, она не оглядывалась назадъ, имѣя всегда передъ собою непріятеля. Какъ же мнѣ не обожать революціи: она меня воспитала и возвысила, безъ нея я не имѣлъ-бы чести завтракать теперь за столомъ рядомъ съ вашимъ высочествомъ.“ Графъ Артуа, къ которому возвратилось его прежнее веселое настроеніе, ударилъ его по плечу и сказалъ: „И вы хорошо сдѣлали, я люблю вашу откровенность“.—Да, эта откровенность во многомъ повредила карьерѣ Макдональда среди смутнаго времени, въ которое ему пришлось жить, но она же отъ многаго охранила его, обезоруживая подозрительныхъ его недоброжелателей.

О своей семейной жизни Макдональдъ почти ничего не говоритъ въ своихъ „Воспоминаніяхъ“. Онъ былъ три раза женатъ и все-таки умеръ вдовцомъ въ 1831 году. Онъ до смерти своей состоялъ канцлеромъ Почетнаго Легіона и находился совершенно въ сторонѣ отъ политики.

Димитрій Гессе.

Вѣна.
29—17 мая 1892 г.

Alexander Michie.—*Missionaries in China*, London. 1891.

Еще недавно европейская печать много распространялась о волненіяхъ въ Китаѣ противъ христіанъ. Ходили толки о рѣзнѣ; извѣстно было о разрушеніи англійскаго консульства въ Вуху, объ уничтоженіи миссіонерскихъ центровъ на Голубой Рѣкѣ, о нападеніи на врача-проповѣдника Грейга въ Гиринѣ, въ Маньчжуріи и т. д. Авторъ, находившійся въ то время въ Тянь-цзинѣ, и до того еще хорошо знакомый съ краемъ, сообщаетъ домой въ Англію, каково положеніе дѣлъ, и съ этой точки зрѣнія книга его представляетъ немалый интересъ. Положеніе оказывается близкимъ къ безнадежности. Взрывъ народныхъ протестовъ, въ которыхъ принимали участіе и чиновники, и дѣти, убѣдительно и грубо подтвердилъ глубоко-непріязненныя чувства цѣлаго населенія къ дѣйствіямъ и стремленіямъ западныхъ миссіонеровъ. Они навязаны странѣ силой договоровъ и угрозъ, вмѣшиваются въ ея внутреннюю жизнь, консульскимъ флагомъ и страхомъ передъ чужими канонирками прикрываютъ всѣ свои поступки, быть-можетъ, вызываемые ревностью, но далеко не остающіеся въ предѣлахъ мѣстной законности. Это представляется униженіемъ націи, которую хотятъ просвѣтить. Европейцы говорятъ: „мы проповѣдуемъ, чтобы васъ-язычниковъ сдѣлать нравственными“, а между тѣмъ, на дальнемъ Востокѣ представителями нашей культуры преимущественно являются авантюристы, люди наживы и порока. Чернь видитъ и проникается враждебнымъ настроеніемъ. Образованные Китайцы понимаютъ и ненавидятъ высокомѣрныхъ пришельцевъ. Народъ до крайности миролюбивъ и ужь если онъ способенъ открыто возмущаться, значитъ есть важная причина. Всякая вѣра искони свободно миссіонерствовала въ Небесной имперіи. Тамъ прививались буддизмъ, исламъ. Исключительно религіозный фанатизмъ почти не существовалъ. Отчего же такъ нелюбы

подданнымъ богдыхана проповѣдники съ Запада? Мячи просто ставитъ вопросы. Отвѣты его проливаютъ много свѣта на отношеніе заморской цивилизаціи къ мнимо-неподвижному Китаю. Онъ усматриваетъ въ ней яркія отрицательныя стороны, инстинктивно боится иноплеменныхъ обыкновеній, считаетъ пришлыхъ „варваровъ“, по своему, великими волшебниками. А тѣ какъ на зло принимаются въ имперіи за врачеваніе, за благотворительность. Монахини посвящаютъ себя созданію орфелинатовъ. Младенцы, изнуренные отъ самаго рожденія, усиленно мрутъ. Толпа требуетъ, чтобы трупики отрывали, пзлѣдовали. Иначе христіанки подозрѣваются въ пзготовленіи адскихъ чаръ. У какого-то доктора слуги замѣтили зародышъ въ банкѣ. Околотокъ пришелъ въ ужасъ. Суевѣрные взгляды даже сравнительно развитаго класса пріурочиваютъ счастіе и несчастіе къ вліяніямъ мѣстности. Появленіе миссіонерскаго жилища, построеніе часовни—цѣлое событіе для окружающихъ жителей; что-то будетъ? Какихъ бѣдствій ждать? Одинъ Англичанинъ-проповѣдникъ, къ которому обратился почтенный Китаецъ съ просьбой переселиться съ уплатой значительной суммы,—потребовалъ въ пятнадцать разъ больше, чѣмъ стопло осѣсться, проспли же Европейца уѣхать, потому что таинственныя примѣты указывали сосѣдямъ на него, какъ на виновника бѣдствій. Они не прибѣгали къ саморасправѣ, а предлагали откупиться. Миссіонеръ счелъ удобнымъ запросить неслыханную цѣну, хотя ему принципіально слѣдовало отказаться отъ платы за угоду суевѣріямъ, пли попросту, уйдя, не раздражать туземцевъ. Но ихъ вообще раздражаютъ нескрываемымъ пренебреженіемъ, нетерпимостью къ ихъ жизненному строю, нападками на ихъ завѣтнѣйшую святыню. Культу предковъ прямо объявлена война. Удивляться ли результатамъ?

Кн. Э. Ухтомскій.

Раскопки Шлимана.

Въ Трою, Тиринѳъ, Микены, Орхоменосъ, Итакѣ подъ освѣщеніемъ современной науки составлено Dr. Карломъ Шухгардъ. Съ двумя портретами: Шлимана съ супругой. 7 картъ и планы и 321 снимокъ. 2-е улучш. и дополн. изд. б. 8°. 4—05 стр. Лейпцигъ, Ф. А. Брокгаузъ, 1891.

Эту превосходную книгу, потребовавшую въ теченіе года двухъ изданій, можно особенно рекомендовать высшимъ школамъ и образованной публикѣ, желающей ознакомиться со всею совокупностью удивительныхъ находокъ Шлимана. Оригинальное сочиненіе Шлимана слишкомъ объемисто и слишкомъ дорого для гимназическихъ библіотекъ, для старшихъ учителей, такъ же какъ для большей публики; настоящій сводъ содержитъ сущность большихъ Шлимановыхъ сочиненій съ расширеніями, дѣлаемыми по его изданіямъ находокъ и вмѣстѣ съ тѣмъ доступно каждому и скромному бюджету частныхъ лицъ. Авторъ, директоръ Кестнеровскаго музея въ Ганноверѣ, принималъ личное участіе въ раскопкахъ при Пергамѣ въ 1886 году, онъ знаетъ малоазіятскія мѣста находокъ, какъ и Грецію и большіе европейскіе музеи; его мнѣнія во сколько они переходятъ мнѣнія Шлимана, поэтому мнѣнія компетентнаго изслѣдователя, знающаго по личному опыту изображаемыя имъ вещи. Внѣшній видъ книги, такъ же какъ и рисунки на деревѣ по цѣнѣ прекрасны; для желающихъ дѣлать спеціальныя изслѣдованія приложенъ сводъ рисунковъ, не взятыхъ изъ сочиненія Шлимана, но изображающихъ новѣйшіе рисунки, указывая постоянно современныя изданія или книгу, изъ которыхъ новыя картины взяты.

Мнѣнія Шухарта о Гомерѣ и о греческихъ былинахъ, изображаемой осады и уничтоженіе Трои, весьма интересны. Греческія племена соединились въ одинъ морской союзъ, обусловленный распространеніемъ микинской культуры. Этотъ союзъ, стре-

мящійся къ дальнѣйшему усиленію своей торговли и своего господства, могъ бы причинить много затрудненія, господствующая на мало-азіятскомъ берегу и особенно надъ входомъ въ Мраморное и Черное море гордая столица земли Троянской. Побѣда надъ этими затрудненіями, то-есть взятіе и разрушеніе Трои, было дѣломъ большой важности для болѣе тѣснаго единенія греческихъ племенъ, какъ оно началось въ морскомъ союзѣ точно такъ, какъ война 1870 года для основанія нѣмецкой имперіи (стр. 386 Dr. Германъ Брунгоферъ).

Восточная литература и наука языковѣдѣнія.

1) *Библіотека Sanscrita or Catalogue of New and Second-Hand Books on Sanscrit Literature* 8° 64 стр. London. Kegan Paul, Trench, Trubner & C°, Limitet 57 and 59 Ludgate Hill, London, E. C. 2) *Oriendal Catalogue № II of New and Second-Hand Borkes on Sale at Kegan Paul, Trench, Trubner & C°*, Limitet, London, Paternorln Honse, Charinz Cross Bond. W. C. 8° 36 стр.

Въ странѣ, какъ Россія, которая болѣе близкая сосѣдка съ Индіей, чѣмъ какая-либо другая цивилизованная великая держава, кажется естественнымъ, полезнымъ и нужнымъ заниматься всегда съ вниманіемъ языкомъ, литературою, исторіею и культурою великихъ сосѣднихъ государствъ. Ни одинъ благоразумный человѣкъ въ Россіи не думаетъ о покореніи Индіи, но ужь долгъ вѣжливости приказываетъ интересоваться бытовыми обычаями и условіями великаго сосѣдняго индійскаго народа. Наличность книжной торговли по отношенію всего относящагося къ Индіи находится въ теченіе десятковъ лѣтъ въ рукахъ міровой фирмы Трюбнеръ и компаніи. Обхватывающая весь свѣтъ дѣятельность этой фирмы не ограничивается одною Индіей и другими англійскими колоніями, но распространяется на всѣ страны земнаго шара внѣ германскаго-романскаго міра въ Европѣ. И именно громадная область языковѣдѣнія и поэтической литературы берется въ кругъ дѣятельности этой фирмы. Фирма Трубнера и комп., въ теченіе десятковъ лѣтъ, издавала не только видный рядъ грамматикъ европейскихъ и не европейскихъ языковъ, но она имѣетъ въ своемъ складѣ всѣ изданія издательныхъ фирмъ всего міра, такъ что, если гдѣ-нибудь въ неевропейскихъ странахъ

издается что-либо изъ области грамматикъ, словарей или изящной литературы, сейчасъ оно можетъ быть заказано у Трюбнеръ въ Лондонѣ. Она стала, такъ-сказать, международнымъ учрежденіемъ и складомъ всякаго внѣ европейскаго языковѣдѣнія и поэзіи.

Два новѣйшіе каталога этой фирмы опять, какъ прежде, издаваемые цѣнны равно съ точки зрѣнія чисто-практической книжной торговли, какъ и науки и литературы. Не только покупатели книгъ, но и ученые спеціалисты привѣтствуютъ ихъ. Интересъ покупателей книгъ требуетъ удобной доставки рѣдкихъ не европейскихъ изданій, ученый спеціалистъ желаетъ имѣть указанія на массу внѣ европейскихъ, особенно восточно-азіятскихъ языковъ и литературъ. Такимъ образомъ, эти два каталога пріобрѣтаютъ значеніе руководствъ по литературамъ санскритской, китайской, японской.

„Библіотека Сапскрита помѣщаетъ, напримѣръ, исключительно литературу Веды (5 стр.), индѣйскаго эпоса (Магабарата, Рамайяна и Пураиасъ) (5½ страницъ), разныя изданія и сочиненія поэта Калидазы (3 страницы), индѣйскую правовую литературу со сводомъ законовъ Ману (на 3 страницахъ), естественную науку и математику (на 1½ стр.) и также медицину (на 1½ стр.), наконецъ, и литературу индѣйскихъ надписей (на 1 страницѣ).

Каталогъ о восточно-азіятской литературѣ и языковѣдѣніи даетъ тоже богатый обзоръ о грамматикахъ, словаряхъ и сочиненіяхъ, объ языкахъ, діалектахъ и литературѣ Китая, Японіи, Задней Индіи, но ни Кореи, ни Манджуріи, ни Монголіи.

Въ обоихъ каталогахъ мы находимъ европейскіе комментаріи и переводную литературу, относящіяся къ великимъ духовнымъ мірамъ южно и восточно-азіятскимъ, сверхъ того списки занимающихся этими языками и литературой новременныхъ изданій.

Читающій эти каталоги хоть бѣгло исполнится удивленіемъ громадной дѣятельности англійскаго ума въ области внѣ европейскихъ языковъ и литературъ, превосходящей дѣятельность всѣхъ вмѣстѣ взятыхъ европейскихъ культурныхъ народовъ.

Фирма Kegan Paul, Trensh, Trubner и compaпie согласна переслать покупателямъ книгъ свои каталоги даромъ.

Къ случаѣ изданія новыхъ каталоговъ этой міровой фирмы, мы опять къ нимъ вернемся.

Др. Германъ Бруннгоферъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Томъ третій.

МАЙ.

Стр.

Старые счеты. Повѣсть. Конецъ первой части. Гл. VI—VIII. **Н. Д. Ахшарумова** 5

Въ Туркменіи. (Путевые очерки.) Гл. IV—VII. **Е. Л. Маркова**..... 47

По Святой Землѣ. Гл. VII—IX. **М. П. Соловьева**..... 110

Стихотвореніе. **Z.**..... 149

Отольются волку овечьи слезки. (Посвящается графинѣ Аннѣ Христофоровнѣ Деляновой.) **Графиня Лидія Андреевна Ростопчина**..... 150

Чернильное пятно. Соч. **Рене Базена.** (Переводъ съ французскаго.)..... 181

Заразныя болѣзни въ Москвѣ. Гл. II. **А. Г. Петровскаго**... 234

Наши иллюстраторы. Гл. I—VII. **С. Васильева**..... 252

Къ исторіи окраинно-русскаго быта и колонизаціи XVII—XVIII вѣка. **И. И. Дубасова**..... 269

Роза Четиньи. Романъ **Е. Вальдъ-Зедвица.** (Переводъ съ нѣмецкаго.) Гл. IV—V..... 292

Воздухоплаваніе и управляемые аэростаты. **Кн. Д. Н. Цертелева**..... 323

Письма изъ Парижа. (Спеціальная корреспонденція.) Письмо V. **Г. Вельшингера**..... 336

Музыкальное обозрѣніе. **Н. Д. Кашкина**..... 348

Современная лѣтопись. Золотая свадьба короля Христіана и королевы Луизы.—Анархисты и отношеніе къ нимъ печати.—Прусскіе аэростаты.—По поводу отчета гр. Бобринскаго.—Генералъ Грессъ.—Толки о виталинѣ. 354

Экономическое обозрѣніе. **Л. Н. Воронова**..... 377

Критика и библіографія:

1) I. *Русскій Художественный Архивъ.* 1892, годъ первый, выпуски 1 и 2. II. *Голодному на хлѣбъ.* Альбомъ автографовъ, писателей, художниковъ, артистовъ и общественныхъ дѣятелей. Изданіе газеты *Русская Жизнь* въ пользу голодающихъ. С.-Петербургъ, 1892. **С. Васильева**..... 399

2) Учебники зоологіи для высшихъ учебныхъ заведеній, изданные въ Россіи. **Н. Ю. Зографа**..... 414
3) I. *Сборникъ Императорскаго Русскаго Историческаго Общества* Т. 78—81. Спб. 1892. II. *Журналы Комитета Министровъ*. Т. I и II. Спб. 1891. **П. В. Безобразова**..... 430
4) *Неурожай и народное бѣдствіе*. С.-Петербургъ. Цѣна 2 рубля. **Л. Н. Воронова**..... 444

ІЮНЬ.

Въ Туркменіи. (Путевые очерки.) Гл. VIII—X. **Е. Л. Маркова**. *(Окончаніе.)*..... 453
Новая Сандрильона. Романъ. (Изъ современныхъ французскихъ нравовъ.) Гл. XXI—XXIV. **Гр. Е. А. Саліаса**.. 508
Графъ Михаилъ Николаевичъ Муравьевъ (Виленскій) въ главнѣйшія эпохи дѣятельности, государственной и общественной. По новѣйшимъ библіографическимъ даннымъ. **Князя Н. К. Имеретинскаго**..... 530
Стихотвореніе. **Виктора Мюра**..... 571
Голодъ у животныхъ и его вліяніе на прогрессъ и регрессъ ихъ развитія. **Н. Ю. Зографа**..... 572
Старые счеты. Повѣсть. Часть вторая. Гл. IX—XII. **Н. Д. Ахшарумова**..... 594
Наши иллюстраторы. *(Продолженіе.)* Гл. VIII—XI. **С. Васильева**..... 622
Сельско-хозяйственные вопросы. Гл. IX. **С. А. Ермолова**.. 642
Чернильное пятно. Соч. **Рене Базена**. (Переводъ съ французскаго.)..... 677
Заразныя болѣзни въ Москвѣ. Гл. III. *(Окончаніе.)* **А. Г. Петровскаго**..... 748
Роза изъ Цетиньи. Романъ. **Е. Вальдъ-Зевица**. (Переводъ съ нѣмецкаго.) Гл. VII—VIII..... 761
Музыкальное обозрѣніе. **Н. Д. Кашкина**..... 784
Современная лѣтопись. Свиданіе Государя Императора съ императоромъ Германскимъ и поѣздка Великаго Князя Константина Константиновича въ Нанси. — Князь Бисмаркъ и графъ Капривп.—Появленіе холеры въ предѣлахъ Россіи..... 789
Экономическое обозрѣніе. **Л. Н. Воронова**..... 794

Критика и библіографія:

1) *Журналы Комитета Министровъ.* Т. I и II. Спб. 1891. *(Окончаніе.)* **П. В. Безобразова**..... 826

2) I. *Сочиненія М. В. Ломоносова*, съ объяснительными примѣчаніями академика М. И. Сухомлинова. Изданіе Императорской Академіи Наукъ. Томъ первый. Съ портретомъ. С.-Петербургъ, 1891 (XVIII+320+503). II. *Гоѳолія* (Athalie), трагедія Ж. Расина, въ 5 дѣйствіяхъ, въ стихахъ (1691). Переводъ съ французскаго, размѣромъ подлинника. Льва Поливанова. Москва, 1892 (CLXI+XI+88). **С. Васильева.** 843

3) Маршалъ Макдональдъ и его „Воспоминанія". *Souvenirs du Maréchal Macdonald, duc d. Tarente.* Paris. 1892. **Д. Гессе**..... 863

4) Alexander Michie. *Missionaries in China.* London. 1891. **Кн. Э. Э. Ухтомскаго**..... 877

5) I. Раскопки Шлимана. *Въ Троѣ, Тиринѳѣ, Микенѣ, Орхоменосѣ. Итакѣ подъ освѣщеніемъ современной науки* составлено Dr. Карломъ Шухгардъ. Съ двумя портретами: Шлимана съ супругой. 7 картъ и планы и 321 снимокъ. 2-е улучш. и дополн. изд. б. 8°.4—05 стр. Лейпцигъ, Ф. А. Брокгаузъ. 1891. II. Восточная литература и наука языковѣдѣнія. 1) *Bibliotheca Sanscrita or Catalogue of New and Second-Hand Books on Sanscrit Literature* 8° 64 стр. London, Kegan Paul, Trench, Trubner & C°, Limitet 57 and 59 Ludgate Hill, London, E. C. 2) *Oriendal Catalogue № II of New and Second-Hand Bookes on Sale at Kegan Paul, Trench, Trubner & C°*, Limitet, London, Paternorln Honse, Charinz Cross Bond. W. C. 8° 36 стр. **Dr. Германа Брунгофера**..... 879

AP
50
R86
g.3
June

Russkoe obozrienie

PLEASE DO NOT REMOVE
CARDS OR SLIPS FROM THIS POCKET

UNIVERSITY OF TORONTO LIBRARY